Революционное движение

в капиталистических странах во время и после мировой войны

Леннартиздат
1933

Институт Истории Ленинградского Отделения Комакадемии

ЕК33
Р226

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

ТОМ I

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

(1914 — 1918 гг.)

под редакцией
Г. ЗАЙДЕЛЯ, Л. РАЙСКОГО, И. ФЕНДЕЛЯ

1ЭК3

ЛЕНПАРТИЗДАТ • 1933 • ЛЕНИНГРАД

П-04
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2009
89
ЕК33
Р226
Р
СССР. ИНСТИТУТ К. Маркса и Ф. Энгельса
44333
сф 9663
44333
4

2-я типография Трансжелдориздата им. Лоханкова.—Ленинград, ул. Правды, 15.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ТОМУ

Настоящая книга для чтения является результатом работы группы историков по изучению рабочего и революционного движения в эпоху империализма, организованной еще в 1930 г. Институтом истории при Ленинградском отделении Коммунистической академии.

Группа пыталась охватить все капиталистические и колониальные страны, но это ей не удалось — пришлось ограничиться изучением важнейших современных капиталистических государств; из остальных государств написаны главы о революционном движении в Польше, Болгарии, Турции, которые войдут во второй том этой книги.

Предлагаемый первый том охватывает рабочее и революционное движение на Западе периода империалистической войны. Авторы и редакция отдают себе полный отчет в несовершенстве предлагаемой работы. Прежде всего, не все страны и не все этапы разработаны равномерно: некоторые статьи — большинство — представляют собой в значительной степени исследование, используют мало известный и частью неопубликованный материал. Другие — меньшинство — представляют собой в общем компиляцию, дают систематическое изложение событий на основе уже известного материала. Такая неравномерность статей объясняется в первую голову объективными причинами: в Ленинграде, да и в Москве (большинство авторов пытались использовать книгохранилища и Москвы), мы не имеем в настоящий момент исчерпывающих материалов по всем проблемам военной и послевоенной эпохи. А если такие материалы и имеются, то они еще далеко не освоены. Коллектив авторов считал однако неправильным ждать, пока эти материалы смогут быть освоены. В марксистской (да и в буржуазной) литературе нет ни одной систематической работы, излагающей революционное движение в капиталистических странах после 1914 г. А нужда в такой систематизации в СССР необычайно велика. Упреки, которые раздавались по адресу историков Запада на всех дискуссиях — игнорирование изучения эпохи войны и послевоенной — совершенно справедливы. Было бы нецелесообразно ожидать, пока будут написаны толстые исследования, посвященные отдельным деталям указанной эпохи, — учащаяся молодежь, партактив, культурно неизмеримо выросший советский читатель, вообще, имеют право требовать от историков-марксистов максимально быстрого выполнения поставленной перед ними задачи. Вот почему мы сочли своим долгом выпустить в свет настоящую работу.

Вторым важным недостатком нашей работы является неравномерность статей в отношении их построения и стиля. Редакция стремилась построить все статьи, посвященные отдельным странам, по одному плану. Но это удалось ей только приблизительно. Не везде, правда, была одинаковая нужда в более или менее подробном освещении той или другой проблемы, например,

социально-экономических отношений накануне войны. Если о довоенной Австро-Венгрии или Италии, например, нет ни одной систематизированной марксистской работы — поэтому пришлось сравнительно подробно на этом периоде остановиться в статьях, посвященных этим странам, — то иначе обстоит уже с Германией, Францией и пр., — о которых в нашей литературе есть не мало работ. Однако во всех статьях, посвященных отдельным странам, мы стремились дать схему довоенных отношений, в первую голову положения рабочего класса и социалистического движения.

Еще труднее оказалось унифицировать стиль отдельных статей. Основной задачей нашей было писать максимально просто и ясно без стилистических прикрас. Редакция старалась выправить недостатки стиля, но она не смогла, конечно, да и не стремилась уничтожить индивидуальность авторских приемов письма.

Но основным требованием, которое ставили перед собой коллектив и редакция, было: дать марксистско-ленинское освещение исторических событий. Гениальный анализ, который давал изучаемой эпохе Ленин и в наше время дает т. Сталин в своих работах, программные документы и решения ВКП(б) и Коминтерна являлись для авторов теоретической основой изучения той или другой страны, той или иной проблемы. Каждый раз мы с еще большей силой убеждались, как оправдывается ленинский анализ даже в мельчайших деталях событий, каким могучим орудием для историка является марксистско-ленинский метод. С особенной тщательностью мы стремились провести указания т. Сталина, данные им в письме в редакцию „Пролетарской революции". Наш обзор рабочего, революционного и социалистического движения во время войны показывает, какой глубиной и прозорливостью отличаются эти указания вождя нашей партии и Коминтерна. Мы стремились восстановить подлинное развитие рабочего и революционного движения во время войны, показать, в противовес троцкистским и всяким иным контрабандистам, слабые стороны левых не большевистских организаций эпохи войны, исключительную, ведущую роль ленинизма. Справились ли мы, хотя бы в основном, с этой задачей — дать марксистско-ленинское освещение развития революционного движения во время войны, показать глубокие корни Коминтерна в мировом рабочем движении, показать источники недостатков и ошибок в деятельности компартий капиталистических стран в первый период общего кризиса капитализма, показать, что большевики — „образец для всех"?

Если в основном мы с этой задачей справились, то этим самым выход в свет нашей работы оправдан. Но на это даст ответ марксистско-ленинская критика, от которой мы ждем сурового, но товарищеского анализа нашей работы.

ВВЕДЕНИЕ

I

Взрыв империалистической войны 1914—1918 гг. был результатом обострившихся противоречий как внутри отдельных капиталистических стран, так и между империалистическими странами. Накануне войны капиталистический мир сотрясался гигантскими классовыми боями, свидетельствовавшими о том, что назревает революционная ситуация в решающих странах империализма. Шквал невиданных по размаху массовых стачек в „доброй старой" Англии в 1911—1914 гг., штурм парламентских методов борьбы германской социал-демократии со стороны немецких рабочих, особенно с 1910 г., натиск американских рабочих на твердыни отечественных трестовиков и королей промышленности через головы желтых вождей из Американской Федерации Труда, кровавые бои французских железнодорожников, почтовиков и государственных служащих, наконец подъем революционного рабочего движения в царской России, подъем, ознаменовавшийся баррикадными боями в момент приезда одного из наиболее реакционных вдохновителей мировой бойни, французского президента Пуанкаре с визитом к Николаю Кровавому, и пр. и т. п. — все это было ярким проявлением возрастающей мощи фронта революции, неминуемости в ближайшее время решающих боев международного пролетариата за свержение капитализма.

Ленин отмечал нарастание революционного подъема накануне войны, он сравнивал Германию с „пороховой бочкой". И глубоко прав М. Н. Покровский, указывающий на то, что, между прочим, одной из решающих причин, приведших к тому, что обе вооруженные до зубов империалистические коалиции—Антанта и Тройственный союз — рвались в бой и спустили с цепи фурии войны, была надежда на то, что этим можно будет приостановить нарастание революционного кризиса и расправиться с революционным рабочим движением.

Господствующим классам обеих империалистических коалиций казалось, что предпосылки для расправы с рабочим движением созданы достаточные. Подкупив верхушку рабочего класса, буржуазия через свою агентуру, опирающуюся на эту верхушку, — социал-оппортунизм и центризм, — пыталась окончательно привязать к своей колеснице рабочий класс в целом. Война за „право" и „справедливость" должна была позволить буржуазии зажать рот революционному крылу рабочего движения, свести на-нет завоевания рабочего класса, связать его по рукам и по ногам. Каждая из коалиций мечтала, что победа в результате войны даст ей могучее орудие дальнейшего подкупа и деморализации рабочего движения. Капитализм будет укреплен еще на очень и очень долгие годы. Можно будет еще более успешно выколачивать прибавочную стоимость из рабочих

метрополии, увеличивать сверхприбыли за счет бесправных колониальных рабов, стричь купоны и благоденствовать за счет побежденных.

Таков был стратегический план империалистических господствующих классов, когда они развязали неслыханную в предшествующей кровавой истории капитализма войну 1914—1918 гг., в которую был втянут почти весь мир, весь земной шар.

Но капиталисты просчитались. Война оказалась „могучим ускорителем" революции. Измена оппортунистически-центристского большинства II Интернационала, переход большинства вождей международной социал-демократии на сторону своей буржуазии на время, конечно, деморализовали ряды рабочих. Но никакие измены, никакие репрессии, никакие маневры господствующих классов и их социалистических и синдикалистских лакеев не могли загнать революционный пролетариат в затхлое стойло хищнического империалистического „патриотизма". Могучие силы, накапливавшиеся до войны, прорвавшие респектабельный парламентский кретинизм официальной социал-демократии, прорывавшиеся то здесь, то там расколами рабочих партий (Россия, Болгария, Италия, Голландия, САСШ и т. д.), глубокие живительные родники революционной энергии, составлявшие душу живую революционного пролетариата, эти родники прорвались и сквозь рогатки, заставы, пулеметы и штыки „священного единения". Первое, самое почетное, поистине всемирно-историческое место здесь принадлежит русским большевикам и их величайшему вождю — Владимиру Ильичу Ленину.

С небольшой группой своих сторонников Ленин с первого дня войны поднял свой голос протеста против кровавой бойни, стал организатором революционного крыла рабочего движения, стал подготовлять революционный выход из войны и борьбу за низвержение капитализма. Превращение империалистической войны в гражданскую — этот лозунг противопоставили большевики лозунгу „священного единения", „гражданского мира", подхваченному предательским большинством II Интернационала. Орудием борьбы за это превращение империалистической войны в гражданскую должен был послужить новый, подлинно революционный Интернационал. С величайшим упорством, настойчивостью и целеустремленностью борясь с полуменьшевистскими и центристскими ошибками у наиболее близких к большевизму левых социал-демократов типа Розы Люксембург, преодолевая колебания и „шатания мысли" у своих собственных сторонников, разоблачая лживую пацифистскую фразу центристов, клеймя позором открытых предателей рабочего класса — социал-шовинистов, сколачивал Ленин ядро „Циммервальдской левой", резервы будущего Коммунистического Интернационала.

Чудовищная бойня, проволочные заграждения окопов и цензуры — все это не могло помешать тому, чтобы идеи большевизма проникли в широкие круги рабочих масс и трудящихся всего мира. Это был длительный и мучительный процесс, который не сразу давал свои результаты. По мере того как война затягивалась, массы все более настойчиво подхватывали большевистский протест против войны и империализма. Преданные вождями, они часто в отчаянии, стихийно „штурмовали небо" и погибали под перекрестным огнем неприятеля и собственных обманутых братьев, которых господствующие классы и шайка социал-патриотов уговаривали стрелять в „бунтовщиков" во имя „отечества".

Вспыхнувшая в России Февральская, а особенно Октябрьская революция, победоносная тактика большевиков, свержение буржуазии и установление

диктатуры пролетариата в одной шестой части мира показали всему миру, что большевизм с первых шагов своего возникновения является величайшим фактором мировой истории, показали на практике измученным рабочим и трудящимся массам во всем мире, как надо революционным путем выйти из империалистической войны, как надо свергать своих собственных эксплоататоров. Ставка империализма была бита. Война вместо того, чтобы стать величайшим орудием дальнейшего закабаления масс во имя капиталистических прибылей, с момента Октябрьской революции стала грандиозным фактором вызревания социалистической революции во всем мире. Быстро назревающей мировой революции не могла помешать даже победа Антанты над державами Тройственного союза. Так мировая война *развязала*, а Октябрьская революция в России *непосредственно открыла эпоху общего кризиса капитализма*.

II

„Мировая война 1914—1918 гг. и развязанный ею общий кризис капитализма, являясь непосредственным результатом острого противоречия между ростом производительных сил мирового хозяйства и его государственными перегородками, показали и доказали, что внутри капиталистического общества уже созрели материальные предпосылки социализма, что капиталистическая оболочка общества стала невыносимыми оковами для дальнейшего развития человечества, что история ставит в порядок дня задачу революционного свержения капиталистического ига". (Из Программы Коминтерна.)

Прорыв империалистического фронта в одном из наиболее слабых звеньев империалистической системы — победоносная социалистическая революция в России „положила начало *международной революции пролетариата*. На основе могучего потрясения всего мирового капитализма, обострения классовой борьбы и под непосредственным влиянием Октябрьской революции пролетариата произошел ряд революций и революционных выступлений как на континенте Европы, так и в колониальных и полуколониальных странах" (там же). Наступил первый период эпохи общего кризиса капитализма, *первый тур войн и революций*.

Мир раскололся на две системы — социалистическую (Советская Россия) и капиталистическую, борьба между которыми является осью всей мировой политики. Исход этой борьбы предопределяет направление мировой истории. Наличие победоносной диктатуры пролетариата в одной шестой части мира явилось важнейшей причиной того, почему победа буржуазии антигерманской коалиции над Тройственным союзом оказалась „Пирровой победой". Октябрьская революция, раскрепостившая крестьянство и угнетенные народы царской России, стала центром международной революции и мощной опорой революционного движения во всем мире. Острейший экономический кризис 1920—1921 гг., охвативший страны капитализма, еще больше стимулировал революционное движение. Наименее устойчивыми перед натиском наступающего пролетариата оказались побежденные страны — Германия, Австрия, Венгрия, Болгария и пр. и те из победителей, которые, как например Италия, получили с пиршественного стола антантовских победителей ничтожные крохи.

Разъяренные массы атаковали в этих странах самые твердыни капитализма. В январе 1918 г. рабочая революция в Финляндии; в ноябре 1918 г. революция в Австрии и Германии; в марте 1919 г. пролетарская революция в Венгрии; в апреле 1919 г. советская власть в Баварии;

в сентябре 1920 г. захват рабочими фабрик в Италии; в марте 1921 г. восстание революционных рабочих в Германии; в сентябре 1923 г. восстание в Болгарии; осенью 1923 г. революционный кризис в Германии и пр. и пр. Революционный кризис распространился также на Азию, захватил и Японию (так называемые „рисовые бунты" в 1918 г.) и получил широкий отклик в колониальных и полуколониальных странах, как например восстание в Корее весной 1919 г.; буржуазно-национальная революция в Турции в январе 1920 г.; крупнейшее брожение порабощенных колониальных рабов в Индии и особенно в Китае, ставшее прелюдией к великой китайской революции, разразившейся позже.

Но и в странах-победительницах оказались втянутыми в революционный поток, по выражению Программы Коминтерна, „громадные массы человечества". Мощные стачки в 1918—1921 гг. сотрясали Британскую империю, грозя перерасти в революционный кризис всего английского империализма. Во Франции была налицо революционная ситуация: могучее стачечное движение 1919—1920 гг., особенно всеобщая железнодорожная забастовка 1920 г., нагнало невыразимый страх на французскую буржуазию и ее социалистических лакеев. И в САСШ сотни тысяч революционных рабочих манифестировали против своих хозяев и неоднократно сотрясали своими стачками нажившийся от войны вдвойне — за счет победителей и побежденных — американский капитализм.

На ряду с этим острейшие противоречия между победителями и побежденными империалистическими державами, между дравшимися друг с другом за распределение трофеев отдельными странами-победительницами не затихали в течение всего первого периода острого революционного кризиса. Подписание Версальского договора не означало еще окончания военных столкновений. В течение 1918—1923 гг. мы имели значительное количество „малых" войн во всех концах мира. Таковы греко-турецкая война 1920—1922 гг., захват Польшей Верхней Силезии у Германии и Виленщины у Литвы, рурская оккупация 1923 г. и пр.

Притом, несмотря на наличие острейшей вражды между странами-победительницами и побежденными и глубочайшие противоречия между победителями, правительства капиталистических стран помогали друг другу в борьбе против революции. Белые отряды немецкого империализма помогали сокрушать революцию в Финляндии и прибалтийских странах; правительства Чехо-Словакии и Румынии помогли венгерской контрреволюции задушить Венгерскую советскую республику, белая Польша пыталась сокрушить Советскую Россию. Под верховенством английского империализма и наиболее реакционных кругов французского империализма объединенные войска победителей и побежденных вели интервенционистские войны против Советской России, поддерживали кадрами, деньгами, материалами, войсками и флотом все белогвардейские контрреволюционные образования на территории России, начиная от чехо-словаков, Колчака, Деникина, Петлюры, многочисленных белобандитских отрядов и кончая Врангелем.

Однако Советская Россия смогла победоносно отбить все нападения интервенционистов, расправиться с контрреволюционным движением внутри страны и укрепиться в качестве единственной страны диктатуры пролетариата. Во всех странах мира революционный пролетариат стачками сочувствия, бойкотом империалистических мероприятий, манифестациями, прямой угрозой революционного восстания против интервентов помогал Совет-

ской России в ее борьбе против отечественной и мировой контрреволюции. Кульминационным пунктом революционного кризиса первого тура войн и революций был поход советских войск на Варшаву летом 1920 г., вызвавший величайшую тревогу в стане международного империализма. На III конгрессе Коминтерна в 1921 г. Ленин констатировал начало наступающего „относительного равновесия" между революцией и контрреволюцией — между Советской Россией и остальным капиталистическим миром. Разгром Венгерской и Баварской советских республик, неудача с захватом фабрик итальянского пролетариата, поражение всеобщей железнодорожной стачки во Франции, начало спада стачечной волны в Англии и других странах, отступление советских войск из Польши и пр., — все это знаменовало начало конца первого тура войн и революций, начало конца, затянувшегося еще на несколько лет, но означавшее создание предпосылок для приближающегося второго периода общего кризиса империализма, так называемого периода относительной стабилизации капитализма.

III

„Первые попытки революционного переворота, выросшие на основе острого кризиса капитализма (1918—1921 гг.), — читаем мы в Программе Коминтерна, — окончились победой и укреплением диктатуры пролетариата в СССР и поражением пролетариата в целом ряде других стран".

Какова важнейшая причина победы и укрепления диктатуры пролетариата в СССР? Важнейшей причиной этого является наличие к моменту революции в России партии нового типа, партии большевиков, коренным образом отличавшейся от социалдемократических партий II Интернационала. Наличие этой партии, созданной Лениным, обеспечило рабочему классу России возможность собрать вокруг революционно-марксистской программы и тактики основные решающие слои рабочего класса России, большинство рабочего класса, сделать рабочий класс гегемоном трудящихся масс города и деревни, угнетенных национальностей царской тюрьмы народов. Политика русской буржуазии, пытавшейся через свою агентуру внутри рабочего движения — меньшевиков и эсеров — завоевать влияние на рабочий класс и повести его за собой, эта политика потерпела неудачу благодаря гениальной стратегии и тактике *ленинизма* — марксизма эпохи империализма и социалистических революций.

Ленин смог гениально предвидеть, с исключительной теоретической силой обобщить опыт международного рабочего и революционного движения послемарксовой эпохи. Задолго до войны он повел сокрушающую борьбу с отечественным и международным ревизионизмом справа и „слева" и с центризмом. Поэтому только большевики оказались той авангардной силой, которая смогла уже в первые дни войны выдвинуть правильные лозунги и стать центром притяжения всех подлинно революционных элементов, которые имелись в недрах пролетарского движения всех стран. Это обстоятельство обеспечило большевизму руководящую роль как в циммервальдском движении, так и в Коминтерне, во всем послевоенном международном рабочем и революционном движении. Большевизм выдержал испытания войны и, единственное из течений довоенного II Интернационала, оказался в состоянии провести победоносную борьбу за низвержение капитализма в России и установление диктатуры пролетариата. Большевизм оказался „образцом для всех".

Между тем в других странах к моменту войны и даже к моменту открывшегося после окончания войны острого революционного кризиса не оказалось ни одной партии, которая полностью проводила программу и тактику большевиков. Ни болгарские „тесняки", ни американские „де-леонисты" или левые из социалистической партии Дебса, ни левые гэдисты во Франции, ни голландские „трибунисты", ни даже немецкие „левые радикалы" и пр. не оказались на высоте положения к моменту непосредственной борьбы за власть, начавшейся в связи с Октябрьской революцией и с окончанием войны. Полуменьшевистские, полуцентристские ошибки, опутывавшие самых лучших из революционной левой II Интернационала, в том числе и такую — по выражению Ленина — орлицу, как Роза Люксембург, мешали революционному пролетариату капиталистических стран сокрушить влияние предательской социал-демократии. Раскол даже в германской социал-демократии был произведен поздно: союз „Спартак" только в 1918 г., после разразившейся революции, откололся от „независимцев" типа Каутского, превратившихся к моменту войны в самых опасных выразителей контрреволюционного предательства, прикрытого революционной фразой. Когда надо было вести в бой массы, ни в одной стране не оказалось крепкой, опирающейся на традиции, по-большевистски сколоченной и спаянной коммунистической партии. В таких странах, как Франция, Англия, САСШ и др., самая организация компартий затянулась на довольно значительный срок. А образовавшиеся компартии должны были изживать иллюзии центризма и оппортунизма, „левого" сектантства и парламентского кретинизма, наследие, которое привнесли с собой бывшие левые, по коренным вопросам расходившиеся с ленинизмом, единственной революционно-марксистской теорией и тактикой эпохи империализма.

Упорная борьба, которую повел Коминтерн во главе с Лениным против этих антибольшевистских остатков внутри образовавшихся компартий во всех решающих капиталистических странах, помогла международному пролетариату сохранить свои революционные силы, вывести их из боя с минимальными потерями к моменту обозначившейся временной стабилизации капитализма. Этим самым из первого тура войн и революций международный пролетариат, интернациональный революционный фронт, вышел не только с величайшим активом, имеющим первостепенное всемирно-историческое значение, определившим дальнейший ход исторического процесса — диктатурой пролетариата в России, но и с организованными компартиями, крепко держащими в своих руках революционную инициативу масс и подготовляющими последние к новым, грядущим боям за власть.

Международная социал-демократия помогла капитализму „временно выкарабкаться из того хаоса, в котором он очутился после войны" *(Сталин)*. II Интернационал поставлял буржуазии людей типа Муссолини, взнуздавшего рабочий класс Италии и установившего там открыто насильственную диктатуру буржуазии, диктатуру оголтелых репрессий против рабочего класса, физического истребления его лучших борцов, беспощадной эксплоатации пролетариата. II Интернационал выдвинул „кровавых собак" капиталистической контрреволюции типа Носке, собиравшего белые отряды дворянских сынков и буржуазных недоносков, отребье офицерства, подонки контрреволюции, чтобы расстреливать восстающих против ига капитализма немецких рабочих.

В то время как Муссолини и Пилсудские прямо организовывали фашистские банды, а Носке, Ренодели и другие большие и малые социал-бан-

диты из правого крыла II Интернационала открыто помогали буржуазии собирать силы контрреволюции против революции, „левые" — центристы типа Каутского, Отто Бауэра и Макдональда освящали эти действия потоком сладких революционных фраз, лживыми лозунгами „социализирования", криками о „единстве" рабочего класса, прикрывавшими работу на раскол революционного пролетарского фронта во славу буржуазии. Центристы шли на всяческие маневры вплоть до попытки проникнуть в ряды Коминтерна и разложить его изнутри. Только упорная воля партии большевиков во главе с Лениным помешала этому гнусному маневру центристов. Но маневры „левых" облегчали правым громить революционный фронт, организовывать интервенцию против советских республик, нанести временные поражения пролетариату в странах Запада.

„Эти поражения — говорится в программе Коминтерна — являются в *первую очередь результатом предательской тактики социал-демократических вождей и реформистских лидеров профессионального движения*, а также результатом того обстоятельства, что за коммунистами не было еще большинства рабочего класса и в ряде важнейших стран не существовало еще коммунистических партий вообще. На основе этих поражений, создавших возможность усиленной эксплоатации масс пролетариата и колониальных народов, на основе резкого снижения их жизненного уровня буржуазия достигла частичной стабилизации капиталистических отношений".

IV

Поражение революционного движения в Германии в сентябре 1923 г. было наиболее значительным событием, предопределившим окончание первого тура войн и революций. А вашингтонская конференция 1922 г., и особенно лондонская конференция экспертов 1924 г., которые означали сговор империалистов о разделе „сфер влияния" в Китае и принятие так называемого плана Дауэса, привели к относительной стабилизации международных отношений. Между страной социализма СССР — очагом и плацдармом международной революции — и капиталистическим миром „установилось некоторое временное равновесие сил... некоторый период „мирного сожительства" *(Сталин)*.

От политики открытой интервенции и откровенной блокады по отношению к СССР международная буржуазия перешла к политике „тихой сапы", политике „мирных отношений". Международный империализм надеялся, что переход советских республик к политике нэпа приведет к мирной победе капиталистических элементов в стране диктатуры пролетариата, что произойдет перерождение большевизма.

Возродившийся II Интернационал всеми мерами помогал буржуазии проводить свой план „мирного" удушения социализма, вкупе с меньшевиками провозглашал необходимость борьбы за „демократизацию" России, поддерживал Лигу наций — штаб империализма, принимал двурушнические резолюции, якобы против интервенции в страну строящегося социализма. В то же время оппортунистические элементы внутри СССР, вдохновляемые Троцким, вскоре превратившимся в трубадура контрреволюционной буржуазии, в ее вернейшего лакея, выступили против ленинской генеральной линии партии и на все лады провозглашали легенду о „термидоре" большевистского государства, о перерождении советской власти. Крики о „термидоре" сочетались у троцкистов и поддерживавших

их „левых“ оппортунистов из иностранных компартий с контрреволюционным тезисом о невозможности построения социализма в одной стране.

Правые в Коминтерне переоценивали значение наступившей временной стабилизации, изображали капиталистическую рационализацию как новую „техническую революцию“, превращали относительную и гнилую стабилизацию капитализма в „организованный капитализм“. Это был вариант контрреволюционных теорий, выдвинутый „теоретиками“ II Интернационала и сводившийся к провозглашению послевоенного капитализма столбовой дорогой к мирному врастанию в социализм. Отто Бауэры, Вельсы, Нафтали, Абрамовичи и Макдональды вкупе с совершенно обезумевшим от ненависти к советской России интервенционистом Каутским утверждали, что наступила „новая эра“ в развитии капитализма, что послевоенный капитализм будет развиваться без кризисов и без войн, плавно и спокойно, на основе гражданского мира и коалиции между социал-демократией и буржуазными партиями. Особенно постарались германские социал-демократы, выдвинувшие теорию о „хозяйственной демократии“, как переходном периоде к социализму. С их точки зрения капиталистическая рационализация означает не углубление эксплоатации рабочего класса, а безграничное развитие производительных сил, улучшение положения рабочих масс, втягивание представителей рабочего класса в совместное с предпринимателями управление производством.

На основе этих теорий II Интернационал пытался увеличить свое влияние на широкие рабочие массы, углубить раскол рабочего класса, ослабить, а затем уничтожить компартии и Коминтерн, помочь международной буржуазии в деле собирания и подготовки сил для новой сокрушительной интервенции против СССР. Коалиционная политика социал-демократии сводилась к решительной борьбе, вплоть до расстрелов, с коммунистическими рабочими и национально-колониальным движением, к покровительству фашистским организациям, которые буржуазия подкармливала и выпестовывала на случай необходимости превентивной контрреволюции. Так социал-демократия быстро превращалась в *социал-фашизм*. Еще в 1924 г. т. Сталин дал исчерпывающую формулу этому процессу, указав, что социал-демократия и фашизм „не антиподы, а близнецы“.

Но контрреволюционные теории социал-фашизма находились в вопиющем противоречии с действительностью, их усилия подкрасить капитализм и взять на буксир пролетариат и трудящиеся массы оказались тщетными. Капиталистическая стабилизация оказалась относительной и гнилой. Одна шестая часть мира оказалась вырванной из поля воздействия международного империализма. Ненасытная жажда прибыли гнала империалистические клики в поиски новых рынков и новых сфер приложения капиталов. Версальская система и план Дауэса не смогли разрешить противоречий между империалистами. Мир оказывался тесным для империалистов еще и потому, что в колониальных и полуколониальных странах росло и крепло могучее антиимпериалистическое движение, перераставшее местами в мощные революции. Безграничная эксплоатация рабочих внутри каждой страны натыкалась на сопротивление рабочего класса, стимулируемое существованием СССР. Капиталисты, вынужденные в первый период революционного кризиса „даровать“ 8-часовой рабочий день, социальное страхование, разрешить фабзавкомы, как например в Германии, перешли в наступление на рабочий класс, стремясь свести на-нет эти завоевания революционных лет. Относи-

тельная стабилизация прерывалась то здесь, то там мощными восстаниями и революционным движением. Восстание в Эстонии в декабре 1924 г.; восстание в Марокко в апреле и в Сирии в августе 1925 г.; всеобщая стачка в Англии в мае 1926 г.; восстание рабочих в Вене в июле 1927 г., наконец разразившаяся великая китайская революция, на ряду с усилившимся революционным брожением в Индии и Индонезии — все это были факты, опрокидывавшие, как карточные домики, все буржуазные, социал-фашистские и правотроцкистские утверждения о „новой эре" капитализма. К тому же, несмотря на якобы „процветание" капитализма, во всех странах капиталистического мира появилась так называемая структурная безработица; количество рабочих, выталкиваемых из производства, с каждым годом увеличивалось. Нищета масс в капиталистических и колониальных странах катастрофически росла.

А на фоне этих симптомов смертельной болезни капитализма — все более крепнущий социализм в СССР; вытеснение капиталистических элементов в городе и в деревне; укрепление и расширение советской демократии; увеличивающиеся островки коллективизации, создающие предпосылки для перехода через некоторое время в развернутое наступление на остатки капитализма по всему фронту, к сплошной коллективизации и ликвидации на основе ее кулачества как класса. В то же время на основе борьбы на два фронта против правого и „левого" оппортунизма, против контрреволюционного троцкизма, против социал-демократических и анархо-синдикалистских пережитков в компартиях закалялся и креп революционный авангард пролетариата в странах капитализма. Большевизация братских компартий, проводимая Коминтерном, дала во второй период значительные результаты.

Так приближался третий период в развитии послевоенного общего кризиса капитализма, нарастал новый разрушительный экономический кризис капиталистического хозяйства. Период стабилизации представлял собой лишь *фазу* в развитии всеобщего *кризиса* капитализма. Он не ликвидировал и не мог ни в какой мере способствовать ликвидации безысходных противоречий, составляющих сущность умирающего империализма.

Наступление нового обострения кризиса гениально предсказал т. Сталин задолго до того, как это обострение стало фактом. На XV съезде ВКП(б) т. Сталин говорил: „... Из самой стабилизации, из того, что производство растет, из того, что торговля растет, из того, что технический прогресс и производственные возможности возрастают, в то время как мировой рынок, пределы этого рынка и сферы влияния отдельных империалистических групп остаются более или менее стабильными, — именно из этого вырастает *самый глубокий и самый острый кризис мирового капитализма, чреватый новыми войнами и угрожающий существованию какой бы то ни было стабилизации. Из частичной стабилизации вырастает усиление кризиса капитализма, нарастающий кризис разваливает стабилизацию — такова диалектика развития капитализма в данный исторический момент*".

V

На VI конгрессе Коминтерна представители мирового коммунистического движения констатировали, что наступил третий период в развитии общего кризиса капитализма. Исходя из указаний т. Сталина, VI конгресс, а за ним X пленум ИККИ дали характеристику третьему периоду как периоду *расшатывания стабилизации, а XII пленум ИККИ определил его как*

конец стабилизации. Гениальное предвидение т. Сталина получило свое фактическое подтверждение в совершенно исключительном взрыве экономического кризиса, охватившего с 1929 г. все капиталистические страны и продолжающего все больше и больше углубляться в последующие годы. В момент, когда пишутся эти строки, сила и глубина кризиса не только не уменьшилась, но грозит дальнейшим гигантским, неслыханным разрушением производительных сил капитализма. Безработица в странах капитализма охватила больше 50 млн. человек. Мировая торговля пала до уровня начала 90-х гг. Добыча угля, выплавка металла, количество действующих доменных печей в некоторых странах отброшены к уровню 90-х гг. XIX столетия. Капиталистические клики, боясь иностранной конкуренции, огораживают свои страны высокими таможенными стенами. Идет жестокая и хищная таможенная война между империалистическими странами. Крахнула устойчивость денежной системы. Началась валютная война.

Свыше 40 капиталистических стран отказались от золотого стандарта. Между английским фунтом и северо-американским долларом идет война не на жизнь, а на смерть, за паритет. Созванная в Лондоне (летом 1933 г.) международная экономическая конференция привела к еще более сложной и бешеной борьбе между долларом и фунтом. Неудержимо развивается и углубляется аграрный кризис. Обнищание рабочего класса и широких масс трудящегося крестьянства растет с каждым днем. Все „завоевания" периода временной стабилизации в области экономической сведены на-нет.

Не менее разрушительны результаты кризиса в области международных отношений. Начало краха Лиги наций, выразившееся в том, что Япония и Германия вышли из Лиги, Германия отказалась от уплаты репараций, Франция, Англия, а за ними и другие страны — от уплаты долгов САСШ,— налицо; противоречия усилились еще более после того, как у власти в Германии стала национал-социалистическая, фашистская клика, выдвинувшая требование разрыва Версальского договора. Напор германского фашизма испугал страны-победительницы, особенно Францию. В этой обстановке наметилось новое обострение противоречий в лагере империалистических держав. Прикрыть эти противоречия не могут никакие новые соглашения (например „пакт четырех" и др.). Атмосфера, созданная во всем мире в связи с началом краха Версальской системы, усугублена еще полной безрезультатностью Женевской конференции по разоружению и последовавшей в связи с этим новой бешеной гонкой вооружений на суше и на море. В разных частях мира, под шумок разговоров о разоружении, происходят настоящие империалистические войны. Япония безнаказанно напала на Китай, овладела Манчжурией и Северным Китаем. В Южной Америке происходит война между Перу и Чили, между Боливией и Парагваем.

Выражая тайные помыслы всех империалистических государств, фашистская Германия устами Гугенберга предлагает объединенную интервенцию против СССР, для „колонизации" Украины представителями „чистой", „арийской" расы. Английские твердолобые изо всех сил стремятся к тому, чтобы натравить Японию на СССР. На фоне этого начавшегося экономического и политического хаоса еще более красноречиво выделяются успехи страны строящегося социализма. Победоносно завершена в четыре года первая пятилетка; построен фундамент социалистической экономики страны, окончательно победил колхозный строй в деревне, выкорчевываются последние остатки кулачества и других капиталистических классов в городе и

деревне, построены величайшие гиганты техники, колоссально выросло благосостояние масс города и деревни в СССР. Приступлено к осуществлению второй пятилетки — пятилетки уничтожения классов, причин, порождающих классовое неравенство, построения бесклассового социалистического общества. Величайшие экономические и культурные успехи, мирная политика советской власти противостоят упадку, деградации, загниванию, бешеной гонке вооружений мирового капитализма.

На основе необычайно обострившегося экономического кризиса, на основе неслыханно углубившихся международных противоречий растет и революционное движение во всех странах, вызревают предпосылки революционного кризиса. XII пленум ИККИ уже констатировал, что *„наступил конец относительной стабилизации капитализма"*. Происшедшие после XII пленума события еще больше подтвердили правильность этого анализа. Приход к власти фашизма в Германии еще более обострил внутреннее положение в этой стране, еще более углубил противоречия между империалистическими странами. В то время как германский социал-фашизм, припадая к ногам Гитлера, вымаливает себе пощаду, вновь демонстрируя на расширенной основе свою измену делу рабочего класса, в то время как социал-фашисты в других странах, лицемерно порицая своих германских собратьев, поддерживают как во время войны 1914—1918 гг. все мероприятия своих собственных правительств, прикрываясь криками о борьбе за „демократию",— немецкие коммунисты стойко борются с оголтелым немецким фашизмом, в обстановке неслыханного террора собирают большинство рабочего класса для борьбы за низвержение фашизма и установление диктатуры пролетариата.

II Интернационал — главная социальная опора буржуазии в рабочем классе — переживает вторичный крах. Сильнейшая партия II Интернационала — германская социал-демократия уничтожена и дискредитирована. Внутри французской социал-фашистской партии произошел раскол. Амстердамский интернационал профсоюзов потерял одну из основ своих — германские профсоюзы. Австрийские социал-фашисты, кичившиеся своей „революционностью", лижут пятки правительству фашиста Дольфуса. Национальные противоречия, раздирающие международную буржуазию, раздирают и ее детище — II Интернационал.

На превентивную контрреволюцию немецкого фашизма, на бешеное наступление буржуазии других стран против пролетариата, на усилившуюся эксплоатацию и разорение крестьянства и колониальных народов международный революционный фронт, возглавляемый Коминтерном и его великим вождем т. Сталиным, отвечает сплочением своих сил, организацией своих рядов. Буржуазия стремится выйти из кризиса на путях империалистической войны, в первую очередь интервенции против СССР, она стремится переложить всю тяжесть кризиса на плечи рабочего класса и всех трудящихся метрополий и колоний. Прекрасную службу буржуазии служит II Интернационал, продолжающий и после прихода к власти Германии национал-социалистов оставаться главной социальной опорой буржуазии в массах. Революционный пролетариат борется за выход из кризиса под руководством Коминтерна, в союзе с крестьянством и трудящимися колониальных и зависимых стран. XII пленум ИККИ охарактеризовал нынешний этап международной классовой борьбы таким образом: „В настоящий момент совершается именно переход к новому туру крупных столкновений между

классами и между государствами, к новому туру революций и войн". Эта характеристика, данная до прихода к власти германского фашизма, с особой силой подтверждается всем ходом событий.

Этот новый тур революций и войн международный пролетариат встретит в другой обстановке, гораздо более вооруженный для победы, чем в первый период революционного кризиса. Во всех решающих странах империализма созданы мощные боевые компартии, обогащенные опытом боев предыдущего периода, опытом борьбы с фашизмом, социал-фашизмом, со всяческими уклонами от марксизма-ленинизма. Поведение ведущей партии II Интернационала — германского социал-фашизма, позорно капитулировавшего перед Гитлером, позорные действия социал-фашистских партий в других странах перед лицом неслыханных бедствий, которые буржуазия обрушивает на пролетариат и трудящихся, разоблачают международный социал-фашизм, затрудняют ему задачу маневрирования и обмана масс. Нынешний экономический кризис гораздо более глубок, гораздо более разрушителен, чем кризис 1920—1921 гг., внутренние и внешние противоречия империализма неизмеримо острее, чем после окончания империалистической войны. Наконец, СССР — страна строящегося социализма — является могучей базой дальнейшего развертывания мировой пролетарской революции. Это не советская Россия эпохи первой гражданской войны, получившая тяжелое наследство царского бескультурья, технической отсталости, с наспех сколоченными красногвардейскими частями, плохо обутыми и вооруженными. Это могучая страна, технически догоняющая и перегоняющая капиталистические страны, на этой основе гигантски усилившая свою обороноспособность, имеющая единственные в мире по своей сознательности и спаянности Красную армию и Красный флот, страна социализма, на защиту границ которой грозной стеной станут миллионы, подлинное отечество мирового пролетариата.

Международный пролетариат может с надеждой смотреть на будущее. Он пойдет в бой за социализм в гораздо более благоприятных условиях, чем в период 1918—1921 гг. Ему нужно тщательно проанализировать свою прежнюю историю, тщательнее обдумать ошибки прежних времен, чтобы их не повторять.

Вооруженный ленинизмом, во главе с лучшим учеником и преемником Ленина, т. Сталиным, развивающим дальше его учение, международный пролетариат пойдет в священный бой за освобождение трудящихся от цепей капитализма, за мировую диктатуру пролетариата. Каковы бы ни были трудности на пути этой борьбы — победа международного пролетариата обеспечена. Железный ход исторического процесса—за пролетариат, за мировую социалистическую революцию.

К. Бочаров И. Фендель

МИРОВАЯ ВОЙНА 1914—1918 гг.

Мировая война и ее историческое значение

Мировая война, разразившаяся в 1914 г., открыла собою эпоху империалистических войн и пролетарских революций.

„Эта война потрясла всю систему мирового капитализма и положила начало периоду его *общего кризиса*. Она поставила себе на службу все народное хозяйство воюющих стран, создавши бронированный кулак государственного капитализма, довела до грандиозных размеров непроизводительные затраты, уничтожила огромное количество средств производства и живой рабочей силы, разорила широкие народные массы, взвалила неисчислимые тяготы на индустриальных рабочих, крестьян, колониальные народы. Она неизбежно обострила классовую борьбу, переросшую в открытые революционные выступления масс и в *гражданскую войну*“ (Программа Коминтерна).

Всемирно-историческое значение империалистической войны 1914—1918 гг. чрезвычайно велико. Она собрала, по выражению т. Сталина, „все противоречия империализма в один узел и бросила на чашу весов, ускорив и облегчив революционные битвы пролетариата“.

I. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Общие причины и характер войны 1914—1918 гг.

Эпоха 1871—1914 гг. дает конкретную картину развития тех противоречий капитализма, которые на высшей и последней его исторической стадии — империалистической — должны были неизбежно привести к борьбе за передел мира между крупнейшими капиталистическими государствами. В эту эпоху подготовлялись основные империалистические группировки, представлявшие интересы англо-французского капитала с одной стороны (Антанта) и германо-австрийского — с другой (Союз центральных держав). Шла всесторонняя дипломатическая, военная и идеологическая подготовка к решительной схватке между этими группировками. Вся внутренняя и внешняя политика капиталистических государств обеих группировок до войны была политикой борьбы за мировое господство, политикой империалистической, т. е. защищающей интересы финансового капитала, „грабящей и угнетающей колонии и чужие страны, подавляющей рабочее движение“ *(Ленин)*. Подготовлявшаяся в течение ряда лет и разразившаяся в 1914 г. война была естественным, неизбежным продолжением этой политики, но уже иными средствами — средствами прямого насилия, вооруженной борьбы. Она

ИНСТИТУТ К. Маркса и Ф. Энгельса Ц. И. К.

явилась поэтому со стороны обеих групп воюющих держав войной империалистической, войной „перезревшей реакционной буржуазии".

С конца XIX и начала XX века в международной политике начинает вырисовываться со все нарастающей ясностью тот основной антагонизм между империалистическими державами, который сделался решающим в международных отношениях ближайшего десятилетия и, послужив основой для создания двух враждебных коалиций империалистических государств, привел к мировой войне 1914—1918 гг. Этот основной антагонизм развернулся между Англией и Германией — двумя крупнейшими капиталистическими державами, глубочайшие экономические и политические интересы которых как *империалистических* государств столкнулись по всем решающим и жизненным вопросам (вывоз капитала, источники сырья, рынки сбыта и т. д.). В условиях уже завершившегося экономического и политического раздела земного шара вопросы эти могли быть разрешены только *силой*, т. е. войной. „Ибо при капитализме немыслимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет *силы* участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д. А сила изменяется неодинаково у этих участников дележа, ибо *равномерного* развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может". (*Ленин.* Соч., т. XIX, стр. 167.)

Открытый Лениным закон неравномерного развития капитализма в период империализма был развит т. Сталиным и сформулирован им на XV партконференции и на VII пленуме ИККИ следующим образом: „Закон неравномерного развития в период империализма означает скачкообразное развитие одних стран в отношении других, быстрое оттеснение с мирового рынка одних стран другими, периодические переделы *уже поделенного мира* в порядке военных столкновений и военных катастроф, углубление и обострение конфликтов в лагере империализма, ослабление фронта мирового капитализма, возможность прорыва этого фронта пролетариями отдельных стран, возможность победы социализма в отдельных странах". (VII пленум ИККИ, т. II, стр. 318.)

С начала XX столетия определяющим моментом международной политики является политика окружения и изоляции Англии и Германии по отношению друг к другу, политика объединений вокруг них определенных групп капиталистических держав, с совершенно сознательной установкой на грядущее вооруженное столкновение и со всесторонней к нему подготовкой. Сложившиеся к началу XX столетия империалистические группировки, представлявшие одна — интересы Англии, Франции, России (Тройственное согласие), а другая — Германии, Австрии, Италии (Тройственный союз), сохраняя каждая внутри себя ряд противоречий, сказавшихся и до, и во время, и в особенности после войны, тем не менее составляли на почве временно сложившихся *общих* интересов, связанных с проблемой передела мира, определенные военно-политические и дипломатические объединения, неуклонно готовившиеся к решительной схватке между собой. Конкретными противоречиями, приведшими к созданию двух враждебных империалистических коалиций, были противоречия, развившиеся в основном в направлениях: 1) англо-германских; 2) франко-германских и 3) русско-германских противоречий.

Классическая торгово-промышленная монополия Англии на мировом рынке уже в 80-х годах прошлого столетия стала падать со все ускоряющимися темпами под давлением конкуренции главным образом германского, а затем —

североамериканского капитала. Особенно блестящие показатели капиталистического развития, основанного на ряде социально-политических факторов и организационно-технических преимуществ, обнаружила Германия.

Уже в 90-х годах в Англии подымается движение против свободного ввоза германских товаров, своей дешевизной и рядом других качеств побивавших английские товары в самой Англии, не говоря уже о других странах. Но не в этом была суть развивавшегося англо-германского антагонизма, — это видно хотя бы из того, что движение против германских товаров очень скоро заглохло, а в период англо-бурской войны 1899—1901 гг. Англия добивалась даже союза с Германией (чемберленовский проект нового тройственного союза — Англии, Германии, Соединенных штатов).

Решительный антагонизм между Англией и Германией развился и определился не столько из-за торговой монополии на мировом рынке, сколько на почве борьбы за мировую империалистическую монополию, т. е. за монополистическое обладание „сферами влияния" в колониальных и полуколониальных странах. В основном дело шло в первую очередь о *сферах вывоза капитала и источниках сырья*. А проблема монополистического обладания сферами влияния упиралась в вопрос о разделе мира. В основном этот раздел уже к началу XX века был закончен и был произведен таким образом, что Англия, старая колониальная держава, оказалась в самом выгодном положении.

В 1899 г. размеры колониальных владений определяются для Англии — 9,3 млн. кв. миль с населением в 309 млн., для Франции — 3,7 млн. кв. миль с населением в 56,4 млн., для Германии — 1 млн кв. миль с населением 14,7 млн. (Цифры взяты из таблицы, приводимой Лениным в книге „Империализм, как высшая стадия капитализма".)

Усиленная погоня европейских государств за новыми территориями происходит именно в 80—90-е годы, годы вызревания монополистического капитализма; именно в этот период происходит раздел „свежего" Африканского континента, продолжается раздел Азии. Дальнейший раздел становится все труднее. Если раньше резервных фондов для раздела было более чем достаточно, то в этот период их становится все меньше, а жаждущих все больше; и если раньше Англия в своей экспансии встречала соперничество в Азии и Африке главным образом со стороны Франции и отчасти России, то сейчас к разделу жадно тянулась новая мощная империалистическая страна — Германия, бедная сферами влияния, перешедшая к активной колониальной политике сравнительно поздно. Германия таким образом становилась на пути колониальной монополии Англии. С другой стороны, империалистические интересы Германии сталкивали ее на каждом шагу в любом пункте земного шара с позициями, уже закрепленными другими странами — Францией, Россией и в особенности Англией.

Особое беспокойство Англии вызывало стремление Германии на Балканы и Малую Азию; германские интересы здесь преследовали не только торговые цели, но главным образом задачи вывоза капитала, носившие заостренный *политический* характер.

Проект постройки Германией Багдадской железной дороги (Берлин — Константинополь — Багдад) до самых берегов Персидского залива, к самым уязвимым пунктам Британской империи (угроза Индии и Египту) указывал на непримиримое противоречие между Англией и Германией в таком пункте, где дело шло о жизненных интересах двух империалистических центров, — на противоречие, могущее быть разрешенным только *силой оружия*.

Но наиболее ярким, наиболее конкретным выражением борьбы за империалистическую монополию, за мировое господство явилась борьба между Англией и Германией за господство на море. Это господство на море, определяемое соответствующей мощью флота и морских сооружений, было главнейшим условием сохранения империалистической монополии, охраны „интересов" в колониальных странах, главнейшим условием борьбы за монополию. Вековому владычеству Англии на море все более явственно и с особой силой стала угрожать в первую очередь Германия. С 1898 г. Германия начинает усиленное строительство флота, дающее к 1913 г. увеличение в числе военных судов от 40 до 316, в морских расходах — от 49 до 480 млн. марок. Вопрос о господстве на море также мог быть разрешен только силой оружия.

В подборе для себя союзников в грядущей войне с Германией Англия опиралась на противоречия между Германией и Францией с одной стороны, Германией и Россией — с другой.

Франко-германские противоречия

Франко-германские противоречия шли главным образом по двум линиям: 1) колониальной конкуренции и 2) борьбы за Рурскую область и Эльзас-Лотарингию. По первой линии центральным пунктом была борьба за Марокко (в Африке). Борьба за Рурскую область была со стороны Франции борьбой за *уголь*, которого Франции явно нехватало.

Русско-германские противоречия

Что касается русско-германских противоречий, то в основном они шли по линии соперничества на Ближнем Востоке, где империалистические интересы царской России сталкивались и с Австро-Венгрией, союзником Германии, и с самой Германией по коренному вопросу о том, кто будет хозяином в проливах (Дарданельский пролив). Поскольку против устремления в этом направлении Германии выступила в первую очередь Англия, то тем самым создавалась основа для втягивания „в английский фарватер" России, несмотря на резкий антагонизм между Россией и Англией в Средней Азии и Персии.

Образование Антанты

Создание англо-французско-русской коалиции („Антанты") определяется следующими вехами. Русско-французский союз существовал уже с 1892 г. В 1904 г. Англия заключила с Францией соглашение по колониальным вопросам: Франция предоставляет Англии свободу действий в Египте, Англия — Франции в Марокко.

Разгром России в войне с Японией делает возможным соглашение Англии с Россией в Азии, в частности по вопросу о разделе сфер влияния в Персии (1907 г.).

С этого времени можно считать совершившимся создание Антанты. С этого времени, таким образом, начинается более конкретная совместная подготовка Англии, Франции и России к войне с Германией.

Образование Тройственного союза

История так называемого Тройственного союза — Германии, Австро-Венгрии и Италии — имеет своим источником еще доимпериалистическую эпоху (он создался еще в условиях и на основе того раздела мира, который происходил в годы вызревания монополистического капитализма). В конечном счете он оформился как типичная империалистическая коалиция.

Тройственный союз сложился в 1882 г. после присоединения Италии к австро-германскому союзу 1879 г.

Австро-германский союз 1879 г. был вызван главным образом опасностью франко-русской коалиции после поражения Франции в войне с Германией в 1870—1871 гг. По мере усиления империалистического развития Герма-

нии этот союз приобретает более прочный характер, основанный на общих империалистических интересах, в частности на Балканах. Основным мотивом присоединения к австро-германскому союзу Италии (в 1882 г.) было противодействие Франции итальянской экспансии в Африке (борьба из-за Туниса). Но противоречия между Италией и Австро-Венгрией в Адриатическом море и на Балканском полуострове определяли колебания Италии и в сторону английского влияния. В конечном счете к моменту решительного столкновения Италия от участия в войне сначала воздержалась, а затем примкнула к Антанте.

Войны эпохи империализма

Империалистическая война 1914 г. явилась логическим завершением ряда более „мелких" войн и конфликтов, которыми изобилуют предшествующие ей два десятилетия. Перечислим самые значительные из них:

1894 г. Война Японии с Китаем.
1896 г. Война Италии с Абиссинией.
1897 г. Греко-турецкая война.
1898 г. Американо-испанская война.
1898 г. Столкновение в Фашоде.
1899—1900 гг. Англо-бурская война.
1900 г. Война империалистических держав против Китая (боксерское восстание).
1904 г. Война Англии с Тибетом.
1904—1905 гг. Война Германии против герреро.
1904 г. Марокканский конфликт.
1904—1905 гг. Русско-японская война.
1907 г. Конфликт Японии с Соединенными штатами.
1908 г. Марокканский конфликт (новое обострение конфликта).
1908 г. Казабланкский инцидент.
1908 г. Аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины.
1911 г. Агадирский инцидент.
1912 г. Война Сербии, Черногории и Болгарии против Турции.
1913 г. Война балканских держав между собой.

Таким образом мы видим, что война 1914—1918 гг. была не неожиданной, а закономерно вытекала из всей совокупности указанных нами выше условий.

Следует подчеркнуть, что одним из важнейших мотивов, толкавших империалистические державы к развязыванию войны, был мотив отвлечения масс от революционной борьбы, которая в годы перед империалистической войной явно нарастала во всех странах. Известный французский буржуазный политический деятель Камбен в 1913 г. в одном секретном документе писал: „Некоторые желают войны из социальных соображений, т. е. они хотят переключить внимание на интересы внешне-политического характера, которые одни только в состоянии помешать росту власти демократических и социалистических масс или отсрочить его".

Начало войны

Непосредственным поводом (а таких поводов сколько угодно нетрудно было создать при общей установке на развязывание войны) для развития международного кризиса 1914 г., приведшего к этой на глазах у всех подготовлявшейся войне, было убийство 28 июня 1914 г. в городе Сараево (Босния) сербскими националистами австрийского престолонаследника, эрцгерцога Франца-Фердинанда. Убийство это, как теперь установлено, было организовано сербской охранкой, действовавшей по указке русского генерального штаба. Оно было той искрой, которая попала в пороховой погреб назревших до апогея империалистических противоречий и вызвала пожар мировой войны.

После сараевского убийства события развертывались с катастрофической быстротой.

23 июля Австро-Венгрия предъявила Сербии резкий, посягавший на ее самостоятельность ультиматум. Сербия дала 24 июля в назначенный ей срок ответ, отвергнутый австрийским посланником, покинувшим вслед за тем Белград. За этим последовала общая мобилизация сербских и частичная — австрийских войск. 25 июля в России было принято решение о частичной мобилизации (четырех восточных округов, Черноморского и Балтийского флота). 28 июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну и приступила к военным действиям. 30 июля был подписан указ об общей мобилизации в России, вступивший в силу с 31 июля. 31 июля Германия предъявила России ультиматум о прекращении мобилизации и вслед за отказом в удовлетворении этого требования 1 августа мобилизовала свою армию и объявила России войну, после чего обратилась к Франции с запросом об ее дальнейших намерениях. 1 августа последовала мобилизация и Франции. 2 августа Германия обратилась к Бельгии с ультиматумом, требуя, чтобы она согласилась пропустить через свою территорию германские войска, на каковое требование Бельгия ответила отказом. 3 августа Германия ввела свои войска в Бельгию и объявила войну Франции. 4 августа Англия предъявила Германии ультиматум с требованием отказа от нарушения нейтралитета Бельгии и объявила ей войну. 6 августа Австро-Венгрия объявила войну России. 11 августа Англия и Франция объявили войну Австро-Венгрии.

Основные европейские государства таким образом вступили в войну одно за другим очень быстро — в течение нескольких дней.

В дальнейшем каждая из основных враждебных коалиций привлекает на свою сторону ряд других государств, и война превращается в мировую войну, которая в той или иной мере и степени, в разных формах воздействует также и на оставшиеся формально нейтральными немногочисленные страны.

Число стран, участвовавших в войне в качестве союзников Антанты, доходило ко времени Версальского договора до 27; в это число, впрочем, входили и некоторые вновь возникшие во время самой войны государства (например Чехо-Словакия) и такие карликовые, как Сан-Доминго и Гаити. Присоединение большинства из них, в том числе и Китая (14 августа 1917 г.), было обусловлено давлением крупных империалистических держав. Где не действовали убеждения и всяческие обещания, там прибегали для привлечения союзников к методам прямого насилия. Так, например, Греция была принуждена присоединиться к Антанте рядом насильственных мер вплоть до десанта в Афинах.

Наибольшее значение для хода войны имело, помимо вступления в нее Японии, присоединившейся уже 23 августа 1914 г. к Антанте, выступление на стороне Германии и Австро-Венгрии Турции (конец октября 1914 г.) и Болгарии (14 октября 1915 г.), на стороне Антанты — Италии (23 мая 1915 г.) и САСШ (5 апреля 1917 г.).

Выступление Японии быстро ликвидировало германские владения в Китае и дало возможность Англии воспользоваться японской помощью в охоте за германскими крейсерами, угрожавшими на Тихом и Индийском океанах внутренним сообщениям Британской империи.

Присоединение Турции к центральным державам имело для последних двоякое значение, далеко превосходившее непосредственное значение военных сил Турции. Во-первых, оно значительно расширило площадь их сырьевой базы, во-вторых, оно привело к оттяжке значительных как русских, так и английских сил от европейского театра войны (на Кавказ, в область

Суэцкого канала и долины Евфрата и Тигра). Оно сыграло, вследствие закрытия турками проливов, существенную роль в изолировании русского народного хозяйства от Запада и увеличении финансовых затруднений российского правительства. Присоединение Болгарии еще более увеличило значение перехода Турции на сторону Германии, сделав положение Сербии между австрийскими и германскими войсками, с одной стороны, болгарскими и турецкими, с другой, совершенно безнадежным. Образовалась компактная противоантантовская территория от Немецкого моря до Персидского залива.

Присоединение Италии к Антанте, потребовавшее долгих переговоров с торгом и переторжкой насчет будущих приобретений Италии, укрепило позиции Антанты на Средиземном море и отвлекло значительные австрийские силы с русского фронта на итальянский.

Решающее значение имело для исхода войны выступление на стороне Антанты Северо-американских соединенных штатов.

Остались формально нейтральными до конца войны такие сравнительно незначительные государства, как Швеция, Норвегия, Дания, Испания, Голландия, Швейцария, Мексика и Аргентина.

„Виновники войны" Все усилия главных партнеров подготовленной взаимным провоцированием империалистической схватки в течение так называемой „роковой недели" (23—31 июля) были направлены к тому, чтобы тонкой дипломатической игрой при содействии мощного идеологического аппарата, находящегося в распоряжении современного империалистического государства, обработать общественное мнение и подготовить его к принятию войны как войны необходимой, оборонительной („на нас напали"), исполненной самых благородных намерений и целей. Для этого надо было во что бы то ни стало представить противную сторону виновником войны, зачинщиком, нарушающим договоры, и т. д. и т. п.

Задача франко-русской дипломатии, действовавшей вполне единодушно в направлении развязывания войны против Германии и Австрии, после того как в связи с сараевской провокацией был вызван на арену действий австрийский империализм, заключалась в том, чтобы вызвать на войну и Германию и этим самым обеспечить участие в войне и Англии. Так как заранее было известно (и это считалось желательным с дипломатической точки зрения), что в случае объявления Германией войны Франции Германия неизбежно займет Бельгию, то налицо был готов и благоприятный предлог для Англии вмешаться в войну в качестве „охранительницы международного права". Таким образом Германия должна была выступить как нарушительница освященного международным правом нейтралитета Бельгии, и вся тяжесть войны легко и естественно взваливалась на нее. С другой стороны, нет никакого сомнения в том, что Германия всеми мерами воздействовала на Австрию в смысле усиления ее агрессивности по отношению к Сербии и толкала ее к войне с Сербией. Вильгельм подсказывал германскому представителю в Вене фон Чиршки, что Сербии следует предъявить совершенно неприемлемые условия, чтобы „ссора была готова". Когда 14 июля получилось сообщение от Чиршки: „Нота будет редактирована так, что Сербия почти наверняка не сможет ее принять", Вильгельм сделал на донесении об этом такую пометку: „Наконец-то имеешь дело с мужчиной". Но он в то же время пуще всего боялся участия Англии в войне, не верил в эту возможность, ибо до последних дней рядом очень ловких дипломатических трюков Вильгельму внушалась мысль о возможности,

особенно в связи с натянутыми из-за Персии англо-русскими отношениями, договориться с Англией.

Еще 9 июля сэр Эдуард Грэй в разговоре с немецким послом в Англии Лихновским отрицал наличие каких-либо „тайных соглашений между Великобританией, с одной стороны, и Францией и Россией — с другой, которые налагали бы на Великобританию какие-либо обязательства в случае европейской войны... На случай, если бы венский кабинет увидел себя вынужденным вследствие сараевского убийства решительно выступить против Сербии... он (Грэй) стремился бы склонить русское правительство к спокойному взгляду на этот вопрос и к примирительной политике относительно Австрии".

Лихновский вынес из этой беседы с Грэем весьма успокоительное впечатление: „Министр был в совершенно оптимистическом настроении и заявил весело, что нет никакого основания относиться к положению пессимистически". Когда 28 июля стало ясным, что Англия не останется нейтральной, Вильгельм попытался дать отбой. Но машина войны уже была приведена в действие, а остановить ее инициаторы не хотели. Русская общая мобилизация 30 июля определила неизбежность объявления войны и со стороны Германии, а за ней, с логической последовательностью, и со стороны Англии.

Провокация 28 июня вызвала цепь взаимных провокаций, и война разразилась. Характерно, что Россия произвела уже 25 июля частичную мобилизацию, явно направленную не только против Австрии, но и против Германии (мобилизация Балтийского флота), сейчас же после австрийского ультиматума Сербии, но до австрийской мобилизации. Весьма характерно также, что еще 7 июля, за 16 дней до австрийского ультиматума, Россия снабжает Сербию 120 тысячами трехлинейных винтовок и 120 миллионами патронов. И если совершенно очевидно, что в июле 1914 г. Германия и Австро-Венгрия недвусмысленно собирались съесть Сербию, то, с другой стороны, как установлено документально, еще в апреле этого же года состоялось секретное совещание о заключении англо-русской морской конвенции, которая предусмотрела бы согласованные действия против „Тройственного союза", причем представители русского морского штаба предусматривали возможность десанта в Померании (Германия) „до начала военных действий". В мае Россия уговаривалась с Францией относительно раздела Австро-Венгрии, причем с русской стороны намекалось довольно откровенно, что Галиция — „глубоко-русская страна" и нужна России для безопасности западной границы (из депеши Палеолога, французского посла в России).

Но все это стало известным только впоследствии, а в так называемые „роковые дни" да и раньше антантовская дипломатия обнаружила гораздо больше гибкости и умелости в своей игре, чем германо-австрийская, и ей несомненно удалось создать выгодное для себя дипломатическое освещение причин возникновения войны гораздо искуснее, чем дипломатии противной стороны.

К войне готовились и войну вызвали империалисты обеих группировок.

Активнейшую роль в непосредственной подготовке войны играла Франция, особенно с 1912 г., когда к власти пришел Пуанкаре, наиболее ярко представлявший интересы французских империалистических кругов тяжелой индустрии и синдицированной промышленности. Но инициатива в 1914 г., по всем данным, оказалась в руках Антанты, а в пределах Антанты решаю-

щую роль в конце концов сыграла политика Англии. Англия жадно искала удобного момента и удачного предлога для решительной схватки с Германией, которая все энергичнее становилась на пути как колониального, так и тесно связанного с колониальным морского господства Англии. Антагонизм между Англией и Германией был, как известно, основным фактом довоенных международных отношений. Еще осенью 1912 г. (года выступления Германии с новой судостроительной программой) Грэй говорил русскому министру иностранных дел Сазонову, что существует договор, согласно которому в случае войны Франции с Германией Англия окажет помощь Франции не только на море, но и на суше путем высадки войск на материке и что Англия в таком случае „употребит все усилия, чтобы нанести самый чувствительный удар германскому могуществу". Король Георг V говорил тогда же Сазонову, что „в случае войны англичане пустят ко дну всякое немецкое судно, которое попадется в их руки".

По свидетельству Ллойд-Джорджа (в недавно вышедших его военных мемуарах) в 1904 г. лорд Розбери по поводу заключения англо-французской антанты воскликнул: „Это означает в конечном счете войну с Германией". Ллойд-Джордж подтверждает наличие секретных соглашений между военными и морскими штабами Англии, Франции и России на случай войны с Германией. В качестве предлога для начала войны предусматривалась германская атака на Бельгию.

Бельгийский нейтралитет и его нарушение

Нарушение бельгийского нейтралитета Германией было для Англии предлогом, которого ждали, предвидели и желали. „Вторжение в Бельгию явилось как бы подарком богов и для правительства и для прессы" *(Понсонби)*.

Еще в феврале 1914 г. в переговорах между британским и французским правительством по вопросу о британском экспедиционном корпусе, долженствовавшем в случае войны действовать в Северной Франции, точно устанавливался курс платежей, что свидетельствует о подготовке к войне в самое ближайшее время. Англичане совершенно откровенно готовились к войне именно в Западной Бельгии. Нейтралитет Бельгии, нарушение которого Германией дало богатейшую пищу для английской демагогии и „благородный" предлог для войны, был вообще очень мало священной ценностью для ее охранителей. Одним из вариантов переброски английского экспедиционного корпуса на случай войны с Германией был вариант через Антверпен. Фактически Бельгия уже до начала войны была членом Антанты, и нейтральность ее еще до войны входила в число антантовских козырей. Бельгийские документы показывают, что еще в 1906 г. в Бельгии Франция и Англия рассматривались как союзники, Германия — как враг. Был разработан план совместных действий французской, английской и бельгийской армий и план высадки английских войск в Бельгии. Генерал Персен, один из членов высшего совета Франции в 1910—1911 гг., писал в 1925 г., вспоминая о маневрах того года: „Кампания продолжалась неделю. Она показала, что наступление Германии со стороны Эльзас-Лотарингии не имело шансов на успех, — атакующие были бы неизбежно раздавлены в этом районе, — и что она (Германия) была бы вынуждена нарушить бельгийский нейтралитет. Во французской армии все были сторонниками наступательной тактики. Она предписывала нарушение нейтралитета Бельгии, ибо нам были известны намерения немцев. Мне говорили, что это не будет преступлением со стороны Франции, но лишь ответом на преступление со стороны Гер-

мании... Трактат 1839 г. (о нейтралитете Бельгии) не мог не быть нарушен либо немцами, либо нами. *Его выдумали, чтобы сделать войну возможной.* Вопрос, стоявший тогда перед нами, сводился к одному: кому из двух, Франции или Германии, более необходимо его нарушить, а не о том, кто обнаружил больше пренебрежения к этому договору. Тот, кто больше хотел войны, должен был жаждать вторжения на бельгийскую территорию". (*Понсонби.* Ложь во время войны.)

Полковник Хаус, близкий сотрудник Вильсона, и Пэдж, американский посол в Лондоне, очень близко связанные с английской политикой, в 1916 г. стояли на той точке зрения, что дело было конечно не в бельгийском нейтралитете. „Скучно слушать заявления англичан, — говорил Хаус, — что они дерутся за Бельгию и начали войну по этой именно причине; по-моему, цель вмешательства Великобритании в войну ничего общего с этим не имеет. Сила обстоятельств заставила ее стать рядом с Францией и Россией против центральной империи прежде всего потому, что Германия настаивала на том, чтобы иметь самую сильную армию и наиболее сильный флот, чего Великобритания не могла допустить во имя собственной безопасности. Пэдж согласился, что британцы были бы союзниками Франции даже в том случае, если бы Франция нарушила бельгийский нейтралитет, чтобы легче проникнуть на территорию Германии".

Наконец, сам маршал Жоффр в своих недавно начавшихся печатанием в журнале „Revue des deux mondes" мемуарах засвидетельствовал весьма малую святость бельгийского нейтралитета для его „благородных" защитников. „На секретном совещании 21 февраля 1912 г. с участием Пуанкаре, Мильерана, Делькассе, Палеолога и др., — рассказывает Жоффр, — я изложил свое заключение в том смысле, что высший интерес требует от нас введения нашей армии на бельгийскую территорию и не только тогда, когда немцы нарушат ее неприкосновенность. Я прибавил, что быть может возможно дипломатическим путем приобщить британское и бельгийское правительства к этой точке зрения. Военный министр Мильеран полностью присоединился к моей точке зрения относительно выгод, которые обещал мой план. Морской министр Делькассе также твердо высказался в пользу моего мнения. Но председатель совета министров Пуанкаре зам-тил, что проход французской армии через Бельгию рискует вызвать недоброжелательность Европы и даже самих бельгийцев. При этих условиях представляется необходимым, чтобы наше вступление на территорию Бельгии было по крайней мере оправдано угрозой германского нашествия. Нужно добиться хотя бы того, чтобы наш стратегический план, основанный на нашем вступлении в Бельгию, не повлек за собою недовольства Англии и не вынудил ее отказать нам в помощи". Англия, по свидетельству Жоффра, ничего против французского плана не имела.

В своих военных мемуарах Ллойд-Джордж упоминает о плане британского адмирала Фишера высадить союзный десант на территории Дании для атаки Шлезвиг-Голштинии. Ллойд-Джордж был против этого плана, но совсем не потому, что это было бы нарушением датского нейтралитета, а потому, что „Шлезвиг-Голштиния со своим узким перешейком может быть с легкостью защищена сравнительно небольшими укрепившимися германскими силами".

Так выглядит в действительности „благородная" борьба английского империализма за „священные" ценности нейтралитета.

Для обработки общественного мнения однако выступление Англии в роли охранителя международных прав Бельгии было весьма выигрышным козырем.

Вопрос о „виновниках войны", вызвавший обширную литературу со стороны обоих враждебных лагерей (вопрос тем более остро актуальный, что он победившими державами был выдвинут в качестве „моральной" основы весьма реальных вещей вроде репараций и пр.), мог быть поставлен на научную почву только революционными марксистами. Вот что говорит по этому поводу М. Н. Покровский.

„Все эти „роковые недели", которым придают такое огромное значение буржуазные историки и издатели документов, для нас имеют совершенно третьестепенное значение, поскольку мы знаем, что война не была делом злой воли отдельных лиц и отдельных групп, но с железной необходимостью вытекала из экономической системы последних десятилетий, системы монополистического капитализма. Но из этого отнюдь не следует, как думают иные наивные люди, что значит „виноватых нет" и искать их не стоит. К войне привели захватнические вожделения всех империалистических правительств, но ни одно из них не признавалось и не признается до сих пор в этом; все они, видите ли, стали „жертвой чужих захватов". Документальное изучение мировой войны, значительно облегченное раскрытием русских архивов, ставшим возможным после Октябрьской революции, все больше и яснее вырисовывает „обвинительный акт" — не против отдельного лица или тем паче против отдельной страны, а против того класса, который держал в руках власть во всех больших странах в 1914 г. и держит власть доселе в большинстве из них".

Многочисленные публикации в капиталистических странах документов о происхождении войны 1914 г. все, без исключения, основаны на фальсификации (разной степени умелости и тонкости). Ответственные руководители большинства социал-демократических партий целиком восприняли версии своих отечественных господ.

Когда после краха гогенцоллерновской монархии пришлось под давлением масс кое-что вскрыть из секретных архивов германского правительства, Каутский, с согласия социал-демократического правительства, взялся за издание документов, касающихся возникновения мировой войны. Взвалив вину за развязывание войны на отдельных лиц — Вильгельма и пр., он попытался оправдать позицию пособничества войне со стороны германской социал-демократии. „Гораздо удобнее было, — пишет Покровский, — изобличать отдельных лиц, которые „обманывали и скрывали", чем давать классовый анализ и встать перед вопросом: а что же делала германская социал-демократия перед лицом данного объективного положения?"

Ярким образцом фальсификации истории в целях выполнения социального заказа антантовской буржуазии является „концепция" происхождения мировой войны, „концепция" „виновников ее", развитая бывшим академиком Тарле.

В ряде статей, а в особо „классической" форме в его книге „Европа в эпоху империализма", Тарле путем ряда передержек и фальсификации документов дает ярко антантофильскую, германофобскую „теорию" происхождения мировой войны.

Основной его тезис: реакционная Германия напала на демократическую Францию и Англию. Англия в частности уже собиралась якобы вступить на путь государственного социализма (Ллойд-Джордж и его реформы), но агрессия Германии этому помешала.

В целом ряде существенных пунктов, касающихся действительной истории возникновения империалистической войны 1914 г. (политика русского правительства на Балканах, роль его и сербского правительства в подготовке сараевского убий-

ства, русская мобилизация, бельгийский нейтралитет и т. д.), Тарле, или игнорируя всем известные документы и материалы, или „интерпретируя" их в желательном ему духе, всю вину за войну односторонне возлагает на Германию. В своей угодливости империалистическим хозяевам и ненависти к советской власти, которую он считает преходящим явлением, исторически досадным недоразумением, Тарле осмеливается в советском издании взвалить на советскую власть вину за затяжку войны: Брестский мир, мол, заставил Антанту продолжать борьбу с Германией, мало того, он обусловил якобы и свирепые условия Версальского мира. Таким образом Тарле пытается добиться, с одной стороны, подтверждения его тезиса об односторонней агрессивности Германии (на ряду с борьбой за „общечеловеческие" интересы со стороны Антанты), а с другой — лягнуть советскую власть.

Тарле развил определенную антисоветскую контрреволюционную концепцию защиты планов русской эмигрантской буржуазии, ориентирующейся в своей интервенционистско-реставраторской „деятельности" на бывших союзников Российской империи.

Припертый к стене марксистской критикой (первым выявил классово-враждебное лицо Тарле М. Н. Покровский), Тарле попытался противопоставить марксистской критике фаталистическую концепцию развития событий: империализм роковым образом вел к войне — и не стоит, по его мнению, заниматься вопросом, — „кто начал войну". Во втором издании „Европа в эпоху империализма" Тарле по существу развивал старую точку зрения.

Мнимые и действительные цели войны

Декларативные цели войны 1914 г. должны были поражать своим „величием", вызывая соответствующее настроение в „общественном мнении". В „благородстве" объявленных целей друг другу не уступали ни царская Россия, ни кайзеровская Германия, ни парламентарная Англия и республиканская Франция.

Манифест русского царя говорит о пробуждении братских чувств русского народа к славянам в связи с австрийским ультиматумом Сербии. „Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную нам страну, но оградить честь, достоинство, целость России, положение ее среди великих держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту русской земли дружно и самоотверженно встанут все верные наши подданные".

Вильгельм II также энергично защищал „честь Германии". Он, оказывается, все свое царствование только и делал, что стремился содействовать европейскому миру. „До сих пор Германия спокойно терпела зависть и ненависть противников. Теперь же наши противники унизили нас и требуют от нас, чтобы мы спокойно, сложа руки, смотрели на то, как враг наш готовится нанести решительный удар. Унижение Австро-Венгрии было бы для нас потерей нашей мощи и чести..."

Манифест австрийского императора говорит о „происках преисполненного ненависти противника", вынуждающих его „ради сохранения монархии, для защиты ее престижа и ее державного положения, а равно для охранения ее достояния взяться после долгих лет за меч".

Воззвание французской палаты депутатов призывало „счастливых" солдат: „О, вы, сражающиеся в Бельгии, Лотарингии, Эльзасе, — вы счастливы... Вы будете защищать не только ваши очаги, вашу часть, — вы будете защищать независимость Европы, цивилизацию, право, человеческую совесть... Солдаты... настоящая война — освободительная война".

Английский король взывает к войскам: „Вы покидаете родину, чтобы биться за безопасность и честь нашей империи. На Бельгию, которую мы обязаны защищать, совершено нападение. Франции грозит нашествие того же могущественного врага".

Действительные цели войны имели совсем иной вид: это были цели грабительские, разбойничьи, империалистические.

Эти действительные цели определялись основными империалистическими интересами главнейших стран, участвовавших в войне 1914 г.

Если Англия стремилась главным образом к уничтожению Германии как морской державы и соперника на Востоке (в Турции и Африке), то Франция добивалась устранения Германии как соперника ее претензиям на гегемонию в Европе, а Россия — разгрома Австро-Венгрии, господства на Балканах и в Черном море; Германия в свою очередь добивалась гегемонии в Европе и условий, которые позволили бы ей соперничать с вековой гегемонией Англии на морях и на Востоке.

В беседе с Палеологом, французским послом в России, в присутствии английского посла Бьюкенена, русский министр иностранных дел Сазонов 14 сентября 1914 г. набросал следующий „эскиз картины, полотно которой еще не вытканo":

1. Главная цель союзников — сломить могущество Германии и ее претензии на господство, военное и политическое.
2. Территориальные изменения должны определиться принципом национальностей.
3. Россия присоединяет к себе нижнее течение Немана и восточную часть Галиции, а к Царству Польскому она присоединяет Восточную Познань, Силезию и западную часть Галиции.
4. Франция получает обратно Эльзас-Лотарингию, прибавив к ней, какую хочет, часть рейнской Пруссии и Палатината.
5. Бельгия получает существенное расширение своей территории.
6. Шлезвиг-Голштиния возвращается Дании.
7. Восстанавливается Ганноверское королевство.
8. Австрия превращается в тройственную монархию из Австрийской империи, королевства Богемского и королевства Венгерского. Австрийская империя охватит исключительно „наследственные провинции". Богемское королевство включит в себя собственно Чехию, Моравию (и Словакию). Венгерское королевство должно будет столковаться с Румынией по поводу Трансильвании.
9. Сербия присоединяет к себе Боснию, Герцеговину, Далмацию и Северную Албанию.
10. Болгария получает от Сербии компенсацию в Македонии.
11. Греция присоединяет к себе юг Албании, за исключением Валлоны, которая отойдет к Италии.
12. Англия, Франция и Япония разделят между собой германские колонии.
13. Германия и Австрия заплатят военную контрибуцию.

Главное требование России, не упомянутое Сазоновым в этой беседе, было сформулировано окончательно, в связи с дарданельской операцией англичан для овладения Константинополем, в памятной записке от 4 марта 1915 г. на имя великобританского и французского послов и касалось Константинополя и проливов:

„Ход последних событий приводит его величество императора Николая к мысли, что вопрос о Константинополе и проливах должен быть разрешен согласно вековым стремлениям России.

Всякое решение будет недостаточным и непрочным в случае, если город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а также южная Фракия до линии Энос — Мидии не будут впредь включены в состав Российской империи. Равным образом и в виду стратегической необходимости часть азиатского побережья в пределах между Босфором, рекой Сакарией и подлежащим определению пунктом на берегу Исмидского залива, острова Мраморного моря, острова Имброс и Тенедос должны быть включены в состав Империи".

Добиваясь согласия союзников на этот грабеж, успех которого обеспечил бы ей не только „ключи от дома", но и преобладающее влияние на Балканском полуострове и в Малой Азии, царская Россия великодушно благословляла своих партнеров на грабежи в других местах:

„Упомянутые союзные правительства, — говорилось в той же памятной записке, — могут быть уверены, что встретят со стороны императорского правительства такое же сочувствие осуществлению планов, которые могут явиться у них по отношению к другим областям Оттоманской империи и иным местам".

Формальное согласие союзников России на благоприятное для нее решение вопроса о Константинополе и проливах было куплено дорогой ценой: 1) обязательством поддерживать союзников во всех их планах до конца (союзники соглашались на русские требования „в случае если война будет доведена до успешного окончания и если будут осуществлены пожелания Великобритании и Франции как в Оттоманской империи, так и в других местах"); 2) согласие России на включение в английскую сферу влияния нейтральной зоны Персии и на ряд мер, долженствовавших оградить как интересы английской торговли, так и интересы балканских государств. Кроме того оставление вне русской зоны острова Лемноса (занятого в связи с дарданельской операцией англичанами) значительно ослабляло возможность военного господства России в Дарданеллах. Постановка Россией вопроса о Константинополе и проливах привела далее к длительным переговорам о разделе Турции, закончившимся в 1916 г. заключением в Лондоне секретного франко-британского соглашения, к которому было предложено присоединиться и России: последняя выговорила себе как свою долю область Эрзерума, Трапезунда, Вана и Битлиса и часть Курдистана.

Еще позднее, накануне самой революции, в феврале 1917 г., Россия заключила с Францией по инициативе последней секретное соглашение о целях войны, причем Россия обязалась поддерживать французские цели:

„1. Эльзас-Лотарингия должна быть возвращена Франции.

2. Границы ее должны простираться по крайней мере до границ Лотарингского герцогства и должны быть установлены по усмотрению французского правительства таким образом, чтобы удовлетворить (его) стратегические потребности и включить во французскую территорию весь лотарингский железный район и весь угольный район долины Саара.

3. Остальные области, расположенные на левом берегу Рейна, которые ныне составляют часть Германской империи, должны быть окончательно отделены от Германии и освобождены от всякой политической и экономической зависимости от нее.

4 Территории на левом берегу Рейна, не вошедшие в состав французской территории, должны образовать автономное и нейтральное государство и должны быть заняты французскими войсками до того момента, пока не будут осуществлены гарантии, требуемые союзниками для обеспечения прочного мира, и вообще до тех пор, пока неприятельские в данный момент государства не осуществят полностью всех условий мирного договора".

Обосновывая претензии Франции на левый берег Рейна, Бриан в письме к французскому послу в Лондоне Камбону писал в 1917 г.: „Хорошие головы во Франции, придерживающиеся старейших традиций нашей национальной политики, требуют левого берега Рейна как потерянного наследства французской революции, как области, необходимой для создания того, что Ришелье называл „нашим хорошо приспособленным полем сражения". Надо опасаться, что новое приобретение рейнских провинций, отнятых у нас сто лет назад, будет считаться завоеванием и может создать нам большие затруднения".

Германские цели войны были также ярко-империалистические, грабительского характера. Приобретая в зависимости от хода событий на войне то более широкий, то более скромный характер, они включали в себя неизменно захват французской Лотарингии, контроль над Бельгией, создание

вассальных государств на восточных границах или аннексирование Польши, Литвы и балтийских провинций, передел колоний.

Чрезвычайно любопытна для характеристики действительных военных целей Германии так наз. „докладная записка профессоров", представленная канцлеру в 1915 г. за подписью 325 профессоров, 148 судей и адвокатов, 145 бургомистров и высших административных чинов, 185 священников, 40 парламентариев и 18 отставных адмиралов и генералов. Это была третья докладная записка о военных „целях", представленная в 1915 г. канцлеру от различных буржуазных организаций. Профессорская докладная записка „строго конфиденциально" указывала на твердое желание народа „использовать все военные результаты этой войны, стоившей нам стольких жертв..."

„Мы теперь уже не удовлетворяемся обороной.." Для обеспечения „продолжительного мира" необходимо: а) во Франции основательное улучшение нашей западной границы от Бельфора до моря. Надо завоевать часть северо-западного французского берега канала, чтобы иметь стратегические гарантии против нападения Англии и получить более благоприятный выход в океан. На Францию надо наложить беспощадно высокую сумму в виде военной контрибуции. „Нам не следует также забывать, что Франция обладает сравнительно чересчур большими колониями и что Англия, при удобном случае, сможет воспользоваться этими французскими владениями, если мы упустим момент и не предъявим претензии"; б) „удержание Бельгии народ считает вопросом чести, не подлежащим обсуждению, иначе Бельгия с политической и военной точки зрения явится не чем иным, как чрезвычайно опасной для Германии базой английских нападений; в) на границе с Россией надо создать из русских земель пограничный пояс, доступный германской с.-х. колонизации. Но мы не смущаемся указать и на русские остзейские провинции, т. е. страну, где германская культура усваивалась в течение семисот лет; г) Англия. Так как эта война является войной Англии против влияния Германии на мировом рынке, на море и в заокеанских странах, то нужно добиться возвращения на мировой рынок и обеспечить себе морские пути. В Африке воздвигнем вновь нашу колониальную империю. Но нужны удовлетворительные приобретения и в других частях света. Для обеспечения колоний необходима свобода морей. Гарантии ее: укрепленная позиция на берегу Ламанша; взорвать цепь английских опорных пунктов, опоясывающих весь земной шар. Ударить по Египту, хребту английского мирового владычества. Контрибуции должны быть таковы, чтобы они возместили государству его военные расходы, сделали бы возможным восстановление Восточной Пруссии и Эльзаса, гарантировали бы создание пенсионного фонда для инвалидов и родственников павших на войне воинов, вознаградили бы частных лиц за понесенные убытки и позволили бы восстановить и расширить нашу военную мощь".

Аппетиты германского империализма получили наиболее яркое свое выражение в Брестском мире.

В погоне за союзниками обе воюющие стороны сверх того воздействовали на вовлекаемые в войну страны (Румынию, Болгарию, Турцию, Италию, Грецию и др.) всяческими обещаниями, главным образом территориального характера, из будущей добычи.

Империалистическая дипломатия периода войны даже в той мере, в какой ее деятельность стала достоянием гласности, чему особенно способствовала Октябрьская революция, раскрывшая архивы царского правительства, вырисовывается во всей ее отвратительной разбойничьей наготе.

Под предлогом „защиты отечества, защиты международных прав, угнетенных наций и пр. проводилась наглейшая политика грабежа, аннексии, передела территорий во всех концах земного шара.

Во имя этих действительных империалистических целей в течение четырех лет шла война, равной которой по количеству человеческих жертв, израсходованных на ведение ее средств, по техническому уровню человекоубойной промышленности, по социально-экономическим и политическим последствиям не знала история человечества.

II ХОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Западный театр военных действий

Еще до объявления войны была начата мобилизация армий воюющих стран. Германские войска сосредоточивались соответственно плану Шлиффена, видоизмененному начальником германского генерального штаба Мольтке-младшим. Идея этого плана заключалась в следующем: против медленно сосредоточивающихся русских войск выдвигается небольшое прикрытие; главный удар наносится Франции, после чего главные силы германской армии перебрасываются против России и громят ее. Разгром Франции должен быть осуществлен до наступления русских сил — в кратчайший срок. Сосредоточивая превосходные силы против Франции, необходимо было главную массу войск направить через Бельгию и Люксембург, в обход сильно укрепленной пограничной полосы к югу от Вердена, разгромить левый фланг французских армий и путем непрерывного и быстрого преследования противника с обходом Парижа отбросить французов к швейцарской границе, где их окружить и уничтожить. Для этой цели севернее Метца и Вердена должны были наступать $35^1/_2$ полевых и резервных корпусов и 8 кавалерийских дивизий. Южнее Метца должны были наступать 5 полевых и резервных корпусов и 3 кавалерийских дивизии; на самом левом фланге германского фронта располагались $4^1/_2$ бригады ландвера. Соотношение правого фланга к левому должно было равняться 7 : 1. Правофланговая группа (важнейшая согласно замыслу операции) должна была иметь 8 армейских корпусов и 5 кавалерийских дивизий.

План Шлиффена, который и поныне величают гениальным стратегическим творением, являлся типичным выражением господствовавших в Германии воззрений на ведение войны. Несмотря на то что со времени Клаузевица все военные теоретики Германии объявляли себя его учениками и последователями, развитие военной мысли Германии шло однако не в духе диалектического учения Клаузевица, а по пути метафизики. Венцом метафизики в военной теории и была стратегическая доктрина Шлиффена, воплощенная в его плане войны.

Шлиффен ставит своей задачей раскрыть тайну осуществления „идеи войны" — уничтожения противника. Раскрытием этой „тайны" будто бы явился бой при Каннах в 216 г. до н. э., в котором карфагенский полководец Ганнибал сумел окружить превосходные по количеству римские войска и их уничтожить. Шлиффен объявляет „Канны" единственным правильным методом ведения боя и войны; в его плане вся война превращается в одно непрерывное сражение, долженствующее закончиться уничтожением окруженных французских армий. В действительности план Шлиффена — чистая метафизика. Предпосылки способа ведения войны со времен Ганнибала настолько изменились, что „Канны" в масштабе целой войны стали мифом. Однако вера в чудодейственную силу этого плана в германских военных кругах была так велика, что даже после отступления германских армий при Марне только Мольтке-младший и несколько других офицеров генштаба поняли, да и то смутно, крах шлиффеновского плана.

Мольтке-младший, преемник Шлиффена на посту начальника генерального штаба, тоже сохранил идею шлиффеновского плана войны и лишь изменил соотношение сил флангов: увеличил значительно за счет правого левый фланг, доведя соотношение между ними до 3 : 1.

К 17 августа германские армии развернулись по вышеуказанному плану на франко-бельгийской границе: 34 корпуса, 10 кавалерийских дивизий, $1^1/_2$ резервных и $17^1/_2$ ландверных бригад, — всего около полутора миллионов бойцов и свыше 4300 орудий. Главная масса (26 корпусов) сосредоточивалась на фронте Аахен — Мец (160 *км*); южнее Меца, фронте 220 *км* — остальная четверть сил (3 корпуса).

Концентрация французских армий закончилась на день позже германских. На фронте Бельфор — Гирсон (350 *км*) были развернуты: 21 корпус, 10 кавалерийских дивизий, 28 резервных и 4 территориальных дивизии, или всего 1400 тыс. бойцов примерно с 4 тыс. орудий.

Французский план войны создавался под впечатлением поражения войны 1870—1871 гг. и военного превосходства германского милитаризма; вопреки всей наступательной фразеологии, особенно сильно поддерживаемой во французских военных кругах с приходом Жоффра на пост начальника штаба, французский план был по существу стратегически-оборонительным: четыре армии (I, II, III и V располагались вдоль границы, а одна — IV — сосредоточивалась в глубине Жоффр, с целью отрезать главные германские силы от их базы, намеревался после сосредоточения своих армий начать наступление в двух направлениях — правым флангом прямо на восток, левым — на северо-восток.

Французский план войны не содержал в себе „идеи" уничтожения неприятельской армии в одном сражении. Но, отказываясь от намерения устроить „Канны", французское командование в лице Жоффра в своих планах отдало дань безыдейности: собирались наступать, а развертывание армии приняло характер стратегической обороны. Это была демонстрация беспомощности французского командования перед грозной неизвестностью, надвигавшейся с Востока. И напрасно некоторые, преимущественно французские, писатели распространяют легенды о применении Жоффром наполеоновского метода ведения войны — On s'engage partout et après on voit (повсюду ввязываться, а затем уже будет видно). План Жоффра был выражением отсутствия плана войны. Не случайно он не разработал писанного оперативного плана войны, говоря, что планом операции является та идея, которую полководец вынашивает в своей голове.

Таким образом французские армии сосредоточивались на границах без ясно выраженного плана войны. Их стратегическое развертывание шло под знаком выжидания.

Кроме того Жоффр недостаточно учел последствия наступления немецких войск через Бельгию. Развертывание французской армии не обнаруживает учета этого наступления. А это вызывало, при отсутствии немедленного вторжения французов на территорию неприятеля, полную перегруппировку войск, грозившую поражением.

Наступление германских войск через Бельгию и Люксембург шло бурным потоком. Дерзкой атакой они заняли 13 августа бельгийскую крепость Льеж и быстро отбросили 120-тысячную бельгийскую армию, которая укрылась в крепости Антверпен. Попытка французских армий перейти в наступление из районов Вердена и южнее не увенчалась успехом. После этого французский генштаб спешно начал перегруппировку своих армий, чтобы остановить наступление неприятеля. Одновременно сосредоточивалась английская армия, силой свыше 70—80 тыс. бойцов, в районе Мобежа. С 20 по 25 августа по всему западному фронту шли сильные бои, вошедшие в во-

енную историю под названием „пограничного сражения". Они закончились поражением англо-французских войск. Немецким армиям удалось 23 августа у Монса внезапной атакой нанести сильный удар английской армии ген. Френча, а также отбросить на юг левофланговые французские армии. Дальнейшие попытки французского командования остановить немецкое наступление не удались, и в начале сентября германские армии достигли р. Марны, пройдя свыше 400 *км* в глубь Франции. Казалось, что план Шлиффена увенчается успехом. Французское правительство решило эвакуироваться в Бордо. Однако сражение на Марне все же закончилось победой англо-французских войск.

Сражение на реке Марне

После безуспешных попыток задержать германский натиск на северные границы Франции главная масса французских армий отступала между двумя сильно укрепленными районами — Верденом и Парижем. Жоффр решил, опираясь на эти крепости, остановить и отбросить германцев, атакуя их как с фронта, так и с тыла.

VI французской армии ген. Монури (VI армия организовалась после начала военных действий), отступавшей перед германцами из района Амьена в район Мо (северо-западнее Парижа), Жоффр поставил задачу—атаковать вдоль реки Уазы правофланговую группу немецких войск —армии ген. Клука; остальным силам — атаковать неприятеля по всему фронту.

К этому времени на линии Париж—Верден сосредоточились 6 союзных армий, около 500 тыс. бойцов. Против них наступало на этом участке около 470 тыс. солдат германских армий. Стратегическое положение последних значительно ухудшилось: еще с первых дней сентября в германской ставке стало ясно, что нехватает сил для обхода парижского укрепленного района с запада.[1] Поэтому Мольтке 4 сентября принял решение обойти Париж с востока, оставляя заслон против него в виде I и II армий, а остальным войскам продолжать отбрасывать неприятельские силы на юг и на юго-восток.[2]

Наступление германских армий продолжалось, причем правый фланг должен был проходить уже восточнее Парижа. Ген. Клук был настолько беспечен в отношении своего правого фланга, что выставил против Парижа лишь один (IV) корпус.

6 сентября началось контрнаступление англо-французских войск. Атаки VI французской армии вынудили ген. Клука перебросить свои части снова за р. Марну и повернуться против ген. Монури, чтобы обеспечить тыл германских армий. Ему удалось после упорных боев с 6 по 7 сентября от-

[1] 4 сентября 1914 г. Жоффр дал следующую директиву: „1) следует использовать рискованное положение I германской армии с целью сосредоточить против нее силы союзных левофланговых армий; в течение 5 сентября будут приняты все меры к тому, чтобы начать атаку 6-го; 2) к вечеру 5 сентября принять следующее расположение: всем силам VI армии, находящимся к северо-востоку от Мо, быть готовыми перебросится через р. Урк... и атаковать в направлении Шато Тьерри; 3) английской армии, развернувшись фронтом на восток по линии... атаковать в общем направлении на Монмирай; 4) V армии, подтянувшись к своему флангу..." и т. д.

[2] „Неприятель уклонился от обходного движения I и II армий и частью своих сил вошел в связь с Парижем. Различные сведения указывают, что он перебрасывает на запад свои войска с линии Туль — Верден... В виду этого оттеснение всех неприятельских сил в юго-восточном направлении к швейцарской границе является уже невозможным..." (Из директивы Мольтке 4 сентября.)

бросить назад ген. Монури. Но его отход оголил фланг II германской армии ген. Бюлова. Наступление английской армии и части V французской армии в прорыве между I и II немецкими армиями грозило разрывом и окружением последних. 8 сентября создалось таким образом чрезвычайно напряженное положение. Обстановка оценивалась Мольтке пессимистически, и он во избежание разгрома германских армий решился уже на отход. „Душа германского вождя все более и более расслаблялась долгим ожиданием и мучительными сомнениями насчет исхода битвы", — такими „трагическими" словами характеризуется состояние Мольтке в этот день в официальной истории великой войны, составленной германским генштабом.

Мольтке послал на место боя для изучения обстановки подполковника Хентча с мандатом в случае надобности отдать распоряжение об отступлении. Хентч прибыл сначала во II армию и вместе с ее командующими принял решение об отходе II и I армий. Командующему I армией генералу Клуку, не желавшему отступать после победы над ген. Монури, Хентч от имени Мольтке приказал отступить.

Германские армии начали отход. Однако робкие и вялые действия англо-французов дали немцам возможность укрепиться на линии реки Эн и остановить контрнаступление союзников. Последними судорогами военных действий начала войны явились операции, имевшие целью обойти фланги неприятеля — левого у французов, правого у немцев. Эти операции, получившие название „бег к морю", велись без особой энергии и быстро затихали. К концу октября на западном фронте наступило затишье — войска зарываются в землю от Швейцарских гор до моря.

Начинается позиционная война.

Поражение германцев на Марне явилось поворотным пунктом в ходе войны. Оно явно обнаружило невозможность закончить войну быстро, одним ударом, — план Шлиффена потерпел фиаско. Наличие массовых миллионных армий, действующих при высокоразвитой военной технике и особенно при наличии развитых средств транспорта, позволявших перебрасывать в короткие сроки огромные массы войск, открывало возможность быстро концентрировать свои войска против наступающих сил неприятеля и остановить его продвижение. Кроме того армии развертывались не на фронте в 20—30 *км*, как это было в эпоху Наполеона, а на сотнях километров. Это давало возможность противнику, пока совершались его обход и окружение, либо уйти из-под удара и совершить перегруппировку, либо переправить свои силы в угрожаемом направлении. В этом заключалась одна из основных причин поражения немецких армий на р. Марне. Французам удалось создать достаточный перевес сил против обходившей их группы германских войск и поставить последнюю в положение обойденной. Нельзя никоим образом считать, что победа была бы выиграна немцами, если бы Мольтке не оттянул двух корпусов, предназначенных для запада, на восточный фронт. Эти два корпуса не меняли резко соотношения сил. Для обхода Парижа с запада нехватало сил, и если бы этот обход совершился, то произошел бы разрыв германского фронта; продвижение восточнее Парижа открывало фланг германских армий; заслон же против Парижа с востока I и II армиями и наступление остальной массы немецких войск восточнее Парижа означали полное нарушение первоначального плана и создавали обстановку совершенно новую, а следовательно начало новых операций. Но одно здесь несомненно: Францию нельзя было сокрушить

одним быстрым маневром, — русские войска начали бы вторжение в Германию.

Буржуазные военные историки ищут причины поражения под Марной в упомянутых нами двух корпусах или в нетвердом руководстве Мольтке. Многие из них считают, что если бы немцы продолжали наступление, победа осталась бы на стороне Германии. Такая точка зрения является ярким свидетельством неспособности военного доктринерства разобраться в сущности событий.[1]

Восточный театр военных действий

Концентрация русских армий совершалась гораздо медленнее, чем концентрация остальных войск великих империалистических держав. К 15—20 дню мобилизации было сосредоточено 50% всех сил, к 25—27 дню — 75%, к 36—40 дню — 100%. Русский план войны был в оперативном отношении противоречив: главная масса русских войск направлялась против Австро-Венгрии; царская Россия видела в лице Австро-Венгрии своего главного соперника на Балканах; одновременно же подготовлялось вторжение в глубь Германии, в направлении на Берлин, что диктовалось военной конвенцией между Россией и Францией, согласно которой русские войска должны были для облегчения положения французских армий начать наступление против Германии, не дожидаясь своего сосредоточения.

К 17 августа I и II русские армии перешли границы Восточной Пруссии, имея задачу взять в клещи и уничтожить VIII германскую армию (13 пехотных дивизий и 1 кавалерийская—всего 173 тыс. бойцов с 1044 орудиями). I армия ген. Ренненкампфа насчитывала $6\frac{1}{2}$ пехотных дивизий и 5 кавалерийских дивизий с 492 орудиями; II армия ген. Самсонова — $12\frac{1}{2}$ пехотных и 3 кавалерийских дивизии с 702 орудиями. На стороне русских было двойное превосходство сил. Однако неспособность русского командования и слабая боевая подготовка рядового и особенно командного состава привели к полному крушению наступления русских войск на Восточную Пруссию. Сначала в боях 20 августа у Гумбинена I армии удалось отбить атаки германцев, но в дальнейшем немцы сумели, маневрируя за Мазурскими болотами, броситься на II армию ген. Самсонова и в упорных боях с 26 по 29 августа окружить ее в районе Танненберга — Сольдау и разгромить полностью. Поражению русских армий не мало содействовал командующий I армией ген. Ренненкампф, который, находясь всего на расстоянии кавалерийского перехода от района боев и имея против себя лишь по одной кавалерийской и пехотной дивизии, ухитрился остаться простым зрителем гибели II рус-

---

[1] Характерно, что проф. А. Свечин также критикует стратегическую доктрину Шлиффена, однако с точки зрения своей концепции „измора", а не за его метафизичность. Свечин считает, что Германия должна была вести войну на измор, а не ставить себе задачу сокрушения своих противников. Прежде всего следует отметить неправильность позиции, с которой Свечин критикует Шлиффена. Он считает, что существует двоякого вида стратегия — стратегия „измора" и „сокрушения", т. е. по существу говоря, повторяет идеалистическую концепцию немецкого профессора Ганса Дельбрюка.

Прежде всего способ ведения войны изменялся постоянно с развитием общественно-экономических отношений; кроме того во все времена противники не только брались „изморам" или „сокрушались", но одерживали победы или терпели поражения, веля войну тем способом, какой диктовала современная социально-экономическая обстановка. Весь вопрос состоит именно в том, каким образом совершалось „сокрушение" или „измор", т. е. каким образом войска совершали свою специфическую „убойную" деятельность. Этого-то и не понимает проф. Свечин.

ской армии. С таким проявлением бездарности в военной истории, пожалуй, могут сравниться лишь действия генералов Тауенцинена и Рюхеля под Иеной в 1806 г., которые пассивно взирали, как Наполеон громил главные силы принца Гогенлоэ, а затем сами подверглись уничтожающему разгрому. Именно этих героев Иены имел в виду Клаузевиц, когда писал: „Они обнаружили тут полное убожество ума, до которого когда-либо доводил методизм, и ухитрились погубить армию принца Гогенлоэ так полно, как ни одна армия не погибала на поле сражения".

Против Австро-Венгрии развернулись четыре русских армии: VIII, III, IV и V, силою около 620 тыс. бойцов при 2040 орудиях, имевших общую задачу разгромить австрийскую армию. Австро-венгерским армиям: I, IV и III, а впоследствии и II, силою около 640 тыс. бойцов с 1420 орудиями, была поставлена цель быстрым наступлением разбить не сосредоточенные полностью русские армии. Главный удар наносился по правому флангу русских войск (IV и V армий). Конрад фон Гетцендорф — начальник генерального штаба Австро-Венгрии — питал надежду на возможность осуществления на своем участке идеи „Канн", хотя и в меньшем масштабе, чем „то предусматривалось по плану Шлиффена

Наступление началось с обеих сторон и привело к грандиозным 33-дневным встречным сражениям, известным под названием „Галицийской битвы". Вторжение русских в Галицию закончилось поражением австро-венгерских войск, отступивших за реку Сан и потерявших Львов.

Сначала австрийцы, имея почти двойное превосходство на своем левом фланге, отбросили IV и V русские армии на 150 *км* назад, не добившись однако их уничтожения. А когда III и VIII русские армии со своей стороны отбросили III австрийскую армию и продвинулись на флангах основной группировки австро-венгерских войск, последние были вынуждены покинуть не только захваченные территории, но и отойти за р. Сан.

Период поздней осени и зимы, вопреки стремлению русского командования продолжать наступательные операции на этом фронте, привел к тому, что активные действия затихли и здесь.

Следует отметить так называемую ивангород-варшавскую операцию, явившуюся результатом организованного германцами наступления в помощь австро-венгерцам: русскому командованию удалось перебросить с р. Сан на р. Вислу силы, которые, будучи подкреплены подошедшими из Сибири частями, остановили немецкое наступление и попытались вторгнуться в Германию; однако контрудар немцев со стороны Торна парировал это вторжение. После упорных боев под Лодзью боевые действия зимой затихли и на подступах к Варшаве.

Упорные бои шли также между Сербией и Австрией. Сербская армия отчаянно сопротивлялась. Сербам удалось отбить августовские попытки австро-венгерской армии форсировать рр. Дунай и Саву. Однако в сентябре, после длительной артиллерийской подготовки, австро-венгерские войска переправились через р. Дрину в обход левого фланга сербского расположения. Сербы оттянули свой левый фланг на Грушевские высоты, где они упорно удерживали свои позиции до начала ноября, когда под давлением превосходных сил противника и сильного истощения артиллерийских запасов вынуждены были начать отход в глубь страны на линию Космай — Рудник. На этих высотах им удалось задержаться и с получением от Антанты артиллерии и огнеприпасов перейти 3 декабря в контрнаступление,

которое увенчалось успехом: австро-венгерские войска были отброшены снова за Дунай и Саву, на свои прежние позиции.

Конец 1914 г. — ноябрь — ознаменовался вступлением Турции в войну; однако кроме демонстративной бомбардировки союзным флотом Дарданелл и нескольких набегов германских крейсеров „Гебен“ и „Бреслау“, прорвавшихся в Черное море, серьезных боевых действий не разыгралось.

Боевые действия 1915 г.

С 1915 г. открылся период так называемой позиционной войны. На западном театре она окончательно заменила „маневренные“ военные действия; на востоке же маневренные операции продолжались почти до поздней осени 1915 г., хотя и здесь лопата и проволока нашли широкое применение.

Буржуазные военные историки объясняют возникновение позиционной войны отсутствием во время мировой войны на постах главного командования гениальных полководцев, которые бы сумели вести войну надлежащим образом, т. е. вести маневренную войну и добиваться решительных результатов.

„Позиционная война на всем фронте, от моря до неприступного рубежа, была последствием несостоятельности высшего командования“,— писал ген. Добровольский („Война и мир“, № 6). Проф Новицкий также видит две причины, породившие позиционную войну: оперативную несостоятельность *германского главного командования* и истощение сторон.[1] Подобные воззрения доминируют в военной литературе капиталистических стран.

Позиционная война не представляет ничего „противоречащего природе войны“. Она явилась результатом такого соотношения сил на фронтах, которое не позволяло воюющим странам, сильно истощенным после первых грандиозных сражений, создать надлежащий перевес сил, дабы в короткий срок непрерывными мощными ударами привести неприятеля к капитуляции. Необходимо было новое накопление сил, которое не могло быть осуществлено в короткий срок. С другой стороны, оборона и закрепление на занятых рубежах требовали при наличии высокоразвитой военной техники всемерного использования земляных сооружений. Позиционная война наступила не потому, что противники пришли к обоюдному „согласию“ не наступать друг на друга: воюющие стороны вынуждены были зарыться в окопы, чтобы отстоять свои позиции и спасти свою живую силу от мощного огня современных орудий.

На западном фронте за весь 1915 г. серьезных боев не было. Германское главное командование, считая, что судьба войны решится на западном фронте, решило предварительно разгромить русскую армию и принудить таким образом Россию к сепаратному миру. Перенесение центра главного удара на восток диктовалось и тяжелым положением австро-венгерских армий, крайне измотанных после галицийской кампании и карпатских сражений. Требовалась срочная помощь, иначе Австро-Венгрии угрожало полное поражение. „Относительно состояния союзных войск, — писал ген. Фалькенгайн, новый начальник германского генштаба, заменивший Мольтке, — возникли серьезные сомнения, насколько их фронт вообще может быть прочен без сильной немецкой поддержки“. („Верховное командование...“ и т. д., стр. 52.)

---

[1] Не менее курьезно, под флагом учености, объясняет возникновение позиционной войны и А. Свечин: „Если обе стороны выдвигают для операций позитивные цели, то получаются крайне маневренные, чисто встречные операции. Если же обе стороны выдвигают на первый план негативные цели операции, то военные действия получают позиционный характер“. („Стратегия“, стр. 186, изд. 2-е.)

Англо-французское командование пыталось провести несколько наступлений, особенно когда положение русских войск становилось тяжелым и когда германцы сняли с западного фронта значительные силы; однако эти попытки наступления кончались поражением. Наиболее крупными из них были попытки прорыва германских позиций в районах Артуа и Шампани; это наступление было предпринято союзным командованием после решения союзнического военного совета (впервые созванного 7 июля в Шантильи) начать наступление с целью облегчения положения русских армий, одновременно используя ослабление германского западного фронта.

В Шампани французы сосредоточили около 53 дивизий, а в Артуа англичане и французы — 14 дивизий. Количество артиллерии на обоих участках превысило 5 тыс. орудий (невиданная до тех пор масса артиллерии!). Атака началась после длительной артиллерийской подготовки (в Шампани в течение 7 дней было израсходовано свыше 3 млн снарядов), и французам удалось прорвать фронт противника на 2,5 *км* вглубь, захватить 25 тыс. пленных и 150 орудий; однако в дальнейшем они наткнулись на вторую полосу обороны, в результате чего их атаки были отбиты с колоссальными потерями.

Успехи прорыва в Артуа были столь незначительны, что не поколебали фронта германских войск, а дальнейшие „прогрызания" расположения германцев были жестоко отбиты. К середине октября на западном фронте снова наступило затишье.

На восточном театре в 1915 г. произошли крупные бои, закончившиеся поражением русских армий, очистивших Польшу и Галицию.

В начале года русская ставка разработала план наступления на Берлин. Одновременно под давлением командующего юго-западным фронтом ген. Иванова Янушкевич—начальник штаба Верховного главнокомандующего — согласился начать вторжение в Венгрию через Карпаты. Для подобных двух чрезвычайно крупных операций нехватало сил. Против 83—85 германских и австрийских дивизий русские имели $103^1/_2$ дивизии. Но состояние войск было плохое: недоставало $30^0/_0$ штатного состава, имелось лишь $25^0/_0$ потребности артиллерийских парков, нехватало снарядов; с другой стороны, дезертирство и „самострелы" начали принимать большие размеры.

Германское командование, принявшее решение перенести центр удара против русской армии и осведомленное о готовящемся наступлении последней, постаралось парализовать его своим контрнаступлением, поставив себе целью окружение русских армий ударом с севера до линии Осовец — Гродно — Лида и с юга от Карпат на Львов. Это был также грандиозный план взятия в клещи всех русских армий от Карпат до моря Осуществление конечных целей операций должно было начаться с уничтожения фланговых русских армий в Восточной Пруссии и в Галиции.

Разыгравшиеся в феврале сражения доказали неосуществимость германского плана разгрома всех русских армий в быстром непрерывном сражении. Германцам удалось окружить X русскую армию, которая с трудом прорвала окружение, потеряв XX корпус в Августовских лесах; недостаток сил сделал невозможным дальнейшее продвижение немцев.

На Карпатском фронте почти одновременно началось наступление австро-германских и русских армий, что привело к длительным встречным боям в горной местности, не давшим серьезных результатов. Некоторый перевес получило русское командование после падения Перемышля, где было взято

в плен свыше 120 тыс. австро-венгерских войск и захвачено 900 орудий и освободилась XI русская армия для дальнейших операций. Но австрийское командование умелыми перегруппировками успешно задержало наступление русских армий. К середине апреля глубоко увязшие в Карпатских горах русские армии вынуждены были остановиться, — вторжение в Венгрию не осуществилось.

В мае началось крупное наступление германцев и австро-венгров на Галицийском фронте. Германское командование решило произвести прорыв со стороны Карпатского хребта, а также на севере у Вислы. В районе Горлица — Громник была сосредоточена XI германская армия Макензена с 572 орудиями (из коих 160 гаубиц и 100 минометов). Наступление ее, поддержанное IV австрийской армией, прорвало фронт III русской армии и после двухмесячных боев окончательно отбросило русские войска из Галиции, захватив обратно Перемышль и Львов. Русские армии были основательно потрепаны и потеряли 500 тыс. человек и 344 орудия.

В середине июля была начата германцами операция, имевшая целью окружить и ликвидировать русские армии в Польше между Вислой и Бугом. Для этого была сформирована группа из трех армий: XI армии Макензена, IV австрийской и специально созданной „Бугской армии" ген. Лизингена, которая должна была наступать с юга на север и северо-восток; с севера Гинденбург должен был направить группу Гальвица в долину Прасныша. Это наступление хотя и не привело к уничтожению русских войск в Польше, но передало в руки германцев всю Польшу.

На русско-турецком фронте 21 декабря турки предприняли операцию с целью окружения главных русских войск в районе Саракамыша. Им удалось действительно вследствие беспечности командования Кавказской русской армии окружить саракамышскую группу, но неумелость действий обходящего турецкого корпуса и небоеспособность турецких войск дали возможность русским войскам разгромить и в свою очередь окружить их, а к середине января и ликвидировать их. В июле турецкая армия начала новое наступление, окончившееся после некоторого успеха также поражением.

Более крупным событием 1915 г. было на западе вступление в войну Италии на стороне Антанты и Болгарии на стороне центральных держав.

23 мая Италия объявила войну Австрии и начала наступление своими армиями (всего 2 млн. бойцов) в четырех направлениях, имея ближайшей целью захватить важнейшие командные рубежи пограничной полосы и таким образом обеспечить возможность вторжения в Австрию. В виду операций, развившихся против России, Австрия ограничилась на итальянском фронте обороной. Однако итальянское наступление развивалось крайне медленно, и, несмотря на малочисленность австро-германских войск, последним удалось остановить итальянское наступление, после чего война и на этом фронте приобрела позиционный характер.

Переход Болгарии на сторону Центрального союза сильно изменил соотношение сил на Балканах в пользу австро-германской коалиции. Судьба Сербии теперь была предопределена: против 250—300 тыс. сербской армии было сосредоточено около 500 тыс. германских, австрийских и болгарских войск (вся болгарская армия насчитывала свыше 500 тыс. человек). Союзные войска возглавлял ген. Макензен. Наступление началось в начале октября, и после кровопролитных боев сербская армия, во избежание полного окружения и уничтожения, начала отход через Албанию и вышла

в район Дураццо и Сан-Джиованни ди Медуа, где ее остатки были посажены на суда и перевезены на о. Корфу.

В 1915 г. система „военного госкапитализма" вступила в свои права (о чем подробнее ниже). Уже к концу 1914 г. стало всем ясно, что надежды на быстрое окончание войны потерпели крах. Одновременно фронты, на которых располагались миллионные армии, поглощали колоссальное количество технических сил и средств, в особенности огнеприпасов. Недостаток в последних становился угрожающим. Необходимы были чрезвычайные усилия и мероприятия.

Быстрее всех обеспечила военно-экономическую организацию народного хозяйства Германия. Вскоре за ней последовали и остальные державы, и, благодаря предпринятым в деле организации военно-экономического и технического обеспечения боевых действий мерам, производство необходимых для военных надобностей предметов возросло в несколько раз, и были выпущены новые виды оружия.

Боевые действия 1916 г.

Боевые действия 1916 г. характеризуются ограниченностью оперативных целей, отказом от планов быстрого сокрушения главнейших противников и применением в массовом количестве военной техники и новых средств борьбы: химических веществ, танков, авиации и т. д.[1]

Стратегические планы сторон уже не содержали грандиозных целей окружения и уничтожения армий неприятеля. Стало ясно, что подобные цели неосуществимы. Поэтому военные действия были ориентированы на короткие, частные удары, преследовавшие задачу постепенного подрыва силы сопротивления противников.

Особенно характерно это для Германии, в которой руководящие политические и военные круги уже начали понимать, что добиться быстрого разгрома Антанты невозможно. Отсюда возникло и решение устроить так называемую „Верденскую мельницу", на которой начальник штаба Фалькенгайн намеревался перемолоть французскую военную мощь.[2] Этим путем он надеялся найти выход из стратегического тупика, в котором Германия очутилась в начале 1916 г.: дальнейшие попытки сокрушения России оказались тогда непосильны для германской армии; а в то же самое время Германия не располагала достаточными силами для массового прорыва западного фронта и для перехода снова к маневренным действиям с целью полного уничтожения французских и английских армий.

Что касается Австро-Венгрии, то сил для ведения наступления против России у нее не было вовсе. Поэтому командование решило начать операцию по окружению и ликвидации итальянских войск на р. Изонцо, нанося удар из Тироля в обход итальянского фронта.

---

[1] Только русская ставка намеревалась предпринять большое наступление одновременно на западном и юго-западном фронтах с целью разгрома германских армий; к этому ее толкали и союзники.

[2] В своем докладе кайзеру Фалькенгайн писал: „Главным мечом в руках Антанты остается Франция. Если удастся ясно доказать ее мирному народу, что ему в военном отношении не на что рассчитывать, тогда предел будет перейден, меч будет выбит из рук Англии, и для этой цели повидимому может быть сделано достаточно с ограниченными силами. Позади французского участка на западном фронте имеются стратегические цели, для защиты которых французское командование будет вынуждено пожертвовать последним человеком. Но если оно это сделает, то Франция истечет кровью". (Фалькенгайн. Верховное командование.)

Боевые действия из-за овладения Верденом не привели к ожидаемым Фалькенгайном результатам. Германские войска, сосредоточив 12 дивизий и около 2 тыс. орудий, из коих $^2/_3$ тяжелых, после 9-часовой артиллерийской подготовки 21 февраля повели наступление и после 4-дневной борьбы заняли первую и вторую линии французской обороны. Но дальнейшее наступление задерживалось упорным сопротивлением французов, успевших перебросить войска с других фронтов. Сражение вылилось в жестокие бои за главнейшие форты: Дуамон, Во, Флери и др. К 25 февраля немцам удалось взять форт Дуамон, и лишь к 7 июня — форт Во. На этом фактически закончились все успехи германцев. Они удерживали свои позиции до конца октября, когда под давлением превосходящих сил французов вынуждены были отойти на свои старые позиции.

Сражение за Верден было чрезвычайно кровопролитным: согласно официальным источникам, французы потеряли 350 тыс. человек, а германцы 600 тыс. С 21 февраля по 15 июня было израсходовано свыше 14 349 347 снарядов. Только в боях за форты Во, Дуамон и Флери было выпущено 200 тыс. химических снарядов. В боях участвовало с германской стороны 40 дивизий, французы же вынуждены были последовательно сконцентрировать до 70 дивизий.

В ответ на германские атаки Вердена союзниками было решено приступить к общему контрнаступлению, которое началось наступлением англо-французских войск у реки Соммы. Эта операция интересна применением грандиозных по своим размерам боевых средств и колоссальным уничтожением огнеприпасов. В ней впервые были применены танки.

Подготовка операции длилась свыше четырех месяцев. Были подведены для наступления 4 армии, причем для непосредственного прорыва на участке Суаскур — Марикур (15-*км* фронт), были сосредоточены 12 дивизий, а на фронте Марикур — Губютери (25 *км*) — 25 дивизий. Артиллерия доходила до 1478 траншейных, 1244 легких и 1160 тяжелых орудий. На 1,5—2 *км* бросалась дивизия, а сосредоточение артиллерии на 1 *км* фронта доходило на французском участке до 133, на английском до 76 орудий. Было сооружено свыше 125 бетонированных артиллерийских позиций, 125 *км* узкоколейки, 2 тыс колодцев, 3 госпитальных города для 15 тыс. человек и пр. Размеры огнеприпасов превзошли все имевшее до сих пор место в этом отношении: до 6 млн. снарядов для 75-*мм* орудий, по 3100 выстрелов для 105-*мм* орудий, по 2630 выстрелов для 120- и 155-*мм* орудий и по 1700 выстрелов для калибров свыше 200 *мм*.

Атака началась после дительной сильнейшей артиллерийской подготовки. С 24 июня по 10 июля было выброшено 2 013 484 снаряда легкой артиллерии и 519 165 тяжелой. Англо-французы не жалели снарядов — наступление велось под новой формулой: „Артиллерия разрушает, пехота наводняет".[1] Однако за два месяца французам и англичанам удалось продвинуться лишь на 3—8 *км*. В начале сентября они сделали снова сильный нажим, бросив в бой 15 свежих дивизий, и к 13 сентября VI французской армии удалось частично прорвать германский фронт; однако это продвижение было оста-

[1] Более широкое толкование этой формуле дал в своей инструкции Фош, командовавший всеми силами, наступавшими на Сомме. „Опыт показал, что там, где артиллерийское разрушение было действительным, наступление пехоты было успешным. Там, где разрушение было частичным, наступление пехоты немедленно останавливалось: атака неразрушенных позиций невозможна".

новлено искусными контратаками германских войск и введением в бой огромного количества пулеметов.

Наступление на английском фронте также не дало серьезных результатов, хотя атаки англичан были поддержаны танками. Появление танков было неожиданным для германцев и вызвало настоящую панику в их рядах; однако англичане не сумели воспользоваться ею, и вскоре энергичные контратаки германцев остановили продвижение англичан.

Сражение на Сомме стоило колоссальных жертв, дошедших для обеих сторон приблизительно до 1 млн. бойцов. Только одни англичане потеряли с июня по ноябрь 25 тыс. офицеров, 476 тыс солдат. Германцы оставили только в плену 150 тыс. бойцов, 350 орудий, 1500 пулеметов. Военные результаты этих боев были ничтожны.

Крупное последствие могло иметь наступление австрийцев на итальянском фронте—итальянской армии угрожал разгром, если бы наступление русских армий в Галиции не привело к поражению австро-венгерских армий и не вынудило последние остановить свое наступление на Италию и перебросить свои армии против русских.

Наступление на Италию началось 15 мая на левом фланге итальянских армий, в обход их главной массы на реке Изонцо. Конрад фон Гетцендорф сосредоточил 400-тысячную армию с многочисленной артиллерией, прорвавшую фронт итальянцев между Гардским озером и р. Брента. К 30 мая австрийская армия отбросила итальянцев на последние отроги гор, пройдя от 60 до 100 *км.* Итальянское правительство и командующий ген. Кардона в панике требовали у союзников помощи и настаивали, чтобы русские войска начали немедленное наступление. И действительно, лишь развернувшееся русское наступление против австрийцев привело к спасению итальянских армий от полного разгрома.

Наступление русских армий западного фронта известно под названием „брусиловского наступления". Генерал Брусилов, заменивший Иванова на посту командующего юго-западным фронтом, решил атаковать австро-венгерские армии по всему фронту, возлагая на каждую из вверенных ему армий (VII, VIII, IX, XI) задачу произвести прорыв в расположении противостоящего ей противника. 3 июня русские армии, не закончив окончательно подготовки наступления, но имея почти двойное превосходство, прорвали фронт австро-венгерских войск у Луцка (VIII армия), у Соколова (XI армия), у Язновец (VII армия) и Черновиц (IX армия) и нанесли сильный урон войскам противника. Однако отсутствие резервов для дальнейшего развития наступления, медлительность командования и отказ командующего западным фронтом поддержать операцию Брусилова (в генеральном плане русского командования она не рассматривалась как главный удар) были главной причиной остановки наступления на р. Стоход. Главное командование русских войск перебросило к концу июля свой стратегический резерв (гвардию и пр), и 28 июля начались бои на р. Стоход, кончившиеся безрезультатно, хотя германский фронт был совершенно истощен и решительное наступление с западного русского фронта ген. Эверта могло успешно кончиться новым крупным прорывом германского фронта. Лишь на левом фланге IX армия и отчасти VII армия успешно продвинулись в Буковину. Австрийская армия понесла серьезный урон. Чтобы облегчить ее положение и остановить продвижение русских, германскому командованию пришлось перебросить 18 своих и 2 турецких дивизии, а австрийцам пришлось снять

с итальянского фронта 6 пехотных дивизий. Переброска австро-германских войск на русский фронт сорвала верденскую и австрийскую (против Италии) операции. Успехи русских армий оказали значительное влияние на вступление Румынии в войну на стороне Антанты. Но эти успехи русского оружия обошлись чрезвычайно дорого — только до конца июня человеческие потери по всему юго-западному русскому фронту превысили 500 тыс. человек.

Конец года ознаменовался разгромом еще одного небольшого государства, втянутого в кровавую вакханалию империалистической войны, — Румынии. Играя на националистических завоевательных стремлениях румынской буржуазии, мечтавшей о создании „великой Румынии", включающей в себя Буковину, Трансильванию и Банат, а также всю Добруджу, Антанте удалось увлечь Румынию на свою сторону.

Вмешательство Румынии, ставившее под удар фланги австро-венгерских армий, несло с собой сильную угрозу стратегическому положению Центрального союза. Поэтому австро-германское командование стало тотчас же подготовлять разгром Румынии, а антантовское командование в то же самое время решило бросить румынские армии в наступление по кратчайшему направлению на Будапешт и далее на Вену. Румын должно было поддержать наступление русских левофланговых армий; против Болгарии выставлялась одна из четырех румынских армий, к которой присоединялся один русский корпус.

Наступление румынских войск и левофланговой IX русской армии имело первоначально некоторый успех. Но к концу сентября закончилось сосредоточение армий центральных держав, и они перешли в решительное наступление: группа ген. Макензена из Добруджи и группа Фалькенгайна из Трансильвании после $2^1/_2$-месячных сражений захватили Бухарест и почти всю территорию Румынии. Румынские войска, сильно разгромленные, смогли приостановить свое бегство лишь благодаря серьезной поддержке переброшенных русских дивизий и удержаться на линии Фокшаны — устье Дуная.

Небоеспособная армия крепостнической Румынии в дальнейшем была лишь в тягость русским армиям, которым фактически пришлось держать на себе весь румынский фронт.

Боевые действия 1917 г.

Несмотря на то что центральным державам удалось не только удержать свои позиции, но и разгромить Румынию, положение их к началу 1917 г. было тяжелое: в Германии командование выкачало все живые ресурсы и с трудом смогло сформировать к весне еще 13 дивизий; между тем в стране царил голод. Состояние Австрии было еще хуже. Она официально заявила своим союзникам, что с трудом удержит фронты до осени; в подобном же положении находилась и Болгария. В войсках Австрии и Болгарии росло сильное недовольство войной, часто прорывавшееся в виде открытых мятежей (бунт I болгарской дивизии при переходе Дуная у Систова, 1916 г.). Вера в военный разгром Антанты испарилась окончательно. Политическое и военное руководство Германии стало надеяться главным образом на влияние неограниченной подводной войны, начатой немцами с января 1917 г., после отклонения формального предложения о мире, сделанного Германией через САСШ.

Обращение Германии к неограниченной подводной войне является лучшим свидетельством ее отчаяния в возможности добиться победы на суше.

При таком положении вещей германское командование решило перейти к обороне.

Военно-политическое положение Антанты было гораздо лучше: пользуясь помощью Америки и других нейтральных стран, она сумела значительно увеличить свои силы и особенно укрепиться и вырасти в военно-техническом отношении, достигнув во многих областях военного дела превосходства над Центральным союзом.

Командование Антанты (на конференции в Шантильи в ноябре 1916 г.) решило с начала 1917 г. повести наступление на всех фронтах с целью окончательного разгрома неприятеля, причем зимой и ранней весной должны были быть произведены короткие удары по германо-австрийским силам, чтобы не передать в руки последних инициативы, а к концу весны должно было начаться генеральное наступление.

Русская революция и ее влияние на ход войны

В феврале 1917 г. вспыхнула русская революция, — царизм был низвержен, и у власти оказалась буржуазия, пользовавшаяся поддержкой социал-соглашателей. Однако соотношение сил было таково, что наступил период двоевластия: с одной стороны — буржуазное Временное правительство, с другой — Совет рабочих и крестьянских депутатов. Буржуазия не имела силы разогнать последний и установить полностью свою диктатуру. Советы же тоже не были еще в состоянии взять власть в свои руки, так как социал-соглашатели, которые ими руководили, поддерживали буржуазию и старались всеми силами не допустить установления пролетарской диктатуры. Большевики вели борьбу за высвобождение рабочего класса и трудящихся из-под влияния соглашательских партий и за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Февральская революция возбудила в массах надежды на прекращение войны. Однако Временное правительство во главе с министром-социалистом Керенским, под маской обещаний о заключении мира, подготовляли под давлением союзников (Франции и Англии) новое наступление, главная цель которого сводилась к задержке германских войск на востоке и недопущению их переброски на западный фронт для разгрома Франции. В июне 1917 г. Керенскому и К⁰ удалось вовлечь солдатские массы в наступление. Но в этом наступлении, окончившемся поражением, русская армия демонстрировала свое нежелание больше воевать. Симпатии масс к большевикам, ведшим подлинную борьбу за мир путем свержения буржуазии и установления власти советов, все возрастали.

В октябре 1917 г. совершилась пролетарская революция, приведшая к победе советской власти. Совнарком обратился с воззванием ко всем народам и правительствам, в котором предлагал прекратить войну; с Германией было заключено перемирие. На призыв о прекращении войны империалисты конечно не откликнулись. Наоборот, они начали вместе с русской контрреволюцией подготовку к свержению советской власти.

Заключение Брестского мира и оккупация почти всей Польши и Украины, казалось, открыли Германии возможность высвободить значительные силы для ведения войны на Западе.

Но Октябрьская революция послужила одновременно и для революционного пробуждения всего мирового пролетариата.[1] Революционизи-

[1] „Это был поворот в международном масштабе, ибо виден был провал международного фронта капитала, впервые был поставлен на практическую почву вопрос о низвержении капитализма". (*Сталин.* Об Окт. революции. Партиздат, 1932 г., стр. 47.)

рование масс сопровождалось во всех странах ростом возмущения против войны, борьбой пролетариата за свержение буржуазии. Эти настроения отразились и на армиях, начавших проявлять признаки большего разложения. С заключением Брестского мира усилилось братание между русскими и германскими войсками; усилилась революционная пропаганда среди немцев. Усиление разложения германских войск под влиянием Октябрьской революции в России должны были впоследствии открыто признать виднейшие политики и руководители германской армии.

Боевые действия на западном фронте в 1917 г.

Боевые действия на Западном фронте в 1917 г. связаны с операцией, предпринятой войсками Антанты на Сомме (так называемый план Нивеля). Стремясь крупными силами прорвать германский фронт в районе Соммы и выбросить вперед большую, сильную маневренную группу, англо-французские войска предполагали связать противника, не давая ему отходить, и таким образом добиться разгрома его живых сил. Однако германцы сорвали подготовлявшееся наступление антантовских армий, совершив значительное отступление на заготовленные еще осенью 1916 г. так называемые позиции Зигфрида. Войскам Антанты, чтобы форсировать эти позиции, пришлось бы прибегнуть к новым перегруппировкам.

К первой половине апреля англо-французские войска снова сконцентрировались в количестве свыше 2 млн. бойцов и 9 тыс. орудий (только французы сосредоточили 1400 тыс. бойцов и 5 тыс. орудий, 200 танков, 33 млн. снарядов) и начали атаку германских позиций между Реймсом — Энским каналом — Кеан. Но, несмотря на то что на этот участок фронта брошено было невиданное до тех пор количество войск и военной техники, англо-французские войска потерпели поражение: небольшие успехи, которые были достигнуты англичанами в первые дни операции, имели лишь местное тактическое значение; французы же продвинулись всего на несколько километров и были остановлены. Но с другой стороны это поражение настолько надломило силы французской армии, что правительство, в целях успокоения начавшегося сильного брожения в стране, объявило, что в дальнейшем оно будет вести войну, основываясь главным образом на технике.

Брожение во французской армии было настолько сильно, что в ряде частей имели место военные мятежи (в 16 корпусах) под лозунгом: „Долой войну". Генерал Петен после больших усилий сумел подавить это движение; отсутствие коммунистической партии не позволило придать этому движению характер борьбы за превращение империалистической войны в войну гражданскую.

На остальных театрах наступательные попытки антантовских войск не привели к успехам; на Изонцо итальянцы продвинулись незначительно, на салоникском фронте частичные атаки франко-сербских войск были также отбиты.

18 июня началось так называемое июньское наступление русских армий. Керенскому, при поддержке эсеровско-меньшевистского совета, удалось вовлечь армию в наступление для осуществления политики антантовской буржуазии. Временное правительство, возобновляя наступление армии, надеялось одновременно остановить этим разложение армии и рост революционного настроения масс в стране. Несмотря на применение в боях огромного количества технических средств, русские армии не достигли серьезных результатов. На западном фронте после занятия первой линии

германских окопов солдаты отказались итти дальше; на юго-западном фронте, где намечался главный удар, русские армии, после некоторого продвижения вперед, под давлением переброшенных с французского фронта германских частей, вынуждены были отойти назад, потеряв свои прежние позиции.

Разложение армии было чрезвычайно сильно — солдаты не хотели войны; их симпатии к большевикам росли. Дезертирство приняло колоссальные размеры.[1] Для Временного правительства и командования становилось все яснее, что армия вышла из-под их влияния. Корнилов, охваченный бешеной бессильной злобой, доносил Керенскому: „Армия обезумевших, темных людей бежит".

Вторая половина года прошла без крупных наступлений — имели место лишь короткие удары, наносимые друг другу обеими сторонами: под Верденом и Ипром, на Изонцо, на рижском направлении и пр. Военные действия этого рода не привели к серьезным стратегическим результатам.

Ход боевых действий в 1918 г.

1918 г. является последним годом империалистической войны. Обе стороны готовились нанести решающие удары, чтобы закончить войну, — после Октябрьской революции угроза превращения империалистической войны в гражданскую становилась для буржуазии воюющих стран все более реальной, и успехи российского пролетариата усиливали эту опасность.

Командование центральных держав, имея после Брестского мира, в котором Германия полностью обнажила свои империалистические цели, возможность перебросить значительные силы с востока на западный фронт, решило предпринять генеральное наступление с целью окончательного разгрома своих противников. Главный удар должен был быть нанесен на стыке французской и английской армий, с ближайшей задачей уничтожения английской армии.

Англо-французское командование приняло решение сначала обороняться, а потом, после разгрома германского наступления, перейти в контрнаступление и добить противника.

Соотношение сил на западном фронте было следующим: против 13 германских армий, имевших 2 млн. бойцов (4 млн. едоков) с 15 700 орудиями и 2800 самолетами, стояли во Франции и Бельгии 2200 тыс. бойцов (5 млн. едоков), 15 751 орудие, 3784 самолета, 893 танка антантовских армий. Кроме того САСШ уже приступили к присылке своих армий в Европу, и к 21 марта на западном фронте находилось 300 тыс. американских солдат.

Хотя в рассматриваемый период буржуазии и главному командованию обеих воюющих коалиций удавалось еще вести рабочих и крестьян, мобилизованных в армии, в бой, однако в войсках все более чувствовалась усталость от войны, росло возмущение против ее продолжения, росло сознание, что солдаты являются пушечным мясом в интересах капитала. Особенно сильно было разложение в австрийской, болгарской и итальянской армиях.

Наступление германцев началось 21 марта. Сконцентрировав на фронте Аррас — Ла-Фер (80 *км*) около 500 тыс. войск, 6263 орудия, 5380 минометов, свыше 1000 самолетов, германские войска после 5-часовой артил-

[1] Если с начала войны до Февральской революции, т. е. примерно за 4 года, имелось 201 384 случая дезертирства, то с Февральской революции по июнь 1917 г. — 114 052 случая дезертирства.

лерийской подготовки атаковали стык англо-французских армий и в трехдневных боях прорвали полевые укрепленные позиции последних. К вечеру 25 марта германцы вышли на фронт Мамон — Нель-Нуайон. Англичане, понесшие сильный урон, начали отходить к морю, и ген. Хек отдал распоряжение о подготовке к эвакуации с континента к себе на родину; Париж был снова охвачен паникой — Клемансо со всем правительством стал также готовиться к переезду в Бордо. Однако французам удалось, использовав свою широко развитую железнодорожную сеть, срочно перебросить резервную группу ген. Файоля и еще ряд других частей с других фронтов и после ожесточенных боев остановить наступление германцев. К середине апреля Гинденбург и Людендорф убедились в невозможности ликвидировать последовательно английскую, а затем и французскую армии. Потери германцев превзошли 160 тыс. человек, а у союзников они были в два раза больше. Последние, кроме того, потеряли 90 тыс. пленными и свыше 1000 орудий.

После провала мартовской операции германское командование быстро перебросило свыше 20 своих дивизий на р. Маас и начало второе наступление на английскую армию с целью сбросить ее в море. 9 апреля, внезапно атаковав две португальские дивизии, германцы совершенно разогнали их и начали теснить английскую армию. Положение снова стало угрожающим. Германцы продвинулись от 16 до 30 *км*, — до морского побережья оставалось 60 *км*. Их наступление было снова остановлено переброшенными Фошем французскими дивизиями и в особенности X французской армией. К 1 мая наступило затишье. Англичане были сильно дезорганизованы и обессилены. Они потеряли 145 тыс. человек, около 500 орудий и 30 тыс. пленными. Потери германцев были вдвое меньше.

Германское командование после неудачи и этого наступления не потеряло надежды добиться военной победы над англо-французскими войсками, хотя ему было известно, что перевес сил и средств на стороне противника становится с прибытием американской армии все более значительным. Оно напоминало зарвавшегося азартного игрока, лишившегося способности трезво учитывать обстановку борьбы.

27 мая, незаметно сосредоточив в районе Шмен-де-Дам на фронте Аббекур — Бримон (70 *км*) свыше 35 дивизий, 4500 орудий, 2300 минометов, 687 тяжелых орудий, германские войска внезапно атаковали французские позиции и после 5-6 часов кровопролитного сражения прорвали фронт, выйдя на р. Эн. Попытки французского командования остановить продвижение не удались. К 30 мая германские войска подошли к р. Марне. В Париже началась эвакуация. Среди населения, в связи с обстрелом города германцами из сверхпушек знаменитой „Берты“ (42-*см*), началась паника.

С 31 мая до 2 июня положение французских армий действительно было критическим. Однако к 2 июня Фошу, принявшему с 18 июня 1918 г. пост командующего всех антантовских войск, удалось снова перебросить на пути германского наступления 35 дивизий и нажимом на флангах продвигающихся вперед германских войск остановить последние.

За время этой операции было взято 55 тыс. пленных французов и 650 орудий

Дальнейшие попытки Гинденбурга и Людендорфа прорвать фронт неприятеля явились слабым отзвуком неудавшегося наступления и свидетель-

ствовали как о потере надежды на возможность добиться победы над противником, так и боязни перед контрнаступлением последнего и стремлении удержать инициативу в своих руках.

Лето 1918 г. прошло под знаком коротких ударов, которые наносили друг другу обе воюющие стороны.

Одновременно Фош подготовлял генеральное наступление к осени 1918 г. Путем операций, имевших своей целью осуществление ряда частичных задач, ему удалось к сентябрю поправить стратегическое положение армий Антанты и нанести чувствительные удары германцам: германская армия потеряла свыше 150 тыс. пленных и 2 тыс. орудий и была вынуждена отойти на линии, которые она занимала в начале года.

В конце сентября началось повсеместное наступление антантовских войск. Фош намеревался прорвать фронт противника в направлении Мезьера в обход западных позиций германцев. Но американские войска, на плечи которых ложился главный удар, несмотря на колоссальное превосходство сил на участке прорыва (46 американских и французских дивизий с 4878 орудиями против 13 германских дивизий и 1600 орудий), не смогли осуществить поставленную задачу. Это привело к медленному выталкиванию германцев по всему фронту. Положение последних становилось все более тяжелым. 15 сентября был прорван фронт болгарских войск, и 28 сентября Болгария капитулировала; 31 октября подписала перемирие Турция; австровенгерские войска потеряли всякую силу сопротивления; 14 сентября австровенгерское правительство прислало ноту о сепаратном перемирии; германская армия волновалась — влияние „Спартака" и независимых социалистов быстро росло. Перед лицом всего этого германское командование забрасывало правительство телеграммами с требованием добиваться мира. Правительство обратилось к Вильсону с предложением перемирия и мира на основе его пресловутых „14 пунктов". Между тем наступление антантовских войск продолжалось, хотя и чрезвычайно медленно. Конец военным действиям положила революция в Германии. 9—11 ноября было заключено перемирие на чудовищно тяжелых условиях для Германии.

Техника и организация вооруженных сил в войне 1914—1918 гг. Некоторые выводы

Империалистическая война 1914—1918 гг. была войной мировых империалистических коалиций. Дело шло о „борьбе между Англией, Францией и Германией за раздел колоний и за ограбление конкурирующих стран и о стремлении царизма и правящих классов России к захвату Персии, Монголии, Азиатской Турции, Константинополя, Галиции и т. д." (*Ленин.* Соч., т. XVIII, стр. 125.) В результате войны одна из воюющих коалиций должна была быть устранена с арены мирового грабежа. Для достижения этой грандиозной цели империалистические соперники должны были проявить максимально-возможное военное напряжение и бороться до последних сил. И действительно, в воюющих странах были мобилизованы огромные массы населения, миллионные армии, вооруженные высокоразвитой, сложнейшей и разнообразнейшей военной техникой.

В начальном периоде войны было мобилизовано: Антантой—10 806 955 человек. Союзом центральных держав—6120 тыс. человек. В конце войны были призваны соответственно 30 327 тыс. и 20 млн. Сюда не включены Турция, Румыния, Болгария, САСШ, Португалия и др. Напряжение в некоторых странах (Германия, Франция) дошло до крайних пределов — было

призвано все годное мужское население. В 1918 г. германцы не могли уже создавать новых частей, и новые дивизии формировались за счет старых. Колоссальный рост показала и военная техника как в количественном, так и в качественном отношении. Следующие цифры служат достаточной иллюстрацией этому: в русской армии количество орудий увеличилось в 1914—1917 гг. с 7909 до 9815; в германской — с 9300 до 20 тыс. К концу войны на фронтах действовало свыше 60 тыс. орудий. Только на участке прорыва сосредоточивалась артиллерия в количестве, равном почти всей артиллерии, с которой противники вступили в войну: например в Пикардии германцы сосредоточили на фронте в 80 *км* 6263 орудия и 3530 минометов; французы в 1916 г. на 15 *км* (сражения на Сомме) — 3892 орудия. На 1 *км* по фронту сосредоточивалось до 100 и больше орудий.

Но особенно сильно возросло количество пулеметов. В начале войны полки выступали с 6—8 пулеметами, а к концу они имели уже 24—32 пулемета. В германской дивизии число пулеметов увеличилось с 24 до 108; во французской — с 24 до 120; в САСШ — с 24 до 168. В русской армии количество пулеметов увеличилось с 4152 до 23 800; в германской — с 3 тыс. до 70 тыс. Кроме того появились ручные пулеметы, которых в начале войны не было. Так, в германской дивизии они дошли к концу войны до 144, во французской — до 216, в американской — до 768.

Сильнейший рост показала авиация — новое мощное средство ведения войны. В начале войны воюющие страны имели самолетов: Англия — 50, Франция — 160 и Германия — 160, а в конце войны первые две имели уже больше 3 тыс. самолетов каждая, а германцы свыше 2800 самолетов.

Широкое распространение получили броневые силы и специальные танки. Последних в начале войны не было. К концу войны англичане и французы имели на фронтах свыше 2 тыс. танков. Только в Амьенской операции англичане применили 516 танков.

В мировой войне было впервые применено „оружие", которому в будущем принадлежит одно из первых мест, — химия. Германцы применили его впервые 22 апреля 1915 г. на Ипре. Эффект был огромный. Впоследствии все страны начали применять химические средства в массовом количестве.

Следует упомянуть о росте так называемой вспомогательной техники — автомобилей, инженерных средств и пр. Если в начале войны войска обладали ограниченным количеством автомашин, то во время ее число их увеличивалось непрерывно, достигая в ряде армий больше 100 тыс. штук; наличие мощного автотранспорта позволяло использовать автомобиль не только в области снабжения, но и для оперативных переброс: так, французская армия к концу войны могла, пользуясь автотранспортом, впервые перебросить до 100 тыс. бойцов.

Уничтожение человеческих и материальных сил и средств в мировую войну было колоссальное. Общие потери (убитые, раненые и пленные) достигли: России — 11 250 тыс. (всего мобилизовано 16 млн.); Германии — 7500 тыс. (всего мобилизовано 13 200 тыс.); Франции — 4670 тыс. (всего мобилизовано 8200 тыс.); Англии — 2700 тыс. (всего мобилизовано 9500 тыс.) Из всех мобилизованных в мировой войне 65,5 млн. человек было убито 10 млн., ранено 15 млн. Крупные операции, как Верден, Сомма, сражения в Пикардии, Луцкий прорыв и др., обходились для каждой страны в несколько сотен тысяч убитых и раненых. Ежемесячная потребность в по-

полнении для великих держав превышала 200 тыс. человек. Истощение стран в отношении людских ресурсов было чудовищно.

Но в особенно чудовищных размерах истреблялись технические средства. Средний месячный расход артиллерийских снарядов во французской и английской армиях составлял 12 700 тыс. Чтобы понять значение этой цифры, достаточно указать, что во франко-прусскую войну (1870—1871 гг.) всего было израсходовано германцами 817 тыс. снарядов; русские армии в русско-японскую войну израсходовали всего 954 тыс. снарядов.

Русские армии израсходовали в 1915 г. одних только 75-*мм* снарядов 28 млн. штук. Германская армия в течение войны израсходовала 5900 млн. патронов и 286 млн. снарядов, общей стоимостью в 25 млрд. марок.

Только от артиллерии погибло во время войны 11 тыс. самолетов. Ежемесячное производство в Германии 250 тыс. винтовок, 14 тыс. пулеметов, 3300 тяжелых и легких орудий с трудом восполняло убыль на фронтах и давало возможность концентрировать в предпринимаемых наступлениях необходимое количество технических средств.

Уничтожение такого колоссального количества сил и средств на фронтах требовало постоянного притока людей, военно-технических материалов и продовольствия. Деятельность армий таким образом целиком зависела от деятельности тыла. А последний представлял всю страну в целом.

Следующая таблица показывает зависимость фронта от тыла:

За всю войну изготовлено:

Предметов вооружения	Англия	Франция	Россия	Италия
Орудия	27 000	21 000	17 800	10 900
Пулеметы	24 000	38 000	27 500	37 000
Винтовки (в тыс. шт.)	5 316	2 943	3 677	2 600
Самолеты	55 000	51 000	3 000	—
Танки	2 812	3 200	—	—
Снаряды (в тыс. шт.)	217 040	247 000	50 200	220 000 легк.

Для обслуживания военной промышленности, достигшей таких грандиозных размеров, требовались в свою очередь миллионы людей: в военном производстве во Франции было занято 1,8 млн. человек, в Англии—3 млн., в САСШ — 1,2 млн. Помимо этого фронт поглощал большую продукцию всех отраслей народного хозяйства: сельскохозяйственных продуктов, текстиля и пр.

Зависимость ведения войны от тыла приводила к необходимости обеспечить бесперебойную работу последнего — перерывы в производстве грозили прорывами на фронтах боевых действий. Буржуазии удалось обеспечить в продолжение трех лет до Октябрьской революции „спокойствие“ тыла вследствие предательства социал-демократии, бывшей главным знаменосцем пресловутого „гражданского мира“. С другой стороны, ведение войны вызвало изменение в народном хозяйстве в смысле перестройки его на основах своеобразного военного госкапитализма.

Многомиллионные армии, действующие с сложнейшими и разнообразными орудиями на протяжении сотен и тысяч километров, составленные

из рабочих и трудящихся, вызвали к жизни новые формы ведения войны. Если со времен Наполеона и до империалистической войны ключ к победе заключался в победе над главной полевой армией противника, то в мировую войну объектом нападения были не только полевая армия (хотя главным образом именно она), но и источники ее воспроизводства: глубокие тылы, населенные центры, промышленность и т. д.

Совершенно очевидно, что разгромить и уничтожить, как во времена Бонапарта, миллионную армию, растянутую на сотни километров в ширину и на десятки километров в глубину, да еще в одном сражении, представляло собой чистейшую утопию; чтобы обойти фланги и зайти в тыл современных армий, нужно было пройти сотни километров, а в это время противник, используя богатые транспортные средства, успевал перебросить в угрожаемых направлениях свежие силы (из тыла и с других участков) и остановить наступление. Это особенно наглядно проявилось во время сражений на реке Марне в весенние и летние наступления германцев в 1918 г.

Было бы неверным однако отсюда делать вывод, что в течение войны 1914—1918 гг. ведение операций на окружение и уничтожение неприятеля не имело места. История войны показала ликвидацию самсоновской армии в Восточной Пруссии, разгром бельгийских, сербских, румынских войск, т. е. относительно более мелких соединений и армий. При наличии достаточного перевеса сил не исключена была возможность окружения и уничтожения и более крупных объединений. Так например, успешный прорыв франко-американских войск в сентябре 1918 г. в районе Мезьере мог иметь своим результатом окружение германской армии, находившейся на территории Северной Франции и Бельгии, и если даже они не были бы полностью ликвидированы, то их потери были бы столь грандиозны, что это неизбежно должно было привести к капитуляции германской армии. Несомненно однако, что сокрушение противостоящей империалистической страны и ее вооруженных сил в одном непрерывном сражении на манер „Канн“ Шлиффена, когда войны ведутся коалициями, когда на полях сражений действуют миллионные армии, применяющие высоко развитую технику, когда „воюет вся страна“, является не чем иным, как игрой фантазии метафизиков военного искусства.

Ныне военные теоретики уже понимают, что победа основывается не на одном ударе по полевой армии неприятеля, а на повсеместных последовательных ударах по всем звеньям, на которых зиждется военная мощь противника: преимущественно по полевым армиям, важнейшим промышленным и политическим центрам, дорогам и др. И поэтому, используя современную высокоразвитую технику, борющиеся стороны будут атаковать и фронт и тыл, стараясь подорвать главнейшие источники военной мощи своих противников.

Именно наличие многомиллионных армий, применявших в массовом количестве средства мощной передовой техники, армий, задачей которых было осуществление грандиозных империалистических замыслов борющихся коалиций, и придало войне затяжной и упорный характер. Такой же затяжной и упорный характер приобрели и отдельные сражения и операции. Если сражения в прошлом кончались в продолжение нескольких часов, самое большое одного, двух дней, то сражения в мировую войну тянулись месяцами. Под влиянием колоссальной огневой мощи и прежде всего увеличения станковых и ручных пулеметов изменились боевые приемы, оформилась *групповая* тактика.

Война 1914—1918 гг. породила позиционную форму войны, вызвала новые методы ведения операций и боев: чтобы добиться победы, необходимо было прорвать расположение противника и выйти на его фланги и в тыл. Для осуществления этой цели создавались специальные ударные армии, снабженные до крайних пределов техническими средствами. Но одновременно армиям, сумевшим прорваться, приходилось сталкиваться на своем операционном направлении с резервами противника, сосредоточенными на ее флангах, стремившимися отрезать ударную армию, прорвавшую фронт, и уничтожить ее. В этих условиях особенное значение приобрели стратегические резервы, которые, используя железные дороги и автотранспорт, маневрируют за фронтом.

Опыт ударных армий имеет несомненное значение для ведения будущей войны.

Мобилизация многомиллионных масс рабочих и трудящихся поставила перед военным и политическим руководством стран проблему удержания солдатских масс в своем подчинении. Уже опыт мировой войны чреват революционным движением в войсках, перераставшим в революции (Россия, Германия, Австрия и т. д.). Перед лицом этой угрозы военные деятели и теоретики всех капиталистических стран беспомощно ищут волшебный камень который бы гарантировал им ведение войны без угрозы солдатских восстаний, забастовок рабочих и пролетарской революции. Здесь корень так называемых новейших теорий профессиональной бронированной армии, т. е. такой армии, которая состоит из верных буржуазии профессионалов и будет насыщена до максимальных пределов техникой (Фуллер, Зольман, Геруа и др.). Однако эти теории — фантазия. Подобная армия может быть использована при подавлении пролетарского восстания с некоторым успехом, но для большой войны она не годится Капиталистический способ производства позволяет сорганизовать массовые армии, насыщенные современной военной техникой, и несомненно каждая из воюющих стран постарается организовать бо́льшую, чем у ее противника, армию; естественно, что в случае поражения в первых боях и угрозы проиграть войну капиталистические правительства принуждены будут, как бы это ни расходилось с идеей войны машин и техники, призвать на фронт рабочих и крестьян. Таким образом буржуазия в будущей войне будет вынуждена силой обстоятельств мобилизовать массовые армии из рабочих и крестьян, и поэтому ей никак не удастся преодолеть угрозу превращения империалистической войны в войну гражданскую.

Не менее остро встал за время войны 1914 — 1918 гг. вопрос об обеспечении спокойствия тыла: возмущение трудового населения в тылу, которое могло перерасти в открытую гражданскую войну, сорвало бы немедленно боевую деятельность фронта. Поэтому правительства и командования воюющих стран делали все возможное для обеспечения себя от такого возмущения, для недопущения забастовок рабочих и для организации военно-экономического обеспечения войны. Ныне, в предвидении будущей войны, генеральные штабы и политические руководители империалистических стран подготовляют не только планы организации различных отраслей хозяйства страны по обеспечению ведения боевых действий, но и мероприятия в отношении создания „спокойного“ тыла. Насколько это им удастся, зависит уже не от них, а от роли пролетариата и руководящих им компартий.

Опыт империалистической войны с точки зрения способа ее ведения имеет несомненно огромное значение для нас. Опасность войны против нашего

Союза все более нарастает, становится все более непосредственной. Война против СССР будет войной не на жизнь, а на смерть. И хотя подготовляемая против нас война по своей природе — гражданская война, со всеми присущими ей чертами классовой борьбы, тем не менее многое из опыта мировой войны мы можем использовать: организация и вождение массовых ударных армий, применение сложной и прогрессивной военной техники в больших размерах, маневрирование крупными вооруженными силами и специально-стратегическими резервами и т. д.

Конечно изменения, происшедшие со времени империалистической войны в характере вооруженных сил империалистических держав и особенно в отношении военной техники, вызвали и вызовут крупные изменения в способе ведения войны. Все более стирается грань между фронтом и тылом; все более тесной становится зависимость деятельности войск от промышленности и хозяйства страны, зависимость боеспособности армии — от классовых отношений и классовой борьбы и т. д. С другой стороны, современная техника позволяет наносить мощные удары неприятелю большими массами войск на большой глубине, превращает современное сражение в повсеместную борьбу, завязывающуюся и разворачивающуюся одновременно на всю глубину боевого порядка: с фронта, флангов, тыла, с воздуха. Война принимает более маневренный характер; повсеместная продолжительная позиционная война в духе войны 1914 — 1918 гг. не имеет под собой достаточных оснований. Новые моменты характера вооруженных сил, условия, в которых будут бороться армии, делают войну в подобной форме маловозможной. Характер Красной армии и революционная война пролетарского государства, являющаяся неотъемлемой частью процесса пролетарской революции, составляют предпосылки наибольшей маневренности, решительности и мощности.

Огромная литература по мировой войне уделяет большое внимание причинам поражения Германии и победы Антанты. Обвинения германских авторов сыплются на голову полководцев, которые стояли во главе армий и не проявили достаточных военных талантов. По их якобы вине военное искусство было заменено лопатой (окопная война), по их вине война превратилась в „состязание материальных средств" и победа осталась на стороне более богатых „экономических" стран. С другой стороны, военные историки антантовских стран стараются доказать, что на их стороне были полководческие таланты, которые сумели вести войну надлежащим образом и победить, тогда как неправильные военные доктрины германцев, предусматривавшие уничтожение армий противника путем их окружения или ведение войны на сокрушение, а не на измор, и привели Германию к гибели.[1] Людендорф и другие немецкие писатели

[1] Подобное обвинение — что германцы стали на путь „сокрушения", а не применили стратегию „измора" — бросает германскому командованию и проф. Свечин. Однако попытка Германии вести стратегически оборонительную войну никоим образом не гарантировала бы ей победу. Наоборот, гораздо больше аргументов существует в пользу того, что при стратегической линии на измор победа стран Антанты имела бы больше шансов. Ведь фактически германское командование с конца 1915 г. вело стратегическую оборону. И это не спасло Германию от поражения. Можно ли утверждать, что без наступления Людендорфа весной и летом 1918 г. Германия оказалась бы победительницей, когда американские войска уже выгружались на французской территории, когда процесс разложения немецкой армии становился угрожающим и когда ее союзники Болгария и Австро-Венгрия уже выдыхались? Конечно нет. Вести же стратегию „измора" по типу стратегических танцев времен Фридриха II при наличии миллионных армий можно только в горячем воображении буржуазных военных историков.

обвиняют правительство в том, что оно не сумело вести внутреннюю политику, которая бы обеспечила возможность мобилизации новых сил, нанесения еще нескольких тяжелых ударов французам для их окончательного разгрома.

На самом деле поражение держав Центрального союза, и в особенности Германии, было обусловлено целым рядом причин, главнейшими из которых являются: экономическое превосходство антантовской коалиции, военное и специально военно-техническое ее превосходство, более быстрое и глубокое разложение германской армии и армий ее союзников, более сильное обострение у них, на почве обнищания и разорения вследствие войны, классовой борьбы. Нужно подчеркнуть, что германский пролетариат после Октябрьской революции раньше рабочих других стран осознал характер империалистической войны и вопреки стараниям шейдемановцев стал на путь превращения ее в гражданскую войну.

III. КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Война и народное хозяйство

Вопреки буржуазным и социал-демократическим апологетам мировой войны, их теориям „войны как фактора обогащения хозяйства", о каком-либо „благотворном" влиянии мировой войны на народное хозяйство не может быть и речи. Если наблюдался рост производства отдельных отраслей промышленности, работающих „на оборону" (например химической), то это — за счет народного хозяйства в целом. В других частях народного хозяйства шло проедание основного капитала. Здесь мы наблюдаем беспощадное уничтожение рабочей силы при производстве главным образом средств истребления вместо средств производства и средств личного потребления. Во Франции и ряде других стран войной были разрушены крупнейшие центры промышленности, города, деревни, здания. Если присоединить к прямым расходам на войну стоимость разрушений в 29,9 млрд. долларов, потери торгового судоходства в 6,8 млрд., недопроизводство в 45 млрд., стоимость человеческих потерь и т. д., то общая сумма потерь достигнет 336,94 млрд. долларов. Таким образом за 4 года были растрачены накопления десятков лет.

Целый ряд важнейших отраслей народного хозяйства (в разной степени и разных странах) потерпел во время войны значительный ущерб.

Так, в области сельского хозяйства:

В Германии площадь основных хлебов (ржи, пшеницы и полбы):

в 1913 г.	8,47	млн. *га*
„ 1918 „	7,84	„ „

Сбор на 1 *га* в двойных центнерах

	1913 г.	1918 г.
Рожь	19,1	13.9
Пшеница	24,0	17,0
Полба	16.1	12.4

Количество скота (в миллионах голов)

	1913 г.	1918 г.
Рогатый скот	21,0	17,65
Свиньи	25,6	10,27

Во Франции площадь посева пшеницы уменьшилась на 2,1 млн. *га*; сбор пшеницы уменьшился на 24,5 млн. двойных центнеров, сбор картофеля упал на 52%, подсолнухов — на 41%, свеклы — на 81,83%. Выработка сахара уменьшилась на 87%, винокурение на 72%.

Скот во Франции (в тыс. голов)

	1914 г.	1917 г.
Рогатый скот	12 668	12 251
Свиньи	5 926	3 080
Овцы	14 038	9 061

В Англии сельское хозяйство пострадало сравнительно мало. В Америке оно получило даже некоторое развитие. Неравномерность развития во время войны резко обострилась. Специальные подсчеты показывают, что мировая посевная площадь немного увеличилась (на 8,8 млн. *га*), а сбор уменьшился (на 73,8 млн. квинталов). В Европе же общая площадь посева уменьшилась на 5,8 млн. *га*, а сбор уменьшился на 218,1 млн. квинталов. Сильное падение урожайности было вызвано недостатком рабочих рук, машин и удобрения.

Добыча каменного угля (в миллионах тонн)

	1-е полугодие	2-е полугодие
1914 г.	140	125,6
1917 „	126,6	121,9
1919 „	117,1	110,9

	1913 г.	1918 г.
Во Франции	40,8	26,3
В Бельгии	22,9	16,0
В России	32,7	12,2
Во всей Европе	605,6	467,2

Угольная промышленность за время войны показывает упадок производительности труда и общей добычи.

Война 1914 — 1918 гг., включавшая в себя как основной элемент жесточайшую торговую войну, сопровождавшаяся взаимной блокадой, разрушила налаженные десятилетиями в мировом хозяйстве связи, международную кредитную систему, международный товарообмен.

Среднее падение производительности труда достигает в 1918 г. примерно 10%. Во Франции это падение достигает 19%, в Бельгии — 24%, в Германии — 14%.

В нейтральных и заокеанских странах (особенно в САСШ) добыча угля увеличилась. Роль Европы в угольной промышленности к концу войны значительно уменьшилась. Если до войны Европа давала почти половину всей мировой добычи угля, то после войны она давала лишь немногим больше $^1/_3$.

	1913 г.	1918 г.
Производство кокса по всей Европе	67 900 тыс. *т*	60 600 тыс. *т*
Мировая добыча железной руды	166 674 „ „	127 000 „ „
„ выплавка чугуна	79,1 „ „	62,0 „ „

Госкапитализм в период мировой войны

Чрезвычайно характерным моментом для мировой войны 1914 — 1918 гг. как войны империалистической является увеличение роли государства в экономике крупнейших воюющих стран. Тенденции к сращиванию государства с монополистическими организациями, проявлявшиеся еще до войны,— во время войны в связи с грандиозными требованиями, предъявляемыми войной экономике капиталистических стран, значительно усилились. Подлинное классовое содержание госкапитализма, развившегося во время мировой войны в ряде капиталистических стран, особенно в Германии, вскрыто в следующих словах Ленина: „А что такое государство? Это организация господствующего класса, — напр., в Германии юнкеров и капиталистов. Поэтому то, что немецкие Плехановы (Шейдеман, Ленч и др.) называют „военным социализмом", на деле есть военно-государственный монополистический капитализм или, говоря проще и яснее, военная каторга для рабочих, военная охрана прибылей капиталистов". (*Ленин.* Соч., т. XXI, стр. 186.)

Такого рода явления имели место во всех воюющих странах, но особо яркие и, так сказать, „классические" формы оно приняло в наиболее высоко технически развитой и монополистически организованной Германии.

Германия больше всего нуждалась во всесторонней мобилизации хозяйственных ресурсов и регулировании их использования: в отличие от Англии, например, сохранившей в течение войны, несмотря на подводную войну, широкие связи с мировым хозяйством, Германия фактически была блокирована. А помимо этого она из своих ресурсов, к концу войны все более истощавшихся, несмотря на жестокую эксплоатацию огромных оккупированных ею территорий, должна была поддерживать хозяйственно и своих союзников.

Так называемое „военное хозяйство" (Kriegswirtschaft) в Германии получило свое полное развитие лишь на третий год войны, когда истощение старых запасов стало очевидным, а впереди предвиделось новое огромное напряжение сил.

Уже в самом начале войны, еще до октября 1914 г., в Германии наблюдалась хозяйственная заминка, непосредственно связанная с резким переходом к условиям военной жизни, с нарушением хозяйственных связей мирного времени, потрясением кредита и пр. и т. п. Все это неизбежно вызывало ряд государственных мероприятий, связанных с урегулированием кредитно-денежной системы, снабжением промышленности, работающей на оборону, соответствующим сырьем, регулированием цен, подготовкой запасов продовольствия в нейтральных и союзных странах и т. п.

Крах плана Шлиффена, выяснившийся по существу уже после сражения на Марне, переход к позиционной войне, которая не могла не стать длительной при наличном соотношении боровшихся сил, должны были стимулировать дальнейшую деятельность государства по регулированию народного хозяйства.

Промышленность, подстегиваемая военными заказами, дававшими невиданную до того прибыль, сама очень быстро перестраивалась на обслуживание военных потребностей и задач.

„Крупные и мелкие предприятия, которые до тех пор не имели ничего общего с производством военного снаряжения, перестроили свое производство с поразительной быстротой и уменьем на выработку гранат и капсулей. Громадные потребности в колючей проволоке могли быть покрыты благодаря быстрейшему приспособлению нужных машин и привлечению много-

численных рабочих рук. Даже часть индустрии, производившей игрушки и сильно задетой прекращением вывоза, смогла приспособиться к производству капсулей для снарядов. В производстве шляп кожаные части шлемов и кепи были заменены суконными и обеспечены таким образом заказы. Многочисленные предприятия по пошивке мужского и женского платья занялись производством форменного обмундирования. Фабрики зонтиков занялись производством непромокаемых курток из наличных запасов материи. Фабрики велосипедов стали производить железные койки для лазаретов; вместо швейных машин делали шрапнели; вместо роялей — гильзы для патронов и т. д. Рассказывали о кондитерской, перешедшей от начинки пирожных на начинку гранат".

Работа на войну давала большие прибыли. Вновь построенный завод Стиннеса „Германия" в течение первого года своего существования выплатил 14% дивиденда и имел чистый доход, равный половине акционерного капитала. Уже в этот период оптимистических иллюзий и кажущегося расцвета правительство все чаще и более разносторонне вмешивалось в хозяйственную жизнь страны. По одному хлебному снабжению было издано свыше тысячи приказов. Все энергичнее шел нажим на потребление в смысле его сокращения и рационализации. 1916 г. обнаружил уже совершенно явственный надлом народного хозяйства. Верденская бойня, ни к чему не приведшая, вступление в войну на стороне Антанты Италии и Румынии служили симптомами все большего сужения стягивающегося вокруг Германии кольца. Наступал период „гениально организованного голода".

Программа Гинденбурга, сменившего в 1916 г. после верденских неудач Фалькенгайна, предъявила германскому хозяйству исключительные требования. Государство пыталось самым жестоким образом регулировать все области хозяйства вплоть до мелочей личного потребления населения.

В области промышленности дело уже не ограничивалось централизацией сырья и снабжения. Государство строго контролировало самый процесс производства во всех его деталях. В начале так называемые сырьевые военно-акционерные общества, охватившие к концу 1915 г. почти все отрасли промышленности, носили характер почти добровольных организаций. Важнейшие из этих обществ: „Военно-акционерное общество металла", „Военно-акционерное общество хлопка", „Военно-акционерное общество химических продуктов" и т. д. В заседаниях наблюдательных советов участвовали комиссары, назначенные рейхсканцлером и военным министром. Комиссары могли опротестовать решение наблюдательных советов, и в таких случаях решения не выполнялись. Спорные вопросы разрешал рейхсканцлер. Позже эти общества превратились в „государственные и строго регулируемые главки". Это произошло не без борьбы военного ведомства с руководителями обществ. Необходимость гарантирования правительством кредитов сделала правительство хозяином положения. Происходит огромная концентрация и централизация производства — в форме „трестовской системы с синдикатскими верхушечными органами", теснейшим образом связанными с военным министерством. Само собою разумеется, что государство при этом отнюдь не посягало на исконные привилегии „капитанов индустрии". В новых военно-промышленных организациях работал тот же старый трестовский, синдикатский аппарат. Такие капитаны индустрии, как Вальтер Ратенау, Стиннес, играли выдающуюся роль в военно-промышленной организации. С самого

начала войны германские капиталисты „организовались на оборону", создав так называемый „Военный совет германской индустрии" (Kriegsausschuss). Здесь происходила наиболее яркая борьба групповых и индустриальных интересов верхушек германской буржуазии.

Тем не менее к концу войны, по мере усиления государственного централизованного регулирования, недовольство начало охватывать не только мелких и средних предпринимателей, но и крупных. Прибыли казались им при этой системе недостаточными сравнительно с возможностями, раскрытыми войной.

Государство пыталось регулировать не только промышленность, но и сельское хозяйство и продовольственное снабжение. В силу его капиталистической природы и неспособности его наладить при раздробленности сельского хозяйства централизованное производство, здесь регулирование могло итти лишь по линии цен, а затем — по линии принудительной продовольственной разверстки. Уже поэтому государственное регулирование, как и следовало ожидать, дало в этой области еще меньше результатов, чем в промышленности. Но само собой разумеется, что государственных мероприятий было достаточно, чтобы снизить калорийность пайка, получаемого широкими слоями населения (для которых подпольный рынок — убежище „богатых тунеядцев" — был недоступен), до $^1/_3$ довоенного.

Буржуазно-классовый характер государственного регулирования потребления германским „военным хозяйством" отмечен Лениным (Соч., т. XXI, стр. 177—178).

„Война заставила все воюющие и многие нейтральные государства перейти к регулированию потребления. Хлебная карточка появилась на свет божий, стала привычным явлением, потянула за собой и другие карточки... Хлебная карточка, этот типичный образец регулирования потребления в современных капиталистических государствах, ставит своей задачей и осуществляет (в лучшем случае осуществляет) одно: распределить наличное количество хлеба, чтобы всем хватило. Вводится максимум потребления далеко не всех, а только главных „народных" продуктов И это все. О большем не заботятся. Бюрократически подсчитывают наличные запасы хлеба, делят их по душам, устанавливают норму, вводят ее и ограничиваются этим. Предметов роскоши не трогают, ...ибо они „все равно" так дороги, что „народу" недоступны". Поэтому во *всех*, без всякого исключения, воюющих странах. *даже* в Германии, которую, кажется, не вызывая споров, можно счесть образцом самого аккуратного, самого педантичного, самого строгого регулирования потребления, *даже* в Германии мы видим постоянный *обход* богатыми каких бы то ни было „норм" потребления. Это тоже „все" знают, об этом тоже „все" говорят с усмешечкой, и в германской социалистической, а иногда даже буржуазной, прессе, несмотря на свирепости казарменно строгой немецкой цензуры, постоянно встречаются заметки и сообщения о „меню" богачей, о получении белого хлеба в любом количестве богатыми в таком-то курорте (под видом больных его посещают все... у кого много денег), о замене богачами простонародных продуктов изысканными и редкими предметами роскоши... во *всех* странах... даже в Германии,—о России нечего и говорить,—лазеек оставлено масса, голодает „простой народ", а богатые ездят в курорты, пополняют скудную казенную норму всяческими „додатками" со стороны и *не* позволяют *себя* контролировать".

„Голодной военной каторгой" — вот чем было военное хозяйство Германии. (В других странах было то же, лишь в более смягченной форме. И как подобает каторге, здесь был и принудительный труд: 5 декабря 1916 г был издан закон об обязательной трудовой повинности мужчин в возрасте от 17 до 60 лет. Закон гласил: „До сих пор всякий гражданин, не призванный в армию, поскольку он не был связан публично или договорными обязательствами, мог свободно распоряжаться своей рабочей силой. Сейчас,

при решении вопроса о том, какие работы следует продолжать во время войны и как использовать каждую рабочую силу, следует руководствоваться лишь одним соображением: в какой мере эта работа полезна для целей обороны и снабжения армии. Таким образом возможно будет усилить соответственно потребностям производство особо важных для военного снабжения отраслей промышленности и в то же время освободить большие резервы рабочих".

Как уже сказано, „военное хозяйство" в той или иной форме имело место и в Англии, и во Франции, и в России, и в других странах.

Англия находилась в хозяйственном отношении в несравненно лучших условиях, чем Германия. Несмотря на подводную войну, она все же оставалась „владычицей морей" и поддерживала в общем регулярную связь как со своими колониями и доминионами, так и с рядом нейтральных государств. Особенно важна была непрерывная связь с Америкой, которая с самого начала войны, сама оставаясь нейтральной, не отказалась от торговли и с центральными державами, но особенно усиленно снабжала державы Антанты. Англия получала из Америки сырье, продовольствие, амуницию и даже машины. Отсюда меньшая необходимость для Англии такого развернутого военного хозяйства, как в Германии. Здесь дело шло главным образом о предприятиях, непосредственно работавших на оборону. Сфера потребления была затронута сравнительно слабо.

В условиях значительно менее интенсивного, чем в Германии, развития монополистической организации и при длительных фритредерских навыках невмешательства государства в экономическую жизнь страны „военное хозяйство" в Англии должно было натолкнуться на значительные трудности.

„Мысль, что в XX в. могут быть изданы законы, запрещающие частным лицам покупать и продавать дороже, нежели по установленным твердым ценам, казалась настолько парадоксальной, что ее мог бы высказать Бернард Шоу или Четерстон. Уэльс, предсказавший, что в будущую войну будут сражаться аэропланы с танками, не представлял себе карточной системы распределения хлеба, режима твердых цен, которыми правительства воевавших стран обеспокоили торговцев и хозяев" *(Ллойд-Джордж)*.

Однако выгоды и положительные результаты, какие дали для целей обороны государственно-регулирующие мероприятия, были сильнее фритредерских предрассудков.

Ллойд-Джордж хвастал своим опытом в министерстве снабжения: „Была введена система оценок и обследований, воздвигнуты национальные фабрики, которые сдерживали цены, и снаряд, за который военное ведомство платило раньше 22 шиллинга 6 пенсов, понизился в цене до 12 шиллингов; при 85 млн. снарядов это сберегало 35 млн. фунтов стерлингов".

Вмешательство государства в хозяйственную жизнь Англии начинает усиливаться со второго года войны, главным образом по линии торговли и транспорта. На третий год чувствовался уже недостаток в сырье и продовольствии. 1917 г. поставил вопрос о регулировании особенно резко.

Но „вмешательство" началось с самого начала войны. 4 августа 1914 г. все железные дороги подчиняются государственному контролю. В 1915 г. контроль над морскими перевозками приобретает особое значение в виду специфического положения Англии. В июле 1915 г. все угольные копи переходят под управление государства (особенно в связи с волной забастовок горняков). Контроль распространяется и на ряд других производств — амуниции, шерстяное, льняное, джутовое, на мельницы и т. п.

Но дело не ограничивалось контролем. Государство, в лице учрежденного в 1915 г. министерства снабжения, начало регулировать самое производство и — мало того — развило самостоятельное госпроизводство. В середине 1915 г. было 16 государственных предприятий, в 1915 г.—143. Правительственный контролер согласно закону о „военном снабжении" (1915 г.) получил огромные права. „На его обязанности лежит регулировать или даже сокращать производство, от него зависит — продолжать ли какую-нибудь работу на фабриках или заводах или сокращать ее, снимать ли тех или других рабочих, следить за обеспечением предприятий сырьем и материалами, наблюдать за исправностью состояния предприятия, расширить производство амуниции или перенести его в другое место. Он в праве требовать от любого предпринимателя сведений о числе рабочих и роде их занятий, о числе машин и состоянии их, а также — насколько рабочие или машины заняты, причем отказ от дачи сведений или сообщение неточных сведений — наказуемы".

Количество подчиненных контролю предприятий достигло к концу 1917 г. 20 тыс.

По свидетельству Черчилля, руководившего Советом по военному снабжению, к концу войны в руках Совета находились почти все рудники и заводы Британии. „Мы контролировали все главные отрасли британской промышленности и фактически управляли ими. Мы регулировали снабжение сырьем. Мы организовали распределение всех производимых ими готовых изделий. Под нашим непосредственным началом находились почти 5 млн. человек и наша деятельность тесно переплеталась со всеми областями экономической жизни страны". (*Черчилль.* Мировой кризис.)

Как в Германии, так и в Англии государственное вмешательство отнюдь не означало посягательства на „законную" прибыль предпринимателя. Не все конечно устраивали свои дела одинаково хорошо, но основной слой получал прекрасные дивиденды. Выше уже было указано на огромные прибыли германских предпринимателей во время войны. О прибылях предпринимателей заботилось и английское правительство. При подчинении госконтролю железных дорог Англии железнодорожным обществам был гарантирован доход 1913 г. (очень высокий). Государство кроме того возмещало амортизацию. Таким образом предприниматели были от невыгод войны всячески ограждены.

Бывший секретарь министерства продовольствия, автор книги „О государственном контроле во время войны" *(Ллойд)*, указывает, что объединение предприятий никогда не проводилось как акт, враждебный владельцам или руководителям предприятий. Их частная фирма или акционерное общество продолжали существовать самостоятельно.

„В тех случаях (как например в угольной промышленности или в мельничном деле), когда государство „брало в свое распоряжение копи или мельницы, это не означало, что государство брало на себя финансовую ответственность за результаты своего контроля и пользования предприятием. В обоих случаях и такое „взятие в свое распоряжение" не было необходимостью, контроль распространялся только на коммерческую сторону дела, на сбыт и покупку сырья, на спецификацию продукта, на цены и на использование готового продукта. Самая характерная черта заключалась в том, что промышленник был освобожден от личной ответственности за покупку и продажу, сохраняя ответственность за технический процесс и за работу предприятия" *(Ллойд)*.

Система государственного регулирования цен была такова, что она давала предпринимателям, даже при попытках ограничить их прибыли, факти-

чески большую, чем до войны, „военную прибыль". Зато контроль над высокой заработной платой, продолжительностью рабочего дня и условиями работы осуществлялся очень зорко и, как увидим, достаточно эффективно... но не в пользу рабочих, а против них.

Во Франции государственное вмешательство приобретает регулирующий характер с конца 1916 г. в виде ухудшения снабжения в связи с усилением подводной войны. Регулирующим центром служило „министерство вооружения и военного производства". И здесь, как и в Германии и в Англии, опорой были крупные монополистические организации (Comité des Forges и др.).

В специфических условиях российской действительности мы наблюдаем такой же тип регулирования (правительственное „совещание по обороне" с одной стороны, „общественные" военно-промышленные комитеты и Земгор — с другой). Условия царского режима в соединении с организационной и технической слабостью русского капитализма не могли однако обеспечить такого эффекта, как в западно-европейских странах, особенно в Германии. Зато по линии спекуляции, военных прибылей и беспощадной эксплоатации масс Россия, пожалуй, им не уступала.

В САСШ мобилизация промышленности началась еще в 1916 г., до вступления в войну. Был создан специальный комитет подготовки промышленной мобилизации. С вступлением в войну главным регулирующим органом стала „Коллегия военной промышленности" при Совете обороны. Опорой ее были крупные монополистические организации (стальной, нефтяной и др. тресты).

„Экономическое регулирование", вызванное потребностями и условиями военной обстановки, не смогло однако преодолеть анархическую природу капитализма и „организовать" его. Противоречия между отдельными группами капиталистов, между промышленностью и сельским хозяйством в целом не только не смягчились, но, наоборот, значительно углубились и обострились в результате „планирования", предпринятого капиталистическим государством.

Военные прибыли и „патриотизм" капиталистов

Военное хозяйство, как уже было указано, отнюдь не задевало интересов крупных капиталистических предпринимателей. Наоборот, война—„золотое время" для капиталистов, предпринимателей, военных поставщиков, спекулянтов. [„Война—ужасная вещь. Да. Но она ужасно прибыльная вещь" *(Ленин)*.] Характерен для этого периода такой биржевой бюллетень: „Вяло, слухи о мире".

Ряд английских фирм за время войны стал великолепно преуспевать. Павлович приводит следующую таблицу:

	Прибыль до войны	После года войны (прибыль сверх прежней)
	(В фунтах стерлингов)	
Great Wastern (уголь)	90 000	11 000
Davis and Sons (уголь)	180 000	39 000
Burnis and Brown and C⁰ (уголь)	100 000	33 000
Ebb Vale and C⁰ (жел. рудник)	100 000	56 000
United National (экспорт угля)	100 000	60 000
Spiller and Bokers (механика)	140 000	227 000

„Ограничение прибыли", вызванное потребностью правительства в колоссальных средствах для ведения войны, имело в значительной мере фиктивный характер.

Интересно, что закон 2 июля 1915 г. о военном снабжении (Munitions of War act) устанавливал как высшую норму прибыль в 20% свыше средней прибыли последних лет до войны. Сама по себе эта норма была очень высока, но сверх того были тысячи способов скрывать прибыли. Вдобавок закон 1915 г. относился только к так называемым „Controlled Establishments", к предприятиям, непосредственно подчиненным министерскому контролю. Огромное большинство предприятий, особенно не работавших непосредственно по военному снаряжению, было свободно от ограничений, и прибыль здесь достигла 100 — 150%.

В дальнейшем нажим на капиталистов как будто усилился, налог на военную прибыль, по предложению Мак-Кенна, был увеличен с 50 до 60%. Но и при этих условиях на долю капиталистов оставались громадные прибыли. Особенно чудовищные прибыли получали английские пароходные компании, ставшие в связи с отсутствием конкуренции монополистами и повысившие фрахт в 10—15 раз. Такая грабительская политика английских пароходчиков фактически ставила союзную Италию в состояние блокируемой (своим же союзником) страны. На политику эту жаловались и французы. В ответ на жалобы обычно указывали, что Англия — страна невмешательства государства в экономическую жизнь.

Английские пароходчики, кстати, блокировали и свою собственную страну. Повышение цен на пищевые продукты, являвшиеся в Англии в значительной части предметами ввоза, было связано с повышением фрахта.

Зато некоторые мореходные компании в течение всего лишь нескольких месяцев (с сентября по декабрь 1915 г.) реализовали прибыль, превышавшую весь капитал, вложенный в их предприятия.

Не мало „нажились" от войны и германские капиталисты. Официальный отчет фирмы Круппа показывает, что за год войны чистый доход ее увеличился на 140%. Таким образом акционеры этой фирмы, среди которых одним из крупных был между прочим сам Вильгельм II, имели все основания смотреть на „патриотизм" как на весьма выгодное дело.

Не были обижены судьбой и другие, не столь привилегированные и не столь покровительствуемые фирмы, как крупповская.

Сталелитейный завод Экнига дал в 1913/14 г. дивиденда 5%, в 1914/15 г.—15%; завод амуниции Гоффермана в 1913/14 г.—15%, в 1914/15 г.—30%; сахарные заводы во Фраустадте—соответственно 10 и 20%; фабрика несгораемых шкафов и машин Шлаудиза—6 и 12%; фабрика крахмала и сиропа Фошена—15 и 20% (кроме того, она увеличила свой текущий счет с 343 тыс. д. 1427 тыс. марок)

Таким образом в „пляске миллионов" участвовали капиталисты самых разнообразных отраслей промышленности. Установлено, что германские капиталисты получили за первые 16 месяцев войны 8 млрд. марок военной прибыли. Только в 1916 г. был внесен законопроект о налоге на военную прибыль. И здесь, как и в Англии, этот налог ни в какой мере не приостановливал процесса колоссальной наживы.

Золотой дождь военных доходов окропил в изобилии и французских капиталистов.

Чистый доход фирмы „Проволочные и рельсопрокатные заводы" в Гавре увеличился за год войны на 30%, не говоря уже о значительном расширении самого предприятия.

„Общество сахарных заводов Соя" через год после начала войны смогло дать акционерам утроенный дивиденд. Особенно наживались металлургические заводы.

Как и в Англии, в результате увеличения фрахтов (в пять раз на зерно, в десять — на уголь и др.) чрезвычайно наживались судовладельцы.

Налог на военную прибыль был введен во Франции только 1 июля 1916 г. Но и этот весьма запоздалый налог покушался не больше чем на $^1/_4$ колоссальных военных прибылей. Особенно поразительна свистопляска доходов подрядчиков, поставщиков военного ведомства. Во Франции этот тип паразитов военного времени, из которых формировалась так называемая новая буржуазия („нувориши" — новые богачи), выросшая на почве махровой спекуляции во время войны, приобрел особо красочные формы.

„Пройдохи, авантюристы за соответствующую мзду чиновникам интендантства наживали бешеные деньги на подрядах и поставках... чужих товаров и притом весьма сомнительного качества. Торговец лентами в Сент-Этьене получил заказ на доставку 120 тыс. ручных гранат по 1 франку 10 сантимов за штуку. Военный фабрикант, которому торговец лентами передал заказ на гранаты, получил от этого торговца только 60 су за штуку. Таким образом торговец лентами на этой „операции" получил „за прекрасные глаза" 60 тыс. франков, из которых конечно часть досталась чинам военного министерства. Сомнительные субъекты, нередко уголовного типа, получали в счет подрядов миллионные авансы" *(Павлович)*.

При всех строгостях государственного регулирования в Германии, и здесь капиталистическая добродетель, вообще слабая перед прибылью, подвергалась соблазну подрядного хищничества и охотно им соблазнялась.

И здесь „колбасники поставляли армии колеса для повозок, книгопродавцы — сбрую для лошадей, театральные критики — бронированные автомобили" и т. д. и т. д. До суда и соответствующего приговора дело доходило лишь в особо кричащих случаях, когда его уже никак нельзя было замолчать. В одном из таких дел обнаружился такой трюк поставщиков: на обувь № 40—41, которая не принималась военным ведомством как слишком маленькая, поставщики, ничто же сумняшеся, поставили соответственно другие номера: 42—43.

Наглость спекулянтов доходила до открытого бравирования возможностями наживы вокруг государственного пирога. Характерно следующее объявление в одной немецкой газете в начале 1915 г.: „Военные поставки. Всякого рода поставки устраивает на выгодных условиях господин, находящийся в наилучших отношениях с соответствующими властями. Возможно более подробные запросы просят присылать Рудольфу Моссе, адрес — такой-то". Роза Люксембург в след. ярких красках описывала эту вакханалию наживы, „превращения крови в золото": „В трезвой атмосфере дня звучит другой хор: хриплые крики коршунов и гиен, собравшихся на поле битвы. Согласно инструкциям, гарантируется 10 тыс. палаток, 100 тыс. кило шпика, какао в порошке — все это доставляется немедленно за наличный расчет. Гранаты, токарные станки, патронташи, домашняя посуда для вдов убитых, кожаные пояса, посредничество при военных поставках. Принимаются только серьезные предложения. А пушечное мясо, погруженное в августе и сентябре и опьяненное патриотическим хмелем, тем временем изнывает в Бельгии, на Вогезах, в Мазурских болотах, где мощно зеленеют богатые нивы прибылей. Надо поскорее собрать жатву в житницу".

Вокруг благотворительности также разыгрывается отвратительная свистопляска. Известно объявление, приглашавшее капиталистов для участия в организации благотворительного концерта, который смело может принести 50% прибыли.

Говоря о военных прибылях нельзя не упомянуть о том, что и некоторые верхние слои мелкой буржуазии в воюющих странах наживались на спекуляции, на продовольственном кризисе, участвовали в военных прибылях и были за войну до победного конца.

„Прибыль не знает отечества“

„Усиливающееся международное переплетение клик финансового капитала, из которого Каутский выводил тенденцию капитализма к разоружению, на самом деле способствовало вооружениям. Возьмем любую из всемирных „пушечных“ (и вообще производящих предметы военного снаряжения) фирм, например Армстронга. Недавно „Английский экономист“ (от 1 мая 1915 г.) сообщал, что прибыль этой фирмы с 666 тыс. фунтов стерлингов в 1905—1906 гг. поднялась до 856 в 1913 г. и до 940 — в 1914 г. Переплетенность финансового капитала здесь очень велика и все возрастает, немецкие капиталисты участвуют в делах английской фирмы, английские фирмы строят подводные лодки для Австрии. Международно-переплетенный капитал делает великолепные дела на вооружениях и войнах“ *(Ленин)*.

Крупные военно-промышленные концерны (германский — Крупп, английский — Армстронг, французский — Шнейдер-Крезо и др.) еще до войны составляли некий „интернационал“, который, невзирая на те или другие отечественные интересы, распределял рынок сбыта, исходя из импульса „прибыли, не знающей отечества“.

„За два года до возникновения мировой войны Крупп, Шнейдер, Блом и Фосс (командная германская военно-морская верфь) основали синдикат для захвата русских Путиловских заводов, что им в конечном счете и удалось после соглашения с Виккерсом и Армстронгом. Одновременно с этим братанием германского, французского и русского военно-промышленного капитала начались последние подготовления к германо-франко-русской войне. Пуанкаре подписывал в Петербурге от имени Франции военный договор, заостренный против Германии, а Крупп и Крезо одновременно с этим заключали конвенцию и брали на себя обязательство действовать солидарно в деле приема чудовищно-разбухших в ту пору военных заказов и не конкурировать друг с другом. Больше того, французский концерн обязался поддерживать Круппа против его отечественных германских конкурентов: если бы германская фирма Эдгардт предложила условия более льготные, чем Крупп, Крезо должен был предложить еще более льготные и взять заказ даже в том случае, если бы это было сопряжено для него с убытком. Аналогично этому германский и австрийский военно-промышленный капитал был заинтересован в англо-французском вооружении. В конце 1912 г. образовался французский торпедный концерн „Société Française des Torpilles Whitehead“. Большинство его акций принадлежало группе Армстронг — Виккерс, в числе акционеров находились английский посол Уайтхед, французский адмирал Обер и другие и на ряду с ними супруга германского посла Плессен-Кронстей и княгиня фон Бисмарк, супруга Герберта Бисмарка, сына „железного канцлера“ и бывшего главы германского министерства иностранных дел. Цвет дипломатии Тройственного союза финансировал сооружение миноносцев Антантой“ *(Леонид)*.

Самое замечательное однако заключается в том, что и война не прекратила деловых отношений между национальными частями этого интернационала человекоубойной промышленности. В то время как дорогие отечества сцепились в ожесточенной схватке, почтенные сыны их, ярые патриоты и сторонники войны до победного конца, изменяли своему отечеству, участвуя в снабжении неприятельских стран орудиями истребления.

„Во время битвы на Сомме (1916 г.), когда в Германии чувствовался ужасный недостаток в военном снаряжении, орудиях, колючей проволоке и пр., согласно предписанию германского военного атташе в Берне, ежемесячно до 250 тыс. *m* германской стали переправлялось через границу в нейтральные страны, откуда доставлялось Франции и Италии, где эта сталь перерабатывалась в пушки, направляемые дулом против Германии. Объясняется это тем, что военно-промышленные концерны, перебросившие свои форпосты в министерство иностранных дел и верховное главнокомандование, на протяжении ряда лет умели препятствовать наложению запрета на вывоз стали и не допускать установления какого бы то ни было контроля над

ценами со стороны военных органов. Стоило тому или другому чиновнику против этого восстать, как его, не долго думая, посылали на фронт" *(Леонид)*.

Павлович сообщает о следующем характерном случае: „31 мая 1916 г., в разгар Верденской битвы, в Париже, на Лондонской улице, состоялось общее собрание акционеров французской компании автоматических распределителей, причем в члены правления были переизбраны: г-н Бернардье, Пурталес, Щвейцарез, близкий родственник Бетман-Гольвега, и Гастон Дальтон, натурализованный немец, племянник министра Дельбрюка, проведшего в рейхстаге закон о натурализации, санкционировавший двойное подданство". Характерно также дело французского миллионера Боло (арестован в 1917 г.), на германские деньги подкупавшего французские газеты (в частности газету „Журналь", редактором которой состоял сенатор Эмбер), для того чтобы газеты повели особо энергичную кампанию за усиление вооружения Франции, за разгром Германии. Это было на-руку и немецким „пушечным" фабрикантам и немецким аннексионистам.

В 1915 г. состоялась конференция англо-германских капиталистов, хозяев динамитного треста Нобеля для ликвидации треста. Сомнительно, состоялась ли на самом деле эта ликвидация, но характерна и самая возможность такой конференции.

В „Militärwissenschaften Mitteilungen", Mai-Juni 1931 г., генерал-майор австрийского генштаба Керчнаве поместил статью под характерным заглавием: „Vom Denkmal des unbekannten Händlers" — „О памятнике неизвестному торговцу". В этой статье приводятся цифры, характеризующие доблестную деятельность „неизвестных торговцев" по снабжению воюющих стран во время мировой войны через нейтральные страны. Автор останавливается главным образом на деятельности английских торговцев по снабжению Германии во время войны. За 4 года войны Англия ввезла в Данию (фактически для Германии) на 24 517 *т* больше растительных масел, чем за 4 года мирного времени.

Ввозились в Германию через скандинавские страны при содействии английских „патриотов" также хлопок, смазочные масла, скот, шерсть, чай, кофе и пр. и т. п. Не менее ловко сочетали патриотизм с прибылью и „неизвестные" германские торговцы и торговцы других стран.

Война таким образом, в общем и целом, самым благоприятным образом подействовала на развитие капиталистических монополий, на обогащение капиталистов, вызвав к жизни кроме того обширную категорию „новых богачей" (нуворишей), выросших главным образом на спекуляции, военных поставках и подрядах.

Диалектически оценивая мировую войну 1914 г., Ленин неоднократно подчеркивал вызванные ею экономические и социальные сдвиги, самым непосредственным образом толкнувшие рабочий класс как передовой революционный класс, выражающий прогрессивные интересы общественного развития, к борьбе *за социализм*. Война необычайно ускорила развитие не только субъективных, но и объективных предпосылок социальной революции.

„Война — величайший кризис. Всякий кризис означает (при возможной временной задержке и регрессе) ускорение развития, обострение противоречий, обнаружение их, крах всего гнилого и т. д. Вот с этой точки зрения и надо рассматривать кризис: нет ли в нем прогрессивности, полезных черт всякого кризиса". (*Ленин*. „Новые статьи и письма", статья „1-е Мая и война". Гиз, 1930 г., стр. 9.)

Касаясь с этой точки зрения (т. е. с точки зрения интересов революционного развития) влияния войны 1914 г. на народное хозяйство, Ленин все время подчеркивал две стороны этого влияния. Выделяя в своем конспекте реферата „1-е Мая и война" (1915 г.) пункт: „Приспособление индустрии к военным условиям", он в скобках тут же отмечает: „Разорение. Быстрая концентрация". [1] (Сборник „Новые статьи и письма", та же статья стр. 12.)

„Диалектика истории именно такова, что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, *тем самым* необычайно приблизила человечество к социализму". „Ибо социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу всего народа* и постольку *переставшая* быть капиталистической монополией". (*Ленин.* Грозящая катастрофа и как с ней бороться. Соч., т. XXI, стр. 187.)

„Империалистическая война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание, — никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически, — а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет...*" (Там же.)

„Питание" войны и народные массы

Обогащая значительное меньшинство, война 1914 — 1918 гг. вместе с тем привела к разорению большинства населения, широких масс трудящихся, рабочего класса. Механика этого разорения тесно связана с механикой „питания" или финансирования империалистической войны.

Война 1914 — 1918 гг. стоила, только в форме государственных расходов, 187 млрд. руб. золотом.

Расходы эти равнялись 34% национального богатства Англии, 19% — Франции, 20% — Италии, 13% — России, 8,5% — САСШ, 24% — Германии, 18% — Австро-Венгрии.

Расходы держав Антанты и их союзников — 135,2 млрд. руб., из них:

Англия	48,2
Английские владения	4,2
САСШ	34,6
Франция	22,4
Россия	15,2
Италия	8,8
Прочие	1

[1] Концентрация производства достигла во время войны огромных размеров даже в таких странах, где этот процесс происходил относительно слабее. В Англии, например в железоделательной промышленности, мы наблюдаем объединения предприятий. Создаются крупнейшие концерны, приобретающие и подчиняющие своему контролю рудоносные поля, доменные печи, угольные поля. В САСШ железоделательные предприятия, производящие больше чем на миллион долларов, охватывают $^2/_3$ всех предприятий, $^9/_{10}$ рабочих, 97% всей продукции. То же и в химической промышленности и ряде других.

Расходы центральных государств — 51,4 млрд. руб., из них:

Германия	39,1
Австро-Венгрия	10,8
Турция	1,4
Болгария	0,14

Стоимость войны в процентах к довоенному национальному имуществу (в млрд. руб.):

Англия	34,49
Франция	19,36
Италия	20,59
Россия	13,11
САСШ	8,67
Австро-Венгрия	18,13
Германия	24,71[1]

Всю эту массу ценностей, в значительной мере расстрелянных в воздух, империалистическое государство изъяло из народного богатства, точнее — отняло у широких народных масс (как мы видели, капиталисты на войне только разжились). Понижение жизненного уровня масс, усиление эксплоатации и уничтожение ранее накопленного имущества — такова цена покрытия военных расходов. Средство выкачивания денег для военных расходов — финансовая политика отдельных стран.

Главную роль в финансировании войны 1914 — 1918 гг. сыграли не налоги (только в САСШ и Великобритании они занимают значительное место, соответственно 30 и 19% покрытия расходов), а внутренние займы, выпуск бумажных денег и внешние займы.

Расходы были покрыты, если взять все воевавшие страны, налогами (3%), внутренними займами и выпуском бумажных денег (84%) и внешними займами (13%).

Налоги, как чересчур открытая форма изъятия средств, были применены в значительной мере только в наиболее богатых странах — САСШ и Англии, сознательно прибегавших к этой форме покрытия в интересах сохранения устойчивости валюты — доллара и фунта. Но только такие богатые государства могли применять такую политику.

В других странах предпочли прибегнуть к более замаскированным формам, не дававшим сразу так сильно чувствовать всю тяжесть налагаемого бремени. Путем внутренних займов и выпуска бумажных денег государство выкачивало ценности, расстреливаемые в воздух, а население „обогащалось" бумажками, которые, чем больше их становилось, тем больше теряли в цене, ибо производство товаров соответственно не увеличивалось, а наоборот, сокращалось. Обесценение денег для широких масс получило наиболее ощутительное выражение в росте цен на предметы потребления, за которым

[1] Таблица из книги *Виленчук* — „Международная задолженность после войны". Грандиозность этой суммы и значение ее с точки зрения народнохозяйственной иллюстрируются таким сопоставлением:

„В 120 млрд. руб. оценивалось народное богатство довоенной России, т. е. земельная собственность, угольные копи, железные рудники, золотые рудники, железные дороги, фабрики, заводы, доки, порты морские и речного флота, — короче говоря, все имущество, находившееся на территории царской России, начиная с Зимнего дворца и Путиловского завода в Питере и кончая стадами кочевников в Средней Азии" *(Виленчук)*.

доходы мелкого производителя, жалование служащих и зарплата рабочего угнаться не могли.

К концу июля 1917 г. обесценились:

Американский доллар на	11,60%
Английский фунт стерлингов на	14,50%
Французский франк на	21,0 %
Итальянская лира „	37,10%
Германская марка „	48,55%
Австрийская марка „	61,20%
Русский рубль „	62,85%

На этом обесценении денег (а следовательно и облигаций) особенно теряли массы мелких держателей, крупные же обычно пускали облигации в оборот, а потери на займах многократно покрывали неимоверными прибылями.

На народные массы не только пали тяготы войны, — на них были переложены и долги, связанные с войной, т. е. им же приходилось нести эти тяготы и после войны.

Только Германия обошлась без внешних займов во время войны. Объясняется это в значительной мере тем, что пути к таким займам, в силу гегемонии антантовского капитала, ей были почти закрыты. Но зато все остальные страны прибегли к этому способу покрытия расходов в очень значительной мере (16% покрытия всех расходов Великобритании, 19% — Франции, 26% — Италии, 25% — России).

Война привела к созданию огромной межсоюзнической задолженности, и поныне играющей столь большую роль в современной международной политике. В начале войны выступила как главный заимодавец Англия. К 1 апреля 1917 г. ей оказались должны: Россия — 5,8 млрд. золотых руб., Франция — 1,9 млрд., Италия — 1,5 млрд., английские колонии и доминионы — 1,4 млрд., Бельгия — 0,4 млрд. Царская Россия задолжала за время войны кроме того Франции 850 млн. руб. К этому времени стали явно иссякать финансовые возможности Англии как главного заимодавца. На сцену выступили САСШ. САСШ с самого начала войны в сущности взяли на себя функции снабжения воюющих стран, причем главным образом стран Антанты. Превышение вывоза из них в Европу над ввозом из Европы составляло для САСШ в 1913/14 г. 590,9 млн. долларов, в 1914/15 г. — 1357 млн., в 1915/16 т. 2882,1 млн., в 1916/17 г. — 3714 млн. Весь этот активный баланс в пользу САСШ покрывался: 1) золотом, 2) довоенными обязательствами американских капиталистов, 3) внешними займами. Всего было выдано САСШ ссуд на военные нужды 9,6 млрд. долларов, которые в конечном счете целиком пошли на покупку союзниками различных товаров в САСШ. Таким образом САСШ приобретали не только возможность получать проценты на капитал, но и получать покупателей для своей промышленности. Стальной трест нажил на войне в 1916 г. 333 млн., в 1917 г.—528 млн. долларов. В общем, по признанию американского казначейства, война создала 21 тысячу новых американских миллионеров.

Война и положение рабочего класса

Американцы, которых лорд Берти, английский посол в Париже, еще до выступления их в качестве союзников, довольно резко охарактеризовал в своих мемуарах как „прогнившую шайку жуликов, распевающих псалмы и гоняющихся за барышами", сумели на войне капитал приобрести, а в глазах многочисленных пацифистских дураков — и невинность соблюсти (министр продовольствия

Гувер в 1919 г. „спасал" голодающую Германию от революции ввозом за хорошие деньги запасов начавшей портиться свинины). В конечном итоге трудящиеся массы повсюду оказались закабаленными долгами на целый ряд лет после войны. Только трудящиеся бывшей царской России, благодаря пролетарской революции, освободились от этой кабалы, навязанной империалистами.

Совсем иначе, чем для крупной буржуазии, обернулась военная конъюнктура для рабочего класса. Динамика заработной платы указывает на падение реальной заработной платы большинства рабочего населения.

Так, в Англии по сравнению с 1914 г. заработная плата в 1915 г. в общем повысилась на 6—10%, а стоимость жизни на 25% (падение реальной заработной платы на 15—20%). В 1916 г. это падение достигло 20—25%, в 1917 г. — 40—45%.

В Германии при повышении стоимости жизни к 1917 г. на 100%, а к 1918 г. на 137,5—150% заработная плата повышалась далеко не в той же мере (в Дортмундском районе горной промышленности заработная плата поднялась до 61%, в других районах еще меньше).

Буржуазный профессор Гютер констатирует: „По нашим данным, заработная плата только медленно, спустя долгое время и в недостаточных размерах следовала за вздорожанием жизни".

Во Франции наблюдалась такая же картина. Так например, реальная заработная плата углекопов упала по сравнению с 1914 г.: в 1915 г. на 22%, в 1916 г. на 24%, в 1917 г. на 28%.

Не избегли этой участи и рабочие страны „просперити" — САСШ. Историк экономического развития САСШ Фолькнер указывает, что по отзывам специалистов статистиков, разрабатывавших вопросы труда, реальный заработок фактически уменьшился, если сравнивать первое и второе десятилетия XX в. в целом (*Фолькнер*. История народного хозяйства САСШ, стр. 459.)

Даже в Швейцарии, все время пребывавшей в нейтралитете, реальная заработная плата в 1916 г. пала на 40%.

Падение реальной заработной платы отразилось на сокращении потребления.

Так, если взять потребление хлебов, то во Франции еще за время войны оно понизилось (в бушелях на душу населения) по ржи на 0,49, по пшенице на 1,31, в Италии — соответственно на 0,01 и 0,017, в Голландии — на 2,47 и 0,93, в Англии — на 0,01 и 0,07.

Если до войны пищевое потребление германского населения в среднем составляло 3642 калории в день, то в 1916—1917 гг. оно составляло только 1500—1600 калорий. Семейные рабочие имели добавочную карточку и получали в общем от 2250 до 2500 калорий. Увеличение смертности, заболеваемости, истощение сил — вот что дала военная конъюнктура рабочему классу.

Оценивая факты „регулирования экономической жизни" в капиталистических государствах во время войны с точки зрения их классового содержания, Ленин писал: „Америка и Германия „регулируют экономическую жизнь" так, чтобы рабочим (и крестьянам отчасти) создать *военную каторгу*, а банкирам и капиталистам *рай*. Их регулирование состоит в том, что рабочих „подтягивают" вплоть до голода, а капиталистам обеспечивают (тайком, реакционно-бюрократически) прибыли *выше* тех, какие были до

войны". (*Ленин.* Соч., т. XXI, стр. 167.) „Буржуазное государство во всеоружии своих средств, усиленных войной, обрушилось на рабочий класс, создавая ему военную каторгу".

Уже на примере военного хозяйства видно, какую огромную силу принуждения сумело развить буржуазное государство эпохи империализма в первой всемирной империалистической войне.

Правительственный террор во время войны

Развитие буржуазного государства есть история „совершенствования и укрепления исполнительной власти, ее чиновного ивоенного аппарата". „В особенности же империализм, эпоха банкового капитала, эпоха гигантских капиталистических монополий, эпоха перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, показывает необыкновенное усиление „государственной машины", неслыханный рост ее чиновничьего и военного аппарата в связи с усилением репрессий против пролетариата как в монархических, так и в самых свободных, республиканских странах". (*Ленин.* Соч., т. XXI, стр. 391.)

Само собою разумеется, что война должна была в колоссальной мере обострить усиление государственной машины, предоставив полную возможность, исходя из „особых обстоятельств военного времени", отбрасывать в сторону всякие „стеснения", созданные формальной демократией. „Военное положение", „чрезвычайное положение", „осадное положение" отменяет все свободы, все формы законности буржуазной демократии, отдавая подданных „полностью в руки властей предержащих".

Совершенно дикий, безумный террор господствовал в армии, где за маленькую провинность нередко расстреливали „в целях поддержания дисциплины". Таких случаев было тысячи.

Французский генерал Гильом заявил на собрании офицеров: „Чтобы усилить дисциплину, не надо бояться расстрелять 10, 100 или 1000 человек. Это единственный способ добиться результата". И это проводилось в жизнь.

В Германии дело доходило до лишения рабочих права свободного передвижения (распоряжение главного интендантского управления от 11 января 1915 г.). Согласно этому распоряжению, предприятие имеет право принимать на работу рабочих с других работающих на оборону предприятий только в случае согласия на это прежнего работодателя. То же происходило (с некоторыми вариантами) и в Англии.

15 февраля 1915 г. издается распоряжение об отправке в армию военнообязанных, меняющих место работы.

Закон о подсобной службе отечеству (трудовая повинность) в Германии всей своей тяжестью лег на массы трудящихся. Закон оставлял лазейки „для дам и господ", поскольку § 8 указывал на „необходимость считаться с родом занятий". Одно местное начальство устанавливало обязательное привлечение к сельскохозяйственным работам лиц, „подходящих по своему социальному положению".

Буржуазная политобработка во время войны

Таким образом буржуазное государство чрезвычайно усилило во время войны свой аппарат принуждения во всех областях жизни. Диктатуре меча и капитала были предоставлены неограниченные возможности, и все скорпионы ее были направлены против трудящихся масс. Всякое проявление свободной революционной мысли, идущей вразрез с интересами господствующей

камарильи, немедленно жестоко подавлялось всей силой могучего военно-полицейского аппарата.

На ряду с этой чисто физической обработкой дорогих верноподданных на предмет беспрекословного служения „отечеству" шла грандиозная идеологаическая обработка; здесь, как и в военном хозяйстве, происходило своеобразное „сращивание" государственного аппарата и частных „общественных организаций". В дальнейшем будет особо выявлена огромная роль социалистов, оппортунистов, социал-шовинистов в этой идеологической обработке масс на служение Молоху войны. Специальный интерес представляет агитационно-политическая деятельность, развитая во время войны правительствами воюющих стран. Создаются особые органы пропаганды, отчасти действующие самостоятельно, отчасти опирающиеся на услужливую печать и общественные организации. Дело шло не только о работе внутри данного „отечества", но и о работе в других странах — союзных, враждебных и нейтральных. Особенно чувствовались плоды более ловкой, изворотливой и систематической пропаганды Антанты. Людендорф в своих воспоминаниях указывает на отставание германцев в деле пропаганды, приобретшей, по его мнению, огромное значение:

„Хорошо поставленная пропаганда должна далеко обогнать развитие политических событий. Она должна расчищать дорогу для политики и подготовить общественное мнение независимо от него самого. Прежде чем политическое намерение превратится в действие, надо убедить мир в его необходимости и моральной оправданности. Мы не пользовались пропагандой вне своих пределов, вряд ли даже знали о существовании таковой, хотя на нашей территории работа против определенных лиц велась очень искусно. Наши политические цели и решения казались часто грубыми и нелогичными, так как они преподносились миру с поражающей неожиданностью. Широкая и дальновидная пропаганда шутя могла бы изменить это впечатление".

В соответствии с этой выяснившейся потребностью в хорошо поставленной пропаганде, в июле 1916 г. по настоятельному требованию германского верховного командования при министерстве иностранных дел был организован военный отдел, во главе с полковником фон Гефтеном. Задача отдела — вести широкую активную пропаганду, переходящую в наступление против пропаганды Антанты. Методы пропаганды (особенно в нейтральных странах) были весьма разнообразны. Прежде всего устная передача новостей от одного к другому. За ней следовали фильм, плакаты и печатная пропаганда (телеграммы, радио, корреспонденции, брошюры). Работа шла через бюро нейтральных военных корреспондентов и через военное заграничное бюро при посольствах нейтральных и союзных стран.

В Англии руководил правительственной пропагандой информационный отдел под руководством Джона Бьюкенена (в 1918 г. этот отдел выделился в особое „министерство информации" во главе с газетным королем — лордом Бивербруком); здесь работали все газетные короли: Нортклиф, лорд Ротермир. Существовал специальный подотдел „Институт пропаганды для работы в Германии, Австро-Венгрии и Болгарии".

Эти официальные организации по пропаганде всемерно опирались на „общественные" организации как отечественные, так и нейтральных стран. Печать каждой страны была в полном услужении делу пропаганды. С „оппозиционной" прессой договаривались при помощи презренного металла. Высшие военные или гражданские власти давали печати соответствующие инструкции. На особых конференциях прессы, проводимых в Германии (ана-

логичное явление наблюдалось и в других странах), давались например такие инструкции:

„1) Не разрешается во время войны выступать с нападками на деятельность наших дипломатов за границей; 2) не разглашать сведений об уничтожении немецкой подводной лодки английским миноносцем; 3) нежелательны сообщения о самоубийствах молодых девушек из-за павших в сражении женихов; 4) для полного гражданского мира не рекомендуется обсуждение прусского мобилизационного права и подобных вопросов; 5) зверства в Армении необходимо освещать следующим образом: наши дружеские отношения к Турции не только не должны омрачаться внутренними административными событиями (в Турции), но прочность их должна, наоборот, подвергнуться в этот тяжелый момент испытанию. Поэтому пока наша обязанность — молчание. После, если последуют прямые нападки иностранных государств по поводу „соучастия Германии", необходимо с величайшей осторожностию объяснить, что турки были слишком раздражены действиями самих армян; 6) запрещается опубликование снимков с массовых скоплений народа при покупке продуктов питания".

Исследователь буржуазной политработы во время войны *(Блюменталь)* дает следующий примерный список методов воздействия на читателей:

„Преувеличение „своих" успехов и бодрого настроения, преуменьшение успехов противников и их стойкости, игра на отдельных героических поступках. Простая ложь и измышление „фактов". Использование юмора, поэзии, беллетристической формы изложения. Использование иллюстрации. Игра на национальном чувстве. Игра на религиозных чувствах, предрассудках, суевериях. Превозношение „высоких" лиц, их „метких" слов, героизма. Использование чувства любопытства о жизни и быте высокопоставленных лиц. Использование патриотических поступков. Запугивание обывателей „страшными" противниками. Особенно важно отметить те приемы, которые используются в самые критические моменты, „когда война рождается", в дни перед мобилизацией и в мобилизационный период. В эти моменты особенно важно обрабатывать „общественное мнение". И тут каждое государство, опираясь на свой аппарат и содействующие ему общественные организации, применяет дьявольскую механику обмана. С большей или меньшей степенью талантливости, ловкости рук эта механика массового обмана, создания массового психоза страшной силы проводится во всех странах, вступающих в войну. Но и здесь, как правильно подмечает тот же исследователь, существует некий трафарет, сводящийся к следующему:

1. Дипломатия проливает крокодиловы слезы: все нас обижают, только мы стойко боремся за мир.
2. Предмобилизационные мероприятия данного правительства, становящиеся все конкретнее, упорно замалчиваются.
3. Раздуваются мероприятия предмобилизационного значения в странах будущих противников.
4. Вспоминаются „старые", „исторические" грехи наций этих (враждебных) стран. Вообще читателя убеждают, что эти нации — самые скверные в мире.
5. Сведения об агрессивных намерениях будущих противников вызывают „стихийный" подъем в нашей стране, хотя мы воевать не собираемся.
6. Но вот враг уже готов драться с нами, — он мобилизуется, он наполнил нашу страну шпионами.
7. Неужели нам „зевать" и быть захваченными врасплох?
8. Мы вынуждены тоже мобилизоваться, потому что враг „на нас" напал, объявил войну (или вариант: потому что мы вынуждены были объявить войну ему во имя предупреждения нападения, во имя защиты какой-либо слабой и подвергшейся нападению страны).
9. „Наша" страна приняла этот факт с колоссальным подъемом и едина в порыве самозащиты.
10. Все сведения о стране противника решительно меняются: раньше описывались колоссальные приготовления, тысячи эшелонов, теперь (надо ободрить мобилизованных) оказывается, что войско у них дрянь, в стране завтра революция, паника населения. Война будет веселой прогулкой на фронт".

Искусно разжигались до беснования зоологически-националистические чувства. Боязнь шпионажа, измены висит в воздухе, идет науськивание на иностранцев, организуются погромы иностранных магазинов, посольств...

Немалую роль в обработке „общественного мнения" во время войны играла церковь, в тесном контакте с властями предержащими широко использовавшая орудие „лжи во спасение". „Боженька" оказался немаловажным оружием для разжигания воинствующих страстей среди религиозно одураченных масс, одинаково усердно обслуживая оба враждебных лагеря. Для более искусного обмана масс не брезгали „творением чудес" вроде „явлений с небес богородицы" при помощи волшебного фонаря и т. п. трюков.

Искусно и искусственно раздутое патриотическое беснование иногда выходит за пределы, желательные начальству, организующему это беснование.

Директор полиции в Штутгарте должен был издать следующий приказ по полиции: „Полицейские! Население начинает сходить с ума. Улицы переполнены старыми бабами обоего пола, ведущими себя совершенно недостойно. Каждый считает своего соседа русским или французским шпионом, полагает своей обязанностью избить до крови как его, так и полицейского, вступающегося за него, или, собрав огромную толпу, передать его полиции. Облака принимаются за аэропланы, за дирижабли, велосипедные рули — за бомбы. Распространяются слухи, что телефонные и телеграфные провода в Штутгарте перерезаны, что мосты будто бы взорваны, что шпион будто бы расстрелян на основании осадного положения и что колодцы отравлены. Совершенно невозможно предвидеть, до чего все это дойдет, если наступят на самом деле трудные времена... Можно думать, что мы находимся в сумасшедшем доме".

Но до известных пределов это повальное сумасшествие зажигателям войны необходимо, и оно культивируется всеми мерами, находящимися в распоряжении империалистического государства, во время войны централизующего и концентрирующего свою мощь до небывалых размеров.

Вот почему, учитывая опыт мировой войны, т. Ленин писал: „Надо объяснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается, и как беспомощна обычная организация рабочих, хотя и называющая себя революционной, перед лицом действительно надвигающейся войны.

Надо объяснить людям со всей конкретностью еще и еще раз, как обстояло дело во время последней войны и почему оно не могло обстоять иначе.

Надо объяснить, в особенности, значение того обстоятельства, что „защита отечества" становится неизбежным вопросом, который громадное большинство трудящихся будет неизбежно решать в пользу своей буржуазии.

Поэтому разъяснение вопроса о „защите отечества", во-первых; во-вторых, в связи с этим, разъяснение вопроса о „пораженчестве" и, наконец, разъяснение единственно возможного способа борьбы против войны, именно сохранение и образование нелегальной организации для *длительной* работы против войны всех участвующих в войне революционеров, — все это должно быть выдвигаемо на первый план". (*Ленин.* Соч., т. XXVII, стр. 372—373.)

И. Фендель

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Война и международное социалистическое движение

Война, разразившаяся в 1914 г., не была неожиданностью для рабочего класса и социалистических партий. Как отдельные партии, так и весь довоенный II Интернационал в целом неоднократно ставили на своих съездах вопрос об угрозе войны, возникающей и растущей в связи с развитием и обострением империалистических противоречий.

Уже *Брюссельский конгресс 1891 г. „перед лицом настоящего положения Европы, становящегося с каждым днем все более и более угрожающим,* и шовинистического подстрекательства господствующих классов" призывает „рабочих всех стран энергично протестовать против всяких воинственных поползновений и союзов, их поддерживающих". *Цюрихский конгресс 1893 г.* говорит о необходимости „неустанно работать над разрушением капитализма, разделяющего человечество на два больших враждующих лагеря и провоцирующего один народ против другого..." Представителям рабочих партий в парламентах вменяется в обязанность отвергать военные кредиты. *Лондонский конгресс 1896 г.* указывает, что „подобно тому как капитализм постоянно приносит в жертву жизнь и здоровье рабочих на поприще труда, он не испытывает никаких угрызений совести, заставляя их проливать свою кровь ради получения выгод от завоевания новых рынков".

Но под давлением масс в связи с усилившимися противоречиями империалистической эпохи, оппортунистическое и центристское большинство II Интернационала вынуждено было несколько резче ставить вопрос о войне в своих резолюциях.

Парижский конгресс 1900 г. уже стал перед такими фактами, как захват порта Цзяо-Чжоу в Китае, фактическая аннексия Россией — Порт-Артура, Англией — Вей-Хай-Вея, Францией — Гуан-Чжоу-Ван. В Южной Африке шла война английского империализма против буров. САСШ в 1898 г. захватили у Испании Кубу и Филиппины, Гуам и Порто-Рико. В том же году инцидент в Фашоде (из-за владений в Средней Африке) угрожал войной между Англией и Францией. Эти события, как гласит резолюция Парижского конгресса, „показали ясно, какой угрозой является милитаризм, особенно в его новейшей форме мировой политики... для спокойного и нормального развития современного общества..." И дальше: „Эта политика захвата и колониального грабежа, как нам показывает крестовый поход на Китай, обостряет международное соперничество и вызывает столкновения, угрожая сделать войну постоянным явлением".

Совершенно явственно уже чувствуется дыхание приближающейся мировой войны на *Штутгартском конгрессе 1907 г.,* решения которого и были тем вехой, который II Интернационал вынужден был, — толкаемый левыми и в первую очередь большевиками во главе с Лениным, — выдать международному пролетариату по вопросу о борьбе с мировой войной.

Приближающуюся войну Штутгартский конгресс оценивал как захватническую, грабительскую, т. е. империалистическую.

...„Войны между капиталистическими государствами являются следствием их конкуренции на мировом рынке, так как каждое государство стремится не только к обеспечению за собою известного рынка, но и к приобретению новых рынков, преимущественно путем порабощения другого народа и отнятия его территории. Эти войны являются результатом непрекращающейся конкуренции, вызванной милитаристическими вооружениями, которые представляют собою одно из главных средств властвования буржуазии и экономического и политического порабощения рабочего класса. Войны поддерживаются националистическими предрассудками, которые систематически культивируются в интересах господствующих классов для того, чтобы отвлечь пролетариат от его классовых обязанностей и от его долга международной солидарности".

Каковы обязанности рабочего класса в случае угрозы войны?

...„Конгресс заявляет: если готовится война, то обязанность рабочего класса всех заинтересованных стран и долг народных их представителей направить с помощью Международного бюро, путем энергичных координированных действий все усилия к тому, чтобы помешать войне всеми мерами, кои будут признаны ими наиболее подходящими и которые, само собою разумеется, могут быть различны в зависимости от степени обостренности классовой борьбы и общеполитического положения.

„Если же война, несмотря на все это, все же начнется, тогда они обязаны приложить все усилия для возможно скорейшего ее прекращения и всемерного использования вызванного войной экономического и политического кризиса, для того чтобы всколыхнуть наиболее глубокие общественные слои и ускорить падение власти капитала". (Поправка Ленина и Розы Люксембург.)

Штутгартское обязательство II Интернационала перед рабочим классом было повторено и подкреплено *в Базеле на чрезвычайном конгрессе 1912 г.*, созванном в напряженной обстановке балканских войн, этой прелюдии мировой войны 1914 г., специально для обсуждения положения в связи с *непосредственно* надвинувшейся угрозой мировой войны.[1] Само Международное социалистическое бюро обнародовало еще до конгресса резолюцию, в которой заявляло: „Пусть хорошо знают правители, что игра с огнем опасна для них самих. Если они зажгут во всей Европе чудовищный пожар, то это не пройдет для них безнаказанно". „Необходимо, чтобы пролетариат восстал против воинствующей политики всею мощью своей организованности, всей силой своей массы, чтобы он кричал на весь мир и показывал всеми своими действиями, что он не позволит вовлечь себя в кровавую и бессмысленную войну".

Манифест, принятый на Базельском чрезвычайном конгрессе 24—25 ноября 1912 г., давал совершенно точную оценку надвигающейся войне и намечал совершенно точно обязанности социалистов. Империалистический характер надвигающейся войны, контуры которой намечала уже балканская война, вскрывался манифестом с ясностью, не поддававшейся никаким кривотолкам. В виду особой важности этого документа приводим подробные из него извлечения, а также оценку его Лениным:

„Если царизму удастся снова предстать в виде освободителя балканских наций, то это произойдет лишь для того, чтобы под этим предлогом снова добиться путем кровопролитной войны преобладания на Балканах. Конгресс надеется, что крепнущий городской и сельский пролетариат России, Финляндии и Польши разорвет эту паутину лжи, будет противодействовать всякой военной авантюре, бороться

[1] Копенгагенский конгресс 1910 г., подтверждая решения Штутгартского, напоминал, что „у трудящихся всех стран нет никаких взаимных ссор и разногласий, которые могли бы вызвать войну. Войны вызываются в сущности не чем иным, как капитализмом и в частности международной экономической конкуренцией капиталистических государств на мировом рынке, а также милитаризмом Конгресс снова приглашает рабочие партии освещать истинные причины войны всему пролетариату, а в частности молодежи, воспитывая последнюю в духе братства народов".

со всяким покушением царизма на Армению, Константинополь и т. п. и сосредоточит все свои силы на возобновлении революционной освободительной войны .. Но важнейшая задача в пределах деятельности Интернационала выпадает на долю рабочего класса Германии, Франции и Англии. В настоящий момент задача рабочих этих стран состоит в том, чтобы потребовать от своих правительств отказа от всякой поддержки как Австро-Венгрии, так и России, воздержания от всякого вмешательства в балканские неурядицы и сохранения безусловного нейтралитета. Война между тремя великими передовыми культурными народами из-за австро-сербского спора, из-за гаваней была бы преступным безумием. Рабочие Германии и Франции не могут признать существования какой-либо обязанности, установленной тайными договорами, вмешаться в балканский конфликт. В случае, если однако военный крах Турции приведет к потрясению оттоманского господства в Малой Азии, задачей социалистов Англии, Франции и Германии является всемерное противодействие завоевательной политике в Малой Азии, которая прямым путем должна привести к мировой войне... Преодоление противоречий между Германией на одной стороне и Англией с Францией — на другой устранило бы величайшую опасность, угрожающую нарушить мир, поколебало бы могущество эксплоатирующего это противоречие царизма, сделало бы невозможным нападение Австро-Венгрии на Сербию и обеспечило бы миру мир. К этой цели поэтому должны быть направлены все усилия Интернационала".

Таким образом, Базельский манифест предуказал конфигурацию сил в мировой войне, возникшей в 1914 г., и действительные (империалистические) ее цели.

Оценивая решения Базельского конгресса в связи с позицией социал-шовинистов во время начавшейся в 1914 г. войны, Ленин писал:

„В нем „нет ни единого словечка ни о защите отечества, ни о различии между наступательной и оборонительной войной... Манифест и не мог об этом говорить, так как то, что он говорит, абсолютно исключает всякое применение этих понятий. Он вполне конкретно указывает на ряд экономических и политических конфликтов, которые подготовляли эту войну в течение десятилетий, вполне выявились в 1912 г. и вызвали войну 1914 г. Манифест напоминает о русско-австрийском конфликте из-за „гегемонии на Балканах", о конфликте между „Англией, Францией и Германией" (между *всеми* этими странами!) в связи с их „завоевательной политикой на Ближнем Востоке", об австро-итальянском конфликте из-за „стремления к владычеству" в Албании и т. д. Манифест определяет одним словом все эти конфликты, как конфликты на почве „капиталистического империализма". Таким образом в манифесте совершенно ясно формулируется захватнический, империалистический, реакционный, рабовладельческий характер данной войны, т. е. тот характер, который превращает допустимость защиты отечества в теоретическую бессмыслицу и практическую нелепость. Идет борьба крупных акул из-за поглощения чужих „отечеств". Манифест делает неизбежные выводы из бесспорных исторических фактов: эта война не может быть „ни в какой мере оправдана под каким бы то ни было предлогом народных интересов"; она подготовляется „в интересах прибыли капиталистов, честолюбия династий". Было бы „преступлением", если бы рабочие стали „стрелять друг в друга". Так говорит манифест". (*Ленин.* Соч., т. XIX, стр. 5—6.)

По вопросу об *обязанностях социалистов* в империалистической войне еще Штутгартский конгресс указывал на необходимость использования возникающего в связи с войной экономического и политического кризиса для „ускорения падения власти капитала" (*оправка Ленина и Р. Люксембург*).

Базельский манифест также недвусмысленно говорил об этих обязанностях, когда *предупреждал* капиталистические правительства и *напоминал* им:

„...при нынешнем положении Европы и настроении рабочего класса они не могут выпустить фурию войны, не создавая этим опасности для самих себя, пусть они припомнят, что за французско-немецкой войной последовала Коммуна, что русско-японская война привела в движение революционные силы народов Российской империи, что рост военных и военно-морских вооружений придал классовым конфликтам в Англии и на континенте неслыханную остроту и привел к грандиозным забастовкам. Только полнейшей слепотой или безумием можно было бы объяснить,

если бы правительства не поняли того, что одна только мысль о чудовищной мировой войне должна вызвать негодование и возмущение рабочего класса. Пролетариат считает *преступлением стрелять друг в друга* ради увеличения прибылей капиталистов, честолюбия династий или во славу тайных договоров дипломатии.

Если правящие власти, уничтожая всякую возможность нормального развития, тем самым толкнут пролетариат на отчаянные шаги, то они сами понесут всю ответственность за последствия вызванного ими кризиса...

В этот момент пролетариат сознает себя носителем всей будущности человечества. Чтобы воспрепятствовать уничтожению цвета всех народов, которому угрожают все ужасы массового убийства, голода и эпидемии, пролетариат пустит в ход всю свою энергию". (Базельский манифест. Текст см. у *Ленина*. Соч., т. XVIII, прилож., стр. 410—411.)

Обязанности социалистов в связи с империалистической войной по всему духу штутгартских и базельских резолюций должны были выразиться в совокупности тех действий, которые по гениальной формулировке Ленина неминуемо вели к „превращению империалистической войны в гражданскую". Война возлагала величайшие *действенные* обязанности на II Интернационал и его партии. Но вся теория и практика господствующих партий II Интернационала во всех решающих вопросах пролетарской программы и тактики были не чем иным, как „размахиванием картонным мечом". Единственной партией, которая с самого начала ее возникновения действительно боролась против войны, была партия большевиков. Уже во время русско-японской войны большевики выдвинули лозунг поражения собственного правительства в империалистической войне и последовательно его проводили. Свою линию партия проводила в ожесточенной борьбе с оппортунистами и центристами II Интернационала.

Когда разразилась война, она вызвала крах II Интернационала, *не поражение его в борьбе за выполнение его исторического долга*, а именно *крах*, переход отдельных партий II Интернационала на сторону буржуазии соответствующих „отечеств", *распад* II Интернационала как *международной рабочей организации*.

Крах II Интернационала

Нельзя в самом деле иначе, как крахом, охарактеризовать тот факт, что в большинстве стран большинство официальных представителей социал-демократии 1) приняло войну как „справедливую" и „оборонительную" в отношении своего „отечества" и той империалистической группировки, к которой это „отечество" принадлежало или собиралось принадлежать; 2) голосовало за кредиты на войну, которая предвиделась и квалифицировалась Базельским манифестом как явно империалистическая; 3) там, где это было возможно, вступало в правительства „обороны"; принимало активное участие в „организации победы", в создании „гражданского мира" (Burgfrieden) или „священного единения" (Union sacrée) всех классов, вступая в соглашения о „приостановке классовой борьбы на время войны", о прекращении стачек, участвуя в вербовке добровольцев, неся ответственность за военное и осадное положение, за свирепую военную цензуру, за террор по отношению к революционным элементам, не поддавшимся общей вакханалии шовинизма; 4) превратилось в самый удобный для империалистов и самый вредный для рабочего класса шовинистический, алармистский агитпроп.

Измена вождей II Интернационала была тем более чудовищной, что до последних дней, чуть ли не до последних часов перед войною из уст этих же руководителей раздавались громогласные протесты против войны, угрозы чуть ли не революцией в ответ на войну.

В заседании от 20 — 29 июля 1914 г. Международное социалистическое бюро постановило перенести намеченный еще раньше очередной конгресс II Интернационала, который должен был состояться в Вене 23 августа, в Париж на 9 августа, поставив главным пунктом порядка дня вопрос о „Войне и пролетариате". 30 июля, уже после объявления Австро-Венгрией войны Сербии, когда повсюду происходили, под руководством социалистических партий, демонстрации протеста против войны, Международное социалистическое бюро, заслушав делегатов *всех стран, находившихся под угрозой мировой войны, единогласно* постановило:

„Обязать пролетариев всех заинтересованных народов не только продолжать, но и усилить демонстрацию против войны в пользу мира и в пользу третейского разрешения австро-сербского конфликта. Немецкие и французские пролетарии окажут на их правительства более энергичное, чем когда-либо, давление, с тем чтобы Германия воздействовала на Австрию умеряющим образом и чтобы Франция получила от России обещание не вмешиваться в этот конфликт. Пролетарии Великобритании и Италии, со своей стороны, окажут возможную поддержку этим усилиям". („Интернационал и новая война". Материалы, собранные *Грюнбергом*, 1919, стр. 48.)

На международном митинге против войны в Брюсселе (29 июля) выступали: председатель Международного социалистического бюро Вандервельде (Бельгия), Гаазе (Германия), Моргари (Италия), Кейр-Гарди (Англия), Рубанович (Россия), Трульстра (Голландия) и Жорес [1] (Франция).

Гаазе от имени германских социалистов заявил, что „Австрия видимо рассчитывает на Германию", но „тайные договоры не связывают пролетариат". „Немецкий пролетариат заявляет, — продолжает Гаазе, — что *Германия не должна вмешаться даже в том случае, если вмешается Россия* .. Французский пролетариат думает так же, как и мы. Пусть наши враги остерегутся. Может случиться. что бедные классы, испытывающие нужду и угнетение, наконец пробудятся и установят социалистическое общество. Вчера в Германии тысячи и тысячи пролетариев протестовали против войны криками: „Да здравствует мир, долой войну".

Жорес, который не преминул правда подчеркнуть, что французское правительство „осуществляет политику мира" в союзе с „достойным удивления английским правительством, принявшим на себя инициативу посредничества", сказал, что считает опасным возможное вмешательство России, и, отмечая с радостью стотысячную демонстрацию в Берлине, напомнил, что под ногами абсолютных властителей почва минирована". (См. *Грюнберг*. Интернационал и мировая война, стр. 48 — 50.)

В ответ на запросы, разосланные Карлом Легином, вождем германского профдвижения, секретарем Международного союза профессиональных организаций, 31 июля был получен ряд телеграмм от национальных профорганизаций (Италии, Франции, Бельгии, Англии, Голландии, Швейцарии, Норвегии, САСШ), протестовавших против войны и требовавших, чтобы были приложены все усилия для предупреждения войны.

Нет никакого сомнения в том, что массы были решительно настроены *против* войны, и даже совершенно откровенные оппортунисты, оказавшиеся вскоре отъявленными социал-империалистами, вынуждены были участвовать в протестах против войны.

Но вот война европейская, развившаяся потом во всемирную, разразилась, начались боевые действия, и связи между социалистами антантовских стран и социалистами центральных держав были разорваны, и не только пространственно, но, что особенно важно, *и по существу*.

---

[1] Вечером 31 июля Жорес был убит натравленным на него националистом Вилоном.

„Под крахом Интернационала иногда разумеют просто формальную сторону дела, перерыв интернациональной связи между социалистическими партиями воюющих стран, невозможность собрать ни международной конференции, ни Международного Социалистического Бюро". (*Ленин.* Соч., т. XVIII, стр. 239.) Ленин подчеркивает, что не в этом конечно дело, что это оппортунистическое толкование. Суть краха—в „вопиющей измене, большинства официальных социал-демократических партий своим убеждениям, торжественнейшим заявлениям в речах на Штутгартском и Базельском международных конгрессах, в резолюциях этих конгрессов и т. д." (*Ленин.* Там же.) С другой стороны, Ленин разъясняет, что не „социализм потерпел крах в лице *современного европейского* Интернационала, а недостойный социализм, т. е. оппортунизм и реформизм". Победа оппортунизма в 1914 г. выявила в раскрытой форме антирабочую, антисоциалистическую сущность II Интернационала.

Единый II Интернационал распался: от него остались отдельные партийные группировки (союзных, центральных держав, нейтральных стран). Можно следовательно утверждать, что с началом войны II Интернационал как *международная рабочая организация* сошел со сцены окончательно. Остались одни обломки его, которые только через 9 лет (в 1923 г.) объединились в послевоенный II Интернационал, превратившийся в международную социал-фашистскую организацию, основную опору буржуазии.

Судьба отдельных партий II Интернационала, а с ними и всего Интернационала, определилась уже в первые дни войны. Большинство социал-демократических партий спешило продемонстрировать свою измену вчерашним клятвам—провозглашением бургфридена, голосованием за военные кредиты и т. д. Исключение составили в воюющих странах русские, сербские и болгарские социал-демократы, *не* вотировавшие военных кредитов. Более или менее единодушно выступила против войны итальянская социалистическая партия, но она выступала с „нейтралистски"-пацифистских позиций. И в других странах сохранились небольшие группы интернационалистов, разрозненных, придавленных свирепым террором торжествующего милитаризма, заполучившего в лице перешедшей на его сторону рабочей бюрократии великолепную агентуру во временно дезориентированном изменой вождей рабочем классе. Предательство этих агентов буржуазии приняло неслыханные формы. Комиссией германского рейхстага по расследованию причин войны был опубликован следующий документ. „31 июля в 8 часов вечера военное министерство направило следующее сообщение верховному командованию за № 64 дд. А. I: „*По достоверным сообщениям* социал-демократическая партия твердо решила держать себя так, как подобает всякому немцу при данных обстоятельствах. Я считаю своей обязанностью довести это до вашего сведения, дабы командиры военных частей принимали это во внимание при своих мероприятиях".

Таким образом несомненно, что во всяком случае определенная группа ответственных руководителей партии в дни демонстраций и пламенных протестов против войны одновременно давала правительству заверения в своей „патриотической" преданности. Можно не сомневаться, что архивы, вскрытые пролетарскими историками, раскрыли бы не менее пикантные вещи и относительно социалистических партий ряда других стран.

Крах II Интернационала стал в августе 1914 г. фактом. II Интернационал не выдержал испытания войны.

Причины краха II Интернационала

„Предательство социализма со стороны тех, которые принимали военные кредиты, вступали в министерство и защищали идею обороны отечества в 1914—1915 гг., — очевидно; отрицать этот факт могут только лицемеры. Необходимо его объяснить" *(Ленин)*. Само это предательство не явилось, как deus ex machina, *совершенно* неожиданно.—Оно имело за собой во всей истории II Интернационала многочисленные прецеденты в виде явно шовинистских высказываний и „патриотических" действий, вотирования военных бюджетов и пр. в отдельных партиях. История II Интернационала есть история постепенного сползания руководства его (как и руководства решающих социал-демократических партий) на позиции мелкой буржуазии и к тесному союзу с крупной буржуазией. Сформировавшийся в предвоенные годы правоцентристский блок подготовил победу оппортунизма в 1914 г., т. е. крах II Интернационала. Методологический подход к этой проблеме, объяснение ее всемирно-исторического значения, как и самое ее разрешение, дал Ленин.

Из двух основных тенденций, которые боролись во II Интернационале до войны — революционной и оппортунистической — победила оппортунистическая тенденция.

„Формулируя дело научным образом, т. е. с точки зрения отношения между классами современного общества, мы должны сказать, что большинство социал-демократических партий, и во главе их, в первую очередь, самая большая и самая влиятельная партия II Интернационала, германская, встали на сторону своего генерального штаба, своего правительства, своей буржуазии против пролетариата..." (*Ленин.* Соч., т. XVIII, стр. 239.) „Социал-демократические партии превратились в национал-либеральные, социал-шовинистские, оборонческие", но „оппортунизм в обстановке войны 1914 — 15 года и дает социал-шовинизм". Понятие *социал-шовинизм* определяется Лениным как „признание идеи защиты отечества в теперешней империалистической войне, оправдание союза социалистов с буржуазией и правительствами „своих" стран в этой войне, отказ от проповеди и поддержки пролетарски-революционных действий против „своей" буржуазии и т. д. (Там же, стр. 267.)

„Оппортунизм есть принесение в жертву временным интересам ничтожного меньшинства рабочих коренных интересов массы или, иначе, союз части рабочих с буржуазией против массы пролетариата. Война делает такой союз особенно наглядным и принудительным. Оппортунизм порождался в течение десятилетий особенностями такой эпохи развития капитализма, когда сравнительно мирное и культурное существование слоя привилегированных рабочих „обуржуазивало" их, давало им крохи от прибылей своего, национального, капитала, отрывало их от бедствий, страданий и революционных настроений разоряемой и нищей массы. Империалистическая война есть прямое продолжение и завершение такого положения вещей, ибо это есть война за *привилегии* великодержавных наций, за передел колоний между ними, за господство их над другими нациями. Отстоять и упрочить свое привилегированное положение „высшего слоя" мещан или аристократии (и бюрократии) рабочего класса — вот естественное продолжение мелкобуржуазно-оппортунистических надежд и соответственной тактики во время войны, вот экономическая основа социал-империализма наших дней. И, разумеется, сила привычки, рутина сравнительно „мирной" эволюции, национальные предрассудки, боязнь резких переломов и неверие в них — все это играло роль добавочных обстоятельств, усиливающих и оппортунизм и лицемерное и трусливое примирение с ним, якобы только на время, якобы только по особым причинам и поводам. Война видоизменила десятилетиями выращенный оппортунизм, подняла его на высшую ступень, увеличила число и разнообразие

его оттенков, умножила ряды его сторонников, обогатила их доводы кучей новых софизмов, слила, так сказать, с основным потоком оппортунизма много новых ручейков и струй, но основной поток не исчез. Напротив. Социал-шовинизм есть оппортунизм, созревший до такой степени, что существование этого буржуазного нарыва *попрежнему* внутри социалистических партий стало невозможным". (*Ленин.* Соч., т. XVIII, стр. 267 — 269.)

Аргументация социал-шовинистов

Само собою разумеется, что неслыханное предательство, совершенное большинством руководителей большей части социалистических партий, не могло не быть обставлено богатейшим ассортиментом всяческих „доказательств", мотивировок, оправданий. Само собою разумеется, что при этом вместо *„диалектики (т. е. изучения всей конкретной обстановки события в его развитии)"* применялась в полной мере самая разнузданная *„софистика (т. е. выхватывание внешнего сходства случаев вне связи событий)"*.

При этом следует отличать в известной мере аргументацию открытых социал-шовинистов, еще до войны в качестве оппортунистов развивавших теоретические основы социал-*империализма*, от аргументации центристов, прикрытых социал-шовинистов, еще до войны обнаруживавших во внешне более или менее ортодоксальных высказываниях фактический уклон в сторону по сути дела того же социал-империализма. Отличие здесь не в существе, а в форме, в большей умелости в оперировании марксистской фразеологией, в более утонченной софистике.

Аргументация открытых социал-шовинистов (в частности германских) сводилась к следующему: так как империализм есть необходимая ступень капитализма и следовательно необходимый этап к социализму, то бессмысленно бороться с ним; необходимо, наоборот, использовать его как базу развития к социализму. Германский империализм к сожалению самый обделенный и обиженный. Он явился в мир, когда все лучшие части его, лучшие колонии уже были захвачены другими странами, в особенности Англией. Война за передел мира, за „равное место под солнцем" для Германии справедлива и нужна с точки зрения интересов развития базы социализма в Германии.

Ленин эту грубо шовинистическую теорию Ленча и др. формулирует кратко следующим образом:

„Социализм базируется на быстром развитии капитализма; победа моей страны ускорит в ней развитие капитализма, а значит и наступление социализма; поражение моей страны задержит ее экономическое развитие, а значит и наступление социализма".

Группа откровенных социал-империалистов имела своих представителей в разных странах и совершенно открыто солидаризировалась с соответствующими правительствами, в более или менее искусных выражениях принимала целиком их империалистические программы и цели войны. Эта группа непосредственно отражала настроение узкого слоя рабочей аристократии, еще до войны целиком впрягшейся в колесницу отечественного империализма, а войну приявшей как *свою* кровную войну.

Карл Реннер, австрийский социал-демократ, следующим образом прославлял германо-австрийские империалистические цели в войне:

„Никому не придет в голову отрицать ни то, что римская мировая империя принесла чрезвычайно большую пользу человечеству, ни то, что средством, при-

ведшим к этому успеху, была война. Поэтому совершенно не исключено, что и в будущем мир получит свое устроение посредством военного отбора и что та держава, которая будет обладать наиболее сильной организацией, будет историей призвана к величайшему организационному строительству и станет по праву величайшей силой, господином и творцом".

Было бы однако неверно думать, что аргументация защиты войны и измены социал-демократии даже у этой группы была лишена маскировки. Говоря о книге по поводу войны немецкого социал-демократа Эдуарда Давида, Ленин замечает:

„...весь идейный интерес, представляемый книгой Давида, сводится к тому, чтобы проанализировать, как *должна* буржуазия разговаривать с рабочими, *дабы влиять на них*. Суть идейной позиции Э. Давида с этой (единственно правильной) точки зрения сводится к его положению: „значение нашего голосования (за военные кредиты)=*„не за войну, а против поражения"*... Это—лейтмотив всей книги Давида". (*Ленин*. Соч., т. XVIII, стр. 162.)

Опираясь на горячую поддержку буржуазии и ее государственного аппарата, эта группа при всей своей относительной малочисленности во всех странах *фактически* однако руководила социалистическими и профессиональными организациями, оставляя на долю прикрытых социал-шовинистов главную работу по идеологической обработке масс, по идеологическому оправданию предательства.

Бесспорным духовным отцом, теоретиком и мастером прикрытого социал-шовинизма, представлявшего дальнейшую стадию развития довоенного „центризма", т. е. скрытого оппортунизма, в обстановке войны 1914 г., был Карл Каутский. Каутскианство военного периода, составляя непосредственное продолжение и развитие довоенного, было тем течением, которое именно в силу своей связи с марксистской фразеологией сумело придать социал-шовинизму особо опасную форму, форму завуалированную, замаскированную, вводящую в заблуждение рабочие массы.

Центристское течение. Его аргументация

Еще в начале войны, в декабре 1914 г. Ленин, говоря о *трех* течениях в международном социализме, упоминал на ряду с первым — шовинистами, последовательно проводящими политику оппортунизма, и вторым — „последовательными врагами оппортунизма..., которые способны вести революционную работу в направлении гражданской войны", — и третье течение: „люди, растерявшиеся и колеблющиеся, которые теперь плетутся за оппортунистами и приносят пролетариату больше всего вреда лицемерными попытками почти научно и марксистски (не шутите!) оправдать оппортунизм". (*Ленин*. Соч., т. XVIII, стр. 78.)

Ленин считал, что „часть гибнущих в этом третьем течении может быть спасена и возвращена к социализму, но не иначе, как политикой самого решительного разрыва и раскола с первым течением, со всеми, кто способен оправдывать вотирование кредитов, „защиту отечества", „ подчинение законам военного времени", удовлетворение легальностью, отречение от гражданской войны". (Там же.) Каутский был тем из представителей этого третьего течения, который не только возглавил его, но постепенно *в течение периода войны* сумел под первоначальные растерянность и колебание подвести некую „теоретическую" базу, давшую законченную форму центризму, оформившемуся под эгидой Каутского еще до войны.

Каутскианство (или центризм) как довоенного, так и военного периода было явлением международного порядка. В Германии оно нашло лишь свое наиболее яркое теоретическое и практическое выражение.

Вначале поведение германских центристов ничем практически не отличалось от поведения открыто-оппортунистического большинства. Они только больше колебались и хныкали, в то время как открытые оппортунисты с энтузиазмом предавались патриотическому подвигу. Из таких энтузиастов предательства стоит отметить Конрада Гениша, в 1916 г. вспоминавшего о первых днях предательства, когда после интенсивной внутренней борьбы он наконец *решился*... — „Я не забуду ни дня ни часа, — писал он, — внезапно страшное напряжение разрешилось, и я осмелился быть тем, чем был в действительности. Вопреки всем закостеневшим теориям — впервые (впервые в течение почти четверти века) с полным сердцем, с чистой совестью и без всякой боязни стать предателем можно было присоединить свой голос к бурному пению: „ Германия, Германия превыше всего".

На заседании фракции рейхстата 3 августа, накануне рокового голосования за военные кредиты, Каутский рекомендовал воздержание от голосования, затем согласился на положительное голосование с выставлением предварительных условий правительству (заявление об отказе от захватов), а под конец голосовал в комиссии за тот текст резолюции, который означал голосование за кредиты без всяких условий. Центристы голосовали 4 августа за военные кредиты. Центристская пресса отличалась от открыто-оппортунистической несколько большей сдержанностью в выражении патриотических восторгов, но также радовалась успехам немецкого оружия. Центристы в этот период, примерно до середины 1915 г., не обнаруживали никаких серьезных признаков оппозиции задававшему тон открытому социал-шовинизму.

Какую аргументацию развивал центризм в лице Каутского в начальный (примерно до середины 1915 г.) период своего развития?

Социал-демократия, по мнению Каутского, приведенному Лениным, не была способна вести борьбу с войной.

„Никогда правительство не бывает так сильно, никогда партии не бывают так слабы, как при начале войны..." „Неповиновение военным законам повело бы просто к запрещению нашей прессы..." Партии слабы не только в связи с усилением правительственного аппарата во время войны. Они слабы, по мнению Каутского, и в связи с патриотическим настроением масс: „Народ ничего так не боится как вражеского нашествия... Если население видит причину войны не в собственном правительстве, а в злокозненности соседнего государства, — а какое правительство при помощи прессы и т. д не попытается внушить массе населения такой взгляд! — тогда... во всем населении вспыхнет и единодушное стремление защищать границы от врага... Разъяренная толпа сама убила бы тех, кто попытался бы помешать отправке войска на границы". По мнению Каутского, вместо предполагавшейся Базельским манифестом революционной ситуации во время войны картина совсем другая. Правительство усиливается, народ по сути дела за правительство, поскольку дело идет об обороне отечества.

Разоблачая подлость аргумента о бессилии, Ленин писал: „...даже при полной incapacità, неспособности, бессилии европейских социалистов, поведение их вождей — измена и подлость: рабочие пошли на бойню, а вожди? голосуют *за*, идут в *министерство!!!* Даже при полном бессилии они должны бы голосовать *против*, *не итти* в министерство, не говорить шовинистических подлостей, *не* солидаризироваться с своей „нацией", *не* защищать „своей" буржуазии, а разоблачать ее подлости...

Но верно ли, что так уже абсолютно „incapacità"? Так ли? Позволять расстреливать? Геройская смерть и подлая смерть? Ради своего отечества? Не всегда!! *Почин* был возможен, был обязателен. Нелегальная пропаганда и гражданская война были бы *честнее*, были бы обязательнее для социалистов. (*Ленин.* Соч., т. XXX, стр. 222—223.)

Таким образом первый тезис каутскианской аргументации — это тезис о слабости партий в военное время. Так как „слабость партий"—явление международного порядка, то отсюда теория взаимной амнистии социал-демократов всех стран и утверждение, что Интернационал не обанкротился. Никаких принципиальных расхождений нет — „социал-демократы всех стран имеют право или равную обязанность участвовать в защите отечества: ни одна нация не должна упрекать за это другую". Вообще „во время войны Интернационал не есть пригодное орудие — он есть, по сути дела, орудие мира... Борьба за мир, классовая борьба во время мира". Таким образом выплывает на сцену и другая составная часть аргументации, общая для всех оппортунистов, — *защита отечества.*

Защита отечества

„Интернационализм современного пролетариата совместим с защитой отечества". „Все в праве и обязаны защищать свое отечество; истинный интернационализм состоит в признании этого права за социалистами всех наций, в том числе воюющих с моей нацией". Ленин по этому поводу писал: „Это бесподобное рассуждение есть такое безгранично пошлое издевательство над социализмом, что лучшим ответом на него было бы заказать медаль с фигурами Вильгельма II и Николая II на одной стороне, Плеханова и Каутского — на другой. Истинный интернационализм, видите ли, состоит в оправдании того, чтобы французские рабочие стреляли в немецких, а немецкие во французских—во имя „защиты отечества!" („Крах II Интернационала".)

Каутский, — писал далее Ленин, — является здесь представителем „более тонкого, примирительно-слашавого шовинизма", в отличие от грубого шовинизма Плеханова, выдвинувшего примитивную теорию „зачинщика", гласящую: „на нас напали — мы защищаемся; интересы пролетариата требуют отпора нарушителям европейского мира". Это — теория, защищаемая одинаково и антантовскими и германо-австрийскими социалистами. Только „зачинщик" был у них разный. Всякие интернационально-социалистические дела откладываются впредь до расправы с соответствующим „зачинщиком"».

Шарлатанские ссылки на Маркса и Энгельса

Оба направления социал-шовинизма, как открытого, так и скрытого, в качестве „солиднейшего" аргумента выдвигают ссылку на Маркса и Энгельса, не занимавших, мол, нигилистической позиции по отношению к современным им войнам, а наоборот определенно становившихся на защиту той или другой стороны. Так, Маркс и Энгельс поддерживали в 1870 г. Германию против Франции (этот мотив особенно разрабатывался русскими социал-шовинистами с Плехановым во главе). Энгельс в 1891 г. говорил об обязанности германских социалистов защищать отечество в случае войны с объединенными вместе Россией и Францией (лейтмотив немецких шовинистов — Ленча, Давида). Каутский и иже с ним, „желающие примирить и узаконить интернациональный шовинизм, ссылаются на то, что Маркс и Энгельс, осуждая войны, становились тем не менее постоянно, от 1854—1855 до 1870—1871 и 1876 — 1877 гг. на сторону того или иного воюющего государства, раз война все же разражалась".

Софистика социал-шовинистов, помимо прямого извращения отдельных фактов в ссылках на Маркса и Энгельса, заключается, как это показал Ленин, в перенесении оценок Марксом и Энгельсом войн буржуазно-прогрессивных и национально-освободительных, относящихся главным образом к эпохе 1789 — 1871 гг., на войну империалистическую. В эпоху Маркса и

Энгельса, справедливо указывает Ленин, „не было *ни* современного империализма, *ни* созревших объективных условий социализма, *ни* массовых социалистических партий во *всех* воюющих странах, т. е. не было именно тех условий, из которых Базельский манифест выводил тактику „пролетарской революции" *в связи* с войной между великими державами".

Теория „ультраимпериализма"

Но оправдание социал-шовинизма Каутским особенно тонко проводится в теории ультраимпериализма („самой тонкой, наиболее искусно подделанной под научность и под международность теории социал-шовинизма"), состоящей в утверждении, будто „теперешняя империалистическая политика может быть вытеснена новою, ультраимпериалистическою, которая поставит на место борьбы национальных финансовых капиталов между собою общую эксплоатацию мира интернационально-объединенным финансовым капиталом". В связи с этим устанавливается и новый взгляд на войну. Война „может привести к усилению слабых зачатков ультраимпериализма... Если дело дойдет до этого, до соглашения наций, до разоружения, до длительного мира, тогда худшие из причин, ведших до войны к моральному отмиранию капитализма, могут исчезнуть". [1]

Теория ультраимпериализма давала социал-шовинистам мотивы для оправдания перехода на сторону буржуазии, нежелания бороться за социализм перспективой „новой эры капитализма".

Каутский разрисовывает ужасы войны и уговаривает финансистов „не делать зла".

Основной функцией центризма во время войны являлось прикрытие лжемарксистской фразеологией и софистикой откровенного социал-шовинизма (прикрытие, необходимое в виду настроения масс, которое было враждебно открытому оппортунизму). Как в Германии [здесь особенно отчетливо, ибо наличие *левых* группировок, более сильных, чем в других западноевропейских странах, вынуждая к более „левой" (на словах) линии, особенно *выпукло* выделяло центризм], так и в других странах, центризм, по мере затягивания войны и роста революционных настроений масс, вынужден был становиться в некую оппозицию явным оппортунистам, фактически определявшим политику партии. Желая овладеть настроением масс, жаждавших мира, и идя вместе с тем навстречу определенным группам буржуазии, в процессе развертывания войны уже задумывавшимся над „программой мира" (который не мог не быть *империалистическим*, ибо он составлял продолжение *империалистической войны*), центризм стал разрабатывать все усиленнее чисто *пацифистские мотивы*.

Пацифизм

О том, что *именно* настроение масс заставило центристов заговорить пацифистским языком, свидетельствует следующее характерное признание немецкого центриста Гоха:

„Горе нам, если возникнет мысль, что война со всеми ее ужасами должна продолжаться только для того, чтобы крупные капиталисты в конце концов все же остались в выигрыше и чтобы им были предоставлены новые области для эксплоатации. Это поистине было бы для

---

[1] Каутский, расписывая перспективы развития ультраимпериализма, оговаривался между прочим следующим образом: „Подобная фаза капитализма во всяком случае мыслима. Осуществима ли она, для решения этого вопроса нет еще достаточных предпосылок".

нас большей опасностью, это могло бы на деле парализовать выдержку нашего народа".

Это — мотив общий для позиции центристов в ряде стран. Специально для немецких центристов характерна кроме того неуверенность в *быстрой* победе Германии, особенно выросшая после Марны. Уже в марте 1915 г. Эдуард Бернштейн, по вопросу *о войне* занявший центристскую позицию, писал: „Война тянется вот уже 8 месяцев. И хотя положение Германии и ее союзников значительно благоприятнее, чем ее противников, однако в целом этот перевес не настолько велик, чтобы можно было ожидать, что она в скором времени в качестве победительницы будет диктовать другим условия мира". Отсюда необходимость для социал-демократии поднять вопрос „об ускорении мира". Секрет „оппозиции" центристов в 1915 г. против социал-демократии большинства совершенно откровенно раскрыт Каутским:

„Оппозиция в массах против большинства (социал-демократии) растет... После войны противоречия так обострятся, что радикализм среди масс возьмет верх... Если же оппозиционные массы потеряют доверие к партии, тогда нам угрожает после войны бегство радикальных элементов из партии и их переход к антипарламентским массовым действиям. А меньшинство потеряет это доверие, если его в решительный момент не будет слышно".

В этом откровенном заявлении Каутского вскрыта, по сути дела, вся „хитрая механика" разделения труда между открытым и прикрытым оппортунизмом — социал-шовинизмом не только в немецком, но и в международном рабочем движении. Центризм, пользуясь своим влиянием в рабочих массах, как *официальный* носитель лучших традиций социалистических партий, традиций боевого марксизма (от которых он на самом деле все дальше и дальше уходил еще до войны и в особенности во время войны), брал на себя функции *прикрытия* оппортунистической практики руководящего большинства партии. Слишком наглое выпирание этого оппортунизма во время войны, угрожая отходом масс, требовало соответствующего маневрирования центристов, и именно в направлении оппозиции большинству. Это маневрирование росло прямо пропорционально росту оппортунистической практики, с одной стороны, и левых настроений (и попыток их организационного оформления) — с другой.

Маневр Каутского заключался в том, чтобы попытаться ускорить дело выхода из войны не путем революционного действия масс конечно, — этого он боялся как огня, — а путем сговора с социалистами стран Антанты. Почву для этого Каутский теоретически подготовлял в начале войны теорией „взаимной амнистии" на основе правоты всех. Социалисты всех стран имели, по мнению Каутского, одинаковое право на защиту отечества. Но так как, откладывая каутскианскую „амнистию" до конца войны, социалисты противоположных империалистических лагерей пока-что „крыли" беспощадно друг друга за поддержку своих правительств — зачинщиков", то Каутский, софистически передергивая слова Маркса и Энгельса, начинает разбирать, какой империализм *худший*, и, желая перекинуть мостик к социалистам Антанты, находит возможным признать „худшим" империализм германский: германский империализм—*агрессивный*, в отличие от антантовского — *оборонительного*.

„На одной стороне мы находим группу стран, обеспеченных большими колониальными владениями, так что тенденция к расширению своих территорий, харак-

терная для империализма, у них приостанавливается. Их империализм начинает приобретать характер оборонительный, сосредотачивая внимание на том, чтобы сохранить то, что он имеет... Но конечно не так обстоит во всех государствах, в которых имелись в наличии условия для империалистической политики. Некоторые из них полагали, что при разделе земли они оказались обиженными. Их империализм либо сохраняет свою агрессивную тенденцию, либо даже усилил ее в течение последних лет. Этому росту агрессивности особенно благоприятствовали там, где надеялись путем продолжающегося состязания в вооружениях перегнать своих противников".

Подготовив таким образом мостик для сговора о мире, Каутский отнюдь не расходится с правыми по коренному вопросу о „защите отечества", он только *оттеняет*, что „одни в своей позиции исходят из позиции защиты отечества, а другие делают свою позицию в вопросе защиты отечества зависимой от своей оценки политики правительства".

Став на точку зрения критики политики германского правительства (имея в виду через смягчение ее „агрессивности" ускорить мир), Каутский должен был также, в отличие от правых, целиком поддерживавших правительство, занять несколько другую с виду позицию в остром вопросе об аннексиях и „праве наций на самоопределение".

В то время как социал-империалисты, облыжно ссылаясь на марксизм, заявляли, что „ни современные территориальные границы, ни безусловное право каждой нации на абсолютную самостоятельность не могут послужить социализму основой для политического переустройства мира" *(Винниг)* и таким образом подводили базу под аннексии (право крупных наций на поглощение малых. *Кунов*), Каутский, признавая „право наций на самоопределение", понимал его однако лишь как национальную автономию, но отнюдь не как право на отделение, чем открывал мостик для переговоров с социалистами Антанты, перед которыми он раболепствовал, исходя из своих пацифистских мотивов, и вместе с тем открывал более благовидные прикрытия для продолжения той же империалистической политики.

Само собою разумеется, что и в колониальном вопросе, тесно связанном с вопросом о „праве наций на самоопределение", Каутский не мог занять пролетарской позиции. И здесь он стал на точку зрения апологии антантовского империализма, расписывая прелести его „цивилизаторского" воздействия.

Чрезвычайно характерно также отношение каутскианства к *проблеме пролетарской революции*. И здесь, следуя своей основной функции прикрытия открытого социал-шовинизма, каутскианцы всех стран развивали „особую", межеумочную, хитроумную и по существу оппортунистическую позицию. Знаменитый метод — „с одной стороны нельзя не сознаться, а с другой нельзя не признаться" — царит безраздельно.

С одной стороны — „объективные предпосылки социализма в капиталистических странах имеются налицо". Казалось бы, не плохо. А война обострила классовые противоречия, и *субъективные* предпосылки также как будто должны были быть более или менее благоприятны для пролетарской революции. Но тут-то и начинается настоящее центристское, оппортунистическое виляние.

До сих пор развивались две тенденции, „которые являются решающими: обострение классовых противоречий и моральное банкротство капитализма... Под моральным банкротством я понимаю процесс растущей вражды против господ-

ствующего способа производства и господствующей экономической политики не только со стороны эксплоатируемых классов, т. е. пролетариата, который заранее выступает враждебно против них, но и со стороны населения, прямо не задеваемого им, как-то: интеллигенции, мелкой буржуазии и даже мелких капиталистов. Вражда к существующему строю этих промежуточных между пролетариатом и финансовым капиталом слоев совершенно другая, чем у наемного пролетариата, но она ослабляет те элементы, которые поддерживают существующий строй". Но так было до сих пор. Что же узрел Каутский нового? Ни более ни менее как свой пресловутый ультраимпериализм. Сам Каутский прежде говорил лишь о *мыслимости* такой фазы, но не ручался за ее осуществимость. Но суть дела для него не в этом. Роль его теории не в будущем, а в живом настоящем: „Постольку я признаю, что рано говорить о полном и решительном банкротстве капитализма, даже моральном". Основное сделано: субъективные предпосылки похоронены по первому разряду (но и при похоронах Каутский не может удержаться от центристского словоблудия и прибавляет: „Но не менее поспешным мне кажется заявлять, что такое банкротство надолго вперед является невозможным").

Теория ультраимпериализма, использованная сперва для расправы с революционной перспективой, затем используется для обоснования пацифистских мотивов. Из нее выводятся возможности демократизации империализма, создания целой системы третейских судов, разоружения и пр. и т. п.

Практически центристская оппозиция как в Германии, так и в других странах выразилась в выступлении с пацифистской платформой.

Пацифистская проповедь, начатая центристами, не была их изобретением и не была, как они утверждали, сугубо социалистической программой.

В мае 1915 г. т. Ленин отмечает в своей статье „Буржуазные филантропы и революционная социал-демократия" (Соч., т. XVIII, стр. 154), что журнал английских миллионеров „Экономист" „ведет очень поучительную линию по отношению к войне. Представители передового капитала самой старой и самой богатой капиталистической страны горько оплакивают войну и неустанно выражают пожелание мира... *Мечтания о мире без проповеди революционных действий выражают страх перед войной, не имея ничего общего с социализмом*". (Подчеркнуто мною. *И. Ф.*)

Ленин о Каутском периода войны

Оценивая роль Каутского (а вместе с ним центризма в целом) во время войны, Ленин пишет: „Каутский довел марксизм до неслыханного проституирования и превратился в настоящего попа... Все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных, поп должен рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без ручательства за „осуществимость" таких перспектив...) смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирить их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решительность. Каутский превратил марксизм в самую отвратительную и тупоумную контрреволюционную теорию, в самую грязную поповщину. В 1909 г. в брошюре „Путь к власти" он признает — никем не опровергнутое и неопровержимое — обострение противоречий капитализма, приближение эпохи войн и революций, нового „революционного периода". Не может быть, — заявляет он, — „преждевременной" революции и объявляет „прямой изменой нашему делу" отказ считаться с возможностью победы при восстании, хотя перед борьбой нельзя отрицать и возможного поражения.

Пришла война. *Еще более* обострились противоречия. Бедствия масс достигли гигантских размеров. Война затягивается, и поле ее все расширяется. Каутский пишет брошюру за брошюрой, покорно следует велениям цензора, не приводит данных о грабеже земель и ужасах войны, о скандальных прибылях военных поставщиков, о дороговизне, о „военном рабстве" мобилизованных рабочих, но зато утешает и утешает пролетариат — утешает примерами тех войн, когда буржуазия была революционна или прогрессивна, когда „сам Маркс" желал победы той или другой буржуазии, утешает рядами и столбцами цифр, доказывающих „возможность" капитализма без колоний и без грабежа, без войн и вооружений, доказывающих предпочтительность „мирной демократии". Не смея отрицать обострения бедствий масс и наступления на деле, перед нашими глазами, революционной ситуации (говорить об этом нельзя! цензура не разрешает...), Каутский лакействует перед буржуазией и перед оппортунистами, рисуя „перспективу" (за осуществимость" ее он *не ручается*) таких форм борьбы в новой фазе, когда будет „меньше жертв и страданий"... Вполне правы Фр. Меринг и Роза Люксембург, называющие Каутского за это проституткой (Mädchen für alle)". (*Ленин.* Соч., т. XVIII, стр. 258—260.)

Программа и тактика революционной социал-демократии во время войны. Позиция большевиков

Разобрав позиции и тактику по отношению к войне 1914 г. социалистов—открытых и скрытых оппортунистов, социал-шовинистов, мы подошли теперь к выяснению позиции и тактики международной революционной социал-демократии. Большая роль *естественно* выпадала на долю левых из нейтральных стран—Швейцарии, Голландии, Швеции и Норвегии, в начале войны Италии. Однако совершенно несоответствующим действительности являются рассказы, например, А. Балабановой, что именно эти левые группы организовали циммервальдское движение и спасли честь Интернационала. Организация оппозиционного, направленного против волны движения левых социалистов стала возможна лишь благодаря четкому идеологическому и организационному руководству большевистского ЦК во главе с т. Лениным. Только благодаря этому руководству могла сформироваться *международная левая*, из которой вырос Коммунистический Интернационал. Как мы увидим дальше, не только среди западноевропейских левых, но и среди отдельных большевиков по ряду весьма важных принципиальных и тактических вопросов были „шатания мысли", отклонения от правильной революционно-марксистской линии в период войны. Лишь после упорной и длительной воспитательной и организационной работы большевистского ЦК во главе с Лениным сконструировалась международная группа, которая более или менее твердо стала на ту единственно правильную, как это с совершенной очевидностью показало будущее, точку зрения, которую с самого начала проводил большевистский ЦК и особенно блестяще выразил в своих работах т. Ленин.

Позиция большевиков по вопросу о войне 1914 г. нашла свое выражение в ряде документов, из которых самыми ранними были *тезисы о войне*, оглашенные 6—7 сентября т. Лениным на собрании группы большевиков в Берне (и принятая группой на основе этих тезисов резолюция); уже в этом документе войне дается определенная характеристика как войне буржуазной, династической, империалистической. Отсюда следует квалификация поведения вождей немецкой, бельгийской, французской партий, как „прямой измены социализму".

1 ноября 1914 г. в № 33 „Социал-демократа“ [центральный орган РСДРП (большевиков)] был напечатан манифест ЦК, развивающий эти тезисы. 27 февраля — 4 марта 1915 г. на конференции заграничных секций большевиков (в Берне) был принят ряд резолюций, еще более конкретизировавших позицию большевизма в отношении войны и краха II Интернационала.

Осенью 1915 г. выходит брошюра Ленина „Социализм и война“. Эта брошюра сыграла большую роль, будучи успешно распространена и переведена на немецкий, французский и норвежский языки. В ней мы имеем уже вполне развернутую формулировку позиции большевиков в отношении к войне 1914 г., задач и тактики международной революционной социал-демократии в этой войне.

Марксисты, в отличие от пацифистов и анархистов, определяют свое отношение к войне не „вообще“, а конкретно-исторически. История знает примеры *прогрессивных* войн (гражданские войны — войны угнетенного класса против угнетающего, войны, „приносившие пользу развитию человечества, помогая разрушать особенно вредные и реакционные учреждения“). [1]

Каково было отношение революционных демократов и социалистов к таким войнам? Они всегда при таких войнах „сочувствовали успеху той страны (т. е. той буржуазии), которая содействовала свержению или подрыву самых опасных устоев феодализма, абсолютизма и угнетения чужих народов“.

К таким войнам и применимо понятие „оборонительных“ („справедливых“), независимо от того, кто первый напал [и не только в указанную эпоху, но *и в наше время*, поскольку дело идет о войне угнетаемых государств против угнетающих (мыслимые примеры: война Марокко против Франции, Индии против Англии и т. д.)].

Но война 1914 г. не *такая* война, не прогрессивная война, а война реакционная, *империалистическая*.

Из оценки войны 1914 г. как империалистической следует, что идея „обороны отечества“ в данной войне лжива, лицемерна и вопиюще антиисторична.

Социалисты, защищающие идею „защиты отечества“ в этой войне, — социал-шовинисты.

„Социал-шовинизм, будучи на деле защитой привилегий, преимуществ, грабежей и насилий „своей“ (или всякой вообще) империалистической буржуазии, представляет собою полную измену всем социалистическим убеждениям и решениям международного социалистического конгресса в Базеле“. „Эта измена социализму означает крах II Интернационала“. Оппортунистическое течение II Интернационала во время войны „стало главным оплотом социал-шовинизма“.

Превращение оппортунизма в социал-шовинизм означает его созревание. Он „довел до конца свою роль эмиссара буржуазии в рабочем движении“. *Единство* с оппортунистами, пребывание с оппортунистами в одной партии „означает теперь *на деле* подчинение рабочего класса „своей“ национальной буржуазии, союз с ней для угнетения чужих наций и для борьбы за великодержавные привилегии, будучи *расколом* революционного пролетариата всех стран“.

[1] С 1789 г. до 1871 г. одним из типов войн были войны буржуазно-прогрессивного, национально-освободительного характера. Главным содержанием и историческим значением этих войн было свержение абсолютизма и феодализма, подрыв их, свержение чуженационального гнета“.

Но необходима борьба не только с явными оппортунистами, необходима беспощадная борьба с „ренегатством, бесхарактерностью, прислужничеством оппортунизму и беспримерным теоретическим опошлением марксизма", выраженным в „каутскианстве", которое также не является случайностью, а составляет „социальный продукт противоречий II Интернационала, соединения верности марксизму на словах и подчинения оппортунизму на деле".

Война создает объективно-революционную ситуацию. Растет революционное настроение масс. Долг марксистов, революционных социал-демократов — „помочь осознать эти настроения, углубить и оформить их".

„Эту задачу правильно выражает лишь лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую".

Парижская коммуна уже показала пример такого превращения, но в неблагоприятных условиях (незрелость объективных условий для социализма, слабость пролетариата), которых сейчас нет. „В настоящее время социалисту непростительно мириться с отказом от деятельности именно в духе парижских коммунаров". Случаи братания солдат в траншеях, даже в обстановке жесточайшего террора и социал-демократического обмана, показывают возможность подлинной революционной социал-демократической работы. (По поводу фактов братания Ленин писал в статье с характерным названием „К иллюстрации лозунга гражданской войны" (Соч., т. XVIII, стр. 136—137), что эти факты опровергают уверения оппортунистов и их защитников (или слуг, подобно Каутскому) о *„невозможности"* (буквальное выражение Каутского) соглашения между социалистами воюющих стран насчет действий, направленных против войны: „Представьте себе, что Гайндман, Гэд, Вандервальде, Плеханов, Каутский и т. д. вместо того пособничества буржуазии, которым они сейчас заняты, составили бы международный комитет для агитации за „братание и попытки сближения" между социалистами воюющих стран как в „траншеях", так и в войске вообще. Каковы были бы результаты через несколько месяцев, если теперь, через шесть месяцев после начала войны, *против* всех, предавших социализм, главарей, вождей и звезд первой величины, растет повсюду оппозиция против голосовавших за кредиты и против министериалистов, и военное начальство грозит смертью за „братание"!)

Не пренебрегая ни в каком случае легальными возможностями, революционные социал-демократы должны в то же время создавать нелегальные организации „для проповеди, обсуждения, оценки, подготовки революционных средств борьбы".

Лозунг „поражения" своего правительства в империалистической войне обязателен для революционных социал-демократов; он вытекает из лозунга превращения империалистической войны в гражданскую. „Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своего правительства, не может не видеть связи его военных неудач с облегчением низвержения его. Только буржуа, верящий, что война, начатая правительствами, непременно кончится как война между правительствами, и желающий этого, находит „смешной" или „нелепой" идею о том, чтобы социалисты *всех* воюющих стран выступили с пожеланием поражения *всем* „своим" правительствам". Революционная социал-демократия должна разоблачать пацифистский обман народа буржуазией и социал-шовинистами, разъяснять массам, стремящимся к миру, что „кто хочет прочного и демократического мира, тот должен быть за гражданскую войну против правительств и буржуазии".

Социалисты *угнетающих* стран должны отстаивать право *угнетенных* наций на самоопределение, и именно в политическом смысле слова, т. е. *право на политическое отделение*".

„Социалисты *угнетенных* наций должны безусловно бороться за полное (в том числе организационное) единство *рабочих* угнетенных и угнетающих народностей".

Таковы основные положения, выдвинутые большевиками по вопросу об оценке войны 1914 г. и задачах, стоящих перед революционными социал-демократами.

Само собой разумеется, что одновременно не мог не встать во весь свой рост вопрос об *Интернационале*. Большевики самым решительным образом выступили против того „восстановления", которое рекомендовали оппортунисты и центристы, восстановления после войны на основах взаимной амнистии.

„Объединение социал-шовинистов и лицемеров всех стран названо будет восстановлением Интернационала". II Интернационал потерпел крах. Необходимо создание нового, III Интернационала на *революционной базе*, на основе решительного разрыва с социал-шовинистами.

Надо было начать немедленно сплочение действительно интернационалистических элементов. Но за этот способ „восстановления" Интернационала надо было *бороться*. Осуществление этого плана зависело от многих субъективных и объективных факторов. „Ближайшее будущее покажет, назрели ли уже условия для создания нового, марксистского Интернационала. Если да, наша партия с радостью вступит в такой, очищенный от оппортунизма и шовинизма, III Интернационал. Если нет, это покажет, что для этой очистки требуется еще более или менее длинная эволюция. И тогда наша партия будет крайней оппозицией внутри прежнего Интернационала, пока в различных странах не создастся база для международного товарищества рабочих, стоящего на почве революционного марксизма".

Большевизм, это единственно последовательное революционно-марксистское течение, выступил на международной арене еще в 1903—1904 гг.; ведя беспощадную борьбу со всеми видами оппортунизма Ленин еще задолго до войны, примерно с 1903—1904 гг. „вел линию на разрыв, на раскол с оппортунистами и у нас, в российской социал-демократической партии, и там, во II Интернационале, в частности в германской социал-демократии". (*Сталин*. Вопросы ленинизма, стр 605.)

Большевики во главе с Лениным начали работу по сплочению подлинно революционных элементов II Интернационала еще *до войны*. Лениным были сделаны две попытки организовать фракцию левых революционных групп международной социал-демократии. Первая попытка была сделана в 1907 г. на Штутгартском конгрессе, когда Ленин и Роза Люксембург пытались созвать совещание левых. Вторая попытка была сделана в 1910 г. на конгрессе в Копенгагене. Обе попытки потерпели неудачу. Никто из левых в западноевропейских партиях не понимал необходимости сплочения революционных элементов и сплочения хотя бы международной левой фракции.

Война, разбившая II Интернационал, вскрывшая всю его гниль, создавшая объективно-революционную ситуацию, значительно ускорила процесс международного сплочения революционных социал-демократов. Создание нового, марксистского Интернационала и прежде всего колоссальная предварительная работа по собиранию элементов его естественно выпали на

долю именно большевиков, как наиболее последовательного интернационалистского ядра.

Прошел целый год с начала войны, прежде чем стала возможной *международная* социалистическая конференция (в Циммервальде).

„В течение целого года среди социалистов воюющих и нейтральных стран наблюдался процесс колебаний и выжиданий: боялись признаться самим себе в глубине кризиса, не хотели взглянуть прямо в лицо действительности, оттягивали тысячами способов неизбежный разрыв с господствующими в официальных партиях Западной Европы оппортунистами и каутскианцами". (*Ленин.* Соч., т. XVIII, стр. 297.)

Первой во время войны *международной* социалистической конференции в Циммервальде, — конференции, которая уже более или менее открыто отмежевалась от явных оппортунистов и хотя в основном была полуцентристской,но имела уже налицо организованное ядро подлинных *левых* с большевиками во главе, — этой конференции предшествовал ряд других „полумеждународных" и „международных совещаний", на истории которых надо остановиться, ибо без них невозможно понять ни возникновения, ни развития циммервальдского движения, бывшего одним из важнейших этапов на пути к Коммунистическому Интернационалу.

Конференция в Лугано

Первые попытки восстановления международных социалистических связей, сделанные на основе, по сути дела, взаимной амнистии, без отмежевания от явных оппортунистов, ни к чему конечно привести не могли, ибо эти попытки естественно натолкнулись на резко выраженный шовинизм, который с интернационализмом никак сочетаться не мог. К разряду таких попыток относится и италошвейцарская конференция в Лугано, которую А. Балабанова выдает за начало борьбы за международную левую организацию.

Конференция представителей итальянской социалистической партии и швейцарской социал-демократической, состоявшаяся 27 сентября 1914 г. в Лугано (участвовали, по воспоминаниям А. Балабановой, от Италии — Муззати, Турати, Серрати, Моргари, Ратти, Армуцци, Анжелика Балабанова; от Швейцарии — Пфлюгер, Роберт Гримм, Нэн, Риматье, Ферри, Грейлих), приняла резолюцию с требованием *скорейшего созыва Брюссельского бюро* (Международное социалистическое бюро — МСБ). Уже одно это постановление показывает основную цель Луганской конференции: речь шла не о сплочении революционных элементов, не о признании краха II Интернационала, а о *восстановлении* II Интернационала.

В этой резолюции указывалось также на империалистический характер войны и равную виновность в ней всех правительств. Внесением этого тезиса Луганская конференция обязана большевикам. Дело в том, что тезисы ЦК РСДРП(б) о войне были посланы итальянцам, обсуждались на конференции в Лугано, и отдельные элементы из них вошли в резолюцию. Моргари пытался путем поездок и личных свиданий с рядом деятелей II Интернационала добиться созыва МСБ, но из этого ничего не вышло.

За конференцией в Лугано последовали еще три групповых конференции: 1) конференция социалистов северных нейтральных стран в Копенгагене в январе 1915 г., 2) конференция социалистов стран Антанты в феврале 1915 г. в Лондоне и 3) конференция социалистов Германии и Австрии в апреле 1915 г. в Вене.

Копенгагенская конференция социалистов

Копенгагенская конференция (социалистов Швеции, Норвегии, Дании, Голландии) постановила обратиться к правительствам нейтральных стран с предложением взять на себя посредничество для прекращения войны. Миротворческие попытки оппортунистов и центристов нейтральных стран, их псевдоинтернационалистскую фразеологию Ленин, конечно, смог достаточно трезво оценить. Отвергая всякое сектантство, Ленин умел воспользоваться всяким случаем, когда можно было выступить на открытой арене, довести до масс свои идеи, но он отвергал всякое выступление, которое могло быть истолковано массами, будто большевики готовы итти ради фраз на какое-либо подобие беспринципного блока. Связавшись из Швейцарии через Шляпникова и Коллонтай с левыми нейтральных стран, в частности скандинавских, Ленин давал советы именно в этом духе: он требовал открытых выступлений левых только при наличии полной свободы критики, неограниченной возможности излагать большевистские взгляды неурезанными. Так по поводу намерения Шляпникова выступить на съезде шведской социал-демократической партии Ленин писал ему 14 ноября 1914 г.: „Насчет речи вашей на съезде шведских социал-демократов могу посоветовать одно: либо не говорить вовсе, либо сказать, что приветствуете шведских рабочих и желаете им всякого успеха *в духе революционной интернациональной социал-демократии*". „Если нельзя *этого* сказать, тогда не стоит вовсе говорить". (Ленинский сборник II, стр. 206.)

В Копенгаген Ленин советовал: „лучше не ходить... Швейцарцы не пошли. Значит явная интрига немцев и Трульстра + Брантинг. Они запутают изо всех сил и *не дадут сказать шведской речи вашей*. Если не будет абсолютной гарантии того, что вам дадут сказать *такую* речь, лучше не ходите вовсе" (3 января 1915 г.). Ленин советовал послать для *информации* перевод манифеста ЦК и правительственного сообщения об аресте думской фракции большевиков, но отнюдь не *отчет* („чтобы не вышло, что мы *признаем* конференцию") а как *сообщение*. (Ленинский сборник II, стр. 214—215.)

В одном из ближайших писем Ленин дал уже категорическое указание не итти „на совет нечестивых: пускай себе ликвидаторы идут на Копенгагенскую конференцию, а нам *лучше* не ходить к ним вовсе". (Ленинский сборник II, стр. 218.)

Еще более резко отрицательно отнесся Ленин к конференциям в Лондоне и Вене. Там „собирались определенные шовинисты", чтобы помочь генеральным штабам и буржуазии своих „отечеств". (*Ленин*. Соч., т. XVIII, стр. 213.)

Лондонская конференция социалистов Антанты. Позиция Троцкого

Конференция социалистов стран Антанты в Лондоне (14 февраля 1915 г.) была созвана по инициативе Вандервельде с целью закрепления воинственных настроений антантовских социалистов, в частности для выяснения в этом направлении позиции I. L. P. (Английской независимой рабочей партии), до тех пор занимавшей не совсем твердую „патриотическую" позицию. I. L. P. продолжала пацифистскую фронду, требовала приглашения на конференцию представителей социалистов Германии и Австрии, но, встретив решительный отпор со стороны французов, заявивших о своем категорическом отказе „сидеть за одним столом с филистимлянами", капитулировала (на конференции I. L. P. капитулировала также по существу и голосовала за резолюцию, признававшую войну против Германии

„освободительной"). Итак, на конференции присутствовали только социалисты „стран согласия".

Представитель ЦК РСДРП в Международном социалистическом бюро Максимович (Литвинов) приглашен на конференцию не был. Меньшевики же приглашение получили.

В связи с предстоявшей Лондонской конференцией „Наше слово", орган группы Троцкого в Париже, предложило организовать общее выступление против „официального социал-патриотизма". Группа „Наше слово" стояла на полупацифистской позиции, выставляла в качестве политического лозунга дня „борьбу за мир", противопоставляла его ленинскому лозунгу „превращения империалистической войны в гражданскую". Лозунгу „поражение своего правительства" группа Троцкого противопоставила лозунг „ни побед ни поражений". Организационно эта группа проводила старую троцкистскую идею „объединения" и „примирения" революционных марксистов с оппортунистами. Продолжая играть свою „двоякую" роль „примирителя" (с оппортунизмом), Троцкий, становясь на чисто струвианскую объективистскую позицию, оправдывал оппортунистов „поссибилизмом" самой эпохи и ратовал за сближение с оппортунистами как в России, так и на международной арене, за сохранение старого Интернационала, борясь против ленинского лозунга *раскола* с оппортунистами и создания нового Интернационала. Группа Троцкого занимала в лучшем случае левоцентристскую позицию.

Троцкий, а с ним и „Буквоед" — Рязанов, которых Ленин называл „беспомощными прислужниками социал-шовинистов", отрицая единственно-революционный лозунг большевиков: „Во *всех* империалистических странах пролетариат должен теперь желать поражения своему правительству", считали, что желать поражения России *значит* желать победы Германии. Разбирая смысл лозунга „ни побед, ни поражений", Ленин замечает, что это „перефразировка лозунга *„защиты отечества"*. Это — именно перенесение вопроса в плоскость войны правительств, а не *борьбы* угнетенных классов против своего правительства. Это есть оправдание шовинизма *всех* империалистских наций, буржуазии которых всегда готовы сказать, — и *говорят народу*, — что они „только" борются „против поражения". (*Ленин.* Соч., т. XV II, стр. 171.)

Ленин, придававший исключительное значение в первую очередь сплочению подлинно интернационалистских, левых элементов, обращал в то же время огромное внимание на выработку правильной тактики в отношении „колеблющихся элементов в Интернационале", колеблющихся пацифистов. Дело в том что пацифисты отражали *незрелые* настроения протеста масс против войны. Стоял вопрос о возможности временного их использования для продвигания интернациональных идей в массы.

По этому вопросу брошюра „Социализм и война" указывала: „Громадную важность имеет наше отношение к колеблющимся элементам в Интернационале вообще. Эти элементы — преимущественно социалисты *пацифистского* оттенка — существуют и в нейтральных и в некоторых воюющих странах (в Англии например Независимая рабочая партия). Эти элементы могут быть нашими попутчиками. Сближение с ними против социал-шовинистов необходимо. Но надо помнить, что это *только* попутчики, что в главном и основном при восстановлении Интернационала эти элементы пойдут не с нами, а против нас, с Каутским, Шейдеманом, Вандервельде, Самба. На международных совещаниях нельзя ограничивать своей программы тем, что приемлемо для этих элементов. Иначе мы сами попадем в плен к колеблющимся пацифистам".

Исходя из такой установки, Ленин счел необходимым принять предложение „Нашего слова" и послал свой проект декларации, заранее предполагая, что „надежды на соглашение с ними немного", так как сомнительно, окажется ли для „Нашего слова" антишовинизм дороже „приязни Аксельрода"

Проект декларации, выработанный Лениным в ответ на предложение „Нашего слова" об объединенном выступлении, был немедленно же примиренческим „Нашим словом" искажен, и общее выступление было сорвано.

Проект декларации для оглашения на Лондонской конференции, составленный Лениным, подчеркивал, что настоящая война является со стороны *всех* воюющих стран империалистической и выдвигал в качестве безусловного долга социалистов всех воюющих стран немедленное и решительное исполнение базельской резолюций, а именно:

1) разрыв национальных блоков и Burgfrieden[1] во всех странах;

2) призыв рабочих всех воюющих стран к энергичной классовой борьбе, как экономической, так и политической, против буржуазии своей страны;

3) решительное осуждение всякого вотирования военных кредитов;

4) выход из буржуазных министерств в Бельгии и Франции и признание вступления в министерство и вотирования кредитов такой же изменой делу социализма, какой является все поведение германских и австрийских социал-демократов;

5) немедленно протянуть руку интернационалистическим, отказывающимся вотировать военные кредиты элементам немецкой, австрийской и т. д. социал-демократии и образовать вместе с ними Международный комитет для агитации за прекращение войны не в духе пацифистов, христиан и мелкобуржуазных демократов, а в неразрывной связи с проповедью и организацией массовых революционных действий пролетариев каждой страны против правительства и буржуазии своей страны;

6) поддержка всех попыток сближения и братанья в войске и траншеях между социалистами воюющих стран вопреки запрещениям военных властей Англии, Германии и т. д.;

7) призыв женщин-социалисток воюющих стран к усиленной агитации в вышеуказанном направлении;

8) призыв к поддержке всем международным пролетариатом борьбы против царизма и тех социал-демократических депутатов России, которые не только отказались голосовать кредиты, но и не остановились перед опасностью преследований, ведя свою интернациональную работу в духе интернациональной революционной социал-демократии.

„Наше слово" выработало *свою* декларацию, заявив, что „основные пункты присланного т. Лениным проекта вошли" в нее; на самом же деле целый ряд важнейших ленинских мыслей был совершенно искажен. Так например, декларация „Нашего слова" 1) *выпустила* важнейший „основной" пункт об *измене* немецких социал-демократов, 2) *выпустила* такой пункт, как „агитация за прекращение войны не в духе пацифистов, христиан и мелкобуржуазных демократов, а в неразрывной связи с проповедью и *организацией массовых революционных действий пролетариев каждой страны против правительств и буржуазии своей страны*", *заменив* этот „псевдоним гражданской войны" общими пацифистскими фразами.

Большевики заняли на Лондонской конференции *самостоятельную* позицию. Тов. Литвинов (Максимович) явился на конференцию, где заявил протест против неприглашения официального представителя РСДРП(б) в Международное социалистическое бюро. Тов. Литвинов пытался прочитать большевистскую декларацию, но председатель неоднократно прерывал его. В конце-концов т. Литвинов заявил об отказе РСДРП(б) участвовать в конференции и демонстративно покинул конференцию. К декларации большевиков присоединился Берзин, представитель ЦК латышской социал-демократической партии.

Оценивая политический смысл Лондонской конференции, Ленин указывал на то, что „буржуазная французская печать превосходно вскрыла ее значение, как орудия или маневра со стороны англо-французской буржуазии... суть дела была в том, чтобы английские социалисты, с Кейр-Гарди во главе, бывшие до сих пор против войны и против вербовки, подали голос за войну вплоть до победы над Германией. Это достигнуто. Это важно. Это полити-

[1] Burgfrieden—гражданский мир. *Ред.*

ческий результат привлечения и английских и французских социалистов на сторону англо-французской буржуазии. А фразы об интернационализме, социализме, референдуме и пр. — все это *только* фразы, пустые слова, никакого значения не имеющие!" (*Ленин.* Соч., т. XVIII, стр. 134.)

В самом деле, резолюция Лондонской конференции была явно антантофильская, шовинистическая. Резолюция говорит об аннексиях, совершенных Германией и Австрией до и во время войны, но не говорит ни слова об аннексиях Франции, Англии, России. Резолюция твердо говорит о *„победе союзных держав"*. *„По окончании войны* (подчеркнуто нами) рабочие всех индустриальных стран должны объединиться в Интернационал".

Оценивая Лондонскую конференцию с точки зрения сплочения *интернационалистических* элементов, Ленин подчеркивает недопустимость сплочения на гнилой базе, выдвинутой „Нашим словом".

Венская конференция социалистов Германии и Австрии

Ответом на Лондонскую конференцию социалистов стран Антанты была Венская конференция социалистов Германии и Австрии в апреле 1915 г., такая же шовинистическая, отражавшая интересы и намерения соответствующих правительств. В резолюции Венской конференции мы находим следующие перлы: „Несмотря на развернувшуюся войну, все народы остаются при непреклонном решении защищать всеми силами свою самостоятельность и независимость", „Социал-демократическая партия является провозвестником мира, вытекающего однако не из чувства слабости, а из силы и самоуверенности борющихся сторон", „Факт защиты социал-демократическими партиями воюющих стран их отечеств не должен служить препятствием к установлению международных взаимоотношений между всеми социалистическими партиями, равно и к продолжению деятельности международной организации". Как и в Лондоне — в Вене, по словам Ленина, собрались „определенные шовинисты, чтобы помочь генеральным штабам и буржуазии своих отечеств". Помогая буржуазии своего отечества в период апогея успехов отечественного немецкого оружия, австро-германские социалисты поддерживали программу мира немецких аннексионистов.

Бернская конференция заграничных секций большевиков

Стратегический план Ленина с первых же дней войны, как мы видим, заключался в том, чтобы подготовить условия для создания нового, подлинно пролетарского, революционного Интернационала. Для этого необходимо было организовать все подлинно левые интернационалистские элементы. Ленин с первых же дней войны повел в этом отношении энергичную и кипучую работу: он подготовлял те элементы, из которых составлялась позже так называемая „циммервальдская левая". Само собой разумеется, что Ленин, видевший и критиковавший задолго до войны слабости левых во II Интернационале, считал, что ведущим ядром этой международной левой должны стать большевики.

Поэтому прежде всего Ленин считал необходимым организовать это ядро: организовать заграничные группы большевиков, добиться среди своих сторонников единства по основным вопросам международной политики. Огромное значение поэтому имеет созыв Лениным конференции заграничных большевистских секций, состоявшейся в Берне 27/II—4/III 1915 г. В этой конференции приняли участие следующие секции: Парижская, Цюрихская, Лондонская, Женевская, Бернская, Лозаннская и Божийская. Представительство секций не обнимало всех западноевропейских стран, но все

же распространялось на ряд крупнейших городов. Мы видели уже, что Ленин завязал крепкие связи и с большевиками, находившимися в Скандинавских странах (Норвегия, Швеция) и в Америке (САСШ). Персонально на Бернской конференции заграничных секций большевиков присутствовали Ленин, Зиновьев, Крупская, Инесса Арманд, Лилина, Касперов, Корнблюм, Ильин, Беленький (от Парижской секции), Бухарин, Крыленко, Розмирович, Трояновский (от Божийской секции), Бош и Пятаков (из России) и др.

Еше до конференции наметились серьезные разногласия между отдельными группами большевиков и лицами. Особенно приходится отметить позицию так наз. „Божийской группы" (от имени местечка Божи в Швейцарии, где эта группа обосновалась), которую представляли Бухарин, Розмирович, Крыленко. По ряду важнейших вопросов с ними солидаризировались Пятаков и Бош. Божийская группа расходилась с Лениным в понимании лозунга гражданской войны, „дополняя" этот лозунг требованием мира,[1] не признавала лозунга поражения.[2] „Божийцы" стояли также на точке зрения необходимости соглашения с другими социал-демократическими группами, высказывающимися против войны, как например с группой „Наше слово", в котором играл большую роль Мартов, а после выхода из редакции всецело держал в своих руках Троцкий. „Божийцы" по существу занимали примиренческую позицию к центристам — предлагали блок с русским центризмом — троцкизмом. Оппозиционные настроения были столь сильны среди „божийцев", что они требовали от ЦК разрешения издавать свой отдельный дискуссионный орган.

„Божийцы" потерпели поражение на конференции. По вопросу о войне конференция приняла постановление (всеми голосами против одного): „Всецело солидаризируясь с манифестом ЦК, конференция поручает выработку тезисов для резолюции в *рамках этого манифеста* (курсив мой. *И. Ф.*) комиссии из 3 лиц". В комиссию по выработке тезисов вошли Ленин, Зиновьев и Бухарин.

В выработанной от имени конференции резолюции по вопросу о гражданской войне прямо говорилось, что это есть борьба пролетариата с оружием в руках против буржуазии, „а не против замены национального мира" прежними формами „классовой борьбы". Лозунг „мира" был конференцией отвергнут. Был подтвержден лозунг о „поражении собственного отечества". Подтвержден категорически тезис о необходимости бороться за новый Интернационал, за полное организационное отмежевание оппортунистов. Только от лозунга „Соединенные штаты Европы" конференция отказалась. Ленин, который сначала этот лозунг защищал, сам снял его. В предисловии к опубликованным в ЦО резолюциям конференции говорилось: „Добавим, что

---

[1] „Божийцы", выдвигавшие лозунг мира, писали в своей резолюции: „Лозунг „мира" в *настоящий момент*, когда мира *ни одно из правительств не хочет*, может явиться лозунгом, направляющимся *против правительств*, разрушающим „бургфриден" и переводящим существующую борьбу пролетариев из области взаимоненавистнической национальной вражды в *область классовых столкновений их со своим правительством в каждой стране и гражданской войны с ним*". В заключение резолюция ссылалась на решения Штутгартского конгресса II Интернационала. (Подчеркнуто в подлиннике. *И. Ф.*)

[2] „Группа категорически отвергает — читаем мы в резолюции „божийцев" — однако и какое-либо выставление в качестве лозунга для России так называемого „поражения России" и в особенности в той постановке, в какой оно выставлено в № 18 „Нашего слова". (Речь идет о ст. „Война и судьбы нашего освобождения".)

по вопросу о лозунге „Соединенные штаты Европы" дискуссия приняла односторонне политический характер и вопрос решено было отложить до обсуждения в печати экономической стороны дела". Впоследствии Ленин совершенно отказался от этого лозунга, придя к выводу, что „Соединенные штаты Европы" при капитализме либо невозможны, либо реакционны" (*Ленин*. Соч., т. XVIII, стр. 231.)

Таким образом Бернская конференция заграничных секций большевиков была важным этапом на пути к выработке истинно-пролетарских принципов борьбы с войной, борьбы за новый Интернационал. „Оценивая задачи конференции,—пишет М. Сыромятников („Пролетарская революция, 1925 г.", № 4),—можно сказать, что она прежде всего ликвидировала идейный развал в рядах революционной социал-демократии, как результат краха II Интернационала. Здесь же, на конференции, выработаны были принципы, которые образовали платформу левой циммервальдской, а впоследствии легли в основу III Интернационала".

Если Луганская конференция явилась истоком для большинства будущей Циммервальдской конференции, т. е. для правых и „левых" центристов, то Бернская конференция заграничных секций большевиков является исходным пунктом для подлинно интернационалистских, подлинно революционных элементов циммервальдского движения — „левых циммервальдистов".

Огромную, совершенно исключительную роль в деле подготовки принципиальной платформы для „левого Циммервальда" сыграл гений, авторитет и величайшая революционная целеустремленность Ленина. Прошло, однако, некоторое время, прежде чем создались условия для организационного оформления этой циммервальдской левой".

Борьба за ленинскую теорию пролетарской революции в годы войны. Ленинское учение о возможности победы социализма в одной стране

В 1915 г. Ленин „впервые выставил тезис о возможности победы социализма в одной стране". (*Сталин*. Об оппозиции, стр. 340.)

Ставя в этот период по новому вопрос о возможности победы социализма в отдельных капиталистических странах и решая его в положительном смысле, Ленин исходил из обострения и усиления неравномерности экономического и политического развития капитализма в эпоху империализма. Ленин учил: „Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального капиталистического мира..." (т. XVIII, стр. 232—233).

Формулируя закон неравномерного развития капитализма, Ленин отправлялся от того, что старый домонополистический капитализм перерос в империализм, что империалистический капитализм является капитализмом умирающим, что империализм — канун социалистической революции.

Закон неравномерного развития и вытекающая из него возможность победы социализма в одной стране были развиты т. Сталиным в новой исторической обстановке, в борьбе против контрреволюционного троцкизма.

Ленину, большевикам и в годы империалистической войны пришлось вести беспощадную борьбу с каутскианством и его русской разновидностью—троцкизмом по вопросу о возможности победы социализма в одной

стране. Каутскианцы, троцкисты отрицали этот закон. В противоположность ленинской диалектической оценке эпохи империализма, ленинскому учению о прорыве цепи империализма в слабом звене—троцкисты (каутскианцы) исходили из нивелировки уровня развития капиталистических стран, выводя отсюда тенденцию замирания противоречий капитализма и возможность мирного организованного развития монополистического капитализма.

Стоя на почве каутскианской теории ультра-империализма, Троцкий пытался противопоставить ленинской теории неравномерности развития и возможности победы социализма в одной стране—люксембургианско-парвусовскую „теорию перманентной революции".

Троцкий утверждал еще в 1915 г., что пролетариат победившей страны не сумеет удержать власть, так как по его мнению „безнадежно думать... что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы". (*Троцкий.* Соч.. т. III, ч. 1, стр. 89—90.)

Троцкий рисовал пролетариату пораженческую перспективу в революционном движении.

Из установки троцкизма вытекла вся последующая его тактика, превратившая его в передовой отряд контрреволюционной буржуазии.

Международная женская социалистическая конференция в Берне

Первой *действительно международной* социалистической конференцией во время войны была Международная женская конференция в Берне (26—28 марта 1915 г.), в созыве которой значительную роль сыграла инициатива заграничных представительниц женских организаций, примыкавших к ЦК РСДРП (большевиков). Она мыслилась последними как международное совещание *только левых* (не только без явных оппортунистов, но и без центристов). В процессе подготовки конференции однако выяснилось колебание в этом вопросе секретаря международного социалистического женского секретариата Клары Цеткин. Центристки (в том числе Анжелика Балабанова) в конце-концов взяли дело подготовки конференции в свои руки. Таким образом Международная женская конференция оказалась в своем большинстве центристской. На конференции присутствовало 25 человек: от Англии — 4, Германии — 7, Франции — 1, Голландии — 3, Швейцарии — 2, Италии — 1, России — 6 (от ОК — 2 и ЦК — 4), от Польши — 1. Представительницы большевистского ЦК (Крупская, Инесса Арманд, Лилина и Розмирович) предложили резолюцию, которая целиком вытекала из основных большевистских установок. Резолюция подчеркивала „настоящую измену по отношению к социализму" со стороны представителей большинства социалистических партий. Резолюция подчеркивала необходимость перехода „стремления к миру" в *„возмущение и борьбу за социализм"*, ибо *„лишь путем революционного движения масс, усиливая и обостряя социалистическую борьбу, работница достигнет своей цели* в этой борьбе". Эта резолюция собрала всего лишь 5 голосов (за резолюцию ЦК голосовала также польская делегатка). Об осуждении изменивших социализму вождей и признании необходимости разрыва с ними большинство не хотело слышать. Английские делегатки, среди которых были сторонницы непротивления насилию, сторонницы „индивидуального неповиновения милитаризму" и т. п., имели императивный мандат против взаимной критики. Клара Цеткин держалась линии примирения. В результате была принята средняя пацифистская резолюция-манифест. По поводу нее Ленин писал:

„На первый взгляд, „средняя" резолюция, объединившая оппортунистов и часть левых, кажется очень благовидной и принципиально правильной. Война признана империалистической, идея „защиты отечества" осуждена, рабочие призваны к массовым демонстрациям и т. д. Казалось бы, отличие нашей резолюции *только* в несколько более резких *выражениях*, вроде „измена", „оппортунизм", „выход из буржуазных министерств", и т. п.". На самом деле, — указывает Ленин, — дело обстоит гораздо серьезнее: „На конференции столкнулись два миросозерцания, две оценки войны и задач Интернационала, две тактики пролетарских партий".

Резолюция, принятая конференцией, „насквозь пропитана духом *дипломатии*..." „Рабочим массам внушают безусловно ошибочную и вредную мысль, будто теперешние социал-демократические партии с их теперешними правлениями *способны* переменить курс и вместо неправильного взять правильный". Но на деле эти партии неспособны к этому, «„левые" пожелания останутся невинными пожеланиями...» „...рабочих *убаюкали* левыми пожеланиями, *отказавшись* назвать громко и ясно то зло, без борьбы с которым эти пожелания неосуществимы".

Итак, „резолюция большинства еще раз повторила старую ошибку, ошибку II Интернационала, дипломатически прикрывавшего оппортунизм и расхождение слова с делом". (*Ленин.* Соч., т. XVIII, стр. 165—166, 168.)

Международная юношеская конференция в Берне

Такая же примерно картина повторилась и на следующей международной социалистической конференции — юношеской, состоявшейся 5—6 апреля 1915 г. в Берне. По инициативе швейцарского союза молодежи, секретарем которого был Вилли Мюнценберг, был поставлен перед Международным бюро социалистической молодежи в Вене вопрос о созыве международной конференции. Международное бюро, во главе которого стоял австрийский социал-демократ Даннеберг, ответило как банкрот: „Совершенно невозможно сказать в настоящий момент, удастся ли осуществить на Троице 1915 г. конгресс. Поэтому я пока не могу сказать ничего определенного по поводу вашего предложения". Конференцию организовали без Международного бюро. Отказалась участвовать французская социалистическая организация молодежи, ссылаясь на то, что „взрослые" еще не высказались по этому поводу (по поводу войны). Протестовало вообще против конференции Центральное бюро германских юношеских комитетов, во главе которого стоял Ф. Эберт. („Предполагаемый главный предмет занятий на этой конференции не входит, по нашему мнению, в задачи юношеского движения и является делом, касающимся социал-демократической партии".) Австрия делегатов не прислала, хотя конференцию приветствовала.

Русскую делегацию представляли Инесса Арманд и Егоров (мандат их был заполнен лично Лениным). Как и на женской конференции, руководящий тон задавали центристы (Роберт Гримм и Анжелика Балабанова), за которыми пошла молодежь. Большевистская резолюция была отклонена 13 голосами против 3. Прошла резолюция типа манифеста женской конференции, да еще с лозунгом разоружения.

Обе эти конференции, несмотря на победу на них центристских элементов, сыграли все же известную роль в деле пробуждения масс против социал-шовинизма, в деле оформления интернационалистических настроений.

Вместе с тем они показали, какую огромную воспитательную работу

надо еще проделать последовательным революционным социал-демократам (а таковыми явились только большевики в лице ЦК, руководимого Лениным) над *левыми*, имевшимися во всех странах, но страдавшими теоретической неоформленностью мыслей по ряду важнейших принципиальных вопросов, с наличием центристских и полуцентристских настроений и взглядов.

Международное оформление левых течений, создавшее условия для формирования подлинного ядра будущего Коммунистического Интернационала, нашло свое выражение в образовании так называемой *циммервальдской левой* в связи с международной социалистической конференцией в Циммервальде в сентябре 1915 г.

Подготовка Циммервальдской конференции

Между тем война затягивалась — возмущение масс росло, и во всех странах крепла оппозиция против социал-империалистов. Оппозиция эта принимала разные формы — подлинно левые организации отпочковывались и самоопределялись с величайшим трудом. Но процесс неудержимо развивался. А к сентябрю 1915 г. положение настолько изменилось, что стала возможной Международная социалистическая конференция. Давление революционизирующихся масс было уже настолько сильно, что даже скрытые социал-шовинисты каутскианского типа стали, хотя и в очень осторожной форме, отгораживаться от чересчур оголтелого официального социал-патриотизма. Кроме того налицо было много колеблющихся искренне пацифистских элементов, были и неоформленные и неопределенно левые с полупацифистским, полуцентристским оттенком, были революционные социал-демократические элементы. О них „Социализм и война“ говорит следующее: „Они существуют и в Германии, и в России, и в Скандинавии (влиятельное направление, представителем которого является т. Хеглунд), и на Балканах (партия болгарских „тесняков“), и в Италии „Инициатором созыва Международной социалистической конференции в Циммервальде (деревушка в Швейцарии в Бернском кантоне) явилась итальянская партия. 15 мая 1915 г., за неделю до вступления Италии в войну, ЦК итальянской партии, как сообщает Анжелика Балабанова, решил, в виду нежелания МСБ, собраться и взять на себя инициативу созыва международной конференции. 11 июля 1915 г. состоялось в Берне предварительное совещание (Vorkonferenz) по вопросу о созыве международной конференции. Это совещание было созвано центристами — итальянцем Моргари и швейцарцем Робертом Гриммом. На совещании присутствовали — кроме Моргари и Роберта Гримма — Балабанова, Павел Аксельрод (от ОК меньшевиков), Варский (представитель так называемого Главного правления социал-демократии Польши и Литвы), Валецкий (представитель „левицы“) и Зиновьев (от большевиков). Явно преобладали центристы. Не были приглашены голландские левые, польская социал-демократическая оппозиция, латышская социал-демократия, германские левые. Таким образом были приглашены только те организации, которые имели официальных представителей в МСБ.

Из доклада Роберта Гримма выяснилось, что германская оппозиция примет участие в конференции, причем предметом обсуждения конференции должен быть *только* вопрос о мире, и кроме того следует установить связи с Гаазе и Каутским (при этом Клара Цеткин, по сообщению Гримма, говорила, что хотя теоретическая позиция группы Цеткин и др. конечно не такая же, как у Каутского и Гаазе, но „нужно попытаться итти вместе, чтобы толкнуть группу Каутского — Гаазе влево“).

Предложение большевиков о том, чтобы на второе предварительное совещание, которое тут же было намечено, пригласили еще по одному представителю от ряда левых групп: от голландских марксистов, Благоева (Болгария), Хеглунда (Швеция) и кого-либо из норвежцев, Борхардта от немецкой группы „Lichtstrahlen" („Лучи света"), Радека, Паннекука — от польской социал-демократической оппозиции, от социал-демократии Латышского края,— было *отклонено*.

Левые элементы различных партий не были приглашены на решающее предварительное совещание. Собравшиеся вместе с тем высказались за приглашение таких людей, как Трульстра, Брантинг, Гаазе. За Гаазе энергично заступился также Валецкий. Против деятелей германской группы „Lichtstrahlen" резко выступил Варский.

Было совершенно очевидно, что центристы намереваются овладеть всецело конференцией, ввести растущие левые настроения в пацифистское русло, подготовляя почву для восстановления II Интернационала вместе с открытыми оппортунистами, которые пока, отражая политику своей буржуазии, вопроса о мире (конечно империалистическом) еще не ставили. Но этот момент должен был наступить, и Циммервальдская конференция должна была подготовить почву для всеобщего „примирения". В целях маневренных вожди центристов — Гаазе, Каутский, Бернштейн, представлявшие в виду своей большой близости к явным социал-шовинистам правый центр, на конференцию не пошли, предоставив разыгрывать „левую" комедию так называемым „левым центристам" типа Ледебура, Гофмана. К этому же типу центристов следует отнести Троцкого.

Конференция, собравшаяся 5 сентября в Циммервальде, не вышла левой как ее раньше прокламировали, однако она не вышла и чисто центристской, как замышляли организаторы. Благодаря энергичной деятельности большевиков, в особенности руководству Ленина, на конференции образовалась солидная группа левых, которая не могла провести целиком своего плана, но сорвала также и план центристов.

На протяжении двух месяцев — от предварительного совещания в июле 1915 г. до самой конференции в сентябре—Ленин вел исключительно напряженную работу по сплочению международной левой, по выработке последовательно интернационалистской платформы конференции. По сообщению Н. К. Крупской, уже к середине августа большевики выработали проекты основных документов к циммервальдской конференции, впоследствии предложенные циммервальдской левой на ее утверждение: текст манифеста, проект резолюции, внесенной от циммервальдской левой, проект декларации.

В июле 1915 г. Ленин писал Коллонтай о необходимости энергичной подготовки к конференции: „Крайне важно привлечь левых шведов (Хеглунда) и норвежцев..." (Ленинский сборник II, стр. 231.)

Позицию большевиков Ленин тут же вкратце намечает: „В русских делах мы *не* будем за единство с фракцией Чхеидзе (чего хочет и Троцкий, и О. К., и Плеханов с К⁰), ибо это есть прикрытие и защита „Нашего дела". В интернациональных делах мы *не* будем за сближение с Haase — Bernstein — Kautsky (ибо они *на деле* хотят единства с Зюдекумами и прикрытия их, хотят отделаться левыми фразами и ничего не изменить в старой гнилой партии). Мы не можем стоять за *лозунг* мира, ибо считаем его архипутаным, пацифистским, мещанским, помогающим правительствам (они хотят

теперь одной рукой быть „за мир", чтобы выпутаться) и тормозящим революционную борьбу. По-нашему, левые должны выступить с общей *идейной* декларацией: 1) с обязательным осуждением социал-шовинистов и оппортунистов, 2) с программой революционных действий (сказать ли: гражданская война, или революционные массовые действия — не так уже важно), 3) против лозунга „защиты отечества" и т. д. Идейная декларация „левых" от имени нескольких стран имела бы гигантское значение (конечно, не в духе цеткинской пошлости, проведенной ею на женской конференции в Берне, — Цеткина обошла вопрос об осуждении социал-шовинизма!! из желания „мира" с Зюдекумами + Каутский)".

Ленин особенно напирал на необходимость общего принципиального выступления левых и резко опровергал скептическое отношение к выступлению немногочисленной группы левых, гениально прозревая всемирно-историческое значение такого выступления.

Действуя в Германии через Радека, Ленин терпеливо и настойчиво разъяснял ему большевистские взгляды на истинное положение вещей. По поводу двух оппозиционных групп в Германии — группы К. Цеткин и группы „Лихтштрален", — Ленин писал Радеку 20 августа 1915 г.: „Принимать „Лихтштрален" за группу и считать ее поважнее цеткинской — *не* комично — Борхард первый заявил публично: Die Social-Demokratie *abgedankt*... это дело, а не посул... группа Борхарда, если она выступит (вместе с нами или отдельно) как анонимная группа... с точной *„Prinzipienerklärung" плюс призыв к революционным действиям*, — сыграет всемирно-историческую роль. А Цеткина и К°, имея в руках *все* (газеты, журналы, связи с „Berner Tagewacht", возможности ездить в Швейцарию и пр.), не сделала за 10 месяцев *ничего* для объединения международных левых. Это позор".

Ленин оценивал работу той или другой левой группы по принципиальным установкам и делам. Он предостерегал Радека против поспешных заключений, против гнилых компромиссов, против пустых и хлестких фраз.

„Оппозиция в Германии — продукт брожения в массах, а большевики — ориентировка малой группировки революционеров". По поводу этого утверждения Радека Ленин замечает в письме к Радеку: „Это не по-марксистски. Это каутскианство, либо увертка. Чем был в 1847 г. Коммунистический манифест и его группа?? Продукт брожения в массах?? Или ориентировка малой группы революционеров?? Или и то, и другое?... *Для* развития „брожения в массах" нужна левая декларация и программа. *В виду* такого брожения она нужна. *Для* превращения „брожения" в „движение" она нужна. *Для* развития „брожения" в гнилом Интернационала *она нужна*. И немедленно!!!"

Организационный план Ленина перед Циммервальдом явствует из его письма к Радеку:

Ergo, — наша программа должна быть:

1) Итти, коль позовут.

2) Спяотить *заранее* „левых", т. е. сторонников *революционных действий* против *своего* правительства.

3) Преподнести каутскианским говнякам *наш* проект резолюции (голландцы + + мы + левые немцы + 0, и то не беда, а будет *потом* не ноль, а все!).

4) Выставить 2—3 ораторов на конференции (если вы *добьетесь*, что вы будете, то это возможно)... Пишите, что думаете о сей программе. Суть ее — против тупоумного и предательского лозунга мира". (Ленинский сборник XIV, стр. 159)

Для предварительного обсуждения среди левых Ленин составил проект резолюции. На частном совещании левых 4 сентября (накануне открытия конференции) обсуждался проект Радека, относительно которого Ленин писал еще раньше Радеку: „При сем ваш проект. Ни слова о социал-шови-

низме и оппортунизме и о борьбе с ними!! Зачем такое прикрашивание зла и прикрытие от рабочих масс их главного врага в социал-демократических партиях? Будете ли вы ультимативно настаивать на том, чтобы ни слова не сказать о беспощадной борьбе против оппортунизма?"

Этот проект был переработан в основном согласно указаниям Ленина. Он был принят за основу совещанием и был внесен затем от имени левых на Циммервальдской конференции. Таким образом, циммервальдская левая сконструировалась и выработала основы своей платформы еще до открытия Циммервальдской конференции.

Присоединяясь к общей декларации международных левых, большевики однако в то же время заботились о распространении *своих собственных* документов (так Ленин очень заботился о том, чтобы брошюра „Социализм и война" была готова к Циммервальдской конференции). Это было важно в виду того, что на данной стадии у левых интернационалистов было еще очень много неясностей, непонимания ряда вопросов (что конечно не должно было препятствовать общему выступлению), и впереди предстояла еще большая борьба за последовательную революционно-марксистскую, выдержанную во всех отношениях, линию.

Циммервальдская конференция

Из 38 делегатов к циммервальдской левой примыкали 8 (Ленин, Зиновьев, Борхардт, Радек, Винтер (Берзин), Хеглунд, Нерман, Платтен).

Интересно отметить подробно состав конференции. От *России* — большевики (ЦК): Ленин, Зиновьев; троцкисты („Наше слово") — Троцкий; меньшевики (ОК) — П. Аксельрод, Мартов; эсеры — Бобров (Натансон,) Гарденин (Чернов); от латышской социал-демократической партии — Винтер (Берзин); от Бунда — Клеманский; от *Германии* — группа „интернациональных социалистов": Борхардт; группа „Интернационал": Э. Мейер, Ь. Тальгеймер; центристы: Ледебур, Гофман, Герцфельд, Лахмейер, Фогтгер (+ 2, фамилии которых не установлены); от *Франции* — Мергейм, Бурдерон; от *Италии* — Моргари, Серрати, Лаццари, Модильяни; от *Швейцарии* — Платтен, Гримм, Нэн, Моор, Балабанова; от *Швеции* — Хеглунд; от *Норвегии* — Нерман; от *Болгарии* — Коларов; от *Румынии* — Раковский; от *Польши* — Радек (краевое правление СДП и Л), Варский (главное правление СДП и Л), Лапинский (левица ППС); от *Голландии* — Роланд-Гольст (после конференции примкнула к циммервальдской левой). (См. *Ленин.* Соч., т. XVIII, прим.)

Таким образом на конференции преобладали центристы и полуцентристы. Организаторы Циммервальдской конференции, Гримм и Балабанова, искали сближения с „центром", хотели пригласить Каутского и даже таких махровых оппортунистов, как Брантинг и Грульстра. Но если Гримм искал сближения с Каутским, то последний предпочитал искать сближения с социал-шовинистами. Его дружеские чувства к „интернационалистам" выразились в том, что Каутский хотел вырвать созыв конференции из рук Гримма. Об этом сам Гримм рассказал на конференции. Ленин отмечает, что этот факт толкнул Гримма и его друзей „влево". Но все же Гримм и его друзья позаботились о том, чтобы на конференции была подобрана добропорядочная центристская публика. Но небольшая сплоченная группа левых в сущности определяла весь ход работы конференции, заставляя большинство не обходить острых вопросов и вскрывать основные противоречия и разногласия, не затушевывая их.

Острые прения разгорались по третьему пункту порядка дня — „Предложение циммервальдской левой о принятии принципиальной резолюции" (об отношении к мировой войне и задачах социал-демократии). Центристы

были вообще против принятия такого рода резолюции, ссылаясь на отсутствие у них полномочий на это, считая, что нужна лишь „общая манифестация против войны". Общая принципиальная резолюция не могла не поставить самым резким образом вопроса об оппортунизме и его конкретных носителях, о соответствующих организационных выводах, что сторонникам „взаимной амнистии" отнюдь не улыбалось. „Общая же манифестация против войны" ни к чему по существу не обязывала.

За сдачу проекта резолюции левых в комиссию голосовало 12 человек (8 левых + 2 эсера + Троцкий + Роланд-Гольст), против 19.

Основные прения, не менее острые, разгорелись по вопросу о принятии манифеста. Налицо были три проекта: 1) левых, 2) группы Ледебура, 3) Троцкого. В комиссии (Гримм, Ледебур, Ленин, Троцкий, Мергейм, Раковский и Модильяни) был выработан текст, принятый конференцией *единогласно*. В комиссии Ледебур ультимативно потребовал снятия поправки левых об обязательном голосовании против военных кредитов, отказываясь в противном случае подписать манифест. В связи с этим группа левых + Роланд-Гольст и Троцкий сделали следующее заявление: „Так как принятие нашей поправки могло бы до известной степени поставить под вопрос успех конференции, то мы, протестуя, берем обратно свое предложение и удовлетворяемся заявлением Ледебура в комиссии, что в манифесте уже сказано то, чего хочет наше предложение".

„Европа превратилась в гигантскую человеческую бойню, — говорилось в манифесте. — Война, породившая этот хаос, является плодом империализма.

Культурное опустошение, экономический упадок, политическая реакция — таковы благословенные плоды этой ужасающей резни народов...

Правящие силы капиталистического общества... они все несут на себе всю тяжесть ответственности за эту войну, которая возникла из питающего их и ими охраняемого общественного порядка и ведется во имя их интересов...

Мы не можем, мы не смеем больше молчаливо переносить это положение, которое угрожает всей будущности Европы и человечества... В Штутгарте, в Копенгагене, в Базеле международные социалистические конгрессы указали пролетариату пути борьбы. Социалистические партии и рабочие организации разных стран, участвовавшие в этих постановлениях, попрали однако с начала войны ложившиеся на них обязанности и призвали рабочих к приостановке классовой борьбы. Их представители голосовали за военные кредиты... предоставили под видом социалистических министров своим правительствам заложников для охранения национального единения, и таким образом они взяли на себя перед рабочим классом, перед его настоящим и будущим, ответственность за эту войну, за ее цели и за ее методы.

В виду этого нетерпимого положения собрались мы, представители социалистических партий, профессиональных союзов и их меньшинств, мы — немцы, французы, итальянцы, русские, поляки, латыши, румыны, болгары, шведы, норвежцы, голландцы и швейцарцы, мы, которые не стоим на почве национальной солидарности с классом эксплоатации, а на почве интернациональной солидарности пролетариата и на почве классовой борьбы, — мы собрались для того, чтобы вновь восстановить порванные международные связи и призвать рабочий класс вспомнить о своем долге по отношению к самому себе и приступить к борьбе за мир .. Необходимо начать борьбу за мир без аннексий и контрибуций. Такой мир возможен только при осуждении всяких помыслов о насилии над правами и свободами народов... Никаких аннексий ни открытых ни скрытых. Самоопределение наций должно быть непоколебимой основой национальных отношений...

Пролетарии!

С начала войны вы отдали вашу действительную силу, вашу отвагу, вашу выносливость на службу господствующим классам. Теперь вы должны начать борьбу за свое собственное дело, за священную цель социализма... путем непримиримой пролетарской классовой борьбы...

Нет таких жертв, нет таких тягот, которые были бы слишком велики для достижения этой цели: мира между народами.

Рабочие и работницы! Матери и отцы! Вдовы и сироты! Раненые и искалеченные! Ко всем вам, кто страдает от войны и через войну, ко всем вам мы взываем через границы, через дымящиеся поля битв, через разрушенные города и деревни: Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

За подписью Ленина, Зиновьева, Радека, Нермана, Хеглунда и Винтера конференции было представлено следующее заявление, объясняющее голосование левых за манифест и общее к нему отношение:

„Манифест, принятый конференцией, нас не вполне удовлетворяет. Он не содержит характеристики как откровенного оппортунизма, так и оппортунизма, прикрывающегося радикальными фразами, — оппортунизма, который не только является главным виновником краха Интернационала, но и хочет увековечить этот крах. Манифест не содержит ясной характеристики средств борьбы против войны. Как и до сих пор, мы будем в социалистической печати и на собраниях Интернационала отстаивать решительную марксистскую позицию по отношению к тем задачам, которые эпоха империализма поставила перед пролетариатом. Мы голосуем за манифест потому, что смотрим на него как на призыв к борьбе, а в этой борьбе мы хотим итти рука об руку с остальными частями Интернационала".

Оценивая манифест Циммервальдской конференции, подписанный также и левыми, Ленин в специальной статье „Первый шаг" (Соч., т. XVIII) критикует его (считая однако, что он „означает шаг к идейному и практическому разрыву с оппортунизмом и социал-шовинизмом").

Манифест сказал самое существенное об империалистическом характере войны, но он опустил мысль о „зрелости объективных предпосылок социализма". Манифест говорит о *лжи* капиталистов (что война служит защите отечества), но не говорит о том, что „не „ложь капиталистов" вызвала величайший кризис европейского социализма, а *ложь* Гэда, Гайндмана, Вандервельде, Плеханова, *Каутского*". Манифест указывает, что социалистические партии *„попрали"* обязательства, вытекающие из решений конгрессов в Штутгарте, Копенгагене, Базеле, но не дает никакого объяснения „этому поразительному, неслыханному и невиданному факту". Манифест повторяет, по существу, мысль резолюции меньшинства, что борьба за мир *без* революционной борьбы есть пустая, лживая фраза, но не говорит „прямо, открыто, определенно о революционных средствах борьбы". И дальше Ленин объясняет, почему было правильно все-таки подписаться под этим манифестом (сделав особое заявление о несогласии на конференции): „Что этот манифест делает *шаг вперед* к действительной борьбе с оппортунизмом, к разрыву и расколу с ним, это — факт. Было бы сектантством[1] отказываться сделать этот шаг вперед *вместе* с меньшинством немцев, французов, шведов, норвежцев, швейцарцев, когда мы сохраняем полную свободу и полную возможность критиковать непоследовательность и добиваться большего; было бы плохой военной тактикой отказаться итти вместе с растущим международным движением протеста против социал-шовинизма из-за того, что это движение медленно, что оно делает „только" один шаг вперед, что оно готово и хочет завтра сделать шаг назад, пойти на мир со старым Международным социалистическим бюро... мы поведем и дальше свою линию, ободренные *успехом* ее на конференции 5 — 8/IX". (*Ленин.* Соч., т. XVIII, стр. 300 — 301.)

[1] Интересно отметить, что сектантски настроенные голландские левые (Вайнкоп и др.) были против присоединения к Циммервальдскому манифесту (только Роланд-Гольст присоединилась).

Циммервальдская левая

Организационным выводом из работ Циммервальдской конференции было, с одной стороны, создание ИСК (Интернациональной социалистической комиссии), которая, по оценке Ленина, была „фактически новым Международным социалистическим бюро, вопреки воле старого, на базе манифеста, прямо осуждающего тактику старого" (в ИСК вошли Гримм, Нэн, Моргари и Анжелика Балабанова — левоцентристы). С другой стороны, — что было исторически более важным фактом, — на совещании левых было создано *Бюро циммервальдской левой*, в которое вошли Ленин, Зиновьев, Радек. Так получила организационное оформление *циммервальдская левая*. Уже позже, в первых числах января 1917 г., в проекте тезисов обращения ЦК РСДРП к ИСК по этому поводу ретроспективно отмечалось следующее: „*Циммервальдская левая*, в образовании которой мы принимали участие, сорганизовалась отдельно в том же Циммервальде именно для того, чтобы показать, что мы поддерживаем циммервальдское объединение, *поскольку* оно борется с социал-шовинизмом".

Создание *циммервальдской левой* было несомненно важнейшим результатом циммервальдской конференции. В лице этой *левой* был создан зародыш III Интернационала. Из всего вышесказанного очевидно, что ядром и организатором этой левой были большевики.

Циммервальдская конференция, самый факт ее, произвела немалое впечатление. Правительства разных стран поняли очень хорошо смысл этого события и начали свирепые преследования циммервальдцев.

Откровенные оппортунисты поддерживали правительства в этом отношении по своей линии, стремясь дискредитировать конференцию, обличая ее как „незаконную". Заявление голландских оппортунистов по поводу Циммервальдской конференции гласило например, что эта конференция „состояла из представителей маленьких, случайно собравшихся групп, которые неавторитетны создавать интернациональную социалистическую комиссию. Манифест не является авторитетом, чтобы заставить французский и английский пролетариат отказать своим правительствам в поддержке в продолжении войны". Французская социалистическая партия (ее оппортунистическое руководство) запретила пропаганду циммервальдистских идей.

Не то было конечно в рабочих массах, где идеи Циммервальда находили горячий отклик, и этот отклик не мог, с одной стороны, не содействовать укреплению подлинно-левых элементов, а с другой — не мог не толкать влево „колеблющихся". Кроме того к этому полевению масс должны были приспособляться и дипломатничающие центристы, задача которых в циммервальдском движении заключалась в подтягивании более левых элементов к правым, т. е. организационно в подготовке восстановления старого Интернационала на основе пресловутой „взаимной амнистии", взаимного отпущения грехов. Вот почему последовавшая через 8 месяцев вторая конференция, так наз. *Кинтальская* конференция, в апреле 1916 г., сделала шаг вперед от I конференции в левом направлении. Движение влево в первую очередь конечно обусловливалось влиянием роста революционно настроенных масс в связи с продолжением войны, усилением бедствий, эксплоатации, гнета.

В промежутке времени между конференциями, от сентября 1915 г. до апреля 1916 г., к циммервальдскому движению присоединился ряд организаций. [1]

[1] Социал-демократические партии Италии, Швейцарии, Румынии, России, Португалии, Латвии, кроме того британская социалистическая партия и английская неза-

В этот же промежуток времени большевики, во главе с Лениным, развили энергичную деятельность по распространению влияния циммервальдской левой путем, в первую очередь, информационной работы, всяческого распространения документов, большевистских и циммервальдской левой, и установления связей с левыми разных стран. В письмах Ленина к Коллонтай и Шляпникову за этот период, как впрочем и раньше, этот мотив звучит очень сильно. Выходит (написанная еще в августе 1915 г.) брошюра „Социализм и война", подготовляются № 1 журнала „Коммунист", брошюра от имени циммервальдской левой с документами последней (она вышла в ноябре 1915 г. под названием „Internationale Flugblätter"). Коллонтай должна была организовать в Америке английское издание этой брошюры.

Циммервальдская левая постепенно организуется и с января 1915 г. даже имеет свой собственный журнал в виде „Vorbote" („Предвестник"), которого вышло всего 2 номера.

Все растущее влияние левых сказалось и на деятельности ИСК (Интернациональная социалистическая комиссия), избранной Циммервальдской конференцией. Вскоре после конференции ИСК заявила, что она готова „самораспуститься", если будет созвано МСБ в Гааге (заявление от 29 сентября 1915 г.). „Настоящая комиссия не противостоит МСБ как конкурирующая организация. Она имеет временный характер и разойдется в тот момент, когда МСБ, согласно решениям Штутгартского, Копенгагенского и Базельского конгрессов, поведет борьбу против войны и не будет ставить свою тактику в зависимость от согласия тех социалистических партий, которые поддерживают в своих странах военную политику правящих классов". [Ленин по этому поводу писал: „Это обещание не было голосовано и не обсуждалось даже в Циммервальде. (Соч., т. XXX, стр. 248.)]

Таким образом ИСК и не думала о серьезном размежевании с социал-шовинистами, и это было вполне в духе и в намерениях центристского большинства Циммервальда. Между тем вопрос о *расколе*, который Ленин, продолжая довоенную линию, поднял в самом начале войны, теперь уже *фактически* стал в *практическую* плоскость. „Раскольнические" деяния множились почти во всех социалистических партиях. Разрыв с официальными партиями назрел всюду и стал в порядок дня.

Циммервальдская левая, руководимая большевиками, воздействовала на ИСК в направлении более решительной политики по отношению к МСБ. Уже на расширенном совещании ИСК в Берне (5—9 февраля 1916 г.), на котором присутствовало 22 человека и которое большевики стремились превратить в конференцию, удалось добиться принятия если не манифеста, то *обращения*, которое было новым *шагом влево*, ибо давало довольно резкую критику социал-патриотов и требовало категорически безусловного голосования против кредитов.

Совещание ИСК назначило вторую конференцию циммервальдистов в Кинтале (тоже Швейцария) на апрель 1916 г. При этом ИСК просила организации, примыкающие к Циммервальду, прислать свои предложения по основным вопросам порядка дня: о борьбе за окончание войны, об отношении к вопросам мира, о деятельности парламентских фракций, о массовой борьбе, о созыве Международного социалистического бюро (МСБ).

висимая рабочая партия, социалистический союз молодежи Швеции и Норвегии, обе социалистические партии Америки, оппозиция меньшинства в Германии и Франции.

Предложение ЦК РСДРП дает четкий большевистский ответ на эти вопросы, которым предстояло стать предметом обсуждения Кинтальской конференции.

Демократический мир не может вытекать из *империалистической* войны. Демократический мир без ряда революций невозможен; без революций этот лозунг есть обман народных масс. „Социалисты не отказываются от борьбы за реформы", но это не снимает вопроса о революции, которая единственно может решить вопросы, поставленные на очередь дня данной войной... коренные вопросы империализма, т. е. самого существования капиталистического общества".

Возможны только две реальные политики: либо помогать „своей" национальной буржуазии грабить чужие страны (и называть эту помощь „защитой отечества" или „спасением страны"), либо помогать социалистической революции пролетариата, поддерживая и развивая то брожение среди масс, которое начинается во всех воюющих странах, содействуя начинающимся стачкам и демонстрациям и т. д., расширяя и обостряя эти, пока еще слабые, проявления революционной массовой борьбы в общий натиск пролетариата за свержение буржуазии".

„Объективное значение каутскианской „программы мира" состоит в укреплении подчинения рабочего класса буржуазии путем „примирения" начинающих развивать революционную борьбу рабочих с их шовинистическими вождями, путем затушевывания глубины кризиса в социализме ради возвращения к тому состоянию социалистических партий, которое было до войны и которое именно породило переход большинства вождей на сторону буржуазии". (*Ленин.* Соч., т. XIX, стр. 57—63.)

Касаясь вопроса об аннексиях, предложение ЦК РСДРП указывало, что на самом деле большинство социалистов „борется против аннексий весьма своеобразно: не замечает аннексий со стороны *„своего* отечества" и протестует против аннексий, совершаемых „враждебным отечеством".

Образец социалистического поведения в „борьбе за мир", за окончание войны дают „только те социалисты, которые, как Либкнехт, с парламентской трибуны призываю тсолдат сложить оружие, проповедуют революцию, превращение империалистической войны в гражданскую войну за социализм". Социал-демократические парламентские депутаты должны не только выступать в парламентах, но и оказывать „всестороннее внепарламентское содействие нелегальной организации и революционной борьбе рабочих".

В заключение предложение ЦК РСДРП развивает мысль о недопустимости восстановления обанкротившегося МСБ, о необходимости разъяснения массам неизбежности раскола с теми, кто ведет политику буржуазии под флагом социализма.

Кинтальская конференция. Усиление Циммервальдской левой.

Кинтальская (II Международная социалистическая) конференция состоялась 24—30 апреля 1916 г. Всего явилось 43 делегата (из них 12 примыкали к циммервальдской левой).[1]

[1] *От Германии* — от группы Гаазе — Ледебур — А. Гоффман и Флейснер, от группы „Интернационал" — Б. Тальгеймер и Э. Мейер, от бременских левых радикалов — Фрейлих, двое (из первой группы) не выяснены (всего 7 человек).

От Италии — Моргари, Модильяни, Лаццари, Прамполини, Муссати, Дугони и Серрати (7 человек).

От России — от ЦК РСДРП — Ленин, Зиновьев, Петрова (Инесса Арманд); от

В Кинтале циммервальдская левая увеличилась, по сравнению с I конференцией, на 50%. Влияние ее заметно усилилось. По некоторым вопросам она собирала 19—20 голосов, т. е. почти половину голосов всей конференции. В этом отражалось растущее революционное настроение масс, давившее еще больше на колеблющиеся элементы.

Весьма боевым вопросом, которому особую заостренность придали левые решительной постановкой его перед дипломатничавшим центристским большинством, — был вопрос о созыве МСБ. Было очевидно (для левых), что это есть коренной вопрос — вопрос об отношении к социал-шовинизму. Ставился, по сути дела, вопрос о *расколе*, о создании партии нового типа, а в международном масштабе — о создании нового Интернационала. Но именно это, т. е. *раскол*, и пугало больше всего, пугало не только явно центристские элементы (как например Аксельрода, который в Кинтале прямо поставил вопрос: „Почему в самом деле не дать друг другу амнистии?"), но и „колеблющиеся" влево. В выделенной по этому вопросу конференцией комиссии большинство (4) высказалось за агитацию в пользу созыва МСБ, меньшинство (3) — против. Характерно, что большинство под давлением левых в то же самое время высказалось за осуждение МСБ, как оказавшегося неспособным защитить во время войны принципы Интернационала, и за исключение из партии социалистов, вступивших в правительство.

На пленуме голосование дало следующие результаты: 10 — за проект большинства, 12 — за проект меньшинства, 15 — за проект Лапинского (оставить вопрос об агитации за созыв МСБ открытым). После вторичного обсуждения в комиссии большинством всех голосов против 1 (Дугони) и при 1 воздержавшемся (Аксельрод) прошла в общем резолюция Лапинского, с дополнениями Зиновьева и Модильяни. Резолюция давала резкую критику МСБ, — и это был на ряду с другой резолюцией, критиковавшей пацифизм, „все же, несмотря на тысячу недостатков, шаг к разрыву с патриотами" *(Ленин)*.

Резолюция о МСБ предъявила его Исполкому ряд тяжких обвинений. Исполком способствовал: 1) обострению глубокого кризиса Интернационала, став соучастником политики отречения от принципов, став соучастником так называемой защиты отечества и гражданского мира — политики, обрекшей рабочий класс на покорное бессилие... Это соучастие нашло свое высшее выражение в том факте, что председатель Исполнительного комитета МСБ счел возможным совмещение своего положения как министра одного из воюющих государств с председатель-

---

ОК РСДРП — Мартов, Аксельрод; от эсеров — Натансон, Власов, Савельев (всего 8 человек).

От Польши — Краевое правление СДП и Л — Радек, Бронский и Домбровский; Главное правление СДП и Л — Варский, левица ППС — Лапинский (всего 5 человек).

От Франции лонгетисты — Бризон, Блан и Раффен-Дюжэнс и левый синдикалист Гильбо (4 человека).

От Швейцарии — Грабер, Нэн, Нобс, Платтен, Робман (5 человек).

От Сербии — Кацлерович (1 человек).

От Австрии — Коричонер (1 человек).

От Португалии — Пелузо (1 человек).

От Англии — 1 гость.

От Интернациональной социалистической комиссии присутствовали Гримм и Балабанова.

От секретариата Интернационала молодежи — Мюнценберг.

К циммервальдской левой примыкали: Ленин, Зиновьев, Арманд, Радек, Бронский, Домбровский, Нобс, Платтен, Робман, Кацлерович, Мюнценберг, Фрейлих. (См. *Ленин*. Соч., т. XIX, прим.)

ством в МСБ, унизил этим центральный орган рабочего Интернационала до недостойной роли послушного орудия и заложника в руках одной из империалистических коалиций; 2) ИК МСБ, отпуская грехи „всем отрекшимся от социалистического знамени", в то же время напрягает все силы для борьбы с революционными элементами Интернационала; 3) „есть основание опасаться, что ИК МСБ будет созван в момент, соответствующий политическим интересам одной или обеих коалиций великих держав". Исходя из этого, Кинтальская конференция рекомендует организациям, примыкающим к международной социалистической комиссии в Берне, „тщательно следить за действиями ИК МСБ, разоблачать на случай созыва бюро истинные намерения националистического социализма, стремящегося отклонить рабочий класс от его целей, и объединенной попытке обмана резко и безоговорочно противопоставить основные принципы, на почве которых сплотилась интернациональная оппозиция всех стран".

Дополнение Зиновьева заключалось в обязательстве Бернской ИСК (циммервальдской), в случае созыва бюро, предварительно созвать расширенную комиссию для обсуждения вопроса об общем выступлении циммервальдцев. Дополнение Модильяни предусматривало за циммервальдскими секциями право требовать от своего имени созыва МСБ.

Эта резолюция показывала, что циммервальдское объединение за 8 месяцев, протекших от I до II конференции, сделало в основном вопросе об отношении к социал-шовинистам значительный шаг вперед.

Само собою разумеется, что этот шаг вперед еще далеко не означал признания большевистской постановки вопроса о *расколе* (как увидим дальше, это давалось с большим трудом даже некоторым левым), но все же это был по существу *шаг именно в этом направлении*, и большевики имели полное основание отнести его к своим достижениям.

Несомненным шагом вперед в направлении усвоения большевистской точки зрения была и резолюция по вопросу о мире. В сравнении с Циммервальдом, здесь следует отметить выступление против пацифизма, проповедывавшегося каутскианцами и чрезвычайно вредившего делу революционного воспитания масс, которым общий лозунг „демократического" мира заслонял единственно возможные пути достижения такого мира.

Резолюция гласила: „Проекты устранить опасность войн путем *всеобщего ограничения вооружений*, обязательных третейских судов — не более как утопия... Рабочий класс *должен отклонить утопические требования буржуазного или социалистического пацифизма. Борьба за прочный мир может заключаться лишь в борьбе за осуществление социализма*".

Резолюция левых ставила вопрос гораздо резче как в характеристике политики социал-пацифизма, так и в противопоставлении социал-пацифистской программе мира своей программы.

„Политика социал-пацифизма есть только вода на мельницу оппортунистов, которые свои стремления к дележу добычи с буржуазией, к ослаблению революционной борьбы должны *так же* скрывать, как скрывает империалистическая буржуазия *свои* намерения. „Призвать пролетариат к этой борьбе" (за политическую власть, за социализм, за объединение социалистических народов), „организовать его для решительного натиска на капитализм — вот единственная программа социал-демократии. *Сложите оружие, обратите его против общего врага* — капиталистических правительств — такова программа мира, выдвигаемая Интернационалом". (За эту резолюцию, кроме примыкавших к циммервальдской левой, голосовал еще Серрати.)

Левые, кроме того, внесли заявление о недопустимости поведения меньшинства *французской* парламентской фракции, голосующего за военные кредиты (с напоминанием о том, что в циммервальде они внесли такое же заявление по поводу меньшинства германской социал-демократии).

Левые, в общем и целом, имели в Кинтале, по сравнению с Циммервальдом, гораздо более значительный успех. Это было результатом, с одной стороны, расширявшегося и углублявшегося полевения масс, а с другой — упорной кропотливой работы циммервальдской левой, и в первую очередь — ее большевистского ядра.

После Кинталя это ядро вело борьбу *на два фронта*: 1) борьбу с „шатаниями мысли" внутри циммервальдской левой, и в первую очередь против ошибок отдельных большевиков, 2) борьбу против правых циммервальдистов (которые все более откровенно стали „идейно хоронить Циммервальд"), борьбу, переросшую постепенно, по мере усиления процесса размежевания в циммервальдском объединении, в борьбу непосредственно за создание III Интернационала. Но прежде всего надо было в самой циммервальдской левой, в самом ядре этой левой — среди большевиков — договориться по ряду важнейших принципиальных и вытекающих из них тактических вопросов. Вопросу создания четкой теоретической базы для марксистского Интернационала Ленин придавал колоссальное значение. „Было бы глубоко печально, если бы „левые",— писал Ленин,—стали проявлять беззаботность к теории марксизма в такое время, когда создание III Интернационала возможно только на базе невульгаризированного марксизма". Между тем такая вульгаризация имелась налицо среди „левых" и даже среди определенной группы большевиков.

„Шатания мысли" в некоторых заграничных кружках большевиков

„Шатания мысли" в среде большевиков обнаружились с начала 1915 г. и нашли свое выражение особенно, как мы видели выше, во взглядах так называемой „Божийской группы". Эти „шатания" продолжались и в следующие годы войны. Статья Ю. Пятакова (П. Киевского) „Пролетариат и право наций на самоопределение в эпоху финансового капитала", написанная в августе 1916 г., впервые давала, по определению Ленина, „опыт сколько-нибудь цельного литературного изложения *шатаний мысли*, замечавшихся в некоторых заграничных кружках нашей партии с начала 1915 г.".

Теория Киевского и его друзей — „империалистический экономизм", по определению Ленина, выступившего со специальной статьей против Киевского (О карикатуре на марксизм и об „империалистическом экономизме". Соч., т. XIX, 1916 г.)

Киевский в своей статье нападал на лозунг „самоопределения наций, считая, что из него „логически" вытекает предательский лозунг защиты отечества: „Мы решительно отказываемся понимать, как можно быть *одновременно* против защиты отечества и за самоопределение, против отечества и за него".

Ленин разъяснял Киевскому, что „в *действительно*-национальной войне [а к такому типу войн принадлежит например ряд войн эпохи 1789—1871 гг.] „защита отечества" *вовсе* не обман, *и мы вовсе не против нее*". Такие войны отнюдь не исключаются и в империалистическую эпоху. Надо уметь определить характер войны, и в зависимости от этого оценивать лозунг „защиты отечества". Этот лозунг „есть сплошь да рядом обывательски-несознательное оправдание войны, *при неумении исторически разобрать значение и смысл каждой отдельной войны*". (Подчеркнуто мною. *И. Ф.*)

Война 1914—1916 гг. является империалистической. В *этой* войне лозунг „защиты отечества" есть обман, оправдание войны. Война же угнетенной нации *против* империалистов, возможная и теперь, является про-

грессивной, в *такой* войне социалисты не против „защиты отечества". Самоопределение наций и есть борьба за национальное освобождение, и социалисты должны это поддерживать.

Основная методологическая ошибка Киевского, как выяснил Ленин, состояла в том, что у него недиалектическое, *сплошное* понимание „эпохи". Киевский отмахивается от конкретных вопросов посредством общих фраз об „эпохе". Такой же точки зрения придерживались и некоторые немецкие левые. „Раз эпоха империалистическая, то не может быть более никаких национальных войн" — писала в одном из своих тезисов немецкая группа „Интернационал". Но это — указывает Ленин — *неверно*. Для передовых стран Западной Европы и Америки национальное движение — *прошлое*, для востока Европы — *настоящее*, для колоний и полуколоний — *будущее*. В одних случаях „национально-освободительное движение есть лживая фраза", в других — „оно есть живая и прогрессивная действительность".

Ленин опровергает мнение Киевского о „неосуществимости" самоопределения наций при империализме:

„Национальная борьба, национальное восстание, национальное отделение вполне „осуществимы" и наблюдаются на деле *при* империализме, даже усиливаются, ибо империализм не останавливает развития и роста демократических тенденций в массе населения, а *обостряет* антагонизм между этими демократическими стремлениями и антидемократической тенденцией трестов". При таких фактах, как восстание в Ирландии (1916 г.), переход целых полков (чехов) на сторону врага, „при таком положении дела не только „осуществимо" с точки зрения финансового капитала, но *иногда* прямо *выгодно* для трестов, для *их* империалистической политики, для *их* империалистической войны дать как можно больше демократической свободы, вплоть до государственной независимости *отдельным* маленьким нациям, чтобы не рисковать порчей „своих" военных операций".

Киевский — говорит Ленин — „совсем, совсем не понял отношений империализма к демократии". „Империалистическая эпоха не уничтожает ни стремлений к политической независимости наций, ни „осуществимости" этих стремлений в *пределах* мировых империалистических соотношений. Вне же этих пределов „неосуществима" без ряда революций и непрочна без социализма ни республика в России, ни вообще какое бы то ни было очень крупное демократическое преобразование нигде в мире". Сплошная, недифференцированная постановка вопроса Киевским приводит его к непониманию гениальной постановки Лениным вопроса о неодинаковом *„действительном* положении рабочих среди угнетающих и угнетенных наций с точки зрения национального вопроса". Киевский считал нарушением марксистского „монизма", дуализмом такую постановку вопроса, когда Ленин, например, по вопросу об отделении Норвегии от Швеции, считал правильным, что шведские рабочие *безусловно* отстаивали свободу отделения Норвегии, а норвежские — ставили вопрос об этом отделении *условно*.

Ленин подчеркивает и разъясняет эту *неодинаковость* действительного положения, указывая, что: 1) рабочие угнетающей нации *до известной степени* соучастники *своей* буржуазии в деле ограбления ею рабочих (и массы населения) угнетенной нации (это — *экономическая* разница); 2) „рабочие угнетающих наций занимают *привилегированное* положение в целом ряде областей политической жизни по сравнению с рабочими угнетенной нации" (политическая разница); 3) „рабочие угнетающих наций

всегда воспитываются и школой и жизнью в духе презрения или пренебрежения к рабочим угнетенных наций" (идейная или духовная разница).

Та же методологическая слабость приводит Киевского и к непониманию конкретного процесса социальной революции, которую он представлял себе как „объединенное действие пролетариев всех стран, разрушающих границы буржуазного государства, сносящих пограничные столбы, взрывающих национальную общность и устанавливающих общность классовую".

Ленин, критикуя этот тезис, — „в котором много фраз и совсем не видать мысли", — развивает чрезвычайно важное положение: „Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях. Почему? Потому, что капитализм развивается неравномерно, и объективная действительность показывает нам, на ряду с высокоразвитыми капиталистическими нациями, целый ряд наций, очень слабо и совсем неразвитых экономически".

Касаясь вопроса о колониях, Киевский (Пятаков) писал: „По отношению к колониям *социалистам* нелепо выставлять лозунг самоопределения, ибо вообще нелепо выставлять лозунги рабочей партии для стран, где нет рабочих". Ленин возражал на это: „Только печальной памяти „экономисты" думали, что „лозунги рабочей партии" выставляются *только* для рабочих. Нет, эти лозунги выставляются для всего трудящегося населения, для всего народа. *Демократической* частью нашей программы мы обращаемся специально ко всему народу".[1]

Киевский считает возможным для колоний ограничиться *отрицательным* лозунгом „вон из колоний!" Но это пустая агитационная фраза — говорил Ленин — „политическое и экономическое содержание лозунга „вон из колоний" одно, и только одно: свобода отделения для колониальных наций, свобода образования отдельного государства". При этом в отношении „социалистического общества" следует понимать этот лозунг „*только* в смысле предоставления им *права* свободно отделиться, *отнюдь* не в смысле *рекомендации им отделяться*". Киевский не понимает, что „если мы требуем свободы отделения для монголов, персов, египтян и всех без исключения угнетенных и неполноправных наций, то вовсе не потому, что *мы за отделение их, а только* потому, что мы *за свободное, добровольное* сближение и слияние, а не за насильственное. *Только* поэтому".

Сводя к общей формуле взгляды Киевского и его сторонников на вопрос о самоопределении, Ленин излагает их коротко так: „Социалистическая революция все разрешит", или иначе: „Самоопределение при капитализме невозможно, при социализме — излишне". Ленин называет этот взгляд теоретически вздорным, практически политически-шовинистским взглядом, означающим непонимание значения демократии.

А „социализм невозможен без демократии в двух смыслах: 1) нельзя пролетариату совершить социалистическую революцию, если он не подготовляется к ней борьбой за демократию; 2) нельзя победившему социализму

---

[1] Независимо от этого Ленин подчеркивал, что в ряде колониальных стран „рабочие *есть*" (Китай, Индия, Персия, Египет).

удержать своей победы и привести человечество к отмиранию государства без осуществления полностью демократии".

Первым, прокламировавшим взгляды „империалистического экономизма", еще на Бернском совещании весной 1915 г., был Бухарин. Вокруг него сложилась небольшая группа, и Киевский в своей статье обобщил взгляды этой группы. Бухаринско-Пятаковская группа прокламировала „новый большевизм в западноевропейском масштабе". К кругу этих взглядов надо отнести и точки зрения Радека и Розы Люксембург и голландцев. Таким образом разногласия вышли за пределы большевистской партии, охватив собою циммервальдскую левую.

Коренной основой разногласий было различное понимание империализма. Ленинскому диалектическому пониманию империализма и империалистической эпохи противопоставлялся абстрактный, „чистый", сплошной империализм, китайской стеной отделенный от домонополистического капитализма. Отсюда — „левый" уклон (который практически, как это всегда бывает, вольно или невольно подавал руку каутскианцам, а через них — явным оппортунистам), снимавший в борьбе за социализм всякие демократические требования, фактически снимавший этим самым коренной вопрос о резервах пролетарской революции, о союзниках пролетариата.

Чрезвычайно характерен в связи с этим взгляд на мелкую буржуазию как на единую реакционную массу. На этой точке зрения фактически объединялись и Бухарин, и Роза Люксембург, и Троцкий. Исходя из того же представления о „чистом империализме", Троцкий писал в 1915 г.: „Время национальных революций прошло — по крайней мере для Европы — так же, как время национальных войн. Между теми и другими — глубокая внутренняя связь. Мы живем в эпоху империализма: это не только система колониальных захватов, но и определенный внутренний режим. Он противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат — буржуазной нации. Итак, пролетариат в эпоху империализма одинок, изолирован, у него нет никаких резервов".

Ту же мысль по существу развивал и Бухарин: „Иллюзия, будто мелкая буржуазия может быть против трестов (*узы, союз всех буржуазных классов*). Мелкие буржуа — это совладельцы акций и тем самым связаны с крупным капиталом".

Выступая против Радека, который делал ту же методологическую ошибку в понимании империализма, в понимании социальной революции и назвал ирландское восстание 1916 г. „путчем", Ленин писал: „Думать, что *мыслима* социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии *со всеми ее предрассудками*, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета — думать так, значит *отрекаться от социальной революции*. Должно быть, выстроится в одном месте одно войско и скажет: „мы за социализм", а в другом — другое и скажет: „мы за империализм", и это будет социальная революция! Только с подобной педантски-смешной точки зрения мыслимо было обругать ирландское восстание „путчем". Кто ждет „чистой" социальной революции, тот *никогда* ее не дождется, тот революционер на словах, не понимающий действительной революции". Так ленинское диалектическое понимание империализма приводило к живому диалектическому пониманию и социальной революции.

„Шатания мысли" в этой области среди большевиков должны были быть преодолены, и это сделал Ленин.

Важные тактические разногласия должны были проистекать не только из различного понимания вопроса о *демократических резервах* пролетариата до и после революции, но и из различного понимания вопроса о *переходной эпохе*. Бухарин (так же как и Радек) не понимал значения *государства* в переходный период (в период диктатуры пролетариата). После победы пролетарской революции, по его мнению, выдвигается лозунг *не защиты границ пролетарского государства*, — самый жизненный лозунг с первого же дня жизни пролетарского государства, — а лозунг *уничтожения* государственных границ, что вытекало из близости Бухарина к троцкистской идее о невозможности существования пролетарской диктатуры в национально-государственных рамках, а также и из идеи (которая развивалась им вслед за голландским левым социалистом Паннекуком) о „взрыве" государственной организации при победе пролетариата. „В эпоху империализма, — писал Бухарин, — всякое выступление пролетариата неизбежно превращается в выступление против государственной власти. Отсюда определенное тактическое требование: *социал-демократия должна усиленно подчеркивать свою принципиальную враждебность государственной власти*". Это несомненно полуанархическая, а не марксистская, не ленинская формулировка отношений к государству вообще и в переходный период в частности. Она практически снимала вопрос о целом историческом периоде — периоде *переделки* социальной базы широких непролетарских масс, смазывала вопрос о классовой борьбе в период диктатуры пролетариата и открывала путь к будущим уклонам (в особенности бухаринского, т. е. правооппортунистического характера). Такая формулировка вытекала из механического представления о пролетарской революции, как единовременном акте, из смешения понятий „взрыва" буржуазной государственной машины и отмирания пролетарского государства, из узкого понимания задач пролетарской власти только как задач подавления сопротивления эксплоататорских классов, вытекала из лассальянского представления о мелкой буржуазии как единой реакционной массе.

Надо здесь отметить, что *полуанархизм* „левых" большевиков, германских „левых радикалов" и части голландцев нашел свое выражение в пренебрежении к демократическим требованиям в эпоху империализма. Ленин писал: „По-моему, наблюдается у некоторых левых, даже у нас, полуанархическое отношение к империализму. Если-де империализм, то не нужно ни самоопределения наций, ни вооружения народа".

Ленину приходилось тогда вести борьбу с Зиновьевым, занявшим примиренческую позицию в отношении позиции Розы Люксембург и группы Бухарина—Пятакова. Зиновьев колебался в годы империалистической войны в основных принципиальных вопросах. Он солидаризировался с группой „Коммунист", возглавлявшейся Бухариным и Пятаковым, по вопросу о „лозунге разоружения" и „защиты отечества". Зиновьев оспаривал правильность ленинской критики позиции Розы Люксембург в вопросе о возможности национальных войн в эпоху империализма. Он полемизировал с Лениным:

„Мне кажется даже ошибкой усиленное подчеркивание возможности в Европе национальных войн. Главный довод против Юниуса и Радека должен быть борьба колоний и полуколоний против империалистических держав...

Задача сейчас в том, чтобы показать, что маленькие страны (Сербия, Швейцария и т. д.) не могут „в нынешнюю эпоху" „защищать отечество" (см. Большевик" № 22 за 1932 г., стр. 82).

Ленин разоблачил эту антиреволюционную позицию Зиновьева.

В письме к последнему в 1916 г. Владимир Ильич указывал: „И вы *повторяете эту ошибку* (Люксембург и др. *И. Ф.*), когда пишете (в замечаниях на статью Ленина „О брошюре Юниуса". *И. Ф.*): „Маленькие страны не могут в нынешнюю эпоху защищать отечество".

Неверно... Это и есть ошибка Юниуса (Р. Люксембург), Радека, „разоруженцев" и японцев... (вульгаризаторов). (Указанный номер „Большевика", стр. 81.)

Борьба Ленина с „люксембургианством"

Уделяя большое внимание критике „шатаний мысли" среди большевиков, Ленин такое же внимание отводил и анализу взглядов левых других стран. Роза Люксембург,которую Ленин оценивал очень высоко (называя ее „орлом"), крупнейшая теоретическая сила в международном социалистическом движении, вождь группы „Интернационал" в Германии во время войны, под псевдонимом Юниус написала в апреле 1915 г. брошюру под названием „Кризис социал-демократии". Брошюра вышла только в 1916 г., и Ленин счел нужным подвергнуть критике ошибочные положения этой „в общем и целом прекрасной марксистской работы". [1]

Ленин отмечает в этой работе следующие недостатки: 1) Умолчание о связи социал-шовинизма с оппортунизмом, умолчание о каутскианстве, между тем как факт *измены* выявлен. „Это теоретически неверно, — говорил Ленин,— ибо нельзя *объяснить* „измены", не поставив ее в связь с оппортунизмом, как *направлением*, имеющим за собою длинную историю, историю всего II Интернационала. Это практически-политически ошибочно, ибо нельзя ни понять „кризиса социал-демократии", ни преодолеть его, не выяснив значения и роли *двух направлений:* открыто-оппортунистического (Легин, Давид и т. д.) и прикрыто-оппортунистического (Каутский и К⁰)". 2) Правильно подчеркивается, что данная война является империалистической, но неправильно отрицается возможность национальных войн в „эпоху разнузданного империализма". Методологические ошибки Юниуса — неконкретность, „перенесение оценки данной войны на все возможные при империализме войны, забвение национальных движений *против* империализма". Прежде всего, по мнению Ленина, не исключена возможность при известных условиях, в высокой степени невероятных, но не невозможных, превращения империалистической войны в национальную. *Неизбежны* национальные войны со стороны колоний и полуколоний (как продолжение национально-освободительной политики колоний) *против* империализма. Такие войны *не обязательно* должны, как думает Юниус, привести к империалистической войне. Не исключена возможность национальных войн в эпоху империализма даже и в Европе. Например национальные войны могут быть „со стороны маленьких (допустим, аннектированных или национально угнетенных) государств *против* империалистических держав". Возможны национальные движения „в большом масштабе" на востоке Европы. 3) Правильно

[1] Ленин по поводу своей критики усиленно подчеркивает, что делает это „ради необходимой для марксистов самокритики и всесторонней проверки взглядов, которые должны послужить идейной базой III Интернационала".

оценивая *данную* войну как империалистическую, Юниус притягивает к ней за волосы национальную программу. Юниус обвиняет германскую социал-демократию в том, что последняя в ответ на войну не провозгласила „старой истинно-национальной программы патриотов и демократов 1848 г.“,— не провозгласила лозунга „единой великой немецкой республики“. Тогда, по мнению Юниуса, была бы преодолена „тяжелая дилемма между интересами родины и международной солидарностью пролетариата“. Ленин показывал, что этот лозунг был бы неверен, ибо теперь налицо другое положение, чем в 1793 или 1848 гг. Тогда *объективно* стояла на очереди *буржуазно*-демократическая революция, и этому соответствовала национально-*буржуазная* программа тогдашней демократии. Феодально-династическим войнам противопоставлялись революционно-демократические войны. Сейчас же *объективно на очереди социалистическая революция.* В этих условиях, например, Россия, втянутая в империалистическую войну передовых европейских держав, и в случае республиканского переворота вела бы тоже империалистическую войну. „Великогерманская республика“, если бы она существовала в 1914—1916 гг., вела бы *такую же* империалистическую войну. Необходимо провозглашение не „устаревшей для 1914—1916 гг. национально-германской программы, а пролетарски-интернациональной и социалистической“. (*Ленин.* Соч., т. XIX.)

Ленин, вскрывая ошибку Юниуса, подчеркивал отличие Юниуса от Плеханова и пр.: Юниус „решительно против империалистской войны и решительно *за* революционную тактику“. Беда Юниуса в том, что „Юниус... не освободился вполне от „среды“ немецких, даже левых социал-демократов, боящихся раскола, боящихся договаривать до конца революционные лозунги“. (Соч., т. XIX, стр. 189.) С другой стороны, у Юниуса некая „теория стадий“ — он хочет «начать *проводить* революционную программу с ее „наиболее удобного“, „популярного“, приемлемого для *мелкой буржуазии* конца“». (Там же.)

Ленин еще раз подчеркивал, что недостаток Юниуса (Розы Люксембург) не личный, а результат слабости всех немецких левых. Немецкие левые, имея за собою, как говорит т. Сталин в своем письме в „Пролетарской революции“, большие и серьезные революционные дела (революционные выступления по вопросам внутренней политики и в частности избирательной борьбы, по вопросам парламентской и внепарламентской борьбы, об общей забастовке, о революции 1905 г. в России и т. д.), в то же время имели за собою и огромные ошибки: полуменьшевистскую теорию империализма, из которой проистекали отвергание принципа самоопределения наций вплоть до отделения, недооценка национально-колониального вопроса, непонимание организационных основ пролетарской партии, фетишизация единства с оппортунистами и центристами. Эти ошибки мешали Розе Люксембург и ее сторонникам проводить правильную пролетарскую тактику, затрудняли борьбу за массы.

Циммервальдское движение в Швейцарии и других странах

В борьбе за собирание кадров будущего III Интернационала Ленин большое внимание обращал на нейтральные страны — на Голландию, Скандинавские страны и в особенности на Швейцарию, ставшую по целому ряду условий — географических, национальных, политических — „самой свободной и, по условиям места и времени, самой интернационально-влиятельной страной Европы“. Швейцарская же социал-демократическая партия стала и „главнейшей представительницей циммервальдского движения“ *(Ленин).*

И здесь в основном были те же течения, что и в социал-демократических партиях других стран: откровенные социал-патриоты (Грейлих), центристы (Гримм), революционные интернационалисты (Платтен, Нобс и др.). Здесь задача отмежевания левых от центризма стала особенно остро, ибо наиболее яркий представитель швейцарского центризма Гримм, начавший с сравнительно левой позиции, эволюционировал в сторону типичного центризма в особо „гибкой", а потому и опасной форме.

В декабре 1916 г. Ленин, принимавший самое близкое участие в организации и идейном сплочении швейцарских левых, в тезисах „Задачи левых циммервальдистов в швейцарской социально-демократической партии" писал: „Цюрихский съезд социал-демократической партии Швейцарии окончательно доказал, что решения этой партии о присоединении к Циммервальду и о признании *революционно-массовой борьбы* (резолюция съезда в Аарау, 1915) остаются только на бумаге, и что внутри партии вполне сложился „центр", т.е. направление, соответствующее направлению Каутского — Гаазе... Этот центр, во главе которого оказался Р. Гримм, соединяет „левые" заявления с „правой", т. е. оппортунистической тактикой.

Поэтому задачей левых циммервальдцев в швейцарской социал-демократической партии является немедленно и безусловно сплотить свои силы для систематического воздействия на партию в таком духе, чтобы решения съезда в Аарау не оставались мертвой буквой". (Соч., т. XIX, стр. 333.)

Вопрос о теоретической ясности был основным для такого сплочения, что особенно обнаружилось в дискуссии о войне и милитаризме, начавшейся в швейцарской социал-демократической партии с апреля 1916 г.

Среди левых, отвергавших единодушно принцип защиты отечества, единство было лишь „видимостью", ибо из заявления об отказе от обороны отечества не делались должные *действенные* выводы.

Основной большевистский лозунг — „превращение империалистической войны в гражданскую" — не так легко прививался в рядах интернационалистов Запада.

Социалистическая революция казалась утопией многим, отрицавшим защиту отечества и говорившим о революционной массовой борьбе против войны.

Ленин разъясняет левым товарищам: социалистическая революция — „это утопия отнюдь не в большей мере, чем отрицание защиты отечества в этой войне или революционная массовая борьба против этой войны... Нет, это не утопия, революция *растет* во всех странах, и *теперь* вопрос стоит не так: продолжать жить спокойно и сносно или пуститься в авантюру? Вопрос скорее стоит так: голодать и итти на бойню за *посторонние, за чужие интересы* или же принести великие жертвы за социализм, за интересы $^{9}/_{10}$ человечества?" (Ленинский сборник XVII, стр. 121.)

Ленин предвидел аргументацию от „слабости Швейцарии", от „неизбежности подавления ее великими державами в случае социальной революции" и указывал на другие перспективы в связи с влиянием швейцарской социальной революции на другие страны и состоянием великих держав, оказавшихся в тупике „войны на истощение". „Военное вмешательство со стороны великих держав... явилось бы лишь прологом к тому, чтобы революция вспыхнула во всей Европе".

Швейцарские левые, как и большинство западных левых, не представляли себе четко необходимости борьбы с циммервальдским центром, не понимали „гнусной роли, которую играет центр".

Швейцарская левая молодежь, игравшая руководящую роль в Интернационале молодежи, делала серьезные ошибки по вопросу о войне, выдвигая на ряду со скандинавскими левыми идею *разоружения*.

Дело шло об „обезоружении", как отмене всякой милитаристской (военной) системы.

Критикуя эту теорию разоружения, Ленин указывал, что программа „разоружения" означает фактически отказ от применения оружия. „В этом так же нет ни грана марксизма, как если бы мы сказали: мы против применения насилия".

„Главный недостаток требования разоружения состоит именно в том, что здесь обходятся все конкретные вопросы революции". А именно: для оппортунистов характерно замалчивание *„конкретного вопроса о связи теперешней войны с революцией и других конкретных вопросов революции"*.

В „Военной программе пролетарской революции" Ленин вопрос разрешил следующим образом:

„Вооружение буржуазии против пролетариата есть один из самых крупных, основных, важнейших фактов современного капиталистического общества. И перед лицом такого факта революционным социал-демократам предлагать, чтобы они выставили „требование" „разоружения"! Это равносильно полному отказу от точки зрения классовой борьбы, отречению от всякой мысли о революции. Нашим лозунгом должно быть: вооружение пролетариата для того, чтобы победить, экспроприировать и обезоружить буржуазию. Это — единственно возможная тактика революционного класса, тактика, вытекающая из всего *объективного развития* капиталистического милитаризма, предписываемая этим развитием. Лишь *после* того, как пролетариат обезоружил буржуазию, он может, не изменяя своей всемирно-исторической задаче, выбросить на слом всякое вообще оружие и пролетариат, несомненно, сделает это, но — *тогда, никоим образом не раньше*". (Соч., т. XIX, стр. 326.)

Объективная общественная обстановка, в которой распространяется идея разоружения — по мнению Ленина — это „мелкое стремление мелких государств остаться в сторонке, мелкобуржуазное желание быть подальше от великих битв мировой истории, использовать свое сравнительно-монопольное положение для пребывания в заскорузлой пассивности... Разумеется, это стремление реакционно и покоится сплошь на иллюзиях, ибо империализм так или иначе втягивает мелкие государства в водоворот всемирного хозяйства и мировой политики". (Там же, стр. 331.)

Ленин клеймил центристские колебания оппозиции и в других странах, жестоко обрушивался не только на центристов par excellence, но везде умел отмечать слабости, непролетарские черты левых. Выше мы уже приводили критику Лениным слабых сторон Радека и немецких левых вообще. Еще более резко обрушивался Ленин на Суварина, который выступил с протестом против жестокой критики Лениным позиции Троцкого, повторяя избитые фразы о необходимости различать между „обороной" и „нападением". У скандинавских левых Ленин разоблачал „сентиментальный антимилитаризм". По поводу Хеглунда (Норвегия) Ленин писал Шляпникову: „Надо сказать ему: либо лозунг гражданской войны, либо оставайтесь с оппортунистами и шовинистами. Вся переписка Ленина с Коллонтай за первый год войны наполнена разъяснением „путаницы у скандинавов". Ленин дает объяснение путаной позиции скандинавов, отмечая „захолустный", „мещанский" пацифизм Хеглунда и его друзей, разоблачая его лозунг

„разоружения". „Как можно допустить, — писал Ленин, — чтобы революционный класс накануне социальной революции был против вооружения народа? Как можно „признавать" классовую борьбу, не понимая неизбежности превращения ее в гражданскую войну"? (Ленинский сборник, II, стр. 229.) Так Ленин беспощадно разоблачал всякие уклоны от революционно-пролетарской линии у близких ему левых циммервальдистов — так выкорчевывал Ленин всякие остатки центризма и оппортунизма, не взирая на лица.

Циммервальд в тупике

К началу 1917 г. обнаружилось уже совершенно явственно, что циммервальдское объединение, на определенном этапе игравшее положительную роль, как оформление протеста масс против войны и против социал-шовинизма, пережило себя и стало тормозом для перехода интернационалистического движения на более высокую ступень, соответствующую обострению классовой борьбы, росту революционных настроений масс.

Центристы с самого начала циммервальдского движения смотрели на него как на средство введения растущих левых настроений в пацифистское русло, как на подготовку базы для примирения с открытыми социал-шовинистами и для воссоздания II Интернационала на гнилой основе „взаимной амнистии". Давление масс вынуждало однако центристов в ряде вопросов итти на уступки левому крылу Циммервальда, бывшему в меньшинстве. Отсюда и указанные уже выше поступательные движения вперед в развитии Циммервальда.

Наметившийся с конца 1916 г. поворот от империалистической войны к империалистическому миру ободрил центристские элементы Циммервальда, дав им повод к скорейшей реализации давно лелеемой мысли о „взаимной амнистии", о сближении с социал-шовинистами, которые теперь, следуя по пятам политики отечественной буржуазии, усиленно заговорили о мире (конечно империалистическом).

Ряд фактов показывал, что циммервальдская правая, организационно игравшая руководящую роль, тащит все движение именно в этом направлении. Ленин, зорко следивший за малейшими оттенками и переменами в рабочем движении всего мира, немедленно реагировал на эти факты.

В январе 1917 г. в обращении „к рабочим, поддерживающим борьбу против войны и против социалистов, перешедших на сторону своих правительств", Ленин указывал, что циммервальдская правая, которая в Кинтале голосовала „резолюцию самого резкого осуждения" МСБ, резолюцию против социал-пацифизма, после Кинталя „в ряде крупнейших стран — во Франции, в Германии, в Италии скатилась вполне и целиком к этому осужденному и отвергнутому в Кинтале социал-пацифизму". Примирение итальянской партии с пацифистским выступлением Турати, пацифистский манифест Каутского, голосование французских циммервальдцев Мергейма, Бурдерона и Раффен-Дюжанса за пацифистские резолюции (за которые голосовали также махровые социал-шовинисты Жуо и Ренодель), и в особенности поведение Роберта Гримма, председательствовавшего в Циммервальде и Кинтале, представителя Бернской интернациональной социалистической комиссии, свидетельствовали, по определению Ленина, о „полном крахе циммервальдской правой". Роберт Гримм провел 7 января 1917 г. в ЦК швейцарской социалистической партии решение об отсрочке съезда партии на неопределенное время. Это решение было явно на-руку социал-шовинистам, ибо съезд должен был сказать свое слово по вопросу о защите отечества и

кинтальских решениях. В виду всего этого т. Ленин говорил о переходе циммервальдской правой на сторону буржуазно-пацифистского реформизма и требовал созыва конференции для смещения Гримма с должности члена ИСК, подчеркивая, что „слово „Циммервальд", является лозунгом интернационального социализма и революционной борьбы и не должно служить прикрытием социал-патриотизма и буржуазного реформизма".

В дальнейшем все яснее становилось, что пребывание подлинных интернационалистов в одной организации с циммервальдским центристским большинством, имевшее в свое время определенный положительный смысл, на новом этапе становилось губительным.

В феврале 1917 г. в письме к А. Коллонтай Ленин говорит, что „циммервальдская правая идейно похоронила Циммервальд"; указывая на вышеприведенные факты, Ленин оценивает их как „смерть Циммервальда". В марте 1917 г. Ленин пишет к Коллонтай в связи с известием о намерении „молодых" в Швейцарии (группы левых) основать новую партию „на циммервальдских принципах": „Меня, признаться, это известие особенно волнует и возмущает. Ибо „Циммервальд" явно обанкрутился, и хорошее слово служит опять для прикрытия гнили! Циммервальдское большинство, это — Турати и К°, Каутский с Ледебуром, Мергейм — *все* перешло на позицию социал-пацифизма, осужденного столь торжественно (и столь бесплодно!) в Кинтале... Я вне себя от бешенства на этих подлецов; противно слышать их и об них; противно еще более думать о работе вместе с ними. Комедианство!" (Соч., т. XIX, стр. 401.)

Русская революция и вопрос о Циммервальде

Революция в России, послужившая колоссальным толчком к развитию интернационалистского движения на основе нового подъема революционных настроений масс, должна была еще более решительно поставить вопрос о судьбе Циммервальдского объединения.

Проблема „партии нового типа" в международном масштабе, „нового Интернационала" („Ни за что снова по типу II Интернационала. *Ни за что* с Каутским"), с особой остротой поставленная Лениным с самого начала войны, теперь приобрела характер непосредственной практической задачи ибо прежде всего реализовался тот лозунг, который должен был лечь в основу деятельности „партии нового типа",—лозунг превращения империалистической войны в гражданскую. „Грезофарс" превращения империалистической войны в гражданскую (как оценивали его меньшевики всех стран) становился действительностью. „Это *превращение начато* февральско-мартовской революцией 1917 г.". (*Ленин*. Соч., т. XX, стр. 15.) „Первая революция, порожденная всемирной разбойничьей войной между капиталистами разных стран, разразилась. Империалистская война, т. е. война из-за дележа награбленной добычи между капиталистами, из-за удушения слабых народов, *начала* превращаться в гражданскую войну, т. е. войну рабочих против капиталистов, войну трудящихся и угнетенных против своих угнетателей, против царей и королей, против помещиков и капиталистов, войну за полное освобождение человечества от войн, от нищеты масс, от угнетения человека человеком"! (Там же, стр. 48.)

8 апреля 1917 г. в „Прощальном письме к швейцарским рабочим" Ленин от имени отъезжающих товарищей, членов РСДРП (объединенной Центральным комитетом), писал: „Когда наша партия выставила в ноябре 1914 г. лозунг: „превращение империалистской войны в гражданскую

войну" угнетенных против угнетателей за социализм, — этот лозунг был встречен враждой и злобными насмешками социал-патриотов, недоверчиво-скептическим, бесхарактерно-выжидательным молчанием социал-демократического „центра". Немецкий социал-шовинист, социал-империалист Давид назвал его „сумасшедшим", а представитель русского (и англо-французского) социал-шовинизма, социализма на словах, империализма на деле господин Плеханов назвал его „грезофарсом" (Mittelding zwischen Traum und Komödie). А представители центра отделывались молчанием или пошлыми шуточками по поводу этой „прямой линии, проведенной в безвоздушном пространстве".

Теперь, после марта 1917 г., только слепой может не видеть, что этот лозунг верен. Превращение империалистской войны в войну гражданскую *становится* фактом.

Да здравствует *начинающаяся* пролетарская революция в Европе!" (Соч., т. XX, стр. 70.)

Двуличное поведение циммервальдского большинства встретило резкий отпор со стороны левых интернационалистов. В своем проекте платформы пролетарской партии („Задачи пролетариата в нашей революции", 10 апреля 1917 г.) Ленин сообщал о выступлениях на совещаниях циммервальдистов в январе — феврале 1917 г. против политики циммервальдского большинства—Мюнценберга, Зиновьева, Радека, Хартштейна. Но Ленин одновременно ставил вопрос об окончательном разрыве с „Циммервальдским Интернационалом".

Вместе с тем с новой силой выдвигается вопрос *о новом* Интернационале. „Надо основать именно нам, именно теперь, без промедления *новый* революционный, пролетарский Интернационал, или вернее не бояться признать во всеуслышание, что он *уже основан* и действует".

Ядро этого нового пролетарского Интернационала налицо: это „интернационалисты на деле", „левая Циммервальда". „Они и только они — представители революционно-интернационалистских масс, а не развратители масс". (Там же, стр. 130.) Правда, их еще немного, но дело не в числе, а в правильном выражении идеи и политики действительно революционного пролетариата. „Основание III Интернационала — дело, не терпящее отлагательства. При крайней затрудненности международных сношений во время войны, особенно для интернационалистов, преследуемых военной диктатурой, ждать международных конгрессов или совещаний — значит быть изменниками интернационализму".

Инициативу основания нового Интернационала естественно должна взять на себя партия большевиков. „Кому много дано, с того много спросится. Нет в мире страны, где бы *сейчас* была такая свобода, как в России. Воспользуемся этой свободой не для проповеди поддержки буржуазии или буржуазного „революционного оборончества", а для смелого и честного, пролетарского и Либкнехтского, — *основания* III *Интернационала*". „Не „ждать", а *основать* III Интернационал должна тотчас наша партия, — и сотни социалистов в тюрьмах Германии и Англии вздохнут с облегчением, — тысячи и тысячи немецких рабочих, которые устраивают ныне стачки и демонстрации, пугающие негодяя и разбойника Вильгельма, прочтут в *нелегальных* листках о нашем решении, о нашем братском доверии Карлу Либкнехту и только ему, о *нашем* решении бороться и *теперь* против „революционного оборончества",— прочтут это и укрепятся в своем революционном интернационализме". (Там же, стр. 131.)

Колебания Зиновьева. Вопрос о Стокгольмской конференции. Оппортунистическая позиция Каменева

Но то, что было ясно Ленину и целиком было оправдано дальнейшим развитием событий, было ясно далеко не для всех. На апрельской конференции партии Зиновьев, докладывавший о положении в Интернационале, настаивал на том, что следует оставаться в циммервальдском объединении, одновременно приступив к шагам по основанию III Интернационала. Конференция согласилась с мнением Зиновьева и отвергла поправку Ленина к резолюции о том, что большевики остаются в Циммервальде „только для информации".

Дальнейшая политическая судьба Зиновьева показывает, что эта позиция Зиновьева не была случайной, что она вытекала из его троцкистского по существу понимания характера русской революции.

Следует отметить также, что в секции по Интернационалу большинство делегатов апрельской конференции по вопросу о создании III Интернационала высказывалось за привлечение к нему не только левых циммервальдистов, но и членов Циммервальда, не вполне определившихся в качестве левых. (Пленум отверг соответствующие предложения секции.) В связи с III Циммервальдской конференцией, созывавшейся предположительно на 31 мая, Зиновьев предлагал активное участие в этой конференции для сплочения циммервальдской левой. Разрыв с „центристами" Зиновьев предусматривал в связи в вопросом об участии в так называемой Стокгольмской социалистической конференции, инспирированной немецкими социал-патриотами через „датского Плеханова", Боргбьерга, на предмет ускорения *империалистического мира*

Апрельская конференция специально обсуждала доклад Ногина по поводу предложения датского социал-демократа оппортуниста Боргбьерга. Боргбьерг приехал в апреле 1917 г. в Петроград с приглашением от имени трех скандинавских партий — шведской, датской и норвежской — принять участие в международной социалистической конференции в Стокгольме, созываемой по их инициативе на предмет организации единого социалистического нажима на правительство по вопросу о мире. Меньшевики и эсеры согласились участвовать в такой конференции. Ногин рекомендовал участие в ней большевиков хотя бы с информационной целью. Апрельская конференция отвергла это предложение, подчеркнув в особой резолюции, что Боргбьерг прямо или косвенно является агентом немецкого империалистического правительства и что принципиально недопустимо для большевиков участвовать на конференции вместе с Боргбьергом и Шейдеманом.

Ленин подчеркивал, что „за всей этой комедией якобы социалистического съезда кроется самый реальный политический шаг германского империализма. Германские капиталисты через посредство германских социал-шовинистов предлагают социал-шовинистам всех стран съехаться на конференцию". Это не помешало Каменеву в его выступлении 6 августа 1917 г. в ЦИКе заявить по поводу Стокгольмской конференции следующее: „Над Стокгольмом начинает развеваться широкое революционное знамя, под которым мобилизуются силы всемирного пролетариата". Это выступление Каменева встретило со стороны Ленина заслуженную отповедь: „Нельзя терпеть, чтобы партия интернационалистов, перед всем миром ответственная за революционный интернационализм, компрометировала себя кокетничанием с проделками социал-империалистов русских и немецких, с проделками министров буржуазного империалистского правительства Черновых, Скобелевых и К°". (*Ленин.* Соч., т. XXI, стр. 79.)

Не только явные социал-шовинисты, но и центристы — Каутский, Гаазе, Ледебур, — следуя этой директиве германских капиталистов, шли на конференцию. Англо-французские социалисты, следуя такой же директиве *своих* капиталистов, не шли на конференцию.

Задачей истинных интернационалистов было, с одной стороны, разоблачение немецких и англо-французских социалистов, как агентов своих буржуазных правительств. С другой стороны, как говорил Ленин, „надо разоблачать эту комедию социалистического съезда, разоблачать все эти съезды как комедии, прикрывающие сделки дипломатов за спиной народных масс".

Зиновьев считал, что в связи с положительной позицией Гримма по отношению к Стокгольмской конференции и несомненной поддержкой его в этом вопросе со стороны большинства Циммервальда на конференции будет создано понятное для всех сознательных рабочих основание для разрыва.

10 июня н. ст. в послесловии к брошюре „Задачи пролетариата в нашей революции" (Соч., т. XX, стр. 444) Ленин писал: „Я предлагаю... остаться в Циммервальде только для информации. Конференция не согласилась в этом пункте со мной, и мне пришлось голосовать против резолюции об Интернационале. Уже теперь становится явственно видным, что конференция сделала ошибку и что ход событий скоро поправит ее. Оставаясь в Циммервальде, мы (хотя бы и против нашей воли) участвуем в оттягивании создания III Интернационала; мы косвенно тормозим его создание, будучи связаны мертвым грузом уже мертвого идейно-политически Циммервальда.

Положение нашей партии перед лицом всех рабочих партий всего мира теперь именно таково, что мы *обязаны* немедленно *основать* III Интернационал. Кроме нас *теперь* этого сделать некому, а оттяжки вредны. Оставаясь в Циммервальде лишь для информации, мы сразу развязали бы себе руки для такого создания (будучи в то же время в состоянии *использовать* Циммервальд, если бы обстоятельства сделали такое использование возможным). Теперь же, благодаря ошибке, сделанной конференциею, мы вынуждены пассивно ждать по меньшей мере до 5 июля 1917 г. (срок созыва Циммервальдской конференции; хорошо еще, если ее не отсрочат *еще* раз! Она уже была раз отсрочена...)".

17 июня 1917 г. Ленин писал Радеку по поводу Циммервальда, в связи с гриммовской историей (Гримм, председатель Циммервальдского Интернационала, приезжавший в феврале 1917 г. в Россию, имел поручение от швейцарского правительства выяснить возможность сепаратного мира между Россией и Германией. Это было обнаружено, и Гримм был 15 июня выслан из России):

„Если правда, что запутавшийся жалкий Гримм (недаром мы всегда не доверяли этому министериальному негодяю!) сдал все дела левым шведам и что эти последние созывают на днях Циммервальдскую конференцию, то я от себя лично (пишу все сие только от себя) архипреостерег бы от того, чтобы путаться с Циммервальдом. „Вот бы хорошо захватить теперь Циммервальдский Интернационал", — говорил сегодня Григорий (Зиновьев). По-моему, это архиоппортунистическая и вредная тактика. „Захватить" Циммервальд? Т. е. взять на себя мертвый груз итальянской партии, каутскианцев и пацифистов, швейцарских Грейлиха и К°, американской Socialist Party (еще похуже!), разных Ревизо, менгеристов и т. д. и т. п.?

Это значило бы выкинуть за борт все наши принципы, забыть все, что мы писали и говорили против центра, запутаться и осрамиться самим. Нет, если левые шведы взяли в свои руки Циммервальд и если они захотят путаться, надо им поставить ультиматум: они объявляют на первой же Циммервальдской конференции Циммервальд распущенным и основывают III Интернационал, или мы уходим. Так или иначе надо похоронить поганый („Грим-

мовский", все же он Гриммовский) Циммервальд во что бы то ни стало и основать настоящий III Интернационал.

Только из левых, только против каутскианцев. Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан".

Прогноз Ленина оправдался: III Циммервальдская конференция собралась только в сентябре.

Ленин в связи с этим в первой половине сентября снова ставил вопрос об уходе из Циммервальда.

„Теперь особенно ясна ошибка, что мы *не* вышли из него.

Всех надувают надеждой на Стокгольм. А Стокгольмская конференция „откладывается" с месяца на месяц.

А Циммервальд *„ждет"* Стокгольма! Каутскианцы + итальянцы, т. е. большинство Циммервальда, „ждет" Стокгольма.

И мы участвуем в комедии, *отвечая* за нее перед рабочими. Это позор. Надо уйти из Циммервальда *тотчас.*

Оставаясь там только для информации, мы ничего не теряем, но *не отвечаем* за комедию „ожидания" Стокгольма.

Выходя из гнилого Циммервальда, мы должны решить тотчас же, на заседании пленума 3 сентября 1917 г.: *созываем конференцию левых,* поручаем это стокгольмским представителям.

А то вышло так, что, совершив глупость, оставшись в Циммервальде, наша партия, единственная в мире партия интернационалистов с 17 газетами и пр., *играет в соглашательство* с немецкими и итальянскими Мартовыми и Церетели, как Мартов соглашательствует с Церетели, а Церетели соглашательствует с эсерами, а эсеры с буржуазией... И это называется „стоять за III Интернационал!!!" (Соч., т. XXI, стр. 130.)

Отсрочка разрыва с Циммервальдом, а вместе с тем и создания III Интернационала тогда, когда это предлагал Ленин, привела к тому, что созыв такого первого международного совещания „левых" и фактическое основание III Интернационала реализовались лишь в начале 1919 г.

III Циммервальдская конференция. Ликвидация циммервальдского объединения

III Циммервальдская конференция собралась в Стокгольме 5 сентября 1917 г. и была законспирирована в виду крайнего усиления репрессий со стороны всех империалистических правительств. От большевиков на конференции присутствовали — Воровский и Семашко, от ОК меньшевиков — Аксельрод и Панин; от меньшевиков-интернационалистов — Ерманский; от польской партии — Радек и Ганецкий; от меньшинства австрийской социал-демократической партии — Тереза Шлезингер и Луццато; от Румынии — Фриму и Константинеску; от немецких независимых — Гаазе, Ледебур, Венгелс, Гоффер, Штатхаген, Оскар Кон; от группы „Спартак" — Кете Дункер; от финской партии — Сирола; от Швейцарии — Нобс и Роза Блох; от Американской лиги социалистической пропаганды — Азис.

По сообщению Балабановой, „вопрос об участии в предполагавшейся Стокгольмской конференции хотя и дебатировался, но горячих споров и конкретных решений вызвать не мог, ибо к тому времени уже потерял всякую актуальность". Большинство конференции было против участия в Стокгольмской конференции, и именно в связи с этим один из представителей ОК РСДРП — Панин — ушел с конференции в виду несогласия с манифестом.

Манифест III Циммервальдской конференции с призывом к всеобщей международной забастовке против войны и к защите русской революции был единственным конкретным результатом деятельности конференции. Но в вопросе об его обнародовании обнаружились серьезные колебания, свидетельство-

вавшие о неспособности Циммервальда, в данном его разношерстном составе, при усиливавшемся тяготении центристов к социал-шовинистам, к решительному международному выступлению. Сама конференция решила ждать с опубликованием манифеста до присоединения к нему отсутствующих циммервальдцев, т. е. фактически, при крайней затрудненности сообщения, на весьма неопределенный срок, лишая таким образом самый манифест какого бы то ни было значения.

Немецкие независимые настаивали на ожидании присоединения к манифесту циммервальдцев союзных стран, считая, что в противном случае опубликование манифеста вызовет крайние репрессии властей.

Мало того, в связи в восстанием в немецком флоте и последовавшими за ним репрессиями, ЦК независимцев просил воздержаться от опубликования манифеста, даже если к нему присоединятся циммервальдисты союзных стран. Для этого в Стокгольм специально приезжал видный член ЦК независимцев — Луиза Циц.

Большевики, в лице Воровского, и присоединившиеся к ним представители ПСД — Радек, Ганецкий, как свидетельствует Балабанова, секретарь Циммервальдской комиссии, настаивали на опубликовании манифеста, и в один прекрасный день Радек заявил, что если комиссия опубликование задержит, то это сделает сама заграничная делегация РСДРП.

В конце концов манифест был опубликован уже по получении сообщения об Октябрьской революции.

Победа Октябрьской революции, укрепление советской власти, могучий отклик, который нашла во всем мире пролетарская революция, поставили вопрос об организации III Интернационала на реальную почву в лице РКП (б), ставшей во главе первого в мире пролетарского государства. Международное интернациональное движение нашло ту естественную базу, которая должна была отмести в сторону пережившее себя Циммервальдское объединение, сосредоточив вокруг себя все лучшие элементы интернационалистского движения во всем мире. Основание III Интернационала в марте 1919 г. было вместе с тем и концом Циммервальда.

К. Шелавин

ГЕРМАНИЯ В ГОДЫ ВОЙНЫ

I. ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОИНА И КЛАССЫ ГЕРМАНИИ

Госкапитализм в Германии на службе у юнкерско-буржуазного государства

„Войной и разрухой все страны вынуждены итти от монополистического капитализма к государственно-монополистическому капитализму". (*Ленин.* Соч., т. XXI, стр. 312.)

Ко времени империалистической войны Германия в течение полувека „догнала и перегнала" такие передовые страны старого капитализма, как Англия и Франция.

Без высокой степени концентрации производства, сращивания промышленного капитала с банковым Германии было бы немыслимо во время войны прежде других стран стать на рельсы государственного капитализма и наиболее „последовательно" и „образцово" его провести.

С другой стороны война и разруха с *особой* силой сказались в Германии. Война пошла не так, как это представлялось и военным и политическим деятелям империи Гогенцоллернов и как перед войной обычно рассказывали массам. Вместо „короткой" войны получилась война длительная, и в ней перевес в материальных средствах был на стороне Антанты. Детище германского империализма — флот не мог по своей силе сравняться с *одним* английским флотом. Ему пришлось с самого начала войны отсиживаться в закрытых гаванях. Антанта, господствуя на море, *блокировала* Германию и ее союзников. И эту *блокаду* не удалось прорвать ни попыткой разгромить английский флот (потерпели поражение немцы), ни подводной войной.

Между тем ввоз в Германию промышленного сырья составлял в 1913 г. 47% и полуфабрикатов — 12% всего германского ввоза. До войны ввоз фуража покрывал более 40% внутреннего потребления; ввозили упряжный скот, сельскохозяйственные средства производства, искусственное удобрение; из Галиции и России ежегодно приходило 400 тыс. сельскохозяйственных рабочих. В виду недостатка сырья, недостатка продовольствия, обостренного огромными запросами фронта, недостатка рабочих рук (мобилизация 13 млн.) правительство должно было вступить на путь государственного капитализма. Это означало централизованный учет сырья, топлива, рабочей силы, принудительное синдицирование предприятий, а отсюда — новое усиление процесса концентрации. В области сельского хозяйства дошли до продразверстки, в снабжении — до карточки; государство регулировало и внутреннюю и внешнюю торговлю.

Но если Ленин Германию годов войны брал как „конкретнейший пример государственного капитализма", как „последнее слово современной крупнокапиталистической техники и планомерной организации", то он сейчас же особо подчеркивал, что организация эта *подчинена* юнкерско-буржуазному государству. (Соч., т. XXII, стр. 316.)

А что означало это подчинение?

К 1 ноября 1916 г. была *завершена* военная организация германской промышленности. Из состава военного министерства было выделено ведомство военного снабжения с помощником военного министра генералом Гренером во главе. Из семи отделов ведомства первый являлся организационно-информационным, а остальные ведали: регулированием производства, снабжением его сырьем, заготовкой и распределением продуктов, распределением живой силы между армией и промышленными предприятиями.

На первый взгляд получалась стройная и широкая организация, ставившая себе задачей „объединение всех отраслей промышленности в одно стройное целое и в отношении технических методов производства, и в области снабжения рабочими руками и сырыми материалами". Было бы конечно нелепо отрицать *вовсе* успех этой организации, без которой Германия не могла бы продержаться четыре года. Но, будучи орудием юнкерско-буржуазного государства, „стройная" организация служила интересам одних только эксплоататорских классов.

„Империализм есть подчинение всех слоев имущих классов финансовому капиталу... Раздел мира между 5—6 „великими" державами означает то, что все имущие слои их *заинтересованы* в обладании колониями, сферами влияния, в угнетении чужих наций, в более или менее доходных местечках и привилегиях, связанных с принадлежностью к „великой" державе и к угнетающей нации". (*Ленин.* Соч., т. XVIII, стр. 256.)

И если Германскую империю украшал кайзер, а в аппарате управления, в армии и т. д. сидели юнкера, то еще перед войной директора крупнейшего в Германии „Немецкого банка" Артура фон Гвиннера называли за границей „тайным императором Германии", а министерство иностранных дел было исполнительным комитетом Немецкого банка. Недаром во время войны новую государственную промышленную организацию прозвали „Большая фирма Германия", ибо крупным промышленникам в „новой" организации было обеспечено руководящее влияние.

Накануне войны Германией, по словам Ленина, управляло не более 300 магнатов капитала, и число их неуклонно уменьшалось. (*Ленин.* Соч., т. XIX, стр. 98.) В годы войны они хозяйничали в военно-промышленных органах, *в своих* интересах проводили реорганизацию и синдицирование промышленности, устанавливали цены и т. д., превратив войну в источник своего неслыханного обогащения. Предприятия Круппа дали за 1916—1917 гг. валовую прибыль в 75 млн. марок при 180 млн. акционерного капитала. Но этого мало: шайка магнатов финансового капитала накладывала свою руку на все хозяйство страны; Тиссен забрал всю гамбургскую торговлю углем, Стиннес скупал ряд предприятий и т. д.

Вместе с финансовым капиталом желали воевать до победного конца, за мировое владычество Германии—юнкера. На такой позиции всего тверже стояли политические партии этих двух классов: национал-либералы и консерваторы. „Мировое владычество" и непомерные захваты сулили „доходные места" и привилегии, которых у „обиженной" до войны (по размеру коло-

ниальных владений) Германии было меньше, чем у Англии, Франции и даже Бельгии. Война одновременно приносила *обогащение* как юнкерам, так и их соратникам по „неурезанному" лозунгу „победного мира" — финансовым магнатам. По словам Ленина, „вдвое, втрое, вчетверо доставалось тому, у кого хлеба много и кто умеет спекулировать и превращать организацию, нормировку, регулировку, распределение в спекуляцию". Юнкера „планировали" сельское хозяйство, и планирование это превращали в обход „учета", в обогащение на военных поставках, в широкое использование правительственной помощи „сельскому хозяйству" машинами, удобрениями, рабочей силой: *только* крупные сельские хозяйства извлекли например пользу из „регулирования" правительством распределения и перераспределения рабочих рук.

Ни юнкер, ни финансовый магнат не восторгались „принудительным хозяйством" военного времени, ибо „устранялась частнохозяйственная инициатива" и „подавлялось предпринимательское творчество". Такой столп финансового капитала и ставленник Немецкого банка, как Гельферих, в годы войны министр внутренних дел и вице-канцлер, заявил в рейхстаге, что на путь „принудительного хозяйства" правительство стало под давлением обстоятельств и сойдет с него, как только позволят обстоятельства. Но юнкера и финансовые магнаты, срывая от принудительного хозяйства больше всех в свою пользу, „тверже" всех и „терпели" его.

Перед войной в Германии наиболее картелированная тяжелая индустрия, сросшаяся с 6—8 банками (особенно уголь и железо), оказалась в привилегированном положении. Это значило, что тяжелая индустрия в промышленности берет дань со всех остальных ее отраслей. Как раз обрабатывающая индустрия, торговый капитал, среднее и мелкое предприятие были до войны на положении „обираемых" финансовым капиталом и „зависимых" от него. (*Ленин.* Соч., т. XIX, стр. 90—91.)

Во время войны принудительная концентрация, рационализация и синдицирование производства всего сильнее ударили по обрабатывающей промышленности. Но во время войны высокая доходность была налицо почти во всех отраслях, и даже наиболее пострадавшая текстильная промышленность подняла дивиденд с 6,90 в 1914 г. до 9,06% в 1915 г. Не кто иной, как Вальтер Ратенау, крупнейший представитель электропромышленности Германии, выдвинул план регулирования промышленности и возглавил созданный правительством 8 августа 1914 г. Военно-промышленный комитет, предтечу ведомства военного снабжения. Но скорая замена Ратенау ставленником финансового капитала Кетом подчеркнула, *кому* перепадает львиная доля выгод от системы государственного капитализма Недовольство „принудительным" хозяйством проявили в последние годы войны прежде всего „обираемые" отрасли промышленности, торговый капитал и т. д. К 1917 г., когда положение становилось все более безнадежным, когда брожение и недовольство войной захватывало все более широкие народные массы, прогрессисты, даже часть национал-либералов и „левое" крыло центра, доходят до некоей „оппозиции" диктатуре финансового капитала — юнкеров и до разговоров о „мире-соглашении".

Госкапитализм и трудящиеся массы

Военную каторгу создавал капитализм в Германии для рабочих и *отчасти* (курсив мой. — *К. Ш.*) для крестьян, — говорил т. Ленин. (Соч., т. XXI, стр. 167.)

Пауль Леви в письменном докладе II конгрессу Коминтерна ухитрился написать, что „крестьяне сильно нажились во время войны". Выходит, что

война для „крестьянства" была таким же прибыльным делом, как для юнкеров и буржуазии. В действительности 4,4 млн. крестьянских хозяйств (из 5,7 млн. всех сельских хозяйств) были, по выражению Ленина, *нищими*. (Соч., т. XVI, стр. 605.) При твердых ценах на поставки нищие не могли „сильно нажиться". Но одновременно нельзя упускать из виду, что частично и им перепадали крохи от „оборотов" „вольного рынка". Так как покупать промтовары по „вольным" ценам было для малоимущих слоев как деревни, так и города невозможно в виду невероятной дороговизны, то *бумажные* деньги сберегались в расчете на лучшее будущее.

Только этим можно объяснить, что средства для войны и поддержки союзников (Австрии и других) добывались германским правительством внутри страны посредством займов и краткосрочных обязательств. В общей сумме государственных доходов займы составили в 1915, 1916, 1917 и 1918 гг. соответственно — 67,6, 92,6, 92,2 и 88.6%. Они выпускались в расчете на широкие слои трудящихся и действительно покрывались ими.

Но припрятанные в кубышки „купюры" являлись пока-что *бумагой*. Надежды на „лучшее будущее" не могли заменить настоящее. А это настоящее было: непосильное бремя войны — она обошлась в 86,5 млрд. золотых марок, — неисчислимые жертвы на фронте, холод и голод, угасавшие скорее, чем вспыхивавшие временами надежды на окончание войны.

„Образцовый" германский госкапитализм, из года в год доставлявший миллиарды военной прибыли, вел производство страны к развалу. Если принять данные 1913 г. за 100, то в *1918* г. только добыча каменного бурого угля увеличилась на 17%. Зато добыча каменного угля упала по Руру на 19%, по всему государству на 16%. Выплавка чугуна снизилась на 33%, стали — на 12,9%, прокат — на 38,9%.

Пруссия охватывала более половины всей германской промышленности. По сравнению с 1913 г. число рабочих увеличилось здесь в 1918 г. в следующих отраслях промышленности: в металлообрабатывающей — на 11%, машиностроительной — на 64%, химической — до 20%. Все же остальные отрасли промышленности дали снижение: обработка камня и глины—до 70%, текстильная — 52%, пищевая и вкусовая — 27% и т. д. И в то же время упала производительность труда (в Руре например на 20%)—как следствие замены мужского труда женским и детским, истощения рабочих от голода и болезней, изношенности производственного аппарата.

С каждым годом положение широких трудящихся масс становилось все хуже. Если упадок промышленности в связи с огромными военными потребностями обрекал массы на недостаток в топливе и в иных предметах первой необходимости, то блокада и упадок сельского хозяйства означали голод.

В Германии в 1918 г. (1913 г. = 100%) посевная площадь, занятая под четырьмя основными зерновыми хлебами, уменьшилась на 16,4%. Сбор этих хлебов дал снижение в 1915, 1916, 1917, 1918 гг. соответственно на 29,7, 27,3 50,5 41,9. Состав стада понизился к 1918 по сравнению с 1913 г.: лошадей — до 77,2%, крупного рогатого скота — до 88,5%, овец — до 99,2%, свиней — до 42,5%. Уже зимой 1916 г. малоимущие слои населения, получавшие до войны приблизительно 3 тыс. калорий питания, получили их лишь 1 тыс.

Эпидемия гриппа, 750 тыс. умерших от истощения, 4 млн. убитых и калек, не считая легко раненых — под этим непосильным бременем войны дрогнули широкие массы мелкой буржуазии деревни и города. Что войне не предвиделось конца и на войне наживались богатые, становилось делом все

более ясным. Но движение мелкобуржуазных масс против войны отличалось всеми колебаниями, свойственными мелкой буржуазии вообще.

„Если широкие массы мелкой буржуазии сегодня поворачивались в сторону платформы „мира-соглашения", они завтра начинали вновь верить в возможность победы („Украина" сулила хлеб, мир на Востоке, развязку на Западе), послезавтра исполнялись пацифистскими надеждами на Вильсона или римского папу" и т. д. На *открытую* борьбу против войны пошел только один класс — германский пролетариат.

Еще в 1897 г. российский либерал Г. Иоллос, рассказывая, как превосходно живется рабочим у Сименса и Гальске, должен был написать: „Разумеется, не каждый слесарь — Гальске и не каждый берлинский рабочий зарабатывает 40 марок в неделю. Если бы это было так, то не было бы (!) социального вопроса..."

Для уяснения положения *широких масс* немецкого рабочего класса достаточно однако сослаться на такого социал-реформиста, как Адольф Браун. Изучив бюджеты немецких рабочих начала XX века (до 1904 г. включительно), он делает вывод, что „заработной платы едва хватает для удовлетворения минимума жизненных потребностей..."

С 1882 по 1912 г. заработная плата в Германии увеличилась в общем на 25%, а стоимость жизни повысилась по меньшей мере на 40%. „Рабочий нищает *абсолютно*, т. е. становится прямо-таки беднее прежнего, вынужден жить хуже, питаться скуднее, больше недоедать, ютиться по подвалам и чердакам". (*Ленин.* Соч., т. XVI, стр. 212.)

Война 1914—1918 гг. еще более ухудшила положение германского рабочего класса. Для крестьян она *отчасти* создала каторгу. Для рабочих каторга была создана полностью.

Рурские горняки получали накануне войны 5,22 марки в день, в середине 1916 г. — 5,39 марки, а цены к этому времени взлетели уже на 50%. Но война означала не только падение реальной заработной платы. Кроме того она принесла с собою холод и голод, миллионы семейств призванных в армию рабочих, получавших жалкое „пособие", отмену законов об охране труда, увеличение рабочего дня, увеличение заболеваемости до 40%, увеличение несчастных случаев на производстве. В ноябре 1915 г. рабочие приказом генерала Франка были лишены свободы перехода из одного предприятия в другое, а закон 1916 г. об „отечественной подсобной работе" завершил перевод рабочих масс на каторжное положение.

Германский пролетариат ответил на созданную для него юнкерско-буржуазным государственным капитализмом военную каторгу массовым стачечным движением.

В годы войны Германия являлась страной наиболее мощного после России движения пролетарских масс. По очень неполным данным, стачечников в Германии было: во второй половине 1914 г. 21 тыс., в 1916 г. — 129 тыс., в 1917 г. — 700 тыс. Но если в России в 1916 г. стачка охватывала более половины промышленных рабочих, то в Германии в 1917 г. бастующие составляли не более $^1/_{13}$—$^1/_{14}$ немецкого пролетариата.

В России во главе движения шел Ленинград. Там большевики на выборах в военно-промышленные комитеты 1915 г. одержали победу над социал-патриотическим блоком, собрав около 60% голосов. Большевики руководили стачечным движением. В Берлине спартаковцы — будущие коммунисты агитировали за стачки, но не были способны организационно руководить ими.

Ленин придавал исключительное значение *объему* экономической стачки, как необходимой поддержке, без которой авангард будет разбит в политической борьбе.

В России в 1916 г. 57% всего движения составляют политические стачки. Металлисты в политических забастовках дали 83% всех участников, а их „подпирала" огромная масса экономически бастующих текстилей.

Для Германии военных лет характерно почти исключительное преобладание политической стачки. Широкие массы рабочих начинают втягиваться в экономическую борьбу спустя две недели после ноябрьской революции 1918 г.

В Ленинграде подпольная большевистская организация насчитывала до 2 тыс. членов; Ленинград начал революцию и в феврале и в октябре 1917 г. У большевиков к октябрю 1917 г. было в партии 240 тыс. членов, и из них в Ленинграде 48 тыс. В Германии же не было большевистской партии, и Берлин вступил в ноябрьскую революцию 1918 г. одним из последних.

Эта разница в движении пролетариата двух стран имела свои глубокие причины. Они точно указаны Лениным: 1) в России „очень слаб слой привилегированных служащих и рабочих"; 2) ничтожно влияние реформизма среди „политически активных слоев рабочего класса"; 3) не могло „создаться фетишизма легальности" (*Ленин*); 4) на Западе трудящимся противостоит „поголовно организованная буржуазия, опирающаяся на все завоевания современной культуры и техники" (Соч., т. XXIII, стр. 33); 5) на Западе „против революционного пролетариата стоит высшая мысль культуры и рабочий класс находится в культурном рабстве" (там же, стр. 81); 6) „германские империалистические хищники... продолжают обманывать своих рабочих, часть которых подкуплена, перешла на их сторону" (там же, стр. 79); 7) Германия — самая империалистическая, самая дисциплинированная страна (там же).

А самая дисциплинированная и образцовая партия II Интернационала — германская социал-демократия прошла такой путь развития, что ко второму десятилетию XX века во главе ее „оказалась кучка отъявленных мерзавцев, самой грязной, продавшейся капиталистам сволочи, от Шейдемана и Носке до Давида и Легина, самых отвратительных палачей из рабочих на службе у монархии и контрреволюционной буржуазии". (*Ленин.* Соч., т. XXIV, стр. 249.)

Германская социал-демократия накануне войны

Германская социал-демократия до войны была самой мощной, ведущей партией II Интернационала. Но к моменту войны в ней победили ревизионисты, прикрываемые центристами. Оппортунизм развивался и рос в германской социал-демократии тем больше, чем влиятельнее становился слой рабочей аристократии в германском рабочем классе, чем больше обрастала партия мелкобуржуазными попутчиками. Являясь партией блока интересов пролетариата и мелкой буржуазии, германская социал-демократия по мере приближения к войне все больше теряла свою революционность. К моменту войны в партии преобладали интересы мелкобуржуазного крыла, перешедшего на сторону империалистической буржуазии.

Этот процесс измены руководства германской социал-демократии совершался постепенно. К концу XIX века германский империализм создал уже достаточную базу для рабочей аристократии, питавшейся от крох сверхприбылей немецких магнатов индустрии.

Выступление Бернштейна — оформление ревизионизма — являлось не чем иным как выражением этого процесса, происходившего внутри рабочего

класса Германии. Выступивший якобы против ревизионизма центризм в лице Каутского, Бебеля и др. не только не боролся с ревизионизмом, но теоретически сдал ему важнейшие позиции, а практически прикрывал все изменнические действия оппортунистов. На основной вопрос программы и тактики пролетарской партии — вопрос о насильственной революции, о революционном низвержении капитализма — центризм устами Каутского и др. отвечал вначале двусмысленно: неизвестно, как произойдет смена капитализма социализмом—мирным или насильственным путем. В этом двусмысленном ответе заключалась сущность центризма в 900-х гг., когда открыто выступить за ревизионизм было опасно, ибо массы могли сразу отхлынуть от руководства. Это была пора революционного подъема в восточной части Европы, эпоха революции 1905 г., закончившая собою эру „мирового" развития капитализма.

Наступившая после поражения революции 1905 г. реакция и начавшийся накануне войны новый революционный подъем заставили центристов выступить более открыто против революционных методов борьбы. Когда, начиная с 1908 г., рабочие массы Германии все решительнее начали выступать за внепарламентские методы борьбы, завоевывая улицы, выступая с демонстрациями, угрожая применением „русских", т. е. большевистских методов борьбы, выдвигая вновь в порядке дня вопрос о всеобщей стачке, центризм в лице Каутского заявил себя уже определенным сторонником парламентских методов, высказываясь категорически против всеобщей стачки, против революционных методов низвержения буржуазии. Накануне Магдебургского партейтага (1910 г.) Каутский объявил о том, что главная опасность — левая. Это означало, что между центризмом и ревизионизмом нет по существу разногласий по решающим вопросам. Так завершилась эволюция центризма, закончившаяся к моменту войны полным единогласием центристов с ревизионистами по вопросу о поддержке буржуазии в войне.

На международных конгрессах ревизионистско-центристские вожди германской социал-демократии, начиная с 1907 г., занимают все более реакционную позицию, высказываясь по решающим вопросам в оппортунистическом смысле. Так, по колониальному вопросу делегация германских социал-демократов высказывается за поддержку колониальной политики империалистической буржуазии, требуя только более мягких методов обращения европейцев с туземцами. Каутский лицемерно прикрывает эту позицию, высказываясь, якобы, против колониальной политики и вместе с тем отказывая колониальным рабам в праве на восстание против метрополии. По военному вопросу Бебель прямо высказывается за поддержку буржуазии в войне, за „защиту отечества", прикрываясь оппортунистической теорией различения наступательных войн от оборонительных. Профсоюзные вожди германского рабочего движения, являвшиеся ярыми оппортунистами, все более наглеют. Накануне войны они всецело поддерживают политику соглашательства с буржуазией, ведут только борьбу „за пятачок". Ленин, великолепно видевший эти процессы в германской социал-демократии, громит задолго до войны оппортунизм и центризм, требует организационного разрыва с ревизионистами, призывает „не подражать" германскому оппортунизму, вскрывая единую суть русского центризма — троцкизма с немецким центризмом — каутскианством.

Революционный протест германских рабочих против оппортунизма возглавляли в Германии „левые радикалы", выдающимся теоретиком и вождем

которых была Роза Люксембург. Под ее давлением Каутский вынужден был выступить против Бернштейна. Во время революции 1905 г. она выступила горячо за применение „русских“ методов борьбы, ведя деятельную пропаганду за массовую стачку. В 1910 г. она выступает против „официозной теории“ Каутского, вскрывая трусливость и оппортунизм, требуя вновь применения внепарламентских методов борьбы. Ее соратники К. Либкнехт и др. вскрывают основные противоречия империализма, требуя разрушения буржуазного государства, ведут антимилитаристскую пропаганду.

И все же ни Роза Люксембург, ни ее соратники не могут встать по-решающим вопросам на последовательно-революционные позиции. Имея за собой „революционные дела“, Роза Люксембург и все „левые радикалы“ не в состоянии повести за собой массы в бой против капитализма. Они ошибаются по вопросу империализма—Роза Люксембург вслед за Каутским трактует империализм как „политику“ буржуазии, выдвигает теорию автоматического краха капитализма, краха, который воспоследует тогда, когда исчерпаются возможности реализации прибавочной стоимости среди „третьих лиц“ в аграрных странах, т. е. когда аграрные страны индустриализируются. В ожидании завершения этого процесса можно было отложить пролетарскую революцию, так как она оказывалась явно преждевременной и безнадежной.

Если Роза Люксембург этих выводов из своей собственной теории не делает, то это объясняется ее субъективной революционностью. Но именно из этой ее, по существу ревизионистской, теории вытекало непонимание революционной роли крестьянства и колониальных народов, как резервов пролетарской революции. Легко увязать с этой ее теорией взгляды Розы Люксембург на соотношение между стихийностью и сознательностью в рабочем движении, непонимание социальной базы оппортунизма, фетишизацию „единства“.

Роза Люксембург и все „левые радикалы“ не понимали значения большевистской партии, как партии нового типа, которая, во-первых, рвет со всякими остатками оппортунизма, беспощадно выбрасывает ее носителей из собственной среды, во-вторых, вводит железную дисциплину в своих рядах, в-третьих, не ждет, когда революция, вооруженное восстание стихийно произойдет, а подготовляет, организует революцию, вооруженное восстание. Поэтому не случайно Роза Люксембург, вместе с Каутским, Бебелем, вместе со всеми русскими меньшевиками выступила в 1903—1904 гг. против основных положений ленинизма в организационных вопросах.

Не случайно также Роза Люксембург в своей проповеди внепарламентских методов борьбы не шла дальше всеобщей стачки, не ставила даже вопроса о вооруженном восстании. И вообще, в вопросе о насильственных методах борьбы Роза Люксембург часто солидаризировалась с оппортунистами, заявляя, что она против революции „вил и топоров“. Левые радикалы не понимали также необходимости „слома“ государственной буржуазной машины и замены ее пролетарским государством. Панекук писал о разрушении государства, скатываясь к полуанархизму.

Выводом из всех этих ошибок по вопросам революционно-пролетарской теории и тактики было то, что „левые радикалы“, критикуя оппортунистов и центристов, накануне войны продолжали оставаться в рядах социал-демократической партии Германии, не только не ставя вопроса о расколе, но и не помышляя о создании собственной фракции. Революционные рабочие были дезориентированы такой политикой: своей фетишизацией единства Роза

Люксембург, звавшая массы к внепарламентским, революционным методам борьбы, вместе с тем сеяла в них иллюзии, что оппортунистически-центристское руководство германской социал-демократии является единственной силой, способной дать им освобождение от капиталистической эксплоатации.

Вот почему Ленин, поддерживавший „левых радикалов" в их „революционных делах" *(Сталин)*, в их выступлениях против оппортунизма и центризма, вместе с тем подвергал критике их ошибки и заблуждения, толкая их на более последовательные лозунги и действия. Только меньшевистско-троцкистским контрабандистам, как это показал т. Сталин в своем письме в редакцию „Пролетарской революции", необходима клевета на Ленина, будто он „из фракционных побуждений" подвергал критике действия „левых радикалов". На самом деле подлинно революционная позиция Ленина указывала единственный путь германским революционным рабочим из тупика, в который их загнало оппортунистическое руководство германской социал-демократии. Трагедия германского пролетариата накануне войны заключалась в том, что он не имел последовательной революционной, марксистско-ленинской партии, что даже „левые радикалы" не смогли вести последовательную революционную тактику. Это предопределило и дальнейшие судьбы германского рабочего движения во время империалистической войны.

II. БОРЬБА ВНУТРИ ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

Социал-шовинизм, партийное правление и каутскианство

„Оппортунисты победили, они ликуют, они „в своей тарелке",—писал Ленин 1 ноября 1914 г. (Соч., т XVIII, стр. 68.) Но „оппортунисты — зло явное" — говорил Ленин еще 17 октября того же года. (Там же, стр. 54.) И действительно, дела и слова оппортунистов, превратившихся в социал-шовинистов, говорили сами за себя.

Вслед за голосованием 4 августа 1914 г. первых военных кредитов произошло достаточное количество поучительнейших событий.

1. Для „обработки" общественного мнения нейтральных стран в пользу Германии были посланы: в Швецию—профсоюзный бюрократ Янсон, в Швейцарию — Рихард Фишер, в Голландию — Шейдеман. Зюдекум в Италии так наглядно показал себя в роли агента германского правительства, что, по выражению Ленина, „добрые люди ахнули". (Там же, стр. 271.)

2. 28 сентября 1914 г. член партийного правления Отто Браун открыто заявил, что из боязни партийного разгрома партия с 20 млн. капитала и 11 тыс. служащих не могла голосовать против кредитов.

3. Печатные труды и статьи социал-шовинистов были похвально-откровенны. Кольб проклинал „революционную фантастику". Ленч и Кольб заявляли, что социал-демократы должны мобилизоваться для спасения капитализма. Кларк удостоверил, что немецкое правительство „не препятствует" социал-демократам вступить в переговоры с социалистами враждебных стран о мире. Винниг свою брошюру „О задачах немецкого рабочего класса" препроводил с почтительной запиской Вильгельму II. Гейльман полагал, что от оборонительной войны победитель должен „кое-что" выиграть. „Колокол" — орган бывшего радикала Парвуса — проповедывал аннексии в масштабе „военной партии".

4. Постепенно тайное делалось явным: 30 правых социал-демократов шли на фракцию 3—4 августа с намерением голосовать за кредиты, не останавливаясь даже перед расколом; „колеблющихся" социал-демократических депутатов „обрабатывал" с помощью своих друзей—буржуазных „прогресси-

стов" — вождь баденских оппортунистов Людвиг Франк, пошедший добровольцем на войну и вскоре убитый. Еще не знали, что Гейльман по указанию военного министерства выпустил 28 июля 1914 г. листок о неизбежности войны „вследствие позиции России". Но и того, что знали, было достаточно.

Однако партийное правление все еще держало в своих руках значительное большинство организаций. Причина этого заключалась прежде всего в том, что социал-шовинисты имели за своей спиной поддержку буржуазии и правительства. В их руках была партийная власть, партийная касса, пресса, контрольная комиссия, возможность разгона целых организаций, „испытанный" аппарат партийных и профсоюзных чиновников. Их прикрывал социал-демократический *центр*, о котором Ленин говорил, как о „зле прикрытом и опасном всего более". (Соч., т. XVIII, стр. 54.)

По выражению Ленина, угнетающий класс для охраны своего господства нуждается в двух функциях: палача и попа. Каутскианство выполняет функции попа, обязанность которого — примирять массы с существующим порядком, рисовать „перспективы смягчения бедствий", отваживать от революционных действий", разрушать „революционную решительность" масс. (Там же, стр. 259.)

Каутский в начале войны был за кредиты. Более „левые" редакторы „Форвертса" — Гильфердинг, Генрих Штребель и др. — писали в своем заявлении от 4 августа 1914 г., что голосование за военные кредиты означало „тяжкий удар для Интернационала".

Под напором пришедших в себя партийных низов Штребель вскоре был вынужден высказаться на собрании берлинских партийных бюрократов за „давление" на правительство в целях мира. Гаазе на заседании фракции 29 ноября 1914 г. обозвал голосование кредитов „разгромом наших партийных принципов".

Второе голосование кредитов усилило недовольство массы членов партии. Это особенно сказалось, помимо Штутгарта, в Берлине, Бремене, Дрездене, Лейпциге и Гамбурге.

Накануне голосования 20 марта 1915 г. в рейхстаге бюджета (правительство включило военные кредиты в бюджет) против бюджета во фракции было подано уже 35 голосов (более $^1/_3$ присутствовавших), а в общепартийном комитете (Parteiausschuss) — 10 ($^1/_4$). На заседании рейхстага 20 марта 1915 г. дальше речей дело естественно не пошло.

Революционная оппозиция и начало размежевания с каутскианством

Рядом с „оппозицией" Каутского — Бернштейна — Гаазе — Ледебура, с ее более „правыми" или более „левыми" оттенками, развивалась в Германии подлинная революционная оппозиция.

В Берлине вечером 4 августа 1914 г. собралась группа, образовавшая впоследствии союз „Спартак". Она состояла из Розы Люксембург, Карла Либкнехта, Франца Меринга, Клары Цеткин, Юлиана Мархлевского (Карского) и др. 2 декабря 1914 г. Карл Либкнехт, преодолев и свои первые колебания (4 августа он, подчиняясь партийной дисциплине, голосовал еще за кредиты) и колебания Розы Люксембург и др., *один* в рейхстаге голосовал против кредитов на войну. Этим историческим мужественным выступлением Карл Либкнехт *выделил* действительную революционную оппозицию от оппозиции Гаазе и К°.

К концу 1914 г. появилась и антивоенная подпольная литература. В германской социал-демократии, приученной „вождями" к „легальности", это представляло огромный шаг вперед. Но ни „нидербарнимский материал для

референтов" (конец 1914 г.), ни листовка Ауслендера „Мир харкает кровью" (начало 1915 г.) не шли еще дальше требования мира. Большевистского лозунга превращения войны империалистической в войну гражданскую в них не было.

Штутгарт, бывший еще перед войной крепостью левых радикалов, стал сразу центром революционной оппозиции. Здесь всего раньше произошел раскол.

Но письмо штутгартской организации к Циммервальдской конференции (сентябрь 1915 г.) не шло дальше лозунга „совместной борьбы за мир".

В Бремене революционная оппозиция во главе с Книфом, Радеком и др. сохраняла прежнее название левых радикалов. Раскол произошел после захвата социал-шовинистами и „оппозицией", руководимой Генке, органа левых радикалов „Бременской гражданской газеты" (1915 г.). Но с июня 1916 г. стал выходить леворадикальный журнал „Рабочая политика". Слабые группы левых радикалов выделились также в Гамбурге и Дрездене. Третья группа революционной оппозиции образовалась вокруг журнала Юлиана Борхардта „Лучи света".

Раздробленность революционной оппозиции служила сама по себе большим препятствием к развитию ее деятельности. Но кроме этого политические выступления оппозиции на Бернской женской конференции (март 1915 г.) и на Бернской конференции социалистических организаций молодежи (апрель 1915 г.), выставившей каутскианский лозунг „разоружения", показали, что группа Роза Люксембург — Меринг — Клара Цеткин находится еще „в сетях" каутскианства.

Группу Розы Люксембург отличало стремление избежать раскола социал-демократии и завоевать партию изнутри. Отсюда колебания, особо сильно проявившиеся у Клары Цеткин в Берне, в отношении разоблачения прикрытых социал-шовинистов-каутскианцев.

В этом смысле выход № 1 „Интернационала" (12 апреля 1916 г.) был крупным шагом вперед.

Ленин главную заслугу журнала видел в борьбе его с каутскианством и в размежевании левых с оппортунистами („О брошюре Юниуса"). Начало борьбы было настолько хорошо, что „*все* разновидности" оппортунистов подняли бешеный вой". (Соч., т. XVIII, стр. 157.) Но группа Интернационала, сделав шаг вперед, очень скоро сделала шаг назад. Настроение масс все ухудшалось. В июне 1915 г. „Письмо в правление" социал-демократической партии собрало до тысячи подписей ответственных партийных работников. Оно было плодом *совместной* работы „левого" крыла „оппозиции" и группы Интернационала.

Только Троцкий мог приравнять № 1 „Интернационала" к „Письму", которое умалчивало о каутскианстве и призывало эберто-шейдемано-легиенскую компанию из партийного правления „прекратить дело разрушения партии", „открыть" по всей линии классовую борьбу, „социалистическую борьбу за мир" и пр.

После появления „Письма" не могли не выступить и ответственные вожди „оппозиции". Бернштейн, Гаазе и Каутский опубликовали в „Лейпцигской народной газете" статью „Заповедь часа". „Вожди" сделали очень важное открытие: „господствующие классы ведут аннексионистскую войну", народ же „все более стремится к миру". По этому случаю партийное правление приглашалось вернуться к „лучшим традициям прошлого". Ленин писал о манифесте Каутского и Гаазе вкупе с Бернштейном, „которые увидели,

что массы левеют, и готовы теперь „помириться", с левыми, конечно ценою сохранения „мира" с Зюдекумами. Поистине, „Mädchen für alle" (проститутки). (Соч., т. XVIII, стр. 281.)

Большинство партийного правления и фракции рейхстага обвинило председателя партийного правления и фракции рейхстага Гаазе в „пронунсиаменто" (военном бунте). Партийный комитет (30 июня — 1 июля 1915 г.) осудил нелегальную и „подрывную" работу меньшинства.

Перед походом на оппозицию и председателя партии и фракции партийное правление озаботилось „забронироваться" и опубликовало „Призыв к миру", сообщив при этом, что его хотели выпустить „еще" 7 мая. Задержка-де была вызвана вступлением в войну Италии. Столь патриотическое объяснение „задержки" вполне соответствовало содержанию „призыва": Германия „доказала, что она непобедима и поэтому должна сделать первый шаг к миру!"

Германская социал-демократия на Циммервальдской конференции

Накануне конференции Ленин в письме к Радеку (от 20 августа 1915 г.) выражал открытое недовольство поведением группы Клары Цеткин, т. е. группы Интернационала. Он предлагал даже группе Борхардта (Борхардт *первым* заявил, что социал-демократия „ушла в отставку") выступить *с декларацией принципов*, к „которой потом рабочие будут присоединяться и думать над ней". (Ленинский сборник XIV, стр. 172—173.)

Но Ленин вскрывал и все ошибки одного из вождей левых радикалов, Карла Радека. Так, Радек говорил, что „оппозиция в Германии — продукт брожения в массах, а большевики — ориентировка небольшой группы революционеров". Шагом вперед со стороны левых радикалов было то, что они дошли до признания необходимости раскола и были в этом отношении последовательнее группы Интернационала. Однако Ленину пришлось достаточно много поработать для того, чтобы заставить Радека отказаться от ряда пережитков центризма. От этих пережитков Радек не излечился на протяжении всей войны. Они чувствовались у него и после войны и были причиной его троцкистских уклонов в недавнюю эпоху.

Для Циммервальдской конференции Радек составил проект резолюции левых. До этого Карл Радек в борхардтовских „Лучах света" и др. писал немало о социал-империализме, социал-патриотизме и т д., а когда дело дошло до манифеста I Международной социалистической конференции, он повел себя наподобие Клары Цеткин в Берне. Самый проект вышел, по словам Ленина, слишком академичным: „он — не боевой призыв, не боевой манифест". (Там же, стр. 177.) В проекте Радека не было, по словам Ленина, „ни слова о социал-шовинизме и оппортунизме и о борьбе с ним". Ленин ставил Радеку в упор вопрос: „Зачем такое прикрашивание зла и прикрытие от рабочих масс их главного врага — социал-демократических партий?" (Там же.)

В Циммервальде немецкая делегация была представлена тремя группами: а) „левое" крыло „оппозиции" — Ледебур, Адольф Гофман и др.; б) группа Интернационала — Эрнст Мейер и Берта Тальгеймер; в) „интернациональные социалисты Германии" — Юлиан Борхардт.

Группа Интернационала все время подвергалась правительственным преследованиям. 7 февраля 1915 г. Карл Либкнехт был взят на военную службу. Немного времени спустя посадили в тюрьму Розу Люксембург. С мая по август 1915 г. были арестованы Клара Цеткин, Вильгельм Пик и др.

Но общая линия группы Интернационала и ее ошибки не вытекали из того, что вожди оказались „изъятыми" и не могли влиять на группу.

Брошюра Юниуса (Розы Люксембург) „Кризис социал-демократии" была написана в апреле 1915 г. (появилась в январе 1916 г.), и Ленин считал эту брошюру *шагом назад* группы Интернационала. Помимо таких ошибок, как отрицательное отношение к лозунгу поражения, исключение возможности национальных войн в эпоху империализма, предложение противопоставить империалистической войне старую „истинно-национальную революционную программу Маркса — Энгельса — Лассаля 1848 г." (Ленин говорил, что Юниус предлагает передовому классу „повернуться лицом к прошлому, а не к будущему"), брошюра Розы Люксембург умалчивала о связи социал-шовинизма с оппортунизмом. „Ни в брошюре, ни в тезисах *не* говорится ни об оппортунизме, ни о каутскианстве". (*Ленин.* Соч., т. XIX, стр. 179.)

Величайший недостаток „всего революционного марксизма в Германии" Ленин видел в отсутствии „сплоченной нелегальной организации": „В брошюре Юниуса чувствуется *одиночка*... это не есть личный недостаток Юниуса, а результат слабости *всех* немецких левых, опутанных со всех сторон гнусной сетью каутскианского лицемерия, педантства, „дружелюбия" к оппортунистам". (Там же, стр. 189—190.)

Разбирая недостатки теоретического вождя группы Интернационала и левых в Германии, Ленин подчеркивал, что свою боязнь — „боязнь раскола, боязнь договаривать до конца революционные лозунги" — левые изживут: „ход борьбы с социал-шовинистами приведет к этому". Ленин указывал, что: а) левые борются „с своими социал-шовинистами решительно, твердо, искренно, в этом их громадное принципиальное, коренное отличие от гг. Мартовых и Чхеидзе...", б) левые, „*несмотря* на свое одиночество", смогли приступить к изданию нелегальных листков и „к войне с каутскианством". (Там же, стр. 190.)

Неверно было бы сказать, что группа Интернационала в Циммервальде все время шла нога в ногу с Ледебуром — А. Гофманом. На конференции был поставлен вопрос об обязанности социалистических партий отклонять военные кредиты. Ледебур и А. Гофман высказались против подобного „связывания" рук отдельных партий. Представители группы Интернационала решительно выступили против Ледебура. Но когда дело дошло до основного — до манифеста, до „декларации принципов", — они оказались все еще против Ленина (к проекту манифеста крайней левой на конференции из немцев присоединился только Борхардт) и вместе с Ледебуром.

Письмо, которое Карл Либкнехт, 2 декабря *один* голосовавший в рейхстаге против военных кредитов, прислал конференции, вновь показало, что он шел впереди своих товарищей по группе. Уже в июньской листовке 1915 г. (по поводу вступления Италии в войну) Карл Либкнехт дал прекрасную и точную формулу: „Главный враг всякого народа — в его собственной стране". А в письме к Циммервальдской конференции, которое, по словам Эрнеста Мейера, особо ценилось Лениным, Либкнехт требовал разрыва „с дезертирами и предателями, бросившими знамя Интернационала", и выдвигал лозунг: „Гражданская война, а не гражданский мир".

Декабрьское меньшинство

Циммервальдский манифест и подписание его от имени немецких делегатов Ледебуром и А. Гофманом не пришлись по вкусу партийному правлению. Оно в секретном циркуляре разъяснило, что сделало „все" для мира, что только оно

уполномочено „сноситься“ с братскими партиями, и отклонило от себя „всякую ответственность“ за Циммервальд.

Однако продовольственное положение все ухудшалось. Партийный комитет свое заседание от 28—29 октября должен был посвятить исключительно продовольственному вопросу. В связи с новой волной недовольства масс социал-демократическая фракция внесла 19 декабря интерпелляцию о мире. Обосновывал ее Шейдеман, а доклад фракции рейхстага Вюрцбургскому партейтагу позднее (октябрь 1917 г.) выводил необходимость интерпелляции снова из того, что Германия оказалась „сильнее всех“.

В декабрьском заседании рейхстага рейхсканцлер Бетман-Гольвег дал следующий комментарий к выступлению Шейдемана: Германия и не думает „нищенски вымаливать мир, — продовольствия сейчас хватает, и есть все возможности вести войну вплоть до полной победы. Этого, как и выступления депутата центра Шпана (он открыто высказался за „территориальные приобретения“), не могли вытерпеть даже Гаазе с Ледебуром. „Оппозиция“ свистела во время речи своего сочлена по партии Ландсберга, заявлявшего, что у правительства нет аннексионистских стремлений, а буржуазные партии ему аплодировали.

После 19 декабря 1915 г. „оппозиции“ было невозможно *не* выступить. 33 депутата заявили фракции, что они 21 декабря будут голосовать против военных кредитов. На фракции против голосования кредитов оказались уже 43 депутата. Но на заседании рейхстага даже из 33 подписавших заявление рискнули открыто голосовать против военных кредитов только 20.

Заявление, прочитанное в рейхстаге Гейером, отклоняло военные кредиты на том основании, что „военное положение Германии в настоящее время достаточно обеспечено“, продолжение войны является ненужным и явно преследует завоевательные цели. Либкнехт в „Политических письмах“ указал, что такая постановка вопроса „граничит с признанием политики 4 августа“. Оценка Либкнехтом каутскианского меньшинства была совершенно правильной. Тем не менее нельзя преуменьшать значения 21 декабря. Шаг к расколу был сделан, и социал-демократические вожди великолепно понимали это.

7—9 января 1916 г. партийный комитет осудил поведение двадцати. Особенно досталось Гаазе, нарушившему обязанности председателя партии „еще в худшей форме“, чем во времена „заповеди часа“.

От группы Интернационала к союзу „Спартак“

Начались отдельные фракционные заседания большинства и меньшинства. Одновременно наметился раскол между группой Интернационала и „оппозицией“ Гаазе—Ледебура.

Этому способствовал ряд обстоятельств. 1 января 1916 г. состоялась общегосударственная конференция (вторая по счету) „группы Интернационала“. Так крепки еще были традиции „лучших времен“ старой социал-демократии, что Роза Люксембург в статье „Вопрос жизни социализма“ („Политические письма“) рассматривала свои тезисы, обсуждавшиеся конференцией, как „применение Эрфуртской программы к теперешней задаче международного социализма“. Тезисы Розы Люксембург выставляли расплывчатый лозунг: война — войне. Но они выдвинули вместе с тем требование создания нового, социалистического Интернационала.

Это, особенно в связи с п. 4 части II тезисов (признание обязательности решений Интернационала для всех секций), вызвало резкий отпор со стороны „оппозиции“ Гаазе — Ледебура.

12 января 1916 г. декабрьское меньшинство показало себя в „парламентском деле“ Либкнехта.

Речь шла о тактике „малых запросов“ Либкнехта правительству, которую он проводил настолько мастерски, что правительство оказывалось припертым к стене и не знало, что отвечать. Ледебур резко выступил против Либкнехта рядом с Носке и Легиным. Фракция рейхстага большинством 60 против 25 голосов постановила, что Либкнехт, вследствие нарушения им обязанностей члена фракции, лишается „прав, вытекающих для него из его фракционной принадлежности“. Либкнехт очень метко ответил по поводу воя почтенного учреждения: „Степень вашего возмущения против малых запросов является для меня мерилом их ценности“, — и вскоре сам вышел из социал-демократической фракции. За ним последовал О. Рюле (в марте 1915 г. вместе с Либкнехтом голосовавший против кредитов).

В конце января 1916 г. руководство группы Интернационала решило издавать собственный информационный материал. Первое из „писем“ появилось 27 января 1916 г. за подписью: *Спартак*. В марте 1916 г. третье „письмо Спартака“ сообщило о разрыве „Спартака“ с „оппозицией“ Гаазе — Ледебура.

Образование социал-демократической Трудовой группы и конференция „Спартака“

В марте 1916 г. организуются и „декабрьская“ оппозиция и „Спартак“.

24 марта 1916 г. предстояло голосовать дополнительный бюджет. Во фракции меньшинство было против голосования, но никакого заявления о намерении выступить в рейхстаге и голосовать против этого бюджета не сделало. Не успело однако заседание фракции закончиться перед самым открытием заседания рейхстага, как Гаазе сообщил ее правлению, что он выступит от имени своих друзей против голосования за добавочный бюджет.

Последствием этого „нападения с тыла“ явилось такое заседание рейхстага, какого давно не видали. Большинство социал-демократов, поддержанное буржуазными партиями, устроило Гаазе форменную обструкцию и не дало ему говорить. Председателю пришлось закрыть „высокое собрание“. На собравшейся сейчас же вслед за тем фракции была выработана резолюция, конец которой был такой же, как и резолюции о Либкнехте: члены меньшинства „лишались“ своих прав членов фракции. 58 голосами против 33 при 4 воздержавшихся резолюция была принята, и Ледебуру не оставалось ничего другого, как пригласить „коллег“, не согласных с резолюцией, на особое совещание.

В результате его появилось сообщение восемнадцати депутатов о том, что у них „разбойнически“ отняли их права, почему они вынуждены образовать особую социал-демократическую фракцию: социал-демократическую Трудовую группу (Arbeitsgemeinschaft).

Во фракцию вошли: Бернштейн, Бок, Бюхнер, Оскар Кон, Дитман, Гейер, Гаазе, Генке, Герцфельд, Горн, Кунерт, Ледебур, Шварц, Штадтгаген, Штолле, Фохтгер, Вурм, Цубейль. Раскол *партии* являлся теперь только вопросом времени.

А спартаковцы, правильно критикуя половинчатость новой фракции, все же не понимали необходимости и неизбежности раскола, когда в своих „письмах“ говорили: „Наш пароль — не новая или старая партия, но обратное завоевание партии путем массовой революции“.

В конце марта 1916 г. состоялась третья конференция группы „Спартак". Резолюция конференции так определила задачи международной социал демократии: а) обязательное отклонение военных кредитов; б) отказ правительству во время войны во всех налогах и финансовых средствах; в) использование в парламенте всех средств для поднятия масс и побуждения их к выступлениям против войны.

Резолюция не говорила еще ни о расколе с социал-шовинистами и каутскианцами, ни о гражданской войне и в этом отношении стояла далеко ниже письма Либкнехта к Циммервальдской конференции. Но „Спартак" оформлялся. А в своем дальнейшем развитии он проявлял все более свое отличие от Трудовой группы. Это особо выявилось 1 мая 1916 г. и во время первой массовой политической стачки германских рабочих в годы войны.

III. ГЕРМАНИЯ НА ПУТИ К РЕВОЛЮЦИИ И РАСКОЛ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Углубление противоречий в социал-демократии. „Спартак" и стачка 1916 г.

После образования социал-демократической Трудовой группы заседание партийного комитета 27 марта 1916 г. признало 28 голосами против 7 основание второй социал-демократической фракции рейхстага „несовместимым с основами организационного устава партии". Старая германская социал-демократия расползалась.

Накануне 1 мая 1916 г. „Спартак" призвал рабочих к демонстрации. Он предложил Трудовой группе *совместное* выступление, но получил в ответ: „В массах нет подъема, и мы окажемся только смешными". Между тем в демонстрации 1 мая в Берлине по самому скромному подсчету участвовало 10 тыс. человек. Когда Либкнехт, обращаясь к демонстрантам, воскликнул: „Долой войну, долой правительство!", он был сейчас же арестован. Этот арест и мужественное поведение Либкнехта во время предварительного заключения и на суде необычайно подняли его авторитет среди масс.

„Спартак" в своих листовках призывал рабочих к выступлению за Либкнехта, которому угрожало от $2^1/_2$ до 10 лет каторги.

28 июня 1916 г. разразилась стачка 55 тыс. берлинских металлистов. Но не спартаковцы организовали ее, а „революционные старосты" — руководители оппозиции в профсоюзах, главным образом металлистов. А они в качестве представителей квалифицированной верхушки рабочего класса с их неизбежными еще парламентскими, демократическими и т. п. предрассудками враждебно относились к лозунгам и тактике спартаковцев.

Легин и К°, социал-демократическое партийное руководство, социал-демократические газеты обзывали стачечников „изменниками отечества". Власти свирепствовали. Стачка, продолжавшаяся 29 июня и нашедшая отклик в Брауншвейге, не дала никаких результатов, — Либкнехт был приговорен к $2^1/_2$ годам каторги,—но она *открыла* собою массовую борьбу немецкого рабочего класса против войны.

Сентябрьская конференция (1916 г.) социал-демократии и борьба с оппозицией

В виду обострения нужды пролетарских масс, их полевения и роста оппозиции внутри социал-демократии партийное руководство пошло на созыв конференции. 21—23 сентября 1916 г. заседала общегосударственная социал-демократическая конференция, в которой приняли участие Трудовая группа и спартаковцы. Обе группы внесли предложение признать, что конференция, в виду ее „искусственно подобранного состава", не имеет права выносить какие-либо решения. Голосование пока-

зало соотношение сил: за предложение Трудовой группы и „Спартака" голосовало 169, против 276. И Шейдеман и Эберт нападали на оппозицию, но призывали „к старому единству".

Содокладчиком от Трудовой группы был Гаазе. Дух „соглашения" господствовал у него во всем. С другой стороны, Кете Дункер от группы „Спартак" демонстрировала недопонимание роли каутскианства, когда, удостоверив переход вождей большинства в буржуазный лагерь, указывала на слабость, шатание и оппортунизм Трудовой группы, но тут же прибавляла: „Мы выступаем раздельно, но будем бить общих врагов сообща".

После конференции внутрипартийное положение обострилось еще более. Партийное правление использовало закрытие военными властями „Форвертса" (8 октября), чтобы захватить центральный орган партии, бывший до того в руках „оппозиции". 27—29 ноября собрания социал-демократических берлинских организаций тщетно протестовали против этого „ограбления" берлинской организации.

„Почти безвыходное" положение германского империализма в конце 1916 г. и социал-демократия

Закон об отечественной подсобной работе (вводивший фактически принудительный труд в Германии) спартаковцы сразу определили как *каторгу* для рабочих. При окончательном его голосовании в социал-демократической фракции за закон высказалось 49, против 21. Впоследствии он был социал-демократическими вождями объявлен „триумфом социалистической идеи".

Проведя „каторжный" закон, социал-демократы поспешили на помощь правительству в затеянной им „политике мира". Не кто иной, как Людендорф, в своих воспоминаниях определяет военное положение Германии к концу 1916 г. так: „Наше положение было чрезвычайно затруднительным и почти безвыходным". Людендорф говорит при этом, что Бетман-Гольвег в сентябре 1916 г. „был занят мыслью о (мирном) посредничестве президента Вильсона".

Однако аннексионистская политика германского правительства стала особо ясной, когда 5 ноября 1916 г. было объявлено о создании „свободного польского государства", т. е. были аннексированы польские губернии России.

В рейхстаге на заседании 12 декабря ни в декларации правительства, ни в речи Бетмана-Гольвега не было никаких намеков на *условия мира* или отказ от аннексий, а лишь говорилось, как и прежде, что Германия сейчас достаточно сильна для того, чтобы первой предложить мир. А Шейдеман уже „использовал" 27 февраля 1917 г. такое „мирное предложение", заявив в рейхстаге, что раз Антанта „жестоко отклонила" предложение мира Германией, то кровь, которая после этого проливается, „падает на голову противников Германии".

Затем начались социал-демократические подвиги в деле проведения „беспощадной" подводной войны. Шейдеман (в заседании рейхстага 27 февраля) хотя и сложил с социал-демократии ответственность за провозглашение (1 февраля) беспощадной подводной войны, но между прочим сказал, что „крестным отцом" решения германского правительства является Ллойд-Джордж.

Что же касается Трудовой группы, то Ледебур от ее имени высказался в рейхстаге против беспощадной подводной войны, но не пошел дальше общих рассуждений о том, что германское правительство, чтобы добиться мира, должно опубликовать „программу мира" без аннексий, что задача социалистов — выступить против империализма и пр.

Обострение подводной войны было одобрено *всеми* буржуазными партиями. Буржуазия была *едина* и в том, чтобы войну вести на средства трудящегося народа. Роль социал-демократии в вопросах налогового обложения лишний раз проявила ловкость рук этой партии. В продолжение всего 1916 г. социал-демократы неизменно оказывались здесь в „оппозиции", и буржуазия им это позволяла, ибо располагала твердым большинством, таким же, как и при обсуждении вопроса о подводной войне.

Раскол германской социал-демократии

19 ноября 1916 г. в Хемнице произошла конференция Трудовой группы. Она постановила созвать 7 января 1917 г. общую конференцию *всех* организаций, стоящих на оппозиционной точке зрения. Спартаковцы за подписью В. Крафта (Лео Тышко) разослали своим организациям 25 декабря 1916 г. циркуляр, заявлявший, что из конференции повидимому ничего не выйдет „вследствие половинчатости Трудовой группы и ее сродства с большинством партии", *но* что „Спартак" все же „считает возможным участвовать в конференции".

Это „но" губило все дело, откладывало образование ядра пролетарской партии и в конце концов передавало *инициативу* раскола в социал-демократии вождям Трудовой группы.

Конференция оппозиции „всех направлений" состоялась, вопреки травле партийного правления, 7 января в Берлине и собрала 157 делегатов с представительством от 72 избирательных округов. Соотношение сил видно из голосования основной резолюции: за резолюцию Трудовой группы высказалось 111, за резолюцию „Спартака" — 34, за резолюцию Борхардта (Международные социалисты) — 7. Политический доклад делал Гаазе, организационный — Липинский. Эрнст Мейер от „Спартака" был за „классовую борьбу против партийного правления" всеми средствами, хотя бы даже и грозил раскол; *но* в то же время „Спартак" не выступает за раскол партии — он главную задачу видит в самодеятельности и действиях масс.

Между тем поповский и пацифистский „Манифест" о мире, составленный Каутским, и резолюция по этому же вопросу Курта Эйснера (из крайнего шовиниста в начале войны превратившегося в пацифиста) были приняты конференцией.

Спартаковцы, не отгородившись от такой „декларации" и не порвав с Трудовой группой, *не* способствовали прояснению сознания передовых рабочих.

С другой стороны, как бы ни стремились спартаковцы избегнуть раскола, раскол подготовляло само партийное правление.

9 февраля 1917 г. правление Трудовой группы опубликовало обширное воззвание, где приводились примеры „работы" социал-демократического партийного правления; как правило с партийными организациями обращались так: там, где оппозиция была в меньшинстве, ее просто исключали; там, где она была в большинстве, — создавалась „новая", верная партийному правлению организация.

Теперь оказались вынужденными пойти на раскол и *вожди* Трудовой группы: они призвали членов оппозиции к созданию обособленных организаций, которые должны были съехаться на новую конференцию.

Подготовка конференции происходила уже в новой обстановке: в России победила Февральско-мартовская революция 1917 г.

Под влиянием Февральско-мартовской революции в России

Когда произошла Февральско-мартовская революция 1917 г. в России, Эберт поспешил послать „русским социалистам" телеграмму, в которой от имени немецкого народа он выражал симпатии русской революции.

Социал-шовинист Кунов открыто писал о необходимости для России сепаратного мира с Германией. Правительство и буржуазия расценивали революцию в России с точки зрения возможности перебросить большие войсковые части с восточного фронта на западный или даже заключить с Россией сепаратный мир.

Но уже апрельское „Письмо Спартака" показало, что у германской буржуазии русская революция вызывает и другие чувства. Буржуазия испытывала страх „прежде всего перед скверным русским примером, который мог бы испортить добрый нрав немецкого пролетариата".

Поэтому социал-демократические „вожди", помимо подготовки при помощи Боргбьерга „мирной" конференции социалистов в Стокгольме, развернули кампанию за „демократизацию" государства.

27 февраля 1917 г. на 83-м пленуме рейхстага сам Бетман-Гольвег оказался „борцом за демократию", — так туго приходилось тогда немецкому правительству.

Вильгельм II с своей стороны сообщил, особым „пасхальным" манифестом, что ко времени „счастливого окончания войны" (что, по мнению монарха, было не за горами) должна быть отменена трехклассная прусская избирательная система и расширен состав палаты господ.

Под влиянием русской революции даже буржуазия, боясь опасности революции, заговорила о „реформах". На помощь буржуазии поспешили и социал-демократы и Трудовая группа.

„Левые" Гаазе—Ледебуры—Дитманы судили о революции в Германии так же, как и „шейдемановцы": в Германии будет „парламентарная" борьба, а не революция. И они начали эту „борьбу", внеся в рейхстаг „программу действия", в которой требовали ответственности рейхсканцлера перед рейхстагом, скорого заключения мира без аннексий, пропорционального избирательного права и распространения его на женщин и молодежь (от 20 лет), роспуска палаты господ и т. д.

„Письмо Спартака" правильно говорило о „парламентском кретинизме" вождей Трудовой группы.

Только спартаковцы действительно приветствовали революцию в России. Но ошибки были и у них. Все майское „Письмо Спартака" было посвящено информации о русской революции, но о предательской политике меньшевиков и социалистов-революционеров в нем *не было ни слова.* Хуже того: Роза Люксембург в статье „Великая русская революция" говорила, что буржуазии в России „не так легко любезничать с Чхеидзе, как с Шейдеманом". Чхеидзе оказался лучше Шейдемана!

Образование независимой социал-демократии

Среди спартаковских организаций не было единства взглядов по отношению к учредительному съезду, созываемому Трудовой группой. Накануне его состоялась в Готе конференция „Спартака". После долгих споров было решено участвовать в учредительном съезде новой партии и присоединиться к ней, сохранив однако самостоятельность и прилагая все усилия к улучшению собственных организаций. Конференция также постановила добиваться на съезде содокладов и беспощадно разоблачать Каутского—Гаазе и пр.

На учредительном съезде, открывшемся 6 апреля 1917 г. в Готе, присутствовало 143 делегата (124 — от избирательных участков, 15 депутатов и 4 прочих). Количество представленных избирательных участков доходило до 91, или более $^1/_4$ всех избирательных участков государства.

Спартаковцы выступали на съезде как группа Интернационала, а кроме того на съезде были и представители левых радикалов Северного побережья: Бротмеркель — от Бремена и Кон — от Гамбурга, выступившие против объединения с Трудовой группой.

На съезде обсуждались три вопроса: 1) положение в партии, 2) организация и 3) „наши задачи".

„Борьба за свободу и мир", которую, цитируя Энгельса, объявлял на съезде Гаазе, оказалась столь же похожей на революцию, как Гаазе и Ледебур на Энгельса. „О признании каутскианцами „премудрости", что „в России делают революцию", а в Германии борьба „пойдет в рейхстаге", писала Роза Люксембург в „Письмах Спартака". Но как раз эту „премудрость" и преподавал Ледебур учредительному съезду.

Доклады Гаазе — Ледебура показали, каково будет *политическое* руководство новой партии. Доклад Дитмана (так же, как и решения по докладу) вскрыл в свою очередь, каково будет у партии *организационное* руководство. Центральное руководство ставилось в такое положение, что по существу не могло руководить партией. От него отходило выставление кандидатур окружных секретарей и т. п.; для „перенесения центра тяжести выступления в массы" все важные решения принимались на основании предварительного партийного референдума и пр.

Левевшие передовые рабочие Германии, с их ненавистью к старым партчиновникам социал-демократии, прошли через эту „левую" болезнь в организационном вопросе: необходимости централизованной, построенной по большевистскому образцу партийной организации не признавали не только „каутскианцы", но не понимали также и „спартаковцы". На первых порах это не могло не обеспечить огромного перевеса старой социал-демократии над новой *„Независимой социал-демократической партией Германии"*, как назвал партейтаг, по предложению Каутского, эту партию.

Помимо этого ни о каком единстве на партейтаге не приходилось говорить.

Председатель „Спартака" Геккерт (от Хемница) сделал содоклад после Ледебура. Он заявил, что между группой Интернационала и Трудовой группой имеются *„большие разноречия"*. Геккерт, коснувшись основных вопросов (империализм, защита отечества и т. д.), показал, как Каутский еще в 1911 г. говорил о возможности создания Соединенных штатов Европы и „мирного" пути развития капитализма. Он подчеркнул, что не может быть и речи о „мирном" развитии империализма, и поэтому все разговоры „центра" об арбитражных судах и т. п. лишь затемняют сознание рабочих. Совершенно правильно он заключил свой содоклад заявлением, что бороться надо не только против социал-патриотизма, но и против социал-пацифизма.

В прениях Гаазе „защищал" Каутского тем аргументом, что на Каутского нападают люди, „недостойные завязать ему башмак".

Но всех „искуснее" оказался сам Каутский. Через большое количество „но" Каутский в своей речи добрался до диктатуры, а в составленном им для съезда манифесте — о диктатуре не сказал ни слова. Требования, которые выставлялись манифестом, были переложением известной „программы действия" Трудовой группы. Тем удивительнее, что манифест был принят

на съезде *всеми* голосами против одного: „спартаковцы" и тут показали свою политическую незрелость, свою идейную зависимость от центристов.

Первые действия НСП (Независимой социал-демократической партии) после съезда подтвердили то, что показал съезд: образовалась не революционная партия пролетариата, а партия, составленная из самых разнородных элементов. *Ее рабочие низы* инстинктивно тянулись к борьбе, действию и революции. Ее *руководство* было каутскианским, центристским, т. е. наиболее опасным для дела борьбы и победы пролетариата.

IV. ОТ АПРЕЛЬСКОЙ СТАЧКИ 1917 г. К ЯНВАРСКОЙ СТАЧКЕ 1918 г.

Апрельская стачка 1917 г.

В центральный комитет НСП за исключением Шнелльбахера (Ганау), принадлежавшего к „группе Интернационала", были избраны приверженцы прежней Трудовой группы. Этому руководству пришлось через неделю после партейтага показать себя в апрельской стачке 1917 г.

Поводом для возникновения стачки было сокращение с 16 апреля хлебного пайка. Но даже Шейдеман говорит, что „движение выросло на почве не только продовольственной нужды, но и политического озлобления". Генерал фон Врисберг („Der Weg zur Revolution 1918—1919") признает, что стачка показала „начало радикализирования масс, как и части организованных в профсоюзы".

Но ни руководство НСП, ни революционные старосты, в большинстве своем принадлежавшие к новой партии, *не смогли возглавить движение сотен тысяч рабочих.*

Во все время стачки Эберт, Шейдеман, Легин, Бауэр, Р. Шмидт, Молькенбур почти ежедневно „совещаются" с министрами, рейхсканцлером и генералом Гренером. Но *на словах* социал-демократические вожди оказались *не* против стачки. Адольф Коген, которого в марте 1916 г. металлисты чуть не вышвырнули с его председательского поста в профсоюзе, *руководил* теперь генеральным собранием металлистов 15 апреля 1917 г. в Берлине. Он очень ловко повернул дело так, что все движение свелось *к продовольственному вопросу.*

Но „продовольственный" характер стачки мог измениться в *политическую* сторону с каждым днем затягивания стачки. В Берлине Гаазе, Ледебур и другие не выработали цельной программы требований стачечников и ограничились устными выступлениями перед рабочими, выдвигая главным образом вопросы мира и демократизации. В „крепости" независимых — в Лейпциге — появилась не только политическая программа, но и возник *первый* в Германии *совет.*

Лейпцигская „программа" с ее требованиями улучшения продовольствия населения, „готовности" правительства к миру без аннексий, „демократизации" Германии и т. д. проникла в Берлин. Тогда военные власти решились действовать. Полковник фон Фельдман (под его руководством находились предприятия военного снаряжения) издал приказ, по которому рабочие должны были 21 апреля стать на работу. Не явившиеся на работу и военнообязанные переводились на солдатское жалование и подчинялись военным законам. Германская буржуазия пошла напролом и выиграла дело. А Когену удалось с своей стороны незначительным большинством (на генеральном собрании металлистов) сорвать забастовку.

Влияние спартаковцев на стачку было незначительно. Крайний предел радикализма независимых — это Лейпциг, где пообещали „повсюду" создать советы, но затем призвали к прекращению стачки. Профсоюзные вожди окончательно провалились в глазах рабочих. Но социал-демократическое *партийное* руководство вышло сухим из воды.

Шейдеманы и К⁰ по „радикальности" (на заседании парткомитета и фракций рейхстага и ландтага 18—19 апреля они помимо „демократизации", приветствия русской революции и т. п. договорились до необходимости для германских социал-демократов бороться с шовинизмом) не уступали независимым. Они „поддержали" апрельскую стачку резолюцией 18—19 апреля и провалили стачку на совещаниях у Бетмана-Гольвега.

Стокгольмская конференция, германские социал-демократы и НСП

Окончание апрельской стачки отнюдь не означало улучшения настроения рабочих и народных масс. 15 мая 1917 г. Шейдеман выступил в рейхстаге с речью, в которой намекнул даже на опасность революции. После этого началась спекуляция на Стокгольмской конференции.

Роза Люксембург в „Письмах Спартака" (№ 6, август 1917 г.) обозвала всю стокгольмскую историю выразительным словом: „Humbug" (шарлатанство). Ничем другим она и не была, причем поведение независимых оказалось вполне достойным шейдемановцев. Последние составили „Меморандум", независимые сочинили „Манифест". Чем отличался „Манифест" от „Меморандума"? „Арбитражный" обман (арбитражи, Лига наций и т. п.) имеется в обоих документах. Но если „Меморандум" недвусмысленно говорит о том, что Германия сохраняет за собою польские области, то „Манифест" не осмелился ясно сказать о праве поляков на отделение. И то же в эльзасском вопросе или в вопросе о колониях, где идут бесподобные рассуждения о том, что владение колониями вообще „не способствует экономическому развитию", а с „другой стороны" колонии остаются и у Германии.

Каутскианство снова показывало себя. Оно клялось „пролетариатом" и „социализмом" и одновременно обделывало дела „своей" буржуазии — вплоть до „интернациональной свободы торговли", т. е. той же „свободы морей", которой требовал германский империализм.

Как известно, из стокгольмской затеи впоследствии ничего не вышло, но Шейдеман и К⁰, вернувшись из Стокгольма, были уже 23 июня у министра Циммермана, который порадовал их такими словами: — „Вы проделали работу отменно. „Меморандум" — поистине великолепный труд".

Большинство рейхстага, победа ставки, „Спартак" и НСП

Третье июля 1917 г. ознаменовалось в главном комитете рейхстага „большим выступлением" Эберта. Эберт указал, что в Германии „народ потерял всякое доверие к правительству и его заявлениям". 6 июля вождь „левого" крыла центра Эрцбергер заявил в том же комитете, что силы противника растут, силы Германии падают, расчеты на беспощадную подводную войну рухнули, необходимо опубликовать декларацию о мире-соглашении и сделать политические выводы для всей внутренней политики — всеобщее избирательное право и „тесное сближение правительства с парламентом".

„Левение" буржуазии, захватившее на время даже национал-либералов в рейхстаге, было однако не чем иным, как — по выражению „Письма Спартака" (август 1917 г.) — *фарсом*. Ибо каковы были *результаты* двухнедельных трудов по „парламентаризированию" Германии? — Новое обещание

кайзера, что правительство внесет законопроект о введении всеобщего избирательного права в Пруссии, „падение" Бетмана-Гольвега и июльская резолюция рейхстага. Но Бетман-Гольвег был свергнут 13 июля 1917 г. верховным командованием потому, что казался пангерманцам и консерваторам недостаточно твердым. Для этих господ даже разговоры о новой ориентации были „изменой отечеству".

Что же касается пресловутой резолюции 19 июля 1917 г., принятой затем рейхстагом, то она начиналась с того, что Германия вступила 4 августа 1914 г. в войну, не преследуя (!) завоевательных целей, а для защиты своей свободы и самостоятельности. Затем шло заверение, что „рейхстаг стремится к миру-соглашению и длительному примирению народов", причем должна была быть обеспечена „свобода морей". До тех пор однако, пока враждебные правительства не идут на такой мир, — немецкий народ будет драться „как один человек".

И против такой резолюции высказалось все же 126 депутатов и воздержалось 17 (консерваторы, часть немецкой фракции, национал-либералы, несколько членов центра, независимые социал-демократы); за резолюцию голосовало 212 депутатов. А все „заключил" новый канцлер — Михаэлис. Он заявил в своей речи, что принимает резолюцию большинства, но так, „как он ее понимает". После этого от „июльских дней" ничего не осталось. Но и „победа" верховного командования, юнкеров, финансового капитала была невелика. Новый канцлер воплощал в своей фигуре все разложение старой системы. На верховный государственный пост не нашли никого другого, кроме человека, откровенно говорившего, что он до сих пор „бежал за политической колесницей" в качестве „непричастного современника" и что он желает вести свою линию в полном согласии с верховным командованием.

После июльских дней Шейдеман недаром констатирует наличие „похмельного" состояния. Эрцбергер удостоверил, что в „самой партии центра все шире развивались пангерманские тенденции..."

Такой поворот и „победа" верховного командования вытекали из внешне хороших, по выражению генерала Мозера, военных итогов 1917 г. (неудача наступления Антанты на фронте Аррас — Эн, в Шампанском сражении, во Фландрии, разгром немцами наступления Керенского, занятие ими Риги, поражение итальянцев при Фличе-Тольмейн и неудача англичан под Камбрэ в ноябре 1917 г.).

В связи с „*внешне* хорошими итогами" укреплялся курс правительства и поднимала голову „отечественная партия" (пангерманцы). Поэтому ответ на „мирную" ноту Бенедикта XV был задержан.

Орган независимых „Mitteilungsblatt" *приветствовал* между прочим выступление Бенедикта XV, которое будто бы „подготовляло" социализм. Но Бенедикт XV предлагал ограничение вооружений „до размеров, необходимых для поддержания порядка в каждом государстве". „Письмо Спартака" очень верно говорило, что папа предлагает ограничение вооружений до „размеров", которые необходимы, чтобы держать в руках „внутреннего врага", т. е. рабочие и трудящиеся массы, а независимые это „просмотрели".

Спартаковцы неустанно разоблачали суть социал-пацифизма, „болотного социализма", и это было тем необходимее, что последний снова продемонстрировал, кому он служит, на третьей (и последней) Циммервальдской конференции в Стокгольме.

Конференция открылась 5 сентября 1917 г., и на предварительных совещаниях от независимых участвовали: Ледебур, Гаазе, Штадтгаген, Гофер, Герцфельд, Оскар Кан, Луиза Циц, Карл Каутский и Эдуард Бернштейн. Спартаковцев представляла Кете Дункер. Результатом конференции был „Манифест", в котором пролетариат призывался к международной стачке против войны. Насчет превращения империалистической войны в войну гражданскую циммервальдский манифест умалчивал, а Гаазе выступил даже и против массовой стачки.

Наиболее же интересным для характеристики независимых оказалось следующее: „левая" Луиза Циц после конференции вновь срочно прибыла в Стокгольм и сообщила, что в Германии произошли беспорядки во флоте. Так как правительство прибегает к репрессивным мерам, которые „угрожают всей организации", то... надо обождать с опубликованием „Манифеста". Луиза Циц действовала *от имени* НСП, и эта партия при первом серьезном испытании показала всю трусость и весь „легализм" своего руководства.

Первые крупные волнения в германском флоте

Флот комплектовался преимущественно из среды промышленного пролетариата. И кроме того ряд документальных данных, и в том числе книга морского офицера Э. Альбольдта, вскрыл тот режим, который царил во флоте. Хорошо было и в армии, но во флоте — еще лучше.

На крейсере „Нюренберг" матросы за 5 месяцев получили 248 дней ареста и 152 штрафных наряда по кораблю. Беспробудно пьяное „благородное" офицерство *било* матросов. Продовольствие рядового состава флота становилось все хуже, — для офицеров имелось *все*.

Летом 1917 г. среди матросов возникло движение за вступление в НСП, и на корабле „Король Альберт" была составлена резолюция, *подписанная 400 матросами*, в которой говорилось, что все подписавшиеся переходят в ряды НСП. Резолюция высказалась за мир без аннексий и контрибуций и выразила надежду на то, что Стокгольмская конференция социалистов прекратит „братоубийственную бойню международного пролетариата". Независимой социал-демократии выражалось особое доверие, ибо она, по словам резолюции матросов, „всего энергичнее представляла наши интересы и вследствие этого единственно заслуживает нашего доверия".

До этого матросы в июне связались с независимыми депутатами рейхстага. Когда был издан приказ, запрещавший хранение и распространение социал-демократических газет и принадлежность к политическим союзам, матрос с корабля „Фридрих Великий" Рейхпич, получив отпуск, отправился в Берлин и беседовал здесь с Дитманом, Луизой Циц, Фохтгерром и Гаазе. Последние в общем сказали Рейхпичу, что матросы „должны с надеждою смотреть на Стокгольм", и призывали моряков к „большой осторожности". Причины, приведшие к тому, что во флоте наиболее сильным оказалось влияние независимых, заключались в слабости работы спартаковцев и левых радикалов среди моряков и в армии, в малом количестве нелегального материала и большей доступности *легальных* газет независимых, главным образом „Leipziger Volkszeitung". Флот показывал то же, что и *массы* германских рабочих: левение *через* независимых. Но матросы сразу пошли дальше вождей НСП.

Социал-демократические писатели обычно рассказывают, что беспорядки во флоте носили „продовольственный характер". Приведенная резолюция

не оставляет никакого сомнения в *политическом* характере движения. Когда матросы принудили начальство к организации так называемых „продовольственных комиссий" (род контроля с участием представителей матросов над снабжением экипажей), то Рейхпич в циркуляре по судовым группам писал, что продовольственные комиссии являются „первым шагом к образованию матросских советов по *русскому образцу*".

Нелегальные группы на судах объединялись центральным руководством, находившимся на „Фридрихе Великом". 1 октября 1917 г. очередной свободной вахте корабля „Принц Луитпольд" был запрещен обычно допускавшийся выход в город. В знак протеста 400 матросов покинули самовольно корабль и устроили в городе собрание, на котором говорил матрос Кевес. После возвращения на судно был получен приказ: „выйти в море". Одновременно центральное руководство матросов выставило лозунг: „Ехать; если в течение трех дней не будет известий, то выступать".

Но готовившееся выступление было сорвано арестами. Суд присудил 75 „бунтовщиков" к 181 годам каторжных работ и 180 годам тюрьмы. Кроме этого из пяти первоначально приговоренных к смертной казни было расстреляно двое (Рейхпич и Кевес). Даже А. Розенберг говорит, что эта расправа „безгранично озлобила" экипажи судов и что с лета 1917 г. военный германский организм получил „открытую рану". Листовка спартаковцев, озаглавленная „Следуйте их примеру", отметила: „Эти жертвы принесены не напрасно. Восставшие матросы Вильгельмсгафена дали своим товарищам по классу сигнал и пример".

В первых числах октября 1917 г. Ленин писал: „В Германии начало революции явное, особенно после расстрела матросов". (Соч., т. XXI, стр. 293.)

Канцлерско-министерская чехарда

Что „непричастный современник" Михаэлис никуда не годился — это видел и такой крупный представитель буржуазии, как К. Гельферих („Der Krieg, ч. 3). Своим выступлением в рейхстаге 9 октября Михаэлис окончательно себя зарезал.

Он заявил, что НСП преследует цели государственного переворота и что она поставила себя вне закона. Тогда „в защиту НСП" и против канцлера выступили от центра Тримборн, от прогрессистов — Науман и от социал-демократов Эберт. Достойно внимания, что и национал-либералы не поддержали рейхсканцлера. Гаазе, Дитман и Фохтгерр с своей стороны „доказали", что ничего не знали о революционных планах матросов и тем менее их поддерживали. Они рекомендовали матросам только „легальную" литературу и не выходили из рамок закона. Ноябрьское „Письмо Спартака" говорило: „...вместо того... чтобы прокламировать классовую борьбу и создать событие международного исторического значения, Гаазе—Дитман окопались за спиной своей лилейно-белой невинности и заработали себе защиту и помощь Наумана, Тримборна и Эберта". А историк НСП Евгений Прагер полагает, что его партия 9 октября „заслужила шпоры" и проявила „последовательную политику".

В действительности „большинство рейхстага" воспользовалось „неудачным" выступлением правительства (это признают и Гельферих и генерал Врисберг, не говоря уже о принце Максе Баденском), чтобы свалить Михаэлиса.

Вслед за „революционными" июльскими днями пришли „октябрьские" дни: возня вокруг создания нового правительства. И если они окончились, как

говорило „Письмо Спартака“ (ноябрь 1917 г.), такой же комедией, как и в июле, то это было лишь свидетельством *бессилия* тогдашних так называемых „серединных“ партий и социал-демократического обмана масс лозунгами „демократизирования и парламентаризации“.

На желание большинства рейхстага иметь суждение о персоне нового рейхсканцлера кайзер ответил предложением на канцлерский пост баварского министра-президента графа Гертлинга. Этот семидесятичетырехлетний старец, принадлежавший к партии центра и пользовавшийся большим влиянием в ее правом крыле, был известен „как клерикальный реакционер и отъявленный враг всех требований рабочих“. („Письмо Спартака“, ноябрь.)

Тем не менее социал-демократы голосовали за назначение Гертлинга рейхсканцлером при условии введения в правительство двух прогрессистов. Прогрессист фон Пайер после этого получил назначение на пост вице-канцлера. „Форвертс“ 1 ноября высказался в том смысле, что программа нового рейхсканцлера не содержит всего того, что желательно социал-демократии, но „в общем“ правительство „серединных“ партий обозначает „прогресс“. Спустя много лет Артур Розенберг рассудил: „Объективно правительство Гертлинга — Пайера было только парламентарным прикрытием для диктатуры Людендорфа“. *Таким* оказался „октябрьский“ итог.

Вюрцбургский социал-демократический партейтаг

Вся комедия „низвержения“ Михаэлиса и „принятия“ большинством рейхстага Гертлинга выглядит особо хорошо, если иметь в виду, что Вюрцбургский октябрьский (1917) социал-демократический партейтаг большинства (социал-шовинистов) „объявил“ борьбу за мир, демократизацию и парламентаризацию.

Наиболее любопытным на партейтаге был доклад Вильгельма Кунова о „переходной экономике“. По Кунову, после войны вопрос должен стать так: с одной стороны — упорядоченный государственный капитализм, с другой — сотрудничество профсоюзных верхов с капиталистами в соответствующих комиссариатах, центральных управлениях, экономических ведомствах и т. п. В заключительном слове Кунов солидаризировался с Ленчем, снова требовавшим передела мира (в пользу Германии). Но Кунов пояснил, что „в общем“ все развитие „сейчас идет в сторону... социализма“.

Резолюции партейтага о прекращении „партийной распри“ и „едином выступлении пролетариев всех стран“, о необходимости „мира без аннексий“ (восстановление независимости и самостоятельности Бельгии, но „резкий протест“ против планов „аннексии“ от Германии Эльзас-Лотарингии), о демократизации и пр. *повторили* все то, что социал-демократические вожди писали и говорили перед партейтагом.

Заслуживает внимания доклад Эберта.

Независимые после Вюрцбургского партейтага оспаривали количество членов социал-демократической партии, которое доклад партправления исчислял в 243 061, и говорили, что у социал-демократов осталось не более 170 тыс. (Число своих членов независимые определяли в 120 тыс.) Но Эберт не без основания говорил в Вюрцбурге о том, что партийный аппарат социал-демократической партии после раскола остался дееспособным. А спартаковцы снова совершали ошибку в духе обычного их организационного нигилизма, когда писали, что уменьшение числа членов социал-демократической партии и „пустые кассы“ у партии и у профсоюзов (они были вовсе не так пусты, обороты 1916/1917 г. составили почти 1 млн. марок)

дали будто бы такой урок: „Культ организации как самоцели, как фетиша естественно привел сначала к тому, что разрушился мозг движения, а затем выявилась и внешняя оболочка процесса разложения". (Ноябрьское „Письмо Спартака".)

„Урок" Вюрцбургского партейтага сводился не к этому. После всех предательств 1914—1917 гг., всех тайных и явных альянсов с буржуазными партиями и властями, после происшедшего раскола социал-демократия имела еще четверть миллиона членов партии, *плативших* взносы (солдаты не платили и поэтому не учитывались), и, как показал это партейтаг, верхушка была едина, сплочена и готова к дальнейшей деятельности по части обмана партийных низов и рабочего класса.

Эберг в Вюрцбурге указал, что *особо нехорошо* обстояли дела в „наиболее слабой отрасли" движения — в юношеском *движении*.

Эберт не отрицал, что оппозиция среди молодежи росла, и в то же время социал-демократы были еще вполне способны бороться и на этом участке фронта. Они за три года войны провели две конференции окружных руководств союзов молодежи (август 1916 г., июль 1917 г.) и кроме того „вели борьбу" за права рабочей молодежи по вопросам: против военного обучения молодежи, против принудительного „сбережения", за удешевление железнодорожного тарифа рабочих юношеских организаций и пр.

Вюрцбургский партейтаг, показав сохранившуюся организационную силу социал-демократии, вскрыл также и главные стремления ее вождей. Шейдеман говорил: „Немецкая социал-демократия, — я хочу это высказать совершенно открыто, — сделалась партией, непосредственно ожидающей овладеть властью в государстве". Так далеко хватил Шейдеман: Но говорил он, разумеется, не о диктатуре пролетариата. Шейдеман полагал: из первых после заключения мира выборов социал-демократы выйдут такими сильными, „что это не позволит нам наслаждаться удобствами оппозиции и передавать ответственность другим".

Но Эберту — Шейдеману и К° пришлось „взять на себя" ответственность *ранее* конца войны — *в целях предотвращения революции*.

V. ОТ БРЕСТА К РЕВОЛЮЦИИ

Октябрьская революция, Брест и январская стачка 1918 г.

Об исключительном влиянии Октябрьской революции на германских рабочих говорят все писатели — от Р. Мюллера до генерала Врисберга. Этот прилив симпатий масс к Советской России был сейчас же жульнически „подхвачен" социал-демократами. Их пресса, правда, разъяснила, что в Германии будущее развитие в сторону социализма пойдет не так как в „отсталой" России, но в то же время „Гамбургское эхо" писало, что „Россия с ее нынешней диктатурой пролетариата все же демократичнее, чем какая-либо другая страна".

С 17 декабря 1918 г. орган НСП „Социалистическая внешняя политика" открыл однако клеветнический поход против Советской России (статьи русского меньшевика Штейна). Вслед за тем Каутский разъяснил, что аграрная Россия „не созрела" для социальной революции. Но и Каутский в своей позднейшей работе („Мои отношения к НСП") признал, что „большевистские идеи приобрели могучее влияние не только на спартаковцев, но и на значительную и быстро возраставшую часть независимых".

В чем выразилось продвижение спартаковцев под влиянием Октябрьской революции? В том, что до Октябрьской революции агитация их шла по линии массовой стачки, лозунга же революции в их массовой агитации не было. Теперь лозунг революции появился, а во время новой январской стачки (о ней ниже) уточнился лозунгом перехода от стачки к вооруженной борьбе.

А в каком вопросе спартаковцы были еще опутаны сетями каутскианства? В отличие от независимых, Роза Люксембург считала, что диктатура пролетариата в России неизбежна. Обязанность и долг западноевропейского и в первую голову немецкого пролетариата *спасти* международной революцией русскую революцию, ибо иначе она осуждена на поражение. Почему? Потому что на диктатуру пролетариата в России после окончания войны „обрушатся всем своим громадным большинством два народных слоя — мелкая буржуазия городов и крестьянство". (См. „Жгучие вопросы", сентябрь 1917 г.) Роза Люксембург явно не понимала проблемы союзников пролетариата, революционной роли этого союза под гегемонией пролетариата.

Тем более тяжелым испытанием для „Спартака" явился Брестский мир. Лучшие представители германского рабочего класса еще не понимали того, что в 1919 г. стало ясно буржуазному демократу Рункелю, написавшему: „Переговоры в Бресте и Брестский мир явились предпосылками германской революции".

Когда в Бресте 12 января 1918 г. генерал Гофман раскрыл карты и показал, какой „мир" Германия в качестве „победительницы" желает навязать России, то, по выражению А. Розенберга, „безграничное стремление немецких и австрийских рабочих к миру превратилось в страстную симпатию к большевикам...

Негодование масс прорвалось прежде всего в Австрии, где положение было хуже, чем в Германии. 14 января началась австрийская стачка.

В Германии давление рабочих масс на „вождей" было так сильно, что фракция независимых в рейхстаге после значительных колебаний распространила листовку, в которой говорилось: „Рабочие, пришел час поднять ваш голос за мир". *Как* „поднять голос", „вожди" не объясняли, но 27 января 1918 г. собрание токарей в Берлине приняло решение о стачке, а 28-го заседал уже Берлинский рабочий совет в составе 414 делегатов. Стачка охватила в Берлине до 500 тыс. человек. По *всей* Германии бастовало 1 млн. рабочих почти всех важнейших промышленных центров.

Резолюция Берлинского совета выставила требование мира в формулировке советской делегации в Бресте. Она заканчивалась призывом рабочих всех стран к массовой стачке *за мир, свободу и хлеб*. Социал-демократические „вожди" в свою очередь прежде всего (как и в 1917 г.) попытались исказить, сфальсифицировать *содержание* движения. Резолюция социал-демократического партийного комитета утверждала, что „стачка направлена не против защиты страны, а против продовольственных затруднений, обострения реакции и неясной (?) позиции правительства в вопросе о мире".

После апрельской стачки 1917 г. и подвигов Когена и К° не могло быть и речи о приглашении в руководство профвождей. Тогда революционные старосты и независимые не нашли ничего лучше, как пригласить в руководство стачки партийных вождей — Эберта, Шейдемана и Брауна. Последние не заставили себя ждать. Как они „руководили" стачкой, об этом

рассказал в 1924 г. на Магдебургском процессе Шейдеман: социал-демократы вошли в стачечное руководство, чтобы предотвратить „опасность полного краха и наступления русского состояния", т. е. чтобы *задушить* стачку. У социал-демократических вождей, как это удостоверил генерал Ф. Штейн, была договоренность и постоянная связь с властями.

Вместо разоблачения этих *душителей* рабочих масс, революционные старосты Гаазе и Дитман прикрыли их, заседали с ними совместно в одном „руководстве" стачкой.

С первых дней стачки массы были головой выше своих „руководителей" из НСП. Массы прорвали осадное положение, завоевали себе улицу; все более частыми и ожесточенными становились схватки с полицией. Но Р. Мюллер, один из главных руководителей январской стачки, пишет, что руководство не хотело „гражданской войны". Соответственно с этим независимые совместно с социал-демократическими „вождями" затеяли переговоры с правительством, теряли дорогое время, уговаривали рабочих расходиться „спокойно" по домам и в конце концов, когда правительство перешло в наступление, объявили стачку законченной (3 февраля). Власти свирепствовали, арестовывали, отправляли рабочих на фронт и т. д.

Лишь спартаковцы были действительно за стачку и революцию. Они учили рабочих не повторять ошибок 1917 г., т. е. не допускать в руководство стачки профсоюзных чиновников и правительственных социалистов. Они давали верный лозунг перехода стачки в вооруженную борьбу. Даже ренегат Леви в 1929 г. в журнале „Klassenkampf" (15 января 1929 г.) писал, что „Спартак" „благодаря своим листовкам" в январскую забастовку „быстро приобрел значение" и „быстро увеличил свое влияние". И если мощное январское движение кончилось не „по-русски", как к этому призывал „Спартак", если спартаковцы были еще неспособны *организационно* руководить стачкой, то Ленин о январской стачке говорил так: „Наша революция добилась того, что во время войны во враждебной стране возникает громадное революционное движение... Впервые в мире во время войны в самой империалистической и самой дисциплинированной стране — в Германии разгорелась в январе массовая стачка". Ленин указывал, что революция начинает расти в Германии и Австрии.

Военный разгром Германии

После того как январское движение провалили его руководители, руки германского финансового капитала были развязаны. Это значило: Брестский мир и *решающее* наступление на Западном фронте. Социал-демократы большинства полностью поддержали правительство в вопросе о Брест-литовском мире. „Воздержавшись" от голосования в рейхстаге по вопросу о ратификации Брест-литовского мира в целом, они одновременно голосовали за договор с Украиной и Финляндией, т. е. благословили интервенцию против Советской России. Независимцы выдвигали „левые" лозунги и даже голосовали против Бреста, но своими действиями прикрывали социал-демократов большинства.

Но германские империалисты, „потеряв" в Бресте голову, оказались, по выражению Ленина (8 ноября 1918 г.), в „весьма некрасивом, но с точки зрения революционного пролетариата весьма полезном состоянии": они увязли, „они оказались в положении человека, который обожрался, идя тем самым к своей гибели". Германские империалисты „увязли" на Украине, на Дону, в Прибалтике, в Польше, Финляндии и т. д., преследуя и аннексионистские цели и цель *уничтожения советской власти.* (Соч., т. XXIII, стр. 265.)

Первый натиск германской армии на Западном фронте начался 21 марта 1918 г. и закончился 4 апреля. Его успех — две разбитых английских армии, захват пленных, орудий и пр. — сейчас же сказался на социал-демократической печати. 8 апреля 1918 г. „Форвертс" писал: „Теперь нет никакого другого выхода, кроме обещанной нам военной победы".

Но после первых дней „радости" в Германии не могли не разобраться в том, что решительного поражения противнику не нанесено, а немецкие потери очень велики. 9 апреля началось второе наступление германской армии, давшее уже значительно меньший успех, чем первое. Поэтому даже „Гамбургское эхо" заговорило вновь о мирных намерениях, выявленных большинством рейхстага еще 19 июля 1917 г.

Между тем правящие классы, как это бывает обычно накануне крушения, проделывали одну глупость за другой. 2 мая 1918 г. происходило окончательное голосование в прусском ландтаге правительственного проекта о всеобщем и равном избирательном праве в Пруссии. Он был отклонен 235 голосами против 183.

Социал-демократическим вождям приходилось снова повертывать „влево" от „национального" курса начала апреля. 17 мая партийное правление объявило созыв собраний под лозунгом: требовать роспуска прусского ландтага. 31 мая заседал партийный комитет. Он выразил надежду, что партийное правление вместе с фракцией рейхстага употребит все усилия, чтобы окончить войну миром на основе резолюции 19 июля 1917 г.

У партийного комитета были все основания взять „оппозиционный" тон: третье наступление Людендорфа 27 мая продолжалось два дня, снова сопровождалось некоторым успехом, но снова „нехватило сил" для развития успеха. Четвертое наступление, 9 июня, не улучшило положения, зато начатое 15 июня самостоятельное наступление австро-венгерской армии на итальянском фронте закончилось самым плачевным образом.

24 июня министр иностранных дел Кюльман выступил в рейхстаге с речью, наделавшей много шума. В своей речи Кюльман сослался на заявление генерала Смутса в Глазго о том, что войну нельзя закончить только силою оружия, и развил эту мысль так: при нынешних размерах военных операций и огромных силах, втянутых в войну, вряд ли можно ожидать конца войны исключительно военными средствами и без дипломатического вмешательства. Заслуживает внимания, что Давид от социал-демократии и Гребер от центра, выступавшие с речами, не поддержали Кюльмана. Зато граф Вестарп от консерваторов немедленно заявил, что выступление Кюльмана разлагает боевую силу армии. Затем началась „борьба" вокруг Кюльмана, ибо верховное командование считало, что во время наступления армии и ее „успехов" подобные речи ни к чему хорошему не ведут. „Борьба" продолжалась вплоть до 8 июля. Социал-демократическая пресса во главе с „Форвертсом" взяла министра иностранных дел под свою защиту. К концу четвертого года войны и *накануне* неизбежного разгрома Шейдеман и К° добрались до „заявления", что они „не в состоянии голосовать за бюджет. Но когда Кюльман 8 июля все же получил отставку и на его место был назначен пангерманец фон Гинце, социал-демократы и „большинство рейхстага" вообще приняли это как должное.

А развязка на фронте надвигалась. 15 июля 1918 г. германские солдаты в пятый раз (в 1918 г.) пошли в наступление. 18 июля оно было приостановлено войсками Антанты. В начале августа началось сокращение фронта

германской армии; 8 августа новый натиск союзников, поддержанный танками, привел к поражению II германской армии.

„После провала начатого весной наступления недовольство широких кругов населения страны росло все более", — говорит доклад правления социал-демократической партии Веймарскому партейтагу. *Вне* Германии „военная неудача в августе вызвала у наших союзников настоящую панику," — пишет Эрцбергер.

А Людендорф на совещании с кайзером заявил: особенную заботу внушает ему тот факт, что у части дивизий воинский дух оставляет желать лучшего. Дивизии, шедшей 8 августа в наступление, войска, возвращавшиеся с передовой линии, кричали: *„штрейкбрехеры"*, „продолжатели войны!".

Ставка и партия перед „революцией сверху"

При всех этих условиях верховное командование *упорствовало* еще до самого конца сентября, и на коронном совете в Спа 14 августа 1918 г. не отказывалось от аннексионистских планов.

Причины такого его поведения заключались в *особенностях* военного и политического положения.

Войска Антанты, во-первых, наступали вовсе не так быстро, как этого можно было ожидать. Спустя *три* месяца после начала контрнаступления Фоша, т. е. к 11 ноября 1918 г. германские войска стояли еще на линии Антверпен — Маас, занимая все еще чужую территорию.

С августа 1918 г. германское военное командование все время мечется между надеждой продолжать войну и паническим страхом перед возможностью восстания армии. В то же время все еще рождались надежды на возможность продолжать войну вследствие поведения „большинства рейхстага", социал-демократов и независимых в особенности.

„Форвертс" 13—14 августа, спохватившись, с целью скрыть от масс свое преступление перед Советской Россией, лицемерно обрушился на Брест-литовский мир. Однако 18 августа „Гамбургское эхо" пришло к выводу, что нападки на Брест „приносят больше вреда, чем пользы. Бывший военный министр генерал фон Штейн в своих воспоминаниях дивится двурушнической политике социал-демократов. Но подобная „политика", при которой ни о какой организации массового движения против правительства не было и речи, подбадривала верховное командование и правительство к продолжению военных действий.

А что делали вожди независимых социал-демократов?—Сентябрьское „Письмо Спартака" спрашивало „вождей": „Что намерены вы предпринять в этот исторический час со стоящими за вами массами? Где ваши листки, ваши демонстрации, ваша агитация за внепарламентские выступления?" и отвечало: „Ни о чем подобном нет и речи. Они видимо ожидают опять созыва рейхстага, чтобы заниматься болтовней".

Спартаковская критика независимых была правильна, и заслуга спартаковцев состояла в том, что они все более усиливали огонь по независимым; но они не сумели избавиться от своей старой ошибки и накануне самого переворота снова не сумели поставить вопрос о расколе и об образовании *своей* партии.

Между тем процесс разложения армии приобретал все большие размеры. 6 ноября 1918 г. т. Ленин на VI Всероссийском съезде советов указал *главную* причину ее развала: „Германская армия не потому оказалась негодной, небоеспособной, что была слаба дисциплина, а потому, что солдаты, отка-

завшиеся сражаться, с восточного фронта перенесены на западный немецкий фронт и они перенесли с собою то, что буржуазия называет мировым большевизмом.

Вот почему германская армия оказалась небоеспособной..." (Соч., т. XXIII, стр. 259.)

В таких условиях *самостоятельное* выступление Австро-Венгрии 14 сентября 1918 г. с предложением вступить всем воюющим странам в мирные переговоры подчеркнуло разложение сил „серединных государств" (Германии, Австро-Венгрии, Болгарии, Турции). 15 сентября войска Антанты прорвали болгарский фронт. На сепаратный мир царь Фердинанд еще не шел. Тогда восстала болгарская армия, и ее полки двинулись на Софию. 24 сентября 1918 г. Болгария заключила перемирие.

„Большинство рейхстага" решило, что настал его час. „В главном комитете рейхстага социал-демократы, прогрессисты и центр потребовали „парламентаризации", снятия осадного положения и пр. Одновременно возник вопрос об отставке рейхсканцлера Гертлинга. Но *побитое* верховное командование спешило сдать свою *диктатуру*, сделавшуюся *невозможной* вследствие *ненадежности солдат*. (*Ленин*, там же.)

Как и почему пришла „революция сверху"

Тогда-то пришла пресловутая „революция сверху". Еще 14 августа 1918 г. Гинденбург говорил, что с военной точки зрения германской армии вполне обеспечена возможность задержаться на французской территории и „вынудить" противника к миру. Но 26 сентября министр иностранных дел Гинтце получил от своего представителя в ставке телеграмму, из которой следовало, что верховное командование оценивает военное положение „весьма пессимистически". На совещании 29 сентября с Гинтце Людендорф заявил: „Положение армии требует, во избежание катастрофы, немедленного заключения перемирия".

Гинтце в качестве выхода из создавшегося для Германии положения выдвинул лозунг: „единство *всей* нации для обороны в конечной борьбе". Для проведения этого лозунга в жизнь были возможны два пути: диктатура или „революция сверху".

Но диктатура бралась под сомнение, ибо в случае военных поражений и отсутствия „обещанной" победы должна была наступить революция снизу.

Возможность продолжать войну и „перевести народное движение в широкое ложе более сильного участия в правительстве" (формула Гинтце) — таковы были задачи „революции сверху".

30 сентября 1918 г. появился указ Вильгельма II об отставке рейхсканцлера Гертлинга и о том, что согласно желанию кайзера „люди, облеченные доверием народа", должны в более „широком объеме участвовать в правах и обязанностях правительства".

„Люди, облеченные доверием народа", были вполне готовы к этому. 23 сентября на заседании социал-демократического партийного комитета Шейдеман был против вступления социал-демократических депутатов в правительство, считая все „предприятие" лопнувшим. Против Шейдемана выступил Эберт, пояснивший, что есть два пути: *или* соглашение с буржуазными партиями, *или* революция. Последней же не желает никто, „кто пережил русские события".

Социал-демократические вожди, собираясь входить в правительство и проводить в нем цели немецкой буржуазии, т. е. предупреждение революции

и продолжение войны до „почетного“ мира, обставили свое участие в правительстве шестью условиями (помимо отставки Гертлинга). В них было все, что угодно и резолюция 19 июня 1917 г., и готовность вступить в будущую Лигу наций, и роспуск прусского ландтага, и уничтожение ограничений печати и собраний и т. д.

Но по четвертому условию оккупация занятых областей оставалась в силе. Насколько же скромной была социал-демократическая „парламентаризация“, видно из конца условия шестого: „политические публикации короны и военных властей сообщаются перед опубликованием рейхсканцлеру“.

Такая программа нисколько не была страшна, тем более что „Форвертс“ 28 сентября 1918 г. подчеркивал важность укрепления Западного фронта для достижения мира: „Твердость в течение нескольких недель может нас уберечь от долгих лет бедствий“.

Поскольку для „министерства национальной обороны“ надо было найти соответствующего рейхсканцлера, обратились к принцу Максу Баденскому, президенту первой баденской палаты. Он пользовался особым расположением южногерманских прогрессистов вроде Пайера и Гаусмана и слыл за пацифиста и сторонника „парламентаризации“.

5 октября 1918 г. составилось новое правительство, в которое вошли от социал-демократов Шейдеман как министр без портфеля и Бауэр — министром труда. В основном получилось правительство „большинства рейхстага“.

Правительство „народной обороны“ за работой. Социал-демократия и народ

5 октября была опубликована первая нота Макса Баденского президенту Вильсону с предложением взять дело мира в свои руки; Германия принимала мирную программу Вильсона и предлагала „во избежание дальнейшего кровопролития“ объявить немедленно перемирие.

Еще не успели получить первый ответ Вильсона, а Вальтер Ратенау писал 6 октября 1918 г.: „Не уступками надо было начинать переговоры, но прежде укрепить фронт“.

Людендорф на совещании с правительством 9 октября высказался за „установление демаркационной линии, за укрепление фронта и за подготовку его—на случай нужды—для окончательной борьбы на жизнь и смерть“.

Однако и генерал фон Врисберг вынужден удостоверить в своей книге, что „господствующим настроением среди масс рабочих больших городов было безграничное стремление к миру“. Социал-демократы, опять „уловив“ настроение масс, выступили даже с такими статьями, как нюренбергская „Fränkische Tagespost“ Адольфа Брауна. Передовица от 10 октября, озаглавленная „Вильсон и кайзер Вильгельм“, объявила, что виновен в поражении Германии не Гинденбург, а Вильгельм II: „Социал-демократия нисколько не заинтересована в сохранении Гогенцоллернов“.

В Гессене произошла во всех отношениях любопытная история. 16 октября секретарь социал-демократической организации Герман Нейман был приглашен на собеседование к принцу Леопольду. Последний заявил, что он — не социал-демократ, но настроен „решительно демократически“. Принц высказался за то, что мира нельзя добиться без устранения Гогенцоллернов. Если принцы беседовали с социал-демократическими партийными секретарями о неизбежности устранения Гогенцоллернов, то было очевидно, что дело близится к развязке.

Что касается поведения правительства „революции сверху“, то у народных масс было всего меньше оснований доверять ему. Гинденбург—Людендорф

требовали для фронта новых 600 тыс. солдат. Шейдеман сообщает, что он решительно выступил в правительстве против этого. Но на деле военный министр Шейх производил уже соответственные новые комплектования.

На заседании правительства 17 октября Людендорф все время говорил о необходимости поднять настроение масс. По его мнению армии надо было продержаться всего еще четыре недели — до зимней кампании. Вице-канцлер прогрессист фон Пайер со своей стороны приходил к выводу о необходимости так составить ответ Вильсону, чтобы население поняло: „Мы — в тяжелом положении, но мы не бросим винтовки в кусты". Генерал Людендорф вполне согласился с Пайером: „Примитесь за народ, подымите его дух! Разве *господин Эберт* не может этого сделать? Нужно, чтобы это удалось".

Но уже 20 октября „Форвертс" заговорил о том, что „Германия... навсегда должна спустить свой военный флаг", 21 октября он резко осудил подводную войну, а в промежутке между 17 и 20 октября правительство „национальной защиты" капитулировало перед Вильсоном, как обычно выражаются националистические писатели.

Капитуляция правительства, „парламентаризация", начало революции

20—21 октября новая немецкая нота Вильсону заявила, что прекращается торпедирование пассажирских судов. На вопрос Вильсона, с кем он собственно переговаривается, было дано разъяснение, что в Германии сейчас „правительство свободно от всякого произвольного и безответственного влияния" и пр.

Партии большинства перешли от „национального сопротивления" к продолжению „мирной" канители с Вильсоном, вследствие неслыханно-обострившегося внешнего и внутреннего положения. Турция, как выяснил Гинтце на совещании с Людендорфом 29 сентября, давно уже стала балластом для Германии. О поддержке трудящимися господствующих классов можно было говорить не с большей уверенностью, чем о „надежности" армии. Ибо что массы получили от нового правительства?

На заседании рейхстага 22 октября происходила „парламентаризация" Германии. Была изменена статья 21 имперской конституции: отныне член рейхстага мог становиться членом правительства, не лишаясь своего депутатского мандата. Изменили статью 9: теперь не только члены Союзного совета могли выступать в рейхстаге от имени канцлера, но и министры, не состоявшие членами Союзного совета. Народу, стоявшему накануне переворота, все это было совершенно ненужно... Но и более „важные" изменения также приходились уже не ко времени. Ограничение „прерогатив короны" и „низведение кайзера на положение английского короля" были настолько недостаточны, что Эберт в своей речи на заседании рейхстага 22 октября должен был заявить: „Проекты законов и изменения конституции не идут достаточно далеко". Шейдеман потребовал в заседании правительства амнистии Карла Либкнехта. Правительство было вынуждено амнистировать Либкнехта и Дитмана. Но „амнистия" вышла необыкновенно куцой. Эберт 22 октября в рейхстаге говорил: „Дело Либкнехта ликвидировано его освобождением. Но я должен указать на присужденных к тяжелым карам матросов... Чрезмерные, несправедливые наказания в занятых областях должны быть прекращены".

Даже Артур Розенберг, пребывающий в восторге от „революции сверху", признал, что „революция сверху" в глазах масс *ничего* не изменила, ибо,

как и прежде, повсюду в Германии управляли генералы, в армии и флоте царили старые порядки, во главе правительства сидел принц, разговоры о „последнем национальном сопротивлении" не прекращались.

Без них не обошлось и в рейхстаге 22—23 октября. Рейхсканцлер Макс Баденский говорил, что если Германию доведут до крайности, то он „нисколько не сомневается в том, что немецкое правительство от имени немецкого народа должно призвать к национальной обороне". Эберт вторил рейхсканцлеру: „Точно так же, как и 4 августа 1914 г., мы стоим на точке зрения обороны страны... Если противники захотят нас превратить в рабов, то мы скажем им, что всякое рабство имеет пределы". Рейхстаг кричал „браво". И то же повторилось, когда консерватор граф Вестарп заявил: „Немецкий народ не может быть и не будет принужден капитулировать".

Но если рейхстаг в этот день показал *единую* линию от Вестарпа до Эберта, то уже 23 и 24 октября в рейхстаге произошло нечто другое: представители Эльзас-Лотарингии, поляков, датчан прямо подчеркивали, что время обещания „автономии" миновало.

Никакого „улучшения положения", как это признает в своих мемуарах и Макс Баденский, от заседаний рейхстага не наступило. А 24 октября пришла в Германию новая нота Вильсона. „Пацифистский" президент требовал от Германии капитуляции; для обмана американского народа и народов Антанты выставлялось „демократическое" требование — убрать Вильгельма и „милитаристских повелителей" Германии.

Из заявлений Макса Баденского и других членов правительства касательно „национальной обороны" верховное командование сделало весьма последовательный вывод: 24 октября 1918 г. по войскам был отдан приказ, в котором говорилось: „Ответ Вильсона был требованием военной капитуляции. Поэтому он для нас, солдат, неприемлем... Ответ Вильсона может быть для нас, солдат, только побуждением продолжить сопротивление с самым крайним напряжением сил".

Но в правительстве „национальной обороны" это выступление верховного командования встретило весьма кислый прием. В Австро-Венгрии Габсбурги доживали последние дни. На заседании правительства, обсуждавшем ноту Вильсона (в ночь на 25 октября), Шейдеман указал на растущее революционное брожение в Германии и на то, что „солдаты с железными крестами на груди подняли на руках Либкнехта", когда он приехал в Берлин. При подобных обстоятельствах партии „большинства рейхстага" заколебались. На заседании правительства было решено составить ответ Вильсону так, чтобы не дать повода говорить о намерении Германии продолжать борьбу далее, и добиться отставки Людендорфа. Вильсон должен был видеть, что теперь Германией управляют не „милитаристские повелители". 26 октября Людендорф вышел действительно в отставку, но Гинденбург *остался*, а вместо Людендорфа был назначен генерал Гренер, „прославившийся" во время апрельской стачки 1917 г. своим „воззванием" к рабочим: „Сукин сын тот, кто бастует" и т. д.

Ответная же нота Германии Вильсону, отмечая, что в Германии произошли глубокие изменения и переговоры о мире будут вестись народным правительством, которому военные власти подчинены, заканчивалась весьма неопределенно: „Отныне немецкое правительство ожидает предложений о перемирии, которые будут введением к справедливому миру".

Насколько военные власти оказались „подчиненными" правительству, показали самые ближайшие события. Ноту Вильсону правительство послало

27 октября, а 29 октября боевые суда германского флота были собраны для *нападения* на английский флот. Эта последняя попытка германского империализма *продолжить* войну, по словам начальника штаба флота адмирала фон Леветцова, была предпринята потому, что „успех на море дал бы стране могучий импульс и мог бы даже привести к внезапной перемене военного положения".

Верховное командование шло даже на то, чтобы в „худшем случае" *германский флот погиб*, — английский флот в свою очередь потерпел бы такой урон, что его „будущее" было бы поставлено под вопрос, а немецкий „не сделался бы объектом торговли при позорном мире".

„Милитаристские повелители" Германии были последовательны, и их затея оказалась сорванной не „парламентарным правительством", а *народной революцией*.

Эта революция была теперь непредотвратима, и она могла быть только пролетарской революцией. Ленин не раз подчеркивал, что буржуазно-демократическая революция изжила себя в Германии за тридцатилетие 1848—1878 гг. (Соч., т. XIV, „На дорогу"; т. XV, „Принципиальные вопросы избирательной кампании".)

Как раз накануне ноябрьского переворота в Германии Ленин писал: „Величайшая беда и опасность Европы в том, что в ней *нет* революционной партии. Есть партии предателей, вроде Шейдеманов, Реноделей, Хендерсонов, Уэббов и К⁰, или лакейских душ вроде Каутского. Нет партии революционной.

Конечно, могучее революционное движение масс может выправить этот недостаток, но он остается великой бедой и великой опасностью". (*Ленин.* Соч., т. XXIII, стр. 224.)

Ход германской революции 1918 г. показал в дальнейшем, насколько справедливы были эти опасения Ленина.

Райский Л. и *Шелавин К.*

АВСТРО-ВЕНГРИЯ

I. АВСТРИЯ ПЕРЕД ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНОЙ

Экономическое положение

Австрия „по эту сторону Лейты", т. е. не считая земель, отнесенных к Венгрии, представляла собой конгломерат из *немецкой* Австрии и частей нынешних Чехо-Словакии, Польши, Югославии и Италии — стран с различным укладом экономической жизни. Наиболее аграрными областями были Далмация, Галиция и Буковина, индустриальными — Форальберг, Силезия, Нижняя Австрия, Богемия, Триест.

На тысячу человек населения в промышленности было занято: в Нижней Австрии — 427, в Верхней — 284, в Зальцбурге — 250, в Штирии — 220, в Триесте 357, в Форальберге — 460, в Богемии — 419, в Моравии — 339, в Силезии — 460, а в Галиции — всего 90, в Буковине — 112 и в Далмации — 51 (в круглых цифрах)

Но *общий* рост промышленности был налицо. За 40 лет — с 1862 г. по 1902 г. — число предприятий увеличилось более чем на 1,4. Возросло применение механических двигателей.

Рост концентрации промышленности свидетельствует о развитии монополистического капитализма. Уже Гильфердинг в своем „Финансовом капитале" (гл. XIII) указал, что в „Австрии легче всего проследить прямое и сознательное влияние банковского капитала на процесс картелирования. Монополии охватили целый ряд отраслей промышленности.

Австрию иногда (д-р Филиппович и другие) называли „аграрной страной". Действительно, более половины (52%) населения Австрии занималось земледелием, причем $^2/_3$ владений представляли ничтожные клочки земли ниже 2 *га*, а крупнейшие землевладения (1% общего количества владений) сосредоточивали в своих руках $^1/_3$ всей земли. Но характеристика Австрии как „аграрной страны" еще ни о чем не говорит. Ленин называл Австрию отсталой страной. Но отсталой — *в каком смысле?*

Разбирая вопрос, сколько иностранных рабочих было занято работой в Германии в 1911—1912 гг., Ленин писал, что чем более отстала страна, тем больше она дает необученных „черных" сельских рабочих. Передовые нации захватывают себе, так сказать, лучшие виды заработков, оставляя полудиким странам худшие виды заработка. Европа вообще („остальные страны") дает Германии 157 тысяч рабочих, из них *свыше* $^8/_{10}$ (135 из 157) промышленных рабочих. Отсталая Австрия дает только $^6/_{10}$ (162 из 263) промышленных рабочих. Самая отсталая — Россия — всего $^1/_{10}$ промышленных рабочих (34 из 308). Австрия, следовательно, была передовой по срав-

нению с Россией. Но про Россию Ленин в своих заметках на работу т. Бухарина „Экономика переходного периода“ писал, что без известного развития капитализма у нас ничего бы не вышло. Австрия была передовой по сравнению с Россией, и поэтому все социал-демократические разговоры о том, что Австрия стояла перед задачей завершить буржуазно-демократический переворот, являются обычным социал-демократическим враньем и обманом масс.

Особо искусен в этом деле Отто Бауэр. В своей книге „Австрийская революция“ (1923 г.) он тщится доказать, что торжеству пролетарской революции в Австрии помешали следующие причины: во-первых, наличие национальных революций „чешской, польской и югославской буржуазии“; во-вторых, наличие в самой Австрии обширного аграрного интерланда.

„Вся немецкая Австрия, — пишет он, — делится на две почти равные по численности населения области — промышленную с Веной во главе и аграрную; осуществить диктатуру пролетариата можно было в промышленной области, но нельзя в аграрной, где крестьянство было достаточно сильно, чтобы подавить пролетариат“. В итоге: „зрелой“ для пролетарской революции оказалась область, приблизительно имевшая $^1/_9$ населения „коренных земель“, т. е. прежней Австрии Габсбургов. Таким образом Бауэр преподносит те же рассуждения буржуазных писателей об Австрии как об „аграрной стране“, но под другим соусом.

Но он дополнил и „углубил“ их теорией индустриального островка, тонущего и в собственной Вандее и в море буржуазной революции, ибо чешская, польская и югославская буржуазия „подчинили пролетариат своей торжествующей национальной идее“.

Последнее произошло очевидно опять-таки вследствие „отсталости“.

В действительности партия, вождем которой является сейчас Отто Бауэр, — австрийская социал-демократия, — *помогала* национальной буржуазии Чехии и пр. овладеть „своим“ пролетариатом, и та же партия после развала Габсбургской монархии предала революцию не только в Немецкой Австрии, но в Венгрии и в Германии.

Особое значение национального вопроса в Австрии

Ленин в полемике с Р. Люксембург (1914 г.) по национальному вопросу подробно остановился на Австрии. Как обстояло дело с *основным* вопросом о завершении буржуазно-демократической революции? „В Австрии она началась 1848 годом и закончилась 1867-м“. (*Ленин*). А кроме того 1) австрийские немцы „претендовали на гегемонию среди немецкой нации вообще“; 2) „эта претензия была разбита войною 1866 г.“; 3) господствующие в Австрии немцы „оказались *за пределами* самостоятельного немецкого государства, создавшегося окончательно в 1871 г.“; 4) „попытка венгров создать самостоятельное национальное государство потерпела крушение в 1849 г....“

Сочетание подобных условий привело к следующему: „...создалось чрезвычайно своеобразное положение со стороны венгров, а затем чехов, тяготение как-раз не к отделению Австрии, а к сохранению целости Австрии именно в интересах национальной независимости, которая могла бы быть совсем раздавлена более хищническими и сильными соседями. Австрия сложилась в силу этого своеобразного положения в двухцентровое (дуалистическое) государство, а теперь превращается в трехцентровое (триалистическое: немцы, венгры, славяне)“.

Мелкобуржуазные чешские радикалы — младочехи — были крайними националистами. Но в их программе говорилось: „Мы будем всеми силами отстаивать единство и нераздельность земель богемской короны и государственную самостоятельность в рамках австрийской монархии и будем домогаться осуществления абсолютного равноправия всех народностей“.

Даже после Февральской революции в России 1917 г., когда оказался свергнутым русский царизм, пугало народов Австрии, национальные партии не ставят еще сразу вопроса о полном отделении. Он выдвигается после Октябрьской революции в России в обстановке развала и гниения аппарата Габсбургской монархии, полного разложения народнохозяйственого организма и в особых условиях, связанных с политикой Антанты: разделе Австрии под видом образования новых „самостоятельных" государств, вассалов Антанты.

Но при всем том Австро-Венгрия не смогла ко времени империалистической войны превратиться в государство триалистическое. Причина этого заключается прежде всего в политике верхушек двух господствовавших наций — немцев и венгров.

Национальную борьбу вели в Австрии не рабочие или крестьянские массы непосредственно. „...Национальная борьба в условиях подымающегося капитализма является борьбой буржуазных классов между собой. Иногда буржуазии удается вовлечь в национальное движение пролетариат, и тогда национальная борьба *по внешности* принимает „общенародный" характер, но это только по внешности. *В существе своем* она остается буржуазной, выгодной и угодной главным образом буржуазии" *(Сталин)*.

Когда в 1908 г. в Чехии городские управления отказались праздновать юбилей (60-летие) Франца-Иосифа и в Праге и других городах рабочие-чехи участвовали в столкновениях с немцами, то все движение шло под руководством „национальной" буржуазии. Когда в том же году студент-русин убил наместника Галиции графа Потоцкого, то это было одним из проявлений движения русинской сельской буржуазии против польских помещиков, которым в 1869 г. правительство Австрии отдало на съедение русинского крестьянина. Русинская сельскохозяйственная буржуазия опиралась в своей борьбе против галицких панов на массы обездоленного крестьянства и вела их за собою.

Приведенную выше формулу в программе младочехов — „абсолютное равноправие народностей" — надо расшифровать так: абсолютное равноправие национальной буржуазии.

Но верхушки господствующих наций — немцев и венгров — не шли (вплоть до полного развала Австро-Венгрии) на „абсолютное равноправие" для чешской и т. д. буржуазии.

С 1871 г., когда после разгрома Франции Германией в Австрии исчезла надежда на реванш за поражение в 1866 г., со стороны правительства предпринимаются попытки пойти на уступки чехам. Немцы начинают до некоторой степени оттесняться с государственных должностей. Это сейчас же вызывает, особенно после расширения клерикальным правительством Таафе прав чешского и славянского языков, „радикальную" оппозицию немцев. Из ее рядов между прочим вышли и социал-демократы Виктор Адлер и Пернерсторфер и основатель пангерманской антисемитской партии — Шенерер. Объявление правительством Бадени в 1897 г. о том, что немецкий и чешский языки равноправны в Богемии и Моравии, вызвало вновь бурю протеста со стороны немецких партий и обструкции с их стороны правительству.

В 1898 г. правительство Клари отменило распоряжение о языках для Моравии и Богемии. Тогда начались обструкции чехов забастовка студентов в Праге, кровавые столкновения между чешскими и немецкими студен-

тами. Рейхсрат из-за кипевшей в нем борьбы национальностей делался все более неработоспособным, и новое правительство Кербера (министерская чехарда являлась в Австрии, за редким исключением, обычным делом) управляло *без* рейхсрата на основании § 14 конституции (исключительное положение) и в 1900 г. вовсе распустило рейхсрат.

Мощная борьба австрийского пролетариата за всеобщее избирательное право и русская революция 1905 г. заставили правительство расстаться с куриальным рейхсратом (4 сословных курии, к которым в 1901 г. добавлена пятая курия, — в нее допустили рабочих, но разбавили их мелкой буржуазией и т. д.) и пойти на введение в Австрии всеобщего избирательного права. При разработке основ выборной системы правительство, как и прежде, заботилось о том, чтобы славяне в новом рейхсрате не получили преобладания над немцами. И действительно была применена такая „искусная" избирательная география, что один депутатский мандат, например, приходился на 56 000 чехов, а для немцев оказалось достаточным 42 000. В собравшемся в 1907 г. „народном" рейхсрате (на основах всеобщих выборов) национальная борьба не утихала, и обструкции неизменно обрекали рейхсрат на „неработоспособность". В 1909 г. бюджет был еле-еле принят, и то только потому, что социал-демократическая фракция „спасла" правительство, проголосовав за бюджет.

С 1905 г. положение на фронте борьбы наций осложнилось усилением под влиянием русской революции движения *южных славян.* В 1908 г., когда Австрия, воспользовавшись младотурецкой революцией, аннексировала Боснию и Герцеговину, возмущение славян в Австрии, в Сербии и Черногории было огромным. Южные славяне с этой поры обращают свои взоры на Сербию. Правительство ответило Загребским процессом 1909 г. против нескольких представителей сербской и хорватской интеллигенции, причем процесс был построен на доносе провокатора.

Все с большею и исключительною ясностью обнаруживалось то, о чем писал т. Сталин в своих статьях 1913 г.: что в Австрии „национальный вопрос составляет... ось политической жизни, вопрос существования... Тов. Сталин прибавлял: „Австрия живет в условиях парламентаризма — без парламента при нынешних условиях там развитие невозможно. Но парламентская жизнь и законодательство Австрии нередко совершенно прекращаются благодаря резким столкновениям национальных партий. Этим и объясняется хронический кризис, которым Австрия давно болеет".

Еще в 1906 г. во время бюджетных прений в рейхсрате (в связи с подготовлявшейся избирательной реформой рейхсрат оказался на несколько месяцев до некоторой степени „работоспособным") было установлено, во что государству обошлось семилетнее проведение бюджета по § 14: здесь были злоупотребления во всех министерствах, непроизводительные расходы и т. п.

Но бюджетное хозяйство, по § 14 разорявшее страну, являлось лишь одной стороной дела. Функцией рейхсрата накануне войны являлись обструкции; правительство третировало рейхсрат, что очень ясно выразил в своей речи в 1911 г. глава правительства Штюрк. Его управление Австрией почти исключительно при помощи § 14, немецкий курс, крайняя реакционность, империалистическая политика Австрии (вмешательство в балканские дела в войну 1912 г., враждебная позиция по отношению Сербии и т. д.) все более обостряли национальную борьбу. Все разговоры и россказни о том,

что кронпринц Фердинанд является сторонником триалистической Австрии, не стоят ничего уже потому, что этот принц любил повторять: „Если бы я мог, я сделал бы всю Австрию черно-желтой". Черно-желтое знамя Габсбургов славянские и другие народы знали очень хорошо и испытали его действие на собственных спинах.

Сам Отто Бауэр („Kampf", 1928, ноябрь) удостоверил, что накануне войны „Австрия распадалась все явственнее на враждебные друг другу национальные лагери, которые сдерживало только насилие".

И одновременно: 1) господствующие нации вовсе не собирались предоставить „равноправие" нациям угнетенным; 2) они (господствующие нации) собирались разрешить национальный вопрос империалистической войной.

Даже в 1917 г., когда монархия Габсбургов доживала свой век, глава христианско-социальной партии Игнац Зейпель рассудил, что для Австрии не годится ни централизм, ни федеративное устройство, „а можно говорить только об автономии" (см. Сборник речей и статей Зейпеля „Der Kampf um die Oesterreichische Verfassung", Wien, 1930).

Относительно же подготовки войны свидетельствует („Kampf", ноябрь 1928 г.) Отто Бауэр: „В военных, дипломатических и придворных кругах Вены созревал план напасть на Сербию и раздавить ее для того, чтобы не только затушить брожение в южнославянских областях, но и вообще посредством победоносной войны покончить с угрозой внутреннего разложения государства".

II. ВЕНГРИЯ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Венгрия как часть двуединой монархии

После подавления революции 1848—1849 гг. в Венгрии (в которой революция, как известно, была задушена с помощью штыков царской России) господствующие классы Австрии пытались управлять страной по системе абсолютизма.

Так продолжалось вплоть до 1867 г., когда после поражения, нанесенного Австрии Пруссией в 1866 г., Габсбургская династия вынуждена была ликвидировать острый австро-венгерский антагонизм соглашением с Венгрией. Это соглашение было достигнуто с господствующим классом Венгрии — крупными помещиками, получившими в Австрии рынок сбыта сельскохозяйственной продукции и капиталы, необходимые в связи с быстрым ростом капитализма в венгерском сельском хозяйстве.

Государственный строй

Венгрия, в состав которой вошли кроме собственно венгерских земель и Трансильвании (Семиградья) также Хорватия и Славония, заняла отныне равноправное с австрийскими землями положение и получила ответственный перед сеймом кабинет. Государственная власть в Венгрии очутилась при этом в руках крупного землевладения, ставшего союзником австрийских господствующих классов. Цензовая конституция закрыла доступ в парламент рабочим и широким слоям трудового крестьянства.

Внешняя политика, вооруженные силы и торговая политика подлежали ведению объединенных министерств, ответственных перед особыми комиссиями парламентов Австрии и Венгрии. В самой Венгрии было создано множество новых должностей в административном и судебном аппарате, в ведомстве просвещения и здравоохранения. Все должности замещались представителями венгерской интеллигенции даже в местностях, в которых преобладали национальные меньшинства.

За исключением Хорватии, получившей видимость самоуправления, все остальные национальные меньшинства, населявшие Венгрию, были лишены политических прав и даже культурной автономии. Сепаратистские движения

национальных меньшинств беспощадно подавлялись государственным аппаратом венгерских помещиков и верхушки буржуазии.

До 1906 г. государственная власть безраздельно находилась в руках либеральной партии, представлявшей в основном интересы венгерского юнкерства, опиравшегося на поддержку господствующих классов Австрии.

Экономическая политика венгерского юнкерства не полностью отвечала интересам промышленной буржуазии. Последняя добивалась таможенной независимости и учреждения особого Венгерского банка. Но дальше трусливого фрондирования в парламенте венгерская буржуазия не осмеливалась итти, так как она нуждалась в юнкерско-бюрократическом аппарате для борьбы с рабочим движением. Страх перед рабочим классом сковывал оппозиционную активность промышленной буржуазии.

Когда под влиянием нашей первой революции венгерская буржуазия резче обычного предъявила правительству требование о создании Венгерского банка и о таможенной независимости Венгрии, правительство легко охладило пыл буржуазии, выдвинув проект предоставления избирательных прав рабочим и национальным меньшинствам... Буржуазия поспешила взять обратно свои требования.

Однако к началу XX века возросший удельный вес буржуазии в экономике страны дал ей возможность оказывать на государственную власть большее давление, чем в XIX веке. В 1906 г. было создано коалиционное министерство, в котором была представлена и верхушка финансово-промышленной буржуазии. Этот кабинет, продержавшийся до 1910 г., пытался куцой избирательной реформой обмануть народные массы, требовавшие всеобщего избирательного права. Эта реформа по существу не изменяла антидемократического характера венгерской конституции, направленной против политических прав трудящихся масс и национальных меньшинств.

Выборы 1910 г. дали победу новой партии, так называемой „партии деловой работы", пришедшей на смену старой либеральной партии. „Партия деловой работы" представляла собой политический блок юнкерства и верхушки финансового капитала под гегемонией юнкерства. Резко-антидемократическая политика нового правительства, с 1912 г. возглавляемого *Стефаном Тиссой*, привела к объединению демократических и радикальных элементов страны под руководством *Михаила Каролый*. Главным требованием этого блока было всеобщее избирательное право. Венгерская социал-демократическая партия, о которой речь будет у нас впереди, активно поддержала этот блок. Благодаря развитой пролетариатом невиданной дотоле в Венгрии активности, движение за всеобщее избирательное право приняло характер внушительных и бурных массовых демонстраций и уличных боев с жандармерией и полицией.

Предвоенные годы были заполнены безуспешной борьбой рабочих и мелкой буржуазии за демократизацию государственного строя.

Характер экономики

Ко времени мировой войны Венгрия превратилась в *аграрно-промышленную страну*.

Довоенная Венгрия занимала площадь в 282 870 *кв. км* с населением свыше 18 млн. человек (по переписи 1910 г.). Из них (считая самодеятельное население вместе с членами семьи) 64,5% было занято в сельском хозяйстве, в промышленности 16,1%, в горном деле —1%, в торговле 3,5%, на транспорте —3,5%. Остальные приходились на общественную службу и свободные профессии, домашнюю прислугу и пр.

Распределение земельной собственности

Для выяснения этого важного вопроса нам придется пользоваться данными статистики 1920 г., так как до войны распределение земельной собственности было учтено лишь переписью 1895 г. Естественно, что за промежуток почти в два десятка лет произошли существенные перемены. Данные 1920 г. дают зато в основном более правильное представление о периоде, предшествовавшем революции в Венгрии.

Полезная сельскохозяйственная площадь в пределах современной Венгрии составляла 16 163 810 йохов (йох = 0,57 *га*). Эта площадь распределялась следующим образом:

Размер владений	Количество землевладельцев	% землевладельцев	Количество земли
От 1,0 до 100 йохов	500 000	98,6	7,51 млн. йохов
Свыше 100 „	7 166	1,4	8,64 „ „

Таким образом в руках 1,4% всех землевладельцев было сосредоточено 53,5% всей земельной площади, в то время как все категории крестьян собственников (бедняки, середняки и кулаки), составлявшие 98,6% всех землевладельцев, владели 46,5% земельной площади.

Особенностью распределения земельной собственности Венгрии была его крайняя неравномерность.

В сельском хозяйстве Венгрии были чрезвычайно сильно выражены *капиталистические тенденции*. Еще до революции 1848 г. часть венгерских помещиков, снабжавших мясом, вином, табаком и отчасти пшеницей ряд европейских стран, втянулась в капиталистическое хозяйство. Уничтожение на рубеже второй половины XIX века крепостного права создало предпосылки для более быстрого процесса проникновения капитализма в сельское хозяйство, в особенности в эпоху империализма, когда венгерское сельское хозяйство получило широкий рынок отчасти в индустриализировавшейся Венгрии, а главным образом в Австрии и Германии. К тому же конкуренция американского сельскохозяйственного экспорта послужила добавочным стимулом к превращению крупного венгерского землевладения в капиталистическое хозяйство. Этот процесс развивался как по линии превращения значительной части феодалов в помещиков-предпринимателей, так и в порядке скупки земли разорявшихся феодалов банковым капиталом, отдельными капиталистами, а частично — зажиточными крестьянами.

Как правило крупные земельные владения являлись в то же время крупнейшими хозяйствами, эксплоатировавшими труд наемных рабочих. Ко времени революции 1919 г. в сельском хозяйстве Венгрии насчитывалось 1 млн. 100 тыс. постоянных и временных наемных рабочих. Помещичьи имения обрабатывались помещичьим, а не крестьянским инвентарем.

Докапиталистические формы крестьянской аренды, например испольная, которая до 90-х годов имела еще сравнительно значительное распространение, быстро вытеснялись в эпоху империализма капиталистической арендой. В 1910 г. на территории Венгрии (в ее нынешних границах) насчитывалось не больше 8 тыс. испольщиков. Развитие капитализма в сельском хозяйстве привело вообще к вытеснению крестьян-арендаторов. Общее число крестьян-арендаторов ко времени революции равнялось примерно 25 тыс., т. е. 5% общего количества всех крестьян. Даже в 20-х годах, когда число крестьян-

арендаторов заметно увеличилось, крестьянская аренда продолжала играть значительно меньшую роль, чем аренда крупнокапиталистическая. 60—80 тыс. крестьян-арендаторов арендовали 464 тыс. йохов земли, в то время как 2373 капиталистических арендаторов арендовали свыше $1^1/_2$ млн. йохов.

Остатки феодализма в сельском хозяйстве

Будучи в основном капиталистическим, венгерское крупное землевладение сохранило однако *некоторые черты феодализма*.

Мобилизация земельной собственности, переход ее из рук помещиков-феодалов и церкви в руки капиталистических элементов тормозились наличием значительного числа фидеикомиссов (не подлежащих отчуждению полуфеодальных поместий), церковных, монастырских, отчасти общинных и прочих земель с ограниченным оборотом. Из 8,64 млн. йохов крупновладельческой земли они занимали 3,67 млн.

Сохранились кое-какие докапиталистические остатки и пережитки в организации производства в крупных хозяйствах. Сохранились *отработки*, правда в своеобразной, видоизмененной форме.

Происхождение и содержание этих своеобразных отработков, которые Л. Мадьяр предлагает называть системой издольного поденщика, заключаются в следующем. Венгерское крупное сельское хозяйство примерно на одну треть было занято интенсивными культурами, местами оно связалось с сахарными заводами, перегонными заводами и т. п. Однако на две трети оно извлекало свой доход из зерновых хозяйств, носивших в основном экстенсивно-капиталистический характер. В определенные периоды—во время посева, молотьбы и главным образом во время уборки—оказывалась потребность в значительном притоке рабочих рук. Чтобы обеспечить за собой эту рабочую силу, многие помещики или капиталистические арендаторы, эксплоатируя острую нужду бедняков и сельскохозяйственных рабочих хотя бы в клочке земли под картофель или кукурузу, сдавали крохотные участки окрестным беднякам и батракам. Последние пользовались помещичьим инвентарем и семенами, за что сдавали помещику определенную часть урожая. В девяностых годах помещик присваивал себе две трети урожая издольщика, а накануне войны эта доля возросла до трех четвертей. Издольщик обязан был платить помещику за свою долю урожая и кроме того во время уборки отрабатывать несколько дней на земле помещика. „Из смеси капиталистического развития и феодальных остатков — говорит Л. Мадьяр, — получился у нас странный тип — издольный поденщик".

Мы видели, что в Венгрии имелся уже значительный слой сельскохозяйственного пролетариата. Однако в условиях существования последнего сохранились некоторые элементы феодального характера. Так например батрак не имел права покидать имение помещика без разрешения последнего, а также принимать у себя на квартире гостей. Значительную часть зарплаты батрак получал натурой.

Крестьянский вопрос

Вместе с буржуазной „свободой" венгерскому крестьянству досталась в 1850 г. тяжелая ноша „вечного выкупа". За свое освобождение от крепостничества оно должно было уплатить колоссальную сумму. Кроме того крестьянство же покрывало главную часть расходов как по содержанию „своей", венгерской, бюрократии, так и по участию Венгрии в уплате процентов по государственным долгам Австрии и по содержанию австро-венгерского императорского двора.

Налоги росли чудовищно, разоряя широкие слои крестьянства. Средний крестьянин должен был платить следующие налоги: 1) государственный поземельный налог, 2) подворный налог, 3) подоходный налог, 4) общий дополнительный налог, 5) налог на нужды здравоохранения, 6) общий сельский налог, 7) подымный налог, 8) налог на нужды общественных работ, 9) на

нужды дорожного дела, 10) по расквартированию войск, 11) на собак, 12) на покрытие расходов по сооружению против наводнений и наконец 13) церковный налог.

Это наслоение налогов пожирало у среднего крестьянина больше половины дохода (280 крон из 500).

Чрезвычайно остро давал себя чувствовать *земельный голод*. Мы видели, что ко времени революции крестьянству принадлежало лишь 46,5% земельной площади.

Эта земля делилась следующим образом (включая сюда и аренду):

Размер хозяйств	Количество хозяйств
До 1 йоха.	31 225
От 1 до 5 йохов	194 378
„ 5 „ 10 „	134 173
„ 10 „ 20 „	100 113
„ 20 „ 50 „	55 756
„ 50 „ 100 „	10 892

Если разделить крестьянство на категории по признаку размеров земельной площади, принадлежавшей отдельным крестьянам, то бедняков (от 1 до 10 йохов) насчитывалось 67,6%, середняков (от 10 до 50 йохов) — 29,6%, а кулаков (от 50 до 100 йохов) — 2,8%.

Разумеется о размере хозяйств недостаточно судить по земельной площади. Необходимо для этого учесть сумму вложенного капитала на единицу земли. Однако, если принять во внимание, что венгерским беднякам и середнякам были доступны преимущественно экстенсивные зерновые культуры, требующие меньше капитала, чем виноделие, животноводство и т. д., то острый земельный голод, ощущаемый большинством венгерского крестьянства, станет вполне очевиден.

Разорение крестьянства помещиком, капиталистическим фермером, ростовщиком и бюрократией при земельном голоде привело к искусственной задержке рождаемости в среде крестьян-собственников, опасавшихся разделом своих участков среди наследников ускорить свою пролетаризацию. „Система одного ребенка“ была весьма распространена среди венгерских крестьян.

Эмиграция

Быстрый процесс вымывания мелкого и среднего крестьянского землевладения и все возраставшие трудности в получении крестьянами земли, хотя бы в аренду, вызвали, начиная с 70-х годов, массовую эмиграцию, так как венгерская промышленность была не в состоянии поглотить всю массу пролетаризирующегося крестьянства.

Ежегодно из Венгрии эмигрировало (преимущественно в Америку) свыше 100 тыс. человек. В 1907 г. из Венгрии эмигрировало свыше 200 тыс. человек. Из общего числа эмигрантов — около 78% приходилось на крестьян.

В 1909 г., в целях обеспечения помещиков и промышленников дешевой рабочей силой, был издан закон, затруднявший эмиграцию. Но этот закон привел лишь к росту беспаспортной эмиграции.

Развитие промышленности

Развитие промышленности протекало в противоречивых условиях.

Соглашение 1867 г. открыло венгерскому сельскому хозяйству широкие возможности. Венгрия превратилась в житницу Австро-Венгерской империи. Отсюда промышленность получила первый толчок

к своему развитию. Во-первых, торговый характер венгерского земледелия и его тесная связь с мировым рынком стимулировали железнодорожное строительство; во-вторых, на базе сельского хозяйства развивалась пищевая промышленность: мукомольная, сахарная и т. п.

Вызванный соглашением 1867 г. приток австрийских капиталов дал сильный толчок промышленному развитию Венгрии. В то же время однако наличие общей таможенной границы с более мощной промышленной Австрией ставило индустриализации Венгрии известные преграды. Еще в начале XX ст. около 80% внешней торговли Венгрии падало на австрийский ввоз.

Соглашение 1867 г. предусматривало периодическое урегулирование экономических вопросов. Через каждые 10 лет путем заключения нового договора Австрия и Венгрия разрешали проблемы общего банка, внешней торговли, таможенной политики и т. п. По мере роста удельного веса венгерской буржуазии, последняя все энергичнее сопротивлялась утверждению старых условий соглашения, тормозивших развитие венгерской промышленности. Чтобы склонить венгерскую буржуазию к уступчивости, правительство с начала XX ст. стало путем государственных субсидий поощрять развитие в Венгрии ряда отраслей промышленности: пищевой, металлургической и ряда других. Это послужило толчком к ускорению темпа индустриализации Венгрии в XX ст. Однако отрицательное влияние общей таможенной границы и конкуренции промышленных районов Австро-Венгерской империи полностью устранено не было.

Неуклонная и массовая пролетаризация крестьянства обеспечивала промышленности рабочую силу, и притом *дешевую*. В то же время крайне низкая зарплата суживала внутренний рынок, который рос преимущественно за счет бюрократии и служащих.

Девятисотые годы явились для Венгрии периодом ускорения темпа развития промышленности (преимущественно мелкой и средней). Промышленных предприятий с числом рабочих свыше двадцати в 1910 г. насчитывалось 4241 с общим числом рабочих около 446 тыс., что за десятилетие означало прирост на 100%.

Девятисотые годы отмечаются также усилением роли финансового капитала. Сравнительно поздно став на путь индустриализации, Венгрия быстро превратилась в капиталистическую страну современного типа.

Положение рабочего класса

Венгерский пролетариат принадлежал к числу наиболее эксплоатируемых отрядов европейского пролетариата.

Реальная зарплата в Венгрии была на 15 — 20% ниже средней австрийской зарплаты и на 25—30% ниже германской. В девятисотых годах номинальная заработная плата возросла на 30—40%, но быстрый рост цен сделал это повышение весьма относительным. Жилищные условия будапештских рабочих (Будапешт являлся крупнейшим промышленным центром Венгрии) были хуже, чем где бы то ни было в других европейских странах.

Рабочий день, который до начала XX ст. равнялся 12 часам, был в ряде отраслей сокращен, однако даже в Будапеште, где сопротивление рабочих было сильнее, рабочий день равнялся 9—10 часам, а в провинции он доходил до 11 часов и больше. Перед войной удалось завоевать 8-часовой рабочий день лишь печатникам и отчасти металлистам.

Охрана труда и страхование рабочих находились на крайне низком уровне.

Политика господствующих классов была направлена к тому, чтобы созданные австрийской конкуренцией (результат общей таможенной границы и т. п.) неблагоприятные условия развития венгерской промышленности компенсировать усиленным нажимом на рабочий класс. Обширная резервная армия труда, пополняемая пролетаризирующейся деревней и отчасти городской мелкой буржуазией, облегчала эту политику. Юнкерско-бюрократический государственный аппарат всемерно содействовал буржуазии в ее политике чудовищной эксплоатации пролетариата, жестоко подавляя всякое его сопротивление.

Еще более невыносимым было положение сельскохозяйственных рабочих. Сельскохозяйственные рабочие жили в принадлежащих помещикам общежитиях казарменного типа. Постоянный рабочий обязан был предоставить свою жену для работы у помещика в течение 24 дней в год. Без разрешения помещика батрак не имел права отлучаться из имения или принимать гостей в общежитии. Воскресный отдых предоставлялся редко. Часть своего мизерного заработка батрак получал натурой; ему предоставлялся также клочок земли под огород на условиях, которые, как мы видели, совершенно закабаляли рабочего. Туберкулез и тиф косили ряды сельскохозяйственных рабочих Венгрии. Смертность среди них была настолько велика, что даже помещики забили тревогу из страха перед потерей рабочих рук. „Если смертность сельского пролетариата будет расти таким же темпом, — заявил в 1908 г. председатель союза крупных аграриев, — то страна обречена на гибель".

Полное политическое бесправие дополняло эту картину тягчайшего положения венгерского пролегариата.

III. РАЗВИТИЕ АВСТРИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В СТОРОНУ ВЕЛИКОДЕРЖАВНОЙ СОЦИАЛ-ШОВИНИСТСКОЙ ПАРТИИ

Рост австрийской социал-демократии. Единый фронт буржуазных партий против рабочего класса

Еще 11 октября 1893 г. (письмо к Виктору Адлеру) Энгельс писал, что в Австрии „классы разделены на 10 национальностей и потому, вопреки стратегическому правилу, вместе идут (против рабочих), но порознь бьют (именно друг друга)":

Немецкие партии буржуазии в Австрии имели между собою разногласия, имели разные программы и ориентации. Немецкие капиталисты, от прогрессистов до пангерманцев, были за курс на Германию вплоть до соединения. Клерикально-антисемитская христианско-социальная партия выступала против „германского курса", за старое католическое знамя Габсбургов. Антисемитизм (за исключением прогрессистов) проявлялся и в отдельных крыльях немецких националистов. Но главным представителем антисемитизма стала клерикальная христианско-социальная партия, больше всех других партий охватывавшая своей „социальной" и антисемитской демагогией „средние" слои и крестьянство. Разногласия однако отбрасывались в сторону, когда речь шла о борьбе против славян (создание блока немецких партий), о поддержке империалистической политики правительства или о борьбе единым фронтом против рабочего класса. Здесь блокировались и непримиримые враги — те же немцы с чехами.

В 1897 г. в результате избирательной „реформы" (введение вдобавок к прежним четырем сословным куриям пятой курии) социал-демократы

впервые в количестве 14 депутатов появились в рейхсрате. В 1898 г. социал-демократическая „Volkstribüne" писала: „Мы представили целую серию законопроектов и до сих пор ни один из них не увидел света".

Когда открылся „народный" парламент 1907 г., то социал-демократы оказались в нем второю по силе (после христианских социалистов) партией (87 депутатов из 516). Блок буржуазных партий отверг первоначально представительство социал-демократов в президиуме. В 1909 г. правительство внесло ряд предложений, облегчавших ввоз в Австрию из балканских стран живого скота, свинины и т. п. Эти предложения затрагивали интересы аграриев, но облегчали (относительно) положение трудящихся. В борьбе за высокие ввозные охранные пошлины объединились обычно готовые перегрызть друг другу глотку аграрии немецкие и чешские и дружно проводили в рейхстате обструкции. Немцев на этот раз не смущало даже, что депутат чех-аграрий произносил обструкционную речь в течение $12^1/_2$ часов на чешском языке. На выборах в рейхсрат 1911 г. буржуазия вновь выступила против социал-демократов.

Если „вожди" австрийской социал-демократии (о чем речь будет ниже) неизменно удостаивались за свою деятельность одобрения секретно-информационного отдела венского полицейского управления, то иначе обстояло дело с массами. Под влиянием роста налогов (бешеные траты на вооружение), роста дороговизны, усиления реакции (рейхсрат был распущен как раз в то время, когда подкомиссия закончила проект закона о социальном страховании) — рабочие массы приходили в состояние все большего брожения.

Если на июньских выборах 1911 г. буржуазия выступила под лозунгом: „За дредноуты — против социал-демократии", то 17 сентября 1911 г. венские рабочие устроили перед ратушей демонстрацию против дороговизны. Демонстрация кончилась атакою полиции на демонстрантов. Из последних много было убитых и раненых. Министр юстиции фон-Гогенбургер (немецкий националист) грозил арестованным демонстрантам самыми суровыми мерами наказания. Когда 5 октября 1911 г. сентябрьский расстрел рабочих обсуждался в рейхсрате и во время речи В. Адлера столярный подмастерье Нигуш произвел в Гогенбургера семь револьверных выстрелов, то буржуазные партии обрушились на социал-демократию и взвалили на нее ответственность за выступление Нигуша.

Разжигание национальной розни буржуазией и австрийская социал-демократия

Единый фронт буржуазии против рабочего класса проявляется не только в коалиции то немецких партий друг с другом, то немецких буржуазных партий с национальными буржуазными партиями (их представители не раз входили в правительство, — так, например, в клерикальном кабинете Таафе в 1879—1803 гг. сидел один чех и один поляк; в министерстве Бекка в 1906 г. было три „национальных" министра — 2 чеха и 1 поляк и т. д.). На выборах в рейхсрат 1911 г. социал-демократы потеряли пять мандатов (82 вместо прежних 87). Ленин по этому поводу писал: „... буржуазия сделала все, чтобы оторвать от социал-демократии малосознательные элементы. Главным орудием было — разжигание национальной розни".

Разжигание национальной розни против росшего движения пролетариата было для буржуазии тем более легким делом, что „крестьянин-русин или словак ненавидит своего эксплоататора, но он не дорос еще до того, чтобы видеть в нем капиталиста вообще, и его легко уверить, что он эксплоататор потому, что он немец, а не словак или русин" (*Ленин*. Соч. т. XV, стр. 513).

В те времена, когда чешская социал-демократия не превратилась еще окончательно в сепаратистскую „национальную" партию, она понимала эту

тактику буржуазии. При открытии в марте 1897 г. рейхсрата чешские социал-демократические депутаты огласили свое заявление, в котором протестовали против проводимой буржуазной политики „ослепления" чешского народа национализмом, считали необходимым, чтобы и „по сю и по ту сторону", т. е. и в Чехии и в немецкой Австрии массы уяснили себе „эгоизм господствующих клик и т. п. Мелкобуржуазные радикалы Чехии — младочехи — встретили в рейхсрате это заявление своих земляков шумными протестами.

На уроках выборов в рейхсрат 1901 г. рабочие в особенности могли видеть, что обозначает разжигание буржуазией национальной розни. В Богемии социал-демократы потеряли шесть мандатов из прежних семи, и победителями оказались немецкие и чешские националисты. Как раз накануне выборов закончилась *неудачей* десятинедельная стачка богемских углекопов. Она была сорвана тем, что буржуазия искусно использовала национальную рознь между немецкими и чешскими горняками Богемии. Неудачный исход стачки, обострившей отношения между чехами и немцами, немало повлиял на выборы, и „Arbeiter Zeitung" в свое время писала об этом так: „...Яростная национальная борьба оказала на выборы существенное значение... В Богемии несомненно свирепствует опьянение национальной борьбой, и трезвые слова социал-демократов не всегда находят слушателей".

Почему „трезвые слова" социал-демократов „не всегда" находили слушателей, „Arbeiter Zeitung" не объяснила. Между тем это вытекало из общей линии, из всей политики австрийской социал-демократии.

Австрийская социал-демократия на страже единства Австро-Венгрии

В России II съезд РСДРП принял программу, в которой признал право наций на самоопределение. Австрийская социал-демократия выдвинула на Брюннском партейтаге 1899 г. лозунг национальной автономии.

Но подмена австрийской социал-демократией лозунга самоопределения наций лозунгом автономии наций, как это указал т. Сталин в 1913 г., обозначала следующее: „...национальная автономия предполагает целость государства национальностей, самоопределение же выходит из рамок такой целости... самоопределение передает нации всю полноту прав, национальная же автономия — только „культурные" права..."

Могла ли такая программа удовлетворить неравноправные и угнетенные нации Австрии? Естественно—нет. До гибели русского царизма и до Октябрьской революции в России нации Австрии выражали еще намерение остаться в пределах „единого государства", ибо боялись захвата своих земель реакционным царизмом, а после февраля 1917 г. не могли не опасаться восстановления в России царизма. Но уже тогда, когда стала распространяться и пропагандироваться Брюннская программа,—„автономия" никого не удовлетворяла. Чешский профессор Кирилл Горашек писал: „Немцы считают себя привилегированным народом, призванным к роли господина. Они еще готовы, и то поневоле, предоставить остальным национальностям ту или иную степень автономности, но требование полного уравнения их прав во всех политических и национальных вопросах они решительно отвергают".

„Автономия" никак не походила на ту равноправность, которую требовали младочехи, а хорваты и сербы в октябре 1906 г. пошли еще дальше: съезд делегатов этих народов в Фиуме принял резолюцию, по которой единая сербско-хорватская нация имеет право „свободно и независимо распоряжаться своею судьбою". И лишь во время войны Отто Бауэру стало ясным, что ни чехи, ни поляки, ни славяне не удовлетворятся спасительным рецептом Брюннской программы, а когда вспыхнет революция, „будут бороться за полную национальную независимость".

Неполноправные и угнетенные нации Австрии разбирались в том, что § 1 Брюннской программы провозглашал: „Австрия должна быть преобразована в демократическое союзное государство национальностей", но в § 2 „союз" национальностей превращался в автономные национальные области, а по § 8 эти области пользовались „полною самостоятельностью в решении своих *национальных дел*". Последнее как раз и обозначало то, на что указывал т. Сталин: нациям давались „культурные" права, а общегосударственная внешняя и внутренняя политика, законодательство, армия и прочее — все это оставалось у центральной власти.

И чехи, и югославяне, и поляки не могли не понимать, что австрийская социал-демократия борется за целость государства Габсбургов. Не кто иной, как Отто Бауэр („Kampf", ноябрь 1928 г.) удостоверяет: а) „охрана собственного государства была заповедью вождя партии — Виктора Адлера. Его политикой до войны было не итти так далеко в борьбе против балканской политики Габсбургской монархии, чтобы... не укрепить русский царизм против монархии Габсбургов", б) борьбу угнетенных национальностей против габсбургского абсолютизма Адлер рассматривал как „великую помеху рабочему движению". Виктор Адлер всю жизнь находился в уверенности, что Австрию можно „модернизировать", обновить путем переустройства (естественно без революции) в такую демократическую страну, в пределах которой могли бы ужиться все ее нации.

Отто Бауэр поумнел задним числом, когда пришел к выводу („Kampf", ноябрь 1928 г., что не „модернизировать" надо было старую Австрию — „в действительности надо было ее взорвать".

Вплоть до конца Дунайской монархии ни один человек не мог заподозрить австрийскую социал-демократию в страшном намерении взорвать „старую Австрию". Зато совершенно очевидны были немецкая ориентация социал-демократов и то, что Карл Реннер открыто восхвалял „австрийскую государственную идею" и т. п.

Националистическая политика австрийской социал-демократии и ослабление рабочего движения. Тов. Сталин об австрийской социал-демократии

Никакого доверия „решение" австрийскими социал-демократами острого для Австрии национального вопроса встретить не могло. Наоборот, оно в сильнейшей степени помогало загонять рабочих и трудящихся разных национальностей под прямое влияние буржуазии.

Тов. Сталин писал в 1913 г.: „Идея национальной автономии создает психологические предпосылки для разделения единой рабочей партии на отдельные, построенные по национальностям партии. За партией дробятся союзы, и получается полное обособление. Так разбивается единое классовое движение на отдельные национальные ручейки".

Тов. Сталин говорил далее: „Австрия, родина „национальной автономии", дает наиболее печальные примеры такого явления. Австрийская социал-демократическая партия, когда-то единая, начала дробиться на отдельные партии еще с 1897 г. (Вимбергский партейтаг). После Брюннского партейтага (1899 г.), принявшего национальную автономию, дробление еще больше усилилось. Наконец дело дошло до того, что вместо единой интернациональной партии имеется теперь шесть национальных, из коих чешская социал-демократическая партия даже не хочет иметь дело с немецкой социал-демократией".

А к чему это приводило в профессиональных союзах?

„Но с партиями связаны профессиональные союзы. В Австрии как в тех, так и в других главную работу несут те же самые с.-д. рабочие. Поэтому можно было опасаться, что сепаратизм в партии поведет к сепаратизму

в союзах, что союзы также расколются. Оно так и произошло: союзы также разделились по национальностям. Теперь нередко дело доходит даже до того, что чешские рабочие ломают забастовку немецких рабочих или выступают на выборах в муниципалитеты вместе с чешскими буржуа против немецких рабочих". (*Сталин.* Марксизм и национальный вопрос, гл. IV.)

На пятом партейтаге 1896 г. в Праге было принято предложение о новой организации партии: в партийное представительство избирались представители разных национальностей — от немецкой, чешской, польской, итальянской, югославянской партий. По утверждению историка австрийской социал-демократии Брюгеля, на партейтаге царила вполне „братская атмосфера". Национальная автономия, введенная партией, якобы „обеспечивала ее дальнейшее развитие".

Но в том же 1896 г., еще на Лондонском международном конгрессе II Интернационала чехи потребовали отдельного представительства.

На партейтаге 1897 г. обменивались любезностями. Адлер с сочувствием приводил слова Дашинского в парламенте: „Я — поляк, и я — социал-демократ". Чешский делегат Иосиф Штейнер высказывал свое одобрение тому, „что и у немецких товарищей начинает пробивать дорогу правильный взгляд на интернационализм". В принятых партейтагом решениях раздел II касался организации партии. В нем говорилось: „Так как мы признаем пользу полной самостоятельности для организации социал-демократии каждой национальности, — мы создаем рядом с общим партейтагом и с общим исполнительным комитетом учреждения, ролью которых является еще более, чем прежде, обеспечить крепкую и боеспособную связь всех организаций для общей борьбы. Национальная самостоятельность и интернациональная сплоченность суть основы нашей организации".

Результатом всех „интернациональных" изъяснений было то, о чем писал т. Сталин. Немецкая партия конституировалась как немецкая социал-демократия Австрии и выбрала свое особое партпредставительство с Адлером, Элленбогеном, Пернерсторфером и т. д. во главе. Расползание прежней австрийской социал-демократии началось.

При наличии подобных обстоятельств нечего было и говорить о способности австрийской социал-демократии противостоять фронту буржуазии против рабочего класса, серьезно бороться против разжигания буржуазной национальной розни, объединить ряды разноплеменного пролетариата Австрии на борьбу с буржуазией.

Корни оппортунизма в австрийской социал-демократии. „Австромарксизм" до войны

Социальные корни оппортунизма в Австрии таковы же, как и везде: рабочая аристократия и рабочая бюрократия.

О руководителях австрийской социал-демократии сам Отто Бауэр пишет („Kampf", ноябрь 1928 г.): „Его (поколения социалистов после 1871 г. *К. Ш.*) исторической задачей было пробуждать рабочих, организовывать, вести борьбу за их непосредственные социальные и политические требования. Национальная борьба государств казалась ему препятствием для этой задачи. Это поколение охотно цитировало выражение Ф. А. Ланге, что основание самого маленького рабочего ферейна есть более важное событие, чем сражение под Садовой. Занятие международной политикой долго казалось им политиканством, которое собственно только отвлекает от социальной задачи".

Но помимо общих для всех стран корней оппортунизма в Австрии существовали и особые условия, способствовавшие его развитию. Немецкая

нация была привилегированной нацией. Отсюда в некоторое привилегированное положение попадал и австрийский рабочий класс. Недаром в 80-х годах в судетских землях (Моравия, Силезия, Немецкая Богемия) возникли немецкие рабочие союзы, целью которых являлось воспрепятствовать проникновению в указанные области славянских и преимущественно чешских рабочих, поставлявших более дешевую рабочую силу. Рабочие союзы судетских земель не были социал-демократическими, и из них выросла впоследствии „немецкая рабочая партия" — предтеча австрийских национал-социалистов.

Не лишены однако значения слова чешского социал-демократа Немеца в комиссии Копенгагенского конгресса II Интернационала в 1910 г.: „Чешские рабочие в своем большинстве говорят: дела делаются в Вене, они делаются быть может вполне хорошо, но делаются все же в Вене... Но еще до этого немецкие товарищи в Богемии сказали: если все будет делаться в Праге... то мы не дадим для Праги ни одного пфеннига, у нас есть наша Вена, и мы остаемся при ней". Сепаратизм чехов не упал с неба, а явился следствием политики творцов Брюннской программы, которая сохранила привилегированное положение немцев вообще и вместе с этим немецких рабочих в частности.

Наконец, имеет значение и то обстоятельство, что австрийский пролетариат должен был бороться в обстановке медленно разлагающегося гнилого государства, а это накладывало несомненный отпечаток и на все австрийское рабочее движение и способствовало росту реформизма в последнем.

Загнивание Австрии облегчало социал-демократическим вождям пропаганду защиты *единства* Австрии, а лозунг сохранения „единства" габсбургского государства снова попадал в то же русло великодержавия, ибо сохранение предполагалось на основах брюннской „автономии".

Характеризуя австро-марксизм, Пауль Фрелих писал в своей „Истории германской революции": „Оно (австро-марксистское учение. *К. Ш.*) отличается тем, что его радикализм всегда останавливается на том пункте, где он должен превратиться в революционное действие. Тогда, пустив в ход ловкий софизм, оно делает поворот, оправдывающий всякое реформистское свинство. Австрийский марксизм давно уже показал себя как самый опасный яд для пролетариата. Благодаря его господству в Австрии не могло быть крушения социал-демократии, могло быть только гниение. Это и затруднило возникновение в Австрии оппозиции".

Такое определение совершенно недостаточно. Название „австро-марксистская школа" получило распространение со времени Брюннской программы и последовавшей дискуссии. И это было не случайно, ибо до Брюнна оппортунизм в австрийской социал-демократии теоретически не дал ничего, что отличало бы его от оппортунизма германского и пр.

Но особенностью австро-марксизма являлось то, что он вырос на почве государства национальностей, где *осевым* вопросом, в отличие от России, был вопрос не аграрный, а национальный *(Сталин)*. Объективно исторической задачей австро-марксизма и было — не допустить разрешения этого вопроса путем пролетарской революции. Ни у Отто Бауэра, ни у Реннера их „автономия" не связывается с революцией и революционной борьбой.

В Австрии понадобилось „приспособление" марксизма *особого рода*. Движение *масс* австрийского рабочего класса было *относительно* даже сильнее, чем в Германии: за годы 1891—1899 число стачечников только в 1892 г. составляет около 25 000 чел.; в других случаях оно колеблется между 50 и 60 тыс. ежегодно; в 1899 г. — стачечников уже свыше 90 000,

а 1900 год дает очень крупную для Австрии цифру—свыше 156 000; между 1900 и 1905 гг. движение падает (в среднем—75 тыс. ежегодно), чтобы в 1905 г. снова подняться до 157 000 стачечников. Рабочий класс Австрии раньше, чем германский рабочий класс (в 90-х годах и в первую половину 900-х), борется *на улице* (празднование 1 мая, борьба за избирательное право, массовая борьба 1905 г.).

Причиною этого надо считать то, что после России Австрия была *реакционнейшим* государством, в котором под оболочкой монархии Габсбургов быстро рос капитализм и одновременно пролетариат... Его движение в Австрии можно было сдерживать и направлять в желательное для социал-демократов русло, опираясь на оппортунистическую верхушку рабочей бюрократии, спекулируя на ее вынашиваемых партией великодержавных и антиреволюционных предрассудках. Для масс были „левые" слова (в 1894 г. на IV партейтаге Виктор Адлер был не принципиально за забастовку, но... только в „подходящее время"; в 1905 г. Виктор Адлер не пошел против движения масс, но свел это движение потом... к охране единства Австрии и т. д.), чтобы всякий раз удержать их от борьбы ссылкою на угрозу со стороны русского царизма, на губительность распада Австрии, на „национальную" угрозу: *сначала* „устройство" Австрии путем автономии и т. д. без революции, а *затем* — мирный путь к социализму в мирно „завоеванной" „демократии".

Сущность „старого" австро-марксизма поэтому заключается не только в его практике лавирования, а главным образом в следующем: австро-марксизм—это приспособление и опошление марксизма в особых условиях Австрии; его цель — задушить классовую борьбу пролетариата „особой" теорией национального вопроса, предполагающей не революционный, а реформистский путь; его метод—использование им же воспитанных в верхушке рабочего класса реформистских и великодержавных взглядов и спекуляция пред массами вековечной опасностью Габсбургской монархии—ее распадом.

Руководство социал-демократии поддерживает империалистические заговоры Австро-Венгрии

От „национальной" и социал-реформистской линии австро-марксизма до социал-шовинизма — один шаг. „Австрийская государственная идея" Карла Реннера—это и есть аннексионистская программа, по которой Австрия в качестве „наднационального" государства подбирала к своим рукам „слабые" балканские и т. д. народы.

Конечно, партийное руководство „протестовало" против аннексии в 1908 г. Боснии и Герцеговины. Но как оно протестовало? Было известно, что министр иностранных дел Эренталь, проведший аннексию, сменил прежнего министра Голуховского потому, что последнего буржуазия за его мирную политику считала за „тюфяка" (Schlafmütze).

Было также известно, что „военная партия", группировавшаяся вокруг кронпринца Фердинанда, готовит войну против Сербии.

Австрийские социал-демократы вместе с чешскими, польскими и т. д. социал-демократами внесли в ландтаге срочный запрос правительству: оно должно было сделать ландтагу обстоятельный доклад о международном положении, подчеркнуть свои мирные намерения и требовать от центрального правительства демократической конституции для Боснии и Герцеговины. Социал-демократы всех наций Австрии, и в первую голову австро-немецкие, приложили таким образом свою печать к аннексии и приняли ее как совершившийся факт.

Виктор Адлер выступил с очень „левою“ речью, говорил о времени, когда солдаты будут драться за свое дело, а не за чужое и т. д. и т. п. Но от всего этого было мало толку, если партия не претестовала на деле против аннексии и не мобилизовала рабочий класс на массовую борьбу.

То же самое повторилось во время Балканской войны 1912 г., когда особо проявилась наклонность Австрии к новым захватам и неслыханно обострились отношения с Сербией. Угроза мировой империалистической войны становилась все более очевидной. В сентябре 1913 г. в Теплице заседал внеочередной партейтаг немецко-австрийской социал-демократии. Он выпустил манифест, в котором ни слова не говорилось об угрозе войны. А когда в июле 1914 г. война непосредственно нависла над австрийским пролетариатом, австрийская социал-демократия, вопреки опасениям главы правительства Штюрка о возможности „интернациональных“ выступлений социал-демократов, явила собою „образец“ социал-демократической партии, спасающей „свое“ отечество.

IV. ВЕНГЕРСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Организационные особенности венгерского рабочего движения

Профсоюзное движение в Венгрии развернулось после возвращения венгерских делегатов с Парижского конгресса II Интернационала в 1889 г., обратившего внимание деятелей рабочего движения на необходимость повсеместного создания и объединения профсоюзов.

Организацию новых профсоюзов и объединение существующих взяла на себя социал-демократическая партия, тем самым установившая свою гегемонию в массовом рабочем движении.

В 1898 г. был создан совет профессиональных союзов, в который вошли члены ЦК социал-демократической партии и руководители наиболее крупных союзов. Таким образом в 90-х годах сложился своеобразный тип организации рабочего движения Венгрии. Базой партии стали профсоюзы, которые автоматически считались коллективными членами партии. Партийный взнос, взимаемый одновременно с профсоюзным, коллективно сдавался в партийную кассу профсоюзами.

По закону, венгерские профсоюзы были лишены права создавать стачечные фонды, объявлять и финансировать стачки. Закон ограничивал функции профсоюзов лишь культурно-просветительной деятельностью, трудовым посредничеством, выплатой пособий по безработице и т. п. Поэтому параллельно с легальными профсоюзами были созданы нелегальные, так называемые „вольные объединения“, руководившие стачечным движением. Каждый член легального профсоюза являлся одновременно и членом „вольного объединения“, правление которого было формально обособлено от правления легального профсоюза.

Подобная трехчленная система организации существует в Венгрии до сих пор. Ее необходимо иметь в виду для понимания истории рабочего движения в этой стране.

Такая система организации имела те положительные черты, что она приводила ко всесторонней организованности венгерского пролетариата, приучала его к централизации и дисциплине, втягивала его в политическое движение. В то же время эта централизованная организация послужила в руках реформистских лидеров социал-демократии мощным орудием борьбы против всякой оппозиции их оппортунистическому руководству.

Венгерская социал-демократическая партия (ВСДП)

Венгерская социал-демократическая партия (ВСДП), возникшая в 1890 г., опиралась, как мы видели, главным образом на профсоюзы. В ее состав кроме того входили и самостоятельные местные группы, объединяющие мелкобуржуазные и интеллигентские элементы.

Программа учредительного съезда партии указывала, что для пропаганды социалистических идей она будет добиваться демократических свобод, „но без того, чтобы создать себе иллюзии относительно настоящей цены парламентаризма".

Взяв на себя таким образом революционно-марксистские обязательства перед пролетариатом, ВСДП не удержалась однако на революционных позициях. Уже на учредительном съезде проявились некоторые элементы оппортунизма, выразившиеся, в частности, в отклонении названия партии социал-демократической *рабочей* партией, чтобы не отпугнуть от партии мелкобуржуазные элементы.

Центральной своей задачей ВСДП поставила борьбу за всеобщее избирательное право, для чего она не останавливалась перед организацией боевых уличных демонстраций. Но чем дальше, тем чаще партийно-профсоюзное руководство стало проявлять склонность к парламентским комбинациям.

Не имея собственного представительства в парламенте, ВСДП стала прибегать к поддержке левобуржуазных партий для достижения своих целей. Если еще в начале 90-х годов из уст руководителей раздавались отдельные голоса в пользу исключительно легальных методов борьбы, то 900-х годах эти настроения начинают доминировать в рядах партийного (стало быть и профсоюзного) руководства.

Погоня за соглашениями с буржуазно-оппозиционными партиями шла в ногу *с нигилизмом в крестьянском вопросе*. ВСДП не имела аграрной программы. Избранная в 1911 г. комиссия для выработки аграрной программы не дала никаких результатов. И неудивительно. „Не нужна аграрная программа, ибо не следует создавать два типа социализма—индустриальный и сельскохозяйственный"—заявили руководители съезда. „Я прихожу к выводу, что ни составление аграрной программы ни создание союза работников земли не являются целесообразными . . ." При таких настроениях аграрная комиссия была выделена не для достижения реальных результатов. Боевому союзу с трудовым крестьянством руководство ВСДП предпочитало соглашения с мелкобуржуазными элементами города, за которыми ВСДП по существу плелась в хвосте.

Ничего ВСДП не делала и для организации сельскохозяйственных рабочих. Эта работа была сопряжена с бóльшими трудностями, чем партийная и профсоюзная работа среди городских рабочих. В конце концов, вожди ВСДП совершенно забросили сельскохозяйственный участок, предоставив батраков безудержной эксплоатации помещиков и кулаков.

Оппортунистическое перерождение ВСДП отчасти питалось настроениями сложившейся в 900-х годах прослойки рабочей аристократии, преимущественно в среде печатников и металлистов, которым, благодаря их лучшей организованности, удалось завоевать 8-часовой рабочий день и добиться несколько более высокого (по сравнению с общевенгерским) уровня зарплаты. Другим источником оппортунистического перерождения руководства партии служило влияние обюрократившихся профсоюзных вождей и чинов-

ников страховых касс. С 1903 г. по 1927 г. постоянным платным секретарем профсоюзов состоял Самуэль Яссаи, крайний реформист.

Революция 1905 г. в России встряхнула венгерское рабочее движение. 1905—1907 гг. были периодом наиболее значительных стачек как по количеству участников, так и по напряженности борьбы (числу потерянных дней).

С 1908 г. волна стачек заметно спадает, что объясняется не только наступившей экономической депрессией, политической реакцией, наступлением предпринимателей и правительства, но и позицией профсоюзно-партийного руководства, все более склонявшегося к тактике соглашений с предпринимателями. Почти все руководящие работники партии состояли чиновниками страховых касс, и судьба фондов, которым угрожали стачки, стала их интересовать больше классовой борьбы.

Сильное влияние на руководство ВСДП оказывали оппортунистические вожди австрийской социал-демократии во главе с Виктором Адлером. Именно у них руководство ВСДП усвоило систему оппортунистической практики, замаскированной „левой" фразеологией.

Борьба течений в ВСДП

В 1896 г. от партии откололась руководимая Стефаном Варкони группа, требовавшая от партии руководства движением беднейшего крестьянства. Еще будучи в партии, Варкони, крестьянин по происхождению, издавал газету „Земледелец", в которой он бичевал антикрестьянскую позицию партийного руководства. После раскола партии Варкони быстро скатился на позиции религиозного анархизма.

В 1900 г. из партии был исключен Мезефи, журналист, являвшийся выразителем антипролетарских настроений. Свою критику пассивности партии в крестьянском вопросе Мезефи связывал с пропагандой национализма и классового мира. Этот законченный ревизионист пользовался в своей дезорганизаторской работе поддержкой властей. Попав в 1906 г. в парламент, Мезефи проявил себя как беспринципный политикан, предававший интересы своих сторонников. Партия была права, исключая из своих рядов эти ликвидаторские элементы, но ее ошибка заключалась в непонимании правильности критики пассивного отношения партии к крестьянскому вопросу.

Оппортунистическое перерождение партийного руководства, начавшее заметно проявляться в 900-х годах, породило левую оппозицию, руководимую Юлием Альпари. В 1910 г. Альпари был исключен из партии за критику ее политики коалиции с буржуазными партиями. Оппозиция требовала создания отдельных от профсоюзов партийных организаций, а также и того, чтобы должностные лица страховых касс не входили в состав ЦК. По основным вопросам рабочего движения левая оппозиция примыкала к установкам германских левых радикалов, с которыми Альпари был связан общей работой в Интернационале молодежи (в 1907 г.).

Венгерские левые были сильны в критике оппортунизма партийного руководства. Они явились впоследствии организаторами коммунистической партии в Венгрии. Однако большевиками они не были и стали таковыми не сразу. По ряду важнейших вопросов они занимали не большевистскую, а люксембургианскую позицию, что, как увидим далее, привело к пагубным для советской Венгрии результатам.

V. ВОЙНА И НАЧАЛО РАСПАДА АВСТРО-ВЕНГРИИ

Ход военных действий. Неудачи Австро-Венгрии

Первые же месяцы войны резко усилили внутренние противоречия Австро-Венгрии. Чрезвычайное напряжение национальных противоречий, обострение борьбы между австро-немецкой буржуазией и венгерским юнкерством за политическую гегемонию в монархии Габсбургов, развал промышленности, тяжелые продовольственные затруднения, рост недовольства широких трудящихся масс на почве голода и военных тягот — все это усугублялось военными поражениями и внешними политическими неудачами, которыми ознаменовался для Австрии первый период войны

В начале войны Австро-Венгрия имела против себя двух противников — Россию и Сербию. Военные действия против первой начались наступлением австрийских войск в Царстве Польском и занятием Люблина (август 1914). Однако попытка австро-венгерского командования продолжить наступление на русском фронте была неудачна и закончилась поспешным отходом австро-венгерских частей; в сентябре австрийские армии были отброшены к самым Карпатам.

В ноябре и декабре австрийские войска были вынуждены к отходу и на сербском театре войны; им пришлось очистить занятый было ими Белград и отступить за Дунай. Если Австро-Венгрии позже удалось справиться с Сербией, разгромить сербскую армию и занять всю территорию этой страны, то во-первых австрийские войска были обязаны этим успехом переброске на сербский фронт ряда германских частей, а во-вторых успехи войны против Сербии имели третьестепенное значение и ни в какой мере не решали исхода борьбы Австро-Венгрии в целом.

К тому же Австро-Венгрия вскоре получила двух новых противников. В начале 1915 г. австрийское правительство пошло на ряд крайних шагов, чтобы обеспечить себе нейтралитет Италии; но последняя, сорвав переговоры требованиями о неумеренных территориальных уступках, выступила на стороне Антанты и 23 мая объявила войну Австро-Венгрии. Так же неудачно закончились, вследствие неуступчивости венгерского правительства в трансильванском вопросе, и переговоры с Румынией: в августе 1916 г. Румыния вступила в войну на стороне держав Согласия. Таким образом, Австро-Венгрия пришла в столкновение с четырьмя противниками вместо двух. Вступление в войну Болгарии на стороне центральных держав внесло в это соотношение сил лишь небольшой корректив.

Австро-Венгрия и Германия

Эти политические и военные неудачи, вместе со слабой подготовленостью командного и офицерского состава австро-венгерской армии, дурной постановкой снабжения и слабой организацией тыла, сделали невозможным продолжение войны Австро-Венгрией без военной, экономической и финансовой поддержки со стороны Германии; но эта поддержка, оказываемая в широких размерах, положила предел самостоятельной роли австро-венгерского империализма и заставила Австрию итти на поводу у Германии, все более подчиняясь ее политической гегемонии. Чем дольше затягивалась война, тем настойчивее выдвигались проекты, клонившиеся к политическому объединению Австро-Венгрии с Германией, разумеется под фактическим верховенством этой последней.

Подчинение Австро-Венгрии германской гегемонии не обходилось без трений и борьбы. Разногласия вытекали из различия политических и военных задач Австро-Венгрии и Германии: австро-венгерский империализм имел против себя в качестве главных противников — Россию и Италию, к которым Германия относилась как к второстепенным врагам, и был мало заинтересован в исходе англо-франко-германской борьбы.

Противоречия между австрийской и венгерской буржуазией. „Госкапитализм"

На ряду с противоречиями между союзниками, с самого начала войны резко обострились противоречия между австро-немецкой буржуазией и венгерским юнкерством по ряду основных вопросов внутренней и внешней политики. Мы видели уже, что неуступчивость Венгрии была одной из причин вступления Румынии в лагерь Антанты. То же нежелание юнкерства итти на уступки помешало Австрии в той или иной форме разрешить важнейший для нее польский вопрос. Наконец, узкосвоекорыстная политика венгерских помещиков проявилась в тех затруднениях, которые правительство Тиссы ставило на пути продовольственного и сырьевого снабжения промышленной Австрии.

Продовольственные затруднения начались вследствие этого в Австрии почти с первых дней войны. Поскольку Австро-Венгрия оказалась в том же состоянии блокады, что и Германия, и ей пришлось пойти по линии насаждения государственного капитализма. Уже 1 августа 1914 г. был опубликован указ о снабжении населения пищевыми продуктами. В следующие годы введена была развернутая система регулирования производства и распределения сельскохозяйственных продуктов. Основная монополия—хлебная—была организована по германскому образцу.

27 февраля 1915 г. создано было центральное военно-хлебное бюро, которое сначала закупало хлеб через местных комиссионеров, а с 16 июня 1916 г. было реорганизовано, причем ему присвоены были посреднические функции при покупке зерна, при передаче зерна для помола и при распределении зернопродуктов. Как и в Германии, в Австро-Венгрии действовали во время войны законы о секвестре запасов зерна у частных владельцев с применением репрессий: в случае уклонения от сдачи продуктов зерно реквизировалось по пониженным ценам.

При распределении продуктов введена была карточная система, принимавшая различные формы в зависимости от местных условий.

Зимой 1915—1916 гг. Австро-Венгрия испытала сильнейший угольный голод, а после вступления в войну Румынии, ранее снабжавшей Австро-Венгрию нефтью,—и острый недостаток нефтепродуктов. К этому присоединилась транспортная разруха, принявшая особо тяжелую форму с конца 1917 г. В таких обстоятельствах успехи на восточном фронте (оккупация Украины, Брест-литовский мир и почти одновременная с последним капитуляция Румынии) пришли слишком поздно для того, чтобы существенно помочь Австро-Венгрии. Монархия Габсбургов стремительно шла к распаду.

Тяжелое положение рабочего класса

Во время империалистической войны 1914—1918 гг. особо тяжелым было положение австрийского рабочего класса.

Историк австрийской социал-демократии Людвиг Брюгель говорит: „Вспомнить только о том, как в первые годы войны промышленные рабочие Австрии были брошены в объятия безработицы и нужды, как жены и дети пролетариев стояли длинными очередями часто всю ночь напролет на улицах, чтобы купить жалкую

пищу, в то время как богатые, которые повсюду приветствовали войну и которые наживались на войне, жили великолепно и среди удовольствий, как будто бы во время самого глубокого мира. Средства помощи, которые применялись государственными властями, были совершенно недостаточны: тысячи неизлечимо больных в тылу, обессиленные люди всех возрастов стремились к миру... В более поздние годы войны безработица сделалась меньшей; многие тысячи мужчин и женщин нашли занятие в военной промышленности, но и это ни в коем случае не смягчило нужду всех тех, кормильцы которых стояли на полях брани. А к этому присоединилось другое неисчислимое зло, принесенное войною: рабочие в предприятиях, которые производили на войну, находились под властью военного положения, и руководителями предприятий были большей частью офицеры, бессердечно расправлявшиеся кнутом с подчиненными им рабочими. Против „непокорных" действовали военные суды или, что тоже было часто, „непокорных" отсылали на „поле чести".

С начала войны правительство Штюрка ввело осадное положение и решило править совсем без парламента. О порядках, которые царили в Австрии в годы войны, тот же Брюгель говорит: „В тылу, как и на фронте, господствовали произвол и презрение к законности... был создан порядок организованного террора... Полевые и осадные суды хозяйничали... генералы приказывали вешать без судебного следствия".

Измена вождей австрийской социал-демократии

А о том, какое настроение после объявления войны и во время ее было у социал-демократов, не худо рассказано Отто Бауэром в его статье, посвященной Виктору Адлеру — „вождю партии" („Kampf", ноябрь 1928 г.).

На собрании венских функционеров 8 октября 1914 г. Виктор Адлер (рассчитывая повидимому, что Штюрк соберет рейхсрат) говорил о необходимости голосовать за кредиты: „Я знаю — за это надо голосовать. Я только не знаю, как это выговорят губы". И тот же Виктор Адлер дал лозунг: „остерегаться что-нибудь сделать или сказать, что могло бы худо подействовать в отношении защиты отечества". Отто Бауэр считает, что это вовсе не „черно-желтый староавстрийский патриотизм". Виктор Адлер только „боялся за судьбу немецкого народа".

В соответствии с линией вождя действовало и партийное правление. В день разрыва дипломатических сношений с Сербией, 25 июля 1914 г., партия опубликовала манифест, и в нем находились например такие выражения: „И мы, социал-демократы, представители трудящегося народа, не закрываем глаз на ту тяжелую несправедливость, которую проделали по отношению к Австрии сербские властители". А 28 июля, на другой день после мобилизации, новый манифест посылал „первый привет" солдатам, но не призывал их обратить оружие против империалистов, а рассуждал так: „История учит, что военные события всегда приносят большие перемены во внутренней жизни государства и народов. Война создаст новую Австрию". Одновременно партийным организациям предписывалось избегать всего, что могло бы подать властям повод для преследования или закрытия организаций. 2 августа „Arbeiter Zeitung" открыто высказалась за войну, раз она вызвана „волею" русского царя.

Виктор Адлер не знал, как губы социал-демократа выговорят одобрение военным кредитам, „хотя это и необходимо". Судьба уберегла австрийских социал-демократов от такого испытания, ибо правительство Штюрка сочло излишним созвать рейхсрат, и Австрия затем три года жила без этого учреждения. Но голосование кредитов германскими социал-демократами

нашло одобрение в австрийской социал-демократии, и „Arbeiter Zeitung“ поместила 5 августа патриотическую статью под заглавием — „День немецкой нации“. А 8 августа выступила профсоюзная комиссия и заявила, что нынешнее время „наиболее несчастливо“ для движений за повышение заработной платы и поэтому их надо приостановить.

„Центристская“ оппозиция Фр. Адлера

Против линии, занятой партией, протестовал Фридрих Адлер. Но как? В письме в партийное правление он говорил, что социалисты должны были встретить войну „со скрежетом зубовным“, а в манифесте от 3 декабря 1915 г. дал лозунг: ни за победу Антанты, ни за победу Германии и Австрии; демократия во время войны должна соблюдать строжайший нейтралитет. Выступление подобного рода, где не было и речи об активной борьбе против империалистической войны и о превращении ее в войну гражданскую, только затемняло сознание рабочих и было на руку партийному правлению, деятельность которого одобрялась в годичном отчете венской полиции за 1914 г. и которое только в конце октября 1914 г. добралось до ряда требований (борьба с дороговизной и т. д.), увенчав их требованием функционирования парламента „согласно конституции“. На общегосударственной конференции австрийских социал-демократов в мае 1915 г. по докладу Виктора Адлера приняли резолюцию; в ней черным по белому было написано: „Жажда завоеваний русского царизма вынудила все народы к обороне... необходимость общего отпора отодвигает для данного момента политическую работу в пользу мира“. Но уже 15 декабря на собрании социал-демократических депутатов Виктору Адлеру, вследствие хода военных событий и ухудшения общего положения, пришлось заявить: самой первой защитой является заключение мира. Свою „волю к миру“ австрийские социал-демократы по случаю несозыва рейхстага выявили „устами товарища Шейдемана в немецком рейхстаге“.

Коллеги и единомышленники „товарища“ Шейдемана конечно не приняли участия ни в Циммервальдской, ни в Кинтальской конференции. Лишь Фридрих Адлер опубликовал в нескольких газетах, в том числе и в русском „Нашем слове“ (Париж), упомянутый выше манифест.

В марте 1916 г. состоялась вторая (за годы войны) общегосударственная конференция социал-демократической австрийской партии. Поправка Фридриха Адлера к основной резолюции (требование выступить Германии и ее союзникам с мирными предложениями без завоевательных целей) и резолюция его о солидарности с Циммервальдом были отклонены всеми против маленькой группы (15 человек) „левых“ — Фр. Адлера, Даннеберга и др. В партии даже обнаружились приверженцы идей национального социалиста Наумана о создании „Срединной Европы“ (Реннер и др.).

„Требования“ конференции к правительству (созыв парламента, уничтожение цензуры, „подчеркивание“ того, что правительство ищет и использует несомненно (!) имеющиеся возможности мирных переговоров и т. д.) должны были быть переданы Штюрку. Но последний отказался от собеседования с вождями социал-демократов и предложил обменяться взглядами письменно. В Австрии социал-демократов не пускали даже в министерские передние.

Реннер в 1906 г. писал: „До каких пор мы будем ждать? Другие народы выходят на сцену, делят между собою землю, а мы не можем справиться с домашними распрями...“ И он пояснял, что „национальная автономия означает возвращение

Австрии к могущественному положению на Востоке...“ Во время войны Реннер высказался со всею откровенностью: а) государственная идея победила национальные принципы; б) обновление Австрии произойдет путем октроирования прежней конституции, а обновителем явится династия Габсбургов, которая преобразует империю в федерацию отдельных автономных национальностей, для того чтобы ввести в состав империи Польшу и Сербию.

Все реннеровские положения увенчивались мыслью о создании „среднеевропейской империи“, ибо центральные державы оказались вынужденными пойти и на „огосударствление“ хозяйства, подготовляющее почву к переводу к социализму.

А рядом с этой социал-шовинистской и „габсбургской“ программой Карла Реннера шли выступления других вождей: соратник Виктора Адлера Пернерсторфер сделал открытие, что оппозиция в партии („левая“ группа Фр. Адлера) состоит из академиков и евреев.

Неудивительно, что при таких вождях рабочее движение в Австрии замерло до весны 1917 г., а правительство Штюрка перешло все грани в применении режима террора. „Виселицы воздвигаются тысячами... Неистовства австрийской цензуры напоминают блаженной памяти меттерниховские времена. Когда в австрийских газетах появляются заметки: в таком-то городе или местечке „внезапно умерло“ столько-то человек, — вся Австрия знает, что надо читать: *повешено* столько-то человек“ („Сборник социал-демократа“, № 2).

Покушение Фр. Адлера на Штюрка

В такой обстановке созревала у Фридриха Адлера мысль об убийстве им главы правительства Штюрка. 21 октября 1916 г. Фридрих Адлер убил Штюрка. Когда Адлера арестовали, он воскликнул: „Долой абсолютизм, мы хотим мира!“.

Через 12 лет после выступленяя Фр. Адлера участница его „левой“ группы в годы войны (Фр. Адлер основал союз „Карл Маркс“ и был его председателем) Тереза Шлезингер писала: „Первое событие, которое нарушило мертвое спокойствие масс и привело вождей в смятение, было покушение Фридриха Адлера на Штюрка“... („Klassenkampf“, 1920, № 2.)

Тереза Шлезингер позабыла прибавить, что австрийская социал-демократическая пресса объявила Фр. Адлера сумасшедшим, а „левый“ Даннеберг (из адлеровского (!) союза „Карл Маркс“) писал о „болезненном возбуждении“ Фр. Адлера, о том, что Фр. Адлер „разочарованный человек“ и пр.

В последней своей статье перед покушением Фр. Адлер призывал рабочих бороться с „объединенным авторитетом государства и социал-демократической партии“. „Вождей“ социал-демократов он называл „армией чиновников“, переставших быть социал-демократами.

Но еще до войны Ленин, разбирая философские произведения Фр. Адлера, говорил об их авторе так: „наивный приват-доцент“, „добрый Адлер тоже махист, желающий быть марксистом“ и т. д. „Добрый“ в философии, Фр. Адлер был таким же добряком в политике, мирным культурником-пропагандистом, противником насилия. И если такой человек схватился за револьвер, то это было показателем и того, до какой степени невыносима была вся окружавшая обстановка, и того, как слабо еще было движение в Австрии. В Берлине 1 мая 1916 г. Либкнехт вывел на улицу 10 тыс. рабочих; за Либкнехта, посаженного в тюрьму, бастовали в Берлине 55 тыс. металлистов. В Вене Фр. Адлер пошел на *одиночное* террористическое выступление.

Результат: правительство поняло, что чересчур закусило удила. Через три недели после покушения в Вене был разрешен даже „рабочий день“

(Arbeitertag). Но использовали собрание социал-демократические вожди. Пернерсторфер весьма радикально обрушился на „предателей", которые выжимают соки из народа, на политику правительства и пр., но тут же заявил: „Все счеты будут сведены после окончания войны. Мы не хотим гибели нашей страны, мы хотим переждать до мира, которого желаем всеми фибрами нашего сердца". Это обозначало: войну надо продолжать дальше.

Влияние Февральской революции в России

Не выстрел Фридриха Адлера, как это утверждает Отто Бауэр, был поворотным пунктом в рабочем движении Австрии, а Февральско-мартовская революция 1917 г. в России. При первых известиях о революции в России массы стали бурно требовать действий со стороны партийного руководства. Партийному правлению пришлось созвать собрание, превратившееся в огромный уличный митинг. Выступавшие в нем вожди требовали прекращения войны. Митинг отвечал ораторам бурным одобрением.

То, что социал-демократы выступали с открытым требованием мира и полиция (за переполнением назначенного для собрания зала) не препятствовала уличному митингу, — отнюдь не удивительно. Император Карл (Франц-Иосиф умер 21 ноября 1916 г.) вел тайные переговоры о сепаратном мире. После Февральской революции отпала и у правительства и у социал-демократов возможность доказывать необходимость оборонительной войны против „варварского" царизма и пугать население нашествием казаков. „Против царя, — пишет Отто Бауэр, — народ оборонялся, но против революции он не хотел воевать". С другой стороны, свержение царизма освобождало от страха перед ним и неравноправные нации Австрии, усиливая стремления к национальному освобождению.

Вопрос *о полном отделении* от Австрии открыто еще не ставился. Но вождь чешских националистов Масарик (см. его книгу „Die Weltrevolution", Berlin, 1927) поспешил из Лондона (он в годы войны „подготовлял" за границей чешскую „национальную революцию" главным образом тем, что лизал сапоги у Антанты и в частности у русских царских министров) в Россию, предварительно известив Милюкова телеграммой о своей „славянской" программе. В нее входило объединение Польши в тесном союзе с Россией, объединение сербов, кроатов и словенцев, объединение и освобождение чехов и словаков; необходимые меры по отношению к латинским народам Австрии (румыны, итальянцы, французы) „согласно их справедливым национальным идеалам".

Февральская революция в России потрясла весь механизм Габсбургской монархии настолько, что вскоре в Австрии произошло неслыханное для этой страны событие. На собрании венских уполномоченных социал-демократов в конце апреля 1917 г. обсуждался вопрос о праздновании 1 мая. От профсоюзного руководства поступило предложение праздновать 1 мая снова вечером. Но партийные и профсоюзные „бонзы" натолкнулись на такое сопротивление подавляющего большинства собрания, что должны были отступить, а на всех фабриках и заводах было вывешено *правительственное* объявление о том, что 1 мая работы не производятся.

Рост рабочего движения должен был вызвать и усиление левых групп. Но благодаря ловкой тактике социал-демократических вождей, прикрываемых „левыми": Фр. Адлером, Даннебергом и К°, и вследствие собственной революционной неопытности левых — усиление было невелико. Левые были

настолько еще не оформлены, что их листовка накануне созыва рейхстага (29 мая 1917 г.), отпечатанная на машинке, имела подпись: „революционные социалисты Вены".

Слабость левых социал-демократов в Австрии

О слабости левых в Австрии мы читаем в „Коммунистическом Интернационале" (№ 9, март 1920 г.): „...В немецкой Австрии до войны вообще не существовало марксистской оппозиции в социал-демократии. За исключением Иосифа Штрассера, все австрийские марксисты с Отто Бауэром и Фридрихом Адлером во главе считали своею задачею не борьбу с оппортунизмом, а теоретическое разъяснение его. То обстоятельство, что в немецкой Австрии партии не пришлось голосовать за военные кредиты... дало заправилам австрийской социал-демократической партии... возможность затушевать и спутать существовавшие в партии противоречия... Возникшая во время войны и сгруппировавшаяся вокруг товарища Франца Коричонера левая радикальная оппозиция насчитывала только несколько последователей".

Вследствие крайней слабости левых, слабы были и их первые выступления. Незадолго перед процессом Фридриха Адлера (18—19 мая 1917 г.) в Вене 14 дней бастовала большая часть рабочих военной промышленности. Но сам процесс Фр. Адлера прошел сравнительно спокойно (Адлер был приговорен к смерти, но Карл „помиловал" его, дав 18 лет тюремного заключения), если не считать, что полиции пришлось произвести во время хода процесса (за демонстративные возгласы) 8 арестов и очистить зал суда. Ни о каком массовом движении, как это было в Германии во время суда над Карлом Либкнехтом, не приходится и говорить. И если симпатии рабочих масс были целиком на стороне Фр. Адлера, то социал-демократы и здесь произвели очень ловкий ход. „Сумасшедший" по их словам в октябре 1916 г. Фр. Адлер вдруг в мае 1917 г. превратился в героя, и „Arbeiter Zeitung" 20 мая писала о том, что партия чтит чистоту души, величие характера и т. п. Фр. Адлера, при всех ошибках последнего.

Про демонстрацию левых 29 мая на Рингштрассе (одна из главных улиц Вены) Ф. Фюренберг пишет, что демонстрация была большая. Но отчет венского полицейского управления сообщает, что о намерении устроить демонстрацию полиции *было известно*, и поэтому демонстрация была быстро рассеяна; в самой демонстрации участвовали члены „Союза молодых рабочих", фабричные рабочие и социал-демократическая женская организация. Что попытка устройства демонстрации была шагом вперед, отрицать никак нельзя, но нельзя и переоценивать ее значение. Лишь к лету 1917 г. группа левых во главе с Францем Коричонером (левые радикалы) окончательно откололась от „левых" и завязала на конференции в Сен-Эгиде связи с рабочими Винер-Нейштадта, т. е. левые вышли уже за пределы Вены.

Усиливающиеся затруднения правительства. „Левые" жесты центристов

30 мая 1917 г., после трехлетнего перерыва, собрался рейхсрат. Из всего прежнего состава нехватало между прочим 40 депутатов — преимущественно чехов, румын и т. д., которые либо сидели в тюрьмах, либо эмигрировали. Возлагаемые на созыв рейхсрата надежды не дали ничего. Император в тронной речи даже не упомянул о конституции и о том, что на будущее время управление на основании § 14 исключается.

Национальные партии выступали еще очень умеренно. Так, славянские партии внесли заявление, с требованием превращения Австрии в союзное

государство, в котором для всякой нации имелось бы место для ее культурного и экономического развития. Но резолюция считала, что „самостоятельное" сербско-кроатско-словенское государство должно было существовать „под скипетром Габсбургско-Лотарингской династии". Так же было составлено и заявление чехов, в котором говорилось о необходимости превращения „Габсбургской монархии, в интересах династии и всего государства, в союзное государство"... Правительство оказалось совершенно неспособным использовать это настроение национальных партий, и его глава Клам-Мартиник не нашел ничего лучшего, как выступить 12 июня „к народам" Австрии с патриотическим обращением.

Но социал-демократы за время трехнедельного пребывания у власти Клам-Мартиника выиграли. Клам-Мартиник задумывал создать „правительство концентрации" и предложил социал-демократам послать в него Карла Реннера. Социал-демократы ответили отказом: они не могут участвовать в правительстве, которое ведет войну и не соблюдает конституции. „Левые" жесты как раз были необходимы в пору левения пролетариата. При этом партийное руководство и „левые" хотя и вели между собою споры, но великолепно уживались в рамках одной партии. Тереза Шлезингер даже пишет („Klassenkampf", № 2, 1923): „...после того как представители большинства потерпели чувствительное поражение вследствие неудачи Стокгольмской конференции, они все более и более оказывались вынужденными приближаться к позиции левых".

Как происходило это „приближение", показал октябрьский социал-демократический партейтаг в Вене (19 – 24 октября). На нем „левые" внесли обширное заявление, в котором критиковали деятельность партийного руководства.

Обвинения шли по следующим пунктам:

1) Героический акт Фридриха Адлера был вызван его отчаянием в рабочем движении, „которое все более и более удалялось от старых принципов социалистической классовой борьбы".

2) Штутгартский и Копенгагенский конгрессы требовали от социалистических партий использовать кризис, создаваемый войной, для ускорения падения капиталистического классового господства, — политика партийного правления во время войны не выполнила этой обязанности. Партийное правление не мобилизовало масс и внушало им, что „война является оборонительной войной немецкой нации также и в интересах немецких рабочих, войною против царизма во имя демократии, войною за сохранение экономической территории в интересах пролетариата..."

3) Вопреки решениям штутгартского и копенгагенского конгрессов, партийное правление отклонило на II конференции предложение Фр. Адлера потребовать мира без аннексий и контрибуций.

4) Партийное правление, требуя по отношению к России отделения от нее Польши и т. д., для Австрии провозглашало принцип: „сверхнациональное государство является высшей государственной формой по сравнению с национальным государством".

5) На Стокгольмской конференции австрийские делегаты выступали подобным же образом, отклоняя для Австрии то, чего они требовали для России.

6) „С начала войны вся деятельность партии исчерпывалась в запросах депутатов властям и в участии в общинной работе и военно-хозяйственных организациях".

7) „Боевая позиция партии против всего буржуазного мира не должна ослабляться посредством ежедневных переговоров с правительством и ежедневной совместной деятельностью с буржуазными партиями". „Партия не должна превращаться в благотворительный ферейн, вся деятельность которого исчерпывается тем, чтобы добиться для отдельных слоев рабочих небольшого улучшения их положения".

Уже и этих обвинений было бы достаточно, чтобы спросить: как же „левые" могли оставаться в *такой* партии? Но „левые" в своих обвинениях шли дальше. „В политической борьбе проявляется дух узкого реформизма". „Наши депутаты и наша пресса апеллируют не к воле пролетариата, а к благоразумию господствующих классов... Они не борются с господствующими классами, но пытаются их уговорить". „Реформизм по необходимости ведет к министериализму".

Реннер уже высказался в том смысле, что чем выше развита страна, тем теснее связан рабочий класс с правительством, а отсюда вывод: рабочий класс в правительстве должен быть представлен. Реннер и партийная пресса, вместо разъяснения кризиса австрийского парламентаризма и связанного с ним тяжелого государственного кризиса, идеализировали австрийское государство как „убежище для малых наций", как „наднациональное" государство, и сеяли иллюзию, будто болезнь государства можно исцелить простой реформой управления.

И наконец „левые" устанавливали, что в австрийской социал-демократии имеется национал-социальное направление, главными представителями которого являются Пернерсторфер и Лойтнер, и с другой стороны социал-патриотическое направление, которое представляет Реннер".

„Левые" не пояснили, чем национал-социализм Пернерсторфера отличается от социал-патриотизма Реннера, и увильнули от вопроса, являются ли взгляды Пернерсторфера и Реннера господствующими в партии. А раз все „обвинение" свелось в конце концов к Пернерсторферу и Реннеру, то оно лишний раз засвидетельствовало „оборотливость" „левых" и обман ими рабочих. Они разрисовали собственную партию чернее чорта и тут же посредством ловкого трюка говорили рабочему: виноваты Реннер и Пернерсторфер, надо преодолеть их, и дело поправится.

То же самое надо сказать и о требованиях „левых". Тут были и переговоры с обеими социалистическими партиями Германии, и энергичное выступление за заключение мира, и восстановление Интернационала посредством совместной борьбы социалистических партий за мир и т. д.

А как подходили „левые" к разрешению национального вопроса?

Этот „осевой вопрос старой Дунайской монархии теперь, за годы войны и при нарастании мировой пролетарской революции, стал вполне подчиненным вопросу победы пролетарской революции: или диктатура пролетариата и разрешение ею национального вопроса так, как это сразу после Октябрьской революции показали большевики, или попытка нового обмана наций.

В „заявлении" „левых" говорилось: „Как социальная проблема не может быть разрешена простой работой в органах управления (государства), но лишь посредством завоевания пролетариатом политической власти,—точно так же и национальная проблема не может быть разрешена посредством пары законов о реформе управления, а лишь путем *полной победы демократии*. Не реформа окружного управления может быть нашим лозунгом в борьбе за национальную автономию, *но созыв учредительных национальных собраний отдельных наций*, из которых каждая определит свою конституцию и организацию управления и согласует исполнение общих дел с другими нациями". (Подчеркнуто всюду в подлиннике. *К. Ш.*)

Отто Бауэр („История австрийской революции") говорит, что приведенный абзац „заявления" „левых" был вставлен им в качестве полемического против

Реннера. Но тут начинаются чудеса: во-первых в книге Бауэра абзац приводится в ином виде. . чем он был оглашен на партейтаге. У Бауэра: „из которых каждая (нация. *К. Ш.*) *суверенно* (подчеркнуто Бауэром. *К. Ш.*) определяет свою конституцию" и т. д; в тексге, оглашенном на съезде, слово „суверенно" исчезло. Во-вторых Бауэр сообщает: „Но этим идеям партия в октябре 1917 г. так мало еще доверяла, что они вообще не были поняты партейтагом. Партейтаг, отклонивший предложение „левых" о пересмотре партией ее отношения к войне, принял резолюцию Реннера, которая требовала демократической реформы управления. как основы для преобразования Австрии в союзное государство национальностей. причем это не встретило протеста со стороны присутствовавших на партеитаге „левых".

Прежде всего о самом „полемическом" абзаце Бауэра. „Завоевание пролетариатом политической власти" равно у него „полной победе демократии". О диктатуре конечно нет и речи. Но могла ли „полная победа демократии" дать нациям право на *суверенность*? Можно ли было при наличии буржуазной демократии (а только таковая и скрывается у Бауэра под его формулой „полной победы") провести бауэровские проекты? Конечно нет. И Бауэр всего лучше это показал, выбросив в окончательной редакции слово „суверенно". „Абзац" Бауэра в более ловкой и тонкой форме так же обманывал массы, как и резолюция Реннера, принятая партейтагом.

По этой резолюции путь к превращению Австрии в союзное государство национальностей идет через „окружную конституцию и самоуправление народа в округе". А затем: „Общегосударственное управление ведется союзным государством свободных и самоуправляющихся наций, которые путем согласования определяют свои общие дела и совместно их ведут, участвуя пропорционально во власти".

Никакая реформа „снизу" без ломки *наверху* не могла конечно разрешить вопрос. А у Реннера о свержении Габсбургов—ни слова (у Бауэра тоже собственно неизвестно, какие формы примет его „полная демократия"), и даже говорится, что дуализм (Австро-Венгрия) „не может при наличии разумного и справедливого порядка совместной жизни объединенных в своих границах народов быть абсолютным препятствием".

За *такую* резолюцию голосовали „левые" на партейтаге, как впрочем они голосовали и за все резолюции. А как „приближались" правые к „левым"?

Представители партийного правления указали „левым", что они стали особо умными со времени русской революции и сейчас задним числом толкуют о том, что надо было делать раньше.

Но затем пошли „уступки". Делегаты союза молодежи внесли предложение — вынести порицание партийному правлению за его позицию при начале войны и кроме того говорили о „зажиме" в партии. Молодежи пообещали создать внутри партии организации для обсуждения спорных теоретических и практических вопросов. „Вожди", в свое время поносившие Фридриха Адлера, посылали ему теперь братский привет. Давалось обязательство бороться за мир без аннексий и контрибуций через фракцию и путем созыва массовых собраний.

По докладу Виктора Адлера „Стокгольм, Интернационал и мир" была принята единогласно резолюция, в которой снова говорилось о необходимости борьбы за мир, о том, что пролетариат „против насилования какого-либо народа", приветствовалась русская революция, а конец резолюции толковал о... разоружении, арбитражных судах, Лиге наций и т. п.

Партейтаг закончился, как это констатировал его председатель Зейц, в полном согласии и единодушии.

Тереза Шлезингер одиннадцать лет спустя пришла даже к утешительному заключению, что после партейтага „борьба партийного правления

за мир становится все более решительной". Выходит, что „левые" на партейтаге воздействовали на правых. Как те и другие „боролись за мир" и „демократию", показал январь 1918 г.

VI. ВЕНГРИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ. РЕВОЛЮЦИЯ В ВЕНГРИИ И ОБРАЗОВАНИЕ КОМПАРТИИ

Позиция социал-демократии

За несколько дней до войны руководство ВСДП заявляло на страницах центрального органа партии „Непсава", что оно против войны. Но очень скоро ЦК круто переменил позицию. И если венгерская социал-демократия не голосовала в парламенте за военные кредиты, то только потому, что она не имела в парламенте представительства.

Зато партийный аппарат и партийная пресса из кожи лезли, чтобы разжечь в рабочих шовинистический пыл. „Мы и впредь будем заявлять, что рабочий класс, как и всякий другой класс, обязан защищать свое отечество", — писала „Непсава" в октябре 1914 г.

Для оправдания войны социал-демократические лидеры придавали ей характер борьбы против „русского варварства". Описывая подвиги войск Тройственного союза, „Непсава" в номере от 8 сентября 1914 г. спрашивала: „В чем источник этого геройства, затмевающего все легенды былых времен?" И отвечала: „Источник его — убеждение, что мы благодетельствуем русских нашей более высокой культурой..." Так утверждала „Непсава", несмотря на то что еще 25 июня 1914 г. она заявляла, что лишь „австро-венгерские империалисты" могут утверждать, что война будет делом чести и благополучия венгерского народа.

Социал-шовинизм профсоюзных бюрократов расцвел не менее пышным цветом. „Известия профсоюзов", центральный орган Совета профсоюзов, заявили: „Война приостановила классовую борьбу. Богатые и бедные, предприниматели и рабочие борются бок-о-бок. Принимая во внимание военную обстановку, мы миримся даже с вычетами из заработной платы".

Выдвинутый профсоюзным руководством лозунг классового мира был в частности реализован созданием в 1916 г., по проекту профсоюзных вождей, „конфликтных комиссий", в которые входили представители министерств военного, торговли и финансов, союзов предпринимателей и профсоюзов. Официальная задача „конфликтных комиссий" заключалась в улажении конфликтов между рабочими и предпринимателями. В действительности же комиссии занимались слежкой за революционными рабочими и отправкой их на фронт. Вождь партии Гарами заявлял, что это абсолютно необходимо, так как победа центральных держав обеспечит целость Венгрии, что является-де предпосылкой „победы социализма" в этой стране. Профсоюзные фонды руководство в годы войны использовало почти исключительно на поддержание военных займов.

Эта позиция партийно-профсоюзных бюрократов привела к резкому падению числа членов профсоюзов. Несмотря на увеличение числа занятых в промышленности рабочих, число членов профсоюзов равнялось в 1914 г. 51 510, в 1915 г.—48 381, 1916 г.—55 338 членам, против 107 486 членов в 1913 г.

Влияние русской революции

В 1916 г. венгерские рабочие под влиянием экономического кризиса и продовольственных затруднений начали высвобождаться из-под влияния профсоюзно-партийных бюрократов. Вопреки позиции этих бюрократов, решительно отстаивавших в годы войны классовый мир, начались выступления рабочих за повышение заработной платы.

Особенно всколыхнула венгерские рабочие массы революция в России. Уже Февральская революция сыграла в этом отношении колоссальную роль. 1 мая 1917 г. было, несмотря на военное положение, отмечено венгерскими рабочими всеобщей забастовкой, что было ярким свидетельством освобождения пролетариата Венгрии от шовинистического угара.

Под влиянием победоносной пролетарской революции в России, рабочее движение в Венгрии вступило в новую фазу. 18 января 1918 г., в связи с брест-литовскими переговорами, в Венгрии вспыхнула политическая забастовка под лозунгами: *„За мир!“ „Да здравствует русский пролетариат!“ „Мира и хлеба!“*.

Эти лозунги были вскоре рабочими дополнены лозунгом *„За советы“*. Советы стали стихийно возникать на отдельных предприятиях и в войсковых частях. Партийно-профсоюзные лидеры поспешили возглавить движение для того, чтобы его обезвредить. Рабочие не сразу разобрались в предательской тактике социал-реформистов. Активность рабочих проявилась в частности в необычайно быстром росте профсоюзов. С 55 тыс. в 1916 г. число членов профсоюзов в 1918 г. поднялось до 721 тыс.

Социал-демократические вожди, возглавлявшие Совет рабочих депутатов, поспешили направить внимание рабочих в сторону легального завоевания всеобщего избирательного права. И когда премьер-министр Векерле, чтобы выиграть время, обещал удовлетворить это требование, партийное руководство стало настаивать на прекращении борьбы.

Борьба однако не прекратилась. В марте и в июне 1918 г. вновь вспыхнули массовые забастовки. В июне 1918 г. против бастующих рабочих государственного машиностроительного завода, требовавших повышения зарплаты, было пущено в ход оружие. На расстрелы рабочие ответили всеобщей забастовкой. Ни партийные ни профсоюзные вожди забастовки не поддержали. Компартии еще не было. Лишенные руководства рабочие, на которых правительство обрушилось жесточайшим террором, вынуждены были через 5 дней прекратить борьбу. Но только на время.

Крестьянское движение

Война легла тяжелым бременем на плечи трудового крестьянства Венгрии. В то время как крестьянская молодежь проливала свою кровь на многочисленных фронтах Австро-Венгрии и Германии, внутри страны власти и помещики обирали бедняцкое и середняцкое крестьянство, безжалостно реквизируя последний хлеб и последний корм для скота; а помещикам и кулакам предоставлялась возможность спекулировать своими запасами. Рост цен на промышленные товары бил по интересам крестьянства.

В 1917 г. проявились первые результаты недовольства трудового крестьянства. Широкое распространение получили так называемые „зеленые кадры“, пополнявшиеся дезертирами-крестьянами. Весною 1918 г. в гор. Пэч вернувшиеся из русского плена солдаты отказались повиноваться властям. Восстание солдат удалось подавить лишь артиллерийским огнем.

Дезертирство приняло массовый характер. Дисциплина пала. Солдаты отказывались выполнять приказания командного состава. В воинских частях появились советы.

Буржуазно-демократическая революция Карольи

Поражение Тройственного союза, приведшее к развалу Австро-венгерской монархии, обострило классовую борьбу в Венгрии до крайних пределов. Правительство было бессильно справиться с положением. В этих условиях австро-венгерский император Карл был вынужден 31 октября 1918 г. назначить вождя буржуазно-демократической оппозиции Михаила Карольи главой венгерского правительства, чтобы „ликвидировать анархию в стране". В правительстве Карольи, кроме городской мелкой буржуазии, участвовали представители зажиточного крестьянства в лице Стефана Сабо, вождя так называемой „партии мелких хозяев", и представители социал-демократии: Гарами от правого крыла, Кунфи и Вильгельм Бем — от центра ВСДП.

Руководящей силой в правительстве были социал-демократы, опиравшиеся на мощный аппарат партии и профсоюзов. Именно социал-демократические министры задавали тон в министерстве и направляли его политику. Именно они несут ответственность за политику правительства Карольи.

Социал-демократия вошла в коалиционное правительство с единственной целью *спасти капитализм*. Она исходила из тезиса, что Венгрия стоит перед буржуазной революцией, что предстоит уничтожение остатков феодализма для развязывания капиталистического развития, что Венгрии еще предстоит капиталистическое развитие в течение длительной исторической эпохи и что связанные с этим задачи могут быть решены лишь при тесном сотрудничестве с буржуазией.

Этой позиции вожди ВСДП были верны до конца. Вскоре после падения советской власти, когда социал-демократия окончательно сняла маску и открыла свое контрреволюционное лицо, центральный орган ВСДП „Непсава" писал (в номерах от 20 февраля и 23 марта 1920 г.):

„Война разрушила производство, — значит побежденным оказался капитализм. Логическим выводом отсюда мог бы быть для рабочего класса совершенный отказ от всякого содействия восстановлению капиталистического производства... Лево-радикальное крыло рабочего движения стоит именно на этой точке зрения... Как и во многих других вопросах, так и в данном случае единственно соответствующее интересам рабочего класса решение дает столь осмеянное „умеренное" течение. Решение это... заключается в том, что рабочий класс в интересах своей классовой борьбы *должен содействовать восстановлению капиталистической системы*"...

Исходя из задачи спасения капитализма от пролетарской революции, вожди ВСДП, социал-демократические министры, направили свои усилия к тому, чтобы впрячь пролетариат в колесницу буржуазии и сорвать классовую борьбу пролетариата. Центрист Кунфи заявил 16 ноября 1918 г.:

„Мне, убежденному социал-демократу, тяжело заявлять, но все же я заявляю, что мы против применения средств классовой борьбы. И мы требуем, чтобы все, отбросив в сторону классовые интересы и религиозные распри, поддержали нас в предстоящей нам великой работе".

„Великая работа", о которой говорил социал-демократический министр, заключалась в спасении интересов буржуазии.

„Буржуазия спряталась, не смела даже пикнуть, — пишет один из вождей ВСДП, Вильгельм Бем, — она поручила спасение своей жизни и своего иму-

щества единственной организованной силе страны — рабочим. Она знала, что организованный рабочий класс (читай: партийно-профсоюзный аппарат. — *Л. Р.*) при его железной дисциплине представляет достаточную силу для защиты порядка, революции и... интересов имущества и жизни буржуазии".

Из страха перед перспективой развязывания рабочего движения королевские министры — социал-демократы Гарами, Кунфи и Бем, в полном единении с своим мелкобуржуазным шефом Михаилом Карольи и при безоговорочной поддержке партийного и профсоюзного аппаратов стремились спасти монархию. Лишь под натиском масс правительство было вынуждено провозгласить республику и отделение от Австрии. Лишь под энергичным давлением рабочих и солдат была 16 ноября провозглашена Венгерская народная республика.

Таким образом, назначенное австро-венгерским монархом правительство Карольи превратилось в правительство Венгерской республики.

Возникновение венгерской коммунистической партии

Политика социал-демократических министров помогла рабочим разобраться в предательстве официальной социал-демократии. После Октябрьской революции в России делались попытки объединить левые оппозиционные элементы ВСДП в целях организованной борьбы за большинство партии и за свержение оппортунистического руководства.

После возвращения из России тт. Бела Куна, Тибора Самуэли и др. движение приняло другой оборот. Эти товарищи, учтя опыт русской революции, поставили во всю ширь вопрос о необходимости создания компартии для борьбы с социал-предателями и для завоевания руководства массовым рабочим движением. Только созданием компартии можно было уничтожить монополию социал-предателей в руководстве рабочими организациями Венгрии.

В результате переговоров, которые велись с левыми группами и деятелями ВСДП, возникла в конце ноября 1918 г. венгерская коммунистическая партия, во главе которой стали тт. Бела Кун, Бела Санто, Тибор Самуэли, Отто Корвин и др. 24 ноября были выбраны легальный и подпольный Центральные комитеты новой партии.

Вскоре стала выходить подпольная „Красная газета" под редакцией Ю. Альпари. Появились коммунистические листовки и брошюры. Во всех массовых рабочих и солдатских организациях были созданы коммунистические ячейки.

Коммунистические лозунги всколыхнули широчайшие массы рабочих и солдат. Компартия выдвинула следующие лозунги: обязательное страхование рабочих; против исключения коммунистов из профсоюзов; за профсоюзное единство; выплата пособий демобилизованным солдатам и унтер-офицерам; против взносов квартирной платы трудящимися.

Крестьян компартия призывала к революционному захвату помещичьей и церковной земли: „Земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает!", „Ни гроша землевладельцам и ксендзам!" „Захватите землю насильственно, ибо добровольно и бесплатно эксплоататоры ее не отдадут!" — гласили лозунги коммунистической партии.

Выдвинув правильный лозунг революционного захвата земли крестьянами, венгерская компартия заняла однако люксембургианскую, антибольшевистскую позицию в вопросе о судьбе конфискованной у помещиков земли. 13 декабря 1918 г. конференция Будапештского совета рабочих депутатов внесла свои предложения по аграрному вопросу. В них компартия ярко обнаружила непонимание ленинского пути решения крестьянского вопроса.

Венгерская компартия высказалась против раздела земли между бедняцким и середняцким крестьянством и тем самым помешала установлению тесного революционного союза между пролетариатом и трудовым крестьянством.

Комфракция подчеркивала в своих предложениях, что „хотя нельзя сопротивляться разделу земли при настоящей ситуации, *несмотря на его вредные последствия*, рабочий совет все же считает, что для обеспечения союза пролетариата города и деревни и снабжения городского пролетариата сельскохозяйственными продуктами единственно правильный путь это революционное разрешение вопроса, немедленный захват крупных и средних хозяйств без всяких открытых, скрытых и прочих вознаграждений".

Уже в этом отрывке содержится принципиальное осуждение раздела земли, хотя и указывается на его неизбежность при создавшейся ситуации.

В другом месте того же документа дается развернутая мотивировка будущей аграрной политики советского правительства:

„Разрешение аграрного вопроса методами, которые не только щадят, но даже усиливают частную собственность, — говорится в предложениях компартии, — создает новые препятствия к союзу между промышленным и сельскохозяйственным пролетариатом, только ослабляет силы революции. При этом такое решение вопроса приведет к дальнейшему усилению противоречий между городом и деревней, что угрожает снабжению пролетариата сельскохозяйственными продуктами".

При такой установке нет ничего удивительного, что в выработанных впоследствии т. Бела Куном условиях объединения коммунистической и социал-демократической партий один из пунктов требует „решительной борьбы с разделом земли".

Как мы увидим далее, за подобную глубоко ошибочную, антиленинскую позицию венгерской компартии в аграрном вопросе пролетарской революции пришлось дорого поплатиться.

Как бы то ни было, несмотря на слабости и серьезные недочеты, которые впоследствии преодолевала под руководством Коминтерна молодая венгерская компартия, в лице последней в Венгрии появилась партия, поведшая пролетариат на штурм капитализма.

VII. РАСПАД АВСТРО-ВЕНГРИИ И ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ АВСТРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Влияние Октябрьской революции на события в Австрии. Всеобщая стачка января 1918 г.

К концу 1917 г. настроение рабочих масс все более и более поднималось.

Если в Австрии сильно сказалось влияние русской Февральской революции, то Октябрьская революция толкнула австрийских рабочих на первое мощное выступление в годы войны. Историк австрийской социал-демократии Брюгель свидетельствует: „Русская революция без сомнения в огромной мере психически подействовала на массы Запада и не в последнем счете — на трудящиеся массы Австро-Венгрии". А говоря о мирном предложении советского правительства „Народам всех воюющих стран" от 28 ноября 1917 г., Брюгель добавляет: „Мирное предложение нового русского рабоче-солдатского правительства было принято австрийским пролетариатом с воодушевлением. Явилась надежда, что теперь-то будет заключен всеобщий мир".

Когда начались брестские переговоры, то рабочие массы с величайшим напряжением следили за их ходом и всею душою были на стороне Совет-

ской России. Выступление в Бресте генерала Гофмана и сокращение наполовину хлебного пайка (14 января 1918 г.) ускорили назревшую забастовку. Она вспыхнула в Винер-Нейштадте. 15 января движение распространилось от одной местности к другой. 16-го бастовала Вена. 17-го и 18-го стачка охватила Верхнюю Австрию, Штирию, 18-го — Венгрию. Сам Отто Бауэр пишет: „Колоссальные массы стачечников, бурная революционная страстность их собраний, избрание на стачечных собраниях первых советов рабочих депутатов — все это давало движению грандиозный революционный характер и будило в массах надежду поднять стачку непосредственно до революции, вырвать власть в свои руки, добиться мира...“ („Австрийская революция“.)

„Левые радикалы“ и всеобщая стачка. Центристы спасают монархию Габсбургов

Стачка прорвалась стихийно. Но были и некоторые элементы *подготовки* стачки. Они конечно исходили не от социал-демократических вождей или „левых“, но только от левых радикалов. Тов. Коричонер, стоявший тогда во главе их, говорит в своих воспоминаниях (часть их опубликована в № 8 „Звезды“ за 1932 г.) о том, что как только пришло известие о победе Октябрьской революции, ЦК левых радикалов постановил усилить агитацию, подготовить стачечный комитет, связаться со всеми нелегальными группами. Даже Бауэр должен признать, что распространение забастовки в Нижней Австрии „являлось отчасти делом левых радикалов“. И не случайно стачка началась с Винер-Нейштадта и Терница, где как-раз у левых радикалов были налажены связи с предприятиями.

Другой вопрос: были ли левые радикалы способны к руководству движением? На него приходится ответить отрицательно в виду слабости левых радикалов. Вот как т. Коричонер описывает заседание ЦК левых радикалов, когда пришла весть об Октябрьской победе в России: „Все вскочили с своих мест. В то время как одни хотят тотчас же призвать рабочих к выступлению, другие держатся скептически. — Сумеем ли мы удержать власть? — Сумеем ли нести ответственность? — Прения принимают резкий характер. Мнения сталкиваются грубо, оскорбительно... Часть нашего комитета защищает оборонцев. С незначительным большинством перевес получают сторонники Октябрьской революции. Меньшинство подчиняется. Теперь за работу“.

Что у только развивавшегося и оформлявшегося *течения* трудно искать единства и твердой линии, говорить не приходится. Но организационная, численная и идеологическая слабость левых радикалов неизбежно привела к тому, что положением всецело овладели социал-демократы.

Партийное правление социал-демократов опубликовало воззвание, в котором выставило такие требования: 1) окончание войны на основе полного самоопределения народов; 2) реорганизация дела общественного питания и прекращение спекуляции продуктами; 3) немедленное введение всеобщего равного и прямого избирательного права для общинных представительств; 4) демилитаризация предприятий. Но рабочие Австрии цели движения определяли иначе, чем социал-демократические вожди. Рабочие массы, по словам Отто Бауэра, верили в то, что им удастся „поднять (steigern) стачку до революции“. О том же пишет и „левая“ Тереза Шлезингер: „бóльшая часть рабочей массы... ожидала сигнала к революции“. Прежние и обычные стачечные посты рабочих назвали себя рабочими советами, и в Вене образовался Центральный рабочий совет. В отличие от Германии австрийское правительство боялось применить по отношению к стачечникам военную

силу, — войска были ненадежны. „Известие о начале январской стачки оказало могучее воздействие на австрийских солдат" *(Тереза Шлезингер)*.

Но „левые" социал-демократические вожди всего менее само собою думали о поднятии стачки до революции. По суждению Отто Бауэра, у правительства якобы была возможность набрать кое-какие вооруженные силы для подавления стачки. Немецкий „милитаризм" был еще не сломлен, и дело кончилось бы германской оккупацией Австрии. Войска Антанты, с другой стороны, вторгнулись бы в Австрию и т. д. и т. п.

В таком же духе пишет и Тереза Шлезингер: „Если левые сами рассматривали стачку как начало революции, то они должны были все же признать, что час решающей борьбы еще не пришел. Уже начало стачки принесло с собою жестокий голод, а партийные и профсоюзные кассы были пусты. Но гораздо большее значение имело то, что в противоположность почти сломленной австрийской государственной власти повелители Германии еще крепко держали в своих руках кормило правления".

С такими руководителями стачка была обречена на провал. Пошли совещания с правительством, причем во главе их стояли Виктор Адлер, Карл Реннер и Карл Зейц. Правительство обещало заключение мира с Россией, регулирование продовольственного дела, демократизацию избирательного права общинного управления, демилитаризацию предприятий. При этом, как говорит Брюгель, „партийное правление вынесло убеждение, что правительство серьезно идет на уступки, и поэтому посоветовало рабочим встать повсюду снова за станки".

Но окончить стачку оказалось не таким легким делом. Заседание рабочего совета Вены, на котором присутствовали и провинциальные делегаты, обсуждало вопрос о прекращении стачки с 4 часов дня 19 января до 4 часов утра 20 января. По свидетельству Отто Бауэра, решение о прекращении стачки было принято „после горячих дебатов". В массах, которые „были охвачены революционной страстностью", это решение встретило „бурный отпор", и предприятия лишь через 2 или 3 дня после 20 января начинают работу.

„Еще раз, — правильно говорит т. Коричонер, — старые бюрократы гальванизировали Австрию"... А 24 января „Arbeiter Zeitung" не постеснялась объявить, что будто бы стачка в Австрии явилась „ударом в сердце германского империализма".

Оппортунистические ошибки левых радикалов

Левые радикалы оказались не в силах помешать социал-демократическим „вождям" закончить стачку и спасти монархию Габсбургов. В одном из листков левых радикалов, выпущенном во время стачки, говорится: „Не верьте вашим патриотическим „рабочим вождям", которые предали вас с первого дня войны... Не слушайте их успокоительных речей, но оставайтесь твердыми в борьбе за наши цели".

Какие же цели движения намечали левые радикалы? Это: 1) уполномоченные для мирных переговоров должны выбираться народом; 2) немедленное заключение перемирия на всех фронтах; 3) демилитаризация предприятий и отмена военных законов; 4) уничтожение всех ограничений права коалиций и политической свободы; 5) немедленное освобождение Фридриха Адлера и других политических заключенных. Листовка заканчивалась: „Выбирайте советы, как в России, — и массовой силе пролетариата будет принадлежать победа".

В этих требованиях нет призыва к свержению Габсбургов. Ничего не говорится о самоопределении наций, — австрийские левые радикалы были опутаны еще в достаточной мере люксембургианским нигилизмом по отношению к национальному вопросу. Между тем декларация генерального ландтага чешских депутатов от 6 января 1918 г. требовала образования независимого государства, и пункт майской декларации о том, что чешское государство мыслится под скипетром Габсбургов, оказался на этот раз вычеркнутым. Под влиянием январской стачки бунтовали словенские, чешские и т. д. полки в Юденбурге (под Веной) и других местах. В начале февраля выбросили на судах красные флаги и переарестовали офицеров матросы в Катарро. А левые радикалы тащились в хвосте движения, которое ставило теперь на очередь дня не просто выход из войны, сколько бы „уполномоченных из народа" для мирных переговоров ни выбрали *при наличии Габсбургов*, а свержение Габсбургов — революцию.

Левые радикалы *начали* с правой ошибки, и это было неудивительно, если принять во внимание, что, как указано выше, почти половина ЦК левых радикалов за несколько недель до январской стачки защищала русских оборонцев.

„Левые" маневры Бауэра и К°

Но если левые радикалы отстали от мелкобуржуазных национальных партий, то „левый" Отто Бауэр перегнал левых радикалов. 20 января, т. е. в тот самый день, когда трудами Бауэра и К° была уже провалена стачка, собралось совещание „левых". Результатом его оказалась новая национальная платформа. По ней а) признавалось право на самоопределение и создание самостоятельных государств за чехами, югославянами и поляками; б) поскольку „гегемония немцев рухнет благодаря победе демократии" — немецкая Австрия выделится в качестве самостоятельного государства и „упорядочит свои отношения к Германии"; в) чешская, польская и югославянская социал-демократия должна бороться против попыток своей буржуазии поработить другие национальности, в частности в чешское государство не должны быть включены немецкие области Богемии и Моравии, польские и немецкие области Силезии и т. п.; е) новые государства конституировались путем созыва своих суверенных учредительных собраний, вопрос о границах решался референдумом, народы прежней Австрии устанавливали между собою государственно-правовую общность, согласно своей свободной воле.

Сущность этой программы сводилась во-первых к тому, что после провала стачки „левые" заявляли рабочим: они, „левые", стоят за республику („демократия") и уничтожение монархии Габсбургов. „Левые" вновь пытались этим возвратить несколько подорванный к ним со стороны рабочих во время стачки кредит. Во-вторых Отто Бауэр и его друзья отлично видели, что фирма Габсбургов стоит перед полным крахом и что никаких мер к спасению ее нет; поэтому приходилось выходить из положения наиболее „достойным" и возможно выгодным образом.

После январской стачки, как это подтверждают и социал-демократические писатели (Брюгель, Тереза Шлезингер), „настроение рабочего класса становится все более решительным и радикальным". Иначе и не могло быть. Правительство не выполнило ни одного из своих обещаний, данных в январе. Военные власти из январской стачки сделали тот вывод, что надо провести ряд мер „против социалистической пропаганды". После стачки пошли аресты и репрессии. Снабжение продуктами стало во всем государстве настолько

плохим, что рабочий класс был готов прибегнуть к самым крайним мерам" *(Брюгель)*.

Распад Дунайской монархии

В то же время правительство дуалистической монархии и его глава император Карл все более проваливались в глазах не только национальных партий, но и партий немецкой буржуазии. В апреле 1918 г. Клемансо опубликовал переписку Карла с его родственником Сикстом Пармским, служившим в армии Антанты. Из переписки следовало, что император через Сикста вел тайные переговоры с Антантой о мире. Первоначально Карл опроверг подлинность документов. Тогда Клемансо опубликовал факсимиле. „Верноподданные" немцы, как-раз в это время возлагавшие все надежды на предстоящее наступление Людендорфа, ахнули, увидев, какого императора они имеют. А император делал одну глупость за другой. Он обещал чехам „восстановить блеск богемской короны" и изъявлял даже желание короноваться во время войны. Но чехи скоро увидели, что это простая болтовня, и махнули на правительство рукой.

Подходил вплотную тот момент, про который Ленин в 1914 г. писал: „Массы населения превосходно знают, по повседневному опыту, значение географических и экономических связей, преимущества крупного рынка и крупного государства, и на отделение они пойдут лишь тогда, когда национальный гнет и национальные трения делают совместную жизнь совершенно невыносимой, тормозят все и всяческие хозяйственные отношения". (*Ленин* Соч., т. XVII, стр. 449.)

Лишь тогда, когда у чешской буржуазии пропали всякие надежды на жизнеспособность „старой монархии" и одновременно Антанта „обещала чешской буржуазии такие границы нового чешского государства, которые вполне удовлетворяли ее империалистские стремления, — буржуазия пошла на лозунг *отделения*, который после Октябрьской революции был подхвачен массами, впервые увидевшими, как разрешался в России национальный вопрос большевиками и как его в Бресте „разрешили" Германия и Австрия.

Чем дальше, тем более и более дело шло к развалу „Дунайской монархии". Большое наступление, начатое самостоятельно австрийскими войсками на итальянском фронте в июле 1918 г., кончилось полным крахом, и на этот раз не оказалось немецких дивизий, которые пришли бы на помощь австрийцам и поправили бы дело: немецкие дивизии были прикованы к Западному фронту и к Украине. С особою наглядностью вскрылись все гнойники Габсбургской монархии, бестолковость военного командования, невероятно плохое снабжение армии, режим, царивший в ней, и пр.

Военная катастрофа на Пиаве обсуждалась в трех закрытых заседаниях рейхстага (23—25 июля). Для министра обороны причины поражения были ясны: два офицера — один чех, а другой кроат — выдали врагу план наступления, а внутри страны происходили беспорядки. Но все дело — поправимо: надо только ввести осадное положение. Господин министр однако не получил никакой поддержки ни от одной партии ландтага. Наоборот, все партии настаивали на расследовании причин поражения и наказании виновных. Если депутаты немецких буржуазных партий (прогрессивная, немецкая радикальная, союз немецких партий) говорили о безобразиях в органах военного управления, то представители национальных партий прямо поставили вопрос об отделении. „Должна быть создана новая основа для национально-политической организации народов и наций, покоящаяся на праве народов на самоопределение", — говорил социал-демократ чех Габерман. Ему вторил польский социал-демократ Либерман. Упомянув о том, что „престиж нашей армии погиб в волнах Пиава", поглотивших тысячи и тысячи солдат, защищавших „честь австрийского знамени", и приведя ряд примеров обращения офицерства с солдатами (наказания, битье и т. п.), оратор заявил: „народам надоело приносить жертвы за

чужие цели... Отныне мы идем нашим собственным путем". Немецкий социал-шовинист Лойтнер на этот раз выступал всех „радикальнее". Когда он приводил факты вроде таких, что солдат послали в бой, а патроны у них оказались без зарядов, то социал-демократ поляк Дашинский воскликнул: всех подлецов и преступников, виновных в поражении, надо привлечь к суду, а иначе „порядок наведет революция".

Угроза революции

В условиях военной катастрофы и развала „государственные деятели обеих частей монархии проявили изумительную неспособность, близорукость и беспомощность". (*Emil Strauss.* „Aus der letzten Tagen der Monarchie". „Kampf", — январь 1928 г.) На коронном совете 27 сентября 1918 г., т. е. уже после капитуляции Болгарии, когда должна была быть ясна вся серьезность положения, венгерский премьер настаивал на том, что ничего не надо менять в дуалистической конституции Габсбургской монархии. Австрийский премьер Гуссарек шел еще на то, чтобы дать нациям автономию, которая ограничивалась правом нации *обсуждать* дела, касающиеся их национальных интересов. „И это все, — пишет Эмиль Штраус, — в такое время, когда Людендорф как-раз приказал немецкому правительству в течение 24 часов обратиться к Антанте с просьбой о прекращении военных действий (29 сентября); когда знали, что через пару месяцев не будет ни одной крошки хлеба и ни одной пылинки муки; когда не было золота, чтобы покупать жиры за границей; когда эмиссия банкнот достигла 30 миллиардов; когда от 25 до 40% паровозов вышли из строя; когда нации бунтовали и промышленность потрясалась стачками; когда грипп косил истощенное население и 68% всех заболеваний гриппом кончались смертью".

4 октября 1918 г. министр внутренних дел Австрии писал военному министру: „Продолжающиеся затруднения в снабжении, растущая дороговизна, отклонение Антантой австро-венгерского предложения мира (14 сентября 1918 г. Австро-Венгрия выступила *с самостоятельным* мирным предложением, но Антанта полагала, что ныне времена „мира-соглашения" прошли. *К. Ш.*) и наконец сведения с фронтов усилили среди рабочих позицию тех элементов, которые думают добиться мира всеми средствами и в особенности проведением всеобщей стачки. Подобная стачка заключала бы в себе большую опасность для общественного спокойствия и порядка в виду того, что рабочие вожди более не могут полностью держать в своих рукак рабочих, а настроение значительной части венского населения близко к отчаянию". Исходя из этого, министр внутренних дел Гайер просил военного министра об увеличении венского гарнизона минимум до 10 тыс. чел., дабы явилась возможность „действенно выступить против крупных беспорядков". А 7 октября 1918 г. в заседании совета министров было установлено следующее: „Не только чехи и южные славяне стремятся сжечь некоторым образом мосты, связывающие их с государством, — обратное действие этих стремлений сказывается и на немцах. Немцы считают себя вынужденными, вследствие позиции славянских партий, занять также строго-националистическую позицию, которая более не соответствует их прежней исключительно государственной ориентации".

Габсбургская монархия оказалась в тяжелом положении; ей угрожали: а) рабочая революция, б) отпадение от монархии не только славян, но и немцев.

Образование компартии в Австрии. Течения и группы

Но для победоносной пролетарской революции необходимо наличие подлинной революционной пролетарской партии. А ее в Австрии не было. Со времени январской забастовки левые группы не топтались конечно на одном месте, но и продвижение их вперед было совсем невелико. К маю 1918 г.

левые группы выпустили № 1 газеты „Weckruf“, который предполагали распространять на майской демонстрации, но полиция его конфисковала. В мае, как докладывал на I конгрессе Коминтерна Грубер (Штейнгардт), „последовали сближение левых радикалов с различными оппозиционными группами и попытка найти совместную платформу. В это же время возник план организовать в Австрии коммунистическую партию. Тогда мы еще не знали, что русские товарищи станут именоваться коммунистами, мы не знали и того, что наши товарищи в Германии, спартаковцы, также назовут себя коммунистической партией. В нашей маленькой группе возникла эта мысль, и мы пожелали претворить ее в дело и начать новую эпоху в революционном рабочем движении Австрии. Нас было немного, когда мы начали борьбу. Многие из лучших наших товарищей сидели в тюрьме, и все силы, необходимые для этой борьбы, приходилось извлекать из какого-нибудь десятка людей“.

К этому описанию остается прибавить немного. Австрийские левые, собиравшиеся основать КПА, даже не знали, что в России РСДРП(б) переименовала себя в ВКП(б) на VII съезде (март 1918 г.), а вопрос о переименовании был поставлен т. Лениным сейчас же по приезде его из-за границы в апреле 1917 г.

Притом слова Грубера на I конгрессе относятся не к левым радикалам, а к небольшой группке интеллигентов и квалифицированных рабочих во главе с самим Грубером и Фридлендер (Рут Фишер, пришедшей к коммунизму из буржуазного ферейна „Свободная любовь“). Эта группа сложилась в мае — июне 1918 г. и 3 ноября 1918 г. основала самостоятельно (без левых радикалов) компартию ., предложив вступить в нее членом Фридриху Адлеру(!). Такая переоценка Адлера и его „левых“ последователей соединялась у группы Фридлендер — Грубера с синдикалистским положением, по которому социализм творится на предприятии, т. е. *сама* рабочая масса проводит социалистическую революцию.

Если, таким образом, взять *всех* немногочисленных левых Австрии, то выходит, что к ноябрю 1918 г. были: а) левые радикалы, б) группа Фридлендер — Грубера, в) синдикалисты. Кроме этого группки анархистов, из которых часть впоследствии примкнула к КПА.

Наиболее влиятельная из этих групп — левые радикалы — была обессилена повторными арестами (январская стачка и стачка в июне 1918 г. из-за уменьшения мучного пайка наполовину, стачка, грозившая превратиться в мощное движение, но удушенная социал-демократами). Но и левые радикалы, принявшие в качестве платформы большевистскую декларацию в Кинтале и критически относившиеся к адлерианцам (что им надо поставить в заслугу), не были *партией*, а лишь группой, симпатизировавшей большевикам и ощупью шедшей к большевикам. Насколько левые радикалы были идеологически слабы, видно из следующего: созданный ими перед январем 1918 г. подпольный рабоче-солдатский совет по словам т. Коричонера „вел систематическую пропаганду в пользу идеи советов“. („Коммунистический Интернационал“ № 16, 1920 г.) Левые радикалы, имевшие в своем „совете“ „пропагандистское ядро“, показывали, создав такой совет, что не понимают ни взаимоотношения между партией и советами во-первых, ни во-вторых того, когда и зачем надо создавать советы. Ибо последние суть органы восстания и зачаточные органы власти, как говорила еще в 1907 г. большевистская резолюция, а не органы „пропаганды“. После июньских арестов

1918 г. „совет“ распался, и т. Коричонер состояние левых радикалов перед ноябрем 1918 г. в указанной статье изображал так: „только небольшие леворадикальные группы влачили существование, не имея возможности войти в контакт друг с другом“.

В Австрии не было революционной партии рабочего класса, а раз отсутствовала революционная пролетарская партия, то и конец Габсбургской монархии и разрешение национального вопроса пошли не путем пролетарской революции, а путем отпадения от Габсбургов их „верных“ народов, причем „национальные революции“ в Чехии и пр. происходили под прямым дирижерством победоносной Антанты. Новые „самостоятельные“ государства устанавливали свои границы не согласно воле „победивших“ национальных революций“, а по указке из Парижа и Лондона.

Распад Австро-Венгрии

Чехо-словацкое „национальное“ правительство было сфабриковано в Париже еще 26 сентября 1918 г., и 14 октября Пишон „с чувством удовлетворения“ признал от имени Франции новоявленное правительство под президентством Массарика. Вильсон в ответной ноте австро-венгерскому правительству, просившему о посредничестве, объявил, отклоняя посредничество, что не может быть „судьей“ борющихся в Австрии народностей, но в то же время „признал“ чехо-словацкий национальный совет, находившийся на содержании Антанты. По мнению Вильсона, народности Австрии должны сами рассудить, как им надо действовать.

После этого все „революционные“ события в Чехии от 14 октября (демонстрация за установление республики и против вывоза из Чехии продовольствия) до 30 октября имели третьестепенное или и того меньшее значение.

Только непроходимой тупостью Карла и его сотрудников можно объяснить появление 17 октября манифеста императора к его „верным народам“. Манифест обещал преобразование Австрии в союзное государство, но в то же время заявлял, что сохраняется полностью интегритет (целость) „святой венгерской короны“. Манифест оставлял открытым вопрос о присоединении польских областей, принадлежавших Австрии, к независимому польскому государству. „Верные“ народы только посмеялись над манифестом. 19 октября южнославянский комитет, пребывавший в Лондоне, заявил, что сербы и кроаты отклоняют манифест Карла и намерены разорвать все связи „с Габсбургами и монархией“, а в Аграме существовало вполне открыто „Народное вече“, подготовлявшее организацию южнославянского государства. 19 октября в Львове образовался Украинский национальный совет. В Кракове польский сейм высказался за образование независимой Польши. Все нити „национальных“ революций *шли* в парижские и лондонские „национальные комитеты“, и грядущая „национальная свобода“ была полностью обеспечена всею мощью Антанты, составлявшей новую географическую карту Европы.

Немецкая буржуазия Австрии и австрийская социал-демократия были умнее Карла, и Брюгель рассудительно пишет: „Славянские нации Австрии сделали уже... все приготовления к тому, чтобы осуществить свою независимость, организовать государство, не дожидаясь императорского манифеста... Теперь должны были бы и немцы в старом государстве Габсбургов равным образом воспользоваться своим правом самоопределения, прежде чем это не стало бы поздно.

Манифест Карла предусматривал в целях подготовки создания „союзного государства“ образование из состава депутатов рейхстага каждой нации национальных советов. Поэтому, когда 21 октября немецкие депутаты собрались

в историческом зале „Сословий Нижней Австрии“ (памятен по революции 1848 г.), то ничего еще собственно незаконного в этом поступке не было.

Председателями собрания оказались: Дингофер — от союза немецких национальных партий, Финк — от христианско-социального объединения и Карл Зейц — от социал-демократов.

Виктор Адлер огласил от имени социал-демократов обширную декларацию. Она начиналась с признания права на самоопределение (уже сомоопределившихся!) славянских и романских народов. Перед немецким народом, по мнению социал-демократов, было два пути: немецко-австрийское народное государство должно или объединиться в свободном союзе с соседними народами, или, если народы этого не захотят,— включиться в состав Германии в качестве союзного государства. Будущее австро-немецкое государство должно быть демократическим. Поэтому социал-демократы обещали при выборах в Учредительное собрание бороться за демократическую республику. До созыва Учредительного собрания социал-демократы рассматривали собрание 21 октября как „первый парламент австро-немецкого государства“ и предлагали ему образовать правительство, которое только и было бы правомочно вести мирные переговоры.

В декларации само собою не было недостатка в „левых“ заявлениях: „Мы, немецкие социал-демократы, принимаем участие в работах этого собрания, ибо оно является в настоящий момент единственно возможным парламентом немецкой Австрии. Мы не хотим с вами, нашими классовыми противниками, заключать какой-либо союз или гражданский мир, мы остаемся противниками, как и были ими прежде...“

„Классовые противники“, т. е. немецкие националисты и христианские социалисты, выступили после этого с речами, в которых высказались за сохранение для будущего немецко-австрийского государства конституционно-монархической формы власти. Все это не помешало собранию избрать исполнительный комитет и разбить его на три группы, ведавшие: 1) войной и внешними делами; 2) внутренними делами и конституцией; 3) народным хозяйством и продовольственным делом.

Немецкая буржуазия 21 октября не посмела пойти на свержение Габсбургов и призвать к этому трудящиеся массы. Новоявленные герои собрания в историческом зале 1848 г., очутившиеся между угрозой расчленения немецкой Австрии с одной стороны и угрозой рабочей революции — с другой, топтались на одном месте, а социал-демократы „слева“ прикрывали их, обещая (в будущем) бороться за республику и оставляя пока на месте Карла со всем его охвостьем.

Подобная же трусость, к слову сказать, была проявлена и венгерскими демократами и „революционной“ буржуазией Чехии. 16 октября устами венгерского министра-президента Векерле венгерские магнаты высказались за отделение от Австрии, возвращение венгерских войск и пр. Но они были еще за „персональную унию“ с Австрией, т. е. за связь между обеими странами через корону Габсбургов. „Демократы“, организовав национальный совет, ничего не предпринимали вплоть до 30 октября. Лишь тогда стихийное солдатское восстание выкинуло на поверхность „демократическое“ правительство Карольи, которое поспешило принести присягу правительству Габсбургов.

В Чехии дело обстояло так. После событий 14—15 октября глава чешского правительства, сидевшего еще в Париже, Масарик возвратил 17 октября,

что Чехо-Словакия отныне является самостоятельной республикой. На деле было совсем иначе. В Праге преспокойно сидел наместник австрийского императора. Национальные же „революционеры" действовали так. Сначала они сговорились с австрийскими военными властями о том, что Национальный комитет совместно с военными властями возьмет на себя заботу о снабжении населения и солдат. 26 октября было решено взять военное транспортно-хлебное ведомство. Но как раз 28-го стала известной нота австро-венгерского министра иностранных дел Андраши к САСШ, в которой Австро-Венгрия просила о сепаратном мире и соглашалась на требования Вильсоновской ноты, т. е. — чехи и южные славяне получали право устраивать свою судьбу так, как это им было угодно. „Национальную революцию" в Чехии благословил Габсбург, и только тогда национальные революционеры отправились занимать канцелярию штатгальтера. Они „заняли" ее в согласии с заместителем штатгальтера (последний был в Вене) и приняли управление страной совместно с прежними властями и в полном соответствии с программой нового (и последнего) австрийского правительства Ламмаша, имевшей подпись императора. Лишь 30 октября власть окончательно перешла в руки чешского национального правительства. Чешский историк Опоченский („Возникновение национальных государств в октябре 1918 г.") пишет по поводу действий „национальной" пражской буржуазии: „Частичка осторожности, частичка двусмысленности... Было не в его (переворота. *К. Ш.*) интересах с самого начала разделаться со всеми неясностями. „Первое время в Праге не знали даже, будет ли чешское государство монархией или республикой. „Народную" революцию буржуазия делала сверху, прилагая все усилия, чтобы народ остался в стороне и не проявил каких-либо „неразумных" действий.

Революция в Австрии. Провозглашение республики. Предательские маневры австро-марксистов

Если ни австро-немецкая буржуазия и социал-демократия, ни национальные буржуазии и национальные социал-демократические партии не обнаруживали большой быстроты в проведении переворота, то они совместно с Габсбургской монархией повинны за те неисчислимые и совершенно напрасные жертвы, которые понесла армия в дни итальянского наступления, начавшегося 24 октября. И лишь тогда, когда поднялись не только чешские и другие части, но дело дошло и до немецких частей, когда миллионная армия окончательно расползлась,— принялись „действовать" и национальные „революционеры" и австрийские социал-демократы.

Рабочие Вены, как это удостоверяет Отто Бауэр, были охвачены движением за провозглашение республики, и 29 октября ряд венских предприятий послал в парламент делегации, требовавшие от партии немедленной организации демонстраций под лозунгом учреждения республики. 30 октября предстояло собраться Временному национальному собранию. Еще нота Андраши от 27 октября к САСШ, в которой Австрия изъявляла готовность на переговоры о перемирии и сепаратном мире, была воспринята немецкими националистами как измена Германии со стороны Габсбургов. Социал-демократическая „Arbeiter Zeitung" в свою очередь писала 29 октября: „Мадьяры, которые собственно были вдохновителями союзной политики, полностью капитулировали. Немецкий народ в Австрии вынужден вследствие этих обстоятельств создать себе собственный дом. Совершенно ясно, что династия и Венгрия отделяются от Германии для того, чтобы путем сепаратного

мира получить более благоприятные условия, — поэтому немецкий народ должен в будущем сам проводить свою внешнюю политику".

В результате получилось такое положение: 1) немецкая буржуазия и социал-демократы были против вхождения немецкой Австрии в единое государство, возглавляемое Венгрией и враждебное Германии, — их требованием являлось образование самостоятельного (без Габсбургов) австро-немецкого государства и союз с Германией; 2) христианские социалисты в последнем правительстве Габсбургов (правительство Ламмаша) пытались, в особенности Игнац Зейпель, спасти корону Габсбургов и сохранить для нее хотя бы альпийские области; 3) рабочие массы требовали учреждения республики.

Под напором рабочих масс, при наличии разноголосицы у буржуазии, социал-демократы „возглавили" движение за республику. И если в заседании Временного национального собрания 30 октября Сильвестер от немецких националистов заявил, что отныне только Национальное собрание *одно* правомочно решать судьбы австро-немецкого народа, то социал-демократ Элленбоген сейчас же пошел дальше; он сказал, что народ отвергает династию и кончил свою речь требованием создания республики. „Ура" республике провозгласили в ответ оратору националисты и социал-демократы, а христианским социалистам поневоле приходилось молчать.

На улицах Вены и перед зданием ландтага демонстрировали огромные массы рабочих и солдат. Даже националистические организации студентов оказались на улице и требовали свободы и республики. Как в 1848 г. — умиляется Брюгель — „рабочие и студенты стояли плечом к плечу перед зданием Собрания". Получалась совсем „общенациональная революция", и социал-демократы как раз спекулировали на ней, образовав коалицию с буржуазией в „революционном" правительстве, которое под именем Государственного совета было образовано Временным национальным собранием 30 октября.

Государственный совет составился из пяти немецких националистов, трех христианских социалистов, двух социал-демократов и трех „деловых" кандидатов. Министерство внешних дел было поручено Виктору Адлеру, а министерство социального обеспечения — Фердинанду Ганушу. Кроме того от социал-демократов Карл Реннер занял пост руководителя Государственной канцелярии, и Юлиус Дейч (позднее) — помощника военного министра.

Само собою, социал-демократы вошли в правительство, выставив ряд „условий": а) признание полной независимости народов Австрии, — вопросы о границах решаются народным голосованием; б) решения Временного национального собрания не нуждаются в санкции императора; министры назначаются помимо императора; окончательно же вопрос, будет ли немецкая Австрия монархией или республикой, решается Учредительным собранием; в) Учредительное собрание созывается возможно скорее на основах всеобщего и т. д. избирательного права, причем голосуют и солдаты на фронте и на этапах; г) вопрос об общинном управлении передается Учредительному собранию, — до этого общинные управления дополняются представителями рабочих соответственно соотношению сил партий; д) народная армия создается с таким расчетом, чтобы она „не могла быть превращена в орудие одного класса или одной партии против других партий; е) демилитаризация предприятий, отмена военных законов и поддержка безработных; ж) полная свобода печати; отмена исключительного положения, амнистия.

Такая „программа" нисколько не была страшна буржуазии, и недаром Временное национальное собрание „бурно приветствовало" следующие слова

Виктора Адлера: „Мы надеемся, опираясь на силы, которые покоятся в народе, опираясь на святое (!) решение, которое мы все вместе вынесли, и на глубокое убеждение, что переживаем особый исторический момент, пережить который ожидали немногие из нас, — мы надеемся, что отныне можно итти навстречу лучшим временам для нашего немецко-австрийского народа. Слава (Heil) Немецкой Австрии!“

Так накануне своей смерти (Адлер умер 11 ноября 1918 г.) говорил старый вождь австрийской социал-демократии, и в его словах подытожилась вся история развития верхушки партии, которой он руководил. Сначала — немецко-национальные кружки, из которых вышел Адлер, потом под влиянием росшего рабочего движения переход в лагерь марксизма, затем — быстрое скатывание в болото социал-реформизма и социал-шовинизма, и наконец „дожили“ до радостного дня: разогнали прежде единую партию, отбросили чешский и т. д. пролетариат к „национальной“ буржуазии, пошли воевать до победного конца, развалили все государство и, сидя у его обрубка, произвели „общенациональную“ „революцию“ вместе с немецкими националистами и христианскими социалистами. При этом чем дальше, тем все больший обман рабочих масс то жупелом распада Австрии, то жупелом царизма и т. д. — вплоть до нового обмана и предательства в „исторический момент“, до которого „не думали дожить“. 30 октября массы рабочих и солдат были на улице. Они срывали императорские гербы и офицерские эполеты и не дали говорить венскому бургермейстеру христианскому социалисту Вейскирхнеру. Но наиболее горячий прием встречали выступления социал-демократов („Berliner Tageblatt“, 30 октября). Этой партии доверяли массы, ибо другой партии у масс не было. А социал-демократы совместно с своими союзниками по „общенациональной“ „революции“ — действовали. 30 октября новоизбранный Государственный совет обратился с воззванием „К немецкому народу Австрии“. Воззвание было подписано представителями всех трех партий, осуществлявших „общенациональную революцию“, и главным образом упирало на то, что „вступление нового правительства немецко-австрийского народного государства в обладание правительственной властью может произойти только в спокойствии и порядке“. „Власти прежнего австрийского государства не оказывают сопротивления вступлению нового правительства в управление, — поэтому нет никакого основания угрожать этим властям. Насильственные действия не способствуют, а затрудняют для правительства принятие власти и ее использование через доверенных людей немецкого народа“.

Спокойствие, порядок и сохранение прежнего государственного чиновничьего аппарата — таковы были лозунги „общенациональной революции“. 31 октября заседал партейтаг социал-демократической партии. Доклад о политическом положении делал Отто Бауэр. Он начал так: „Мы находимся среди революции. У нас нет баррикад, нет необходимости быть между войсками и народом... и несмотря на это народы достигли в эти дни победы, полнее которой не могло бы быть“. Причиною, почему „капитулировала прежняя государственная власть“, явилось то, что „ее величайшее средство насилия — армия — оказалась истощенной вследствие четырехлетней войны и уничтоженной вследствие перевеса сил противника...“ Удостоверив, что старой власти ничего не оставалось, как капитулировать, Отто Бауэр первой задачей социал-демократов наметил — отстаивать присоединение немецкой Австрии к Германии, ибо есть надежда, что скоро Германия станет „Германией

Либкнехта и Бебеля". Далее в докладе шло центральное место: „Массы исполнены нетерпения; массы думают, что наступило время итти дальше и вести чисто политическую революцию к социальной революции".

Какой же тактики должна была придерживаться социал-демократия при таком настроении масс и при полной капитуляции старой власти? Отто Бауэр заявлял: „Вопреки этому (настроению масс. *К. Ш.*) мы должны оставаться трезвыми и твердыми; мы должны действовать как полководец, который, взяв вражескую позицию, не ведет свои войска сейчас же далее, но сначала заботится о том, чтобы закрепить завоеванное с целью выигрыша новой твердой позиции, откуда можно было бы двигаться дальше".

С такой программой улучшения движения „исполненных нетерпением масс" социал-демократия сумела овладеть положением и после 30 октября снова предать их 12 ноября — в день провозглашения буржуазной республики.

Зайдель Г.

ИТАЛИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

I. ИТАЛИЯ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Экономическое положение Италии

Накануне войны Италия представляла собой страну индустриально отсталую по сравнению с такими странами Западной Европы, как Германия или Франция. В значительной степени индустриальная отсталость Италии объяснялась поздним ее объединением: до 70-х годов XIX века. Италия была раздроблена на ряд мелких государств, значительная часть ее территории находилась под владычеством Австрии. В первые десятилетия после объединения Италия переживала тяжелый финансовый и экономический кризис: конкурентоспособность итальянской промышленности на мировых рынках была чрезвычайно ослаблена, рынки были захвачены выступившими раньше великими индустриальными державами, внутренний рынок, вследствие обнищания населения и значительных остатков феодальных пережитков в стране, был недостаточно емким, колонии в основном были уже поделены между крупнейшими империалистическими хищниками. К тому же в Италии ощущалось (и до сих пор ощущается) почти полное отсутствие промышленного сырья. Италия не имеет своего собственного угля и нефти. Собственным железом удовлетворяется только 70—80% промышленности. Италия не имеет также хлопка. Отсутствие собственного сырья и топлива компенсировалось некоторым образом дешевизной рабочей силы. Эта дешевизна объясняется значительной плотностью населения (130 человек на 1 *кв. км*—почти столько же, сколько в гораздо более экономически развитой Германии) и наличием многомиллионных масс сельскохозяйственного пролетариата и полупролетариата (сельской бедноты). По переписи 1901 г. в Италии насчитывалось одних поденных рабочих 7 215 648 человек, т. е. около 50% всего сельскохозяйственного населения. Арендаторов всякого рода насчитывалось 2 305 076 человек, из них около 60% (1 581 492) принадлежат к так называемым половникам (mezzadri) и к колонам.[1]

[1] *Половник* арендует столько земли, сколько он со своей семьей в состоянии обработать, не нанимая посторонних рабочих. Половина урожая (а иногда и больше — сообразно местным условиям от $^1/_3$ до $^2/_3$ урожая) с арендованной земли в натуре принадлежит землевладельцу. Но почти всегда половник продает землевладельцу и свою часть урожая. Половничество накануне войны было особенно развито в Тоскане и Средней Италии, но оно встречалось и в других местах, например в Сицилии, где оно приняло особо *кабальные* для крестьянства формы. В Сицилии крестьянин постоянно нуждался в ссуде, которую он получал у своего

Феодальная эксплоатация крестьянства была особенно развита в Южной Италии и Сицилии, где преобладало крупное помещичье землевладение. Положение сельской бедноты, особенно батраков, здесь было крайне плачевно. Заработки их были ничтожны, рабочий день очень длинен, помещались они в жалких лачугах; но еще хуже положение временных рабочих, нанимаемых поденно. В общем можно сказать — пишет Виллари — что южноитальянские и сицилийские крестьяне составляют самую бедную и наиболее эксплоатируемую часть итальянского населения.

Тяжелое положение сельского трудового населения и излишек рабочей силы в деревне вызвали сильную эмиграцию из Италии. Ежегодное число эмигрировавших из Италии за последние 10 лет накануне войны составляло в среднем свыше ***полумиллиона*** человек (в 1913 г. — 873 000). Постоянно живущих за границей итальянцев накануне войны (1911 г.) насчитывалось свыше $5^1/_2$ млн. человек. Около 2 млн. считалось временно эмигрировавшими.

Однако итальянский капитализм накануне войны сделал довольно крупные успехи в судостроении, автомобильном и хлопчатобумажном производстве, производстве искусственного шелка и в некоторых отраслях металлообрабатывающей промышленности. Большое развитие получила также электротехническая индустрия. Итальянский капитализм отчасти возмещал недостаток черного угля добыванием „белого угля", пользуясь силой рек.

Успехи итальянского капитализма накануне войны можно проиллюстрировать следующими цифрами: вывоз из Италии составлял в 1902 г. 541 500 тыс. руб., а в 1912 г. — 898 500 тыс. руб. в год; ввоз составлял соответственно 646 200 тыс. руб. и 1 351 500 тыс. руб., т. е. за 10 лет почти удвоился. Капиталы акционерных обществ составляли в 1900 г. 2 279 120 лир,[1] а в 1912 г. 5 506 996 лир. Количество моторов в промышленности составляло в 1903 г. 64 069, мощностью в 778 090 лошадиных сил, а в 1911 г. 107 422 в 2 206 565 лошадиных сил. Выплавка чугуна в домнах составляла в 1900 г. 23 990 *т*, а в 1913 г. 426 755 *т*.

Эти успехи крупной машинной индустрии в Италии накануне войны отнюдь не характерны для всей Италии в целом. Основным очагом индустриального развития являлась Северная и отчасти Средняя Италия. Юг Италии до войны был преимущественно земледельческим. Вообще довоенная Италия была страной контрастов.

На маленькой территории Италии последняя парижская мода уживается с сардинским костюмом бандита, драма Габриэля д'Аннунцио — с 80% безграмотности в Калабрии, высшее в Европе автомобильное производство — с полукочевыми племенами юга *(Осоргин)*. Да и в крупных городах, даже на севере, накануне войны мелкое ремесленное производство было достаточно живучим. В городах общераспространенным типом производства была мелкая ремесленная мастерская, где работал сам хозяин при помощи двух-трех учеников и подмастерьев.

помещика или у постороннего лица под огромные проценты, доходящие часто до 50, причем он получал зерно низшего качества, а возвратить должен был отборным зерном. Кроме полагающейся половины жатвы, существовали еще дополнительные сборы в пользу помещика, так что в общем крестьянину после всех вычетов доставалось очень немного... „Наконец условия договора таковы, что mezzadro (половник) во всякую минуту может быть лишен аренды" *(Виллари)*. *Колон* — это нечто среднее между половником и батраком. Колон получает участок земли, который он обрабатывает совместно с семьей. Колон — наемный рабочий — весь урожай со своего участка отдает землевладельцу, а сам получает определенное контрактное годовое содержание.

[1] Итальянская денежная единица, в довоенное время составляла около 38 коп.

Это особенно относится к так называемым художественным ремеслам, как например производство майолики и фарфора, разной мебели, металлических изделий, изделий из стекла и тому подобных материалов, чем славится Италия. Из таких мастерских лучше всего преуспевают те, где ремесленник может работать по собственному вкусу и усмотрению.

„Обстановка и характер работы в этих мастерских переносят нас в средние века, — писал в 1911 г. упомянутый нами Виллари, — и хотя цехи давно исчезли, дух их жив до сего времени: флорентийские ювелиры и резчики по дереву, стеклянные мастера Мурано и раскрашиватели майолики работают по тем же методам, как их предки пятьсот лет тому назад".

Таким образом экономическое развитие Италии накануне войны характеризуется недостатком капиталистического развития на ряду с успехами индустриализации. Все это не могло не отразиться на соотношении классовых сил в стране и в частности на положении рабочего класса.

Мелкая буржуазия в стране представляла значительную силу. В частности перепроизводство интеллигенции было в Италии еще более выражено, чем в довоенной Франции. Индустриальный пролетариат, выросший в течение одного-двух десятилетий, был сконцентрирован главным образом на севере Италии. Он находился в гораздо менее благоприятном положении, чем в других странах Западной Европы. Итальянский капитализм пользовался избытком рабочей силы, чтобы вдвойне эксплоатировать рабочий класс. Своих успехов в деле индустриализации страны господствующие классы Италии достигли с одной стороны за счет беспощадного снижения заработной платы, с другой — введением покровительственных таможенных пошлин, тяжело отражавшихся на положении трудящихся. „Италия в течение двух веков привыкла жить на полпорции". Эта фраза, принадлежащая видному итальянскому ученому Ферреро, характеризует жизненный уровень итальянских масс накануне войны. Достаточно сказать, что потребление мяса в Италии равнялось до войны 12,7 *кг* в год на человека; а в Англии призреваемый, т. е. не работающий, получал 26 *кг* мяса в год.

Крайне высокое обложение пищевых продуктов и предметов первой необходимости — такова правительственная политика Италии накануне войны. Налоговое обложение в Италии составляло в среднем 30% доходов итальянца и было выше, чем во всех других странах Европы. На ряду с поземельным налогом, который в первую очередь ударял по мелкому землевладельцу, существовал еще так называемый „семейный налог", от которого страдал по преимуществу рабочий и мелкий ремесленник. Кроме доходов от непомерных налогов, итальянское правительство выкачивало деньги из бедноты при помощи монополии на табак и соль.

Морская соль охраняется вооруженными сторожами, которые на всем протяжении берега следят за тем, чтобы окрестные жители не „крали" морской воды ведрами для добывания из нее соли" *(Виллари)*.

Неудивительно, что массы питались впроголодь, и пища низших классов накануне войны состояла главным образом из пшеничного хлеба и кукурузы (так называемая итальянская „полента"). Этой пищей трудящиеся заменяли недоступные им по ценам хлеб или мясо.

За 12 лет количество занятых в крупной промышленности рабочих почти удвоилось, поднявшись с 1 275 109 (в 1900 г.) до 2 206 565 человек (в 1912 г.) Однако заработная плата даже квалифицированного рабочего была значительно ниже, чем в других европейских странах, и колебалась от 50 коп. до 3 руб. 20 коп. в день. Заработная плата чернорабочего колебалась от 45 коп. до 2 руб. в день. Сельский рабочий получал от 32 до 58 коп., а на юге плата часто падала до 16 — 20 коп. в день. Расход на пищу поглощал до 85% заработка рабочего, 15% у него оставалось на жилище,

одежду и „другие потребности". Рабочий день в промышленных предприятиях равнялся 10 часам и выше, в сельском хозяйстве (особенно во время уборочных кампаний) он достигал 19—20 часов. В таких производствах, как серные копи Сицилии, бесчеловечная эксплоатация детей была обычным явлением. К призывному возрасту юноши рудокопных округов Сицилии поставляли от 40 до 45% инвалидов.

Политический строй Италии

Италия (формально и до сих пор) является конституционной монархией. В основу итальянской конституции до войны был положен „статут", провозглашенный сардинским королем Карлом-Альбертом 4 марта 1848 г. Однако конституционная практика еще до войны привела к ограниченному буржуазному парламентаризму. Законодательная власть принадлежала выборной палате депутатов и сенату. Всеобщего избирательного права до войны в Италии не было. До 1912 г. избирательные права были ограничены требованиями грамотности и ценза. Избиратели составляли до 1912 г. всего 8,5% населения (В Англии—16%, во Франции — 27, в Германии — 20). По закону 30 июня 1912 г. все ограничения сохранялись только для граждан от 21 до 30 лет, а для граждан, достигших 30 лет, равно как и не достигших, но отбывших воинскую повинность, требование ценза и грамотности было отменено.

Члены сената назначались пожизненно королем из лиц, достигших 40-летнего возраста. Сенаторами назначались представители высшей военной и гражданской бюрократии, крупные собственники, бывшие депутаты и „достойные" ученые. Накануне войны (1913 г.) в сенате было: чинов высшей бюрократии — 105 человек, бывших депутатов — 142, ученых — 48, крупных собственников — 60. Министерство, назначенное королем, было ответственно перед палатой и сенатом.

Политическая система в Италии накануне войны выродилась в один из худших видов парламентского кретинизма. Самые выборы в палату депутатов происходили всегда в атмосфере злоупотреблений, запугивания избирателей, подкупов. Правительство — в целях получения желательного большинства в парламенте — не только использовало полицейский и административный аппарат, но нередко прибегало, особенно на юге Италии, к помощи разбойничьих шаек (так называемых „маффии" и „каморры"). [1]

„Народные" избранники Италии также нередко покупали себе голоса. „Во многих местностях цена голосов так же хорошо известна, как цена на молоко или керосин" — писал Виллари. Только в 1912 г. депутаты

[1] „Маффия" — тайная организация, возникшая в Сицилии в начале XIX века. Так называемая „большая маффия", в которую входили крупные землевладельцы, ростовщики, политические деятели, использовала для защиты феодальных отношений „малую маффию", в которую входит беднейшее крестьянство, мелкие служащие и пр. Дельцы из „большой маффии" держали бедноту в подчинении с помощью ростовщичества, мелких услуг и гарантий безнаказанности. Почти все вожди рабочего и крестьянского движения в Сицилии в последние десятилетия накануне войны были убиты „малой маффией", по приказу „большой". Правительство смотрело на эти убийства сквозь пальцы.

„Каморра" — тайная организация бандитского характера, возникшая в Италии еще в XVI — XVII вв. при испанском господстве. В XIX веке черпала своих членов из среды неаполитанского люмпенпролетариата и фактически держала в своих руках Неаполь. „Каморра" облагала данью все профессии, ремесла и предприятия, начиная с городских трамваев и кончая публичными домами. „Каморру", кроме правительства, использовали для своих целей разные политические клики Италии.

стали получать содержание: 6000 лир в год (2250 руб.), для „возмещения расходов на почтовую корреспонденцию и пр.". Зато депутаты всеми мерами использовали свое положение во всех областях государственной жизни для своего личного обогащения. Система протекций и даже взяточничества со стороны депутатов широко проектировалась среди парламентских деятелей Италии. Правительство просто покупало себе большинство, когда это ему было необходимо. По свидетельству одного влиятельного депутата, „в 1900 г. более половины палаты прямо или косвенно были стипендиатами правительства". Министры и значительное количество членов палаты, особенно из министерского большинства, получали соответствующую мзду в банках и из секретных фондов, а также почетные и доходные должности и звания. Маленькие и большие „панамы" в довоенной Италии были не менее частым явлением, чем во Франции.

Партии в Италии

Классовая борьба в стране отражалась поэтому в борьбе партий в итальянском парламенте как в кривом зеркале. Парламентские комбинации являлись искусственным созданием того или иного ловкого лидера. „Удивительно, какое ничтожное влияние имеет здесь перемена правительства на действительный ход политической жизни!" — восклицает один из вдумчивых наблюдателей-буржуа довоенной Италии. Любой депутат мог сегодня голосовать за правительство, а завтра против, — никакие партийные рамки его не связывали. Настроение отдельных депутатских групп и фракций менялось в зависимости от любых влияний и в первую очередь зависело от личной выгоды депутатов. Вот почему в Италии еще более, чем во Франции, общераспространенными были клички политических направлений по лицам („партии" Криспи, Джолитти и других буржуазных политиков, которые заправляли до войны Италией).

Крупнейшей партией, объединявшей в своих рядах промышленную буржуазию и помещиков, была партия либералов, в которой преобладало умеренно-консервативное крыло. Партии радикалов и республиканцев пытались говорить от имени мелкобуржуазных избирателей. Незадолго до войны в парламенте появилась откровенно клерикальная партия католиков, выступавшая за восстановление светской власти папы. К ней примыкали и националисты, выступившие на политическую арену накануне войны и выставлявшие лозунг „Великой Италии". Националисты выражали интересы крупных банков и магнатов тяжелой индустрии, которых не удовлетворяла колеблющаяся политика либералов.

Взаимоотношения между римским папой и объединенной Италией регулировались так называемым Законом о гарантиях 1871 г. и некоторыми другими постановлениями. Итальянское правительство гарантировало католической церкви отправление ее религиозных функций и невмешательство в религиозную деятельность папы. Церковные должности замещались римской курией, но назначения должны были утверждаться министром юстиции. Итальянское правительство предоставляло также римскому папе право назначать своих послов в иностранные державы, иностранные послы при Ватикане пользовались всеми правами и привилегиями посланников. Однако папы не довольствовались предоставленными им „гарантиями", они считали себя, „узниками Ватикана", которые выйдут из Ватикана только тогда, когда им будет возвращена светская власть. Папская булла Non expedit запрещала католикам участвовать в политических выборах. Это не мешало католическому духовенству участвовать в выборах и даже образовать с начала XX века свою партию в парламенте для противодействия растущему влиянию социалистической фракции. Католическое духовенство было значительной силой в Италии, особенно в деревне. Попы и монахи держали в своих руках семью, школу, благотворительные общества, ряд кооперативов и даже некоторые крестьянские и рабочие организации.

Второй по численности партией в парламенте, имевшей огромное значение в политической жизни страны, была социалистическая партия.

Вот сравнительная таблица количества мест различных партий в палате с 1904 г.:

	1904 г.	1909 г.	1911 г.	1913 г.
Либералы	415	382	302	290
Радикалы	37	45	62	70
Социалисты	29	41	80	80
Республиканцы	24	24	16	15
Католики	3	16	35	33

Социалистическое движение накануне войны

Итальянская социалистическая партия образовалась в 1892 г. В первые годы партия подвергалась беспрерывным преследованиям правительства и была дважды распущена: в 1894 г. и в 1898 г. Вновь восстановленная партия сделалась ареной борьбы разных направлений. Италия, в которой промышленность была сравнительно слабо и неравномерно развита и в которой были значительные массы люмпенпролетариата и наблюдалось перепроизводство интеллигенции, сделалась плацдармом для использования рабочего движения разными буржуазными карьеристами. Чтобы пролезть в люди и сделаться депутатом, буржуазные сынки проникали в социалистическую партию, прикидываясь ярыми защитниками интересов рабочих. Парламентская социалистическая фракция в Италии представляет собой характерный образчик захвата командных постов в партии выходцами из буржуазии. Последние либо при первом удобном случае изменяли пролетариату и становились министрами, либо получали другие высокие посты в буржуазном государственном аппарате: в 1903 г. из 33 социалистических депутатов 28 (84,5%) принадлежали к выходцам из крупной и средней буржуазии, 3 (9,5%) — из мелкой буржуазии и только 2 (6%) — из рабочих. В партии, особенно на командных постах, было так много адвокатов, инженеров, профессоров, что до войны итальянская социалистическая партия получила кличку „профессорской партии".

Наличие такой „профессорской" прослойки и ее сильное организационное и идеологическое влияние были одной из причин реформистского загнивания итальянской социалистической партии. Конечно основой для роста и усиления реформистского крыла в партии являлась, так же как и в других странах, рабочая аристократия. Но рабочая аристократия внутри итальянского пролетариата была представлена значительно слабее чем в Германии и даже во Франции. Это объясняется слабостью итальянского империализма, который не смог создать обширной колониальной державы и следовательно черпать оттуда достаточно сверхприбылей для подкупа верхушки рабочего класса. С другой стороны на рабочий класс Италии сильно давила перманентная, все увеличивающаяся, резервная армия труда. Поэтому реформизм выступал внутри социалистической партии Италии гораздо завуалированнее, чем в других странах. Вожди итальянского реформизма, например Энрико Ферри, не высказывались открыто за реформизм. Называя себя ортодоксальными марксистами и выступая против ревизионизма, Ферри и его сторонники изобрели свое течение — „интегрализм". Нужно „согласовать непримиримость с соглашениями в тот или другой момент", „нужно не теряться в переулках оппортунизма, а во-время интегрировать, находить середину" —

к этим формулам сводилась „теория“ Ферри. На практике же „интегрализм“ оказывался самым махровым соглашательством с буржуазией.

По мере приближения к империалистической войне часть реформистов была вынуждена ходом событий саморазоблачиться. Во время ливийской войны 1911—1912 гг. (война с Турцией за Триполи) группа реформистов, во главе с Биссолати и Бономи, объявила себя сторонниками войны, поддерживала колониальную авантюру итальянской буржуазии и была исключена из партии.

В итальянском рабочем движении, как бы в виде ответа на оппортунистические грехи социалистической партии, упорно держались зародившиеся еще под влиянием Бакунина анархистское и анархо-синдикалистское течения. Оба течения питались наличием в Италии крупной прослойки ремесленного пролетариата и люмпенпролетариата. Однако, в отличие от Франции, анархо-синдикализм в Италии не имел за собой значительных масс. В сильной степени этому мешало засилие интеллигенции среди вождей анархо-синдикализма: итальянский синдикализм был не менее „профессорским“, чем социалистическая партия. В 90-х гг. прошлого века итальянские анархисты проводили индивидуальный террор — в 1900 г. анархист Бренди убил итальянского короля Гумберта. Развитие промышленности в Италии и успехи социализма способствовали изменению тактики анархистов; последние начинают проникать в синдикаты и даже в социалистическую партию. Внутри социалистической партии синдикалистское крыло, во главе с профессором Артуро Лабриола и другими, выступило с пропагандой „прямого действия“ и критикой парламентаризма. Интеллигентский синдикализм Лабриола, Леонэ и других является разновидностью французского „сорелизма“ и представляет собою причудливую смесь из „левых“ фраз и ревизионистских положений.

В 1906 г. на съезде в Риме группа синдикалистов, во главе с Лабриола, вышла из партии. На съезде 1908 г. синдикалисты были исключены из социалистической партии. Через некоторое время, в 1911 г., теоретический вождь синдикализма Артуро Лабриола выступил как сторонник захвата Триполи, а в 1912 г. этот бывший ярый антипарламентарист стал депутатом парламента.

Несмотря на то что итальянская социалистическая партия выбросила из своих рядов откровенных реформистов, вроде Биссолати и Бономи, и анархо-синдикалистов, партия все же не очистилась от реформизма. Умение оппортунистов типа Туратти пользоваться революционной фразеологией, чтобы не потерять влияния в революционно настроенных массах, относительные успехи итальянского империализма, завоевавшего накануне войны Триполи и усилившего тем свои позиции в деле подкупа рабочей верхушки, организационная дряблость партии, мелкобуржуазные традиции и влияние в ней интеллигенции — все это способствовало тому, что к моменту войны руководство итальянской партией оказалось в руках „центристов“. Центризм, принявший в условиях Италии своеобразный „левый“ характер, оказался именно вследствие своей мнимой „левизны“ особенно опасным для послевоенного итальянского революционного движения.

Рабочее и профессиональное движение накануне войны

Профессиональное движение в Италии стало развиваться и крепнуть в 90-х гг. прошлого столетия. Итальянские профсоюзы (по городам и округам) были объединены в „палаты труда“. Параллельно с „палатами труда“ существовали и объединения по профессиям — „национальные федерации“.

В 1908 г. на съезде в Парме был основан „Секретариат рабочей палаты", который сначала объединял только „палаты труда", а затем включил и „национальные федерации", преобразовавшись в „национальный секретариат обороны". Эта организация вначале ставила себе весьма ограниченные задачи, главным образом в области пропаганды и статистики рабочего движения. Профессиональные организации, как и социалистическая партия, были запрещены правительством в 1894 и 1898 гг. Особое значение имели для рабочего движения события 1898 г., так называемые „майские дни", сопровождавшиеся настоящим рабочим восстанием в Милане, потопленным в крови правительственными властями и жандармами. Через два года, в 1900 г., вспыхнула всеобщая забастовка в Генуе, парализовавшая деятельность самого главного порта Италии и сделавшая невозможной доставку предметов первой необходимости в главные промышленные центры Пьемонта и Ломбардии.

Правительство было вынуждено изменить курс и легализовало рабочие организации. В профессиональных организациях боролись разные группировки: социалисты, синдикалисты, анархисты и сторонники „кооперации", в тесном смысле этого слова. Последнее течение было сильно представлено среди типографских рабочих, насчитывавших достаточно солидный слой рабочей аристократии. „Кооператоры" образовали крайний правый фланг профессионального движения. Синдикалисты и отчасти анархисты были сильны в „национальных федерациях", которые вначале объединяли ремесленников и лишь впоследствии превратились в объединения промышленных рабочих.

В 1906 г. на съезде в Милане побеждает социалистическое крыло и организуется Всеобщая конфедерация труда, объединившая большинство организованных рабочих. В 1908 г. на съезде итальянской ВКТ в Модене в особой резолюции была закреплена связь между ВКТ и социалистической партией. Таким образом, в отличие от Франции, где синдикаты, согласно принятой на съезде 1906 г. так называемой „Амьенской хартии", объявили себя независимыми от партии, в Италии профессиональное движение было формально тесно связано с социалистической партией. В момент объявления войны за Триполи, ВКТ пыталась провести в виде протеста против войны всеобщую стачку. Как в социалистической партии, так и среди синдикалистов обнаружилось течение в пользу войны. В самой ВКТ победило колеблющееся „центристское" крыло, вступившее в блок с реформистами. Борьба внутри итальянского профессионального движения привела в начале войны к отколу от ВКТ анархо-синдикалистов, которые в 1914 г. организовали свой „Синдикалистский союз".

Организация сельскохозяйственных рабочих. Кооперативное движение

Еще до войны в Италии была организована так называемая „Национальная федерация работников земли". В 1911 г. она насчитывала около 200 тыс. человек. Программа федерации была выработана в 1901 г. и ставила себе целью „быть представительницей интересов аграрного пролетариата в законодательном собрании", развивать взаимную солидарность в борьбе, содействовать образованию „лиг сопротивления", „защищать право на стачку и на бойкот", „объединять работу сопротивления кооперативных организаций на почве классовой борьбы". „Национальная федерация работников земли" не была чисто классовой организацией сельскохозяйственного пролетариата, в нее входили также и мелкие собственники-крестьяне. Местные организации работников земли (так называемые „лиги улучшения") выработали особый вид борьбы с помещиками: они сами устанавливали цены на рабочие руки, сами распределяли работу между

членами лиги, вели ожесточенную борьбу (вплоть до террора) с неорганизованными работниками, снижавшими зарплату, и с помещиками, нанимавшими рабочих в обход лиги. Некоторая замкнутость и создавшаяся на этой почве привилегированность организованных федерацией членов были отрицательными чертами этой организации. Итальянская деревня являлась постоянной ареной ожесточенной массовой борьбы между помещиками и сельскохозяйственным пролетариатом и полупролетариатом. Предприниматели создавали организации так называемых „свободных рабочих", т. е. штрейкбрехеров, поощряли создание „добровольных команд" для срыва забастовок, действовали подкупом, угрозами и нередко просто убийством рабочих вождей. Ответом на это были соответственные действия сельскохозяйственных рабочих организаций. Некоторым влиянием в них пользовались анархо-синдикалисты.

Характерным примером борьбы сельскохозяйственного пролетариата с предпринимателями и помещиками является знаменитая пармская стачка 1908 г., которая окончилась расстрелом стачечников и поражением сельскохозяйственных рабочих. Массовая эмиграция крестьян из провинции и отлив членов из „федерации" были результатом этого поражения, вина за которое в значительной степени лежала с одной стороны на анархо-синдикалистах, действовавших „путчистскими" методами, а с другой — на социалистической партии, не сумевшей оказать действительной поддержки стачечникам и даже осудившей принцип всеобщей стачки на объединенном конгрессе с лигами сопротивления в 1908 г. К 1914 г. число членов „федерации" упало до 140 тыс. человек (с 200 тыс. в 1911 г.).

В итальянской деревне большое значение имели также кооперативные организации. Мелкобуржуазные политики возлагали на сельскохозяйственную кооперацию большие надежды. Государство всеми мерами стремилось взять ее под свое покровительство и спекулировало на том, что оказывало через „Народный банк" крохотную „помощь" кооперативам. В деле удержания сельскохозяйственного пролетариата, а главное некоторых слоев среднего и мелкого крестьянства от классовой борьбы эта демагогическая политика правительства играла довольно крупную роль. Социалистическая партия и Федерация работников земли поддерживали так называемые „трудовые кооперативы" по совместной обработке земли. На юге Италии эти кооперативы создавались и находились под пагубным влиянием католической реакции. Некоторые уставы кооперативов требовали от членов, чтобы они были „добрыми католиками и не были противниками установленного правительства".

Итальянский империализм

„Итальянский империализм прозвали „империализмом бедняков" (l'imperialismo de la povere gente), имея в виду бедность Италии и отчаянную нищету масс итальянских эмигрантов" *(Ленин)*. Это не означало однако, как подчеркивал Ленин, что итальянский империализм по существу чем-нибудь качественно отличался от французского, английского или немецкого.

Единственной особенностью итальянского империализма было то, что ему труднее было пробивать себе дорогу, чем более крупным и матерым империалистическим хищникам.

Италия вступила на империалистическую арену позже других стран. Кроме того она была настолько слабее своих соседей — „великих держав", как Франция или Германия, что не могла успешно с ними состязаться в сфере колониальных захватов. Переход к Франции Савойи и Ниццы после австро-итальянской войны 1859 г. и захват Францией в 1881 г. Туниса, на

который зарилась итальянская буржуазия, вызвали сильное недовольство последней и ее ориентацию на Германию. Италия примкнула к Германии, войдя в так называемый „Тройственный союз" (май 1882 г.). Между Италией и Францией вспыхнула таможенная война, от которой страдала в первую голову Италия, как наиболее слабая сторона.

Тем не менее итальянская буржуазия и помещики извлекли из этого положения свои выгоды. Неистовый, ложившийся всей тяжестью на трудящиеся массы протекционизм, давший возможность держать на внутреннем рынке Италии высокие цены на предметы продовольствия и промышленности, являлся главной осью политики всех правительств Италии, начиная с Криспи и кончая Джолитти.[1] С конца XIX века во взаимоотношениях между Италией и Францией наступает перелом. Боявшаяся германского соперничества французская буржуазия идет на компромисс с Англией и одновременно пытается оторвать Италию от „Тройственного союза", не мешая ее колониальным авантюрам в Абиссинии. Однако попытка захвата Абиссинии не удается правительству Криспи и в 1896 г. кончается серьезным поражением итальянской армии. Политика сближения между Францией и Италией продолжается (итало-французский торговый договор 1898 г.). Но даже секретный договор о взаимном нейтралитете, заключенный между Италией и Францией в 1902 г., не помешал возобновлению в том же году „Тройственного союза". Итальянский империализм страхует себя, боясь неограниченного владычества Франции в Средиземном море.

Империалистическое проникновение Австро-Венгрии на Балканы, ее политика подавления национального движения в Южном Тироле, Истрии и Далмации (так называемая „Италия ирредента", не вошедшая в итальянское королевство после объединения Италии в начале 70-х годов и оставшаяся за Австро-Венгрией), зависимость итальянской промышленности от Франции и Англии, которые доставляли ей значительную часть необходимого сырья (особое значение имел для Италии английский уголь), — все это не могло не способствовать охлаждению союза между Италией и Австро-Венгрией. Этим охлаждением поспешила воспользоваться Антанта. Когда в 1908 г. Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, Италия, с молчаливого согласия Антанты, начинает приготовления к захвату североафриканских провинций Турции—Ливии и Киренаики. Захват Италией в 1912 г. этих колоний не означал однако выхода Италии из „Тройственного союза". В том же 1912 г. Италия досрочно возобновила с Германией и Австро-Венгрией договор о союзе, который истекал в середине 1914 г.

II. ИТАЛИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Вступление Италии в войну

Начало империалистической войны застало Италию в двойственном положении—итальянская буржуазия колебалась в выборе между „Тройственным союзом" и Антантой.

Основной причиной этих колебаний была зависимость итальянской промышленности от финансового капитала обеих коалиций. Англия, Франция,

[1] К началу XX века итальянский империализм стал „мирно" проникать в ряд стран. Основным предметом вывоза были (главным образом в балканские страны) хлопчатобумажные ткани (в 1913 г. — 464 644 квинтала), пряжа (143 572), хлопчатобумажные изделия (1349) и поярковые шляпы (12 125 703 в 1913 г. — во все страны). Из предметов металлургического производства Италия накануне войны вывозила автомобили (в 1913 г. — 3213, из них 3168 в страны Антанты).

отчасти Бельгия и Соединенные штаты Северной Америки были, как мы уже указывали, главными поставщиками недостающего сырья для итальянской промышленности. Особенно сильные позиции занимал в Италии французский финансовый капитал. Через крупнейший в Италии банк (Banco di Sonto) французский капитал держал в своих руках крупную металлургическую промышленность Северной Италии, которая была заинтересована в прибылях от военных заказов и поставок. Представители тяжелой индустрии в Италии в союзе с помещиками, заинтересованные в высоких ценах на предметы продовольствия и в прибылях от вздутия цен, которые им сулила война, — стали основными застрельщиками необходимости вмешаться в войну на стороне Антанты.

С другой стороны накануне войны в Италию глубоко проник и был связан с рядом торгово-промышленных предприятий австро-германский капитал, довольно успешно конкурировавший с антантовским: в 1910—1914 гг. ввоз из Германии и Австро-Венгрии в Италию составлял 25,82% всего ввоза в Италию, а вывоз — 22,6%. Свое влияние на экономическую жизнь Италии австро-германский капитал осуществлял через один из крупнейших итальянских банков (Banco commerciale).

Те круги итальянской буржуазии, которые были связаны с австро-германским капиталом, если открыто не выступали против Антанты, то во всяком случае категорически требовали сохранения нейтралитета. К этому надо прибавить, что позицию так называемых „нейтралистов" долгое время укрепляло и влияние американского капитала. Накануне войны капитал САСШ играл довольно значительную роль в экономической жизни Италии. Так, в 1910—1914 гг. ввоз в Италию из САСШ составлял 13,42% всего ввоза, уступая только Германии (16,7%) и Англии (15,7%) и далеко превышая Францию (8,5%), а вывоз из Италии в САСШ составлял 11,4%.

К началу объявления войны у власти стояло правительство Саландры, фактически опиравшееся на так называемое „джолиттианское" большинство в палате. Часть итальянских социалистов („социалисты-реформисты"), во главе с Биссолатти, открыто поддерживали буржуазное большинство. Биссолатти даже был в 1911 г. предложен пост министра в правительстве Джолитти, но, боясь совершенно потерять влияние на массы, он в последнюю минуту отказался от министерского поста. Зато хитрый Джолитти, делая вид, что он готов всеми мерами ориентироваться на левую часть палаты, взял этим на удочку не только „социал-реформистов" типа Биссолатти, но и парламентскую социалистическую фракцию во главе с Туратти. „Левая" фразеология Джолитти доходила даже до того, что он в 1910 г., во время прений о страховании жизни, бросил такую фразу: „Я думаю, что гораздо либеральнее больше заботиться об интересах государства, нежели о выгодах нескольких капиталистов". Основным трюком Джолитти в отношении рабочего класса и трудящихся масс было проведение им в 1912 г. избирательной реформы, повысившей количество избирателей с 8,5 до 21,5%. Это означало „почти что" всеобщее избирательное право" *(Ленин)*. Джолитти мотивировал свое согласие на эту реформу необходимостью наградить пролетариат за его „патриотическое поведение" во время триполитанской войны.

Уступив кресло премьера Саландре, после выборов 1911 г., Джолитти на самом деле продолжал вести за собой большинство палаты. „Нейтралисты", опиравшиеся на немецкий капитал, имели за собой вначале поддержку „джолиттианского" большинства. Это отнюдь конечно не означает, что

„нейтралисты" не были сторонниками империалистических захватов. Наоборот, правительство Саландры в течение 1914—1915 гг. вело торги с обеими коалициями. От Австро-Венгрии оно требовало за сохранение нейтралитета гарантии прав Италии на присоединение к ней Фиуме и вообще „ирредентской" части Адриатики, а также разграничения сфер влияния на Балканах. Одновременно правительство вело переговоры с Антантой, выторговывая себе более выгодные обещания на захваты территорий и рынков сырья после победоносного окончания войны. Обещания Антанты были значительно более приемлемы, чем обещания австро-германского блока. По Лондонскому договору 26 апреля 1915 г., на основании которого Италия вступила в войну, она получила согласие на захват Южного Тироля, Истрии, Триеста, Далмации, Валлоны, на установление итальянского протектората над Центральной Албанией, на удержание за собой островов Додеканеза, захваченных Италией во время триполитанской войны, и на участие в разделе Азиатской Турции.

Германия делала огромные усилия, чтобы удержать итальянскую буржуазию хотя бы на позиции „нейтралитета". В Италию была послана специальная миссия из Германии, во главе с князем Бюловым. Германские социал-империалисты для разложения итальянской социалистической партии послали в помощь Бюлову известного социал-патриота Зюдекума. Германской дипломатии удалось вначале добиться некоторых успехов. Весной 1915 г. было заключено довольно выгодное для Италии германо-итальянское торговое соглашение. Но перекрыть обещания Антанты германский империализм при всем желании не мог. Воинственная агитация, которую вели в основном националисты, вместе с „ирредентистами", выдвинувшими идею „Великой Италии", все больше и больше завоевывала сердца буржуазии, особенно магнатов „тяжелой индустрии", мечтавших о колоссальных сверхприбылях во время войны. Эта буржуазия становилась все более и более открыто антантофильской, по мере того как обещания Антанты на удовлетворение ее империалистических аппетитов росли. „Джолиттианское" большинство в палате таяло. Националисты инсценировали народное возмущение против германофильской политики правительства. Одна из таких манифестаций, воспламененная призывами поэта д'Аннунцио, занявшего ярую шовинистическую позицию, окружила парламент и потребовала разгона германофильских депутатов. Джолитти пришлось спасаться бегством.

В начале мая 1915 г. итальянское правительство расторгнуло договор с Австро-Венгрией, а 23 мая объявило ей войну. С Германией однако Италия еще некоторое время пыталась сохранить мирные отношения, объявив ей войну лишь 26 августа 1916 г.

Итальянская социалистическая партия в начале войны

В Италии, — писал Ленин в декабре 1914 г., — социалистическая „партия была исключением для эпохи II Интернационала... Мы вовсе не идеализируем итальянской социалистической партии, вовсе не ручаемся за то, что она окажется вполне прочной в случае вмешательства Италии в войну. Мы не говорим о будущем этой партии, мы говорим сейчас только о настоящем. Мы констатируем бесспорный *факт*, что рабочие большинства европейских стран оказались *обмануты фиктивным единством* оппортунистов и революционеров и что Италия есть счастливое исключение — страна, где в данное время такого обмана нет".

Действительно в начале войны казалось, что итальянская социалисти-

ческая партия пытается удержаться на интернационалистских позициях. Но ленинский прогноз того, что нельзя ручаться за линию поведения итальянской социалистической партии в случае вмешательства Италии в войну, полностью оправдался. Изгнав из своей среды махровых оппортунистов типа Биссолатти, партия далеко еще не очистилась окончательно от оппортунизма. Но люди типа Туратти, Модильяни и Тревеса, занимавшие во время войны „правоцентристскую" позицию, вынуждены были в Италии, вследствие благоприятной обстановки (год „нейтралитета"), сложившейся для выражения относительно свободного мнения рабочих масс, прислушиваться к последним и до поры до времени не раскрывать окончательно своих карт. Мало того, представитель итальянских „правоцентристов", Модильяни, был одним из тех, которые основывали циммервальдовское объединение. Это обстоятельство было и силой и слабостью итальянского социализма: силой потому, что в Италии, даже после объявления ею войны „Тройственному союзу", рабочее движение продолжало оставаться грозным для правительства фактором; слабостью — так как массы были в значительной степени усыплены псевдореволюционной позицией „центристов" и не могли впоследствии быстро разобраться, кто их подлинный друг и руководитель.

Еще на XIV конгрессе итальянской социалистической партии в Анконе в апреле 1914 г. по вопросу о милитаризме была принята резолюция Тревеса-Фазули, требующая от партии и ее представителей в парламенте борьбы против военных кредитов и вхождения в Международное социалистическое бюро с предложением „развивать особую пропаганду среди больших профессиональных организаций, чтобы склонить их на сторону международных пацифистских и антимилитаристских идей и склонить их всяческими подходящими средствами к тому, чтобы они сделали невозможными какие-либо войны". Принятая резолюция явно пахнет дешевеньким пацифизмом. Левые (Кайяни и Канчули) внесли было поправку, тоже не вполне выдержанную, в духе революционного антимилитаризма (там в качестве примера для подражания назывались „требования социализма, выраженные Жоресом и Бебелем"), но все же делающую ударение на необходимости „усилить пропаганду и антимилитаристское воспитание среди масс, в особенности среди политических и экономических организаций и среди юношества". Поправка была снята самими авторами и не голосовалась.

Левое крыло в итальянской социалистической партии, во главе которого к началу империалистической войны стоял между прочим Муссолини, ни до, ни во время, ни после войны не оказывалось достаточно последовательным и революционным, чтобы выставить большевистские лозунги и порвать с „центристскими" настроениями, опутывавшими партию.

После разрыва дипломатических отношений между Австро-Венгрией и Сербией, на объединенном заседании парламентской фракции и президиума партии в Милане 27 августа 1914 г. была принята резолюция, требовавшая „немедленного созыва палаты депутатов, чтобы вызвать со стороны правительства декларацию, заверяющую, что правительство ни в каком случае и ни по какому мотиву не выйдет из состояния полного нейтралитета". Таким образом позиция партии с первых же шагов определилась как позиция пацифистская, „нейтралистская". Такую же позицию заняла и итальянская конфедерация труда, в своем воззвании от 29 июля требовавшая от правительства оставаться „нейтральным в отношении австро-сербского конфликта".

В качестве превентивных мер воззвание конфедерации ограничивалось требованием вести „самую усиленную пропаганду против войны и против возможного вмешательства Италии для поддержки Австрии". В воззвании итальянского синдикалистского союза от того же 29 августа на ряду с фразами типично анархистского свойства (вроде такой: „мы готовы рисковать своей шкурой только ради своих материальных и моральных интересов") или заявлениями, свидетельствующими о непонимании империалистического характера войны (вроде: „грубого нападения сильного на слабого"), — на ряду с этими затемняющими сознание рабочих фразами говорилось о необходимости „превратить ненавистную войну между народами в освободительную гражданскую войну, воспользовавшись для нее тем оружием, которое будет дано вам в руки для братоубийства, для своего классового освобождения". Мы увидим из дальнейшего, что анархо-синдикалистское сектантство и „левая" фраза, характерная как для итальянского, так и для международного синдикализма вообще, не только помешали итальянскому синдикалистскому союзу вести подлинную борьбу против войны, но и вызвали откол значительной части этой организации, ставшей на сторону милитаризма.

Слабость и неопределенность позиции итальянской социалистической партии выразились именно в том, что даже там, где она грозила выступлением масс, она формулировала причины этого выступления как защиту нейтралитета. На объединенном заседании президиума партии итальянской конфедерации труда и синдикалистского союза было принято решение, сформулированное центральным органом итальянской партии („Avanti") следующим образом: „1) Италия должна сохранить до конца войны свое состояние нейтралитета. 2) Италия не должна выйти из состояния нейтралитета для поддержки австро-германского блока... И как только Италия вознамерится нарушить свой нейтралитет, чтобы оказать помощь центральным державам, обязанностью итальянского пролетариата будет — мы скажем об этом громко в надлежащий момент — одно: восстание".

Шансов на то, что Италия выйдет из состояния „нейтралитета" во имя борьбы на стороне „Тройственного союза", было настолько мало, что единственным желанием Германии, как мы видели, было удержать Италию хотя бы на позиции „нейтралитета". Поэтому позиция вождей рабочих организаций даже тогда, когда они недвусмысленно угрожали восстанием, была порочной, так как угроза эта связывалась непосредственно с фактом выхода Италии из состояния „нейтралитета" на стороне Австрии и Германии. Антантофилам типа итальянских бернштейнианцев, занявшим в вопросах войны „правоцентристскую" позицию (Туратти и К°), оставался большой простор для маневрирования. Они голосовали за самые революционные лозунги, поскольку дело шло о противодействии целям „Тройственного союза", и, скрываясь за пацифистской позицией, после присоединения Италии к Антанте фактически своим поведением играли на руку последней.

Центральный орган партии „Avanti" занял также неопределенную позицию. С одной стороны газета громила сторонников вмешательства в войну и считала сказкой разговоры о „справедливой" войне как со стороны Германии, так и со стороны Антанты. С другой стороны „Avanti" косвенно оправдывала как германских, так и французских социалистов, заявляя, что „накануне войны все революционные движения могут с весьма малой вероятностью рассчитывать на успех..." „Левый" Муссолини, бывший тогда редак-

тором „Avanti“, вскоре показал, куда ведет подобная позиция, если делать из нее последовательно логические выводы.

Позиция итальянских реформистов. Измена Муссолини. Раскол итальянского синдикалистского союза

Реформисты, исключенные из итальянской социалистической партии и образовавшие свою итальянскую социал-реформистскую партию, не сразу заняли откровенную антантофильскую позицию. В конце июля 1914 г. они в своем постановлении лицемерно говорили о „непоколебимости миролюбивого настроения пролетариата, который видит в международных соглашениях результат национального антагонизма, возбуждаемого милитаризмом, аферизмом и реакционным настроением правящих классов“.

Постановление заканчивалось требованием о переходе „власти в руки искренней социал-демократии“, т. е. социал-патриотов. По мере развития событий Биссолатти и его друзья совершенно недвусмысленно высказываются за войну на стороне Антанты. Уже в начале сентября социалисты-реформисты принимают резолюцию, в которой говорилось: „Победа центральных держав угрожала бы развитию демократии в Европе, в то время как победа „Тройственного согласия“ дала бы возможность осуществить всеобщее разоружение и позволила бы пролетариату всех стран осуществить требования социальной справедливости, а также, с точки зрения международных интересов, победа центральных держав нанесла бы вред Италии, утвердив господство Австро-Венгрии на Балканах“.

Эта откровенно империалистическая установка Биссолатти и его друзей прикрывалась фразами о „братской солидарности со страной великой революции“, т. е. с империалистической Францией.

Быстро стал линять также „левый“ Муссолини. Ему принадлежит формула, ставшая формулой большинства партии, — „абсолютный нейтралитет“. Но уже в сентябре Муссолини, снюхавшийся с агентами антантовского капитала, выставляет другой лозунг: „Зоркий и действительный нейтралитет“. Предложенная им формула не встречает одобрения со стороны центрального комитета партии; он вынужден уйти с поста главного редактора „Avanti“. На этом посту его сменяет Серрати, который с этого момента начинает играть роль крупнейшего руководителя и вождя партии.

Быстро прогрессирующий в сторону прямого вмешательства в войну на стороне Антанты Муссолини в ноябре 1914 г. исключается из партии и на французские деньги основывает свою собственную газету „Popolo d'Italia“ („Итальянский народ“). Имея подзаголовком „социалистическая газета“, „Popolo d'Italia“ фактически становится органом националистической реакции. Она воспринимает лозунг националистов о „Великой Италии“, но преподносит этот лозунг под видом борьбы за рабочий класс против капитализма, главным образом против иностранного капиталистического засилья. В этом отношении Муссолини не мало позаимствовал у националистов, своих союзников во время войны, впоследствии слившихся с фашистами. Один из вождей националистов Коррадини еще накануне войны писал: „Как социализм был методом освобождения пролетариата от буржуазии, так национализм будет для нас, итальянцев, методом освобождения от французов, немцев, англичан, американцев Севера и Юга, которые по отношению к нам являются буржуазией“.

Вокруг Муссолини группируется некоторая часть социалистов и анархистов. В одном из воззваний этих ренегатов мы читаем следующее:

„Все освободительные войны — это наши войны... Бездеятельность есть трусость; нейтральность, не считающаяся с волей народа, есть предательство. Наступило время выступления... Мы хотим работать для нашей Франции".

Итальянский синдикалистский союз раскалывается. Социал-патриотическая часть его организуется в „Итальянский союз труда", своей пропагандой и лозунгами ничем не отличающийся от социалистов-реформистов и сторонников Муссолини. Последний быстро становится центральной фигурой демагогического национал-социализма. Любопытна биография этого ренегата, ставшего впоследствии фашистским диктатором в Италии.

„Человек быстрых и внезапных переходов, он (Муссолини), — пишет Серрати, — был поочередно марксистом, анархистом, социалистом и индивидуалистом. Глубоко эгоистичный и честолюбивый, склонный к лести и жаждущий ее настолько, что, будучи одно время редактором „Avanti", сам себе писал похвальные заметки и собственную апологию, он пал жертвой своих же льстецов". Муссолини, по профессии учитель, получил диплом в 1901 г.; в том же году эмигрировал в Швейцарию, чтобы избежать военной службы. В Швейцарии Муссолини работал чернорабочим, каменщиком, цементщиком. За политическую деятельность среди итальянских рабочих Муссолини высылается из Швейцарии. По возвращении в Италию Муссолини возобновляет свою педагогическую деятельность. В 1908 г. участвует в аграрных беспорядках в Романьи и вынужден вновь эмигрировать, на этот раз в Австрию. Здесь он заражается национализмом, примыкает к социалистам-ирредентистам и становится сотрудником ирредентистской газеты „Popolo". Изгнанный из Австрии за свой ирредентизм, Муссолини возвращается в Италию и становится одним из лидеров левого, революционного крыла социалистической партии. Будучи редактором „Lotta di classe" („Классовая борьба"), Муссолини резко критикует социалистов-реформистов. По его предложению Биссолатти и его друзья исключаются из партии.

Все это не помешало Муссолини стать затем ярым сторонником воинствующего национализма. Бывший дезертир вступает во время войны в ряды действующей армии и назначается капралом. Правда, на фронте Муссолини так и не побывал, хотя нынешние биографы „дуче" изображают Муссолини в виде сверхъестественного героя, раненого в бою за отечество. На самом деле Муссолини был ранен в тылу, когда он обучал своих солдат способу употребления бомб. Так же как Муссолини метался от ирредентизма к максимализму и от максимализма к национализму, так и в теоретических своих взглядах он подвергался влияниям различных теорий и учений, от марксизма весьма далеких. Муссолини увлекался поочередно Ницше, Сорелем, Прудоном, Бланки. Эклектическая смесь этих учений, достаточно извращенных Муссолини и притом сдобренных националистскими идеями, заимствованными из буржуазного и даже реакционно-католического арсенала, и составляет идеологию „муссолинизма".

Итальянская социалистическая партия и циммервальдское движение

Итальянская социалистическая партия принимала участие в работах Циммервальдской конференции. Однако ее позиция в Циммервальде отнюдь не являлась последовательно-революционной. В сентябре 1914 г. В. И. Ленин дал в своих тезисах „Задачи революционной социал-демократии в европейской войне" исчерпывающую характеристику расстановки сил внутри социал-демократических партий, квалифицировал „центр" как людей, которые „трусливо капитулировали перед оппортунистами", и требовал „решительного избавления от этих оппортунистов". Основную задачу революционной социал-демократии Ленин в этих тезисах формулировал таким образом:

„Всесторонняя, распространяющаяся и на войско и на театр военных действий пропаганда социалистической революции и необходимость направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств и партий всех стран".

Тезисы эти были пересланы также итальянской социалистической партии. 27 сентября 1914 г. в Лугано происходила итало-швейцарская социалистическая конференция. На этой конференции от Италии участвовали Серрати, Балабанова, Лаццари, Муссолини, Моргари, Туратти, Модильяни и др. Со стороны швейцарцев участвовал между прочим и Роберт Гримм. Анжелика Балабанова в своих „Воспоминаниях" утверждает, что Луганская конференция представляет собою начало циммервальдского движения, что подготовительная работа ее, Балабановой, итальянского ЦК и Роберта Гримма привела к организации интернационалистских элементов во время войны, спасла „честь социализма". Утверждение Балабановой — фальсификация истории. Прежде всего необходимо напомнить, что в предварительных переговорах между итальянским ЦК и Робертом Гриммом накануне созыва Луганской конференции речь шла о том, что целью конференции является... созыв Международного социалистического бюро Об этом рассказывает сама Балабанова. Итало-швейцарские центристы собирались через социалистов нейтральных стран добиться созыва МСБ и оживить труп II Интернационала. Вся работа Луганской конференции являлась осуществлением этой линии. Если конференция вынуждена была принять резолюцию, в которой звучат и некоторые подлинно интернационалистские нотки, — то в этом „виноваты" большевики. „Наши тезисы, — говорил Ленин, — были посланы итальянцам, а многие из них, *к сожалению не все*, вошли в Луганскую резолюцию". Действительно Луганская конференция характеризовала войну как империалистическую и требовала международной борьбы пролетариата за мир. Но основных идей тезисов Ленина о превращении империалистической войны в гражданскую и о решительном отмежевании от „центристов" конференция не приняла. Наоборот Луганская конференция сделала попытку оживить деятельность старого, потерпевшего крах Международного социалистического бюро. Моргари было поручено совершить поездку к членам Международного социалистического бюро и убедить их собрать пленум бюро. Попытка эта не увенчалась успехом.

В итальянской партии таким образом не было ясности по основному вопросу — о международных задачах революционной социал-демократии. Это ярко сказалось и в отношении итальянской партии к уже упоминавшейся нами „миссии" известного немецкого социал-патриота Зюдекума. Руководство итальянской партии встретило его не очень дружелюбно. „Avanti" даже писала следующее: „Сумеет ли немецкий социализм „очнуться" после войны? Увидим. Но мы можем уже сейчас сказать, что только при этом условии он сумеет вновь получить право гражданства в Интернационале завтрашнего дня".

Несмотря на этот, по существу суровый, приговор, та же „Avanti" видела в приезде Зюдекума доказательство того, что между национальными партиями „не все нити разорваны", и считала беседу с Зюдекумом „предвосхищением будущего международного социалистического конгресса, когда дело будет итти о том, чтобы вновь завязать связи, проверить поведение разных социалистических партий Европы и *ликвидировать* прошлое".

В этом заявлении явно слышатся нотки „амнистии по отношению к предавшим рабочих оппортунистам. На почве этой „амнистии" большинство итальянских социалистов продолжало стоять и в Циммервальде.

На „предварительной конференции" (Vorkonferenz) в Берне в июле 1915 г. представитель итальянской партии Моргари голосовал против предложения представи-

теля большевиков о приглашении на Циммервальдскую конференцию только последовательных революционных интернационалистов. В принятой на „Vorkonferenz“ „резолюции говорилось о необходимости приглашения тех партий или тех частей партий и вообще рабочих организаций, которые остались верны принципу классовой борьбы и международной солидарности и отвергают голосование за кредиты и т. д.“ „Vorkonferenz“ происходила после опубликования манифеста Каутского, Гаазе, Бернштейна „против аннексий“. Резолюция большинства имела в виду привлечь в Циммервальд Каутского и его единомышленников.

На конференции в Циммервальде присутствовали следующие представители ЦК итальянской партии и парламентской фракции: Модильяни, Серрати, Лаццари, Моргари. Даже самый левый из итальянских делегатов на Циммервальдской конференции, Серрати, поддерживал центристскую точку зрения на задачи социал-демократии. По поводу резолюции большевиков Серрати заявил, что предложенная ими тактика „явилась либо слишком поздно“ (ибо война уже начата), либо „слишком рано“ (ибо война еще не породила условий революции). Он высказался против „изменения программы“ Интернационала, так как вся пропаганда социалистов строилась якобы до сих пор на лозунге „против насилия“. Ленин очень легко опроверг эти утверждения Серрати. Он процитировал старые заявления Жюля Гэда о необходимости применения насилия. „Начало революции, — заявлял также Ленин, — нельзя смешивать с открытой и прямой проповедью ее“. „Когда революция уже началась, — писал по поводу заявления Серрати Ленин, — тогда ее „признают“ и либералы и другие враги ее, признают часто для того, чтобы обмануть и предать ее. Революционеры до наступления революции, предвидя ее, сознают ее неизбежность, учат массы ее необходимости, разъясняют массам пути и способы ее“.

Ни один из итальянских делегатов в Циммервальде не примкнул к „циммервальдской левой“, возглавляемой большевиками. Модильяни прямо заявил о неприемлемости „столь отдаленных“ от их тактики взглядов. Полное непонимание итальянцами необходимости новой тактики видно из того, что через некоторое время после окончания Циммервальдской конференции в „Avanti“ появилось подробное сообщение об организации конференции и даже был помещен ряд фотографий дома, в котором происходили заседания Циммервальдской конференции. „Эти глупые итальянцы в „Avanti“. Стыд и срам“, — писал по этому поводу Ленин в письме к Радеку.

Диференциация внутри итальянской социалистической партии

По мере развития военных действий и усиления террора по отношению к рабочему движению в итальянской социалистической партии диференциация углублялась. Социалисты и анархо-патриоты перешли к прямой поддержке итальянского империализма. Социал-реформист Биссолатти в „Национальном кабинете Борелли стал министром без портфеля (а затем министром пенсий в кабинете Орландо). „Правоцентристы, во главе с Туратти и Тревесом, в своем ревизионистском журнальчике „La critica sociale“ все менее завуалированно выступали за формулу „защита отечества“. „Avanti“ „грозила разоблачением тех элементов в итальянской партии, „кто встал на пути Одино Моргари и правления партии к участию в Циммервальде и созданию нового Интернационала“. Настроение масс как в других странах, так и в Италии становилось все более боевым. Забастовки вспыхивали почти повсеместно. На конференции в Кинтале в апреле 1916 г. от Италии присутствовало 7 человек: Моргари, Модильяни, Лаццари, Прамполини, Муссати, Дугони и Серрати. Полевение масс, отразившееся на позиции

большинства „центристов", принимавших участие в Кинтальской конференции, не могло не захватить также и итальянскую делегацию. Серрати например по отдельным вопросам прямо примыкал к „циммервальдской левой". Однако общая позиция итальянской делегации была недостаточно последовательной. Основным вопросом на конференции был вопрос о созыве Международного социалистического бюро. „Циммервальдская левая" конечно была против созыва бюро, так как это означало начало „амнистии" по отношению к оппортунистам. В комиссии, которая вырабатывала резолюцию, большинство оказалось „центристским", к нему примкнул и итальянский делегат Лаццари. Проект резолюции большинства комиссии высказывался за агитационную кампанию с требованием созыва МСБ, но одновременно предлагал осудить МСБ и заменить исполнительный комитет МСБ „другим комитетом, избранным из числа социалистов невоюющих стран". На пленуме Кинтальской конференции большинством голосов была принята резолюция Лапинского, оставляющая вопрос о созыве МСБ открытым. Модильяни внес добавление, которое весьма характерно для колеблющейся позиции итальянских „центристов". Оно „признает право за примкнувшими к Исполнительному социалистическому комитету национальными секциями требовать от своего имени созыва МСБ".

По вопросам о мире и о голосовании французских „лонгетистов" за военные кредиты — в числе других, подписавших проекты резолюций, внесенных левыми циммервальдцами, значится также и Серрати. Таким образом Серрати был единственным итальянским делегатом в Кинтале, который по отдельным вопросам шел с большевиками.

Внутреннее и внешнее положение Италии во время войны. Неопределенность позиции итальянских левых социалистов

Внутреннее положение в Италии во время войны было весьма неустойчивым. Тяжелое продовольственное положение, увеличившаяся эксплоатация рабочих масс, исключительная жадность предпринимателей — все это вызывало неоднократные протесты рабочих масс, выражавшиеся в забастовках, нередко кончавшихся вооруженным столкновением с правительственными войсками и полицией. Наиболее ярким выражением революционного настроения итальянских рабочих масс является например всеобщая стачка рабочих в Турине в августе 1917 г., переросшая в вооруженное восстание, с которым полиция и жандармерия справились после значительных усилий.

Военные действия Италии против Австрии шли без особых успехов. Были моменты, когда итальянская армия терпела жестокие поражения (например в 1917 г. прорыв итальянского фронта при Капорето). Союзникам пришлось спешно исправлять положение. В конце 1916 г. германский империализм попытался, опираясь на одержанные успехи, пустить пробный шар мира. 12 декабря 1916 г. появилось германское мирное предложение, подписанное также всеми союзниками Германии. В предложении не указывались конкретные условия мира, но говорилось о готовности приступить к мирным переговорам. Однако как Антанта, так и Германия не отказывались конечно от своих империалистических вожделений. Предложение мирных переговоров было со стороны Германии дипломатическим трюком с целью обмануть массы. „Каутскианцы" в Германии ухватились за это мирное предложение, выдвигая лозунг: „мир без аннексий", а фактически поддерживая аннексионистские стремления своего правительства.

В лагере социал-пацифистов началось оживление. Парламентская социалистическая фракция в Италии еще в ноябре 1916 г. внесла в парламент предложение о мире, где правительство приглашалось „начать переговоры о мире при посредстве Соединенных штатов и других нейтральных стран". 17 декабря 1916 г. Туратти произнес речь в парламенте и, по выражению Ленина, „попался". „Предположим, — говорил Туратти, — что обсуждение такого рода, которое нам предлагает Германия, способно разрешить в главных чертах вопросы вроде эвакуации Бельгии, Франции, восстановления Румынии, Сербии и, если вам угодно, Черногории; я добавлю вам исправление итальянских границ в отношении того, что является бесспорно итальянским и отвечает гарантиям стратегического характера".

Так выглядел мир „без аннексий" с точки зрения итальянского „каутскианца" Туратти. Недаром, как отмечал Ленин, палата прервала речь Туратти возгласами: „Превосходно. Значит, и вы также хотите всего этого? Да здравствует Туратти! Да здравствует Туратти!"

„Avanti" не только не дезавуировала выступления Туратти, но даже напечатала статью в защиту его позиции, указывая, что Туратти, мол, исходил из правильного понимания „самоопределения наций". „Туратти, — писал Ленин, — стоял фактически — независимо от того, хотел ли он этого, сознавал ли он это — на точке зрения буржуазного маклера, предлагающего полюбовную сделку между империалистическими хищниками. „Освобождение" итальянских земель, принадлежащих Австрии, было бы на деле прикрытием вознаграждения итальянской буржуазии за участие в империалистической войне гигантской империалистической коалиции, было бы несущественным придатком к дележу колоний в Африке, сфер влияния в Далмации и Албании". Итальянский „правый центризм" Туратти и К⁰ таким образом показал себя во всей красе уже к концу 1916 г. Он фактически стал, наподобие французских „лонгетистов" и немецких „каутскианцев", на точку зрения „защиты отечества". Широко была распространена в ЦК итальянской социалистической партии путанная формула, данная „непримиримым Лаццари: не поддерживать и не саботировать войну.

Большинство же итальянского ЦК во главе с Серрати не оказалось достаточно последовательным, чтобы отмежеваться от „тураттианцев". Характерно, что итальянская партия согласилась принять участие в конференции „социалистов Антанты", которую в конце 1916 г. предложили созвать французские социал-шовинисты. Это решение тем более показательно для межеумочной позиции итальянского ЦК, что в Кинтале большинство, в том числе и итальянцы, как мы видели, высказались за оставление открытым вопроса о созыве МСБ — организации, в которую, как известно, входили не только представители „стран Антанты", но и германской коалиции.

В таком положении итальянская социалистическая партия оставалась до конца войны. Колеблющийся пацифизм „тураттианского" типа, фактически означавший поддержку социал-шовинизма, иногда „исправляемый" „левоцентристской" фразеологией Серрати и его сторонников, то примыкавший к „циммервальдской левой", то добровольно подчинявшийся большинству „тураттианцев", — вот что получали рабочие массы Италии от своих вождей. Это была позиция, которая не могла не повлечь за собой самых печальных последствий, когда Октябрьская революция в России и начавшийся в связи с ней и с заключением империалистического Версальского мира могучий подъем рабочего движения в Италии поставили перед партией вопрос о необходимости не разговоров, а действий, во имя свержения буржуазии и установления диктатуры пролетариата.

Зайдель Г.

ФРАНЦИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

I. ФРАНЦИЯ НАКАНУНЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ ВОЙНЫ

„Миротворческие" маневры французского правительства

Накануне объявления войны французский империализм искусно маневрировал, выступая в роли стороны, готовой на всякие жертвы во имя мира. Во главе правительства стоял бывший социалист Рене Вивиани, который пользовался славой „пацифиста" и „гуманиста"; министром внутренних дел был радикал Мальви, подчеркивавший свою дружелюбную позицию по отношению к рабочему движению.

После убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда президент республики Пуанкаре, ставленник империалистически-реакционных кругов Франции, которого рабочие впоследствии окрестили зловещим прозвищем „Пуанкаре-война", поехал с визитом к царю Николаю, чтобы засвидетельствовать, как об этом трубили газеты всех направлений, дружеские чувства французского „народа" к русскому и содействовать делу „укрепления" мира во всем мире. „Пацифист" и „социалист" Рене Вивиани сопровождал президента в его поездке. Питерские рабочие достойно встретили французских гостей, приезд которых совпал с демонстрациями против русского военно-феодального империализма и с баррикадными боями в ряде рабочих районов.

Ускоренное возвращение Пуанкаре и Вивиани во Францию представлено было французской прессой как признак того, что оба „патриота", обеспокоенные событиями, хотят быть вместе с французским народом в момент „борьбы за мир". На самом деле все обстояло как-раз наоборот: французские империалисты послали своих доверенных людей договариваться окончательно с русским царем о незыблемости оборонительно-наступательного союза между республиканской Францией и монархической Россией. Быстрое возвращение в Париж Пуанкаре и Вивиани означало, что события вступают в решительную фазу, что роли окончательно распределены и что выступление России обеспечено.

После угрожающего австрийского ультиматума Сербии французские империалисты сделали вид, что они надеются на вмешательство Англии. Нота Эдуарда Грея, предлагавшего посредничество между Россией и Австрией, была ловким трюком, при помощи которого англо-французский империализм рассчитывал предстать перед массами в роли „миротворца". Об этой ноте трубили все французские газеты, изображая Англию как идеал справедливости и беспристрастности. Между тем подготовительные меры к мобилизации шли уже полным ходом. Все темные силы французской реакции

объединились, чтобы ввергнуть мир в войну: монархическая, националистическая и крупнобуржуазная пресса завывала, встречая звериным криком каждое выступление социалистической прессы, тогда еще игравшей в пацифизм, в пользу мира. Особенно неистовствовала реакция против Жореса, который наивно полагал, что уговорами, убеждением и заклинаниями можно остановить войну. В то время как патриоты из ЦК французской социалистической партии, давно уже решившие поддержать свое правительство против „бошей", прикрывались пацифистскими выступлениями Жореса, реакция подготовляла убийство последнего. Вечером 31 июля 1914 г. Жорес был убит в кафе некиим Виленом, которого впоследствии объявили полупомешанным, чтобы замести следы вдохновителей преступления и оправдать убийцу.

Измена социал-оппортунистов и синдикалистов. „Священное единение"

На другой день (1 августа) Германия объявила России войну, а Франция объявила открыто всеобщую мобилизацию. 2 августа Германия вступила в Люксембург и ультимативно потребовала от Бельгии пропуска немецких войск. 3 августа Германия объявила Франции войну. 4 августа в 10 ч. утра состоялись похороны Жореса. Правительство в полном составе присутствовало на похоронах. Рене Вивиани от имени правительства не постеснялся спекульнуть именем убитого, чтобы заявить:

„Я призываю всех французов к единению, к национальному миру, к величайшему единомыслию. Если бы могучий трибун мог подняться, он сказал бы то же самое".

Вивиани вторил бывший анархист и антимилитарист секретарь Всеобщей конфедерации труда Жуо, своей речью демонстрировавший измену синдикалистских вождей делу рабочего класса.

„Если мир не победил, то это не его (Жореса) вина и не наша. Война вспыхнула. Прежде чем итти на великую бойню, я от имени рабочих, которые уже двинулись, от имени тех, которые двинутся и к которым принадлежу и я, выражаю перед этой могилой всю нашу ненависть к дикому империализму, который подготовил это великое преступление".

С неменьшей определенностью говорил Эдуард Вальян, бывший бланкист, один из выдающихся вождей объединенной (французской) социалистической партии:

„Укрепимся для борьбы. Поклянемся выполнить наш долг до конца, во имя отечества, во имя республики, во имя революции".

„Священное единение" (union sacrée) было продемонстрировано. Голосование в тот же день кредитов на войну в палате депутатов было прямым продолжением этой демонстрации у гроба Жореса. Среди членов парламентской социалистической фракции не нашлось ни одного, который чем-нибудь выразил бы свой протест против войны. Французский пролетариат погнали на бойню убивать своих товарищей по классу. Французский империализм торжествовал победу.

Измена рабочих вождей подготовлялась исподволь внутри социалистических и синдикалистских организаций. Накануне войны в социалистической партии не было оформленной подлинно-революционной группы. После объединения партии в 1905 г. — жоресизм стал в сущности господствующим течением. Жоресизм—ярко выраженный оппортунизм, покоившийся на теории

„врастания" социализма в капитализм, — умел свою реформистскую сущность нередко окутывать революционной фразеологией. С другой стороны революционная фразеология не мешала Жоресу говорить настоящей империалистской прозой. „До каких геркулесовых столбов способен доходить оппортунизм . . , — указывает Ленин в связи с анализом антимилитаристской тактики социал-демократии, — показывает недавнее выступление Жореса . . . он защищает союз Франции и Англии с Россией от обвинений в противомирных намерениях и смотрит на этот союз, как на „гарантию мира", он приветствует тот факт, что „мы теперь дожили до союза Англии с Россией, двух давнишних врагов". (*Ленин.* Соч., т. XII, стр. 318.) Накануне войны жоресизм выдвигал лозунг всеобщей стачки против войны, солидаризируясь в этом вопросе с крикливым антимилитаризмом Эрве и синдикалистами. Французский пролетариат горячо принимал этот лозунг и верил, что всеобщая стачка будет действительным рычагом не только борьбы за мир, но и единственным средством освобождения от ига капитализма. Синдикализм, проповедывавший ее как панацею от всех зол, сумел однако выхолостить все революционное содержание из этого могучего средства пролетарской борьбы. „Слепая вера в чудодейственную силу всякого action directe; выхватывание этого непосредственного воздействия из общей социально-политической конъюнктуры без малейшего его анализа — словом, „произвольно-механическое понимание общественных явлений" (по выражению К. Либкнехта), как указывал Ленин, роднило синдикализм с эрвеизмом. (*Ленин.* Соч., т. XII, стр. 108.) В самом деле, всеобщая стачка по учению синдикалистов должна была заменить вооруженное восстание: „стачка скрещенных рук" в один прекрасный день должна была положить к ногам беспечно ожидающего пролетариата победу над капитализмом. О диктатуре пролетариата не хотели и говорить. Правый и „левый" реформизм таким образом фактически подавали друг другу руки, хотя синдикалисты многократно провозглашали свою „независимость" от социалистической партии и на основании Амьенской хартии 1906 г. упорно твердили, что „синдикализм сам по себе достаточен" (le syndicalisme suffit à lui-même).

Гедизм — некогда революционное течение в рядах французского рабочего движения—в годы, непосредственно предшествовавшие войне, превратился в догматическую, безжизненную доктрину. Правильно критикуя синдикализм по вопросу о взаимоотношении политической и экономической борьбы, гедизм упорно отказывался от самой идеи всеобщей стачки, заявляя, что всеобщая стачка есть старая анархистская сказка; гедисты не понимали, что всеобщая стачка, заранее организованная и руководимая крепкой партией, как прелюдия к вооруженному восстанию, может сыграть огромную революционную роль. Гедизм отвергал всеобщую стачку и на случай войны. Гед исходил из тех же принципов, что и В. Либкнехт. Он заявлял, что всеобщая стачка будет проведена только в тех странах, где рабочее движение высоко организовано, в то время как например в России она не удастся. Что Россия во время революции 1905 г. показала как раз чудеса революционной организованности, что рабочее движение в ней после революции 1905 г. имело не меньшие шансы победить, чем в других „цивилизованных" странах,— об этом догматик Гед не желал и слышать. Некогда один из немногих вождей II Интернационала, приближавшийся к революционному марксизму, Гед после объединения партии все больше и больше скатывался на путь парламентского кретинизма.

Мощный рост капитализма во Франции, превращение ее с конца XIX века в одну из крупнейших колониальных держав — все это взращивало и питало менее значительный, чем в Англии и Германии, но все же достаточно сильный слой рабочей аристократии, ставший основной базой оппортунизма в рядах французского рабочего движения. В то же время во Франции сохранился многочисленный слой ремесленников и остатки домашней промышленности, особенно в таких городах, как Париж с его мировым производством предметов роскоши.

Своеобразная структура французского капитализма — переплетение крупной промышленности с ремеслом, домашней промышленностью с рантьерским капиталом — продолжала оставаться еще накануне войны питательной почвой для мелкобуржуазной революционности, ярким выражением чего был анархо-синдикализм. Последний, как отмечал Ленин, был также расплатой за грехи оппортунизма, который был ярко выражен в социалистическом движении Франции.

Нельзя не отметить, что накануне войны усиливался процесс оформления левого, революционного течения внутри французского рабочего движения. Достаточно указать хотя бы на имевший место в эпоху 1905—1914 гг. мощный подъем стачечной волны или втягивание в ряды организованного пролетариата даже таких отсталых его отрядов, как государственные служащие. Происходила и консолидация профсоюзов: цеховая раздробленность синдикатов, старая болезнь французского рабочего движения отходила накануне войны в область преданий. Такие внушительные союзы, как союз металлистов или строителей, превратились в союзы почти производственного типа. Внутри Всеобщей конфедерации труда левые, революционные настроения получили свое отражение в организации группы, революционных синдикалистов Моната — Мергейма — Росмера с их журналом „La vie ouvrière" („Рабочая жизнь"). Опутанный анархо-синдикалистскими формулами, журнал этот не смог занять правильной позиции по кардинальным вопросам пролетарской тактики и стратегии, однако его критическая позиция по отношению к руководству ВКТ имела несомненно значение для французского рабочего движения и во время войны. Внутри социалистической партии, особенно среди сторонников Геда, все больше и больше чувствовалось разочарование позицией их старого вождя, крепли левые настроения.

Как произошла измена социал-оппортунистов и синдикалистов

Тем не менее левая оппозиция не получила во Франции накануне войны оформленного выражения внутри социалистической партии. К началу войны организационные высоты, профессиональные и партийные посты, пресса, депутатские места в палате и в муниципалитетах принадлежали правым и центристам. Когда надо было принимать решение, обычно оппортунисты-вожди решали вопрос в желательном для буржуазии смысле.

Гнусной клеветой звучат заявления французских реформистов, будто французский пролетариат был охвачен „патриотическим порывом". 29 и 30 июля 1914 г. французский пролетариат грандиозными манифестациями в Париже, Лионе, Марселе, Тулузе, Бордо и других городах ответил на угрозы войны. Один из нынешних желтых вождей ВКТ Дюмулен в 1917 г. признавал, что „в крупных центрах ждали от ВКТ объявления всеобщей стачки... Но ВКТ,— писал Дюмулен,— отвечала молчанием на запросы провинции и немедленно присоединилась в надвигавшемся грозном конфликте к дипломатической позиции правительства... Во Франции никто не хотел

войны; во Франции мы хотим все сделать, чтобы избежать вооруженного конфликта. Правительство строило всю свою воинственную доктрину на этих двух формулах: большинство ВКТ обосновало свои теории на тех же утверждениях".

Реформистские вожди сделали все, чтобы обмануть массы. Жуо, секретарь ВКТ, за несколько дней до начала войны виделся в Брюсселе с вождем немецких профсоюзов Легином. Он спросил Легина, что думают делать немецкие профсоюзы в случае войны. Последний ничего на это не ответил. Жуо с радостью воспользовался этим молчанием, чтобы занять ту же позицию, что и Легин. А массам изобразили дело так: мы не виноваты, немецкие профсоюзы идут на войну, необходимо защищаться.

Широко распространено мнение, что Жуо и многие из бывших милитаристов испугались репрессий правительства. Последнее имело список всех подозрительных (так называемое „Carnet B") и собиралось якобы по этому списку арестовать всех, в том числе и Жуо. Когда об этом узнали, „всех обуял страх, все стали дрожать за свою шкуру" (Дюмулен). Конечно, трусость — в природе реформистов. Но в данном случае мы имеем дело с предательством, которое отнюдь не может быть объяснено трусостью. Мальви, бывший министром внутренних дел, от которого зависело пустить в ход угрозу с „Carnet B", совершенно сознательно от этого отказался. Он великолепно знал, что Жуо изменит пролетариату, а Жуо отлично знал, что „Carnet B" не имеет в виду его и его друзей.

Впоследствии Клемансо и крайние реакционеры ставили Мальви в вину отказ от применения санкции по отношению к антимилитаристам. Жорж Сюарец в своей книге, посвященной Клемансо, приводит такой разговор между Клемансо и Мальви за несколько дней до объявления войны: Клемансо спрашивает Мальви: — Что вы думаете делать с „Carnet B"? — Я им не воспользуюсь. Этот список никуда не годен. — Как? Он никуда не годен? Но при помощи „Carnet B" вы будете держать в ваших руках всех опасных для страны людей. — Опасных людей? Знаете ли вы, кто фигурирует в „Carnet B"? — Клемансо делает уклончивый жест: — Их четыре тысячи. Мальви отвечает: — Да, четыре тысячи, среди которых имена Лаваля, Жуо... Но Клемансо настаивает: — Я вам говорю, что вы должны арестовать всех, которые находятся в „Carnet B"... Мальви отказывается. Клемансо разъярен; он кричит ему: — Уходите вон! Вы преступник! — Мальви уходит. Мальви в начале войны, с точки зрения буржуазии, поступал более дальновидно, чем это требовал Клемансо. Купить измену вождей либеральным жестом — на это французская буржуазия охотно шла. Торг состоялся: вожди не были арестованы, зато революционных рабочих вылавливали пачками и разделывались с ними всеми способами.

Вожди социалистической партии следовали за синдикалистскими руководителями. Спекулируя на наивном пацифизме Жореса, Ренодель и другие изображали массам свою позицию как борьбу за мир всеми средствами: Франция хочет мира, но Франция будет защищаться. Этот тезис стал основным для Реноделей и К°. Социал-шовинисты делали вид, что они готовы выполнить свой „интернациональный" долг. 1 августа в Париже появился представитель ЦК германской социал-демократии Герман Мюллер. Социалистическая фракция французской палаты организовала беседу с ним. Она весьма интересна для позиции как германских, так и французских социал-шовинистов. Мюллер заявил, что среди членов социал-демократической фракции рейхстага существуют *два течения*: одно — *против* вотирования военных кредитов, другое — за *воздержание* при голосовании за кредиты. По словам Мюллера, никто из германских социал-демократических депутатов и не думает голосовать за кредиты. Сговорились на том, что лучшим выражением „единства действий" французских и немецких социалистов было бы *воздержание* при голосовании военных кредитов. Но тут же было оговорено, что „*никаких обязательств*" обе стороны на себя не берут и что

обе партии примут решения „совершенно автономно“ (en pleine autonomie— по выражению бельгийского социал-шовиниста Генри де Манна, составившего отчет об этом свидании). Какое еще возможно было большее предательство со стороны как немецких, так и французских социал-патриотов, чем это „решение“ по вопросу об „интернациональном действии“?! Но массам внушалось с обеих сторон, что виновата противная сторона, что делалось все возможное для достижения мира.

Не менее характерен для предательской позиции французских социалистов и примененного ими метода надувательства масс следующий „трюк“ парламентской социалистической фракции. Когда 1 августа французское правительство официально объявило всеобщую мобилизацию, социалистическая фракция потребовала от правительства, чтобы мобилизованная армия держалась в 9—10 *км* от границы. „Это происходило, — читаем мы в официальном отчете французской социалистической партии, — в тот самый момент, когда нам было известно, что Люксембург уже наводнен германскими войсками“. Вот, мол, на какие жертвы, во имя мира, шли французские социал-патриоты!

Так синдикалистские и социалистические вожди совместно с империалистическим правительством обманными методами, громкими криками о мире и тайными соглашениями о поддержке войны подготовляли и обставили свою измену рабочему классу. „Священное единение“, без которого французская буржуазия не могла бы и одного дня воевать, так же как германская, английская и пр., стало фактом, надолго затормозившим активность рабочего класса в борьбе с империализмом.

II. ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ (1914—1916 г.)

Экономическое положение Франции в первые годы войны. Промышленность

Первые месяцы войны оказались чрезвычайно тяжелыми для промышленности. В августе 1914 г. более половины предприятий было закрыто. Около 2 млн. рабочих оказались без работы. Оставшиеся на производстве 3 млн рабочих оказались в исключительно тяжелом положении. Предприниматели сразу использовали обстановку, чтобы перейти в наступление на заработную плату. По исследованию Института труда, 852 парижских предприятия уменьшили дневной заработок рабочих на 25—50%, а синдикальная палата предпринимателей санкционировала среднее понижение зарплаты до 50%. В особо тяжелом положении оказались женщины-работницы, в частности — портнихи, домашняя прислуга, торгово-промышленные служащие.

Мало-по-малу однако потребности войны привели к восстановлению промышленной деятельности. Механическая, угольная, химическая промышленность и все предприятия, работавшие на оборону, заработали полным ходом. К 1 января 1916 г. безработица во Франции почти рассосалась, но не везде одинаково. Лучше, чем до войны, работала механическая, химическая и судостроительная промышленность, хуже всего работала промышленность по производству предметов роскоши и строительная.

Номинальная заработная плата стала несколько увеличиваться с середины 1915 г. вследствие перехода на сдельщину, но это означало уменьшение реальной заработной платы. Так в 1916 г. номинальная заработная плата рабочего крупной промышленности увеличилась на 25%, работницы — на 38%, одновременно же дороговизна жизни увеличилась на 45%. К тому же сдельщина приводила к увеличению рабочего дня — в среднем до 12 час. в сутки.

Состав рабочего класса за 1915/16 г. претерпел значительные изменения: женщины, до войны работавшие преимущественно в отраслях легкой промышленности, стали значительными массами пополнять химические и металлургические предприятия, работавшие на оборону. Так, к середине 1916 г. на обследованных инспекцией труда предприятиях, в которых в августе 1914 г. работало 199 тыс. работниц, было уже 546 тыс. женщин. Центры промышленности перемещались в глубь страны; Руан, Бордо, Тулуза, Лион, Лимож, Марсель, Нант стали пунктами, где выросли новые металлургические, химические и другие предприятия, работавшие на оборону. Эльбеф, Лувье и Вьенна поставляли военное обмундирование.

Сельское хозяйство

Что касается сельского хозяйства, то оно с первых же дней войны стало страдать от недостатка рабочих рук. Занятые неприятелем департаменты в общей сложности давали до войны $^1/_5$ производства хлеба, больше $^1/_4$ производства овса, более $^1/_{10}$ картофеля и $^1/_2$ сахарной свекловицы. Сейчас этот недостаток должен был быть восполнен за счет оставшейся площади. А между тем вместо 5200 тыс. человек, занятых в сельском хозяйстве в начале войны, осталось к середине года всего 2 млн. работоспособных земледельцев. К этому надо прибавить реквизицию для военных нужд лошадей и мулов, овец, свиней и пр. и таксацию цен правительством, от которой страдало в первую очередь крестьянство, в то время как крупные акционерные общества по поставке продовольствия для армии бешено наживались. Неудивительно, что количество засеянной земли и производство сельскохозяйственных культур в этих условиях уменьшалось: так, в 1913 г. было засеяно под разными хлебными культурами — 13 511 360 *га*; в 1914 г. — 12 474 076; в 1915 г. — 11 268 150 *га*; сбор урожая этих культур в квинталах был равен: в 1913 г.—174 669 350; в 1914 г.—156 585 050; в 1915 г.—120 879 044. В мае 1915 г. правительство вынуждено было закупать за границей (главным образом в Соединенных штатах) сельскохозяйственных продуктов на 200 млн. франков, причем платило за квинтал хлеба от 38 до 40 франков, в то время как у французского крестьянина тот же хлеб покупался по 30 франков. Осенью того же года правительство издало декрет об увеличении хлебной таксы на 3 франка для вновь засеянных земель, но это официальное повышение не могло удовлетворить крестьянина. Недовольство крестьянства, особенно бедноты, которая больше всего страдала от реквизиций и не могла использовать даже легкое повышение цен, так как она не являлась продавцом хлеба, росло по мере того, как война затягивалась. Военную обстановку использовали только крупные поставщики продовольствия для армии и та часть сельскохозяйственного населения, которая и до войны наживалась на культивировании и продаже молочных и огородных культур, птичьей живности, яиц и фруктов, а также винодельческие хозяйства.

Правительство своей политикой способствовало обогащению крупных аграриев и промышленников. Крупные сельскохозяйственные ассоциации работали при тесном содействии министерства земледелия. Они влияли на установление цен, наживались при закупке заграничных продуктов и, невзирая на таксы, спекулировали на внутреннем рынке, особенно в рабочих центрах. Французские господствующие классы отдали, подобно капиталистическим государствам других воюющих стран, дань системе „военного капитализма". Вмешательство правительства в торгово-промышленную деятельность во Франции, которое рисовалось некоторыми буржуазными экономи-

стами и социал-шовинистскими подголосками чуть ли не как „государственный социализм", свелось к централизации промышленности под эгидой крупных консорциумов, в которых задавали тон магнаты индустрии. Эти консорциумы сосредоточивали в своих руках закупку и распределение важнейших сырых материалов. По закону они обязаны были получать на свои акции прибыль не более 6%, а остальную прибыль сохранять для государства, которое могло ею воспользоваться после ликвидации консорциума. Фактически же консорциумы пользовались своей монополией и прекрасно обделывали свои дела под покровительством того же правительства. Деятельность консорциумов уже в первые годы войны чувствительно отразилась на положении мелкой промышленности, которая не могла приспособиться к условиям войны и обычно в консорциум не входила.

Буржуазия и война

Между тем война, вначале казавшаяся многим короткой операцией, которая закончится в несколько месяцев, принимала затяжной характер. Немецкая армия быстрым маршем, несмотря на сопротивление бельгийцев, уже 24 августа 1914 г. перешла франко-бельгийскую границу, принудив французские армии, под начальством генерала Жоффра, к отступлению при Шарлеруа. Население департаментов Соммы, Уазы, Эны вынуждено было спешно эвакуироваться. Немцы угрожали непосредственно Парижу. Правительство по совету Жоффра, решило 2 сентября 1914 г. переехать в Бордо. За ним последовали сенаторы, депутаты, а также, по свидетельству социал-патриота Зеваэса, „вся прогнившая клика бульварных фланеров, шулеров, темных дельцов, именитых актеров и актрис, богачей и трусов обоего пола, которые в момент опасности или кризиса неизменно бегут туда, где находится власть". Злые языки утверждали, что отъезд правительства „походил на бегство". Жоффр бросил следующее по адресу правительства: „Я действительно советовал им уехать, но я не советовал им бежать". В то время как немцы преследовали по пятам отступающего Жоффра и собирались брать приступом Париж, правительство, законодатели и бежавшая с ними в Бордо буржуазия чувствовали себя не плохо.

Один консервативный писатель, член Академии моральных и политических наук, Анри Велшинже, оставил нам описание жизни беглецов в Бордо: „Главный наплыв публики, — пишет он, — наблюдался в Большом кафе Бордо. Здесь обосновались любители подлинных и ложных новостей, тунеядцы всякого калибра, спекулянты и авантюристы, дамы полусвета... Некоторые модные рестораны были переполнены до отказа... Киоски вокруг Большого театра осаждались толпой, газеты, карты театров войны, сенсационные брошюры брались нарасхват... В общественном саду... гуляли изящные женщины и играли прелестные детишки... Здесь можно было встретить грациозных женщин, одетых очень хорошо, даже слишком хорошо. Эти юбки, корсажи, манто по последней моде, эти токи или крикливые круглые шляпы, эти смелые декольте — все это носило слишком светский характер в эти дни испытаний. Бросался в глаза ужасающий контраст: с одной стороны — эти туалеты и роскошь, с другой — несчастья страшнейшей из войн, безутешная скорбь по погибшим. Рядом с фривольными и манящими туалетами сколько черных юбок, сколько шляп с траурным крепом, черных шерстяных шалей и больших траурных вуалей, мимо которых проходишь с невольной дрожью".

Так веселилась французская буржуазия, в то время как французские рабочие и крестьяне, poilus,[1] истекали кровью во имя капиталистических прибылей на подступах к Парижу.

---

[1] Poilus — рядовой солдат.

Рабочее движение в первые годы войны

Рабочее движение в первый год войны почти замерло. В то время как за 12 месяцев 1913 г. состоялись 1073 забастовки с количеством в 220 тыс. бастующих, за время с 1 августа 1914 г. по 1 декабря 1915 г., т. е. за 16 месяцев, их было зарегистрировано всего 17 при 940 участниках. Правительственный террор против рабочего движения фактически загнал рабочее движение в подполье и сделал рабочих бесправными. В первые месяцы войны безработица настолько давила на занятых в промышленности рабочих, что последние боялись и пикнуть. Синдикаты опустели; организованные рабочие в большинстве пошли на фронт, остальные не особенно стремились в профсоюзы, так как не могли ожидать от них защиты своих интересов. Здания синдикатов и биржи труда в первые месяцы войны были превращены в госпитали или в места по раздаче пособий семьям мобилизованных и беженцев.

Только со второй половины 1915 г. наметились некоторые симптомы оживления в синдикальных организациях. В виду возобновления работ и особенно расширения предприятий, работающих на оборону, декретом правительства от 15 июня 1915 г. на эти предприятия были возвращены из армии мобилизованные специалисты-рабочие и оставлены те, которые подлежали мобилизации. Несмотря на то что мобилизованные считались на военной службе и, в случае какого-нибудь протеста, всегда могли быть отправлены обратно на фронт или подвергнуты дисциплинарному наказанию, оставление квалифицированных рабочих в тылу имело немаловажное значение для рабочего движения. Декрет 15 июня 1915 г. был впоследствии дополнен декретом 1916 г. о задержке подлежащих мобилизации призывных 1916 и 1917 гг., работавших на заводах по выделке снарядов.

Социалистическая партия проводит в жизнь „священное единение"

Социалистическая партия превратилась в филиал империалистического правительства, „Humanité", центральный орган социалистической партии,—в желтую патриотическую газетку, проповедывавшую „войну до победного конца" и „гражданский мир". Марсель Самба например в статье „Польша" писал по поводу воззвания русского главнокомандующего Николая Николаевича о Польше:

„Царь возглашает сегодня: „Да здравствует Польша!" Счастливый симптом! Дело союзников есть действительно правое дело".

Образованный социалистической партией „Комитет действия" обратился с патриотическим воззванием к французским рабочим, в котором заявлял, что „во имя национального единства временно прекращена борьба за законные требования рабочего класса". Социал-патриот Люке, указывая на снижение заработной платы и на безработицу, заявлял, что „для решения этих проблем хозяева и рабочие должны объясниться друг с другом". Рекорды гнусности побил бывший „антимилитарист" Эрве, который превратил свою газету „Гражданская война" в „Победу" и не отставал от самых реакционных органов печати вроде „Фигаро" и монархической „Аксьон франсэз" с требованием биться с „бошами" до победного конца и с восхвалением царя и его „славных солдат".

26 августа 1914 г. Вивиани реорганизовал свое министерство, превратив его в министерство „национальной обороны"; в него вошли Делькассе, Рибо, Мильеран и Бриан. Социалисты выдвинули в качестве министров Марселя

Самба (министром общественных работ) и Жюля Геда (министром без портфеля). Через несколько дней в правительство в качестве статс-секретаря по военному ведомству (помощника министра) вошел Альбер Тома, на которого была возложена задача руководить военной промышленностью, Александр Варрен, социалистический депутат, работал в военной цензуре. Вступление Геда, ветерана французского социализма и некогда непримиримого, казалось, борца против Мильеранов, в буржуазное правительство было свидетельством глубочайшего падения французской социалистической партии. Характерно, что против этого шага среди вождей партии не нашлось ни одного возражающего.

В воззвании, выпущенном социалистической партией к стране, социал-патриоты спекулировали Великой французской революцией и Коммуной 1871 г.:

„Речь идет о будущем нации, о жизни Франции. Партия не знала здесь никаких колебаний... Глава правительства считал, что для того, чтобы увлечь нацию, организовать и поддержать ее в борьбе, которая будет и должна быть ожесточенной, ему необходима поддержка всех и быть может в первую очередь тех, которые, в интересах освобождения пролетариата и человечества, опасаются ига деспотизма. Он знал, что во все тяжелые моменты как в 1793 г., так и в 1870 г. нация возлагала свое доверие именно на таких людей, на социалистов, на революционеров. По собственному побуждению, не дожидаясь какой-нибудь другой манифестации народной воли, он обратился с призывом к нашей партии. Наша партия ответила ему: „Есть!“.

Полный отказ от социализма и классовой борьбы, полная измена решениям Интернационала о борьбе с войной совершенно отчетливо звучат в этом воззвании. Дело „священного“ единения достигло кульминационного пункта в статье, которую бланкист и бывший революционер, Эдуард Вальян, посвятил в „Эко де Пари“ умершему в октябре 1914 г. де Мену, бывшему версальцу, принимавшему участие в расстреле коммунаров.

„... Ныне,— писал Вальян,— когда он (де Мен) присоединился к общим усилиям во имя общественного спасения, речь идет уже не о политической истории партий, а о национальной обороне. О ней де Мен в последние дни своей жизни заботился со всей страстью. Ежедневно он боролся за нее в „Эко де Пари“. Энтузиастическая вера и патриотизм его красноречивых статей, так великолепно обоснованных, сделали из них драгоценный элемент национальной защиты“.

Статьи Вальяна в „Humanité“ дышали такой злобой к немцам и таким шовинизмом, что группа Реноделя, которая в первые годы войны владела безраздельно редакцией „Humanité“, иногда стеснялась печатать писания старого бланкиста, боясь их слишком большой откровенности. Надо было преподнести яд социал-шовинизма несколько более завуалированно, чем это делал Вальян.

Синдикалистские вожди в союзе с империалистами

Синдикалистские вожди изменили рабочему классу не менее подло, чем социалистические. Жуо вошел в „Комитет национальной помощи“, где он заседал рядом с кардиналом, архиепископом Парижа. Во время бегства французского правительства в Бордо Жуо был официально назначен „комиссаром нации“. Его роль заключалась в том, чтобы нести в рабочие центры „веру в победу“. Орган комитета ВКТ „Батай синдикалист“ превратился в шовинистическую газету, поддерживавшую „священное единение“. Вспомнили германофобские писания Бакунина и цитировали их почти в каждом номере газеты. Анархист Христиан Корнелиссэн, вслед за Кропоткиным и другими анархо-патриотами, подвизался на страницах синдикалистской газеты

в качестве ярого противника немцев. Ромэн Роллан, занявший пацифистскую позицию, был прозван Корнелиссэном „славным литературным ребенком". „Шпиономания" захлестнула и синдикалистскую официальную прессу. О борьбе против войны забыли окончательно. Редко-редко проскальзывала заметка, изуродованная цензурой, свидетельствовавшая о том, что массы не с вождями, что они готовы бороться. Так в одной из таких заметок в „Батай синдикалист" от 30 августа 1915 г. было напечатано письмо некоего I. H.

„Я принадлежу, — писал I. H.,— к числу тех синдикалистов, которые не согласны с вождями. Увы! Как много товарищей, почти все сотрудники „Батай синдикалист", в этой бесстыдной бойне видят защиту нашей свободы, видят в ней право и справедливость, поднимающиеся против немецкого империализма... (Цензурный пропуск.) С самого начала чудовищной бойни я питал надежду, что „Батай синдикалист" останется тем, чем она была; что она вспомнит, что она была создана для защиты справедливой и благородной цели: восстания эксплоатируемых против эксплоататоров,—единственной войны, в которой по-моему трудящиеся могут выиграть все..."

Возможность появления даже таких заметок приводила в ужас анархо-патриотов. В августе 1915 г. „Батай синдикалист" отказался печатать статьи сотрудников Капи и Дебуа в защиту Ромэн Роллана. Анархо-синдикалисты патриотического толка шли настолько далеко в своем лакействе перед правительством, что даже наивный пацифизм Роллана, которого лицемерно „приветствовала" и „Humanité", казался им опасным. В конце 1915 г. „Батай синдикалист" прекратил свое существование. Вместо нее стала выходить желтая газета „Батай", ставшая средоточием самой гнусной и позорной социал-патриотической пропаганды.

III. ВТОРОЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ (1916 — 1918 гг.)

Неудача наступления ген. Нивеля. Революционные волнения на фронте

Война продолжалась с небывалым ожесточением вплоть до ноября 1918 г. Немецкое командование, начавшее наступление на Верден в феврале 1916 г., методически вело его в течение нескольких месяцев. С величайшим трудом французам удалось лишь в ноябре 1916 г. приостановить наступление немцев и сделать робкую попытку перейти в контрнаступление на Сомме.

Между тем усталость от войны с каждым днем чувствовалась все больше. Рабочее движение во Франции с конца 1916 г. выходит из состояния пассивности. Уже в мае 1917 г. в Париже происходила стачка работниц, занятых шитьем на армию; к ним примкнули и другие профессии. Заправилы из ВКТ и социалистической партии вынуждены были заговорить несколько другим языком: они начали бормотать о „справедливых" условиях мира. Февральская революция в России сначала вызвала у антантовской буржуазии надежду, что в союзе с Милюковыми и Керенскими будет легче сокрушить немцев. В апреле 1917 г. генерал Нивелль, сменивший 27 декабря 1916 г. генерала Жоффра на посту главнокомандующего, по соглашению с генеральными штабами Великобритании, России и Италии, начал наступление на немецкий фронт.

Наступление, предпринятое ген. Нивеллем, встретило серьезные возражения с точки зрения военно-стратегической. Но оно все же состоялось при горячей поддержке Пуанкаре, который требовал победоносных действий во имя политических соображений отвлечения внимания трудящихся масс Франции, которые все более бурно выражали свое недовольство затягивающейся войной. На фронте против немцев было собрано около $1^1/_2$ млн

человек, 5580 тяжелых и легких орудий, две сотни танков и больше 30 млн. снарядов. Военные историки считают предпринятое Нивеллем наступление „наиболее грандиозным предприятием во время войны". Но это грандиозное наступление, благодаря бездарности французских генералов, кончилось не менее грандиозным разгромом. Немцы с высот над долиной реки Эн встретили французских солдат, посланных в атаку, сокрушительным артиллерийским и пулеметным огнем. Отступавшие французы вынуждены были броситься в новую атаку, так как командование обратило против них артиллерию. Огромные массивы французских солдат оказались между двумя огнями. Они падали массами под перекрестным огнем своих и неприятеля. Очевидцы передавали душераздирающие картины этой неслыханной бойни, учиненной французским империализмом. Больше 100 тысяч французских солдат погибло в этой бойне. Неудивительно, что среди солдат вспыхнуло недовольство командованием и правительством. Революционное брожение приняло широкий характер. Целые дивизии отказывались отправиться на линию огня; некоторые батальоны, вместо того чтобы пойти на пополнение своего полка, выбирали делегатов к командованию с требованием отправления их домой; офицеров они встречали пением „Интернационала".

На тайном заседании палаты депутатов и сената генерал Петэн (бывший тогд начальником штаба у Нивелля) в своем докладе говорил следующее: „Уже несколько дней накоплялись, вызывая беспокойство, факты коллективного неповиновения. Рота, которая должна была принять участие в наступлении на мельницу Ляфо, отказалась итти на фронт. Солдаты распространяют прокламации: „Долой войну! Смерть генералам!" Они заявляют, что не хотят больше сражаться. 19 мая батальон, который должен был выступить, разбежался в лесу. 20 мая запасная дивизия демонстрирует с пением „Интернационала" по улицам. 26 мая перед квартирой дивизионного генерала собираются солдаты четырех батальонов, которые должны отправиться на линию фронта. Офицерам не удается их разогнать. 27 мая на участке Лефер-ан-Гарденуа предстоит посылка батальона на автомобилях. Солдаты стреляют и не допускают отправки. Утром занимают железнодорожную станцию, чтобы захватить поезда. Сильный отряд жандармерии разгоняет их. 29 мая полки, получившие приказ выступить, демонстрируют, поют „Интернационал" и кричат: „Не пойдем на фронт! Не пойдем на фронт!" Того же самого числа в Суассоне полки пытаются уйти в Париж. 30 мая генерал Фош приказывает командующим и префектам принять все меры к восстановлению порядка.

Бюро контрразведки, перлюстрирующие солдатские письма, сообщали: „Одна мысль повторяется с каждым днем все чаще, а именно, что неважно, как кончится война. Разочарование переходит в гнев. Солдат можно успокоить только дипломатическими переговорами. Остается только заключить мир".

По фронту широко распространялась листовка, получившая название „Десяти заповедей французского солдата". В этих „заповедях" требовалось: 1. Отменить злоупотребления наказаниями и дисциплинарными взысканиями. Офицеры должны жить в тех же условиях, что и солдат. 2. Отменить ругань и телесные наказания. 3. Отменить изнуряющие муштровки на привалах. 4. Улучшить пищу. 5. Выплатить полагающиеся солдатам прибавки. 6. Разрешить отпуска раз в три месяца регулярно. Это теперь тем более осуществимо — прибавлялось в листовке, что в настоящее время вступают в смертельную пляску свежие силы англичан и американцев. 7. Предоставить особый отпуск всем, кто еще ни разу не отлучался с фронта. 8. Возвратить по домам солдат старейших призывов, потому что если осенью во Франции и во всей Европе не будет убран хлеб, то в следующем 1918 г. будет голод. 9. Отменить смертную казнь на фронте. 10. Еще до наступ-

ления зимы должен быть положен конец войне и заключен мир без аннексий и контрибуций.

„Десять заповедей" облетели все траншеи, стали выражением нетерпения и революционного гнева французских солдат-фронтовиков. Все явственнее стало звучать также требование повернуть фронт и пойти на Париж, чтобы расправиться там с ненавистным правительством. В ряде полков стали создаваться тайные советы солдатских депутатов. Пуанкаре в своих воспоминаниях писал 30 мая 1917 г., что два полка — 36 и 129—„в итоге тайных совещаний решили направиться походом на Париж". Лозунгами восставших полков было: „Наши жены умирают с голоду. В Париже расстреливают народ! Да здравствует революция!"

Движением против войны было охвачено, по некоторым данным, 75 пехотных полков, 22 батальона добровольцев, 12 артиллерийских полков и др. Реакционные писатели и публицисты утверждают, что „все свидетельствовало о хорошо подготовленном и организованном движении". Генерал Нивелль писал еще в феврале 1917 г. Мальви о том, что „пораженческая" пропаганда в армии усиливается. Петэн в мае говорил, что движение в армии имеет „свои глубокие корни внутри страны". Эти слова, в общем, соответствуют действительности: движение в армии совпало с массовым рабочим движением в стране.[1] Но нет никаких оснований говорить о том, что движение было хорошо подготовлено и организовано. Движению нехватало как раз организации.

Попытки некоторых писателей изобразить Троцкого и редакцию основанной им „левоцентристской" газеты „Слово" (впоследствии „Наше слово") как центр пораженческого движения лишены всякого основания. Прежде всего программа „Нашего слова" и затем сменившей ее газеты „Начало" не была „пораженческой", а была типично пацифистской; основным лозунгом их было: „Ни победы, ни поражений". Кроме того, хотя „Наше слово" попадало иногда к русским солдатам, среди которых осенью 1916 г. были произведены аресты (когда русский полковник Краузе был убит русским солдатом, которого он ударил), но еще в сентябре 1916 г. Троцкий был выслан из Франции, а газета „Начало", сменившая „Наше слово" имела еще более ограниченное распространение и влияние. Совсем уж никакого отношения к движению не имели вожди „лонгетистов". Если весной 1917 г. во Франции как в армии, так и внутри страны было безусловно грозное движение, то это — не результат тщательно обдуманных и организованных действий. Во Франции к этому времени не только не было большевистской партии, но не оказалось ни одной группы, которая имела бы ячейки во фронтовых частях.

Можно все же констатировать, что весной и летом 1917 г. положение для французского империализма стало угрожающим. Недаром Пуанкаре в своих мемуарах, посвященных войне, называет 1917 г. „годом смуты". Эта „смута" при наличии большевистской партии во Франции могла кончиться революцией. Но партии этой как-раз не было у французского пролетариата.

Социалистическая фракция парламента была так напугана положением на фронте, что Лаваль на тайном заседании Палаты и Сената говорил: „Во всей стране мы находим людей, которые желают мира. На фронте и в стране чувствуется разочарование. Эта усталость от войны является источником последних событий. Мы здесь не для того, чтобы друг друга обманывать и говорить красивые фразы о стойкости Франции. Надо отчетливо сказать то, что есть. Во Франции господствует усталость от войны и желание мира. Мирный вихрь носится над страной". После этих „левых" слов Лаваль поспешил заявить, что он конечно „далек от того, чтобы производить на кого-нибудь давление". Он предлагал „сохранить спокойствие, не раздражать народных масс" и... разрешить социалистам поехать на Стокгольмскую конференцию.

[1] См. ниже, стр. 249—252.

При помощи этого маневра французские социал-патриоты намеревались дальше предавать рабочие массы во славу французского империализма.

Правительство и командование расправилось с взбунтовавшимися частями самым жестоким и варварским способом. Некоторые части были окружены карательными отрядами и подвергнуты расстрелу перекрестным пулеметным огнем. Солдатам карательных отрядов говорили, что это расстреливаются немецкие части, наступающие на Париж. Затем стали вылавливать „зачинщиков" из других частей. Заработали военно-полевые суды, которые беспощадно приговаривали к смертной казни по малейшему подозрению. Расправа французской военщины с бунтовщиками солдатами не обошлась без участия социалистических депутатов, которые отправились на фронт якобы для обеспечения „беспристрастного" разбора военносудных дел, но фактически санкционировали казни.

Насколько угрожающим было положение французского империализма к лету 1917 г., видно еще из того, что на ряду с восстанием на фронте происходили серьезные волнения в Алжире, где в конце 1916 г. восстали кабилы (алжирские крестьяне). В течение ряда месяцев повстанцы героически сражались против карательных отрядов французского империализма, требуя отмены декрета о принудительной военной службе. Потребовалась специальная посылка двух французских дивизий из Франции, чтобы покончить с восстанием кабилов. Жестокость усмирителей не поддается описанию: тысячи повстанцев были расстреляны, дома их разрушены, целые селения сносились ураганным огнем с лица земли.

Не менее жестоко расправилась французская военщина с русскими частями из так называемого „экспедиционного корпуса". В июле 1917 г. русские солдаты отказались пойти на фронт. В лагере Ля-Куртин, где они содержались за проволочными заграждениями, в окружении пулеметов и пушек, — над безоружными русскими солдатами была учинена дикая расправа. Сначала им была обещена отправка на родину, затем им предложили отправиться на фронт. После вторичного отказа лагерь был 18 сентября 1917 г. подвергнут обстрелу пулеметным и артиллерийским огнем. Лагерь был разрушен, несколько сот человек убито. И все же большинство солдат предпочло каторжные работы в Африке отправке на фронт.

Приход Клемансо к власти

Империалистические круги во Франции серьезно взволнованные растущей оппозицией в стране и волнениями на фронте, решили покончить с „колебаниями". С начала войны во Франции переменилось четыре правительства. 30 октября 1915 г. правительство Вивиани уступило место правительству Бриана, который находился у власти до марта 1917 г. Неудачи на фронте вызвали отставку Бриана и замену его Рибо, который продержался только до сентября этого же года. Империалистическая буржуазия Франции выдвигала то одну, то другую свою фракцию, в зависимости от условий. Кабинет Пенлеве, сменивший Рибо, должен был „смягчить" в глазах масс репрессии правительства внутри страны и на фронте. Но настроение масс становилось все более боевым. Дела Антанты в России становились безнадежными. Разразилась Октябрьская революция, которая была встречена массами во Франции с энтузиазмом. В этих условиях буржуазия решила призвать к власти „сильного человека". Таким человеком явился Клемансо, занявший с самого начала войны архиреакционную и агрессивную позицию и призванный к власти в ноябре 1917 г.

Социал-патриоты очень боялись прихода к власти Клемансо, „священное единение" могло быть уничтожено резкими шагами этого необузданного человека, который действовал иногда слишком прямолинейно. Когда стало ясно, что Пенлеве у власти не удержится, социал-шовинисты стали мечтать *о... диктатуре Пуанкаре.*

Уже цитированный выше Сюарец, поклонник Клемансо, передает характерный разговор между Марселем Самба и Пуанкаре перед приходом к власти Клемансо. Если этот разговор и не совсем аутентичен, то он во всяком случае не мог быть выдуман: такие вещи выдумать невозможно. Вот как передает Сюарец диалог между Самба и Пуанкаре. Самба говорит:

— Чем иметь Клемансо, уж лучше совершить coup d'état (государственный переворот).

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Пуанкаре.

— О, то, что я вам предлагаю,—этот coup d'état—не очень страшен; но я думаю вместе с моими друзьями социалистами... со *всеми*... (Самба настаивает на этом единодушии) ... я думаю, что страна предпочтет, чтобы вы объявили главой правительства себя, сохраняя звание президента.

— Два президентства, объединенных в одном лице?

— Да, со всей соответствующей им властью.

— Диктатура?

— Да, диктатура.

Но Пуанкаре отклонил это предложение. Он считал, что к открытой диктатуре можно будет прибегнуть только „в самом крайнем случае". Выполняя покорно волю буржуазии, Пуанкаре решил „последнюю ставку" поставить на Клемансо: играть в открытую диктатуру в 1917 г., в то время как в России торжествовала Октябрьская революция, было слишком опасно.

Клемансо с самого начала войны занял отрицательную позицию по отношению к Пуанкаре и к Вивиани. Он обвинял их в нерешительности и трусости. Он требовал решительной расправы с рабочим движением. Он выступил с демагогическими лозунгами борьбы со злоупотреблениями и спекуляцией, с лозунгами борьбы с „пораженцами". Его атаки против правительства были столь резки, что статьи его в „L'homme libre" („Свободный человек") уродовались цензурой, а вслед затем была закрыта и самая газета. Клеменсо выпустил тогда ту же газету под другим названием „L'homme enchaîné" („Скованный человек"). Скоро он использовал инцидент с редактором полуанархистской газеты „Bonnet rouge" (Красный колпак"), Альмейреда, чтобы свалить министерство Пенлеве.

Реакционные газеты, в особенности „Victoire" („Победа") Эрве вели давно кампанию против Мальви и Кайо, обвиняя их в скрытом пораженчестве. Имена обоих связывали с именем Альмейреда, который был полушпиком, полуанархистом. В августе 1917 г. в качестве министра юстиции в кабинете Рибо Вивиани арестовал Альмейреда, который через две недели был найден мертвым в тюремной камере. Два других сотрудника „Bonnet rouge", Дюваль и Марион, были обвинены в сношениях с неприятелем и предстали перед военным судом Газеты утверждали, что Кайо дал Альмейреду на газету 40 тыс. франков. Имя Кайо и его покровителя Мальви стали связывать с именем одного крупного спекулянта, некоего Боло, которого прозвали „Боло-паша". Указывали на то, что Кайо является другом Боло и что эксминистр, будучи в Швейцарии, вел какие-то переговоры с подозрительными лицами, которые были чуть ли не агентами немецкого штаба. *Во всей этой истории трудно разобрать, где правда и где ложь* Но Клемансо этого было достаточно. Массы так были возмущены буржуазией, наживавшейся на войне, что Клемансо с успехом мог ухватиться за дело Боло, изобразив борьбу с ним и его покровителями как борьбу с военными спекулянтами вообще. Мальви вынужден был подать в отставку. Вивиани, который поспешил арестовать Боло, не смог все же удержаться. Клемансо, встав у власти, снарядил тайное следствие, а затем суд. Боло был приговорен к смертной казни, Мальви — к ссылке на пять лет, а Кайо — к трем

годам тюрьмы, к высылке на пять лет из Франции и к лишению на этот срок избирательных прав.

Клемансо стал решительно расправляться с рабочим движением. Расстреливая стачечников, арестовывая и ссылая левых синдикалистов и социалистов, Клемансо был достаточно благоразумен в своем отношении к социал-патриотам. Он предложил Жуо вступить в министерство, но тот отказался: прямым союзом с Клемансо можно было скомпрометировать себя навсегда перед рабочими. Все же с Реноделями и К°, несмотря на оппозиционные фразы последних, Клемансо установил достаточно тесные отношения.

Произведя перемены в командовании армий и назначив ставленника реакционных кругов, генерала Фоша, главнокомандующим французской армией, правительство Клемансо предприняло ряд серьезных попыток объединить действия английских, бельгийских и французских войск под командованием Фоша. Вмешавшаяся в войну Америка поставляла массу военных материалов и орудий истребления. Так Франция была зажата в кулак диктатурой империалистической реакции, осуществлявшейся Клемансо. О русской революции Клемансо не хотел и слышать. Делегатам французской социалистической партии „лонгетистам", посланным на Стокгольмскую конференцию, он не дал заграничных паспортов. В ответ на интерпелляции в палате Клемансо отвечал:

„От меня требуют формулы, — вот она, она всегда одна и та же: внутренняя политика? — я веду войну! Внешняя политика? — я веду войну! Я всегда веду войну! Я поддерживаю доверие между нами и союзниками. Россия нам изменяет, — я продолжаю вести войну! Несчастная Румыния вынуждена капитулировать, — я продолжаю вести войну. И я буду продолжать ее до последней четверти часа, так как нам будут принадлежать эти последние четверть часа".

Клемансо стал застрельщиком интервенционистской политики против революции большевистской России. 23 декабря 1917 г. между Францией и Англией было подписано соглашение о совместных действиях против большевиков. Французское правительство вдохновляет Японию на захват Сибири. Оно последовательно поддерживало деньгами, снаряжением, инструкторами белогвардейские образования на территории Советской России. Дипломатические представительства правительства Клемансо в России превратились в шпионские гнезда и в штабы контрреволюционных восстаний.

Так бывший радикал сделался кумиром империалистических и монархических кругов Франции.

Французская буржуазия наживается на войне

Патриотический пыл французских империалистических кругов имел под собой весьма веские основания: французская буржуазия наживалась на войне самым беззастенчивым образом. Вот некоторые цифры колоссальных прибылей, полученных некоторыми крупными компаниями и предприятиями во время войны: Металлургическое общество в Арьеже получило в 1913—1914 гг. — 5 710 946 франков дохода, в 1914—1915 гг. — 14 295 330; заводы двигателей Сальмсона — в 1914 г. — 14 млн., в 1916 г. — 26 млн.; акционерное общество Комментри-Фуршамбо в 1913 г. — 873 945 франков, в 1914—1915 гг. — 7 088 152 франка; заводы Крезо в 1915 г. — 55 039 108 франков, в 1916 г. — 206 843 339 франков. Прибыли Лионского кредита исчислялись в 1917 г. в 22 340 090 франков, Генерального общества — 10 771 000 франков; Французского банка: в одном семестре 1914 г. — 15 226 000, соответственно в 1915 г. — 17 882 000 франков, в 1916 г — 29 226 000 франков; в 1917 г. — 33 616 000 франков и т. д. Металлурги-

ческая, химическая и авиационная промышленность развивалась бешеными темпами. Так, несмотря на потери индустриальных районов, в химической промышленности, которая в августе 1914 г. насчитывала всего 45% занятых до войны рабочих, в январе 1918 г. насчитывалось уже 108%; на предприятиях черной металлургии количество занятых рабочих поднялось с 11% довоенного числа в августе 1914 г. до 76% в январе 1918 г.; в начале войны во Франции было всего 272 военных самолета, а 1 апреля 1918 г. 2700 и к моменту перемирия — 3400. К концу войны было построено большое количество новых доменных печей, что давало вместе с находившимися в постройке до войны ежегодную производительность в 600 тыс. *т* кроме 109 мартенов, 56 конверторов и т. д., с ежегодной производительностью в 1760 *т*. Новые производственные центры в области машиностроительной, металлургической и химической промышленности быстро росли в районах Парижа, Бордо и Лиона, на юго-востоке и юго-западе, подальше от германской границы. На базе применения в районе Альп гидроэнергии, потребление которой возросло за время войны на 400 тыс. лошадиных сил, развилась электрометаллургическая и электрохимическая промышленность.

IV. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Возрождение рабочего движения. Массовые стачки весной 1917 г.

Рост военной промышленности привел к консолидации французского пролетариата и к усилению активности рабочего движения в период 1917—1918 гг. Вот красноречивая таблица усиления массового рабочего движения во время войны:

Годы	Число стачек	Число стачечников	Количество потерянных рабочих дней
1913	1073	22 000	2 224 000
1914 (последние 5 месяцев)	17	900	—
1915	98	9 500	55 000
1916	314	41 000	306 000
1917	696	294 000	1 482 000
1918	499	176 000	980 000

Несмотря на огромные прибыли предпринимателей, зарплата рабочих была очень низкой. Повышение зарплаты, с большими усилиями вырывавшееся рабочими, всегда отставало от роста дороговизны. Сравнительные цифры движения индекса „стоимости жизни" рабочего и заработной платы во время войны, приводимые в книге буржуазного французского статистика Марша: „Движение цен и заработной платы во время войны", лучше всего говорят о положении французского рабочего во время войны.

Оплата женского труда, как видно из этой таблицы, хотя и значительно поднялась со времени начала военных действий, все же сильно отставала от оплаты мужчин. Исключительно тяжелы были жилищные условия рабочих: в новых центрах военной промышленности рабочим приходилось ютиться в грязных, вонючих бараках, либо отдавать последние деньги за

койку, которую снимали посменно несколько рабочих. Плата за наем комнаты поднялась в среднем с 40—50 франков в месяц до войны до 180—200 франков к концу войны.

Годы	1914	1915	1916	1917	1918
Индекс стоимости жизни	100	120	135	135	190
Индекс номинальной зарплаты . . .	100	110	125	130	175
Индекс заработной платы женщин в крупной и средней промышленности .	100	67	90	1 7	113

В поисках защиты от эксплоатации хозяев, рабочие с конца 1916 г. потянулись обратно в синдикаты. Так союз металлистов, который выдал в 1915 г. всего 7501 членский билет, в 1916 г. уже роздал 18 тыс., в 1917 г. — 162 680, а в августе 1918 г. — 195 тыс. билетов. Союз железнодорожников в июне 1916 г. насчитывал 25 тыс. членов, а в июле 1918 г. — 75 тыс. Сильно выросли за время войны союзы горнорабочих, банковских служащих и швейников. Последние, вследствие особо тяжелого положения в области производства одежды и предметов роскоши и вследствие низкой заработной платы, были одним из активнейших отрядов рабочего класса во время войны во Франции. Так союз швейников еще в январе 1915 г. начал борьбу за повышение заработной платы, втянув в эту борьбу горнорабочих и железнодорожных служащих. В Париже был создан межсоюзный комитет защиты заработной платы, объединивший ряд союзных организаций. Увеличивавшаяся дороговизна жизни вызвала в начале 1916 г. уменьшение реальной заработной платы швейников на 50—60%. Швейники объявили забастовку, к которой присоединились затем служащие государственных железных дорог. Летом 1916 г. большой шум вызвала забастовка работниц на автомобильном заводе Пюжо. Низшие служащие почт, телеграфа и телефона, горнорабочие Авейрона, таможенные служащие заявляли протест против низкой заработной платы. В октябре устроили забастовку трамвайщики северной части Парижа.

Массовый характер приобрели стачки весной 1917 г. Конгресс горнорабочих в марте высказался за борьбу против понижения заработной платы. Руанские ткачи и рабочие других профессий присоединились к требованиям горнорабочих. Выступили государственные служащие, которые создали „комитет действия", за ними строительные рабочие и наконец парижские швейники. К швейникам присоединились модистки, корсетницы и другие работницы иглы. Движение захватило в двадцатых числах мая в одном Париже около 20 тыс. работниц швейной и конфексионной промышленности. Они требовали повышения заработной платы и английской рабочей недели. Внушительная манифестация „мидинеток" [1] продефилировала по улицам Парижа и добралась до палаты депутатов, двери которой власти предусмотрительно заперли. Бастующие, подойдя к ограде Бурбонского дворца (палата депутатов), подсадили на руках одну из работниц, и та передала „законодателям" петицию. Правительство, испугавшееся нарастания движе-

[1] Так называются женщины, служащие в больших модных магазинах и конфексионах Парижа.

ния, произвело давление на предпринимателей, которые вынуждены были удовлетворить требования работниц. Пока шли переговоры, в движение втянулись банковские служащие, приказчики, прачки, скорняки, сафьянщики, рабочие-ювелиры и рабочие автомобильных заводов. К концу мая число бастующих дошло до 180 тыс. чел.

Социал-империалист Тома помогает буржуазии сокрушить рабочее движение

Попытки правительства, в частности Альбера Тома, ставшего во главе самостоятельного министерства вооружений, утихомирить рабочие массы изданием декретов о регламентации заработной платы на заводах, работающих „на оборону", и об обязательном арбитраже (16 и 17 января 1917 г.) не привели к желательным результатам. Тарифы, установленные Тома для рабочих военной промышленности, оказались не выше, а в некоторых местах и ниже средних ставок заработной платы в других производствах; растущая дороговизна жизни вскоре свела на-нет и те прибавки, которые получили некоторые категории рабочих.

Еще хуже обстояло дело с декретом об обязательном арбитраже. Некоторые пункты декрета означали фактически превращение рабочих в полукрепостных. Пункт 10 декрета гласил, что в случае отказа рабочих подчиниться решению арбитражной комиссии они превлекаются к работе в обязательном порядке. В п. 11 говорилось, что в случае возникновения конфликта все работающие на данном предприятии привлекаются к работе в принудительном порядке, покуда не будет вывешено постановление арбитражной комиссии. Был, правда, один пункт (8), гласивший, что в случае отказа предпринимателя подчиниться решению арбитражной комиссии его предприятие реквизируется. Но этот пункт не пугал ни одного предпринимателя.

Декрет об арбитраже — детище „социалиста" Альбера Тома, — был всем своим острием направлен против элементарных прав рабочих. Даже Жуо вынужден был протестовать против этого декрета. „Это факт,—писал Жуо,— отныне право стачек более не существует. Мы не можем допустить столь серьезного нарушения нашей свободы". Но слова Жуо были только словами: фактически своими действиями он помогал Тома и правительству закабалять французских рабочих.

Альбер Тома вынужден был также, вслед за декретом об арбитраже, согласиться на установление на заводах, работающих „на оборону", института „делегатов от мастерских". Целью этого института было установление „связи между рабочими и дирекцией". По мысли Тома и буржуазных публицистов типа Рожера Пикара, „делегаты от мастерских" должны были способствовать „соглашению между хозяевами и рабочими". Но оказалось совсем наоборот; несмотря на то что Тома запретил „делегатам от мастерских" устанавливать связь с синдикальными организациями, делегаты в большинстве случаев выбирались из числа наиболее активных революционных синдикалистов, имевших связь с синдикалистской оппозицией.

Массовое рабочее движение в 1918 г. Лозунги движения 1917—1918 гг.

Весной и летом 1918 г. Франция вновь стала ареной массового рабочего движения, принявшего явно политический характер. Началось мощное движение на заводах, работавших „на оборону", охватившее более 300 тыс. рабочих. Центром движения стал Луарский бассейн. Реакционная пресса распространяла клевету, что движение руководится немецкими агентами.

В начале февраля 1918 г. в Сент-Этьене было арестовано пять рабочих иностранцев (4 испанца и 1 швейцарец), расклеивавших прокламации. Следствие заявило, что эти прокламации будто бы доставлены из Германии. Возмущенные подобным обвинением рабочие стали угрожать забастовкой. Началась ожесточенная борьба с объединенным фронтом предпринимателей, правительства и военного командования. Повышенное настроение среди сент-этьенских рабочих стало быстро передаваться и в другие промышленные центры. Заволновались и рабочие Парижского района. В апреле в том же Сент-Этьене два рабочих-металлиста, участвовавшие без разрешения военных властей на профессиональном собрании, были арестованы и затем отправлены на фронт. Это было каплей, переполнившей терпение рабочих. Началась всеобщая стачка, охватившая весь бассейн Луары и важнейшие предприятия Парижа. Правительство Клемансо действовало энергично: с одной стороны оно безжалостно расправилось с руководителями стачечного движения — с революционною профоппозицией, с другой стороны оно вошло в переговоры с официальными профсоюзными организациями и обещало повышение зарплаты. Репрессии правительства и предательство желтых вождей привели к срыву стачки, которая закончилась 18 мая 1918 г.

Рабочее движение 1917—1918 гг. однако показало, что рабочий класс Франции окончательно пробудился от летаргии и что политика „гражданского мира", в которую его втянули социал-патриоты, безнадежно провалилась. Лозунги стачечников были не только экономические, они носили политический характер: от правительства требовалось скорейшее окончание войны и объявление условий мира. Первомайский митинг 1917 г. парижских рабочих был разогнан полицией, но, несмотря на это, манифестанты в количестве более 10 тыс. человек продефилировали по улицам с криками „Долой войну" и пением „Интернационала". В апреле 1918 г. ВКТ в воззвании, обращенном к рабочим, отменила первомайскую стачку, ссылаясь на „трагизм положения страны". Массы ответили на это новое предательство стихийными стачками и демонстрациями. Несмотря на террор и измену вождей, в массах росли и крепли симпатии к Октябрьской революции в России; как ни свирепствовала цензура, но и через ее рогатки сведения о героической борьбе русских рабочих, как увидим, проникали в толщу масс и вдохновляли их на борьбу.

V. СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Рост оппозиции против социал-империализма в рабочем классе

Оппозиция против социал-империализма во Франции развивалась медленно, но верно. В начале это были изолированные действия отдельных лиц и групп, бессильных выступить во главе организованного меньшинства против социалистических и синдикалистских вождей, перешедших на сторону буржуазии. Так Монатт в знак протеста против социал-шовинизма подал в ноябре 1914 г. в отставку из ВКТ, где он был представителем федерации синдикатов Роны. Почти одновременно Нико, секретарь федерации Эн, напечатал в провинциальной газете „Разведчик Эна" (L'eclaireur de l'Ain) статью, где заявлял, что вожди синдикатов вместо того, чтобы руководить событиями, „были увлечены пороком национализма с поспешностью, приводящей в отчаяние". Надо признать, — писал он, — что „ошибка не только на стороне немцев". Масса не будет молчать. Уже поднимается глухой ропот. Нико призывал в заключение к борьбе „во имя мира, братства народов, во имя Интернационала". Нико был (повидимому при благосклонном содействии вождей) мобилизован и послан на передовые позиции.

В Париже реакция против поведения социал-империалистов нашла свое выражение в деятельности федерации металлистов, орган которой „Союз металлистов" („Union des métaux") был использован секретарем федерации Мергеймом и его сторонниками для пропаганды „мира". В специальном номере, выпущенном Мергеймом 1 мая 1915 г., в программной статье „Наша позиция", развивалась мысль о необходимости борьбы „за мир", „за верность идеям Интернационала"... „за восстановление интернациональных связей". Мергейм присутствовал, как мы увидим из дальнейшего, на Циммервальдской конференции, но позиция его была пацифистской и „центристской". Внутри социалистической партии позиции Мергейма соответствовала приблизительно позиция группы Луизы Сомоно, оформившейся вокруг журнала „Женщина-социалистка". Из этой группы организовался „Комитет действия за мир и против шовинизма". В начале 1915 г. Луиза Сомоно поехала на Международную женскую конференцию и поддерживала там пацифистско центристскую линию. По возвращении она издала и распространяла воззвание Клары Цеткин и манифест женской конференции. 1 мая 1915 г. „Комитет действия за мир и против шовинизма" распространил также воззвание к рабочим всех воюющих стран О позиции Луизы Сомоно Ленин писал, что она „не желала ни в чем чем-нибудь важном разойтись с официальной партией". Правительство арестовало Луизу Сомоно, ее „левая" фразеология казалась опасной и чреватой неприятными последствиями для дела „священного единения". Впоследствии Луиза Сомоно примкнула к левым циммервальдцам" во Франции, но ее позиция никогда не была последовательно пролетарской.

„Лонгетисты", ставшие во главе меньшинства социалистической партии (отсюда название „миноритарии"), стали подавать первые признаки жизни в мае 1915 г., когда социалистическая федерация Верхней Вьенны, органом которой служила газета „Populaire du centre" („Народник центра"), приняла резолюцию, упрекавшую руководителей партии в шовинизме и требовавшую внимания ко всем мирным предложениям, откуда бы они ни исходили. Вскоре к этой резолюции присоединились федерации Изера, Роны, Сены, Верхней Соммы, устья Роны, Воклюза. На конференции федерации социалистов Сены в декабре 1915 г. резолюция Ланге—Лаваля, настаивавшая на „справедливом" мире и на „продолжении политики классовой борьбы", собрала 4000 голосов против 6000 голосов, собранных сторонниками Реноделя.

Мергейм и Бурдерон на Циммервальдской конференции

Толчком к активизации оппозиционной деятельности „миноритариев" послужила поездка Мергейма и секретаря союза бондарей Бурдерона на конференцию в Циммервальде в сентябре 1915 г. Их позиция в Циммервальде не была последовательно-революционной. Оба французских делегата были против революционных методов борьбы и против лозунга организации III Интернационала. Умеренный манифест, подписанный ими совместно с немецкими делегатами Гоффманом и Ледебуром от имени французских и немецких рабочих, заявлял, что „эта война не есть наша война", что обе стороны берут на себя обязательство неутомимо действовать в собственной стране во имя того, „чтобы движение за мир стало достаточно сильным, чтобы заставить наши правительства прекратить эту бойню". Ни Мергейм ни Бурдерон не думали о превращении империалистической войны в гражданскую. „Лонгетисты" также требовали „восстановления" международных связей и давления на правительства в целях заключения мира. Но, в то время как

Лонге действовал весьма осторожно, боясь обвинения в „пораженчестве“ и подчеркивая свою „лойяльность“ по отношению к социал-империалистическому большинству, Бурдерон и Мергейм, непосредственно связанные с рабочими массами, часто выступали левее и решительнее, отражая этим растущее недовольство рабочих масс.

На конгрессе французской социалистической партии в Париже в декабре 1915 г. оппозиционно настроенные делегаты группировались вокруг Бурдерона. Но связь между ними была слабая, они выступали вразброд и долго не могли договориться между собой. Ренодель и Тома употребили все усилия, чтобы запугать оппозицию. Лонге трусил, он изобретал „переходные“ формулы, говорил о необходимости „защиты отечества“, но вместе с тем требовал „возобновления международных связей“. Возмущение масс против социал-патриотов выразилось не столько в речах оппозиционных ораторов, сколько в настроении рабочих на хорах. Каждое упоминание о мире и об Интернационале встречалось „галеркой“ аплодисментами, а иногда и пением „Интернационала“. Чтобы не дать оппозиции сорганизоваться, большинство нарочно затягивало конгресс: число делегатов-рабочих все более таяло. Наконец Ренодель и его друзья прибегли к следующему трюку: избрали комиссию для согласования резолюций, которая выделила из себя подкомиссию в 6 человек; эта подкомиссия после долгих прений вынесла на пленум общую резолюцию, включавшую упоминание о необходимости международных связей, о „справедливом“ мире и об „освобождении“ Эльзас-Лотарингии; „защита отечества“ признавалась со стороны французов совершенно необходимой. Резолюция, внесенная Бурдероном, обвинявшая ЦК партии и парламентскую фракцию в забвении решений конгрессов Интернационала, запрещавших голосование за военные кредиты, и предлагавшая конгрессу вынести порицание ЦК партии и парламентской комиссии, была отвергнута большинством в 2736 голосов против 76: большинство „лонгетистов“ голосовало против резолюции Бурдерона.

„Комитет по восстановлению международных связей“

Трусливая позиция Лонге, его желание действовать только легальными способами и полный отказ заправил из социалистической партии и ВКТ считаться с антивоенными настроениями рабочего класса вызвали дальнейшую диференциацию среди оппозиции. После Циммервальдской конференции в декабре 1915 г. группой синдикалистов во главе с Мергеймом и Бурдероном, к которым примкнули представители ряда синдикатов: механиков (Вержа), землекопов (Лепти и Юбер), строителей-каменщиков (Перика) и др., был основан „Комитет синдикального действия“, который в специальном воззвании к рабочим заявил себя сторонником Циммервальда и начал пропаганду изданием брошюр и листовок за немедленное заключение мира. Вскоре „комитет синдикального действия“, включив в себя представителей социалистического меньшинства, преобразовался в „Комитет по восстановлению международных связей“. Первое воззвание комитета подписали кроме названных уже лиц от синдикатов представители Сенской федерации социалистической партии: Барри, Бувар, Картье и Дюлюк. В организации комитета приняли участие также и бывшие тогда в Париже Троцкий, Мартов, а затем — близкое отношение к нему имел и Лозовский (Дридзо).

На Кинтальскую конференцию комитет решил послать Мергейма, Бурдерона и Мари Майу (от федерации учителей). Однако правительство отказало им в заграничных паспортах. Только три члена палаты депутатов — Пьер Бризон, Александр Блан и Раффен-Дюжанс — от собственного имени,

не получив ни от кого полномочий, присутствовали на конференции в Кинтале. Все трое занимали центристскую позицию и говорили левые фразы постольку, поскольку их друзья из других стран также словесно левели под влиянием роста недовольства рабочих масс. Они не присоединились к „циммервальдской левой", которая внесла следующее заявление по поводу позиции „лонгетистов":

„Совершенно так же, как в Циммервальде мы объявили воздержание германских социал-демократических оппозиционных депутатов при голосовании военных кредитов недопустимым и позорящим германскую социал-демократию, мы объявляем теперь поведение меньшинства французской парламентской фракции, голосующей за военный кредит, *абсолютно несовместимым с социализмом и борьбой против войны*. Это поведение превращает все протесты этих депутатов против войны и политики гражданского мира в бессильные платонические заявления. Оно способно подорвать всякое доверие к социалистической партии среди оппозиционно настроенных масс. Оно в чрезвычайной степени ослабляет усилия интернационалистских партий воздвигнуть интернациональный фронт для борьбы против мировой войны".

Вернувшись из Кинталя во Францию, все три депутата все же начали систематически голосовать в палате депутатов против военных кредитов. Их основным лозунгом стал „мир без аннексий и контрибуций" — типично пацифистский лозунг, который поддержал также Лонге в своей газете „Популэр" с некоторыми оговорками.

„Лонгетисты" („миноритарии") на конгрессе социалистической партии в декабре 1916 г.

На Парижском конгрессе французской социалистической партии в декабре 1916 г. „лонгетисты" по всем вопросам вынуждены были выступить с отдельными резолюциями. По вопросу об Интернационале резолюция „лонгетистов" снова повторяла слова о необходимости „полного восстановления международных отношений и немедленного созыва Международного социалистического бюро". Эта резолюция собрала 1407 голосов против 1537, поданных за предложение большинства, которое высказалось против созыва бюро до тех пор, пока немецкие социал-демократы „не установят окончательно своих позиций по поводу отказа центральных империй ясно определить характер их предложений во время мирных переговоров". По вопросу об общей политике резолюция, внесенная сторонниками Реноделя, признающая необходимость дальнейшего проведения „священного единения", была принята 1595 голосами против 211 при 1126 воздержавшихся. „Лонгетисты" показали свое настоящее лицо, воздержавшись от голосования тогда, когда перед ними в упор был поставлен вопрос — за или против „священного единения". Во время голосования вопроса об участии в составе правительства фигурировали три резолюции: одна — за участие в правительстве „национальной обороны", другая — „лонгетистов", признававшая, что участие было необходимо в начале войны, но сейчас, когда условия изменились, необходим выход из правительства, и третья — „кинтальцев" — против участия в правительстве вообще. Голоса разделились таким образом: за резолюцию сторонников Реноделя — 1637 голосов, за резолюцию „лонгетистов" — 908, за „кинтальцев" — 574 голоса.

Результаты конгресса доказывали: 1) что „лонгетисты" под давлением пробуждающегося рабочего движения вынуждены были прибегнуть к очередному маневру и выступить с самостоятельными резолюциями; 2) что эти резолюции принципиально мало чем отличались от резолюций большинства и были типично-центристскими; 3) что так называемые „кинтальцы", выступая несколько левее „лонгетистов", однако по основным вопросам ничем не

отличались от последних; 4) что сторонники откровенного социал-патриотизма победили весьма непрочным большинством.

Это большинство, кстати, получилось в результате всякого рода махинаций. Из публикации „Комитета по восстановлению международных связей", мы знаем, что сторонники Реноделя сильно злоупотребляли ложными мандатами федерации Севера, который был занят немцами. Сам маститый Гед, пользуясь своей властью министра, отзывал с фронта социал-патриотов для увеличения голосов своей фракции.

Позиция „Комитета по восстановлению международных связей". Ленин о французской оппозиции

Какова же была позиция Комитета по восстановлению международных связей? Сторонники комитета объявляли себя „циммервальдцами" или „кинтальцами". Их позиция однако далеко не была последовательно-революционной. В первом их циркуляре, где излагалась цель комитета, мы читаем:

„Чего мы хотим? Определить свою позицию и принять участие в международных действиях социалистов и синдикалистов за мир... Мы объединяемся и группируемся для работы, так как центральные организации ВКТ и партии... отказались, в своем большинстве, делать то, что они морально обязаны делать. Мы дополняем во Франции партию и ВКТ в том же смысле и на тех же условиях, как интернациональная социалистическая комиссия дополняет неспособное действовать Международное социалистическое бюро; длительность существования нашего комитета ограничится временем существования означенной комиссии".

Важнейшим постановлением Циммервальда и Кинталя для Комитета был отказ от вотирования военных кредитов, примером поведения—центристский пацифизм Бернштейна, Каутского и Гаазе. Комитет таким образом разделял позицию Мергейма и Бурдерона и отличался от „центристской" позиции трех „кинтальцев"—Блана, Бризона и Раффен-Дюжанса — вначале только более „левой" фразеологией. Об этой позиции Ленин писал в „Письме к т. Сафарову" после его высылки „радикальным" министром Мальви:

„Бурдерон и Мергейм разделяют ошибку, слабость, робость *большинства* Циммервальдской конференции. С одной стороны это большинство *косвенно* призывает в своем манифесте к *революционной* борьбе, но боится сказать это прямо. С одной стороны оно пишет: капиталисты *всех* стран *лгут*, говоря о „защите отечества" в данной войне. С другой стороны большинство побоялось прибавить очевидную правду, которую все равно прибавит каждый мыслящий рабочий, именно: что *лгут* не только капиталисты, но и Ренодель, Самба, Лонге, Каутский, Плеханов и К°. Большинство Циммервальдской конференции *хочет* снова помириться с Вандервельде, Гюисмансом, Реноделем и К°. Это *вредно* для рабочего класса, и „циммервальдская левая" поступила правильно, открыто сказав правду рабочим". (Подчеркнуто Лениным. *Г. З.*)

Ленин требовал разрыва не только с представителями французского большинства, но и с „лонгетистами", солидаризации не с Каутским, а с Либкнехтом и Рюле. Указывая, что во Франции „всегда много вредила анархистская фраза", но что поведение анархо-шовинистов „поможет исцелить очень и очень многих рабочих от анархистской фразы", Ленин требовал создания во Франции „нелегальных организаций среди *рабочих* по распространению *свободной*, нелегальной литературы, по подготовке движения *масс* против своего правительства". Он заканчивает свое „Письмо к т. Сафарову" следующими словами:

Неправда, что „французы неспособны" на систематическую нелегальную работу. Неправда! Французы быстро научились прятаться в траншеях. Быстро научатся они и *новым* условиям нелегальной работы и систематической подготовке *революционного* движения *масс*. Я верю во французский революционный пролетариат. Он подтолкнет и французскую революционную оппозицию". (Соч. т. XIX, стр. 24).

Позиция французских „левых циммервальдистов" и их критика Лениным

Анализ Ленина оказался пророческим. По мере того как война затягивалась, а социал-патриоты все больше и больше разоблачали себя в глазах масс, по мере того как рабочие массы все острее выражали свое недовольство, а „лонгетисты, вместо того чтобы возглавить это недовольство, пытались софизмами и нарочито путанными формулами (вроде голосования против кредитов, но за „защиту отечества"; против социал-патриотизма, но за единство во что бы то ни стало, за Циммервальд, но против нарушения партийной дисциплины) засыпать пропасть между вождями-предателями и массой, левая все больше и больше самоопределялась. Это был долгий и мучительный процесс. Традиции анархистской и реформистской фразы долго владели левыми вождями: у синдикалистов, вроде Перика, это выражалось в неумении собирать силы, выждать соответствующий момент, в мелкобуржуазном революционном нетерпении; у левых социалистов — в неумении решительно порвать не только с социал-империалистами, но и с прикрывавшими их „центристами". Даже левое крыло „Комитета по восстановлению международных связей", которое возглавляли Лорио, Суварин, Сомоно и др., считавшие себя сторонниками „циммервальдской левой", не могло занять последовательной революционной позиции. Весьма любопытным документом, характеризующим пережитки „центризма" у левых социалистов-циммервальдистов, является письмо Суварина, будущего ренегата коммунизма. В этом письме, адресованном швейцарским социалистам и Гильбо[1] и напечатанном 2 декабря 1916 г. в упоминавшемся нами органе „лонгетистов" „Populaire du centre" под заглавием „К нашим друзьям в Швейцарии", Суварин защищал „лонгетистов" и упрекал левых циммервальдистов в том, что они отождествляют центристов с социал-шовинистами. Суварин считал „непатриотической" точку зрения тех, кто думает, что „защита отечества несовместима с социализмом. Он заявлял о том, что хочет „рассматривать факты с марксистской точки зрения" и что трудно отличить войны революционные от реакционных: левые циммервальдисты либо являются пацифистами во что бы то ни стало,—„толстовцами", либо не желают считаться с тем, что на Францию напали. Говоря об Интернационале, Суварин спрашивал: „Какую пользу принесло бы теперь создание нового Интернационала? Деятельность его была бы поражена бесплодием, так как количественно он был бы очень слаб". О Троцком Суварин писал, что „Троцкий, которого мы (французское меньшинство) считаем одним из самых крайних элементов крайней левой Интернационала, просто напросто шельмуется Лениным как шовинист. Здесь бесспорно есть некоторое преувеличение". В дополнение Суварин просил Ленина и его сторонников умерить свою критику „лонгетистов", „каутскианцев" и других „центристов". Подобно Ледебуру, который на Циммервальдской конференции обвинял Ленина в том, что он из-за границы „безответственно" бросает призывы к революционной борьбе рабочим массам, Суварин писал, что он обращается „к Гильбо, к Ленину, ко всем тем, кто пользуется преимуществом находиться в „стороне от схваток", преимуществом, часто позволяющим здраво судить о людях и делах социализма, но заключающим в себе также быть может некоторое неудобство".

[1] Гильбо — бывший анархист, во время войны занимавший антипатриотическую позицию, в 1915 г. эмигрировал в Швейцарию и примкнул к „циммервальдской левой". Основанный им журнал „Demain" резко критиковал „лонгетистов". Сейчас является ренегатом.

Ленин в своем ответе Суварину легко разбил его аргументацию. Он показал, что Суварин совершенно не понимает марксизма, если пользуется таким термином, как „патриотическая" или „непатриотическая" позиция. Отечество, нация, — писал Ленин, — „понятия исторические". Важны причины войны, а не вопрос о том, кто начал. Франция ведет войну из-за колоний, из-за рынков сбыта, поэтому война со стороны Франции империалистическая. О слабости оппозиции Ленин писал, что это клевета, так как „оппозиция представляет миллионы людей, эксплоатируемые массы, огромное большинство населения, будущее человечество, революцию, которая с каждым днем растет и растет". Раскол в Интернационале уже налицо — „II Интернационал умер. III Интернационал уже родился". По поводу Троцкого Ленин писал, что Троцкий в важнейших вопросах стоит на „центристских" позициях, заигрывая с Чхеидзе и не желая присоединяться к „циммервальдской левой". Наконец Ленин указывал, что царские прокуроры тоже обвиняют его в безответственной революционной агитации из-за границы, „и товарищ Суварин поступил бы лучше, не следуя примеру Ледебура и... царских прокуроров".

Позиция Суварина в декабре 1916 г. является красноречивым свидетельством того, что и „левые циммервальдцы" во Франции не многим еще отличались от „лонгетистов".

Только под давлением революционного подъема и под непосредственным влиянием большевиков внутри французского меньшинства начинает образовываться левая группа, которая под руководством Лорио, Луизы Сомоно, Картье и супругов Майу пытается выпрямить линию „Комитета по восстановлению международных связей". Левая группа связалась с большевиками в Швейцарии. Лорио непосредственно ездил за советами к Ленину. После свидания с Лениным Лорио опубликовал в газете „Нувель Интернасиональ" статью с требованием основать III Интернационал. „Комитет" начинает публикацию документов циммервальдской левой. Инесса Арманд, по поручению Ленина, берет в Париже непосредственное руководство работой „Комитета по восстановлению международных связей". Она создает внутри этого Комитета по восстановлению международных связей „Комитет по изданию брошюры „Циммервальдские социалисты и война". Появление этой брошюры на французском языке сыграло огромную роль и вызвало восторженный прием со стороны всех подлинно революционных элементов во французском рабочем движении. Таким образом непосредственное руководство Ленина и большевиков способствовало выпрямлению линии французских левых интернационалистов.

Дальнейшая дифференциация внутри синдикалистского движения

Усиление рабочего движения к концу 1916 г. привело к дальнейшей дифференциации как среди социалистов, так и среди синдикалистов. Жуо еще в марте 1916 г. дошел до того, что принял приглашение федерации французских промышленников и торговцев выступить с докладом на специальном банкете. Комитет ВКТ не только не протестовал против его поведения, но даже постановил отпечатать его речь. В феврале 1916 г. в Лондоне состоялась междусоюзническая профессиональная конференция, на которой присутствовали и представители ВКТ. В принятой резолюции декларировалась необходимость „бороться до победного конца за осуществление освободительных целей" войны. Принято было также постановление обратиться к международному секретариату профсоюзов с предложением перенести местопребывание

секретариата из Берлина в нейтральную страну. Посредничество в переговорах взяла на себя Американская Федерация Труда.

Еще более гнусно вели себя руководители ВКТ при подготовке к участию во второй конференции антантовских профессионалистов в Лидсе в июне 1916 г. Совершенно внезапно, не известив и не подготовив низовые организации, комитет ВКТ выделил самых махровых социал-патриотов для участия на конференции в Лидсе: среди них — Жуо, Бледа, Кейфера. Конференция подтвердила необходимость перенесения международного секретариата профсоюзов в нейтральное место, выбрав для этого Женеву. Предложение Американской Федерации Труда о созыве конгресса профсоюзов к моменту ведения мирных переговоров однако было отклонено как преждевременное. По вопросу о рабочем законодательстве профбюрократы в Лидсе оказались столь щедры, что предлагали установить *10-часовой рабочий день* для всех рабочих после заключения мира.

Неудивительно, что деятельность Жуо подверглась критике со стороны оппозиции. В декабре 1916 г. на конференции федераций синдикатов и межсоюзных объединений Бурдерон и Мергейм, выступившие с оппозиционными речами против руководителей ВКТ, потерпели поражение: деятельность Жуо была одобрена 99 голосами против 26, при 8 воздержавшихся. Однако под влиянием критики большинство конференции все же вынуждено было принять лицемерную резолюцию о необходимости французскому правительству принять к руководству обращение Америки об опубликовании всеми воюющими странами условий мира.

„Комитет синдикальной защиты". Его позиция

Бессилие оппозиции Бурдерона и Мергейма и усиливавшееся недовольство низовых организаций привели к тому, что к осени 1916 г. наиболее революционные элементы из синдикатов организовали „комитет синдикальной защиты", выделившийся из синдикалистской секции Комитета для возобновления международных сношений. В сентябре 1916 г. „Комитет синдикальной защиты" опубликовал декларацию протеста против поведения большинства,

„угодливо вступившего в сотрудничество, которого всегда добивались правительства, и отказавшегося постепенно от профессиональной борьбы, основанной на принципах классовой борьбы, дабы еще глубже проникнуть в правительственные комиссии под предлогом добиться осуществления некоторых требований".

Декларация призывала к решительной борьбе с предателями из большинства ВКТ. К этому манифесту примкнул ряд синдикатов: строительных рабочих, кладчиков и их подмастерьев, резчиков, граверов и инструментальных мастеров, секция ломщиков, примыкающих к синдикату каменщиков, чертежников и строительных приказчиков, жестяников, механиков, рабочих-химиков, землекопов, железопрокатчиков. Декларацию подписали: Перика (от каменщиков), выбранный секретарем „Комитета синдикальной защиты", Брутшу (от союза синдикатов Па-де-Кале), Мильера (швейники) и Бурдерон (союз бочаров). Мергейм и федерация металлистов не присоединились к декларации.

„Комитет синдикальной защиты" сыграл довольно значительную роль в рабочем движении во Франции во время войны. Однако самая организация этого „Комитета" была несомненной ошибкой, так как выделение специально его из недр „Комитета по восстановлению международных связей" означало возврат к довоенному делению рабочего движения во Франции на две

совершенно самостоятельные автономные области, узаконение довоенных анархосиндикалистских предрассудков. „Комитет синдикальной защиты" не умел достаточно терпеливо разъяснять массам необходимость решительных действий и поэтому, несмотря на большие успехи, не смог привлечь к себе такие сильные организации, как союз металлистов, горнорабочих, железнодорожников. Его лозунги также были нечетки: возражая против „священного единения", требуя восстановления классовой борьбы во всей ее чистоте, „Комитет" больше всего напирал на необходимость борьбы за насущные интересы рабочего класса, за заработную плату, право стачек и пр. Эти чисто экономические лозунги не были увязаны с какой-нибудь ясной политической платформой. Правда, „Комитет" неоднократно подчеркивал необходимость борьбы за „немедленный мир" и в качестве средства борьбы выдвигал всеобщую стачку, но так же, как и другие оппозиционные организации, он не мог подняться до понимания необходимости превращения всеобщей стачки в вооруженное восстание. Эти черты полуанархистского сектантства часто приводили к смелым, но поспешным действиям, игравшим иногда наруку социал-патриотам.

Февральская революция. Отклики во Франции. Впечатления Марселя Кашена

Решающее влияние на дальнейшее самоопределение оппозиции социал-патриотизму в недрах французского социалистического и синдикалистского движения имела Февральская революция, а затем в особенности Октябрьская революция в России. Социал-патриоты, руководители ВКТ, поспешили в первомайском воззвании 1917 г. приветствовать русскую революцию, которая, казалось, открывала возможность вести войну „до победного конца". Воззвание союза металлистов даже говорило о том, что „если это окажется нужным, *мы сумеем восстать*, чтобы присоединиться к русским и немецким товарищам для общей международной борьбы *против завоевательной войны*". Несмотря на угрозы восстанием, нетрудно понять, что Мергейм из союза металлистов грозил словесным восстанием, так как он говорил о „завоевательной" войне, а таковой, по его мнению, Франция не вела. „Комитет по восстановлению международных связей" в прокламации, выпущенной им по поводу русской революции, заявлял:

„Повсюду восставшие народы должны освободиться от своих классовых правительств для того, чтобы поставить на место их депутатов от рабочих и солдат, перешедших на сторону народа. Русская революция дала сигнал к всемирной революции, а всемирная революция упрочит окончательный успех русской революции; *на войну народов следует ответить мировой революцией!*".

Выступления социалистической и синдикалистской оппозиции совпали с массовыми стачками в стране и волнением на фронте. Жестокий правительственный террор обрушился на левых: в то время как на фронте происходили расстрелы солдат, участвующих в „бунтах", в Париже и в провинции происходили аресты интернационалистов.

Национальный совет социалистической партии, открывшийся в Париже 27 мая 1917 г., происходил в чрезвычайно возбужденной атмосфере. Два социал-патриота, Муте и Кашен, посланные в Россию в качестве „главноуговаривающих", чтобы убедить русских солдат воевать до победного конца, к этому времени вернулись в Париж и сделали обстоятельный доклад совету. Основным вопросом на совете был вопрос о поездке на Стокгольмскую конференцию, которую созывали скандинавские социалисты совместно с русскими меньшевиками.

„Полторы тысячи манифестантов, столпившихся на площади Республики перед отелем Модерн, где заседал совет, — сообщал А. Гильбо, — оглашали воздух криками: „В Стокгольм. Верните наших бородачей, мы хотим мира". Троим делегатам пришлось обратиться к толпе с речами и обещать им, что в Стокгольм „поедут".

Пребывание в России произвело на Кашена столь сильное впечатление, что он, оставаясь еще попрежнему на точке зрения „защиты отечества", в своем отчете на заседании национального совета высказался за советы рабочих и солдатских депутатов.

„В глубоком молчании,—писала газета „Журналь дю Пепль" от 28 мая 1917 г.,— прерываемом только бурными аплодисментами меньшинства, рисует Кашен картину великой социалистической демократии, восторжествовавшей в России: он описывает конституцию советов, основанных во всех городах России, во всех армиях фронта и, вдохновленный восторженными воспоминаниями об этих могучих организациях, он осмеливается утверждать, что во Франции они тоже должны быть организованы. Меньшинство особенно аплодирует, когда Кашен заявляет: „Без этого движения, без этой новой организации, без революции был бы заключен сепаратный мир". Утверждая, что русская армия настроена в пользу „справедливого мира" и что это — доказательство того, что „продолжение войны является делом одного только немецкого империализма", Кашен восклицает: „Вот что сказали нам представители советов. Русская революция является величайшей революцией в мире, более великой, чем наша Великая французская революция, которая указала нам дорогу. Эта революция является не только политической, но и социальной и международной. Вы — большинство из французской и английской социалистических партий, и ваша политика является политикой прошлого".

Несмотря на путаницу в речи Кашена, подошедшего к событиям в России с „патриотической точки зрения", его описание русской революции не могло не произвести огромного впечатления на низовых делегатов, а через них на массы. Сторонники Реноделя вынуждены были пойти на „левый" маневр: они голосовали за посылку делегатов на Стокгольмскую конференцию. Впрочем резолюция по этому поводу была достаточно неопределенна: она говорила о необходимости „общих действий, предназначенных для подготовки мира согласно принципам, сформулированным революционным правительством и социалистами России". Социал-патриот Пуассон заявил перед голосованием: „Мы голосуем за Стокгольм со смертью в сердце". Лорио от имени „левых циммервальдистов" заявил, что они будут голосовать со всеми, сохраняя однако свою точку зрения на мир. „Комитет по восстановлению международных связей" постановил послать свою отдельную делегацию — Луизу Сомоно и Лорио. Но правительство никому не выдало паспортов. Оно помогло „реноделистам" вновь удержать большинство в руководящих органах партии, арестовав за несколько дней 1224 так называемых „подозрительных лиц". Ряд газет был приостановлен правительством, съезд учителей, среди которых имели большое влияние левые циммервальдисты, был запрещен, Лорио был уволен со своего места службы.

Это дало возможность Реноделю на съезде партии 6—8 октября 1917 г. в Бордо одержать ряд побед. Хотя в момент прихода к власти правительства Пенлеве (11 сентября 1917 г.) социалисты вынуждены были выйти из правительства, но все же резолюция Реноделя, одобрявшая „священное единение" и участие в министерстве, была принята 1552 голосами. Резолюция Прессмана — Бризона, признававшая принцип национальной обороны, но выступавшая против правительства за отказ в кредитах, собрала всего 385 голосов, а резолюция Луизы Сомоно, отказывавшая в кредитах вообще, во имя социалистических принципов, собрала всего 118 голосов. Сторонники Реноделя, знавшие, что правительство все равно откажет в паспортах делегатам, теперь уже без всякой „смерти в сердце" голосовали „за международную

социалистическую конференцию". В административную комиссию (ЦК) были избраны четверо „миноритариев" — Морен, Верфейль, Бризон и Бурдерон. „Последний, — пишет Гильбо, — говоря по правде, загриммировался под представителя меньшинства". Надо к этому прибавить, что и другие были не лучше, особенно Бризон, который на конгрессе выступал как типичный социал-патриот.

Октябрьская революция и ее влияние во Франции

Октябрьская революция в России сыграла огромную роль в деле пробуждения революционных настроений в массах. Влияние ее огромно во Франции, как и в других странах, до сегодняшнего дня. Все рабочее движение после войны проходит под непосредственным и могучим воздействием всемирно-исторических лозунгов Октября. В первые месяцы после Февральской революции героями дня для мелкой буржуазии и социал-патриотов были русские меньшевики и эсеры и в особенности Керенский. Большевики изображались всей империалистической печатью, в том числе и социалистической, как „авантюристы" и „анархисты". Особенно усилились нападки на большевиков после „июльских дней". Вынужденный уход в подполье Ленина, усилившиеся репрессии правительства Керенского изображались буржуазно-социалистическими органами печати как „конец большевизма". Накануне Октябрьской революции буржуазные пророки и „социалистические" прорицатели утверждали, что положение дел в России является благоприятным для антантовского империализма. Поэтому победа большевиков в Октябрьские дни разразилась для французской буржуазии и социал-патриотов как гром среди ясного неба.

Началась еще более бешеная травля большевиков, особенно усилившаяся к моменту заключения Брест-литовского мира. Самые слова „большевик" и „советы" стали рассматриваться буржуазно-социалистическими журналистами и ораторами как синонимы варварства и предательства. Эти слова стремились сделать еще более ненавистными, чем слово „бош". Но агитация эта дала совершенно обратные результаты. Заявления и речи большевиков встречались с энтузиазмом рабочими массами. Мирное обращение совета ко всем правительствам, речи на Брест-литовской конференции через голову немецкого империализма, затем опубликование секретных договоров, — все это вызывало восторженные отклики масс.

Террор правительства: военно-полевые суды, аресты, запрещение демонстраций и стачек — все это только на время могло задержать открытое выражение симпатий масс советам. Описанные выше мощные стачки, нараставшие в 1917—1918 гг., являлись не только прямым ответом рабочих масс на империалистическую и интервенционистскую политику правительства Клемансо, но сопровождались совершенно недвусмысленными лозунгами в защиту Советской России и требованиями прекращения войны. Под влиянием этих быстро растущих революционных настроений внутри социалистической партии и синдикатов началась еще более глубокая диференциация. В то время как социал-патриоты продолжали свои нападки на „авантюризм" большевиков, центристы во главе с Лонге вынуждены были прибегнуть к более мягкому тону, изображая себя сторонниками „великой революции", в которой они, мол, осуждали только „излишества". Главным героем для Лонге и его друзей сделался в это время Вильсон с его „14 условиями мира", которые они пытались выдать за „истинно-демократические". Этот свой „вильсонизм" „лонгетисты" пытались сдобрить „защитой" русской советской

революции, выступая, якобы, против интервенции в России, затеянной союзными империалистами во главе с правительством Клемансо.

Крайнее левое крыло социалистической партии, несмотря на всю незрелость и путанность их идеологии и тактики, с каждым днем приобретало все больше и больше сторонников. Аналогичный процесс происходил и в синдикатах. Но здесь он был значительно более ярко выражен, так как приход в синдикаты новых рабочих, прошедших искус войны и военной эксплоатации, не мог не получить своего отражения в синдикальных организациях, непосредственно связанных с рабочими массами. Ниже мы даем систематическое изложение той борьбы, которая под влиянием затянувшейся войны и лозунгов Октябрьской революции разыгралась в недрах старых социалистических и синдикалистских организаций в 1917—1918 гг. Стоило только окончиться войне и симпатии французских рабочих масс и даже мелкой буржуазии к советской России вылились в стихийные мощные демонстрации, манифестации и стачки, грозившие, казалось, самому существованию французской буржуазной республики.

Очевидцы и участники событий во Франции — в первые дни после объявления перемирия — описывают серию огромных митингов, на которых упоминание об Октябрьской революции вызывало взрывы энтузиазма и единодушные крики в честь Ленина и руководителей Советской республики. Достаточно было попробовать кому-либо из вождей выступить с малейшей критикой какой-либо детали Советской России, как вся рабочая публика самым бурным образом заставляла его умолкать. В некоторых случаях это кончалось свалкой. Представителям социал-патриотов обычно не давали говорить. По поводу одного из таких митингов, на котором выступали Брак, Лаваль и Перика и на котором по отчету „Юманите" бурно приветствовали Перика, восхвалявшего Октябрьскую революцию и Советскую Россию, — Ленин писал: „Французские массы, это, может быть, одни из самых опытных, политически самых воспитанных, самых живых и отзывчивых масс. Они не позволят оратору на народном собрании взять ни одной фальшивой ноты, — его останавливают. Хорошо еще, что, при французском темпераменте, его не стащили с трибуны! Поэтому, когда газета, враждебная нам, признает, что происходило на этом большом собрании, мы говорим: французский пролетариат за нас". (*Ленин.* Соч., т. XXIV, стр. 28.) Французский пролетариат был „за нас", т. е. за Октябрьскую революцию, за перенесение ее опыта во Францию и до заключения мира. Но продавшиеся буржуазии вожди всячески мешали французскому рабочему классу свободно организоваться и действовать для борьбы за свое освобождение.

Синдикальная конференция в Клермон-Ферране

23—25 декабря 1917 г. в Клермон-Ферране заседала конференция синдикальных организаций, которая ознаменовалась энергичным выступлением оппозиции.[1] Проверка мандатов показала, что большинство не брезгует никакими методами, чтобы уменьшить голоса оппозиции. В то время как представители синдикальных организаций занятых неприятелями районов (с начала войны эти организации ни разу не собирались и численность членов их была неизвестна) продолжали сохранять свои мандаты, мандаты представителей меньшинства оспаривались самым постыдным образом.

[1] Жуо и К° боялись созвать конференцию в Париже, где всегда сильно чувствовалось преобладание рабочей публики на трибунах для гостей и где к концу 1917 г. настроение пролетариата было чрезвычайно боевым.

Так, левый Буду был лишен мандата от Изера потому, что против утверждения его делегатом протестовали представители организации другого, Мозельского, департамента. Первый же вопрос, который обсуждался на конференции, — о созыве национального конгресса, — вызвал ожесточенные дебаты. Перика потребовал референдума среди ВКТ о быстрейшем созыве конгресса. Его поддержал Бурдерон и другие делегаты меньшинства. Жуо и К⁰ всячески этому противились. Они заявляли, что сейчас не время созывать конгресс, так как огромная часть рабочих, членов синдикатов, мобилизована, а в ряде департаментов биржи труда еще не реорганизованы.

По поводу созыва национального синдикального конгресса были предложены две резолюции, одна Дре (Dret), предлагавшая организовать референдум по двум вопросам: 1) „Может ли ваш синдикат обеспечить прямое представительство на конгрессе?" 2) „Является ли ваш синдикат сторонником созыва национального конгресса?" Если бы такой референдум даже и был проведен федеральным бюро, то, так как срок созыва конгресса не был намечен, социал-империалисты могли бы оттянуть созыв конгресса до бесконечности. Резолюция Бурдерона требовала, чтобы рассылка вопросников состоялась не позднее 8 января и чтобы были заданы два вопроса: 1) о желательности созыва конгресса, 2) о дате созыва конгресса. К этому резолюция прибавляла: „Дается двадцать дней для ответа на вопросы, с тем чтобы референдум был закончен в конце января. Конференция в предвидении благоприятных ответов для созыва конгресса подготовляет созыв последней в Париже или в другом центральном городе, куда доступ облегчен, и считает необходимым скрупулезное соблюдение конфедеральных регламентов". Предложение Дрэ собрало 27 голосов, Бурдерона — 54, воздержалось — 3.

По второму вопросу — об условиях мира — дебаты были еще более бурными. Меньшинство не имело вполне единой точки зрения по вопросам о методах окончания войны. Бурдерон и Мергейм поддерживали свою старую „правоцентристскую позицию о необходимости всеми силами приблизить мир, выставляя тезис о мире „без аннексий и контрибуций", и в общем солидаризировались с предложениями президента Вильсона. Перика и Майу выступили решительно против всякой секретной дипломатии, восхваляя Октябрьскую революцию, приведшую к заключению мира, и требовали возвращения к старой синдикалистской тактике: ко всеобщей стачке против войны. Социал-патриоты Дюма и Люке обрушились на большевиков, заявляя, что они предали союзников, заключив сепаратный мир. Люке заявлял, что резолюции синдикальных конгрессов рекомендовали всеобщую стачку вовсе не в том смысле, как понимал это Перика, а только в том случае, если она вспыхнет сразу во всех странах. Нападки на большевиков со стороны этих социал-патриотов (к которым присоединился и старый махровый соглашатель Кейфер) были так гнусны, что Мергейм вынужден был выступить с косвенной защитой Октябрьской революции, заявляя, что он согласен с Мартовым в вопросах внутренней политики, но и он и Мартов мол, согласны с большевиками в вопросах внешней политики. Разброд среди оппозиции на конгрессе и двусмысленное поведение Мергейма и Бурдерона, недоговоренность у Майу, синдикалистский догматизм у Перика — все это привело к тому, что представители оппозиции в комиссии по выработке резолюции высказались за единогласное принятие общей резолюции. Резолюция, предложенная комиссией, получила 161 голос при 2 воздержавшихся. Она осуждала секретную дипломатию и требовала принятия следующих формул,

„которые являются формулами президента Вильсона и русской революции (?!) и которые всегда были и останутся формулами французского раб чего класса: никаких аннексий, право народов на самоопределение, восстановление независимости

и целостности оккупированных территорий; восстановление причиненных убытков; никаких военных контрибуций; никакой экономической войны после прекращения враждебных действий; свобода морей; международный арбитраж, создание Лиги наций".

Резолюция далее требовала усиления давления на правительство во имя этой программы мира и провозглашала право на участие в „международной конференции".

Программа мира, как видим, была действительно списана с программы Вильсона, являвшейся прикрытием империалистической политики захватов, но авторы не постеснялись отождествлять эту программу также с программой русской революции. Это был ловкий трюк, на который сознательно пошли люди типа Мергейма, через некоторое время перешедшие на сторону социал-патриотов. Меньшинство в комиссии предлагало свою резолюцию, в которой отмечалось, что „священное единение" не может являться политикой рабочего класса, и указывалось, что правительства стран Антанты не откликнулись на призыв русской революции уничтожить секретную дипломатию и согласиться на заключение мира без аннексий и контрибуций. Резолюция меньшинства была весьма умеренной, но даже от этой умеренной резолюции Мергейм и его друзья отказались.

Хотя решение, принятое конференцией в Клермон-Ферране по вопросу о войне, и было по существу социал-патриотическим, тем не менее выступления компактной оппозиции свидетельствовали о крупнейших сдвигах внутри синдикатов в пользу энергичных действий против войны. Дальнейшее развитие событий, отказ руководителей ВКТ даже от выполнения тех скромных резолюций, которые были приняты синдикальной конференцией, затягивание созыва конгресса и позорное воззвание ВКТ против первомайской стачки, — все это вызывало среди масс рост возмущения. Выражением этого возмущения были уже описанные нами стачки весны 1918 г. в бассейне Луары, в Сент-Этьене и Бурже. На гребне этого массового движения „Комитет синдикальной защиты", руководимый Перика, попытался созвать конгресс меньшинства.

Конгресс синдикального меньшинства в Сент-Этьене

Конгресс меньшинства состоялся в Сент-Этьене 19—20 мая 1918 г. Основной грех комитета синдикальной защиты заключался в том, что его руководители, несмотря на то, что они горячо сочувствовали Октябрьской революции и не только на словах, но и на деле готовы были бороться за мир и против социал-патриотов из ВКТ, продолжали по существу стоять на почве довоенной синдикалистской идеологии. Основным лозунгом оставался старый синдикалистский лозунг—всеобщая стачка, которая выдавалась за средство, способное одним махом покончить с войной и капитализмом. С организационной стороны комитет недостаточно подготовился к созыву конгресса, начав подготовительные работы лишь в марте, после того как выяснилось, что руководители ВКТ оттягивают созыв национального конгресса на весьма неопределенное время. В такое короткое время подготовить конгресс по-настоящему не представлялось возможным. Между тем Мергейм и его друзья приняли все меры к тому, чтобы сорвать конгресс меньшинства. От имени союза металлистов „левый" Мергейм в воззвании к рабочим заявлял, что инициатива „Комитета синдикальной защиты" является „выступлением столь же нежелательным, как и незаконным, так как, защищая принцип единства, комитет в то же время наносит ему тяжелый удар". В таком же духе высказывались руководители федерации строительных рабочих.

Для того чтобы конгресс представлял наиболее непосредственным образом мнение рядовых рабочих, комитет признал право решающего голоса только

за синдикатами, представители же объединений и бирж труда допускались лишь с правом совещательного голоса. Кроме того было оговорено, что каждый делегат имеет право максимум на 5 мандатов. Целью конгресса было показать правящим классам волю рабочего класса „к концентрации своих сил и выражению своей моральной мощи". Несколько более определенно о целях конгресса говорит резолюция, принятая 1 мая 1918 г. на митинге в здании объединения синдикатов в Париже, где выступали Буду, Перика и другие представители оппозиции.

„Мир, — говорилось в резолюции, — является первейшим требованием рабочих, война — объектом их протеста и ненависти... Отказываться от празднования 1 мая было бы ошибкою и означало бы во время войны отречение и измену... Являясь такими же противниками войны сейчас, какими мы были вчера, мы заявляем, что требуем через комитет синдикальной защиты перемирия и начала мирных переговоров — в согласии с русской революцией — на следующей базе: мир без аннексий и контрибуций".

Резолюция звала поэтому к участию в конгрессе меньшинства в Сент-Этьене. Хотя эта резолюция и выставляла политические требования, все же основная формула ее — „мир без аннексий и контрибуций" делала ее пацифистской. Характерен эпиграф, которым Перика снабдил свой первый отчет о деятельности „Комитета по защите синдикализма". Этот эпиграф гласит: „Единственное отечество — человечество. Единственный враг — капитализм!" В русской революции Перика и его друзей с первых дней привлекала не программа, не четкость лозунгов и целей, а *максимализм*. Так в одной из заметок по поводу Октябрьской революции в том же отчете мы читаем: „Ленин! Мы — с вами! Браво максималистам и презрение изменникам социальной революции! Да здравствует русская революция!" Таким образом налет гуманизма и пацифизма лежал на идеологии руководителей конгресса меньшинства. Это обстоятельство, на ряду с оторванностью от политической организации, недостаточной организационной подготовкой, синдикалистскими, чисто экономическими лозунгами, чрезвычайно ослабляло дело комитета, который, несмотря на свои решительные действия, довольно скоро впоследствии сошел со сцены.

Резолюции Сент-Этьенского конгресса

На Сент-Этьенском конгрессе присутствовали 200 синдикатов. В резолюции, принятой по вопросу о мире, конгресс заявлял, что „он отвергает обвинения в расколе... Он объявляет, что, работая для организации и координации усилий меньшинства, он служит синдикалистскому делу. Он считает, что ВКТ не то же самое, что люди, им руководящие, и провозглашает долгом синдикатов, которые присоединились к конгрессу меньшинства, остаться тесно объединенными в ВКТ, в рядах которой мы должны собрать плоды наших усилий в целях общего и единого действия. Конгресс меньшинства констатирует, что война во всех странах является делом диктаторствующего меньшинства. Народы, рабочие и крестьяне ненавидят войну и не хотят ее; они ее больше не хотят... Конгресс заявляет, что ее необходимо кончить немедленным объявлением перемирия с последующими за этим тотчас же мирными переговорами".

Резолюция, принятая по вопросу об интернациональных связях, гласила: „Определяя характер своих интернациональных чувств, конгресс объявляет себя солидарным с русской революцией, которая претворила в дело принципы, утвержденные в Циммервальде. Он протестует против циничного отно-

шения республиканского правительства нашей страны к русским рабочим и рассматривает японскую интервенцию как шаг со стороны международного империализма, направленный к сокрушению русской революции".

Выразив свои симпатии по отношению ко всем страдающим от преследований правительств, конгресс в третьей резолюции призывал французских рабочих и крестьян присоединиться к начавшемуся стачечному движению, видя в этом движении протест против затягивания войны. Резолюция требовала от федеральных вождей стать во главе движения масс и прибавляла „Если центральные организации не хотят и не могут взять на себя ответственность, конгресс надеется, что „Комитет по защите синдикализма" сумеет провести в жизнь до конца принятые решения".

Сент-этьенский конгресс меньшинства объединил едва около $^1/_6$ части французских синдикатов. Его значение состоит в том, что он способствовал усилению оппозиционного духа среди синдикалистов, сорвал маски с тех псевдолевых, которые произносили оппозиционные фразы лишь под давлением масс, и впервые во время войны пытался приступить к непосредственным организованным действиям. Избранный Сент-Этьенским конгрессом революционный комитет под названием Центральной комиссии обратился к властям с угрозой, что, если немедленно не будет заключен мир, будет объявлена всеобщая стачка. Объявленная Центральной комиссией стачка стала действительно охватывать широкие массы. Тогда правительство прибегло к самым жестоким репрессиям: 41 человек были арестованы по обвинению в „государственной измене" и преданы военному суду. „Подозрительные" рабочие стали пачками посылаться на фронт. Репрессии правительства не убили оппозиции. Она продолжала выступать, правда, с недостаточно четкой пацифистской программой и заставила руководителей ВКТ созвать наконец в Париже в июле 1918 г. первый национальный конгресс. Решительные нападения оппозиционного меньшинства на Жуо и его друзей заставили ряд лже-„интернационалистов" самоопределиться и открыть свое лицо: таковыми оказались Мергейм, Бурдерон, Дюмулен и другие, быстро растерявшие свою оппозиционность, когда массы стали недвусмысленно высказываться за революционные действия.

Победа „лонгетистов". Уточнение позиции „Комитета по восстановлению международных связей"

Социал-патриотам пришлось пойти на новые маневры и выдвинуть вперед свой правоцентристский, пацифистский флаг. Отныне в ВКТ и в социалистической партии начинают задавать тон Мергеймы и Лонге, находившиеся будто бы в оппозиции к прежним руководителям, но фактически проводившие политику последних. В связи с этим „Комитет по восстановлению международных связей", секретарем которого стал Лорио, начинает действовать решительнее. Бурдерон и Мергейм, которые дали свои подписи под адрес, поздравлявший Вильсона, были исключены из комитета. Тон по отношению к „лонгетистам" становится резче. „Лонгетисты" рассматриваются „левыми циммервальдистами" как направление, которое „грозит скомпрометировать *самую идею оппозиции* правительственному социализму".

В одном из циркуляров „Комитета по восстановлению международных связей" начала 1918 г. говорится о том, что

„лонгетисты рассматривают войну как их войну. Они пишут на своих знаменах все лозунги, которые служат для обмана рабочих масс: „национальная защита", защита республики", „восстановление права", уничтожение милитаризма" и пр. Они несут,

справедливо заявляли „левые циммервальдисты", перед историей все бремя ответственности за превращение организованного социализма в орудие империалистического блока.

Задачу свою „Комитет по восстановлению международных связей" формулировал отчетливее как:

„разоблачение перед массами поведения вождей, как сторонников Реноделя, так и „лонгетистов"; призыв к массе объединиться для борьбы против войны, милитаризма и империалистического капитализма на базе программы действия, сформулированной на первой и второй циммервальдских конференциях; поддержку всех движений рабочих масс против дороговизны и военной зарплаты; расширение этого движения, с тем чтобы придать ему чисто социалистический характер, направленный против „священного единения" войны и господствующих классов".

Комитет энергично выступил также на защиту Октябрьской революции и против попыток интервенции, возложив вину за политику интервенции на социалистов, поддерживающих империалистические правительства.

Все ярче демонстрируют свою солидарность с Октябрьской революцией и уставшие от войны массы. В июле 1918 г. конгресс социалистической молодежи в Сен-Дени принял антимилитаристскую резолюцию и высказался за „решительную и непоколебимую верность социалистическим и интернационалистическим принципам". На конгрессах металлистов, железнодорожников, строительных рабочих, шоферов и авиаторов революционное меньшинство, в противовес Мергеймам, энергично выступило против всякого соглашательства и за солидарность с Октябрьской революцией, причем количество голосов, поданных за резолюции меньшинства, было довольно значительно (так, резолюция съезда железнодорожников в Монлуа собрала 49 458 голосов, а большинства — 106 710 голосов, на съезде строителей резолюция меньшинства собрала 46 голосов против 50 голосов, поданных за резолюцию федерального комитета). Наконец на национальном синдикальном конгрессе в Париже 16 июля 1918 г., где Мергейм и Дюмулен голосовали вместе с Жуо, резолюция меньшинства собрала 253 голоса против 908 голосов, поданных за федеральное руководство.

Не менее бурные события происходили внутри социалистической партии. „Лонгетисты" на заседании национального совета 28—29 июля 1918 г. получили большинство в 1544 мандата против 1172, поданных за Реноделя. За предложение Лорио было подано 152 голоса: часть левых циммервальдистов голосовала за Лонге, чтобы свалить Реноделя. На съезде Сенской федерации социалистической партии Лорио выступил с энергичной речью против социал-патриотов и „лонгетистов", заявляя, что „рабочие ни в коем случае не должны способствовать, что бы там ни случилось, защите капиталистического и империалистического отечества". На конгрессе социалистической партии 6—8 октября 1918 г. „лонгетисты" наконец восторжествовали окончательно. Луиза Сомоно от имени „левых циммервальдистов" прочла заявление, в котором говорилось: „Мы ждем мира только от международной революции. Мы отвергаем всякую политику сотрудничества классов и требуем энергичного вмешательства народов, чтобы произвести спасительное давление на правящих, которые ответственны за дальнейшее продолжение мирового побоища". Тем не менее сторонники Лорио вновь голосовали за Лонге с тем, чтобы дать ему перевес над Реноделем. Это была несомненная тактическая ошибка, так как этим самым перед массами вновь смазывалась разница между политикой Лонге и „левого циммервальдизма"; „лонгетизм" признавался

как бы истинным противником социал-патриотизма. Характерно, что „лонгетисты", получившие на съезде большинство, не захотели в достаточной мере использовать свою победу. Они назначили Марселя Кашена, в то время сторонника большинства, редактором „Юманите" вместо Реноделя и дали 10 „реноделистам" места в ЦК (административной комиссии), в то время как от „левых циммервальдистов" в ЦК вошло только 2 человека. Лицемерие позиции нового большинства характеризуется адресом президенту Вильсону, принятым подавляющим большинством голосов конгресса по заслушании мирного предложения американского президента центральным державам. Против этого адреса голосовало только несколько сторонников Лорио. Социал-патриотам нечего было опасаться за Лонге, который в апреле 1918 г. в своем органе „Populaire" писал о необходимости в виду наступления немцев на Амьен и Комьень „держаться перед натиском германского империализма".

Почему был спасен французский капитализм во время войны. Предпосылки для создания французской компартии к концу войны

Обзор рабочего и революционного движения во Франции во время войны дает нам право сделать совершенно бесспорный вывод о том, что *французский империализм был в 1917 — 1918 гг. в чрезвычайно тяжелом положении.* Предательская политика французских социал-империалистов и пацифистов не могла удержать массы от стремительных выступлений против господствующих классов. Массовая стачечная борьба, крупные волнения на фронте, восстания в колониях — все это могло перерасти в *подлинную революцию*, угрожавшую самому существованию французского капитализма, *если бы во главе масс оказалось опытное и бесстрашное руководство. Отсутствие подлинной революционно-пролетарской партии во Франции, партии, стоящей на большевистских, ленинских позициях, — вот основная причина того, почему французскому империализму удалось задушить на время революционное движение и благополучно закончить войну.*

К концу войны социал-империалисты и социал-пацифисты — Ренодель и Лонге — поменялись местами. Бывшие „миноритарии" стали большинством. Такая же тенденция обозначилась и в синдикалистском лагере. Чтобы спасти французский капитализм от ожидаемого нового бурного натиска со стороны масс, — вожди социалистической партии и ВКТ спешно перестроили свои ряды и выдвинули на передний план „левых" типа Лонге и Мергейма.

На ряду с этим усиливалась и крепла левоциммервальдская оппозиция, в которую стремились все честные революционные элементы из социалистической партии и синдикатов. Однако эти революционные элементы все еще не изжили, как мы видели, ряда центристских установок по коренным вопросам пролетарской тактики и стратегии. Слабостью революционной оппозиции также являлось отсутствие крепких организационных связей между синдикалистами и социалистическим меньшинством, анархо-сектантские пережитки у синдикалистских левых и не вполне последовательные лозунги и тактика у социалистов, сторонников Лорио. Элементы пацифизма и „гуманизма" долго оставались характерной чертой революционной оппозиции во Франции. Если революционные синдикалисты продолжали все еще болеть «детской болезнью „левизны"», то сторонники Лорио, „левые циммервальдисты" во Франции болели сектантской оторванностью от масс, преклонением перед традицией „единства партий", неумением резко ставить вопросы и гибко маневрировать. Именно эти обстоятельства привели к тому, что французс-

ские „левые циммервальдисты“ не смогли стать во главе массового стачечного движения 1917—1918 гг. Заключение мира способствовало дальнейшему революционизированию масс. Последние решительно отворачивались от старых социалистических и синдикалистских вождей. Для революционных элементов, особенно из „Комитета по восстановлению международных связей“, создавались благоприятные условия для того, чтобы превратиться в резерв для новой, подлинно пролетарской, коммунистической партии.

Быков Г.

АНГЛИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

I. АНГЛИЯ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Конец торгово-промышленной монополии Англии

Усиление неравномерности экономического и политического развития капитализма в эпоху империализма привело к тому, что уже с последней четверти XIX века Англия теряет свою былую монополию в мировом производстве и торговле. Англию начали теснить на мировом рынке страны „молодого" капитализма — Германия, САСШ, Япония... Все более увеличивалась ее техническая отсталость. Началось интенсивное загнивание английского империализма. Особенно заметно было резкое отставание в новых отраслях промышленности: химической, авиационной, электрической и др.

Однако, перестав быть „мастерской мира", Англия все же сохранила свою колониальную монополию. Возможность монопольно выкачивать сверхприбыли путем чудовищной эксплоатации сотен миллионов колониальных рабов не стимулировала дальнейшего технического прогресса.

Немало способствовал отставанию английского империализма и сохранившийся лэндлордизм. Он поглощал в виде ренты значительную часть прибавочной стоимости, тормозя тем самым концентрацию производства и капиталов и снижая конкурентоспособность английского империализма на мировом рынке.

Наличие огромных колониальных владений (Индия, Ирландия, Канада, Египет — Судан, Британская Африка, Австралия и т. д.), при относительно слабом индустриальном развитии капиталистических стран до начала XX века (Франция, Германия, Япония, САСШ, Италия, Россия), давало возможность английскому капитализму развивать так называемый „экспортный индустриализм" и, в первую голову, текстильную, хлопчатобумажную, шерстяную и суконную промышленность. Отсюда экономическое и политическое значение торгово-промышленной буржуазии, „манчестерцев", „фритредеров".

Финансовый капитал внутри Англии очень долго ограничивал свои функции простым кредитованием торговых операций, главным образом по линии внешней торговли. Накануне войны резко вырос вывоз капиталов: с 22 млрд. франков в 1882 г. до 100 млрд. франков в 1914 г.

Государство-рантье Великобритания было основным кредитором ряда других стран.

Отличительной чертой британского империализма в области политической являлось управление государством при помощи системы „качелей" — двух партий — консерваторов и либералов. За двести лет своего существования эти партии буржуазии накопили огромный опыт по развращению, обману и угнетению английского пролетариата, составляющего *подавляющее большинство* населения Соединенного королевства.

С зарождением социалистического движения в Англии в 80-х гг. XIX века английская буржуазия стремится усилить раскол в рабочем движении. Империалисты опираются при этом на созданную ими влиятельную мещанскую обуржуазившуюся рабочую аристократию, на подкупленные за счет колониальных сверхприбылей верхушечные слои британского пролетариата.

Еще Энгельс отмечал заражение этого слоя пролетариата Англии империалистической идеологией. В письме к Каутскому от 12 сентября 1882 г. он писал: „Здесь нет рабочей партии, есть только консервативные и либеральные радикалы, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке". Но конец XIX и начало XX века в истории Англии характеризуется наступлением конца ее безраздельной монополии, началом заката былого мирового могущества английского империализма. „...вместо — безраздельной монополии Англии мы видим борьбу за участие в монополии между небольшим числом империалистических держав, характеризующую все начало XX века" (*Ленин.* Соч., т. XIX, стр. 159.)

С 1900 по 1914 г. шла бешеная подготовка к *переделу мира* путем империалистической войны между горсточкой империалистических стран монополистов. Британский империализм играл активную роль в этой подготовке.

В этой обстановке быстро усиливалась революционная тенденция в английском рабочем движении.

Значительно способствовала росту революционной активности английского пролетариата и русская революция 1905 г., являющаяся, по определению Ленина, „сигналом для социалистической революции в Западной Европе".

Стачечные бои 90-х гг. привели к созданию „нового трэд-юнионизма". Особенно широкий размах стачечные бои получили после 1905 г., под непосредственным влиянием русской революции 1905 г. Они переросли накануне мировой войны в вооруженные уличные схватки с войсками.

Угольный кризис

Одним из наиболее уязвимых мест загнивающего капитализма Англии является угольная промышленность. Если в 1860 г. доля мировой добычи угля в Англии составляла 57,6%, то в дальнейшем, неуклонно снижаясь, эта доля опускается в 1913 г. до 21,8%.

Экспорт угля, составлявший в 1890 г. по отношению к экспорту Германии и САСШ 69,2%, в 1913 г. упал до 58,5%. Таким образом, в одной из решающих отраслей английского народного хозяйства — угольной промышленности — наблюдается процесс относительного отставания по сравнению с другими капиталистическими странами, несмотря на то, что в абсолютных цифрах и добыча и экспорт возрастали.

Основными причинами этого процесса являются следующие:

Издержки производства на тонну угля в Великобритании росли относительно более быстро, чем в Германии и САСШ. Слаба и концентрация в английской угольной промышленности. Последняя до сих пор имеет не менее

1800 владельцев на 3 тыс. шахт. Земельная рента, взимаемая лендлордами за эксплоатацию недр на их земле, является также большим тормозом для реконструкции угольного хозяйства Англии. Все это вело к снижению конкурентоспособности английского угля на мировом рынке. Стоимость производства одной тонны угля в 1902 г. достигла 8 шиллингов 5,66 пенсов, или — 147% к стоимости 1897 г. В 1909 г. — 8 шиллингов 11,49 пенсов, или 157% стоимости 1897 г. Собственные колонии и доминионы Англии обнаружили тенденцию к сокращению закупок угля в Англии. Индия и Австралия усиливали добычу собственного угля. Ряд стран, в том числе и ряд английских колоний и доминионов, как, например, Египет и Канада, стали все шире употреблять нефть и электроэнергию. Военный флот Англии целиком перешел ко времени войны на нефть. Недаром Англия „приплыла к победе на волнах нефти".

Попытки английских углепромышленников усилить свою конкурентоспособность за счет рабочих встречали неизменный и организованный отпор со стороны последних.

Самые крупные классовые битвы в Англии обычно начинались с угольной промышленности. Достаточно вспомнить крупнейшие стачки и локауты углекопов южного Уэльса в 1907 г., на Клайде в 1911—1912 гг., чтобы понять, что они являются социально-политическим следствием начавшегося глубокого экономического кризиса и упадка угольной промышленности Англии. Именно углекопы одни из первых вступили на путь производственного трэд-юнионизма и создали мощную национальную федерацию углекопов. Именно уэльские и шотландские углекопы первые, под влиянием опыта всеобщей стачки в России в 1905 г., ввели всеобщую стачку в арсенал распространенных и могущественных орудий классовых битв английского пролетариата против капитализма. Именно углекопы были инициаторами, старыми борцами за национализацию земли, шахт и рудников.

Кризис металлургии

Отставание Англии в развитии металлургической промышленности также является свидетельством общего глубокого кризиса и упадка британского империализма. Производство чугуна и стали за 1895 – 1913 гг. свидетельствует о резком отставании английской металлургии в сравнении с другими странами.

Производство чугуна

Годы	Великобритания	Германия	Франция	Соед. Штаты
1895	7 827	4 770	2 004	9 497
1913	10 450	16 761	5 207	31 462

Производство стали

1895	3 312	2 795	876	6 213
1913	7 786	17 599	4 687	36 802

Сорок пять лет тому назад доля Великобритании в мировом производстве чугуна равнялась 43,6% в отношении пяти важнейших стран, и 37,7% по стали, а в 1913 г. доля Великобритании уже составляла соответственно только 16,0% и 12,1%.

Нефть

„Нефтяной" империализм Великобритании начинается с 1880 г., когда лорд Фишер обратил внимание другого лорда — химика Мольтона — на использование нефти как топлива для бри-

танского военного флота. Он был сторонником строительства нефтехранилищ и перевода всего британского флота на нефтяное топливо.

„Во всех морях, — писал он, — плавает множество нефтянок, и так как Англия держит в своих руках власть над океаном, она имеет в них подвижные станции для возобновления запаса нефти на всех морях, и ей известно ежедневное местонахождение каждой нефтянки с точностью до одного фута. Скоро будут сосредоточены миллионы тонн нефти в сотнях нефтянок по всем океанам. Большинство их будет в нашем распоряжении во время войны. Немногие, а то и ни одна, не дойдут до Германии".

А так как берега „старой веселой Англии" не пахли нефтью, то британский капитал бросился вкладывать свой капитал в нефтяные концессии за границей — в Индии, в Персии, Венецуэле, Колумбии, Парагвае, Боливии, Мексике, пытался прибрать к рукам Кавказ, пробирался в Месопотамию, Моссул и Ирак. Словом внешняя политика английского империализма стала все больше и больше „пахнуть нефтью". Промышленное использование нефти английской промышленностью главным образом началось лишь с войной, с применением двигателей внутреннего сгорания и развитием авиационно-автомобильно-тракторно-моторной промышленности. В ускорении войны с Германией нефть сыграла не последнюю роль. Германия, взяв в сферу своего влияния Турцию, стремительно рвалась к месопотамской и моссульской нефти, а равно к Персидскому заливу, на берегах которого уже громоздились нефтяные вышки Ройяль-Дейтч-компани.

Предвоенный кризис текстильной промышленности

Тяжелую депрессию начала ощущать и экономическая твердыня британского либерализма и фритредерства — текстильная промышленность. Огромный рост текстильной промышленности с 900-х гг. в Германии, Франции, Японии, САСШ, России, в доминионах и колониях Англии — в Канаде, Австралии, Индии, Египте — привел к резкому сужению рынка сбыта продукции британского текстиля. Кроме того большие затруднения испытывала британская хлопчатобумажная промышленность в сырье, поскольку спрос на это сырье возрос со стороны других стран и, в первую голову, на хлопок. Уязвимым местом в организации хлопчатобумажной промышленности Англии была также старая структура производства — наличие в текстильной промышленности огромного количества несвязанных, взаимно конкурирующих фирм и небольших компаний при сохранении относительно отсталой старой техники производства. Англия — некогда монопольный поставщик текстильных машин — уже была в значительной степени оттеснена Германией и САСШ. В Великобритании неуклонно росло сокращение потребления хлопка-сырца.

Вследствие чудовищной феодально-империалистической эксплоатации индийского крестьянства в Индии все время шло сокращение посевной площади под производство джута. Это вызывало резкий недостаток сырья для джутовой промышленности Великобритании. В области шерсти Англия давным-давно уже зависела от импорта шерсти, преимущественно от Австралии, которая перед войной сама усиленно развивала собственную шерстяную промышленность. Конкурентами по спросу на мериносовую шерсть являлись Франция, Германия и другие страны. Не менее остро и тяжело обстояло дело с производством льняного волокна. Великобританская льняная промышленность всецело зависела от экспорта льна-сырца. Собственное производство льна в 1913 г. составляло 8729 *m*, а общее потребление—95 408 *m*,

т. е. собственное производство равнялось лишь 9,1%, а в дальнейшем идет еще более разительный упадок льняной промышленности Великобритании.

Общий кризис британского капитализма особенно оттеняется пассивным балансом внешней торговли Англии. В 1913 г. ввоз составлял 769 млн. ф. ст., вывоз английской продукции 525 млн. ф. ст., вывоз иностранной продукции 110 млн. ф. ст.; итого 1404 млн. ф. ст.

Буржуазные партии. Эволюция консервативной и либеральной партий

Глубокий кризис всего английского народного хозяйства не мог не отразиться на соотношении классовых сил в стране и на партиях пролетариата и буржуазии. К концу XIX века процесс превращения партии консерваторов — прежнихториев, бывших ранее преимущественно представителями интересов лэндлордизма, в основную партию финансового капитала и тяжелой промышленности был в общем завершен. Одновременно происходил процесс неуклонного кризиса либеральной партии.

Уже с середины 80-х гг. появились первые признаки расслоения „викторианского" — филистерски лицемерного либерализма. Джозеф Чемберлен ускорил раскол либералов по вопросу о гомруле Ирландии, создав группу либералов-унионистов, целиком слившуюся с консерваторами. Это была первая трещина в традиционном либерализме партии Пальмерстона и Гладстона, бывшего тория, перебежавшего к „пиллитам" (к сторонникам Р. Пилля) и потом перешедшего к либералам и ставшего их лидером.

С появлением на политической арене Герберта Асквита, казалось, Гладстон нашел себе достойного преемника и продолжателя. В 1892 г. он ввел Асквита в свое министерство в качестве министра внутренних дел. Новоявленный минвнутдел вскоре же стянул войска в район стачки углекопов в Федерстоне, и по его же приказу войска стреляли в стачечников, демонстрировавших против штрейкбрехеров. Асквит отошел от традиций старого викторианского, гладстоновского либерализма. Асквит вместе с Греем и Холденом решительно выступает сторонником англо-бурской войны и политики поглощения бурских республик в южной Африке во имя „алмазного" империализма Сесиль Родса и Чемберлена. Асквит стал организатором группы „либералов-юнионистов". После десятилетнего господства консерваторов, в 1905 г. либералы вновь пришли к власти. Но пост премьер-министра занял не Асквит, а Кемпбелль-Баннерман, противник англо-бурской войны и вообще гладстонец, не желавший проводить широко активную империалистическую политику. Асквит получил место канцлера казначейства (министра финансов). В 1907 г. Кемпбелль-Баннерман внезапно умер, и Асквит стал премьером. Ллойд-Джордж, до этого бывший министром торговли, получает от Асквита его собственный портфель канцлера казначейства. И с этого времени разгорается борьба между двумя лидерами либерализма, свидетельствующая об усилении загнивания и разложения либерализма. Нерешительный и половинчатый Асквит очень быстро на деле перестал играть первую скрипку в кабинете. За его спиной действовал беспринципнейший демагог Ллойд-Джордж.

Политика Асквита явно определялась интересами финансового капитала. Нерешительность и двойственность Асквита в ирландском вопросе не удовлетворяла ни ирландцев, ни рабочих. Еще большую нерешительность Асквит проявил в вопросах социального страхования. Фритредерский бюджет наметил — впервые в истории Англии — обложение налогом земельных ценностей. Сам по себе размер налога был ничтожен, но важен был принцип „покушения" на монополию лэндлордов. И последние яростно ополчились против либералов. Не Асквит, а Ллойд-Джорж решился дать бой лэндлордам. Палата лордов отклонила бюджет либералов — факт необычайный в практике парламента. Со времен „Славной революции" лорды не устраивали такой оппозиции. В результате создался серьезный конституционный

кризис. Асквит готов был итти на попятный. Но Ллойд-Джордж не побоялся дать бой, правильно учитывая непопулярность палаты лордов, ненависть к лэндлордам в широчайших массах, а с другой стороны, добиваясь большей популярности и власти. Ллойд-Джордж добился ограничения прав палаты лордов в отношении финансовых биллей. Он стал героем дня, а политическая фигура Асквита начала блекнуть и тускнеть. Ллойд-Джордж сумел впрячь в колесницу либерализма Рабочую партию и очень долго водил за нос ирландцев обещанием гомруля.

Вся политика Ллойд-Джорджа, пытавшегося „омолодить" английский либерализм, является на самом деле политикой на службе у империалистической буржуазии. Ллойд-Джордж во всех решающих вопросах всецело подчинялся консерваторам. Провал проектов „аграрной реформы" Ллойд-Джорджа в 1912 веке был обусловлен позицией консерваторов. Выбросив „модный" лозунг „земельной реформы", с целью остановить подъем революционного движения, Ллойд-Джордж наткнулся на сопротивление твердолобых, не хотевших ничего слышать о „маневрировании".

Это было время, когда, по выражению Ленина, либерализм „терял почву под ногами" и лозунгом „земельной реформы" хотел успокоить бурно подымавшиеся волны надвигавшейся социальной революции. А когда либералы, желая удержаться у власти, решили вернуться к политике Гладстона — в отношении Ирландии — и поставили вопрос о гомруле (самоуправлении) Ирландии, то лэндлорды: консерваторы, монополисты землевладения в Ирландии и собственники предприятий тяжелой промышленности и шахт в Ульстере (провинция Ирландии) затеяли открытую гражданскую войну, ввезли оружие из Германии, подняли контрреволюционное восстание против гомруля и правительства Ллойд-Джорджа. Высшее командование армии — лэндлорды отказались выступать против бунтующих английских помещиков в Ульстере. Группа либералов целиком поддержала консерваторов против ирландского гомруля, выступив в защиту ульстерских мятежников-помещиков. Давая оценку этому бунту помещиков, Ленин писал: „21-е марта... 1914 г. будет днем всемирно-исторического поворота, когда благородные лорды-помещики Англии, сломав вдребезги английскую конституцию и английскую законность, дали великолепный урок классовой борьбы. Урок этот вытек из невозможности притупить остроту противоречий между пролетариатом и буржуазией Англии посредством половинчатой, лицемерной, притворно-реформистской политики либералов... Действительное классовое господство тежало и лежит *вне* парламента"! (Соч., т. XVII, стр. 310 — 311.) По выражению Ленина, „мелкобуржуазные либералы Англии... оказались на деле пустышкой, подставными фигурами, которые пускаются в ход для одурачивания народа, но сразу были *„оборваны"* аристократией, имевшей в руках *власть"*. (Там же.)

Зависимость либералов от консерваторов со всей силой сказалась в этом конституционном кризисе. Ярко вскрылся кризис самого либерализма. Война только оттянула на время окончательный развал и распад либерализма. Гомруль отложили до окончания войны, а в Ирландии прокламировали, как и в Англии, „гражданский мир".[1]

Подготовка империалистической войны 1914 г. легла на плечи либералов и, главным образом, связана с именем Эдуарда Грея.

Помещик и участник крупных капиталистических предприятий, председатель правления Северо-восточной железной дороги, важнейшей в Англии, еще в 1895 г. открыто высказался за захват Египта и против попыток французов пробраться в долину Нила, закончившихся фашодским конфликтом. Вместе с группой либералов юнионистов (Асквит и Холден) Грей поддержал империалистическую политику кон-

[1] Ульстер был выделен из Ирландии в политически и экономически самостоятельную единицу и стал важнейшим плацдармом для контрреволюции в Ирландии.

серваторов в южной Африке во время англо-бурской войны. С 1905 г. по 1916 г. Эдуард Грей занимал пост министра иностранных дел с одобрения консерваторов. Именно Эдуарду Грею выпала щекотливая задача продолжать сближение с Францией, оформить Антанту, а главное — уломать общественное мнение в отношении сближения с царской Россией, как союзницей Франции, и, в первую голову, обеспечить поддержку Извольского. Эдуард Грей, как и Пуанкарэ, является одним из главнейших поджигателей империалистической войны. Он принимал участие в тайных империалистических договорах между членами Антанты и в договорах с государствами, втянутыми Антантой в империалистическую войну.

Социальный смысл господства либералов накануне войны

Секрет господства либералов в эпоху империализма (1905 — 1916 гг.) кроется в тех задачах, которые ставил британский империализм перед либерализмом: это удержание рабочих масс под гипнозом либеральной политики от перехода на сторону революционного социализма «„...законность и социальный мир" Англии, — пишет Ленин, — были только кратковременным результатом спячки английского пролетариата, примерно с 1850-х гг. до 1900-х». (*Ленин.* Соч., т. XVII, стр. 311.) Факт нового пробуждения классового политического сознания английского пролетариата — „после конца XVIII века, после чартизма" — есть всемирно-историческое событие. Буржуазии пришлось сочетать политику кнута с политикой посулов и пряника. Она широко практиковала подкуп и развращение мещански обуржуазившейся верхушки рабочего класса Англии — рабочей аристократии, рабочей бюрократии. Отсюда — ставка *на раскол* рабочего движения. Эту политику могла проводить только либеральная партия, опирающаяся на свои мелкобуржуазные резервы, склонные к демократическому пацифизму. Путем демагогии либералы держали рабочее движение в рамках „законности и социального мира". Еще во времена Гладстона либералы не боялись по своим спискам проводить „рабочих" в парламент, противопоставляя их первым делегатам от рабочих профсоюзов в парламенте. Даже вводили в министерство. Английская либеральная буржуазия накопила огромнейший опыт по обману рабочего класса. По выражению Ленина, „в Англии либеральная буржуазия, при условии полной политической свободы и долгого монопольного положения Англии", сумела на десятилетия развратить и поработить идейно большинство сознательных рабочих". Либералы, занимаясь крохоборческими планами „реформы" парламента, наиболее тонко и ловко обманывали пролетариат, всячески отравляя рабочее движение иллюзиями парламентской демократии. „Необходимо отметить, — писал Ленин, — что в Англии тенденция империализма раскалывать рабочих и усиливать оппортунизм среди них, порождать временное загнивание рабочего движения, сказалась гораздо раньше, чем конец XIX и начало XX века". (*Ленин.* Соч., т. XIX, стр. 157.) Либералы как раз и выполняли функции развратителей рабочего движения в Англии.

Характеризуя Ллойд-Джорджа как „любимца мещанской толпы", как величайшего мастера срывать забастовки бесшабашным надуванием рабочих, как лучшего слугу капитализма, называя его „прожженным дельцом, лакеем денежного мешка", Ленин вскрывает корни словесного радикализма Ллойд-Джорджа. Политика Ллойд-Джорджа является, по словам Ленина, результатом „силы рабочего движения". „В Англии нет постоянного войска. [Писалось в октябре 1913 г.] Народ нельзя удержать насилием, — его можно удержать только обманом. Рабочее движение растет неудержимо. Надо отвлечь внимание, надо „занять" массы широковещательными проектами реформ,

надо сделать вид войны с консерваторами, надо обещать подачки, лишь бы массы не изверились в либералов, только бы они шли, как овечки за пастухами — промышленными и финансовыми капиталистами... Реформизм английской буржуазии яснее ясного указывает на рост глубокого революционного движения в рабочем классе Англии. Не краснобаям, не либеральным шарлатанам остановить это движение. (*Ленин.* Соч., т. XVII, стр. 24.) Либералы морочили головы рабочих *„лестницей прогресса"*, суля „три акра и корову" „предприимчивому" рабочему, обещая маленькие наделы, самостоятельное карликовое хозяйство, „свой домик" и на худой конец „прелести эмиграции" избыточного и неспокойного элемента в Австралию и Канаду, в Африку. Вот и вся „рабочая" политика либералов с 1905 по 1914 г.

В силу обладания Британии „громадными колониями и монопольного положения на всемирном рынке" либеральная буржуазия смогла задержать рост классового сознания английского пролетариата.

Но как только начался кризис британского империализма, так бурный подъем революционного движения английского пролетариата, под могучим влиянием русской революции 1905 года, показал, что кончилось господство оппортунизма в Англии. Наступал и развивался кризис либерализма. Крушение либерализма стало фактом. Поляризация классовых отношений сыграла основную роль в развале либеральной партии, переставшей быть „второй партией".

Ход избирательной борьбы наглядно показывает потерю политического влияния либералов в рабочих массах и мелкой буржуазии. В 1906 г. за либералов было подано 50,3% всех голосов, в 1910 г. — 45,0%. Сыграв свою историческую роль, либерализм начинает сходить с политической сцены Англии, уступая место консерваторам. Война подорвала последние устои либерализма. В этом отношении характерно заявление Ллойд-Джорджа, которое записал Уистон Черчиль в своей книге „Мировой кризис". Ллойд-Джордж заявил: „чтобы выиграть эту войну, я разрушил самые основания моего политического успеха и моей карьеры". Это — надгробное слово над либерализмом.

II. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В АНГЛИИ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ (1911 — 1914 гг.)

Характерные черты рабочего движения

Английский пролетариат составляет большинство населения Великобритании. Однако он только в 900-х гг. создал свою массовую политическую партию на весьма своеобразной основе.

Своеобразие исторических условий развития английского капитализма наложило свои отличительные черты и на английское рабочее движение. В течение второй половины XIX века оппортунизм господствовал в английском рабочем движении. Рабочие вожди были самыми заурядными либералами и полулибералами. „Узкий мещанский профессионализм и либерализм среди английских рабочих" *(Ленин)* своей экономической основой имел монополистическое положение английского капитализма на всемирном рынке. Цеховщина, мозаичность, узкий экономизм, отказ от стачек, как наступательного орудия классовой борьбы пролетариата, самоограничение себя „оборонительными" забастовками, стремление к полному отказу от экономических конфликтов и замене их „тарифными соглашениями" — таковы

были трэд-юнионы, подчас взаимно конкурирующие между собою. Распыленность экономических организаций английского пролетариата отразилась и на его политической организованности. Рабочая партия (1906 г.), выросшая из парламентского комитета рабочих представителей (1900 г.), не является политической партией в подлинном смысле этого слова. Она — блок самых разнообразных организаций пролетариата и мелкобуржуазных элементов. Она состояла из трэд-юнионов, кооперативных организаций, разных „культурных рабочих обществ, из социалистических организаций на основе механического коллективного членства.

Кроме Рабочей партии действовали Независимая рабочая партия (1893 г.), основанная Кейр-Гарди, Фабианское общество (1884 г.) Сиднея Вебба, Бернарда Шоу. Британская социалистическая партия, образовавшаяся в 1911 г. из слияния социал-демократической партии (1884 г. с.-д. федерация), основанной Генри Мейерс Гайндманом, Гарри Квельчем, и части НСПС, Гильдейские социалисты (1906 г.) во главе с Дж. Коллем и Гоббсоном, Шотландская социалистическая рабочая партия (1903 г.), представлявшая в Англии де-лионизм и близкая к анархосиндикализму. Кроме того — индустриалисты, синдикалисты — группа Тома Мана, Конноли, Ларкина, создавшие „Лигу пропаганды индустриального синдикализма" (1906 — 1914 гг.). Ленин неоднократно подчеркивал „чрезвычайное своеобразие" „исторических условий деятельности английской социал-демократии вообще и рабочего движения в целом".

Господство оппортунизма в английском рабочем движении Ленин объясняет „историческими условиями второй половины XIX века в Англии, когда „рабочая аристократия" до известной степени участвовала в дележе особо высоких прибылей английского капитала". (*Ленин.* Соч., т. XVI, стр. 360.) В этом — социально-экономические корни оппортунизма в Англии. Сам факт создания „широкой рабочей партии" есть результат „компромисса между социалистической партией и не социалистическими профессиональными союзами". „Порожден этот компромисс особенностями английской истории, обособлением *аристократии* рабочего класса в несоциалистические, либеральные профессиональные союзы". (Там же стр. 303.) Наличие нескольких рабочих партий в Англии служит показателем глубины раскола рабочего движения Англии, проведенного империализмом. Ленин со всей силой подчеркивает это своеобразие рабочего движения Англии в эпоху империализма: „Этот раскол в английском социалистическом рабочем движении не случайность. Он давнего происхождения. Он порожден особенностями истории Англии. В Англии раньше всех развился капитализм, и она была долгое время „фабричной мастерской" всего мира". (Там же, стр. 167.) Это обстоятельство и создало в Англии влиятельнейший слой *рабочей аристократии.* „Отсюда — мещанский, цеховой дух в этой рабочей аристократии, которая отрывалась от своего класса, тянулась за либералами, с насмешкой относилась к социализму, как к „утопии." (Там же.) Кризис британского империализма, начало конца его монополии стало исходным пунктом хотя и медленного, но неустанного поворота английских рабочих масс. Под влиянием экономического кризиса и русской революции 1905 года, в рабочем движении Англии начинается поворот в сторону социализма. Поскольку оказалась подорванной экономическая основа рабочей аристократии — монопольное положение английского капитализма, — постольку стала уплывать почва из-под ног оппортунизма в английском рабочем движении.

Железная логика классовой борьбы с неумолимостью законов исторического развития противопоставила и в Англии класс против класса, и ни в одной стране не было накануне войны таких грандиозных классовых боев миллионных рабочих масс, как в „старой, веселой Англии".

Стачки 1911 — 1913 гг.

Британский империализм вступил в мировую войну с целью вырваться из того тупика и кризиса, в котором он очутился с начала XX века благодаря подрыву своей монополии на всемирном рынке. Подводя итоги своеобразию экономического и политического развития британского империализма, влиявшего на своеобразие и особенности английского рабочего движения, Ленин писал в октябре 1912 г.: „В последнее время монополия Англии окончательно подорвана. Прежние сравнительно сносные условия жизни сменились крайней нуждой вследствие дороговизны жизни. Обостряется в громадных размерах классовая борьба, а вместе с этим обострением подрывается почва оппортунизма, подрывается былая основа распространения в рабочем классе идей либеральной рабочей политики". (*Ленин.* Соч., т. XVI, стр. 167.)

Стачка углекопов в 1912 г., выражаясь словами Ленина, „составила эпоху". Именно с нее начался, хотя и медленный, но неуклонный поворот профессиональных союзов в сторону социализма. К моменту империалистической войны размах стачечных боев был уже грандиозен. Начав, под влиянием первой русской революции 1905 года, разбивать оковы „респектабельности", массовое английское забастовочное движение шло неуклонно на крутой подъем. Английский пролетариат не хотел позволить, чтобы на его плечи легли последствия кризиса британского империализма. Он давал капитализму внушительные бои.

Огромным подъемом стачечной волны отвечал пролетариат на снижение своего жизненного уровня, уменьшение заработной платы.

В 1906 г. бастовало 217 тыс. рабочих; в 1911 г.—1 млн. чел., в 1912 г.—1 463 280 чел, с потерей 40 млн. рабочих дней. В 1913 г. было 1459 забастовок, 664 тыс. рабочих, 9804 тыс. потерянных рабочих дней.

Пролетариат Англии накануне войны рвался в бой за низвержение капитализма. Но у него не было подлинной революционно-марксистской партии, могущей привести его к победе. Еще Фридрих Энгельс особо подчеркивал основную особенность классовой борьбы в Англии.

Еще в эпоху чартизма английский пролетариат выступал как класс против *класса* буржуазии в целом. Стачечные бои в Англии, развивавшиеся на фоне капиталистических кризисов, получили самую благоприятную оценку Фр. Энгельса. В „Положении рабочего класса в Англии" он писал: „Самые забастовки, участившиеся в невероятной степени, всего лучше доказывают, как сильна социальная война в Англии... Стачки являются для рабочих военной школой, в которой они подготовляются к великой борьбе, ставшей неизбежной... Как военная школа, стачки незаменимы. В них развивается своеобразное мужество англичанина. Английские рабочие не уступают никакой нации в мужестве". Эта характеристика Энгельсом классовых боев английского пролетариата в революционную эпоху чартизма целиком и полностью сохраняет все свое значение и для гигантских классовых битв английского пролетариата в эпоху империализма, как кануна социальной революции пролетариата.

Под влиянием экономического кризиса империализма английский пролетариат стихийно рвет путы либеральной рабочей политики и создает накануне войны объединение (Тройственное согласие) трех гигантских федераций — докеров, углекопов и железнодорожников, охватывающих не менее 4 млн.

пролетариев. Но созданные им боевые штабы оказались в руках социал-оппортунистов, социал-предателей, ставших социал-империалистами.

Британская социалистическая партия

Обыкновенно историю английской социал-демократической партии (1884 г.), впоследствии переименованной (1911 г.) в Британскую социалистическую партию — связывают исключительно с именем Генри Мейерса Гайндмана. Забывают в данном случае подчеркнуть роль Элеоноры Маркс-Эвелинг и Фридриха Энгельса, боровшихся с мещанским социализмом Гайндмана. Сам Маркс обнаружил и разоблачил филистерство Гайндмана. Кроме Гайндмана крупную роль играл Гарри Квелч, относившийся с симпатией к русским большевикам, отдавший в их распоряжение свою типографию. Он проявил серьезные колебания и примиренческое отношение к оппортунистическим элементам, за что его не раз критиковал Ленин. Но если Гайндман насквозь был пропитан социал-оппортунизмом, то Гарри Квелч (умер в 1913 г.), сам из рабочих, в основном, несмотря на свои ошибки, был представителем революционной тенденции в английском рабочем движении и вел активную руководящую работу в партийной социал-демократической организации и в трэд-юнионах. Неоднократно он избирался представителем лондонского отделения трэд-юниона типографщиков. Несколько раз был и председателем лондонского бюро совета трэд-юнионов — „Трейдс Консиль". Квелч был делегатом английской социал-демократии на международных конгрессах и членом Международного социалистического бюро II Интернационала; был выслан из Германии, из Штутгарта, за свои антиимпериалистические выступления и за „оскорбление" гаагской конференции держав, которую он назвал „шайкой воров". Ленин дает следующий отзыв о Квелче в некрологе от 24 сентября 1913 г.: „Квелч был в первых рядах тех, кто боролся стойко и убежденно против оппортунизма и либеральной рабочей политики в английском рабочем движении. Правда, оторванность от масс налагала иногда на английских социал-демократов некоторый сектантский характер. Вождь и основатель социал-демократии Англии, Гайндман, докатился даже до шовинизма. Но социал-демократическая партия дала ему отпор, и во всей Англии *только* британские социал-демократы вели в течение десятилетий систематическую пропаганду и агитацию в марксистском духе. Это — величайшая историческая заслуга Квелча и его товарищей. Плоды деятельности марксиста Квелча скажутся с полной силой в ближайшие годы английского рабочего движения". (*Ленин*. Соч., т. XVI, стр. 608.) Русские большевики с 1903 г. были тесно и персонально связаны с революционным крылом английской социал-демократии. Тов. Ф. Ротштейн, М. М. Литвинов, Фишер, Раскольников, Петров и др. под руководством Ленина много помогли Британской социалистической партии (СДП в 1911 г. стала называться БСП) в деле укрепления в ней революционного крыла и очистки ее от оппортунистических элементов.

Самое образование Британской социалистической партии в 1911 г. было следствием революционизирования рабочего движения в Англии. Однако БСП не смогла изжить сектантство, которое принесли в нее вожди типа Гайндмана. Накануне войны она была заражена и „левой" болезнью — в принятой ею программе явно чувствовалось влияние синдикализма: в арсенале борьбы за низвержение капитализма она не видела лучшего орудия, чем всеобщая стачка, она не ставила вопроса о вооруженном восстании, а трэд-юнионы она вместе с „индустриалистами" рассматривала как ячейки власти в будущем обществе.

Независимая рабочая партия

Представляя наиболее умеренные и верхушечные слои рабочего класса, мещанские его элементы, страдающие „респектабельностью", Независимая рабочая партия, созданная в 1893 г. Дж. Кейр-Гарди, в своих идеологических и программных установках всегда отличалась величайшей половинчатостью, мелкобуржуазным пацифизмом и оппортунизмом. Ее теоретиками и вождями являлись Кейр-Гарди, Дж. Рамсей Макдональд, Сидней Вебб и Филипп Сноуден. Но в ее рядах было хотя и не последовательное, но все же революционное крыло, которое уже в 1911 г. произвело раскол и вышло из НРП, образовав вместе с СДП Британскую социалистическую партию. Полевение рабочих масс, их дальнейшее революционизирование, под влиянием русской революции 1905 года, суживало влияние оппортунизма и вместе с общим кризисом британского империализма углубляло и внутрипартийный кризис Независимой рабочей партии.

В теоретической основе, в идеологии НРП фактически лежит чистейшей воды фибианство (о нем ниже): с самого своего основания НРП резко разошлась с БСП (СДП) в вопросе об отношении к либеральной буржуазии и к парламентаризму. Независимая рабочая партия решительно отвергала марксизм, теорию революционного социализма и признавала „эволюционный" социализм, социал-реформизм. Независимая партия, будучи партией социал-реформизма, была сторонницей „законности", „конституционализма", партией парламентского социализма. НРП решительно стояла за блок и поддержку либералов против консерваторов. Либералы очень ловко использовали лидеров НРП и лейбористской партии, сея в них убеждение,—а через них и в рабочих массах—что если они не будут поддерживать либералов, то к власти придут консерваторы. Ленин прямо указывал английским социалистам, что бояться объединения либералов и консерваторов нечего. Наоборот, слияние тех и других облегчает освобождение рабочих масс из-под гипноза либеральной политики и будет способствовать их переходу на сторону социализма. НРП и Рабочая партия являются агентурой либеральной буржуазии внутри рабочего класса. Ленин писал про Независимую рабочую партию, что она „и есть партия либеральной рабочей политики. Справедливо говорят, что эта партия „независима" только от социализма, а от либерализма очень зависима". (*Ленин.* Соч., т. XVI, стр. 167.) Причем «В рядах „Независимой рабочей партии" марксизм *принципиально* отвергается, и поэтому марксистский язык совсем не в употреблении». (Там же стр. 169.)

На выборах 1912 г. Независимая рабочая партия и Рабочая партия заключили предвыборное соглашение с либералами, и когда рабочие-социалисты в одном городе, вопреки лидерам, все же провели своего кандидата-социалиста, то лидер НРП Макдональд не постеснялся в либеральных газетах осудить этот факт, а исполком НРП выпустил специальное указание о недействительности такого голосования и потребовал снятия кандидатуры социалиста в пользу либерала, ибо по соглашению с последними в этом округе независимцы и лейбористы должны были голосовать за либерала. Независимцы вместе с лейбористами спасли в 1912 г. либеральное правительство от позорного разгрома. В одной тюрьме (Хесвэл) шли истязания малолетних преступников. Было поднято общественное движение против этого. Консерваторы решили использовать этот случай для свержения либерального министерства. Независимцы в лице Кейр-Гарди, Сноудена и Макдональда голосовали за поддержку либералов.

Таким образом независимцы и лейбористы не только спасли правительство либералов в 1912 г., но и покрыли тюремные истязания из боязни прихода к власти консерваторов.

Либералы, в лице Эдуарда Грея, с 1905 г. готовили войну против Германии. Независимцы ни разу не выступали с резкой критикой внешней политики либералов. Вожди НРП, как и лейбористов, несут всю ответственность перед пролетариатом за организацию мировой войны, поскольку они занимались политикой прикрывания и спасания либералов как „меньшего зла".

Недовольство таким отношением вождей независимцев и лейбористов к либералам нашло свое выражение в выступлениях Джоуэта на XX конференции НРП—27—28 мая 1912 г. В парламентской фракции Рабочей партии, в которую входят и независимцы, из сорока рабочих депутатов (1912—1913) было 27 *несоциалистов*; некоторые из них, по признанию самих лейбористов, скорее приближались к консерваторам.

Таким образом политическая линия 13 социалистов в парламенте зависела от 27 беспартийных „рабочих" делегатов. Не удивительно, что отношение к либеральной буржуазии и к либеральной рабочей политике лейбористов вызвало отпор со стороны более классово- и политически-сознательных элементов НРП. Вот почему на XX конференции НРП 1912 г. центральным вопросом был вопрос об отношении к либералам и к рабочей партии. Эта конференция вскрыла весь центризм „левого" Ленсбери и откровенный оппортунизм Кейр-Гарди. Не входя в НРП, беспартийные рабочие делегаты тем не менее получили право говорить от имени Рабочей партии, идейным и политическим руководителем которой являлась НРП. По поводу этого своеобразия рабочего движения Англии Ленин писал, что „английские оппортунисты осуществили то, к чему часто склоняются оппортунисты других стран, именно: соединение оппортунистических „социалистических" депутатов с депутатами якобы беспартийных профессиональных союзов". (Там же, стр. 118.) В отношении к широкой партии — Рабочей партии представитель левых элементов в НРП на вышеупомянутой конференции Джоуэт (теперь махровый правый) решительно требовал, чтобы рабочие делегаты в парламенте голосовали стойко по всем вопросам, вне зависимости от угрозы падения либерального министерства, и вели последовательно классовую самостоятельную пролетарскую политику, порвав с политикой поддержки либералов.

Джоуэта поддержал Мак-Лахлан. „Мы—социалистическая организация. Мы должны в своей деятельности проводить свои принципы"—говорил он. Отвечая на обвинение Мак-Лахлана за поддержку либералов в вопросе об истязании мальчика в тюрьме Хесвэл, Кейр-Гарди утверждал, что требование Джоуэта о самостоятельной пролетарской политике „сводит всю систему парламентаризма к абсурду" и что он голосовал „за правительство по убеждению в правильности такого голосования по существу, а не ради поддержки правительства. Истязание несомненно было, и все мы шли в парламент с решимостью голосовать против правительства. Но в парламенте мы выслушали противную сторону, и оказалось, что хотя заведующий виноват в жестокости, но заведение в общем лучшее в королевстве. При таких условиях неправильно было бы голосовать против правительства . . ." Защищая эту беспринципную политику Кейр-Гарди, Филипп Сноуден прямо объявил, что „политика есть компромисс". Ленсбери—центрист—рассказал, как „погонялы" (уипсы) их партии „бегали по всей палате, собирая рабочих депутатов, чтобы не допустить поражения правительства".

Ленсбери заявил, что его „опыт" показал ему, что всякий поднимающийся вопрос обсуждался именно с точки зрения того, какое влияние на судьбу правительства окажет то или другое голосование. Рабочая партия почти совершенно не может отгородить себя от либеральной партии". Я не знаю такого вопроса законодательства, по которому бы Рабочей партии удалось отмежевать себя от либералов. В качестве партии мы были неразрывной составной частью правительства по вопросу о страховании рабочих. Рабочая партия голосовала все время за правительство и за его проект". Но центризм и словесный, „пассивный радикализм" Ленсбери, конечно, ничего не мог изменить в политической линии правого крыла НРП и насквозь оппортунистической „Лейбор парти". Выступления Ленсбери лишь свидетельствуют о том глубочайшем сдвиге, который медленно, но неуклонно развертывался внутри профсоюзов и рабочего движения Англии в целом. Резолюция Джоуэта была провалена 195 голосами против 75. Все-таки левые настроения были достаточно сильно представлены на этой конференции.

Оценивая результаты голосования XX конференции НРП, Ленин писал: „Оппортунисты одержали победу. Это неудивительно в такой оппортунистической партии, как английская „Независимая рабочая партия". Но что оппортунизм вызывает оппозицию в рядах самой этой партии, — факт теперь окончательно установленный.

Противники оппортунизма поступили во много раз правильнее, чем поступают нередко их единомышленники в Германии, защищая гнилые компромиссы с оппортунистами. Открытое выступление с своей резолюцией вызвало крайне важные принципиальные прения, и на рабочий класс Англии эти прения окажут глубокое действие. Либеральная рабочая политика держится традицией, рутиной, ловкостью оппортунистических вожаков, но ее крах в массе пролетариата неизбежен". (*Ленин.* Соч., т. XVI, стр. 172.)

Рабочая партия

Рабочая партия (Лейбор парти) окончательно сформировалась в 1906 г. Политическими ее руководителями были НРП и фабианцы. Тем не менее, отождествлять Рабочую партию с НРП ни в коем случае нельзя, хотя вожди той и другой партии почти одни и те же: Макдональд, Гендерсон, Сноуден, Вебб, Томас. Рабочая партия построена была на принципе коллективного членства всех трэд-юнионов, кооперативных и социалистических организаций и других обществ. Причем она ограничивала себя исключительно задачами избирательной кампании и поддержки рабочих делегатов в парламенте, составляющих парламентский комитет Рабочей партии. Вплоть до 1918 г. лейбористская партия не имела никакой программы и не заявляла себя социалистической, хотя по настоянию НРП и при поддержке Каутского была безоговорочно и без всяких условий принята в 1907 г. во II Интернационал.

Парламентская фракция Рабочей партии в большинстве своем представляет беспартийных представителей трэд-юнионов. На XIII съезде РП 29—31 января 1913 г. в Лондоне, на ряду с бесцветной резолюцией против войны, был принят и пункт об исключении из партии всех тех, кто нарушает решения не только партии, но и парламентской фракции. Во фракции Рабочей партии в палате общин из 40 рабочих депутатов было 27 *несоциалистов.* Таким образом съезд обязывал членов партии социалистов *связать* себя „подчинением *несоциалистам*" (*Ленин.* Соч., т. XVI, стр. 303.)

Интересно отметить, что подобную резолюцию на съезде лейбористов защищал независимец Брюс Глейжер, вынужденный признать наличие „*с полдюжины* таких рабочих депутатов, которым место среди консерваторов". (Там же.) Большинство съезда голосовало за подобную резолюцию. И этим самым лейбористская партия накануне войны подчеркивала всю свою зависимость от рабочей аристократии, не склонной к социализму. Лишь отдельные голоса высказались против такой капитуляции перед либеральной рабочей политикой, требуя усиления пропаганды идей социализма. Увы! „Большинство съезда было у несоциалистов и крайне плохих социалистов". (Там же, стр. 304.) Предлагая отличать английскую Рабочую партию „от *обеих* социалистических партий Англии, от Британской социалистической партии и от Независимой рабочей партии", — Ленин видел это отличие, во-первых, в том, что Рабочая партия „представляет из себя наиболее оппортунистическую и пропитанную духом либеральной рабочей политики рабочую организацию" и, во-вторых, „Рабочая партия", это — парламентское представительство рабочих организаций, частью неполитических, частью либераль-

ных, какая-то смесь вроде того, чего хотят наши, бранящие „подполье", ликвидаторы". (Там же, стр. 360.)

Отдельные деятели независимцев, которых Ленин называет, в отличие от „лейблибсов" (рабочих либералов), „*социалистическими* оппортунистами", чувствовали накануне войны, что «„Рабочая партия" зашла в болото». Весьма показательна позиция Рабочей партии накануне войны по вопросу о подготовке британского империализма к войне.

Весной 1933 г. был поставлен на обсуждение в палате общин вопрос о смете морского министерства. Вместо того чтобы внести предложение о прекращении отпуска средств на морские вооружения и голосовать против военных кредитов, согласно резолюций II Интернационала, — членами которого английские социалисты состояли,— социалисты ограничились предложением о *сокращении* сметы. Но главное не в этом предложении, явно половинчатом, а в голосовании парламентской рабочей фракции. Из 40 депутатов „15 голосуют за сокращение, т. е. против правительства; 21 *отсутствуют*; 4 голосуют *за правительство*, т. е. против сокращения!! „Двое из этой четверки оправдываются тем, — писал Ленин, что в их избирательных округах рабочие имеют заработок как раз в промышленности по производству предметов вооружения. Вот — наглядный пример *измены* социализму, *измены* рабочему делу, до которой доводит оппортунизм". (Там же, стр. 360—361.)

Таким образом, Рабочая партия накануне войны была яркой представительницей соглашательско-парламентской, буржуазной политики в английском рабочем движении. Она является, по существу, политическим выражением теории и практики английского трэд-юнионизма, шедшего на поводу у буржуазии. И самый состав Рабочей партии вполне соответствует этому: в 1917 г. в ней числилось 1612 тыс. членов, из которых 1572 тыс. явились членами трэд-юнионов.

Фабианцы

Одной из форм проявления гнуснейшего оппортунизма в английском рабочем движении является фабианство. 18 января 1893 г. Фридрих Энгельс дал убийственную характеристику фабианцам: „шайка карьеристов, достаточно рассудительных, чтобы понимать неизбежность социального переворота, но ни в коем случае не желающих доверить эту исполинскую работу исключительно незрелому пролетариату... Их основной принцип — страх перед революцией". Представляя из себя в социальном отношении прогрессивную буржуазную интеллигенцию, фабианцы сыграли значительную роль в „пропитывании" рабочего движения растлевающим ядом реформизма и оппортунизма. Они писали программы и для Независимой рабочей партии и для Рабочей партии. Ленин характеризует фабианцев как „почти либералов, никогда не признававших марксизма".

Отрицая марксизм, возрождая мелкобуржуазный социализм в Англии и представляя мелкобуржуазные элементы в английском социализме, фабианцы (Сидней и Беатриче Вебб, Бернард Шоу, Грэхем, Уэльс) решительно не признавали классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. По их мнению, (Вебб), „борьба должна вестись не между капиталом и трудом, а между подавляющим большинством нации и производителями ренты. Купец, фабрикант, самостоятельный ремесленник или сельский хозяин столько же терпит ущерба вследствие менее центрального положения своего предприятия или менее благоприятного характера своих производственных средств, сколько его терпит невинный рабочий". Центр вопроса в земельной ренте. Фабианцы хотели национализации ренты без уничтожения частной капиталистической собственности. Кооперация и развитие государственной промышленности (т. е. государственных предприятий) и муниципальный социализм — вот и вся

программа осуществления социализма. Фабианцы — горячие сторонники государственного капитализма. Государственный контроль при сохранении всей капиталистической системы — дальше этого фабианцы никогда не шли. Они твердо убеждены, что социализм не ставит себе целью уничтожение частной собственности. Они считают, что наемный труд и заработная плата сохранятся и в социалистическом обществе, как и „рента", национализированная государством. Поэтому фабианцы стоят за политику „справедливой заработной платы", регулируемой государством. Они не республиканцы, а конституционалисты. Палата лордов может остаться, надо только отнять у нее право „вето". Страх перед революцией делает фабианцев особо яростными сторонниками „конституционализма и парламентаризма". „Фабианцы,—говорит Сидней Вебб,— являются сторонниками конституционного образа действий". Фабианцы обращаются к представителям всех классов, так как они сторонники „этического" социализма.

Откровенно буржуазный характер фабианства выступает в рассуждениях о социализме у Сиднея Вебба. „Представители средних классов или буржуазии до сих пор обогащали социализм идеями и с увлечением участвовали в социалистическом движении. Фабианское общество поэтому протестует против того, что социалисты квалифицируют реакционным именно тот класс, который социализм создал... Фабианское общество, как и всякое другое социалистическое общество, может подготовить народ к социализму только тогда, когда оно познакомит его с духовными приобретениями выдающихся членов всех классов общества. Фабианцы поэтому не могут употреблять выражение „средний класс" или „буржуазия" в смысле упрека, ибо им пришлось бы оттолкнуть от себя большую часть своих собственных членов". Откровенное признание своей основной социально-экономической базы — „средний класс" — весьма характерно для открытых социал-оппортунистов — фабианцев. Фабианцы открыто провозглашают отказ от социальной революции.

«На самом же деле фабианцы,— пишет Вебб,— симпатизируют стремлениям „среднего" человека к постепенному мирному улучшению своей доли; они избегают восстаний и конфликтов с армией и полицией; они не жаждут мученичества. Фабианцы должны поэтому просить тех лиц, которые верят в „сенсационный исторический кризис", вступать в другие общества».

Будучи социал-реформистами, фабианцы даже в этом отношении своим минимализмом, своей архи-умеренностью перещеголяли всех европейских социал-оппортунистов, для которых они являются недостижимым идеалом.

Постепенная „лейборизация" парламента с точки зрения фабианцев делает ненужным социальный переворот. Беспринципность, чрезвычайная приспособляемость и филистерство фабианцев дали им возможность присосаться к мещанским слоям рабочей аристократии и играть роль теоретиков и идеологов рабочего либерализма. Фабианцы играют крупную роль в Независимой рабочей партии и в Лейбор партии, являясь их теоретиками и лидерами. Фабианцы — монополисты по руководству рабочими школами и коттеджами трэд-юнионов.

Фабианцы — редакторы рабочей прессы. Фабианцы — консультанты трэд-юнионов и Рабочей партии в разнообразных правительственных комиссиях. Именно им рабочее движение обязано чрезвычайно тонкой фальсификацией истории пролетариата в Англии. Веббы, Гаммонды, Колл, Тоуни, Гобсон достаточно поработали в этой области. Под влиянием русской революции 1905 г. и общего революционного подъема в Англии внутри фабианцев появилось „левое" крыло, положившее начало новой форме мелкобуржуазного социализма — гильдейскому социализму (Колл, Гобсон, Гаммонд и др.). Хотя последний практически себя проявил лишь в 1919 — 1921 гг., но его идеологические и теоретические истоки начинаются задолго до войны, в связи с появлением анархосиндикализма в Британии (1910—1912).

Индустриализм-синдикализм

Идеи французского синдикализма, американского и австралийского индустриализма („Промышленные рабочие мира", „Ай Доблью Доблью") и „де-леонизма" нашли некоторый отклик в английском рабочем движении. Парламентский оппортунизм, откровенная либеральная рабочая политика „Рабочей" партии и „Независимой" (от социализма) рабочей партии и предательство трэд-юнионистских вождей, — все это толкало революционные элементы в сторону синдикалистской оппозиции. Де-леонизм, принятие марксизма в узко-экономическом, вульгарном понимании, на практике отказ от политической борьбы, синдикалистское понимание теории социальной революции,— все это толкнуло шотландских социалистов еще в 1903 г. на откол от СДП и образование Шотландской социалистической рабочей партии с ярко выраженными де-леонистскими взглядами и поэтому очень скоро скатившейся к индустриализму. А в 1910 г. Том Манн, Джемс Конноли, Дж. Ларкин развернули пропаганду синдикализма, за выход из старых трэд-юнионов и создание более широких производственных союзов на синдикалистской основе. В 1910 г. они провели конференцию 200 делегатов от 60 тыс. рабочих и организовали „Лигу пропаганды индустриального синдикализма", но их тактика игнорирования работы внутри старых реакционных трэд-юнионов и полное отрицание политической борьбы и использования парламентаризма была типично сектантской, синдикалистской, крайне беспочвенной в условиях обостренных классовых битв 1910 — 1914 гг. Отсутствие последовательной революционно-марксистской партии в Англии дало возможность Лиге стать популярной среди некоторой части рабочего класса. Они сыграли свою роль в активизации и революционизировании авангарда английского пролетариата. Самый факт появления революционных синдикалистов в рабочем движении Англии был чрезвычайно показателен. Он свидетельствовал о поисках и нащупывании революционных путей передовыми рабочими, освобождавшимися из-под влияния либеральных рабочих политиков.

Гильдейский социализм

Гильдейский социализм, чувствуя, что революционные рабочие ломают старые рамки узко-цеховых реакционных трэд-юнионов, выступил с новым универсальным рецептом построения социализма без социальной революции и экспроприации экспроприаторов.

Гильдейский социализм, как типичный мелкобуржуазный социализм, является насквозь эклектичным и претендующим на „исчерпывающую социальную теорию", предварительно, конечно, покончив с теорией марксизма. В своей „Социальной теории" Колл писал: „Гильдейские социалисты, под давлением промышленных и экономических условий, проповедуют теорию демократического самоуправления хозяйственной жизни и преобразования государства на основе функционального принципа. Своим законченным анализом она представляет собою исчерпывающую социальную теорию".

Гильдейский социализм (Пенти, Орсаж, Гобсон, Колл)—социализм кооперированных (или „синдицированных") мелкобуржуазных производителей. Причем, как и фабианцы, „левыми" отпрысками которых они являются, гильдейские социалисты заняты проблемой организации распределения, организацией потребительских гильдий, а не организацией производств. Уравнительный социализм есть альфа и омега гильдейского социализма: „полный продукт труда производителю". Самый факт поисков организационной структуры социализма в средневековых гильдиях, где классовые противоречия стушевывались за патриархальной оболочкой взаимоотношений между мастером и подмастерьем,

весьма показателен для гильдейских социалистов; идеализация феодально-ремесленной организации производства в форме гильдий, при сотрудничестве труда и капитала, как панацея против диктатуры пролетариата, — вот что явственно проскальзывает у гильдейцев. Прежде всего они и не мечтают об организации общественного производства в крупной, и в особенности в тяжелой промышленности. Мелкому буржуа, кустарю-ремесленику она не нужна. По словам Дж. Колл, *„в основных отраслях производства, в тяжелой промышленности и на транспорте гильдейцам делать нечего, поскольку копи, рудники, дороги находятся в частном владении, выкуп их обошелся бы слишком дорого“* (курсив мой.— *Г. Б.*). Итак, социализм — в мелкой промышленности; основные производства остаются в неприкосновенной собственности частных владельцев, экспроприировать которых гильдейцы не собираются, а выкуп для мелких буржуа „слишком дорог“. Индивидуализм является основой гильдейского социализма. „Как социальная философия, гильдейский социализм индивидуалистичен. Исходным моментом и конечной целью философии и политики гильдейского социализма является человек, и главным образом человек как производитель“. Мелкий хозяйчик, мелкий буржуа так и выпирает из гильдейца.

Мечтая о создании производительных гильдий и в земледелии, теоретик и организатор гильдейского социализма Дж. Колл заявляет, что „социализм так же легко совместим с мелким сельским хозяйством, как и с „индустриализированными формами крупного земледельческого хозяйства“. „Гильдейцы хотят строить социализм не на базе производства, а на базе интересов потребителей, в организации гильдий по признаку „функциональной демократии“. Не смея мечтать об организации крупной социалистической промышленности из-за почтительнейшего отношения к священной и неприкосновенной частной капиталистической собственности, гильдейцы добиваются (в рамках господства капитализма) права контроля и внутреннего руководства промышленностью непосредственно организацией производителей“. На практике это приводило к воспеванию военгоскапитализма во время войны.

Общие выводы

Таковы были разнообразные течения в рабочем движении Англии накануне войны. Можно констатировать, с одной стороны, преобладание махрового классического оппортунизма, наиболее ярко выраженного фабианцами, и, с другой стороны, несомненны сдвиги внутри таких социалистических организаций, как Британская социалистическая партия и даже Независимая рабочая партия. Но и Британская социалистическая партия, единственная организация в Англии, пытавшаяся занять марксистскую позицию, немногим отличалась от обычного типа партий II Интернационала. В теории и практике она была далека от революционного марксизма. В Независимой рабочей партии большинство было накануне войны заражено соглашательством и оппортунизмом. Отдельные левые элементы, протестовавшие против оппортунизма НРП, были сами опутаны центризмом и соглашательством. Но появление левых течений у меньшинства независимых, образование Британской социалистической партии, — все это являлось отражением мощных революционных процессов, происходивших в рабочем движении Англии накануне войны. Наличие ошибок у БСП мешало ей возглавить революционное движение и повести его за собой. Перекатывавшаяся через головы официальных вождей трэд-юнионов и рабочих партий революционная волна рабочего движения подпала поэтому под влияние синдикалистов. Революционное движение с величайшим трудом пробивало

себе путь к революционному марксизму. Война оказалась и в „старой, доброй Англии" тем „могучим ускорителем", который усилил процесс вызревания предпосылок для создания подлинной революционно-пролетарской партии.

III. ВОЙНА. „ГРАЖДАНСКИЙ МИР"

Вступление в войну. „Гражданский мир"

Вступление Англии в войну было логическим завершением хищнических вожделений английского империализма, стремившегося всеми мерами сокрушить своих конкурентов на мировых рынках и возродить былое величие Англии. Главным врагом Англии в конце XIX века стала Германия, быстро выдвинувшаяся в качестве передовой индустриальной страны, дерзко оспаривавшей право Англии на бесконкурентное владычество во всем мире.

Во имя изоляции и разгрома Германии английский империализм задолго до мировой войны подготовлял расширение „сердечного согласия" (Антанты) с Францией, стремясь включить в нее и Россию. Это было достигнуто двумя путями. Во-первых, ослаблением России, происшедшим в результате поражения ее в русско-японской войне, которая велась при прямой поддержке Японии Англией. Во-вторых, размежеванием интересов английского и русского империализма на Востоке, в первую очередь, в Персии. Опасение, с каким Англия смотрела на вожделения русского империализма по отношению к проливам и Константинополю, не могло помешать Англии занять решительную позицию против Германии с момента Сараевского убийства.

Став на путь одного из главнейших зачинщиков войны, Англия, однако, делала накануне войны вид, что она готова на примирительную процедуру и всяческие „жертвы" во имя мира. Лицемерные пацифистские заверения лорда Грея сильно облегчили антантовской буржуазии задачу изобразить Германию, обладавшую всегда неуклюжей дипломатией, — главным виновником начавшейся войны. А когда Германия нарушила пресловутый „бельгийский нейтралитет", пропагандистская машина английского империализма была пущена во весь ход. Английское адмиралтейство, штаб и правительство, которое давно вошло в соглашение с Францией по вопросу об использовании Бельгии в качестве плацдарма против Германии, подняло невообразимый вой по поводу нарушения Германией бельгийского нейтралитета: Англия, мол, вынуждена вступить в войну против современных гуннов — немцев, во имя „попранной справедливости". Так были одурачены английские массы.

Несомненно, что важнейшим стимулом, побудившим английские господствующие классы ко вступлению в войну, была надежда одним ударом покончить с революционным движением в стране, которое неудержимо развивалось и грозило перейти в широкое наступление за свержение капиталистического строя в „доброй старой Англии". Отсутствие последовательной революционно-марксистской партии облегчило английскому империализму выполнение этой задачи. Независимая рабочая партия, игравшая в пацифизм, устами своего лидера Макдональда заявила в палате общин, что было бы предпочтительнее для Англии соблюдать нейтралитет в войне. Но это лицемерное заявление не помешало всем идейным коллегам Макдональда сразу же после объявления войны принять самое горячее участие в военно-патриотической кампании и вербовке волонтеров для армии. А бывший вождь и основатель британской социал-демократической федерации Гайндман сразу же занял самую подлую, изменническую социал-империалистическую позицию.

Чтобы окончательно закрепить „гражданский мир", правительство сделало „благородный" жест: оно даровало ирландцам подписанный королем в сентябре 1914 г. билль, по которому Ирландии был обещан по окончании войны гомруль. В знак наступившего „гражданского" и „национального" мира в Дублине был организован патриотический митинг, на котором выступил Асквит и вместе с ним вождь ирландских националистов Редмонд.

Однако приток добровольцев в армию, несмотря на шумно объявленный „гражданский мир", шел туго: рабочие явно уклонялись от выполнения „патриотического долга". Тогда консерваторы начали бешеную агитацию за введение всеобщей воинской повинности. Эта мера была столь непопулярна в стране, что либеральное правительство Асквита довольно долго колебалось, прежде чем решилось стать на этот путь.

Коалиционное правительство Асквита — „Переворот Ллойд-Джорджа"

Наконец в мае 1915 г. Асквит вынужден был — под давлением консерваторов, обвинявших правительство в нерешительности, — преобразовать кабинет и организовать коалиционное правительство из консерваторов, либералов и представителей Рабочей партии. Артур Гендерсон получил портфель министра народного образования, а вождь горняков Брейс был назначен товарищем министра внутренних дел. Измена рабочих лидеров была, таким образом, завершена и закреплена открыто перед всем миром.

После этого введение всеобщей воинской повинности было ускорено: в декабре 1915 г. билль о принудительном наборе был принят правительством, в начале 1916 г. под знамена были призваны все холостяки и бездетные вдовцы в возрасте от 18 до 45 лет, исключая лиц, занятых в военной промышленности. Наконец в мае 1916 г. воинская повинность была объявлена всеобщей и распространена на всех лиц мужского пола в возрасте между 18 и 41 годом. Билль не распространялся на Ирландию, которой английский империализм не доверял, несмотря на патриотические заявления Редмонда и лояльное поведение ирландской фракции в парламенте.

На ряду с этим, правительство решительно рвало со всеми конституционными традициями Англии: выборы в палату общин и местные самоуправления были отсрочены до окончания войны; действие профсоюзных уставов, ограничивающих рабочий день и работу женщин и детей, было приостановлено; наконец с первых же дней войны был издан особый акт об охране государства (Defens of the healm act), устанавливавший во время войны ограничение гражданских и личных прав и дававший чрезвычайные полномочия административным и полицейским органам.

Так либеральная партия, начавшая войну и возглавившая затем коалиционное правительство, сама отказывалась от своих старых демократических лозунгов и идей. Окончательно добил либерализм Ллойд-Джордж, состоявший в коалиционном правительстве Асквита военным министром и министром снаряжения. Вступив в союз со своими коллегами по кабинету — консерваторами, Ллойд-Джордж добился в конце 1916 г. отставки Асквита и образовал четырехчленный „военный кабинет" под своим председательством, в составе лорда Карсона, вождя ульстерцев, лорда Мильгора (первого наместника покоренных бурских республик, друга знаменитого Сесиля Родса) и Гендерсона. Эта четверка диктаторски принимала решения, не считаясь с остальными министрами, которые являлись простыми исполнителями реше-

ний, принятых четверкой. Из консервативных деятелей, вошедших в кабинет, назовем Бонар-Лоу, ставшего канцлером казначейства, лорда Бальфура, сменившего либерала лорда Грея, лорда Керзона, ставшего председателем Тайного совета, и др. Из вождей Рабочей партии кроме Гендерсона в правительство вошли Джон Ходж — в качестве министра труда — и Джордж Бернс, бывший когда-то левым социалистом и вождем забастовки машиностроителей, назначенный министром пенсий.

„Военный кабинет", возглавленный Ллойд-Джорджем, имел своей целью окончательно подменить законом военного времени рабочее движение и под видом жертв во имя отечества разложить и уничтожить его революционный авангард. В то же время предпринимателям была предоставлена полная возможность безгранично наживаться на войне. В начале войны английская буржуазия думала даже, что можно будет наживаться старыми, довоенными способами. Был провозглашен лозунг „дела продолжаются попрежнему"... Но, по мере затягивания войны, стало ясно что необходимо перестроиться. Как и в других странах, правительство Ллойд-Джорджа вынуждено было стать на путь „государственного капитализма"; к 1917 г. в Англии была введена продовольственная регламентация: население было посажено на хлебные, мясные, сахарные и другие пайки. Кроме того, правительство пыталось регламентировать производство и импорт. В то время как по отношению к рабочим прибегали к самым драконовым мероприятиям, лишению рабочих завоеванных ими прав, массовой отправке наиболее революционных элементов в окопы, судебным репрессиям, — аппетиты предпринимателей не только не ограничивались, а удовлетворялись максимально. Закон о налоге на военную прибыль, проведенный правительством для удовлетворения „общественного мнения", был мало чувствителен для буржуазии, которая его великолепно обходила, при благосклонном содействии властей. Главной опорой правительства, негласным его руководителем и вдохновителем стала Федерация британской промышленности.

Федерация британской промышленности

ФБП возникла в 1916 г. — как результат всего предшествующего развития английского капитализма. Основные задачи ФБП состояли в разработке программы общефинансовой и промышленной политики правительства в интересах финансового капитала. Возникшая перед войной парламентская ассоциация предпринимателей, во главе с президентом сэром Чарльз Макара — председателем Федерации текстильных фабрикантов — подняла в 1915 г. кампанию за создание центрального союза, главной целью и задачами которого должно быть „нахождение средств для установления более тесной связи между работой правительства и правильно понятыми нуждами промышленности". Парламентская ассоциация предпринимателей включила в себя изрядное количество представителей текстильной промышленности. Таким образом „текстильный" капитал, бывший в значительной мере экономической базой либерализма, решительно рвал со своими старыми политическими идеалами. Предприниматели тяжелой металлургической промышленности также мечтали о создании союза по контролю над всей политикой правительства. В результате обе группы — металл и текстиль — стали инициаторами Федерации британской промышленности, организационно оформившейся осенью 1916 г. Смычка „текстиля и металла" сказалась на правительстве либералов немедленно и вызвала те изменения в соотношении сил, которые привели к созданию „военного кабинета" Ллойд-Джорджа. ФБП немедленно поглотила и

растворила в себе парламентскую ассоциацию предпринимателей. В первый же год своего существования ФБП объединила в себе 53 индивидуальных предприятия, объединенных компаний и контролируемых предприятий, а в 1917 г. — 567, не считая косвенно состоящих предприятий, через объединения и предпринимательские союзы, входящие или контролируемые ФБП.

К концу войны ФБП представляла 18 тыс. фирм с общим капиталом в 5 млрд. фунтов.

Она объединила 425 компаний предприятий по машиностроению, 132 по судо-кораблестроению, сталелитейных заводов и примыкающих к ним отраслей промышленности — 508 предприятий; 310 — текстильных, 127 — химических, 139 — резиновых, азбестовых, кожевенных и т. п.; 27 — банковских и страхового дела.

Федерация скупила акции „Акционерной компании по организации промышленности рекламы" в целях пропаганды идей и программы Федерации. Она ставила себе прямые политические задачи, являлась федерацией капиталистов, будучи не только объединением промышленных предприятий, имеющих общие интересы, но, что самое главное, союзом капиталистов, лично и кровно непосредственно заинтересованных в проведении политики, обеспечивающей их экономические интересы.

Федерация вела энергичную кампанию против „чрезмерного налогового обложения промышленности", и в особенности за отмену налога на чрезвычайную прибыль и особые доходы акционерных компаний.

Она направляла всю политику правительства по отношению к рабочим. И когда, как мы увидим из дальнейшего, в 1916 г. разразились, вопреки установленному „гражданскому миру", острые схватки шахтеров с угольными баронами, ФБП категорически выступила против идеи „рабочего контроля" и участия рабочих в прибылях. Правительство Ллойд-Джорджа послушно выполняло волю ФБП.

Комиссия Уитли (о ней ниже), образованная правительством для якобы беспристрастного обследования состояния промышленности, лицемерно высказалась за „рабочий контроль", предложив образование на предприятиях смешанных советов из предпринимателей и рабочих. Ллойд-Джордж принял эти предложения комиссии, которые сводились к закреплению „классового сотрудничества" и гражданского мира. Смешанным советам из предпринимателей и рабочих были предоставлены только совещательные функции. По инициативе ФБП в декабре 1916 г. был организован Британский союз предпринимателей и рабочих. Виднейшие члены ФБП были введены в этот союз, развивший бешеную агитацию за организацию смешанных корпоративных союзов, предтеч фашистских, имевших целью заменить прежние трэд-юнионы и свести на-нет классовую борьбу между предпринимателями и рабочими.

Не менее энергично восстала ФБП против так называемого „Образовательного билля 1918 г.", в особенности против параграфа о предоставлении всем подросткам до 18 лет возможности обязательного посещения школы и выделения для этого определенного количества человек. Под предлогом борьбы за экономию государственных расходов ФБП и здесь одержала победу. Школы не были открыты повсеместно, и правительство удовлетворило основные требования Федерации. Молодые рабочие могли эксплоатироваться предпринимателями так, как последним этого хотелось.

IV. РАБОЧЕЕ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В АНГЛИИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Рабочее движение во время войны

Предвоенный кризис британского империализма показывал, что начинает суживаться социальная база оппортунизма в английском рабочем движении. Стачки 1910—1913 гг., о которых мы говорили выше, показывали, что пролетариат переходил от обороны к наступлению и все более и более решительно склонялся к „прямому действию". Война не остановила полностью забастовочного движения. Война произвела некоторые структурные изменения в составе пролетариата. Колоссально вырос женский пролетариат. В 1915—1916 гг. количество женщин-работниц, занятых в промышленности, увеличилось до 500 тыс. Только в одной металлургической промышленности было занято 240 тыс. женщин. Их заработная плата была крайне низка и они были наименее организованы. Будучи „новыми рекрутами", они на первых порах были и наиболее „благонадежными". Снижение жизненного уровня английского населения, начавшееся еще задолго до войны, во время войны пошло более ускоренным темпом, снизившись на 40% довоенного уровня. Несмотря на увеличение роста населения, шло падение ввоза продовольствия (хлебов) в Англию при одновременном сокращении собственного производства хлебом, что является наиболее ярким выражением резкого падения потребления рабочими массами Англии за время войны и в послевоенный период. Индекс реальной заработной платы с первого же года упал на 9,3% в сравнении с 1913 г.

Годы	Индекс номинальной заработной платы, %	Процент безработицы	Индекс действительного дохода	Розничный индекс цен на пшеницу	Индекс действительного дохода
1914	107,0	3,3	106,1	116,8	90,7
1915	115,0	1,1	116,5	154,1	82,1
1916	125,7	0,4	128,3	188,0	69,9
1917	147,1	0,7	149,7	238,3	62,0
1918	189,9	0,8	193,0	245,3	78,2

Эта табличка весьма ярко рисует чудовищное обнищание английского пролетария, реальная заработная плата которого за время войны упала на 40% ниже довоенного уровня, а цены на пшеницу возросли на 145% довоенных цен: с 116,8% в 1914 г. до 245,3% в 1918 г.— к моменту перемирия.

Нижеследующая табличка красноречиво говорит о мощном росте рабочего движения в Англии во время войны (см. на след. стр.).

Стачечная волна свидетельствовала о том, что никакого гражданского мира — вопреки всем стараниям правительства и трэд-юнионистских оппортунистических вождей — не было и быть не могло.

Вожди отменили созыв конгресса трэд-юнионов в сентябре 1914 г., призвав рабочих итти в армию. 24 августа 1914 г., вместе с Рабочей партией, Независимой рабочей партией, с Парламентским комитетом рабочих делегатов вожди трэд-юнионов выпустили манифест об установлении социального гражданского мира.

Стачки 1913—1918 гг.

Годы	Количество забастовок	Число рабочих	Число потерянных рабочих дней
1913	1 459	664 000	9 804 000
1914	972	4 311 122	10 760 000
1915	672	449 000	2 920 000
1916	532	276 000	2 475 000
1917	730	871 000	5 732 000
1918	1 165	1 116 000	5 875 000

В 1915 г. трэд-юнионы, как выше было указано, вместе с РП и НРП делегировали своих представителей в коалиционное правительство Асквита и этим самым официально впряглись в колесницу империализма. По инициативе Ллойд-Джорджа 17—19 марта 1915 г., и под его руководством, проводится конференция всех рабочих организаций „военной промышленности". Все представители трэд-юнионов подписали соглашение о социальном мире и третейских судах, отказавшись на время войны от регламентации труда. Это предательство вождей трэд-юнионов облегчило правительству проведение в июне 1915 г. закона о милитаризации труда и о прикреплении рабочих к фабрикам и заводам. Вожди трэд-юнионов скрыли от рабочих, что они дали на это свое согласие и без дискуссии помогли правительству быстро провести закон.

Означенная конференция трэд-юнионистских лидеров, под руководством Ллойд-Джорджа, вынесла следующую резолюцию: 1) В течение войны не должно иметь места прекращение работы по военному снаряжению или любой иной работы, необходимой для успешного завершения войны. Все разногласия относительно оплаты труда или условий работы, связанной с войной, должны быть улаживаемы в соответствии с пунктом вторым без прекращения работы.

2) В зависимости от существующих соглашений или действующих способов улаживания все разногласия чисто личного характера или местного, если их не удастся уладить путем взаимного соглашения, должны быть темой обсуждения для депутации, направленной к фирме и представляющей заинтересованных рабочих. Разногласия общего характера, имеющие отношение к заработной плате и условиям найма в связи с войной, должны обсуждаться на совещании сторон. В случае невозможности достичь соглашения между непосредственно заинтересованными сторонами, или их представителями, спорный вопрос должен получить разрешение одним из нижеуказанных способов по взаимному соглашению или, в случае отсутствия последнего, по предписанию министерства торговли: а) обращением к комитету по производству; б) обращением к третейскому суду с равным представительством рабочих и предпринимателей.

3) Совещательный комитет из представителей от организованных рабочих, занятых в производствах, обслуживающих государственные потребности, назначается правительством для облегчения проведения в жизнь данных положений и для дачи советов правительству или заинтересованным рабочим.

4) Представители рабочих на данной конференции придерживаются взгляда, что смягчение нынешней союзной тактики и политики императивно диктуется на период войны и что каждому союзу необходимо указать на желательность обсуждения вопроса, какие изменения в условиях труда или профессиональных обычаях могут оказаться необходимыми для ускорения производства военного снабжения.

5) Все разногласия с нашими рабочими, занятыми на правительственных работах, раз эти разногласия возникают на почве введенных таким порядком перемен или по отношению к заработной плате, или к условиям найма, вытекающим из условий военного времени, должны ликвидироваться без прекращения работ процедурой, предусмотренной в пункте 2. Всеми должно быть отчетливо осознано,

что ничто в данном обязательстве не должно отразиться на положении предпринимателей или рабочих после войны".

Этой резолюцией рабочий класс переводился на положение крепостного рабочего. Вожди — социал-империалисты открыто призывали к „смягчению нынешней союзной тактики и политики" в интересах военной победы британского империализма. Подобное предательство деморализовало и дезорганизовало пролетариат Англии.

Комитеты фабрично-заводских старост

В организации правительством военно-государственного капитализма и создании смешанных советов из предпринимателей и рабочих трэд-юнионистские „вожди" видели начало организации „хозяйственной демократии". Рабочий класс ответил в 1915 г. революционными стачками против этой политики вождей. 1915 г. в истории рабочего движения Англии является началом перелома. В этом году в Шотландии, где рабочий класс отличается наибольшей революционностью, вспыхнула забастовка в машиностроительной промышленности в Глазго и в угольной промышленности на Клайде против снижения зарплаты и военного режима на заводах. Стачки эти стали исходным пунктом нового движения, быстро охватившего вскоре не только Шотландию, но и Англию, возникновения движения, известного под именем комитетов фабрично-заводских старост.

Институт выборных фабрично-заводских старост существовал в ряде производств и до войны, но их функции ограничивались наблюдением за поступлением членских взносов, защитой интересов своего цеха и вербовкой в трэд-юнион неорганизованных рабочих. Измена трэд-юнионистских вождей способствовала усилению роли старост. Во время стачки в Клайде, в январе 1915 г., именно старосты стали во главе движения, так как „законные" профсоюзные инстанции уклонились от руководства стачкой. И после окончания стачки образованный на Клайде старостами Рабочий комитет продолжал свои функции, став постоянной организацией, объединяющей выборных отдельных цехов и предприятий. Вскоре такие же комитеты возникли и в других городах: сначала в Шотландии (Эдинбург, Гринон, Эбердин и др.), а потом и в Англии. Представители всех шотландских рабочих комитетов или „комитетов заводских старост" (шоп-стюард) образовали общешотландский комитет в Глазго. А с 1917 г. движение переросло рамки Шотландии, и многолюдной конференцией в Манчестере (август 1917 г.) был уже избран Национальный комитет, объединивший движение „шоп-стюард" всей Англии.

С первых же шагов своей деятельности это движение стало перерастать узко-экономические рамки. Уже Клайдский комитет в меморандуме, поданном Ллойд-Джорджу во время его поездки в Глазго в связи с собранием на Клайде, выдвинул не только требование увеличения зарплаты, но и лозунг рабочего контроля над промышленностью. А Национальный комитет в 1917 г. выдвинул программу „борьбы за социальную революцию и овладение средствами производства, контроль над производством и организацию рабочих на чисто классовых основах для борьбы до полной победы".

Движение „шоп-стюард" руководилось членами Шотландской социалистической рабочей партии, а затем было связано и с Британской социалистической партией. Оно стало впоследствии исходным пунктом „движения меньшинства" и сыграло немаловажную роль во время бурных стачек 1917—1920 гг.; на это движение опирались в своей работе „комитеты действия"

в 1920—1921 гг. Но ему не хватало четкой политической программы: оно ставило себе революционные задачи, но руководство велось синдикалистским лозунгом „прямого действия", отрицало парламентскую борьбу, впадало в „лево-сектантский" уклон. Тем не менее оно создавало серьезную угрозу узко-цеховой ограниченности трэд-юнионов, на которую опирались социал-империалисты из Рабочей и Независимой рабочей партий. Соглашатели, увидя, что движение начинает приобретать серьезный размах, пытаются возглавить его, выдвигая, как мы увидим из дальнейшего, весьма радикальные лозунги с тем, чтобы под прикрытием их ввести движение в рамки трэд-юнионистских союзов, сделав „шоп-стюарды" подсобными органами последних.

Затянувшаяся война настолько революционизировала рабочий класс, настолько углубила противоречия в стране, а влияние революции в России оказывало столь сильное действие на рабочих, что сразу взять в свои руки движение фабрично-заводских старост оппортунистам не удалось. Первыми серьезными подземными толчками, окончательно нарушившими, казалось, наладившийся „гражданский мир", были разразившаяся вторично в 1916 г. стачка углекопов в Шотландии на Клайде, сделавшаяся в этой местности всеобщею и вызвавшая цепь ответных стачек в других местах, и восстание в Ирландии в том же году.

Стачка на Клайде

Как и в 1915 г., стачечники требовали рабочего контроля над производством и увеличения заработной платы вместо $8^1/_2$ пенсов до $10^1/_2$ пенсов за час. Однако важнейшим требованием стачечников была национализация шахт. Начавшись как местная экономическая стачка, она быстро приняла широкий размах. Забастовавшие были полны решимости. Их обращение за помощью встретило горячий отклик в других округах. „Гражданский мир" безнадежно разрушался— за экономическими требованиями стачечников явственно прощупывался *политический* протест углекопов против системы в целом. Лозунг „рабочего контроля" носился в воздухе. Стачкой руководили революционные элементы из Шотландской социалистической рабочей партии и профсоюзов — Маклин и др. Трэд-юнионистские вожди, прокламировавшие гражданский мир, хорошо понимали, что стачка на Клайде есть *политическая* стачка, в условиях войны, против гражданского мира в промышленности. Они великолепно понимали, что стачка на Клайде может перерасти во всеобщую национальную забастовку и стать поворотным этапом углубления и нарастания непосредственной революционной ситуации в Англии. Поэтому они вместе с предпринимателями приняли все меры к ликвидации классовых авангардных боев на Клайде. Был предложен компромисс — увеличить заработную плату на $^3/_4$ пенса за час. Голосованием стачечников — 8927 голосами против 827 — было решено стачку продолжать. Как раз в этот год от Рабочей партии и Парламентского комитета трэд-юнионов в правительство Ллойд-Джорджа вошло пять „рабочих" министров, руками которых правительство пыталось приручить рабочий класс Англии и навсегда лишить его самостоятельности. Стачка на Клайде делала положение „рабочих" министров крайне двусмысленным. Стачка на Клайде демонстрировала волю пролетариата к классовой борьбе против гражданского мира с собственной отечественной буржуазией. Прав был Шадвель, лакей буржуазии, писавший в „Найнтинс Сенчюри": „Я утверждаю, что вера в так называемый гражданский мир оказалась совершеннейшей иллюзией. Классовый антагонизм

не только не смягчался во время войны, а наоборот, обострился, и отношения между трудом и капиталом сделались хуже, чем когда бы то ни было. Страна находится на краю вулкана классовой вражды. Если взрыв не последует до окончания войны, то он несомненно произойдет после него. И только чудо может влить дух примирения в сердца, полные классовой ненависти".

Но „чудо" на Клайде все же случилось. Этим „чудом", временно остановившим извержение революционного вулкана, была спешно организованная Ллойд-Джорджем правительственная комиссия Уитли, составленная из представителей правительства, предпринимателей и рабочих. Известно, что Гендерсон, в качестве министра, дал согласие на арест революционных вожаков-руководителей на Клайде и высылки их с территории угольных районов. На конференцию трэд-юнионов в Манчестере в 1917 г. внезапно явился Керквуд, член глазговского рабочего комитета, высланный за забастовку на Клайде из Глазго, сообщивший о предательском поведении „рабочего" министра Гендерсона, содействовавшего аресту и высылке стачкома с Клайда. Конференция потребовала объяснения от Гендерсона. Гендерсону, при поддержке профсоюзной бюрократии, удалось избежать объяснений, добиться „суда" особого комитета, который расследовал бы его дело *в „течение ближайшего года"*. Конечно, „расследования" не состоялось. Сам Гендерсон был выброшен без всякой церемонии из правительства Ллойд-Джорджем за его согласие участвовать на Стокгольмской конференции социалистов.

Уитлизм

Стачечники на Клайде, как мы уже выше указывали, выдвигали требование национализации шахт. Комиссия Уитли, назначенная правительством в связи со стачкой на Клайде, внесла предложение о создании промышленных, районных и окружных советов из равного количества представителей предпринимателей и рабочих для улаживания конфликтов. Мыслилось создание общенациональной конфедерации из союзов предпринимателей и трэд-юнионов, как высшей кассационной инстанции. Перед комиссией Уитли работала комиссия Британской ассоциации поощрения наук (с участием Гозлинга — вождя трэд-юнионов). Комиссия ученых, в своем отчете защищая план создания промышленных советов, писала: „при такой системе рабочие получили бы все выгоды, которых добивается крайняя партия, вроде синдикалистской (фабзавкомы), а между тем мы избежали бы опасности и риска, которые принесла бы революционная политика". Комиссия Уитли (октябрь 1916 г.), в которую входил Клайнс и Смайль — от горняков, по существу согласилась с выводами комиссии ученых, защищая идею промышленных советов и фабрично-заводских совещательных комитетов из предпринимателей и рабочих. Этим создавалась видимость „рабочего контроля" над производством. Комиссия Уитли полагала, что „в интересах общества чрезвычайно существенно, чтобы сотрудничество классов, установившееся во время войны, продолжалось и после войны, в особенности отношения между предпринимателями и рабочими". Комиссия стремилась к укреплению „гражданского мира". Ненавистный закон о снаряжении 1915 г., установивший принудительный арбитраж, был отменен лишь в 1918 г. Буржуазия и оппортунистические лидеры трэд-юнионов развили агитацию за „промышленные советы" Уитли. Они явились громоотводом от надвигавшейся революционной бури, первый шквал которой пронесся в 1916 г. на Клайде.

Комиссия Уитли внесла ряд пожеланий: „1) изыскание способов наилучшего применения и использования знаний и труда рабочих. 2) Изыскание способов расширить участие рабочих в регламентации труда и увеличения их ответственности за выполнение установленных правил. 3) Установление новых принципов, определяющих условия труда, с учетом необходимости обеспечить рабочим определенную часть возрастающих доходов предприятий. 4) Установление единообразных методов разрешения споров между предпринимателями и рабочими и, главным образом, предотвращения конфликтов. 5) Разрешение вопросов, связанных с размерами заработной платы, порядком выплаты и т. д. и др.

Вот эти вопросы и должны были решать промышленные советы предпринимателей и рабочих. Федерация британской промышленности в декабре 1916 г. организует альянс предпринимателей и рабочих в целях „установления тесных и дружественных отношений между трудом и капиталом". „Советы Уитли" главным образом были созданы в типографском деле, гончарном производстве и электропромышленности, но в решающих отраслях промышленности не привились и, в первую голову, в самой угольной промышленности и на транспорте. За время своего существования (1916—1921) промышленных советов Уитли было 74. В помощь к ним в 1919 г. был издан закон об учреждении промышленных судов. И все же уитилизм потерпел крах. Никакого „рабочего контроля", конечно, по плану Уитли рабочие не получили. Правительство приняло некоторые пункты плана, как-то: социальную надбавку к зарплате шахтерам за счет военной прибыли. Буржуазия, использовав „уитлизм" для ликвидации стачки 1916 г. на Клайде, быстро сдала его в архив. Крупнейшие отрасли промышленности— горнозаводская, машиностроительная, судостроительная, железоделательная, текстильная и стальная — совсем отказались признать план Уитли — как призрак, напоминающий угрозу национализации. В строительной промышленности уитлизм также кончился ничем. Предприниматели покинули совет. За план Уитли держались одни реформисты из трэд-юнионов, боявшиеся призрака гражданской войны, который несла с собой, в случае углубления, стачка на Клайде. Уитлизм обанкротился и его великолепные планы классового сотрудничества рухнули, как и все планы „гражданского мира". *Братание* английских и немецких солдат с 1915 г. на французском фронте, вызвавшее специальное запрещение братаний — военным приказом, восстание в Индии и восстание 1916 г. в Ирландии, в Дублине были яркими молниями, свидетельствовавшими о надвигавшейся революционной грозе, первые раскаты которой прогремели в шахтах на Клайде и в Глазгоу — осенью 1916 г.

Ирландское восстание Ленин о восстании

Восстание подготовлялось и протекало следующим образом. Несмотря на заигрывания английского правительства с Ирландией, обещание гомруля и торжественное провозглашение „национального мира", недовольство среди ирландских трудящихся, среди крестьянства и рабочих английским владычеством все усиливалось. В противовес умеренно-буржуазным ирландским кругам, представленным Редмондом и Гриффитсом, более революционные элементы из рабочей и „шинфейнеровской" (республикански-террористической) среды образовали корпус „ирландских волонтеров" и „гражданской гвардии", составленных из революционно-интеллигентской молодежи, которые выступали против вербовочной кампании Редмонда на защиту Англии. Правительство ответило на это движение свирепыми репрессиями. Одновременно Ллойд-Джордж, вводом в правительство вождя ульстерцев Карсона и отка-

зом дать пост статс-секретаря по делам Ирландии Редмонду, окончательно дискредитировал в глазах широких масс позицию умеренно-буржуазной соглашательской ирландской оппозиции.

Связавшись с американскими ирландцами, которые стали присылать средства на организацию восстания, и с немцами (через Роджера Кезмента), руководители подготовлявшегося восстания—во главе с Конноли, талантливым писателем из рабочей среды, смелым революционером, и Д. Ларкиным решились выступить.

В ночь на 24 апреля 1916 г. (пасхальный понедельник) восставшие захватили в Дублине, столице Ирландии, главные здания и стратегические пункты и провозгласили временное правительство. Лишь через пять дней английское правительство смогло собрать достаточно сил, чтобы расправиться с восстанием. Зато расправа была зверская. Тяжелая артиллерия громила Дублин беспощадно, улицы обстреливались перекрестным огнем, ловили и расстреливали кого попало. Шестнадцать человек, в том числе и Конноли, было расстреляно без всякого суда. Конноли был расстрелян в лежачем положении на носилках, так как он к моменту захвата его англичанами был тяжело ранен. Свыше 500 чел. были приговорены к тяжелому тюремному заключению и ссылкам на разные сроки. А через некоторое время был повешен Кезмент, который прибыл за два дня до восстания на германской подводной лодке, чтобы отговорить своих друзей от восстания, в виду безнадежности какой-либо помощи со стороны немцев.

Ирландское восстание объявлялось т. Радеком „путчем", на том основании, что ирландское крестьянство якобы было успокоено земельными реформами. Ленин совершенно иначе подошел к восстанию весной 1916 г. в Дублине. Оценку Карлом Радеком ирландского восстания как „путча" Ленин заклеймил как „чудовищную по своему доктринерству и педантству оценку, совпавшую с оценкой русского национал-либерала, кадета г. А. Кулишера". (*Ленин.* Соч., т. XIX, стр. 268.) Радековская оценка дублинского восстания исходила из теории „чистой" социальной революции, неприемлющей ленинскую теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. На уроках поражения ирландского дублинского восстания 1916 г. Ленин, в своей статье в октябре 1916 г. — „Итоги дискуссии о самоопределении" — развил стратегический план социалистической революции в Европе. Радек не понял, что дублинское восстание не путч, не „восстание кружка заговорщиков, никаких симпатий в массах не вызывавшее" *(Ленин).* Дублинское восстание против владычества Англии было блоком рабочих и городской мелкой буржуазии в лице республиканцев и шинфейнеров. Подготовке восстания предшествовала длительная кампания массовой агитации, демонстрации, усиленное пополнение отрядов волонтеров. Но накануне восстания лидер волонтеров-шинфейнеров, связанных с крупной буржуазией, позорно дезертировал, уводя за собой все правое крыло. Руководителями восстания стали рабочие, в союзе с республиканцами, во главе с социалистами — Джемсом Конноли и Джоном Ларкин. Слабым пунктом восстания было отсутствие чисто *пролетарских лозунгов* восстания. Дж. Ларкин (младший) и Мэррей правильно отмечают: „Главная ошибка восстания заключалась в том, что вожди восстания даже не попытались связать провозглашение политической независимости Ирландии с классовыми требованиями пролетариата и крестьянства. В тече-

ние первых шести дней восстания Конноли не выступил с ясным заявлением относительно той позиции, которую занимает рабочий класс".

Прокламация, выпущенная после захвата Дублина повстанцами и провозглашения ими Ирландской республики, подписанная семью вождями восстания, в том числе Конноли, объявляла о „внеклассовом" характере ирландского республиканского государства. Поскольку социальные требования пролетариата не были выдвинуты социалистическими вождями восстания, то пролетариат в массе оказался пассивен, и восстание протекало в стычках между инсургентами и английскими войсками.

Английские рабочие, вследствие предательства своих вождей, не выступили с энергичной поддержкой ирландского восстания. Гендерсон дал свое согласие на расстрел вождя восстания, социалиста Джемса Конноли, автора знаменитой и популярной песни о „Красном флаге". После поражения восстания влияние рабочих в республиканской армии и волонтерских отрядах упало, зато укрепилось правое крыло шинфейнеров, стоявшее на позициях нейтралитета.

Гриффитс и его группа противников восстания и сторонников соглашения с английскими либералами вскоре возглавила республиканцев и шинфейнеров. Ирландское восстание потерпело поражение, ибо не было партии пролетариата, которая смогла бы руководить массовой борьбой и довести ее до победоносной социалистической революции. Но все же оно сыграло огромную роль в углублении рабочего революционного движения в Ирландии. После дублинского восстания Ирландия вступила в полосу длительной партизанской гражданской и национально-освободительной войны. Англия пыталась ввести конскрипцию (обязательную воинскую повинность) в Ирландии, но рабочие ответили всеобщей стачкой весной 1918 г. По всей Ирландии за исключением Ульстера (Бельфаст) 1 мая 1918 г. прокатились мощные демонстрации „боевой солидарности" против режима оккупации. Вожди ирландских трэд-юнионов, находясь под влиянием английских трэд-юнионов, отошли от борьбы за национальное освобождение. Дж. Ларкин и Мэррей пишут про ирландские трэд-юнионы, что они „оставили руководство национально-освободительным движением в руках буржуазных и мелкобуржуазных партий. Рабочие сражались, а руководящая роль оставалась в руках представителей буржуазии".

Ирландское восстание вскрыло слабую сторону революционных социалистов в Англии. Они не занимались национальным и крестьянским вопросом. Они не поняли и всего своеобразия ирландского восстания 1916 г. и его значения для победы социализма в Англии. Между тем, значение ирландского восстания не только для английского рабочего движения, но и для развития международной революции было весьма велико.

Вот почему Ленин отнесся с таким огромным вниманием к ирландскому восстанию. Возражая против польских тезисов люксембургианцев по национальному вопросу, в которых выходило, что „для обострения революционного кризиса в Европе" необходимо использовать борьбу молодой колониальной буржуазии, Ленин особо подчеркнул неправильность и непозволительность противополагать Европу колониям в отношении обострения революционного кризиса в ней. На опыте Ирландии Ленин указывал, что „борьба угнетенных наций *в Европе*, способная доходить до восстаний и уличных сражений, до нарушения железной дисциплины войска и осадного положения, эта борьба неизмеримо сильнее „обострит революционный кри-

зис в Европе, чем гораздо более развившееся восстание в отдаленной колонии. Удар одинаковой силы, нанесенный власти английской империалистской буржуазии восстанием в Ирландии, имеет во сто раз большее политическое значение, чем в Азии или в Африке". (*Ленин.* Соч., т. XIX, стр. 270.)

Дальнейшая история рабочего движения в Англии представляет собой непрерывное нарастание революционных боев с капитализмом в Англии, особенно усилившееся в связи с победой революции в России.

V. АНГЛИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ

Февральская революция и английский капитализм

27 февраля (14 марта) 1917 г. рухнула империя Романовых. На фронте началось братание. Гнилость царизма, германофильство и измена в самом дворе и правительстве (Александра, Распутин, Сухомлинов) еще задолго до Февральской революции крайне тревожили британское правительство, внушая ему опасения насчет возможности сепаратного мира царской России с Германией (1916). Через посла Бьюкенена Англия вместе с Францией (посол Палеолог) становится вдохновительницей организации „дворцового переворота" с целью устранения германофильской партии — императрицы Александры и Григория Распутина. Бьюкенен не постеснялся перед революцией превратить свой салон в штаб дворцовых заговорщиков и добился аудиенции у Николая, пытаясь выклянчить у него отставку правительства, склонного к сепаратному миру с Германией, и предупреждая царя „от коварного врага, находящегося внутри вашего дома". Чувствуя приближение революционной бури, Бьюкенен по директиве британского правительства поддерживает „дворцовых переворотчиков", мечтавших сменой монарха и дарованием конституции спасти династию и власть помещиков.

Газета „Нью Хроникл" от 22 июня 1933 г., сообщила следующие любопытные подробности участия английских агентов в убийстве Распутина: „Министр по делам Индии сэр Самуэль Хор был у царя на подозрении в том, что он ответственен за убийство Распутина. Это удивительное разоблачение было сделано самим сэром Самуэлем Хором на обеде, устроенном в честь индийской полиции в Лондоне. Он заявил: „Насколько я знаю, я единственный министр, которого когда-либо обвиняли в политическом убийстве. В течение 13 месяцев во время войны я стоял во главе нашей разведывательной и секретной службы в России и могу похвастать, что моя секретная служба работала так успешно, что я знал об убийстве Распутина раньше всех, за исключением самих участников убийства. Это произвело такое большое впечатление на царя и его министров, что британскому послу пришлось сделать визит в Царское Село с целью заверить императора в том, что ни я, ни мои сотрудники не являются убийцами".

В самый день революции — 14 марта — начальник английской военной миссии генерал Генри Вильямс, в письме к Николаю, еще раз пытается убедить Николая дать конституцию, мотивируя необходимость ее тем, что „во время всех волнений, которые я видел в разных государствах, всегда лучшим средством было иметь „отдушину". Это подобно нарыву на теле, который надо взрезать, чтобы дать выход яду". Такой „отдушиной" для народа Вильямс считал „свободу слова в парламенте или Думе". Люди, которые готовили дворцовый переворот, и даже цареубийство, вовсе не хотели предоставить революционному народу по-плебейски расправиться со своим „возлюбленным самодержцем".

Но рабочий класс разрушил тонкую игру Палеолога и Бьюкенена. Февральская революция была все же неожиданностью для союзников. Бьюкенен был вынужден признать в своих мемуарах, что „народное восстание, выли-

шееся в мартовскую революцию, к несчастью, опередило" — и разрушило все планы Бьюкенена и Палеолога о дворцовом перевороте. Февральская революция безусловно внесла серьезное замешательство в среду союзных правительств.

Английское правительство приняло меры, чтобы генерал Алексеев взял на себя охрану царя, и подготовляло отправку его с семьей в Англию через Мурманск. Керенский сообщает по поводу отправки царя в Англию, что „Временное правительство вело соответствующие переговоры с лондонским кабинетом". Но... внутреннее состояние Англии, отношение английских пролетариев к царизму вынудили английское правительство отказать в „гостеприимстве" и „убежище" двоюродному брату английского короля — бывшему русскому царю. Союзники были озабочены организацией нового наступления. Это было время, когда Англия послала в апреле специальную миссию в САСШ во главе с лордом Бальфуром в целях вовлечения САСШ в войну на стороне Антанты против Германии. Ясно, что на фоне внутренних и внешних политических отношений приезд царя в Англию мог осложнить дело блока „великих" европейских „демократий" с „великой" „заатлантической демократией" и поставить коалиционное министерство под удар. Лейбористам и независимцам пришлось бы открыто требовать изгнания царя из Англии под давлением пролетариата. И судьба Николая была решена. Союзники решили отказаться от него, как „от сброшенной карты". Керенский сообщает, что „уже летом... мы, Временное правительство, получили категорическое официальное заявление о том, что до окончания войны въезд бывшего монарха и его семьи в пределы Британской империи невозможен".

Вместо спасения царя и его семьи Англия, играя на бурных симпатиях английского народа к Февральской революции в России, решила поддержать и признать Временное правительство. Правительство Милюкова, Гучкова, Терещенко и Керенского было признано союзниками, с условием, что оно декларирует войну „до победного конца" и не заключит сепаратного мира. 19 марта правительство капиталистов и помещиков выпустило знаменитое „воззвание" Милюкова Дарданельского к „гражданам" — о „войне до победного конца" и о „неуклонном выполнении заключенных с союзниками соглашений". Союзники „успокоились". 24 марта Временное правительство было уже признано всеми союзниками. В этот же день, когда в Петрограде шла церемония признания и Милюков распинался перед Бьюкененом в верности российской буржуазии британскому империализму, английская палата общин — по предложению лидера консерваторов Бонар Лоу — приняла резолюцию приветствия русской демократии, с напоминанием о том, что „совершившийся переворот приведет не только к быстрому и счастливому прогрессу нации, но и к продолжению с обновленной энергией войны против цитадели самодержавия и милитаризма, являющихся угрозой для свободы Европы". До 1917 г. Англия не гнушалась воевать против „цитадели самодержавия" Германии — бок-о-бок с оплотом реакции — совместно с русским царизмом. Теперь она спешит использовать „революционное оборончество" в тех же целях. Курс русского рубля немедленно поднялся на английском рынке. Но увы! деятельность совета рабочих депутатов не давала покоя союзникам и, в первую голову, английскому правительству. Революция разъедала русский фронт. Рабочие и крестьяне революционной России отказывались проливать кровь во имя прибылей российских и антантовских капиталистов.

Вожди „Рабочей партии" едут в Россию уговаривать рабочих воевать „до победного конца".

И вот начинается паломничество союзнических социалистов с целью уговорить рабочих России продолжать войну. Вслед за шведским социал-демократом Яльмаром Брантингом едет Вандервельде. За ним делегация парламентских депутатов-социалистов — французская и английская. От англичан — лейбористы: О'Греди, Сандерс и Вильям Торн. Все эти делегации, прежде чем итти к русским рабочим, побывали в своих посольствах и там, договорившись обо всем, пошли „уговаривать" советы рабочих депутатов на продолжение войны „до победного конца".

По заданию правительства ездил в Россию после Февральской революции также и Гендерсон. Он имел в кармане назначение себя послом Англии, взамен Бьюкенена, если он найдет это подходящим. Но петроградский воздух носился уже тогда большевизм, и Гендерсон предпочел вернуться в Лондон.

Английское правительство берет курс на поддержку Керенского. Керенский организует „июльское наступление", кончившееся поражением русской „революционной" армии. Зато Англия была довольна этой „операцией" военного министра и „главнокомандующего" Керенского. Немцам пришлось снять лучшие дивизии Западного фронта и перебросить на Восточный фронт. В июне было 75 немецких дивизий на русском фронте; в августе немцы удвоили это количество. Около 30% всех германских и 47% австрийских пехотных дивизий были стянуты на Восток для приостановления русского наступления и контрнаступления. Англия и Франция использовали эту „передышку" на Западном фронте. САСШ как раз объявили войну Германии.

Несмотря на провал русского наступления в июле 1917 г., Англия и ее союзники достигли двух целей. Во-первых, немцы оголили Западный фронт и, во-вторых — и это самое главное — на Восточном фронте было покончено с „братанием" и „состоянием перемирия". Россия вновь воевала, хотя и не под царским штандартом, а под знаменами „революционного" социал-оборончества. Самый факт Февральской революции сыграл не последнюю роль в успехе чрезвычайной и особой миссии Бальфура в САСШ по вовлечению в войну. Угроза наступления „анархии" в России и захвата ее немцами оказалась одной из причин не только быстрого признания Временного правительства Америкой (21 марта), на три дня раньше союзников, но и — небывалая вещь — отпуска кредитов Временному правительству в течение нескольких месяцев на общую сумму 325 млн. долларов, из которых Временное правительство получило 188 млн. долларов. И эта же причина побудила Вильсона ускорить объявление войны Германии в союзе с Антантой.

Крах июльского наступления Керенского был исходным пунктом поворота английского правительства в отношении к правительству Керенского. Провал июльского наступления Керенского свидетельствовал о решительном повороте русской армии в сторону большевиков и за мир. „Русский фронт" перестал фактически играть серьезное стратегическое значение для союзников. Советы все более и более „большевизировались". Положение правительства Керенского резко пошатнулось, и английское правительство, заинтересованное в восстановлении военного значения „русского фронта", дает директиву своему послу Бьюкенену — ориентироваться на Корнилова. Бьюкенен снабжает Корнилова английскими броневиками с английской прислугой. Корниловский мятеж был ликвидирован пролетариатом вопреки и через голову Керенского. Ставка английских капиталистов на Корнилова была бита. Октябрьская революция окончательно покончила с обоими претендентами в Бонапарты и Кавеньяки — и с Корниловым и с Керенским, этими ма-

рионетками русской буржуазии и англо-французского империализма. Борьба с большевизмом, разлагавшим своим влиянием армии всех воюющих государств и вызвавшим подражание в части организации советов во все европейских странах, становится основной задачей империалистических стран — и Тройственного союза и Тройственного согласия.

Английский империализм берет курс на интервенцию

Когда стали очевидными гибель режима керенщины и победа пролетарской революции, английское правительство, после небольшого раздумья, берет курс на интервенцию. Англия решила поделить „сферы влияния" в России с Францией и Японией. 23 декабря 1917 г. Англия и Франция подписали соглашение о замаскированном разделе своей вчерашней „верной союзницы" — России, только что ставшей РСФСР.

Л. Фишер в своей книге „Советы в мировых делах" опубликовал текст этого соглашения, по которому:

„1. Действия, руководимые Францией, развиваются к северу от Черного моря (против врага). Действия, руководимые Англией, развиваются к юго-востоку от Черного моря (против турок).

2. Поскольку генерал Алексеев в Новочеркасске предложил программу организации армии для действия против врага, а Франция приняла эту программу и выделила кредит в размере 100 млн. для этой цели и предусмотрела организацию межсоюзнического контроля, выполнение этой программы должно быть продолжено до тех пор, пока будет заключено новое соглашение с согласия с Англией.

3. С этой оговоркой зоны влияния каждого правительства должны быть следующие: *английская зона*: *Казацкая территория, территория Кавказа, Армения, Грузия, Курдистан; Французская зона*: *Бессарабия, Украина, Крым*. Расходы должны быть сложены и регулированы объединенным межсоюзническим органом". Помимо этих „зон" раздела Советской России Англия получала в сферу своего влияния Прибалтику (лен) и Мурманский край и Архангельск, взамен чего Франция получала под свое „высокое покровительство" Польшу. Русская нефть, лес и лен отдавались англичанам, а уголь и железо и хлеб отдавались Франции, то есть как раз то, в чем обе стороны особенно нуждались. Японии отдавали весь Дальний Восток, Сибирь — вплоть до Урала. В стратегическом отношении такой раздел России также устраивал союзников. Доступ Германии в Азию и в Турцию закрывался навсегда. Англия получала новый материк — от Египта до Ростова на Дону, и Турция, Персия и Афганистан автоматически попадали бы в монопольную собственность Британии. Таковы были планы английского империализма в момент совершения величайшей в истории человечества Октябрьской революции Черчилль подтвердил в своем „Мировом кризисе" существование соглашения от 23 декабря 1917 г., впоследствии дополненное и расширенное новым соглашением весной 1919 г.

Рабочее движение в эпоху Февральской и Октябрьской революций

Февральская революция в России дала толчок к подъему стачечной волны в Англии. Майская большая стачка 1917 г. машиностроительных рабочих прошла под руководством „шоп-стюардского" комитета Шотландской социалистической рабочей партии. Стачки 1917 г. вынудили буржуазию временно прекратить снижение заработной платы. Октябрьская революция подняла эти стачки на еще более высокую ступень. Октябрьская революция произвела громадное впечатление в Англии и вызвала бурное нарастание мощной волны революционного движения. „Шоп-стюардские" комитеты ожили и развили энергичную кампанию за революционную стачечную борьбу. „Шоп-стюардские" комитеты повели борьбу за рабочий контроль, как минимальное требование, продолжая еще более энергично вести агитацию за национализацию всех средств и орудий производства — по примеру Советской России. Попрежнему цитаделью „шоп-стюардов" была Шотландия и Южный Уэльс, где во всех крупнейших цент-

рах были рабочие комитеты фабрично-заводских старост. Общешотландский рабочий комитет фабрично-заводских старост в Глазго по существу в ходе борьбы превращался в доподлинный „парламент рабочих", боровшийся с чрезвычайной мозаикой английского профсоюзного движения.

Дж. Колл в своем „Введении в трэд-юнионизм" явно снижает роль и значение движения „шоп-стюардов" в эпоху Октябрьской революции, пытаясь приписать собственный гильдейско-фабианский минимализм таким доподлинно-революционным первичным организациям, как фабрично-заводские старостаты. Он пишет: „Движение „шоп-стюардов" стремится к расширению контроля рабочих над производством, осуществляемого через их экономические организации, к усилению вмешательства трэд-юнионов во внутренние порядки фабрично-заводских предприятий и к тому, чтобы добиться для рядовой массы рабочих большей возможности воздействия на определение условий их рабочей жизни".

Историческое значение „шоп-стюардских" комитетов заключается в том, что они, под могучим влиянием Октябрьской революции, не ограничили себя „давлением" на трэд-юнионы, а стали на деле революционными организациями первичных ячеек советов рабочих депутатов, боровшихся за создание новых производственных революционных профсоюзов. „Шоп-стюарды", хотя и стояли на позициях революционного синдикализма, но развивались в сторону „советизма", как было принято тогда выражаться, т. е. в сторону коммунизма-большевизма. Лидерами „шоп-стюардов" были Мак Манус, Мак Лин, Гарри Поллит — все ставшие вождями Коммунистической партии Британии. Именно „шоп-стюарды" перевели классовую экономическую борьбу на высшую ступень — на рельсы политической революционной борьбы, неуклонно подчеркивая свою полную солидарность с Октябрьской революцией и большевизмом. Они развили кампанию за мир с немцами, немедленное признание Советской России и энергично боролись против начавшейся интервенции, организуя стачки докеров, моряков, транспортников и на военных заводах — против доставки военного снаряжения Колчаку, Юденичу, Деникину и английским экспедиционным войскам в России. „Шоп-стюарды" в 1917—1919 г. высоко держали знамя международной пролетарской солидарности, ибо они находились под руководством революционных элементов из Британской социалистической партии и Шотландской социалистической рабочей партии. Благодаря деятельности этих организаций буржуазии пришлось вскоре бить отбой и торопиться с заключением перемирия с немцами. Учитывая мощный подъем революционного движения, вызванного Октябрьской революцией и деятельностью „шоп-стюардов", „левые" независимцы из группы Ленсбери, стоявшие тогда во главе газеты „Дейли Геральд", были вынуждены выбросить лозунг борьбы за „рабочую хартию".

Рабочая хартия

„Дейли Геральд" опубликовал следующие пункты рабочей хартии, призывая рабочих бороться за их выполнение:

1. Конскрипция капиталов.

Фунт стерлингов в день — заработная плата рабочих.

2. Передача средств производства в руки государства — рабочий контроль.

3. Создание Промышленного совета. Уничтожение звания лордов и всех титулов.

4. Самоуправление армии и установление прожиточного минимума для солдат.

5. Содержание детям и другим членам семьи солдата.

6. Полные политические права для всех мужчин и женщин.

7. Свобода совести, слова и печати.

8. Организация рабочих против войны.

9. Провозглашение мира на основе: а) права всех народов решать свою собственную судьбу; б) отказа от аннексий и контрибуций, но при условии восстановления ущерба, причиненного друг другу государствами, принимавшими участие в войне; отказа от секретных договоров; в) всеобщего разоружения на основе международного договора".

„Левые" „независимцы" из группы Дж. Ленсбери играли в Англии приблизительно такую же роль, как „независимцы" из группы Ледебура в Германии. По существу оставаясь центристами, т. е. каутскианцами и социал-пацифистами, левые независимцы из группы Дж. Ленсбери хотели при помощи хлесткой левой фразеологии и демагогии преподнести революционному пролетариату свою эклектическую вермишель в форме „рабочей хартии". В самом деле — в рабочей хартии нет ни звука о диктатуре пролетариата и советской власти. Нет ни слова о борьбе против интервенции, за Советскую Россию. Рабочая хартия Ленсбери даже не требует объявления Англии республикой. Выставляя требование конскрипции капиталов, группа Ленсбери не объясняет — в руки *какого государства* они собираются передать конскрипцированные капиталы. С другой стороны, конскрипция еще не есть *экспроприация* капиталов. Требование зарплаты — по одному фунту в день — для государства, которому уже передаются все средства производства и капиталы, — является уже совсем странным.

Не менее противоречиво звучит требование левых независимцев о рабочем контроле, когда все средства производства уже переданы государству (предполагается — рабочему государству). Возрождение уитлизма и зачатки мондизма, перемешанные с гильдейским социализмом, у левых независимцев проявились в требовании в рабочей хартии создания „промышленных советов". Таковы основные пункты хартии, осуществление которой привело бы Англию к „социальной демократии" без социальной революции пролетариата. Остальные пункты показывают социал-оппортунистическое лицо Ленсбери и К°: требование всех политических прав и свобод в отношении к буржуазно-демократическому государству хартия предъявляет к *рабочему* государству. Таким образом Ленсбери и К° обнаруживают свое непонимание классовой природы пролетарской демократии и пролетарского государства и их принципиального отличия от буржуазной демократии и государства.

Под левой фразеологией левые независимцы преподносили в рабочей хартии слащавую, позолоченную пропаганду парламентской демократии. В отношении войны и мира рабочая хартии Ленсбери вскрыла весь мелкобуржуазный, подсахаренный английский пацифизм, который так много, едко и беспощадно бичевал Ленин. Предъявлять требования к империализму о самоуправлении армии, о праве народов решать свою собственную судьбу; требовать мира без аннексий и контрибуций; требовать всеобщего разоружения и отказа от секретных договоров, не указывая, что эти требования может осуществить только победоносная пролетарская революция, свергающая и уничтожающая господство империализма, — значит сеять вреднейшие иллюзии демократического пацифизма и, вместо мобилизации масс на свержение господства буржуазии, прививать им веру в возможность мирных путей осуществления рабочей партии в рамках и внутри империалистического государства. Рабочая хартия „Дейли Геральд" была тончайшим обманом рабочих масс, использованием их революционных симпатий к Октябрь-

ской революции и в то же время являлась свидетельством давления этих масс на Независимую рабочую партию.

Движение за советы

Победа Октябрьской революции в России вызвала движение за образование советов рабочих депутатов в Англии, Шотландии, Уэльсе и Ирландии.

Мы уже указывали выше на создание советов солдатских депутатов. Шоп-стюардские комитеты и Британская социалистическая партия развили усиленную агитацию за создание советов рабочих депутатов. В 1917 г. в Лидсе, при активном участии Британской социалистической партии, состоялась конференция по организации советов рабочих и солдатских депутатов. На конференции присутствовали делегаты трэд-юнионов, Рабочей партии и социалистических партий. Буржуазная пресса подняла шум вокруг Лидской конференции. Казалось, Лидская конференция превратится в своеобразный учредительный съезд советов рабочих и солдатских депутатов. „Советизм" становился знаменем революционного авангарда британского пролетариата. Делегаты Лидской конференции провели ряд митингов, прошедших с огромным подъемом. В Бирмингаме, Лондоне и в других городах митинги в пользу „советизации" английского рабочего движения были запрещены и разгонялись бандами пьяных солдат и хулиганов, организованных консерваторами. И тем не менее, во многих местах Соединенного королевства образовались советы рабочих и солдатских депутатов. Пользуясь военным положением, правительство Ллойд-Джорджа издало в 1918 г. специальное запрещение рабочих и солдатских депутатов — на основе Уор Прекошэн акта" (закона о защите государства во время войны). Не было еще коммунистической партии, которая могла бы призвать пролетариат игнорировать подобное „запрещение". В советы попадало большинство оппортунистов: лейбористов, независимцев и трэд-юнионистских вождей, которые стремились выхолостить революционное содержание советов и, конечно, немедленно и охотно подчинились закону о роспуске советов рабочих и солдатских депутатов. В связи с развитием интервенции, к концу 1918 г. создается — под влиянием агитации Британской социалистической партии и всех сочувствующих „советизму" — движение в пользу поддержки Советской России.

По инициативе К. Кросслей создается лига „Руки прочь от России", сыгравшая решающую роль в последующие годы, особенно во время польско-советской войны.

Выводы

Все вышеизложенное показывает, что английский империализм не мог бы вести войну без прямой и непосредственной поддержки английских оппортунистов. Роль последних великолепно выразил по отношению к „лейбористам" Ллойд-Джордж, который в своих мемуарах о войне пишет: „Если бы лейбористы были настроены по отношению к ней (войне) враждебно, — война не могла бы быть эфективной. Если бы лейбористы были настроены по отношению к ней прохладно, — нам пришлось бы добиваться победы в условиях все повышавшихся трудностей. Наиболее известные и влиятельные лидеры профдвижения работали во время войны на победу. Без их помощи нам не удалось бы ее добиться". Тем не менее к моменту заключения мира английский империализм переживал тревожные дни. Война не только не принесла „успокоения", не только не способствовала установлению „гражданского мира", но привела к все усиливающемуся революционизированию английского рабочего класса.

Вожди Рабочей и Независимой рабочей партий, дискредитированные своей прямой поддержкой правительства и буржуазии, к моменту заключения мира были архи-непопулярны в среде революционных рабочих. Оппортунисты маневрировали, выдвигая для обмана рабочих „левое" крыло из Независимой рабочей партии, „центристскую" фразеологию и тактику. Но симпатии масс к большевизму, к „советизму" все усиливались. Роль „шопстюардов" и их руководителей из Шотландской рабочей социалистической партии и особенно Британской социалистической партии неимоверно выросла. Создавались все основные предпосылки для того, чтобы сломать оппортунистические „традиции" английского рабочего движения, чтобы отбросить оппортунистических вождей и организовать подлинную массовую пролетарскую партию. Этому способствовала совершенно исключительная популярность в рабочих массах Англии идеи Октябрьской революции.

Если разыгравшиеся во время первого тура войн и революций революционные бои английского пролетариата против империализма не привели непосредственно к свержению капитализма в Англии, то это объясняется прежде всего субъективными причинами: изменническим поведением социал-оппортунистов и центристов. Мешали этому болезнь правооппортунистического, „лево"-сектантского и синдикалистского характера, которой болели все революционные организации в Англии, в том числе и лучшая из них Британская социалистическая партия. Революционному авангарду английского пролетариата пришлось проделать довольно мучительный и сложный путь, пока в Англии образовалась подлинная пролетарская партия, Английская коммунистическая партия.

Л. Райский

СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКИЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

I. ИТОГИ РАЗВИТИЯ КО ВРЕМЕНИ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Удельный вес САСШ в капиталистическом мире

Еще в 60-х годах прошлого столетия САСШ по своему промышленному развитию занимали примерно четвертое место, уступая Англии, Франции и даже отсталой тогда Германии; но небывалые для капитализма темпы американского развития последующих трех десятилетий привели к тому, что уже к середине 90-х годов они обогнали и оставили далеко позади себя все остальные капиталистические страны мира.

Ко времени мировой войны САСШ в области добывающей и обрабатывающей промышленности и железнодорожного транспорта прочно завоевали первое место. В 1910 г. САСШ — стране, занимавшей 7% общей площади земного шара и населенной 6% всего человечества, — принадлежало 42,9% мировой добычи угля, 41,9% мирового производства чугуна, 43% стали, 63,4% добычи нефти, 55% хлопка. Железнодорожная сеть САСШ уже к 1890 г. превосходила сеть всей Европы, и в дальнейшем она как в отношении темпа своего развития, так и по абсолютному протяжению сети сохранила это первенство.

Условия развития американского капитализма

Этими успехами в области экономического развития Соединенные штаты были обязаны сочетанию ряда благоприятных условий своего исторического развития. Четырехлетняя гражданская война, вспыхнувшая в начале 60-х годов, закончилась полной победой промышленного Севера над рабовладельческим Югом, в результате чего огромная, чрезвычайно богатая природными дарами сплошная территория около 8 млн. *кв. км*, не считая приобретенной в конце 60-х годов Аляски в $1^1/_2$ млн. *кв. км*, представила собой благоприятную почву для беспрепятственного развития капитализма.

САСШ были с избытком *обеспечены промышленным сырьем и дешевым топливом*. Они обладали широким и относительно емким и устойчивым *внутренним рынком*, создавшимся, во-первых, благодаря быстрому росту населения (отчасти в силу его естественного прироста, но главным образом в силу непрерывной массовой иммиграции), во-вторых, благодаря относительно большей, по сравнению с европейскими странами, покупательной способности населения, в свою очередь обусловленной следующими обстоятельствами. Налоговый пресс в САСШ давил меньше, чем в других

капиталистических странах. Милитаризм поглощал в них меньше средств, чем в других крупных капиталистических государствах, так как САСШ, благодаря счастливому географическому положению, защищены двумя океанами и отдалены от других сильных держав, а сверх того американская буржуазия до 90-х годов ограничивалась в основном освоением обширного внутреннего рынка и не стремилась к территориальным захватам. Благодаря обилию свободных земель фермерство почти вплоть до конца XIX века было свободно от уплаты абсолютной ренты, что повышало покупательную способность широких фермерских масс.

Обилие свободных земель оказало огромное влияние на социально-экономическое развитие САСШ. То обстоятельство, что по крайней мере в XIX веке земля была доступна каждому, привело к установлению в Америке относительно высокой заработной платы, необходимой для удержания рабочих на фабриках, заводах, в шахтах и на транспорте, а также и в сельском хозяйстве. Относительно высокая заработная плата при доступности земли и при массовом производстве в свою очередь побуждала американских фермеров прибегать к интенсивному использованию сельскохозяйственных машин и орудий. Таким образом сельское хозяйство САСШ предъявляло промышленности массовый спрос не только на предметы потребления, но и на орудия производства, служа могучим стимулом к развитию машиностроения.

Другой мощный толчок к развитию американская тяжелая индустрия получила от интенсивного железнодорожного строительства, вызванного заселением отдаленных областей обширной страны, экономической специализацией отдельных районов (промышленность главным образом на востоке, сельское хозяйство на западе, а на юге технические культуры) и расширением внутреннего рынка.

Отсутствие абсолютной земельной ренты способствовало *накоплению в промышленности огромных капиталов*, в отличие от других капиталистических стран, где землевладельцы-помещики присваивали значительную долю прибавочной стоимости.

Впрочем без значительного притока *иностранных капиталов* САСШ вряд ли могли бы двинуться вперед таким быстрым темпом. С 90-х годов САСШ впервые начали вывозить капитал за границу, однако *ввозили они больше, чем вывозили*. Подсчитано, что ко времени мировой войны европейские капиталисты, преимущественно англичане, инвестировали в САСШ около 7 млрд. долларов (около 14 млрд. руб.).

Весьма благоприятным фактором развития американского капитализма служил далее непрерывный *приток квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы* из Европы и Азии. Американский капитализм получил в лице эмигрантов *готовую рабочую силу*. За три последних десятилетия XIX века в САСШ эмигрировало около 12 млн. человек, а за 14 лет XX века около 14 млн.; иначе говоря, в XX веке ежегодно весь мир платил американскому капитализму дань в виде 1 млн. рабочих, которых с родины гнала нужда или политическая реакция. Благодаря этим мощным потокам иммиграции САСШ отличались высоким процентом производительного населения. Американский капитализм сложился в *технически наиболее передовой тип* капиталистического производства.

Исторически сложившаяся в САСШ относительно высокая заработная плата (по сравнению с другими капиталистическими странами) побуждала

американскую буржуазию энергично стремиться к относительному сокращению в промышленности рабочей силы путем развития техники и усовершенствования методов производства.

В эпоху империализма в САСШ наблюдались ярчайшие проявления *загнивания капитализма,* выразившегося в тенденции к задержке технического прогресса. Нередко отмечались случаи, например в области телефонии, сапожного дела и керосиноочистительной промышленности, когда тресты скупали изобретения и прятали их под сукно, не будучи, в силу своего монопольного положения на рынке, заинтересованы в переоборудовании основного капитала.

Лицо американского капитализма

В 80-х годах в САСШ начался заметный процесс централизации капитала, зарождения трестов, сращивания промышленного капитала с банковым и превращения в финансовый капитал.

К началу 90-х годов этот процесс монополизации пустил настолько глубокие корни, что под давлением мелкой и средней буржуазии законодательные учреждения САСШ были вынуждены издать демагогический закон Шермана, запретивший образование трестов и других форм монополистических объединений капитала.

Однако власти сквозь пальцы смотрели на постоянные нарушения крупной буржуазией закона Шермана. Именно с 90-х годов зарождение и развитие трестов, железнодорожных объединений и т. п. пошло вперед гигантскими шагами. САСШ превратились в классическую страну капиталистических монополий.

Эти монополии однако *не преодолели и не могли преодолеть анархии производства и кризисов.* Последние периодически потрясали экономическую жизнь страны, создавая длительную многомиллионную безработицу и тем самым уничтожая производительные силы наций. В то же время эти периодические кризисы, выводя из строя средние и мелкие предприятия, ускоряли процесс централизации капитала.

Трестификаторская деятельность американской буржуазии находила постоянное поощрение во внешней экономической политике САСШ.

Как известно, американская буржуазия, в отличие от английской, с самого начала взяла курс на протекционизм, который должен был защитить молодую американскую промышленность от конкуренции более мощных капиталистических стран Европы. Протекционистские тенденции промышленной буржуазии встречали долгое время ожесточенное сопротивление со стороны рабовладельцев-хлопководов, заинтересованных в ввозе более дешевой промышленной продукции из Европы. Победа Севера над Югом в 1861—1865 гг. устранила эту сильную оппозицию, и с тех пор американская буржуазия окончательно стала на путь *крайнего протекционизма,* который к 90-м годам стал преследовать цели сохранения внутри страны монопольных сверхприбылей. Именно возможность сохранения, благодаря крайне протекционистской политике, монопольных сверхприбылей и стимулировала создание трестов. Процесс монополизации капитала в САСШ ушел настолько далеко, что ко времени войны два крупнейших капиталистических объединения Моргана и Рокфеллера контролировали свыше трети (36%) национального богатства.

Финансовый капитал подчинил своему контролю кредит, промышленность, транспорт и сельское хозяйство. Последнее он эксплоатировал как по ли-

нии кредита (в 1910 г. фермеры должны были банкам свыше 3,5 млрд. долларов), так и путем установления высоких ставок за хранение сельскохозяйственных продуктов в элеваторах и на складах и за перевозку их по железным дорогам.

Кучка миллиардеров сделалась властелинами огромной страны, насчитывавшей накануне войны свыше 90 млн. населения.

Американский империализм

Хотя внутренний рынок продолжал оставаться основным для американского капитализма, тем не менее в 90-х годах САСШ вышли на мировую арену и потянулись к рынкам прочих областей американского материка и Дальнего Востока.

Провозглашенная в 20-х годах XIX века президентом Монро доктрина „Америка для американцев" означала, что САСШ обязуются не вмешиваться во внеамериканские дела, а также уважать целость и неприкосновенность владений европейских держав в Новом Свете. Одновременно доктрина однако подчеркивала, что европейские державы не должны стремиться к расширению своих владений в Америке и навязыванию своего политического строя американским демократическим республикам.

В эпоху империализма американская буржуазия и ее официальные представители стали истолковывать доктрину Монро в том смысле, что весь американский материк является объектом эксплоатации САСШ. Обязательство же не приобретать владений за пределами Америки САСШ стали непрерывно нарушать то под предлогом „необходимости защиты цивилизации от восточного варварства", то ссылаясь на „волю божию", то просто-напросто по-своему истолковывая географию и выдавая Азию за Америку.

Вплоть до мировой войны САСШ, правда, продолжали в основном стоять в стороне от европейских дел, но это не означает, что американская буржуазия продолжала стоять в стороне от мировой политики и колониальных захватов.

В 1893 г. САСШ фактически аннексировали Гавайские острова, формально закрепленные за ними в 1898 г. В этом же году американские империалисты навязали войну Испании, разбили ее и отторгнули принадлежавшие Испании острова Филиппины, Кубу, Порто-Рико и Гуам.

Стремясь к прорытию канала в Центральной Америке в целях облегчения борьбы североамериканского империализма за рынки Дальнего Востока и западной части Южной Америки, а также для усиления маневренности своего военного флота, правительство САСШ инсценировало революцию в колумбийской провинции Панаме и добилось отделения последней от Колумбии. Панама очутилась под протекторатом САСШ. В августе 1914 г. Панамский канал был открыт для нормального движения судов и превратился в сильную стратегическую и экономическую позицию американского империализма.

САСШ непрерывно вмешивались во внутренние дела центральных и южных республик Америки, добиваясь заключения кабальных займов и получения концессий и жестоко подавляя сопротивление угнетенных народов.

Американская буржуазия стала на путь колониальной экспансии позже старых капиталистических стран, поэтому на ее долю досталось сравнительно незначительное количество колоний. Американские колонии (в отли-

чие от колоний европейских империалистических стран) по своим размерам меньше метрополии и имеют не столько самостоятельно-экономическое, сколько стратегическое значение, как опорные пункты для продвижения американского капитала к рынкам Центральной и Южной Америки и Дальнего Востока.

То обстоятельство, что ко времени начала империалистической политики САСШ мир оказался в основном поделенным, побудило американскую буржуазию бороться за соответствующую долю колониального пирога под удобным лозунгом „освобождения". Американский империализм „освобождал" Филиппины, Кубу, Порто-Рико и Гуам от испанского гнета, он „освободил" Панаму от Колумбии. По отношению к Китаю, который ко времени усиленного проникновения туда американского капитала оказался поделенным так называемыми великими державами на „сферы влияния", САСШ на рубеже XX века выдвинули „пацифистский" лозунг открытых дверей и целости Китая. Под этим лозунгом американский капитал отстаивал для себя равные возможности в борьбе за концессии, источники сырья и сбыт товаров. На Дальнем Востоке особенно враждебно столкнулись интересы САСШ и Японии. Борьба за экономические и стратегические позиции в Китае до сих пор служит причиной острого антагонизма между этими двумя империалистическими хищниками.

Классовое строение американского общества

Превращение САСШ из страны аграрно-промышленной в промышленно-аграрную привело к заметному изменению состава ее производительного населения по отраслям народного хозяйства. Хотя ко времени войны число лиц, занятых в сельском хозяйстве, абсолютно увеличилось (с 7700 тыс. в круглых цифрах в 1880 г. до 12,5 млн. в 1910 г.), однако относительно, по сравнению с общим числом производительного населения, оно упало с 44,2% до 32,9%. В то же время число лиц, занятых в промышленности, торговле и на транспорте, а также в отраслях интеллектуального труда, увеличилось и относительно и абсолютно, а именно:

Род занятий	1880 г.		1910 г.	
	Число лиц	%	Число лиц	%
Промышленность	3 784 726	21,8	10 807 521	28,3
Торговля и транспорт	1 871 503	10,8	7 605 730	19,9
Свободн. профессии	603 202	3,5	1 825 127	4,9
Домашние и личные услуги	3 418 793	19,7	5 361 033	14,0

Лиц наемного труда незадолго до войны в САСШ официально насчитывалось 32,5 млн., что вместе с их иждивенцами составляло две трети населения.

В сельском хозяйстве насчитывалось свыше 6 млн. наемных рабочих. Что же касается фермеров, представляющих основную массу мелкой буржуазии САСШ, то в XX веке в связи с истощением запасов свободной, незанятой земли, вздорожанием последней и эксплоатацией фермеров финан-

совым капиталом произошло относительное снижение числа земельных собственников (с 74,4% общего числа хозяйств в 1880 г. до 63% в 1910 г.). Соответственно увеличилось число арендаторов (с 25,6 до 37%).

Но и положение собственников становилось в эпоху империализма все более непрочным и тяжелым. Фермеры попадали во все большую кабалу к финансовому капиталу. В 1890 г. имелось 874 тыс. *заложенных ферм* (27,8% общего числа земельных собственников), а в 1910 г. их уже насчитывалось 1312 тыс. (33,2%). Задолженность фермеров, как мы видели, исчислялась миллиардами долларов.

Контроль над всем народным хозяйством САСШ фактически очутился в руках пяти крупнейших банков.

Крайняя неравномерность в распределении быстро растущего национального богатства САСШ видна из того, что уже к 1890 г. 9% населения владели 71% национального богатства, а 52% населения — 5% богатства. В XX веке эта диспропорция еще более увеличилась.

Государство

Диктатура кучки финансовых магнатов осуществлялась и маскировалась демократической республикой.

„Америка — самая свободная страна в мире", „Америка управляется народом и для народа" — таковы утверждения певцов американской государственной системы. Но именно Америка дает нам яркий образчик маскировки классовой диктатуры буржуазии формальной демократией. Фактически эта „демократия" сводится к тому, что раз в четыре года народу предоставляется право путем участия в избирательной кампании высказаться за того или иного представителя одной из буржуазных партий.

Даже с формально-демократической точки зрения американская конституция страдает изрядным количеством „изъянов", предназначенных для страховки буржуазии от всяких неожиданностей. Например президент, в руках которого сосредоточена большая власть, избирается не прямыми, а двухстепенными выборами (избиратели избирают выборщиков, выборщики — президента). Эта система служит в руках буржуазии дополнительным сильным орудием влияния на исход выборов.

В тех случаях, когда господствующая партия вынуждена из демагогических соображений, особенно накануне выборов, издать закон в пользу рабочих или трудящихся фермеров, на помощь буржуазии спешит Верховный суд, члены которого пожизненно назначаются президентом. Верховный суд просто-напросто отменяет закон, „разъяснив" его „антиконституционный" характер.

Сосредоточив в своих руках все богатства страны, буржуазия располагает всеми возможностями для удержания в своих руках государственной власти. В 1896 г. например буржуазия пригрозила, что если не будет избран угодный ей кандидат, Мак Кинли, она закроет предприятия и выбросит рабочих на улицу, и добилась своего.

Подкуп, торговля голосами оптом и в розницу, давление, запугивание, шантаж, бесцеремонное обсчитывание избирательных голосов противника — все это обычные явления в американской избирательной практике.

Формально избирательными правами пользуются все мужчины, достигшие 21 года (женщины получили избирательные права лишь после войны). Однако делаются исключения для очень значительных слоев населения; избирательными правами не пользуются: 1) жители американских колоний, 2) иностранцы, прожившие в САСШ меньше 5 лет, 3) лица, не имеющие

постоянной оседлости (это касается не одного миллиона лесных и сельскохозяйственных рабочих, обычно ведущих в Америке бродячий образ жизни, а также моряков и др.). Что же касается негров, которых в САСШ насчитывалось около 10 млн., то предоставленные им после гражданской войны права были на практике отняты у них: в большинстве случаев с помощью различных ухищрений, а подчас и путем применения грубого насилия негры фактически не допускаются к избирательным урнам.

Кризис и разложение парламентаризма приняли в САСШ, в этой стране самого централизованного капитала, наиболее резкие формы. Еще меньше, чем когда-либо в доимпериалистическую эпоху, парламент отражал „волю народа". Нижняя палата, так называемая палата представителей, избираемая на два года, стала играть весьма незначительную роль в политической жизни страны. Недаром известный владелец газетного треста Хэрст называет парламентские прения „испусканием жеваного ветра". Несколько бо́льшим влиянием пользовался сенат, за которым в Америке прочно укрепилось название „клуба миллионеров". До войны сенат составлялся из депутатов, делегированных в равном количестве (по два от штата) законодательными учреждениями отдельных штатов. Накануне войны сенаторы стали избираться непосредственно населением. Буржуазия смогла сделать эту уступку парламентским иллюзиям масс, так как в ее распоряжении оказалось достаточно средств для удержания в своих руках государственной власти.

„Демократические" методы господства буржуазии дополнялись методами жестокого подавления революционного рабочего движения. Что с того, что по конституции рабочие пользуются всеми демократическими свободами? Всесильные суды в случае надобности „разъясняли", что стачка противоречит конституции; руководителей бастующих можно посадить в тюрьму за „оскорбление суда". Рабочего нельзя привлечь к ответственности за пропаганду своих убеждений, но можно с помощью провокаторов состряпать уголовное преступление и посадить революционного рабочего на электрический стул; можно с помощью наемных банд безнаказанно убивать революционных рабочих из-за угла. Боевые организации американской буржуазии „Ку-Клукс-Клан", „Американский легион" и наемные банды провокаторов и убийц стали в эпоху империализма неотъемлемой составной частью американской „конституции".

Политические партии

В эпоху империализма, как и раньше, в САСШ продолжала царить „система двух партий". Демократическая и республиканская партии сменяли друг друга у кормила правления, причем обе добросовестно выполняли волю буржуазии.

Некогда демократическая партия представляла интересы южных рабовладельцев, а республиканская партия — интересы северной буржуазии. „После освобождения негров разница между той и другой партией становилась все меньше" — справедливо замечает Ленин. Одно время демократическая партия, имевшая основную базу на Юге, пыталась говорить от имени мелкой буржуазии и нетрестированного капитала, но по мере индустриализации Юга она все больше превращалась в политическое орудие крупной буржуазии.

„Борьба этих партий велась преимущественно из-за вопроса о большей или меньшей высоте таможенных пошлин. Никакого *серьезного* значения для массы народа эта борьба *не имела*. Народ обманывали, отвлекали от его насущ-

ных интересов посредством эффектных и бессодержательных *дуэлей* двух буржуазных партий". (*Ленин.* Соч., т. XVI, стр. 190.)

Чем ближе к периоду войны, тем труднее становилось найти какие-либо *существенные*, принципиальные или тактические разногласия между этими двумя господствующими партиями. По существу каждая добивалась мандата от буржуазии на управление ее политическими делами, чтобы добраться до вожделенного источника наживы. Партия, пришедшая к власти, сменяет весь состав чиновничества, предоставляя тепленькие местечки своим соратникам. Общая сумма жалованья составляет в САСШ огромную цифру. Кроме того, обслуживая интересы отдельных капиталистов и трестов, победившая партия получает дополнительный источник „дохода".

В случае появления на политической арене третьей партии, обе старые партии обычно объединяются для устранения общего конкурента. Обычным методом разложения и разгрома оппозиционных партий является так называемое „похищение громов", т. е. перехватывание популярных в массе лозунгов, с тем конечно, чтобы забыть о них на следующий день после избирательной победы.

Из оппозиционных мелкобуржуазных партий, возникших или развернувших свою деятельность в эпоху империализма, наибольший интерес представляет *популистская* (народная) партия, представлявшая интересы фермеров Западных штатов.

Популисты, развернувшие свою деятельность в 90-х годах и установившие контакт с рядом рабочих организаций, требовали проведения ряда демократических реформ, вроде прямых выборов президента, борьбы с продажностью политических партий и государственной власти и т. п. Кроме того они требовали выкупа государственных железных дорог, почт, телеграфа и телефона и предоставления государственной земли не спекулянтам, а действительным поселенцам. Однако основным лозунгом популистов было введение биметаллизма, т. е. свободной чеканки серебряной монеты. „Удивительно глупый американский мужик", по выражению Энгельса, надеялся этим путем добиться дешевого кредита и высоких цен на свои продукты. В этой части программы популистов поддержали владельцы серебряных рудников Западных штатов.

Популисты быстро превратились в массовую партию. На президентских выборах 1892 г. они собрали свыше миллиона голосов, а на парламентских выборах 1894 г. свыше $1^1/_2$ млн. голосов. Через два года демократическая партия похитила у популистов все их основные „громы" и тем самым подорвала смысл существования популистской партии, которая быстро сошла на-нет.

Удельный вес *социалистических* партий в политической жизни страны был сравнительно невысок. Их избирательные успехи например ограничивались рамками отдельных городов и некоторых штатов. В палату представителей САСШ лишь незадолго до войны прошел *единственный* социалист.

В известной степени это объясняется особенностями американского избирательного механизма, но в большей мере общими условиями развития американского рабочего движения.

Условия рабочего движения

Рабочее движение в Америке складывалось в условиях политической демократии. Мы видели, что по сути дела эта хваленая демократия означала диктатуру буржуазии; однако то обстоятельство, что американским рабочим не приходилось, по-

добно европейским, бороться за избирательные права и за элементарные демократические свободы, послужило в руках буржуазии орудием разложения рабочего движения. Эти условия помогли буржуазии внушить значительным слоям рабочих представление о социально-политическом строе САСШ, как о строе, который открывает для всех способных и энергичных людей, вне зависимости от их классового положения, возможность добраться до высших ступеней общественной лестницы. Буржуазная демократия и легализм действовали в САСШ в направлении задержки оформления классового сознания рабочих масс. Этому способствовала и „дуэль" буржуазных партий, которые в погоне за рабочими голосами своими реформаторскими посулами отвлекали пролетариат от самостоятельного политического движения.

Огромную роль в задержке выработки классового самосознания американского пролетариата сыграло наличие свободной земли. Эта особенность американского развития привела к тому, что так как в течение долгого времени американский рабочий мог в ряде случаев, при определенных условиях, превратиться в хозяина, мелкого буржуа, получив участок земли в незаселенных районах, то он не полностью чувствовал себя членом определенного класса. Это конечно не могло не наложить яркого отпечатка на психологию американских рабочих.

Верхушечный слой американского рабочего, главным образом коренного янки, был в среднем более обеспечен. Чудовищное обогащение страны, быстрый рост национального богатства, от которого кое-какие крохи перепадали рабочим, ослепляли американского рабочего, делали его восприимчивым к тлетворной пропаганде буржуазии, к внушению ему патриотизма и высокомерного национализма.

Правда, нужно сделать существенные оговорки.

Во-первых уровень заработной платы отставал по сравнению с ростом интенсивности и производительности труда американских рабочих; во-вторых, рост доли американского пролетариата отставал от роста национального богатства; и в-третьих, рост номинальной заработной платы отставал от роста цен. В XX веке в виду резкого вздорожания товаров, что было результатом политики трестов, реальная заработная плата американского пролетариата была *ниже*, чем в XIX веке.

Однако это ухудшение положения пролетариата не в одинаковой степени коснулось различных слоев последнего. И здесь мы переходим к другой из американских особенностей, а именно к крайней диференциации рабочего класса.

Буржуазия приложила не мало усилий для раскола рабочего класса в целях его ослабления. Туземные белые рабочие, коренные американцы, значительная часть которых была поставлена в привилегированное положение, составляли основной контингент рабочей аристократии, отличавшейся указанными выше особенными чертами психологии американского пролетариата. Эти рабочие обычно занимали наилучше оплачиваемые места и смотрели сверху вниз на своих собратьев по классу.

Ступенькой ниже стояли пришлые рабочие, успевшие акклиматизироваться в американских условиях. Затем шли иностранные рабочие, недавно прибывшие в Америку. За счет бешеной эксплоатации этих рабочих буржуазия подкармливала рабочую аристократию.

И наконец на низшей ступени общественной лестницы стояли цветные рабочие, в первую очередь негры, гонимые, беззащитные, фактически

лишенные политических и гражданских прав и получавшие за ту же работу от одной четвертой до трех четвертей зарплаты белого рабочего.

Буржуазия стремилась привить коренным американским рабочим чувство расовой и национальной гордости и солидарности, чтобы вытравить из них чувство *классовой* солидарности, и достигла в этой области несомненных успехов. Она далее натравливала белых рабочих на цветных и ссорила белых рабочих различных национальностей. Один из директоров стальной корпорации Карнеги цинично заявлял, что он набирает рабочих таким образом, чтобы среди них был определенный процент коренных американцев и в определенной пропорции представители различных антагонистических народов; этим путем, говорил он, ему удается создавать „похлебку", абсолютно безопасную для предпринимателей.

Расовая и национальная рознь чрезвычайно тормозила успехи американского рабочего движения, а многочисленность разнообразных расовых национальных групп рабочих затрудняла деятельность социалистов, которым приходилось распылять свои силы по разнородным языковым секциям.

Отметим в заключение, что в САСШ не было (нет и сейчас) государственного страхования от безработицы, несчастных случаев, на случай старости и т. д. Эти функции предоставлены профсоюзам и частной благотворительности. Буржуазия бешено и непримиримо борется против государственного страхования, ссылаясь на то, что оно, видите ли, „испортит американский характер". Классовый смысл этой позиции буржуазии заключается в том, что отсутствие страхования крайне снижает активность пролетариата. Профсоюзы стремятся не ввязываться в стачки, чтобы не рисковать фондами, необходимыми для страхования своих членов. А „благотворительность" капиталистов зачастую приводит к тому, что средний рабочий стремится не попасть на замечание предпринимателя, чтобы на старости лет или в случае болезни и безработицы не лишиться его „благодеяний".

Напомним наконец, что если писаная конституция и предоставляет рабочим право коалиции и борьбы, то „поправки", вносимые буржуазией на практике, а именно: черные списки, локауты, чудовищно разветвленный шпионаж и провокации, террор ни перед чем не останавливающихся наемных банд — все это, направленное против боевого классового движения пролетариата, дополняет картину условий развития рабочего движения в Америке.

Массовые организации

Раскол рабочего класса Америки привел к возникновению двух центров массового рабочего движения. Рабочая аристократия была охвачена системой профсоюзов, объединяемых *Американской Федерацией Труда*. Массовое движение революционных рабочих находилось под влиянием *Индустриальных Рабочих Мира*.

Американская Федерация Труда, окончательно сформировавшаяся в 1886 г., сложилась как консервативная, антисоциалистическая организация, исходившая из признания вечности капиталистического строя. Единственное, чего добивалась АФТ, это — „справедливой заработной платы за справедливую работу". АФТ отрицала самостоятельное политическое движение рабочих, предпочитая голосовать за ту буржуазную партию, которая склонялась к наибольшим посулам профсоюзам. Отрицая какую-либо связь или сотрудничество с социалистами, АФТ добивалась союза с церковью, обещая „вернуть рабочих в лоно церкви", если последняя поддержит профсоюзы. К стачкам АФТ прибегала в крайнем случае, предпочитая тактику соглашения с предпринимателями.

Цеховой идеологии консервативных профсоюзов соответствовал и цеховой принцип организации. Профсоюзы строились по признаку узкой специальности. По этой причине реформистское профдвижение САСШ, как правило, отличалось крайней раздробленностью, разоружавшей и обессиливавшей пролетариат.

Профсоюзы рабочей аристократии отгородились от остальной многочисленной массы рабочих стеною высоких вступительных и членских взносов, системой ученичества и другими продуктами цеховщины. Ко времени мировой войны АФТ объединяла менее двух миллионов членов, что составляло сравнительно незначительный процент американского пролетариата.

Вожди АФТ, сложившиеся в атмосфере узколобого делячества, переговоров и соглашений с буржуазией, в массе своей отличаются циничной продажностью. Они составляют тесно спаянную свору, прочно держащую в своих руках профсоюзы, и ведут беспощадную борьбу со всякого рода левой оппозицией, бесцеремонно выбрасывая из профсоюзов левых рабочих и лишая их работы, чего им нетрудно добиться благодаря тесному сотрудничеству с предпринимательскими организациями. Таким образом вожди АФТ во главе с Самюэлем Гомперсом, прозванные капиталистом Марком Ханна „рабочими лейтенантами класса капиталистов", представляют собой величайший тормоз революционизирования американских профсоюзов. Под их руководством АФТ стала, по словам органа нью-иоркской биржи „Уолл-Стрит Джорнал", „последним оплотом современной цивилизации", т. е. капитализма.

Организация „Индустриальных Рабочих Мира" (ИРМ), возникшая в 1905 г., объединила массовые рабочие организации, несогласные с идеологией и тактикой АФТ. Вначале ИРМ, хотя непоследовательно и с оговорками, признавали политическую борьбу, но к 1908 г., исключив из своих рядов марксистские элементы, превратились в анархо-синдикалистскую организацию.

Своей целью ИРМ ставили революционное свержение капитализма. Метод — „прямое действие": саботаж, стачка. Организационный принцип — производственный профсоюз. Эти производственные профсоюзы, по представлениям индустриалистов, являются ячейками будущего общества под капиталистической оболочкой. После свержения капитализма к профсоюзам перейдут функции управления народным хозяйством.

Основная социальная база ИРМ — сельскохозяйственные и лесные рабочие, отчасти моряки. Они имели также опору среди неквалифицированных горняков западных штатов, строителей, текстильщиков. В годы обострения классовых боев они возглавляли боевое стачечное движение рабочих и других отраслей промышленности.

ИРМ всячески стремились к превращению в массовую организацию. Они запретили высокие взносы, вовлекали негров и т. д. Но объединенный фронт предпринимательских организаций, государственного аппарата и реакционных профсоюзов всячески тормозил успехи ИРМ. Предприниматели выбрасывали индустриалистов из предприятий, требуя нередко их перехода в ряды Американской федерации труда. Правительство и террористические банды установили для индустриалистов режим террора и жестоких преследований Тем не менее индустриалисты вписали в историю боевого рабочего движения САСШ не мало блестящих и ярких страниц. С их именем связаны наиболее героические выступления американского пролетариата в довоенные годы. Однако, как мы увидим дальше, анархо-синдикалистская идеология помешала ИРМ превратиться в прочный отряд международного революционного движения.

Послевоенные условия и в особенности пролетарская революция в России привели к диференциации ИРМ, из которых все честные боевые пролетарские элементы — иные сразу, другие после некоторых колебаний — перешли на сторону диктатуры пролетариата и примкнули к компартии или руководимым ею организациям. Анархистские предрассудки другой части ИРМ впоследствии превратили ее во врагов Коминтерна и Профинтерна.

Социалистическое движение

Рост классовой диференциации и обострение классовой борьбы привели в XX веке к росту социалистических рядов и политического влияния социализма. В то время как в конце 80-х годов американские социалисты получили на выборах немногим более двух тысяч голосов, в 1912 г. это число голосов достигло почти миллиона.

Однако по сравнению с крупными капиталистическими странами континентальной Европы и абсолютным количеством рабочих эти успехи были весьма невелики.

Скромность успехов социалистического движения в САСШ объясняется не только своеобразной структурой американской избирательной машины и не только своеобразными, рассмотренными нами выше условиями развития рабочего движения в САСШ. Главную ответственность за это несут сами социалисты.

Социалистическая партия

На рубеже XX века произошел раскол Социалистической рабочей партии. Оппортунистические элементы ее образовали в 1901 г. Новую социалистическую партию.

Социалистическая партия, руководимая Морисом Хилквитом, В. Бергером и др., являлась типичной партией парламентарного реформизма, отрицавшей революционные методы классовой борьбы. В беспринципной погоне за парламентскими голосами партия заняла позицию нейтралитета в отношении реакционных профсоюзов; она поддерживала иллюзии фермеров о возможности разрешения аграрно-крестьянской проблемы при капитализме.

Социалистическая партия все более подвергалась влиянию мелкой буржуазии, бросившейся в ее ряды, после того как попытки мелкой буржуазии создать собственную политическую партию потерпели крах. Но, став на путь парламентарного реформизма, Социалистическая партия разоружила себя перед лицом буржуазных партий, которые в своей политической игре оперировали тем же реформистским оружием (вспомним хотя бы систему „похищения громов"). В 1912 г. ставленник некоторых кругов буржуазии Рузвельт списал у Социалистической партии ее избирательную платформу и собрал свыше четырех миллионов голосов. У ставленника буржуазии оказалось более средств для уловления голосов одураченных избирателей на основе *той же* платформы, что у Социалистической партии.

В Социалистической партии, правда, было левое крыло, отражавшее настроение революционного пролетариата и оказывавшее сопротивление оппортунистическому партийному руководству. Но неоформленность левой оппозиции, недооценка ею организационного момента ослабляли ее и сужали рамки ее успехов. Лишь к концу войны левое меньшинство превратилось в большинство и послужило базой коммунистического движения.

Социалистическая рабочая партия

Историческая заслуга Социалистической рабочей партии (СРП), возглавляемой Даниэлем Де-Леоном, заключается в борьбе с реформизмом и оппортунизмом Социалистической партии. Не отказываясь от участия в политическом движении, СРП

рассматривала парламентскую деятельность лишь как орудие агитации и организации рабочих.

СРП решительно выступала против цехового принципа профдвижения, энергично агитируя за его строительство по производственному принципу. Она разоблачала предательский характер тактики нейтральности Социалистической партии по отношению к профсоюзам. Она неустанно разоблачала роль вождей АФТ, как агентов буржуазии в рабочем движении. Наконец она боролась за интернационализм, пролетарскую дисциплину и централизацию.

Но СРП не смогла стать массовой партией. Сектантство и доктринерство наложили яркую печать на историю этой партии. Она по существу изолировала себя от массового рабочего движения, ограничившись на деле одной лишь пропагандой *конечных целей* пролетариата. Она решительно отказалась от работы в консервативных профсоюзах, предпочитая заняться созданием „чистых" социалистических профсоюзов; тем самым (своей *односторонней* тактикой) СРП отдала миллионные профсоюзы в полное распоряжение гомперсовской клики. Сектантство СРП привело к тому, что удельный вес этой партии в массовом рабочем движении был весьма невысок.

И в теоретических и в тактических установках СРП содержался ряд явно неправильных моментов, которые впоследствии привели к тому, что СРП оказалась вне рядов Коминтерна. Де-Леон чересчур преувеличивал особенности исторического развития САСШ. Он считал, что на следующий день после революции такая страна, как САСШ, немедленно вступит в период развернутого социализма. Он по существу отрицал переходный период в форме диктатуры пролетариата. Де-леонисты недооценивали историческую роль партии, считая, что на следующий день после революции партии будет нечего делать, ибо функции управления народным хозяйством перейдут в руки производственных профсоюзов, складывающихся при капитализме. Кроме того Де-Леон в своей тактике исходил из утопического предположения, что когда партии удастся объединить весь пролетариат в производственные классово-сознательные профсоюзы, „трусливая" и „расчетливая" американская буржуазия не посмеет оказать сопротивление пролетариату. Последний „локаутирует" буржуазию без особого труда и повидимому без применения физического насилия. И наконец, де-леонисты преувеличивали легальные возможности в Америке, считая, что в подготовке революции не придется прибегать к нелегальным методам борьбы.

Дальнейший ход классовой борьбы обнаружил абсолютную утопичность этих установок, разоружающих пролетариат перед лицом классового врага и тем самым объективно играющих на руку последнему. Как мы увидим дальше, неумение и нежелание современных деятелей СРП преодолеть на основе марксизма-ленинизма полуцентристские, полусиндикалистские элементы этой партии привели последнюю к враждебному отношению к Коминтерну, а значит— к враждебному отношению к международному фронту пролетарской революции.

Выводы

Ко времени мировой войны САСШ представляли собой страну наиболее мощного и централизованного капитализма, в которой великолепно организованной буржуазии противостоял раздробленный, разобщенный пролетариат, в значительной степени находящийся в плену у буржуазной идеологии.

В САСШ таким образом образовались „ножницы" между объективной зрелостью страны для социализма и крайней неподготовленностью, отсталостью субъективного фактора.

II. ПЕРИОД МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Период нейтралитета

САСШ активно вмешались в войну лишь в апреле 1917 г. Однако позицию, которую САСШ занимали в первые годы войны, можно считать нейтральной лишь весьма условно, ибо на протяжении всего этого периода американское правительство, в соответствии с интересами и волей руководящей части буржуазии, придерживалось активно-дружественного нейтралитета в пользу стран Антанты.

На протяжении всей войны САСШ снабжали страны антигерманского военного блока боевыми припасами, транспортными средствами, медикаментами и продовольствием. Вся мощь американской индустрии и огромные ресурсы сельскохозяйственной продукции были предоставлены к услугам главным образом Англии и ее союзников и лишь в незначительной части Германии. Политически антигерманская позиция американского правительства выражалась в настойчивой и непримиримой борьбе против использования Германией ее могучего орудия борьбы с Антантой — подводного флота. Ближайшей причиной этой позиции американского правительства было стремление устранить препятствие к чрезвычайно выгодной торговле САСШ со странами Антанты. В то время как в 1914 г. вывоз САСШ в пять главных стран Антанты равнялся 927 млн. долларов, в 1915 г. он поднялся до 2432 млн., а в 1916 г.—до 3012 млн. долларов.

Политический же характер этой позиции виден из того, что САСШ решительно отвергали условное согласие Германии отказаться от использования подводного флота, в случае если Англия прекратит блокаду германских берегов; САСШ добивались безусловного принятия американских требований. Правительство „нейтральной" Америки с самого начала крайне ограничило свободу деятельности германских дипломатических представителей в САСШ, в частности оно лишило их права непосредственно сноситься со своим правительством, в то время как дипломаты стран Антанты пользовались в САСШ обычными правами дипломатических представителей.

Корни американо-германского антагонизма

Американо-германский антагонизм зародился еще в 90-х годах прошлого столетия, когда обе страны, развив у себя мощную индустрию и превратившись в страны финансового капитала, потянулись к почти одним и тем же объектам империалистической экспансии.

Представители молодого американского империализма еще в самом начале 90-х годов предсказывали опасность, угрожавшую американским империалистическим интересам со стороны быстро растущей Германии, которой становилось все теснее в рамках национального государства. Эти предсказания вскоре получили реальное подтверждение во время американо-испанской войны 1898 г. Оказалось, что и Германия и САСШ претендуют на одни и те же острова в западной части Тихого океана, как на опорные пункты для продвижения к рынкам Дальнего Востока. Из этого столкновения, которое не превратилось в войну лишь благодаря вынужденной уступчивости Германии, победителем вышли САСШ; однако этот конфликт усилил враждебно-подозрительную позицию американских империалистических кругов к Германии.

Американские делегаты мирной испано-американской конференции, происходившей в Париже в 1898 г., информировали свое правительство о положении дел в Европе и настаивали на необходимости „оттеснить Герма-

нию", предсказывая, что последняя превратится „в ближайшем поколении в крупную соперницу в торговле САСШ". Это предсказание сбылось в 1913 г. доля Германии в мировой торговле равнялась 20,1%, в то время как доля САСШ равнялась лишь 17,7%— несмотря на то что Америка обладала значительно более мощным производственным аппаратом, чем Германия. Последняя, при помощи более дешевых цен и своего уменья приноравливаться к вкусам и запросам потребителей во всех уголках земного шара, быстро завоевала важные позиции в мировом торговом обороте.

Германская конкуренция сильно давала себя чувствовать, в частности, в странах Латинской Америки, к которой жадно тянулись руки североамериканского империализма и на которую они предъявляли монопольные претензии. В 1913 г. Германии принадлежало уже 14,2% внешней торговли Латинской Америки (САСШ—28%) при явной тенденции к дальнейшему быстрому росту. Кроме того Германия усиленно занималась колонизацией Бразилии, что не могло не внушать тревогу американской буржуазии.

Столкнулись интересы САСШ и Германии и в Китае, где германский империализм установил свою гегемонию над Шаньдунской провинцией, и на Ближнем Востоке, где в 1909 г. немецкие круги, связанные с Багдадской железной дорогой и опиравшиеся на поддержку правительства, сделали решительную попытку воспрепятствовать представителю определенных капиталистических кругов САСШ, контр-адмиралу Честеру, получить в Турции грандиозную концессию на постройку портов, железных дорог и на разработку рудников.

С крайней враждебностью САСШ реагировали сверх того на вмешательство Германии в дела американских республик. Так например в январе 1914 г. Германия, под предлогом защиты интересов немцев, высадила десант на острове Гаити, крошечной республике (в группе Больших Антильских островов), которую благодаря ее важной стратегической позиции подчинили себе американские империалисты.

В том же 1914 г. Германия вновь продемонстрировала свое „нелояльное" отношение к американским империалистическим планам. Президент Вильсон, выполняя задание американских нефтяных магнатов из Стандарт-Ойл-Компани, развернул широкую программу международной изоляции и разгрома неугодного американским империалистам мексиканского президента Хуэрты, известного как ставленника английских нефтяных кругов, в частности претендента на нефтяные концессии в Мексике лорда Каудрея. В результате длительных переговоров американское правительство добилось от Англии отказа от поддержки Хуэрты взамен предоставления Англии одинаковых с американцами транзитных прав в Панамском канале. Англия тем более нуждалась в соглашении с САСШ, что приближение войны с Германией хорошо учитывалось ею.

Помешав Хуэрте получить заем в Европе, американцы затем сконцентрировали войска и флот у мексиканских границ и, придравшись к незначительному пограничному инциденту, вторглись на территорию Мексики. Каково же было озлобление американских правящих кругов, когда 21 апреля было задержано германское судно „Ипиранго" с оружием для Хуэрты! Разбитый Хуэрта бежал в июле 1914 г. на германском крейсере.

В лице Америки и Германии враждебно столкнулись две империалистические силы. Американская буржуазия считала необходимым свести счеты с этим неудобным и опасным соперником. Еще в 1910 г. американский

адмирал Стимсон в произнесенной в Лондоне речи, отражая настроения американских империалистических кругов, предсказал мировую войну (он точно указал год), в которой Англия и Америка будут бок-о-бок воевать с Германией.

Предпосылка англо-американского сотрудничества

Что американскому империализму в его борьбе за мировую гегемонию придется померяться силой и с Англией, пустившей империалистические щупальцы во всех уголках земного шара, в том числе и на американском материке, обладающей мощным торговым и военным флотом и господствующей на морях, это в Америке прекрасно учитывалось. Однако трезвый расчет подсказывал американской буржуазии начать с Германии. Во-первых потому, что последняя являлась страной быстро нарастающей мощи, в то время как Англия остановилась в своем развитии: былая „мастерская мира" не только давно уступила экономическое первенство Соединенным штатам, но стала отставать в индустриальном развитии и от Германии. Во-вторых, разгром Германии американская буржуазия намеревалась произвести руками Англии и ее союзников.

Вот почему президент САСШ Вильсон заявил в начале войны своему секретарю: „Англия ведет нашу борьбу". Вот почему один влиятельнейший американский финансист заявил:

„Здесь, в Америке, мы очень хорошо понимаем, что союзники борются за *наше дело* и что победа Германии была бы величайшей угрозой для мира нашей страны..."

До поры до времени американские и английские империалисты нуждались друг в друге, нуждались в экономическом и политическом сотрудничестве. Не связывая себя формальным договором, САСШ стремились в максимальной степени использовать опыт, политическое влияние и ресурсы „старшей англо-саксонской сестры" для решения своих очередных империалистических задач. Это сотрудничество проявилось в период испано-американской войны, во время которой Англия поддержала САСШ против германских притязаний в Тихом океане, взамен чего американское правительство оказало английским империалистам морально-политическую поддержку во время англо-бурской войны.

Подобное сотрудничество, которое разумеется не исключало и отдельных конфликтов, имело место не раз на всем протяжении эпохи довоенного империализма, к выгоде для империалистических хищников обеих стран.

САСШ нуждались в экономическом сотрудничестве с Англией. Последней принадлежала львиная доля иностранных инвестиций капиталов, в которых нуждались довоенные САСШ. Англия же была лучшим потребителем американских товаров. Англо-американская торговля значительно превосходила германо-американскую. Например за последние четыре года до войны торговый оборот между САСШ и Англией в среднем равнялся ежегодно 846,5 млн. долларов, в то время как американская торговля с Германией не превышала 480,5 млн., причем Германия почти не вывозила из САСШ готовых товаров.

Нарастание военного конфликта

Из предыдущего изложения мы видели, что исторически сложившийся американо-германский антагонизм был слишком острым, чтобы была возможна иная развязка, кроме войны.

Годы войны еще теснее связали англо-американские интересы против германской опасности. САСШ ссудили странам Антанты (главным образом

товарами) около 8 млрд. долларов. Разгром союзников Германией означал бы потерю американским финансовым капиталом этой колоссальной суммы. Кроме того Америке нужно было вмешаться в войну и для того, чтобы добиться таких экономических и политических условий мира, которые сохранили бы за САСШ господствующую мировую роль, завоеванную ими в годы войны.

Между прочим это обстоятельство вызвало в лагере Антанты мысль о том, что активное вмешательство Америки в войну может повлечь за собою и весьма нежелательные для союзников последствия. Так например французский посол Камбон в беседе с царским послом Извольским заявил, что „война между Германией и Соединенными штатами, как она ни желательна, имела бы также и невыгодные стороны для союзников, так как при заключении мира Вильсон может оказаться весьма неудобным партнером..."

Среди причин стремления САСШ занять место на будущей мирной конференции не последнюю роль играло и стремление застраховать себя от отказа союзников выплачивать военные долги. За две недели до официального объявления войны Германии представитель совета банков САСШ Гардинг опубликовал отчет, в котором писал:

„Как банкиру и кредитору, Соединенным штатам надо иметь место за столом мирной конференции и быть таким образом в более выгодной позиции, для того чтобы сопротивляться какому бы то ни было предложению об отказе от долгов. Нужно твердо помнить, что мы будем вынуждены пустить в ход дубины в защиту каждого из наших граждан, владеющих обязательствами, которые могли бы быть отвергнуты".

Пользование Германией подводным флотом, топившим торговые суда, наносило очень серьезный ущерб торговле Америки со странами Антанты, что не могло не усилить стремления американской буржуазии покончить с этим положением вещей.

И если начало военных действий против Германии САСШ оттянули вплоть до 1917 г., то это вызывалось серьезными причинами как внутреннего, так и международного порядка.

Причины первоначального невмешательства САСШ в войну

Во-первых, не так-то легко было втянуть в войну страну, подавляющее большинство населения которой было настроено решительно против участия в европейской бойне. Даже часть буржуазии, наживавшаяся на военных поставках странам Антанты, в течение ряда лет стояла за нейтралитет.

В августе 1915 г. личный друг и доверенное лицо президента Вильсона, горячий сторонник активного вмешательства САСШ в войну, полковник Хаус, писал американскому послу в Лондоне Пэджу, настойчиво добивавшемуся немедленного объявления войны Германии:

„Сэр Эдуард (английский министр иностранных дел Грей. *Л. Р.*) и вы не знаете истинного положения здесь. Я сам его не знал, пока не вернулся (из Европы) и не начал изучать его. *Девяносто процентов нашего народа не желают, чтобы президент впутал нас в войну*". (Курсив мой. *Л. Р.*)

Массы были так решительно настроены против войны, что господствующие круги опасались революционного взрыва в случае вмешательства Америки в войну. Даже за два месяца до объявления войны, в феврале 1917 г., крупный капиталист Дюрант, глава автомобильного треста Дженерал-Моторс-Компани предостерегал правительство от рокового шага. Дюрант— записывает Хаус в своем дневнике—

„только что вернулся с Дальнего Запада (САСШ. *Л. Р.*) и уверяет, что между Нью-Йорком и Калифорнией он встретил только одного человека, настроенного воинственно. Он думает, что мы все *сидим на вулкане и что война может послужить поводом к его извержению*".

При таких настроениях было слишком рискованно ввязываться в бойню без длительной и настойчивой обработки населения,—без того, чтобы в течение более или менее продолжительного времени не создавать иллюзии, будто правительство напрягает усилия к мирному улажению конфликтов с Германией, будто оно вообще стремится к немедленному прекращению европейской войны и будто немцы своей провокационной и неуступчивой политикой сами вынудили миролюбивое американское правительство к военным действиям для защиты САСШ. Это было тем более необходимо, что в 1916 г. предстояли президентские выборы, во время которых избирательный лозунг: „Вильсон спасет нас от вмешательства в войну" должен был казаться массам правдоподобным.

С чисто американской рекламной шумихой эмиссары американского правительства ездили в Европу с проектами ликвидации войны, Вильсон выступал с миролюбивыми декларациями и т. п. Одновременно тайный комитет разрабатывал все детали будущего участия Америки в войне, подготовлял мобилизацию военных и материальных ресурсов и занимался усиленной обработкой общественного сознания. Купленная пресса все настойчивее кричала о немецких зверствах, о несчастной Бельгии, о необходимости защиты демократии от немецкого варварства и т. д. и т. п. „За свободу—любая цена не высока",—писал нью-йоркский „Таймс" специально для тех, кто подлежал одурачению. Устраивались патриотические демонстрации, молодежь призывалась обучаться военному делу и проводить свободное время в военных лагерях. Пресса, кино, радио, клубные и уличные ораторы — все было пущено в ход для создания военно-шовинистического угара. Словом, подготовка к войне шла на всех парах. Но эта подготовка требовала известного времени.

В расчеты американских империалистов входило также стремление выяснить соотношение сил борющихся сторон, дождаться их истощения, чтобы положить свою тяжелую гирю на весы войны в такой момент, когда можно будет добиться максимальных результатов при наименьшем количестве людских и материальных жертв.

Торопиться было некуда.

Пока-что американская буржуазия занималась спекулятивными поставками воюющим странам и перекачиванием европейского золота в подвалы американских банков. Согласно данным, опубликованным самими трестами, военные прибыли последних ниже 25% не опускались, да и эта цифра была скорее исключением. Иные фирмы получали *до тысячи и больше процентов прибыли*.

Пока-что американская буржуазия занималась решением важнейших империалистических задач в обеих Америках и на Дальнем Востоке.

Экспансия САСШ в Америке в годы войны

До войны САСШ успели завоевать серьезные позиции лишь в Канаде, и то лишь в области торговли; в сфере ввоза капитала абсолютно преобладала Англия. Что же касается Центральной и Южной Америки, то лишь война, отвлекавшая европейские страны от американских дел, дала возможность американскому империализму обратиться к реализации плана вытес-

нения европейской торговли и европейского капитала с американского материка и превратить последний в свой монопольный рынок и сферу приложения капитала.

Годы нейтралитета САСШ и использовали для лихорадочно-интенсивной деятельности в этом направлении.

В мае 1915 г. была созвана пан-американская конференция, на которой кроме САСШ присутствовали и представители двадцати американских государств.

„Наступило время — заявил на конференции министр финансов САСШ — установить более тесные финансовые связи между народом Соединенных штатов и народами Центральной и Южной Америки".

К августу 1914 г. было закончено прорытие Панамского канала, имеющего для САСШ колоссальное экономическое и стратегическое значение. Для установления своего реального контроля над каналом американский империализм задался целью прибрать к рукам близлежащие республики и острова. С этой целью САСШ купили в 1916 г. за бесценок у Дании принадлежавшие ей острова в Антильской группе. С той же целью американские империалисты сорганизовали разбойничий налет на республики Сан-Доминго и Гаити.

Тактика американского империализма почти всюду в этих случаях была однотипна. Сначала страна опутывалась сетью ростовщических займов, нередко навязываемых силой оружия, затем начиналось бесцеремонное вмешательство во внутренние дела страны-должника, организация восстаний против неугодных американскому капиталу правительств и насаждение правительств, ему послушных. И наконец следовала военная оккупация.

Сан-Доминго была оккупирована в ноябре 1916 г. В начале этого же года американские империалисты силою навязали Гаити „договор", превращавший эту несчастную страну в фактическую колонию САСШ.

Проектируя прорытие параллельного Панамскому канала через Никарагуа, САСШ еще за несколько лет до европейской войны добивались от этой республики права построить канал, получения морской базы в заливе Фонсэка и уступки им островов Большого и Малого Хорна. Верные своей тактике, американские империалисты пустили в ход ловушку в виде займа. „Все внимание должно быть сосредоточено на займе" — инструктировал министр иностранных дел САСШ своего консула в Никарагуа. Но, наученные горьким опытом, никарагуанцы от этого благодеяния отказались. И вот началась многолетняя, упорная и неравная борьба между империалистическим колоссом и крохотной республикой, отстаивавшей свою национальную независимость. К февралю 1916 г. сопротивление Никарагуа было сломлено. САСШ добились своего.

Мы уже видели борьбу Вильсона за интересы американских нефтяников в Мексике. Под лицемерно-ханжеским лозунгом: „научить южно-американские государства выбирать хороших людей", Вильсону удалось в 1914 г. разбить и изгнать из Мексики неугодного американскому финансовому капиталу президента Хуэрта. Однако американский капитализм еще не считал своих позиций в Мексике достаточно прочными, особенно в связи с подготовкой там конституции, в которой предполагался параграф, задевавший интересы иностранных концессионеров.

Восточная политика САСШ в годы войны

Прорытие Панамского канала, сократившего путь из промышленных районов САСШ на Дальний Восток на тысячи миль, и фактический уход из Китая европейских конкурентов Америки обусловили быстрый рост американо-китайской торговли во время войны. В то время как в 1910—1914 гг. средний годовой ввоз САСШ в Китае не превышал 21,5 млн. долларов, в 1915 г. он поднялся до 31,5 млн. долларов, а в 1917 г. достиг суммы в 40 млн. В 1918 г. он равнялся уже 52,5 млн. долларов.

Американские банки добились в Китае также ряда крупных концессий, сопровождавшихся займами.

Воспользовавшись благоприятной ситуацией, созданной европейской войной для американской буржуазии, последняя с большой энергией пустилась на завоевание китайских рынков, к которым она стала настойчиво тянуться еще с конца 90-х годов прошлого века.

Но при реализации этих планов САСШ встретились с грозной и крайне агрессивной конкуренцией Японии. Последняя, присвоив все права Германии в Шаньдуне и захватив ряд китайских провинций, предъявила 18 января 1915 г. Китаю так называемые „21 условие", согласно которым Китай должен был признать особые и преимущественные права Японии в Шаньдуне, южной Манчжурии, восточной части внутренней Монголии, предоставить Японии железнодорожные концессии, приобрести в Японии не меньше половины потребного Китаю оружия, признать японский контроль над китайской полицией, пригласить японских советников по политическим, финансовым и военным делам. Специальный пункт запрещал Китаю уступать или сдавать в аренду третьей державе гавани, бухты или острова вдоль берегов Китая.

Эти 21 условие были явным вызовом САСШ, так как они полностью противоречили американской доктрине „открытых дверей", т. е. предоставления всем иностранным державам одинаковых прав в Китае. И хотя сами САСШ в тех случаях, когда это соответствовало интересам американского финансового капитала, в прошлом отступали от своей официальной доктрины, тем не менее сейчас они вновь подтвердили доктрину открытых дверей, настойчиво посоветовав китайскому правительству отклонить японский ультиматум.

Когда же Китай был вынужден этот ультиматум, — правда в несколько смягченной форме, — принять, американское правительство заявило решительный протест. В ноте Китаю оно указывало в частности, что принятие Китаем японских условий лишает американцев возможности построить док-ярд и фортификационные сооружения близ Фучжоу, несмотря на то что американский трест „Вифлеемская стальная корпорация" уже с 1911 г. добивается этих концессий и добился подписания договора с китайским морским министром в марте 1914 г.

Началась упорная дипломатическая борьба между американскими и японскими империалистами, закончившаяся договором от 2 ноября 1917 г. Договор подтверждал доктрину открытых дверей, но признал особые права Японии в пограничных с нею провинциях Китая.

На эту временную уступку американские империалисты были вынуждены пойти в силу того, что САСШ уже находились тогда в состоянии войны с Германией и нуждались поэтому в перемирии на Дальнем Востоке. Именно в *перемирии*, ибо мира между этими двумя претендентами на империалистическое верховенство на Дальнем Востоке и быть не могло.

„Вся дипломатическая и экономическая история Дальнего Востока, — пишет Ленин, — делает совершенно несомненным, что на почве капитализма предотвратить назревающий острый конфликт между Японией и Америкой невозможно". Далее Ленин указывает, что этот антагонизм был временно прикрыт союзом против Германии. (*Ленин*. Соч., т. XXIII, стр. 5.)

Объявление войны Германии

Активные элементы американского империалистического лагеря давно искали повода для возбуждения шовинистических страстей у населения и для провокации военного выступления САСШ против Германии.

В этом отношении любопытна судьба океанского парохода „Лузитания", плававшего под американским флагом и потопленного немецкой подводной лодкой. О возможности потопления „Лузитании" немецкой подводной лодкой упомянутое уже нами доверенное лицо Вильсона — „полковник" [1] Хаус в числе других знал заранее, и тем не менее американская публика не предупреждалась об этой опасности. 15 июля 1915 г., примерно через месяц после потопления „Лузитании", американский посол в Лондоне Пэйдж писал Хаусу:

„Я хочу сказать странную вещь, но единственное разрешение вопроса, какое я вижу, — *это потопление второй „Лузитании": это заставит воевать*".

Мы видели однако, что руководящие круги американского империализма выжидали более удобного момента для решающего слова. Мы видели, с какой настойчивостью шла в Америке внутренняя и внешняя подготовка к войне. К началу 1917 г. Америка была в основном готова к ней.

Нашлись и подходящие доводы к войне. В январе 1917 г. в Америке было перехвачено письмо германского министра иностранных дел Циммермана посланнику в Мексике, в котором последнему предлагалось побудить мексиканское правительство — в случае выступления Америки против Германии — напасть на САСШ с целью отвоевания областей, аннексированных САСШ у Мексики в XIX веке Германия обещала Мексике для этой цели финансовую помощь. Кроме того президенту Мексики предлагалось убедить Японию порвать с Антантой и свести счеты с САСШ, соперником Японии на Дальнем Востоке. В феврале это письмо было опубликовано в американской прессе и энергично использовано для определенных целей.

„Их (германцев) зловещая и тайная дипломатия, — заявил Вильсон в конгрессе, — намеревалась отторгнуть от нас нашу собственную территорию и разрушить наш союз..."

И наконец представился очень удобный повод к войне. 31 января 1917 г. германское правительство вручило американскому послу ноту о начале беспощадной подводной войны против Антанты. Эта нота означала вызов насущнейшим интересам американского капитала. 3 февраля Вильсон объявил о разрыве дипломатических отношений с Германией. 2 апреля он внес в конгресс (законодательное учреждение) предложение об объявлении войны Германии. „Мы должны принять участие в войне" — гласило обращение Вильсона к конгрессу. Президент концентрировал внимание депутатов на „незаконном" применении Германией подводного флота. Прибегая к своей обычной манере „космополитизировать" интересы американского империализма, Вильсон утверждает, что „теперешняя борьба Германии против торговли есть

[1] В некоторых районах САСШ распространен обычай жаловать военные титулы лицам, не имеющим никакого отношения к военному делу и военному ведомству.

борьба против человечества". В обращении к конгрессу от 26 февраля президент считал, что САСШ достаточно будет ограничиться позицией „вооруженного нейтралитета", чтобы „предохранить народ от незаконного насилия", но эта тактика оказалась непрактичной. Придется воевать, ибо „право важнее мира". Увлекшись евангельской риторикой, Вильсон не упоминает больше об интересах американской торговли. Нет, страна пойдет на заклание во имя установления всеобщего союза свободных народов, во имя спасения всех народов и установления всеобщего мира. Во имя всего этого Америке придется пролить кровь. „Да поможет ей бог, мы иначе поступить не можем". Через 4 дня конгресс утвердил это предложение Вильсона об объявлении войны.

Вильсон, как представитель американского империализма

Кандидат демократической партии Вильсон прошел на президентских выборах 1912 и 1916 гг. голосами Юга и в значительной степени Запада. За него подали голоса широкие массы мелкой буржуазии и отчасти рабочие.

Было бы однако ошибочным рассматривать Вильсона как представителя и проводника интересов фермерской массы. Как мы видели, в эпоху империализма все больше стиралась былая социальная грань между демократической и республиканской партиями: обе превратились в политические бюро финансового капитала. Демократические лозунги все больше превращались в средство предвыборного одурачивания масс.

Правда, в демократической партии было „левое" крыло, представленное в частности Брайаном и пытавшееся говорить от имени фермеров, а также мелкой и средней торгово-промышленной буржуазии, от имени нетрестированного капитала. Но Вильсон к этому крылу не принадлежал. Потомок рабовладельцев, прошедший школу буржуазной юриспруденции, в прошлом — адвокат, затем профессор и президент Принстонского университета и наконец губернатор промышленного штата Нью-Джерси, он принадлежал в демократической партии к послушному воле трестов и банков правому крылу. Вильсон выходил из демократической партии каждый раз, когда она склонялась к „левому" курсу, и возвращался туда лишь после того, как партия возвращалась на стезю „добропорядочной" политики. Он постоянно боролся против каких бы то ни было блоков с мелкобуржуазными организациями вроде популистов, а также с „серебряными республиканцами", т. е. с той частью республиканской партии, которая выступала в защиту биметаллизма. Он боролся против кандидатуры Брайана на президентский пост.

Ханжа и лицемер, Вильсон умел маскировать свою службу буржуазии демагогической болтовней. Но уже первое президентство Вильсона ознаменовалось проведением банковской реформы, учреждением так называемой федеральной резервной системы, передававшей контроль над всеми командными высотами народного хозяйства кучке финансовых магнатов.

Плохо разбираясь в вопросах международной политики, Вильсон однако и здесь служил американскому империализму по мере своих сил. В Центральной и Южной Америке Вильсон проводил еще более агрессивную империалистическую политику, чем его республиканский предшественник. Установлено, что Вильсон конспирировал даже против Брайана, возглавлявшего одно время министерство иностранных дел. Эта конспирация против Брайана понадобилась потому, что, отражая настроения мелкобуржуазных масс, министр иностранных дел выступал сторонником строгого нейтралитета. Устранить же Брайана с поста миниидела пока что было нецелесообразно, так как он служил удобной ширмой, которую можно было использовать для маскировки под-

готовки к войне. Лицемерие Вильсона заходило так далеко, что в конце февраля 1917 г., когда подготовка Америки к войне шла на всех парах, Вильсон в послании конгрессу заявил:

„В настоящее время я не замышляю войны; равным образом я не делаю никаких шагов, которые могли бы привести к ней.

Для материальной и моральной подготовки САСШ к войне в конце 1916 г. был создан „Совет национальной обороны" в составе министров: военного, морского, внутренних дел, сельского хозяйства, труда и торговли. При СНО был создан Совещательный совет в составе шести представителей банковских и трестовских кругов и одного представителя Американской федерации труда".

Эти лица возглавляли особые комиссии, в свою очередь состоявшие из представителей крупнейших трестов. В состав, например, стальной комиссии входили: директор крупнейшего треста „Американ Стил Корпорэйшен" — Гэри, затем один из крупнейших капиталистов Карл Шваб — директор Вифлеемского стального треста и им подобные.

Медную комиссию возглавлял президент Анакондского медного треста Райн и т. п. В числе прочих функций в задачи комиссий входило регулирование цен по военным заказам. Это в значительной степени объясняет нам источник тысячных процентов прибыли в годы войны.

Практика мелких уступок и бешеного террора

Во время войны американская промышленность, обслуживавшая широкий внутренний рынок и военное ведомство, получавшая колоссальные заказы из Европы, завоевавшая канадский, южно-американский и дальневосточный рынки, работала с полной нагрузкой. Расширялись существующие предприятия, создавались новые. Возникали новые отрасли производства. Рос спрос на рабочие руки, и так как эмиграция из Европы фактически почти прекратилась,—безработица почти рассосалась, хотя далеко не полностью, ибо и в годы войны в стране насчитывалось в среднем около миллиона безработных. Одним из методов психологической войны—подготовки, энергично проводимой американской буржуазией и ее социал-фашистской агентурой,— является утверждение, будто в годы империалистической войны американский пролетариат благоденствовал. Рабочие требовали все большего и большего повышения заработной платы соответственно росту цен — и добивались этого... Как и раньше, процветание способствовало преуспеванию и росту мощи организованного труда" — заявляли апологеты американского капитала. Но действительность выглядела далеко не столь радужно! Правда, буржуазия бросала рабочим крохи из своих военных сверхприбылей, номинальная заработная плата в среднем поднялась. Но так как рост цен значительно обгонял рост заработной платы (в 1918 г. индекс цен по отношению к 1913 г. показывал повышение на 125%), что особенно больно ударило по низко оплачиваемым категориям рабочих, то стачечное движение в стране не прекратилось и во время войны. Так в 1916 г. было 3789 стачек с 1560 тыс. (в круглых цифрах) участников; в 1917 г. — 4450 стачек с 1227 тыс. участников и в 1918 г. 3353 стачки, в которых участвовало 1240 тыс. рабочих.

Готовясь к войне и стремясь упрочить тыл, правительство пошло на некоторые уступки рабочим. Военное ведомство труда (при Совете обороны) признало за рабочими право создавать профсоюзы и заключать коллективные договоры с предпринимателями. В 1916 г. четыре „братства" железнодорож-

ников, а именно: машинисты, кочегары, кондуктора и проводники, создав единый фронт, угрозой забастовки заставили правительство ввести на транспорте 8-часовой рабочий день.

Правительство строго следило за тем, чтобы организованное движение рабочих руководилось реакционными вождями из Американской федерации труда. Поэтому, одновременно с изданием вышеназванного профсоюзного закона, правительство со всей силой обрушилось террором на революционное рабочее движение.

Впервые в САСШ была введена цензура по всей стране.

17 июня 1917 г. конгресс принял закон о шпионаже, направленный против левых рабочих, не поддавшихся шовинистическому угару. В мае 1918 г. был издан суровый закон о так называемом „преступном синдикализме". В эти же годы Вильсон издал указ, воспрещающий объяснять вступление Америки в войну причинами „низменного материального свойства". Вильсон приказывал всем американцам верить, что САСШ вступили в войну исключительно по идеалистическим мотивам спасения демократии во всем мире.

Сомневающихся в этом ждала каторжная тюрьма сроком до 20 лет.[1]

Известный коммунист Джон Рид был посажен в тюрьму за то, что в своей речи цитировал статью из... английской либеральной газеты „Манчестер Гардиан". С перепугу правительство арестовало даже таких заядлых оппортунистов, как Виктор Бергер и ему подобные герои Социалистической партии.

На ряду с правительственным террором свирепствовал террор буржуазно-патриотических организаций и наемных банд. С помощью этих организаций буржуазия громила организации революционных рабочих и истребляла их вождей. С их же помощью велась свирепая борьба со стачками. Рабочих под страхом увольнения заставляли подписываться на „Заем свободы" и жертвовать в пользу „Красного креста".

В ряду шовинистических и штрейкбрехерских организаций, преследовавших и истреблявших революционных пролетариев, весьма почетное место занимала Американская Федерация Труда.

Роль профсоюзных бюрократов. Гомперс

Война чрезвычайно повысила активность американских рабочих. За эти годы количественно выросли ряды всех рабочих организаций.

Численность Американской Федерации Труда, развившейся в наиболее благоприятных условиях, при содействии правительства и предпринимателей, увеличилась примерно с 2 млн. в 1914 г. до 3,25 млн. в 1919 г. Продажные вожди федерации, агенты буржуазии в рабочем движении Гомперс и К° сделали все от них зависящее для превращения этой мощной организации в часть военной машины американского империализма.

Патентованный предатель Гомперс, вождь федерации, обязался перед правительством соблюдать мир в промышленности, не организовывать стачек

[1] Это не помешало самому Вильсону впоследствии заявить в Сен-Луи: „Конечно, это была торговая война". А Рузвельт заявил: „Мы вступили в войну не для спасения демократии, а потому, что имеем специальные претензии".

На основании упомянутого закона Вильсон должен был бы посадить в тюрьму даже своего министра Мак-Аду, который в органе финансовой буржуазии („Банковский журнал") в ноябрьском номере 1917 г., совершенно отбросив идеалистическую словесность, писал, что война с Германией нужна в виду той грозной опасности, которую победоносная Германия представляла бы для интересов американского империализма.

и не допускать „диких“ стачек, а также не вовлекать неорганизованных рабочих во время войны в профсоюзы.

Свое отношение к войне вожди федерации меняли соответственно позиции буржуазии. До европейской войны, да и в начале ее, Гомперс отстаивал нейтралитет САСШ, заявляя, что война будит в человеке зверя. Но уже в январе 1916 г. Гомперс отказался от своего пацифизма, заявив в буржуазной организации—Национальной гражданской федерации (вицепрезидентом которой Гомперс состоял с окладом в 6 тыс. долларов в год), что он понял, что людям свойственно воевать и жертвовать своей жизнью за „идеалы“.

На заседании Национальной гражданской федерации, на котором присутствовал цвет американского империализма (Теодор Рузвельт, Вильям Х. Тафт, Генри Стимсон, генерал Леонард Вуд и др.), Гомперс усердно каялся в своих былых пацифистских грехах: „Много находилось крайних пацифистов, которые не могли найти никакого оправдания войне или применению насилия в международных делах. И я также находил эти идеалы привлекательными“. Но с божьей помощью и по заказу американской плутократии Гомперс отныне просветлен и признает войну за благо.

Зачем понадобилось Гомперсу изливать подобного рода военный восторг в НГФ — он цинично рассказывает в своей автобиографии. Само собой разумеется, Рузвельты и Тафты не нуждались в увещеваниях о том, что САСШ должны принять активное участие в империалистической войне. Они без того были убежденными сторонниками активной империалистической политики САСШ. *Иными настроениями были охвачены массы.* Их-то „обрабатывал“ приказчик американского империализма. „Наш народ, — пишет Гомперс, — не хотел быть вовлеченным в европейские дела... Но теперь, когда война стала неизбежной, мы чувствовали, что умы американцев должны быть в этом направлении подготовлены“. Для обработки сознания масс Гомперс и использовал трибуну Национальной гражданской федерации. „Это — говорит Гомперс — была речь, непосредственно направленная по адресу наемных рабочих“.

По мере усиления американской плутократией подготовки к войне усиливалась и военная агитация профсоюзных бюрократов. Постепенно аппарат желтых профсоюзов все теснее связывался с государственным аппаратом. Как сообщает Гомперс в своих мемуарах, еще в октябре 1916 г. он получил секретное уведомление о предоставлении ему ответственного поста в Совещательном совете при Совете национальной обороны. Посоветовавшись со своими коллегами по АФТ, Гомперс это предложение принял. Гомперс принял живейшее участие в тайной подготовке САСШ к войне. В Совете национальной обороны Гомперс руководил военным ведомством труда, куда, по его словам, он пригласил для сотрудничества виднейших представителей банков и промышленности, как-то: Джона Рокфеллера, Теодора Рузвельта и др. Впрочем Гомперс утверждает в своих мемуарах, что идею разработки плана военной мобилизации промышленности он, вместе с Говардом Кафиным, вице-президентом треста „Гудсон-Моторс-Корпорейшен“ и будущим членом Совещательного совета при Совете национальной обороны, выдвинул еще в начале 1916 г.

12 марта 1917 г., т. е. за 3—4 недели до вступления Америки в войну, состоялась конференция профсоюзных чиновников, принявшая патриотическую декларацию, в которой между прочим говорилось:

„Если вопреки всем нашим усилиям к сохранению мира наша страна будет вовлечена в водоворот европейского конфликта, мы, объявляя идеалы свободы и справедливости необходимой основой национальной политики страны, предлагаем свои услуги во всех сферах деятельности, направленной к защите, спасению и ограждению республики Соединенных штатов Америки от ее врагов, кто бы они ни были. Мы призываем всех товарищей рабочих и всех сограждан во имя святого труда, справедливости, свободы и человечности отдаться такому же преданному патриотическому служению родине".

Несколько месяцев спустя после начала войны профбюрократы создали специальную организацию для борьбы с левым рабочим движением, так называемый Американский альянс труда и демократии.

Революционное рабочее движение

Как ни энергично поработали буржуазия и подкупленные ею профсоюзные бюрократы над шовинистическим отравлением сознания пролетариата и как ни был силен вначале этот военно-патриотический угар, значительные слои рабочих, особенно на западе страны, продолжали стоять на антипатриотических, революционно-классовых позициях.

Сельскохозяйственные и лесные рабочие Западных штатов, горнорабочие, строители и другие, среди которых почти отсутствовало влияние гомперсовской банды, не прекращали стачечной борьбы. К несчастью, руководство ими находилось в руках Индустриальных рабочих мира (ИРМ), вожди которых предоставляли в распоряжение боровшихся рабочих не только свое изумительное мужество и беззаветную преданность рабочему классу, но и путанную анархо-синдикалистскую идеологию. Лишь впоследствии лучшие элементы индустриальных вождей, как Вильям Хейвуд и другие, перешли на сторону коммунизма, на позицию сочетания экономической борьбы с политической, на позицию борьбы за диктатуру пролетариата.

В годы войны ряды Индустриальных рабочих мира пополнялись с небывалой быстротой. Трудно точно определить количество членов ИРМ, так как в условиях подполья, в которое фактически, а вскоре и юридически, была загнана организация, никакой точной статистики и быть не могло. Справочники приводят самые противоречивые данные: от 60 до 200 тыс. членов. Во всяком случае бесспорно, что в 1917 г. — за один только год — ряды ИРМ увеличились больше чем вдвое. Это было одним из показателей революционного протеста значительных слоев американского пролетариата против преступной империалистической войны.

1 июня 1917 г. забастовали лесные рабочие Северо-запада под лозунгами: за 8-часовой рабочий день, против бесчеловечной эксплоатации на лесозаготовках. Через две недели забастовали горняки г. Бьютта в штате Монтана, к которым вскоре присоединилось около 25 тыс. горнорабочих штата Аризона.

Правительство, буржуазия и профсоюзные бюрократы с неслыханной жестокостью обрушились на революционных рабочих. Так например 12 июля 1918 г. двухтысячный отряд сыщиков и фашистов напал ночью на горняцкий поселок Бисби (штат Аризона), выгнал рабочих полуголыми из домов и увез их в товарных вагонах в концентрационные лагери.

1 августа 1917 г. бандой, нанятой трестом Анкония-Майнинг К°, был схвачен и повешен член исполкома ИРМ Франк Литтл, объезжавший стачечный район величайших в мире медных рудников. В ноябре того же года

был арестован почти весь состав съезда ИРМ. Установлено, что в годы войны в американских тюрьмах одновременно находилось не меньше тысячи деятелей ИРМ.

22 июля 1916 г. в Сан-Франциско во время военного парада провокатор бросил бомбу, взрывом которой многие были убиты и ранены. Власти немедленно арестовали 5 человек, среди которых были вожди радикального рабочего движения — Том Муни, Уоррен Биллингс и др., и предъявили им обвинение в убийстве. Все было заранее подготовлено. Нанятые свидетели давали нужные прокурору показания. Не помогли показания 60 свидетелей защиты, приводивших бесспорнейшие доказательства невиновности обвиняемых, не помогло вскоре последовавшее признание главного свидетеля обвинения, некоего Оксмана, в лжесвидетельстве. Биллингс был присужден к пожизненному заключению, а Муни — к смерти. 13 декабря 1918 г. должна была состояться казнь Муни, и лишь мощный протест мирового пролетариата, в особенности внушительные демонстрации советских рабочих, спасли его жизнь.

В мощной волне забастовок протеста американских рабочих против злодеяния классового суда Американская Федерация Труда участия не приняла. Четырехдневная забастовка протеста против решения суда по делу Муни — Биллингса почти миллиона американских рабочих (4—7 июля 1919 г.) состоялась вопреки саботажу лидеров АФТ. Гомперсы были активными соучастниками заговора буржуазии против жизни рабочих вождей. Муни до сих пор находится в тюрьме, несмотря на то что его невинность давно доказана. Зато гнусных убийц пролетария-революционера Франка Литтля власти и пальцем не тронули; напротив, эти наемные головорезы были объявлены национальными героями. Для террора подобного рода у буржуазии было тем более „основания", что решительный революционный протест против империалистической бойни заявили сравнительно значительные слои рабочих и фермеров. Одним из наиболее значительных проявлений этого протеста было бегство в горы 25 тыс вооруженных фермеров штата Оклахома, до конца сопротивлявшихся мобилизации. Уклонившихся от мобилизации и дезертировавших из армии насчитывалось не менее 250 тыс. человек. Без кровавого террора буржуазии не удалось бы погнать массы на преступную войну.

Социалистическое движение во время войны

Война привела к резкому идейному размежеванию социалистических рядов. Это с полным основанием отметил В. И. Ленин в начале 1916 г.[1] Так например в апреле этого года Ленин писал:

„Пример Америки, может быть, еще более поучителен, потому что там, даже в нейтральной стране, обнаружилось уже два непримиримо враждебных течения в социалистической партии: с одной стороны, сторонники так называемого „preparadness",[2] т. е. войны, милитаризма и маринизма, с другой стороны, такие социалисты, как Евгений Дебс, бывший кандидат социалистической партии в президенты, открыто проповедующий гражданскую войну за социализм именно в связи с грядущей войной". (Соч., т. XIX, стр. 63.)

---

[1] См. речь Ленина на интернациональном митинге в Берне 8 февраля 1916 г. (Соч., т. XIX, стр. 19), его письмо т. Сафарову „О задачах оппозиции во Франции" (там же, стр. 22) и наконец в Предложениях Центрального комитета РСДРП II социалистической конференции (там же, стр. 63).

[2] Слово „припэреднес" значит готовность. Имелась в виду военная готовность.

Социалистическая рабочая партия

Социалистическая рабочая партия, воспитанная ее покойным вождем Даниэлем Де-Леоном[1] в духе интернационализма, не дала себя захлестнуть пронесшейся по стране мощной волне шовинизма. Но, верная своей глубокоошибочной тактике, партия и на этот раз ушла в мир сектантского небытия, приняв бессмысленную резолюцию о том, что война ее „не касается" и что она будет продолжать свое дело социалистической пропаганды. Руководство партии отказалось от использования нелегальных методов борьбы, скатившись на позиции легализма и пацифизма. Лишь постепенно наиболее жизнеспособные элементы партии освобождались от сектантства и переходили на позиции действенного, боевого интернационализма. Как правило, эти элементы порывали с партией и переходили в ряды коммунизма.

Социалистическая партия

Официальные вожди социалистической партии заняли в начале европейской войны вульгарно-пацифистскую позицию, отвлекая массы от революционной борьбы против империализма. Но как только САСШ активно вмешались в мировую бойню, эти вожди стали звать массы к примирению с войной, как с совершившимся фактом.

12 августа 1914 г. исполком Социалистической партии, „строго осудив" войну, обратился к правительству САСШ с просьбой предложить воюющим странам свое посредничество. В сентябре исполком телеграфно обратился к Международному социалистическому бюро и к руководящим социалистическим деятелям воюющих стран с предложением употребить свое влияние, чтобы побудить свои правительства принять американское посредничество.

Таким образом, вместо того, чтобы звать и мобилизовать массы на превращение империалистической войны в войну гражданскую, в войну за революционное свержение капитализма, Хилквиты, Бергеры и К⁰ не нашли лучшего выхода из войны, как посредничество американского империализма в кровавой схватке европейских империалистических коалиций.

12 сентября 1914 г., когда полностью обнаружилась предательская роль официальных вождей II Интернационала, исполком Социалистической партии Америки обратился к европейским социалистическим партиям с предложением созвать международный социалистический конгресс для обсуждения условий мира.

В этом позорнейшем документе между прочим говорится:

„Мы ни в коем случае не осуждаем поведения наших братских партий Европы". (Вот уж подлинно: ворон ворону глаз не выклюет!) „Мы отдаем себе ясный отчет в том, что они являются жертвой нынешних порочных индустриальной, политической и милитаристской систем" (бедные социал-патриоты!) „и что они делали лучшее, что могли в этих условиях..." Далее исполком ссылается на резолюцию международного конгресса II Интернационала в Штутгарте (1907 г.), из которой американские оппортунисты запомнили лишь два тезиса: во-первых, социалисты должны приложить все усилия к предотвращению войны, и во-вторых — в случае возникновения войны социалисты должны всеми силами стремиться к скорейшему ее прекращению. *Главного* тезиса штутгартской резолюции, который Ленин вместе с Люксембург внес и отвоевал, — тезиса о превращении империалистической войны в войну гражданскую, — Хилквиты, Бергеры и К⁰ так и не заметили.

[1] Де-Леон умер в мае 1914 г.

По мнению авторов упомянутого обращения, социалисты воюющих стран „честно и героически" боролись за предотвращение войны.

В мае 1915 г. исполком Социалистической партии опубликовал свою „Программу мира". В ней содержится пункт о мире без аннексий и контрибуций, о создании какой-то „мировой интернациональной федерации" (капиталистических стран!) и о всеобщем разоружении... „как только представится возможность".

Поставленный на референдум новый пункт устава, под угрозой исключения из партии запрещавший представителям социалистической партии голосовать за военные кредиты, собрал свыше 11 тыс. голосов против 782, что самым наглядным образом продемонстрировало действительные настроения рядовых членов партии.

На президентских выборах 1916 г. социалистическая партия, выставившая кандидатуру Дебса, выступила под лозунгом: „Мы спасем вас от войны".

2 февраля 1917 г., когда даже слепым было ясно, что американский империализм на всех парах идет к войне, конференция Социалистической партии обратилась к Вильсону со смехотворным требованием „в интересах огромного числа социалистов Соединенных штатов и во имя сохранения мира в стране" прекратить снабжение воюющих стран продовольствием и военным снаряжением.

„Последуйте, господин президент, примеру вашего славного предшественника Томаса Джефферсона[1] и наложите полный арест на все суда. Это прекратит войну".

Исполком партии выпустил еще несколько воззваний, обращений и деклараций, но ничего не сделал для организации боевого пролетарского движения.

Предательство реформистских вождей

Когда же Америка объявила войну Германии, ряд вождей вроде Спарго, Уолинга, Рэсселя и др. снял маску и стал открыто защищать интересы американского империализма. Другие реформистские лидеры пытались делать по существу то же самое, но в замаскированном виде.

Прибегая к головоломным логическим трюкам, Джон Спарго силился отстоять тезис, что „нелойяльность к Америке (капиталистической. *Л. Р.*) означает в то же время нелойяльность к понятию интернационализма". Спарго выступил с открытой ревизией марксизма, заявив, что социализм не есть продукт классовой борьбы, а вытекает из „основных американских идеалов", сводящихся к равенству возможностей во власти и производстве. Спарго выдвинул требование: а) открыто отказаться от классовых установок и широко открыть двери партии мелкобуржуазным („средним") элементам; б) отказаться от „ложно понятого" интернационализма и активно поддержать буржуазию в решении ее империалистических задач. По существу, это и делало партийное руководство, находившееся в руках центристов, но делать это оно предпочитало более „тонкими" и завуалированными методами.

7—14 апреля в Сен-Луи состоялся экстренный партийный съезд, на котором вожди попытались провести резолюцию, являющуюся образцом гнуснейшего предательства реформистов. Резолюция заявляла: „Мы протестовали против вступления нашей страны в войну, но проиграли". Прибегая к обычной манере оппортунистических вождей взваливать вину за их реформистское бессилие на массовое рабочее движение, резолюция далее

[1] Джефферсон был президентом в 1801—1809 гг.

утверждала, что экономические и политические организации рабочих оказались недостаточно сильными, чтобы итти дальше протеста. И наконец резолюция утверждала, что так как путем пропаганды не удалось предотвратить войну, надо „признать войну как факт" и „попытаться через общественное мнение заставить правительство принять нашу конструктивную программу". Побудить агента финансового капитала Вильсона принять социалистическую программу... Для этого воздействовать на правительство через „общественное мнение!"...

Но на этот раз подлая игра реформистов сорвалась: резолюция центристского руководства собрала всего лишь 31 голос против 140, поданных за резолюцию левого крыла. Откровенные социал-империалисты собрали 5 голосов.

Хилквит остался очень доволен собою и своей позицией в отношении войны. В предисловии к сборнику партийных документов, выпущенному летом 1917 г. и посвященному проблеме войны, он утверждал, что официальная позиция Социалистической партии является „свидетельством стойкой приверженности принципам интернационального социализма, которой партия может по праву гордиться". Нужно обладать специальным вкусом, чтобы беззубый и трусливый пацифизм, разоружавший пролетариат и приведший официальное партийное руководство к „примирению" с войной, выдавать за стойкий интернационализм...

Для иллюстрации подобного рода „интернационализма" не лишним будет указать, что единственный представитель Социалистической партии в парламенте (конгрессе) Мейер Лондон голосовал за официальное обращение конгресса, выпущенное ко дню годовщины вступления Италии в войну, а социалистические члены нью-йоркского муниципалитета голосовали за отпуск кредитов на сооружение триумфальной арки, на которой в числе прочих побед американской армии значилась также „победа при Мурманске" американских оккупационных войск. Лидер партии *Бергер* приветствовал германскую оккупацию Украины.

Левое крыло Социалистической партии

Как мы уже отмечали, и до войны в Социалистической партии было левое меньшинство, более или менее энергично боровшееся с оппортунистическим руководством вождей. Так например в 1912 г. 90 делегатов голосовали против резолюции, воспрещавшей применение методов насилия в классовой борьбе пролетариата. Во время войны левое крыло непрерывно усиливалось.

Один из популярнейших вождей американского рабочего движения Юджин Дебс, которого Ленин называл американским Бебелем, занимал во время войны интернационалистическую позицию и временами подымался до проповеди гражданской войны против капитализма.

28 августа 1915 г. Дебс на страницах газеты „Appeal to Reason" („Призыв к разуму") обратился к рабочим с призывом „никогда не итти в армию и на войну". В ответ на запросы рабочих, против всякой ли войны восстает Дебс, последний выступил со статьей, которую Ленин не раз цитировал в годы всеобщего шовинистического опьянения и неслыханного предательства официальных вождей II Интернационала.

Нет,— писал Дебс в „Appeal to Reason" (11 сентября 1915 г.), — я противник не всех войн, не против всякой борьбы я восстаю. Ибо в противном случае меня следовало бы дисквалифицировать как революционера. Я борюсь лишь против войн господствующего класса, ибо именно он является виновником войны. И мне безразлично, будет ли война наступательной или оборонительной, или как еще иначе ее лживо будут называть, — я борюсь против нее... У меня нет страны, за которую нужно сражаться. Моя родина — вся земля, я — гражданин мира...

Но, отказываясь пролить хоть каплю крови за интересы угнетателей рабочего класса... я готов пролить кровь за их жертвы, когда это станет необходимым в войне за их освобождение.

Я не капиталистический солдат. Я не принадлежу к регулярной армии плутократии, но я принадлежу к нерегулярной армии народа... Я против всякой войны, кроме одной, за которую я стою всей душой: за всемирную войну в пользу социальной революции. В этой войне я готов участвовать во всех формах, в каких господствующий класс может сделать это необходимым, — вплоть до баррикад".

За мужественный протест против войны, равно как и за публичное выражение симпатии русским большевикам, Дебс в 1918 г. был присужден к десятилетнему заключению в крепости. Обладая инстинктом пролетарского революционера, Дебс однако не отличался последовательностью и нередко сбивался на вульгарный пацифизм, заявляя, что он вообще „против пролития человеческой крови". Будучи в теоретическом и политическом отношении в плену у реформистских вождей партии, Дебс, как мы увидим дальше, занял неправильную позицию и в вопросе о диктатуре пролетариата и в ряде других кардинальных вопросов революции. Таким образом интернационалистская позиция Дебса во время войны оказалась лишь левым зигзагом в его зигзагообразной политической биографии.

Высоко ценя боевой темперамент Дебса и широко используя его боевые интернационалистские выступления во время войны, В. И. Ленин однако не идеализировал Дебса:

„А что такое Eugene Debs?[1] — писал Ленин Коллонтай в ноябре 1915 г. — Пишет он иногда революционно. Или тоже тряпка а ля Каутский?"

Однако в партии нашлись вожди, полные решимости до конца возглавить растущее недовольство широких партийных масс предательством оппортунистических вождей.

Быстрые успехи левого крыла, возглавляемого будущими организаторами компартии Чарльзом Рутенбергом, Джоном Ридом и др., привели еще в начале 1917 г. на съезде в Сен-Луи к поражению правых вождей. Мы видели, что резолюция исполкома партии о войне была провалена огромным большинством голосов.

Принятая съездом резолюция разоблачала истинные причины войны и заявляла:

„Единственная борьба, которая оправдала бы поднятие рабочими оружия, была бы борьба рабочего класса всего мира за свое освобождение от эксплоатации и политического порабощения. Мы предупреждаем рабочих против ловушки и обмана так называемой оборонительной войны... Для поддержки капитализма мы добровольно не дадим ни одной жизни, ни одного доллара; за поддержку борьбы рабочих, за их освобождение мы отдадим все... В соответствии с изложенными принципами, Социалистическая партия самым энергичным образом отклоняет предложение, чтобы во время войны рабочие временно отказались от борьбы за улучшение своего положения. Наоборот, обострение положения, вызванное войной, требует еще более энергичного продолжения классовой борьбы".

Однако правые и центристские вожди, в руках которых был аппарат партии, саботировали волю съезда и продолжали проводить свою линию.

С начала 1918 г. бесформенное оппозиционное движение принимает организованный характер. Создается крепкая фракция, получившая название „левого крыла Социалистической партии". Партийные бюрократы за-

[1] Юджин Дебс.

крыли страницы центральной печати для левого крыла; в ответ на это была создана собственная периодическая печать.

Вскоре были выработаны и опубликованы манифест и программа левого крыла, и началась организованная борьба за партийные массы.

Лига „социалистической пропаганды"

Большие заслуги в деле организации левых сил американского социализма принадлежат возникшей летом 1915 г. Лиге социалистической пропаганды (Socialist Propaganda League). Организатором лиги были латышский эмигрант, секретарь латышской секции Социалистической партии Америки Розин и приехавший весною 1915 г. в Америку голландский социалист (из левосоциалистической группы „Трибуна") С. Я. Рутгерс. Центром лиги был вначале Бостон, в котором находилось центральное бюро латышской федерации Социалистической партии. Органом лиги была газета „Интернационалист" (Internationalist).

Несколько позже лига перекочевала в центр левого социалистического движения — Нью-Йорк, где она связалась с американскими интернационалистами и группой русских большевиков, очутившихся во время войны на американской почве и сыгравших большую роль в деле консолидации левосоциалистических сил САСШ. Через орган русской секции социалистической партии „Новый мир", выходивший под редакцией Н. И. Бухарина, большевики оказывали сильное влияние на левосоциалистическое движение.

В. И. Ленин в письмах к Бухарину и А. Коллонтай запрашивал информацию и давал руководящие указания.

Пристального внимания заслуживает письмо Ленина к Н. И. Бухарину от 14 октября 1916 г. Владимир Ильич писал:

„Хорошо бы образовать из русских большевиков и латышей-большевиков небольшую группу, способную следить за интересной литературой, посылать ее, писать о ней, переводить и печатать посылаемое нами отсюда; затем вообще сообща обсуждать и „двигать" разные вопросы о III Интернационале и о „левой" в международном социалистическом движении. Если бы парочку большевиков практичнее связать с парочкой латышей, хорошо знающих по-английски, то дело может быть и выиграло бы".

Учитывая, что лишь большевики, впитавшие и обобщившие международный опыт революционного рабочего движения, в состоянии помочь левым социалистам Америки консолидировать свои силы на правильной принципиальной и тактической основе, Ленин поручает очутившимся в САСШ русским большевикам работать в этом направлении. Но как бы предупреждая возможный *сектантский отрыв* революционных социалистов от движения коренного американского пролетариата (что Ленин, вслед за Марксом и Энгельсом, справедливо считал крупным пороком), Ленин советует связаться с акклиматизировавшимися в Америке латышами-большевиками, хорошо знающими английский язык и могущими быть проводниками большевистских идей в среде туземных слоев американских рабочих.

Указание Ленина на международную роль большевизма и его борьба с сектантством имеют громадное актуальное значение и в наши дни.

Получив извещение от А. Коллонтай о поддержке, которую Троцкий оказывает центристам в Нью-Йорке, В. И. писал 17 февраля 1917 г.:

„Насколько было приятно узнать от вас о победе Н[иколая] Ив[ановича] [Бухарина] и Павлова[1] в „Новом мире" (я получаю эту газету дьявольски неаккуратно по вине

[1] Павлов — П. В. Берзин, большевик, латыш, занимавший интернационалистскую позицию. (Прим. ред. II Ленинского сборника.)

явно почты, а не экспедиции самой газеты), — настолько же печально известие о блоке Троцкого с правыми для борьбы против Н. Ив. [Бухарина]... — левые фразы и блок с правыми против цели левых!! Надо бы его разоблачить (вам) хотя бы кратким письмом в „С.-Д.!"

„№ 1 „Internationalist". — пишет далее В. И., — я получил и очень обрадовался. О конференции S. L. P.[1] и S. P.[2] 6–7 января 1917 г. имею неполные сведения. S. L. P. выкидывает всю программу minimum (вот соблазн и опасность для Бухарина, который „на ефгом самом месте спотыкался у нас с 1915 г.!)".

„А S. L. P.? — писал Владимир Ильич Ленин 19 марта 1916 г. Коллонтай, — ведь они интернационалисты (хотя и с узким, сектантским душком)".

В другом письме Ленин называет вождей Социалистической рабочей партии „безнадежными сектантами" и „маньяками своей idée fixe[3] насчет особой „экономической организации" рабочих", отмечая однако в то же время в концепции этой партии отдельные элементы революционного марксизма.

О Морисе Хилквите Владимир Ильич писал, что его не удивляет, что он оказался с Каутским и даже правее его.

Степень левизны социалистических партий и групп Владимир Ильич советовал проверять их отношением к манифесту циммервальдской левой.

Новый орган Лиги социалистической пропаганды носил программное название „Новый Интернационал" („The New International"). Вскоре „Новый Интернационал" приобрел настолько серьезное влияние, что в конгрессе был сделан специальный запрос о нем. Почтовое ведомство распорядилось не распространять газету по почте. Приходилось прибегать ко всякого рода уловкам, вроде печатания „Нового Интернационала" на тонкой бумаге и рассылки его в конвертах.

В середине ноября 1915 г. Ленин получил листок Лиги социалистической пропаганды. В письме на имя лиги Владимир Ильич отметил, что он согласен с ее установкой против цеховых профсоюзов и за производственные союзы, за деятельное участие всех членов партии в профсоюзных и кооперативных организациях рабочего класса. Попутно Ленин подчеркнул, что такие люди, как Гомперс, представляют не рабочий класс, а лишь аристократию и бюрократию рабочего класса. Отметив далее оппортунизм официальных вождей социалистической партии, Владимир Ильич посоветовал левым элементам социалистической партии объединиться с Социалистической рабочей партией для преодоления сектантского характера последней. Особо подчеркнув необходимость разрыва с социал-соглашателями, Ленин отметил свое согласие с критикой II Интернационала, данной Лигой социалистической пропаганды, и предложил Лиге „соединить нашу борьбу против соглашателей, за истинный интернационализм". (Сохранившийся отрывок письма Ленина помещен во II Ленинском сборнике и в Собр. соч., т XVIII, стр. 331.)

Лига впоследствии переросла в массовое „левое крыло социалистической партии", с его органом „Революционный век". (Revolutionary Age).

Так подготовлялось в Америке создание коммунистической партии.

---

[1] S L. P. — Социалистическая рабочая партия.
[2] S. P. — Социалистическая партия.
[3] Idée fixe — навязчивая идея.

Горловский С.

ВЕРСАЛЬСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР

I. ВЕРСАЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Заключение перемирия

Октябрьская революция, покончившая с господством капитализма в России, первая прорвала единый империалистический фронт и немедленно приступила к ликвидации империалистической войны. На следующий день после победоносной пролетарской революции (8 ноября) советская власть приняла декрет о мире.

„Рабоче-крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире... Таким миром правительство считает *немедленный мир без аннексий* (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и *без контрибуций*". Этим же декретом советская власть отменила тайную дипломатию и постановила опубликовать полностью все тайные договоры.

Неоднократные обращения советского правительства к „союзникам" о заключении мира на основе провозглашенных принципов оставались без ответа. Советская власть начала 1 декабря 1917 г. переговоры о мире с Германией и ее союзниками, закончившиеся Брестским миром.

Прямолинейная политика мира пролетарского правительства и последовательно проведенная политика самоопределения национальностей, порабощенных царским правительством, сыграли огромную роль в борьбе с мировым империализмом, в ускорении разложения империалистических армий, в усилении тяги к миру уставших от войны трудящихся масс. Колоссальное впечатление произвели опубликованные советским правительством тайные документы, разоблачавшие истинные причины войны и ее захватнические цели. Разразился большой политический скандал, который было очень трудно замять. Вот почему Бальфур, в то время министр иностранных дел Великобритании, обратился к президенту САСШ Вильсону, прикрывавшемуся маской пацифизма и непосредственно не участвовавшему в заключении тайных договоров, с предложением „опубликовать изложение своих взглядов, что могло бы оказаться желательным в виду послания большевиков ко всем народам".

8 января 1918 г. Вильсон опубликовал свои 14 пунктов условий будущего мира. Этими пресловутыми пунктами Вильсон старался подделаться под лозунги „без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения

наций". В своем обращении к конгрессу американский президент обещал такой мир, „при котором каждое миролюбивое государство могло бы жить своей жизнью и определять свою собственную судьбу. Справедливость и свобода действий должны быть обеспечены против насилия и эгоистического наступательного духа". Первый пункт обещал уничтожить столь дискредитированную тайную дипломатию и установить „открытые мирные переговоры, открыто обсужденные, после которых не будет никаких тайных международных соглашений какого-либо рода, а дипломатия всегда будет действовать открыто и на виду у всех". Четвертый пункт обещал „справедливые гарантии в том, что национальные вооружения будут сокращены до предельного минимума, совместимого с государственной безопасностью". Пятый пункт обещал „свободное, чистосердечное и абсолютно беспристрастное разрешение всех колониальных споров" не только с точки зрения интересов колониальных держав, но „с строгим соблюдением" интересов туземного населения. Наконец последний, четырнадцатый, пункт обещал создать „общее объединение наций на основе особых статутов, в целях создания взаимной гарантии политической независимости и территориальной целости как больших так и малых государств.

За этими широковещательными пацифистскими фразами скрывались основные контуры будущей программы захватов и грабежа, которые так ярко воплотились в Версальском мирном трактате. На ряду с обязательством восстановления Бельгии и французских оккупированных областей Вильсон требует возвращения Франции Эльзаса и Лотарингии, „исправления" границ Италии, расширения Сербии, раздела Турции и Австро-Венгрии и т. д. и т. п.

Как бы то ни было, 14 пунктов Вильсона, главы самой крупной капиталистической державы, были встречены мелкой буржуазией и даже частью отсталых рабочих как „благовест нового евангелия". Измученные четырехлетней войной народы восприняли только пацифистское благозвучие обращения Вильсона. „Его программа заключала в себе целый мир надежд" — писал о ней граф Чернин, бывший во время войны австро-венгерским министром иностранных дел. На время она оказалась способной удержать начавшийся и у „союзников" развал фронта. Обещания Вильсона частично легли в основу мирных переговоров.

Помощь САСШ Антанте выразилась не только в поставке пацифистских деклараций, но и в поставке реальной военной силы в виде двухмиллионной свежей молодой армии, военного снаряжения, продовольствия и миллиардов долларов. Благодаря этой американской поддержке Антанте удалось на исходе четвертого года войны сломить изнуренного голодом противника, истощившего свои людские силы,— противника, у которого под непосредственным влиянием пролетарской революции в России бурно разросталось революционное движение.

Первой из стран центральной европейской коалиции капитулировала Болгария. В середине сентября 1918 г. был прорван болгарский фронт. Армия была охвачена паникой; в двадцатых числах сентября по стране прокатилась революционная волна. 25 сентября правительство Болгарии постановило просить у противников мира. 29 сентября было подписано перемирие на основе полной капитуляции Болгарии.

4 октября и Австро-Венгрия, в которой национальное и революционное движение было в полном разгаре, обратилась к Вильсону с просьбой о перемирии и мире на основе „14 пунктов" с добавлениями к ним от 11 февраля

и 27 сентября 1918 г. Одновременно с Австро-Венгрией (4 октября) и Германия обратилась к Вильсону с просьбой „взять на себя инициативу восстановления мира", положив в основу мирных переговоров „послание президента конгрессу от 8 января и дальнейшие его обращения, в частности его речь от 27 сентября 1918 г". Вильсон однако не спешил с ответом. Лишь 8 октября статс-секретарь САСШ Лансинг ответил на германское предложение постановкой ряда новых вопросов. С каждой последующей нотой Вильсон выдвигал все новые и новые требования, сводившиеся к полной капитуляции Германии и к прямому предложению свергнуть Вильгельма II с престола.

В своей третьей ноте от 23 октября Вильсон заявил, что считает возможным предложить своим союзникам только такое перемирие, „которое давало бы Соединенным штатам и союзным державам возможность провести силой всякое условие, которое может быть (ими) выдвинуто и которое сделало бы невозможным возобновление враждебных действий со стороны Германии... перемирие, которое полностью обеспечит интересы вовлеченных (в войну) народов и обеспечит за союзными правительствами *неограниченную* возможность оградить и провести силой все детали мира, на который германское правительство дало свое согласие".

5 ноября Вильсон, приведя ответ своих союзников, „с которыми он полностью согласен", выдвинул новое требование, „чтобы Германия обязалась возместить все убытки, нанесенные войной гражданскому населению союзников и их собственности как на воде, так на суше и в воздухе".

По принятии этих условий 7 ноября уполномоченные Германии выехали к противнику для заключения перемирия.

Однако условия, продиктованные главнокомандующим союзных армий маршалом Фошем, превзошли самые худшие предположения. Согласно этим условиям, Германия должна была в пятнадцатидневный срок со дня подписания перемирия очистить Бельгию, оккупированные французские территории, Эльзас-Лотарингию и весь левый берег Рейна. Кроме того Германия должна была передать в хорошем состоянии 5000 пушек, 25 тыс. пулеметов, 3000 минометов, 1700 аэропланов, 5000 локомотивов, 150 тыс. вагонов, 5000 грузовых автомобилей, 100 подводных лодок, 8 легких крейсеров, 6 дредноутов и т. д.

Таким образом капитуляция Германии была полная. Германии не удалось даже добиться снятия блокады. Прокормление населения полностью зависело от доброй воли победителей.

Такова оказалась на практике пацифистская программа Вильсона. Однако и эти условия кажутся детской забавой по сравнению с мирным договором, навязанным Германии в Версале. Этот договор стремился вычеркнуть Германию навсегда из списка великих держав и находился в самом резком противоречии с провозглашенными Вильсоном принципами.

Парижская „мирная" конференция. Версаль

12 января 1919 г., через два месяца после заключения перемирия, открылась мирная конференция.

На конференцию в Париж съехались представители 27 государств из всех частей света. Ни одна мирная конференция не была так многолюдна, как Парижская. Делегации крупнейших империалистических стран насчитывали до 200 человек (Англия, САСШ, Италия), так что общая цифра всех участников

конференции была больше 1000 человек. Кроме того каждая делегация располагала огромным штатом обслуживающего персонала (экспертов по различным вопросам, экономистов, юристов, финансистов, военных специалистов, стенографисток, машинисток и др.).

Что касается делегатов, имевших право решающего голоса на конференции, то в отношении их была установлена целая система градаций, причем страны-победительницы, так называемые „союзные и присоединившиеся к ним державы" имели большинство. САСШ, Франция, Италия и Япония имели по 5 делегатов, Великобритания вместе с доминионами — 17 делегатов. Ряд более мелких стран получили по 3 места, еще более мелкие—по 2, а некоторые и по 1 делегату. Однако, несмотря на свою многочисленность, состав конференции был односторонний: он состоял только из стран-победительниц, так называемых „союзных и присоединившихся к ним держав". Побежденные же страны на коференцию не были допущены и лишь после окончания ее работ были приглашены, каждая в отдельности, для вручения им мирного трактата и для его подписания.

18 января в знаменитом Версальском зале, где 48 лет тому назад была провозглашена Германская империя, состоялось первое торжественное заседание мирной конференции. Конференция избрала своим председателем Клемансо. Выбор Клемансо был не случаен. Этот выбор означал целую программу. „Тигр" Клемансо был известен как самый непримиримый враг Германии, самый ярый проповедник идеи реванша за все время, протекшее от франко-прусской войны до Версальской конференции.

Конференция началась общей пацифистской декламацией в духе Вильсона. В своей короткой речи при открытии конференции Клемансо заявил:

„Мы сошлись сюда как друзья и пойдем по дороге мира как братья. Мы, собравшиеся здесь, составляем Лигу наций, и наша задача — сделать из нее живое тело; ради нее мы готовы на всякие жертвы. Мир, который мы должны заключить, есть мир народов".

Закончил он свою речь призывом к единодушию. Это было нелишнее, ибо с самого начала конференции обнаружились противоречия в лагере союзников, которые продолжались на протяжении всей конференции, чем и объясняется шестимесячная ее продолжительность. Уже на первом заседании возникли крупные разногласия по вопросу об официальном языке конференции. Французы настаивали, ссылаясь на дипломатическую традицию, на том, чтобы единственным официальным языком мирного договора был признан французский язык. Однако французская точка зрения встретила сильное сопротивление со стороны почти всех остальных участников конференции.

После довольно длительных дебатов французскому языку пришлось разделить свою привилегию с английским языком. Этим однако была нанесена обида другой союзной державе — Италии. Уже этот спор об языке обнаружил волчий характер дружбы союзников.

В печать начали проникать сведения о разногласиях на конференции. И тогда было покончено с первым „пацифистским" принципом Вильсона. Вместо декларированного им принципа гласного обсуждения мирного договора было постановлено не допускать представителей печати на конференцию и сообщать о ходе конференции лишь официальные коммюнике. Но это казалось великим державам недостаточной гарантией от посторонних глаз

и ушей. Клемансо предложил исключить из состава вершителей судеб мира все второстепенные присоединившиеся державы.

„Я всегда считал необходимым, — пояснил он свою идею, — чтобы пять великих держав имели по всем важным вопросам готовые решения, прежде чем они войдут в зал заседаний конференции".

Когда же ряд малых держав (Бельгия, Бразилия, Югославия, Греция, Португалия, Чехо-Словакия, Польша, Канада) заявили по этому поводу протест,—Клемансо им цинично заявил, что малые державы должны быть благодарны за то, что их вообще пригласили для заслушания их пожеланий, но мир может быть заключен без них. Таким оказался на практике неоднократно провозглашенный Вильсоном принцип равенства всех народов. Когда несколько позже (28 апреля) японский делегат Макино, поддержанный представителями Китая, предложил включить в устав Лиги наций пункт о признании полного равноправия человеческих рас и народов, первый, кто обрушился на это предложение, был „демократический" глашатай равенства Вильсон: как известно, северо-американский империализм боролся с японским под лозунгом „борьбы с желтой опасностью".

Отвергнув на практике всякую игру в равенство и гласность, пять великих держав (Франция, Великобритания, САСШ, Италия, Япония) составили особый *Верховный совет*, имевший право принимать окончательные решения, *Совет десяти*, в который вошли главы правительств этих пяти государств, а также министры иностранных дел (при Совете состояли разные *комисии*, составлявшиеся по указаниям совета десяти для подготовки и разработки отдельных вопросов). Структура конференции завершалась совершенно бессильным, декоративным *пленумом*. Позже и эта структура оказалась слишком гласной, и на практике сложился так называемый „Совет великих четырех", в который входили: Вильсон (САСШ), Ллойд-Джордж (Англия), Клемансо (Франция) и Орландо (Италия), часто заседавший строго конспиративно, причем решения его подчас были неизвестны даже министрам иностранных дел. Фактически эта четверка, а чаще всего тройка (без Орландо) была вершительницей судеб мира.

Разногласия, обнаружившиеся между союзниками по организационным вопросам (о языке, о гласности и о структуре конференции), были только прелюдией к той острой борьбе империалистических противоречий, которая разыгралась в тайниках кабинетов по основному вопросу — о *дележе добычи*. При переходе к обсуждению этой основной проблемы были сняты пацифистские маски и выступили во всей своей обнаженности аппетиты хищников.

Вначале Вильсон еще продолжал свою пацифистскую трескотню. Он высказывался против захвата колоний, стоял за уменьшение вооружений, носился с идеей всеобъемлющей Лиги наций. Но под покровом этих идей скрывался социальный заказ северо-американского империализма. Выступая против аннексий, Вильсон хотел лишь бороться против тайных соглашений, заключенных во время войны между союзниками и усиливавших конкурентов САСШ. Особенно было не по душе САСШ увеличение колониальных владений Японии, которая должна была по тайному договору с державами Антанты (весна 1917 г.) сохранить за собой отнятый у Германии Цзяочжоу и преобладающее положение в Шаньдуни и кроме того все германские

тихоокеанские острова к северу от экватора, из-за которых у САСШ и Германии были еще до войны обостренные отношения. Таким образом не „этические принципы", не „справедливость", не „любовь ко всему человечеству" руководили политикой Вильсона по колониальному вопросу, а голый интерес американских капиталистов, не желавших связывать себе руки невыгодными договорами.

„Вильсон ясно предвидел те осложнения, которые возникнут из-за борьбы за господство в Тихом океане и в Китае, если с самого начала колониальный вопрос не будет решен в согласии с новым принципом *(С. Бекер)*.

Исходя из тех же соображений нежелания усиления колониальной и военной мощи Англии, Франции и Японии, Вильсон высказывался за отмену обязательной воинской повинности не только в Германии, но и „во всех странах, подписавших мирный договор". Президент конечно не возражал против сохранения армий, достаточных для борьбы с большевизмом. Вильсон соглашался предоставить право иметь вооруженную силу, достаточную для охраны внутренней безопасности и подавления большевизма, с тем однако, „чтобы мир воспринял традиционные американские принципы военной организации, заменив всеобщую воинскую повинность армией добровольцев". Само собой разумеется, что замена всеобщей воинской повинности дорого стоящей добровольческой армией была бы выгоднее всего разбогатевшей во время войны Америке.

Исходя из того же мотива — нежелания усилить европейские государства, — Вильсон выступил с предложением *потопить* германский военный флот, а не распределять его между союзниками.

Такова истинная подкладка вильсоновского пацифизма. Этот пацифизм был только выражением стремления САСШ к мировой гегемонии на основе ослабления Европы в результате четырехлетней войны. На ряду с этими узко американскими интересами Вильсоном руководили однако и общеклассовые интересы буржуазии. Версальская конференция происходила в разгаре развернувшихся в Европе революционных боев, когда в России победила пролетарская власть, в Германии происходила гражданская война и революционное движение охватило и страны-победительницы. Вот почему Вильсон полагал, что сохранение старой системы тайных договоров и слишком открытый грабительский характер мирного договора будут способствовать усилению большевизма.

Страх перед мировым большевизмом играл немалую роль в политике Вильсона. И не только Вильсона, но и других руководителей мирной конференции. Так например Ллойд-Джордж, упрекая Францию за ее безграничные аппетиты, писал 25 марта 1919 г.:

„Мы стоим перед лицом опасности толкнуть широкие массы населения Европы в объятия экстремистов, проповедующих идеи возрождения человечества путем разрушения всего существующего социального строя... Величайшая опасность современного положения заключается, по моему мнению, в том, что Германия может склониться на сторону большевизма и отдать все свои ресурсы, весь свой духовный авангард, свой грандиозный организационный талант в распоряжение фанатиков революции, мечтающих подчинить весь мир большевизму".

Как бы то ни было, программа Вильсона стояла поперек дороги европейским „миротворцам". Вот почему с первых же дней создался единый

фронт европейских держав Антанты против Вильсона. Если во время его прибытия на континент ему были оказаны исключительные почести, то позже пресса европейского империализма начала против него кампанию. На конференции он очутился в изолированном положении, а так как фактическая военная сила находилась в руках европейских держав, то Вильсон должен был капитулировать и пойти на значительные уступки, сведшие на-нет его собственную программу.

Но как только было приступлено к обсуждению конкретной программы грабежа побежденных стран, обнаружилось, что между европейскими державами противоречия огромны. Прежде всего выступили франко-итальянские противоречия. Италия предъявила свой счет. Ни о каких „принципах" она знать не хотела. Ее вступление в войну против Германии было обусловлено обещаниями военной добычи. По лондонскому соглашению 1915 г. ей были обещаны Далмация и Истрия, близлежащие острова, Трентино и Триест, Южный Тироль, области Герц и Градиска, Валлона и прилегающая албанская территория, сверх того, острова Додеканеза и равная с Францией доля при разделе Турции и т. д. Сейчас она требовала осуществления всего этого. Самым щекотливым пунктом в итальянской программе был вопрос о Далмации, населенной на 97% родственным „союзному" сербскому народу славянским населением. Два месяца продолжался торг, в результате которого, хотя и с некоторыми оговорками, далматский вопрос был решен в пользу сербов. В ответ на это решение итальянская делегация покинула конференцию (23 апреля 1919 г.). Но итальянский конфликт не сорвал конференции. Он являлся лишь иллюстрацией „дружественных отношений" между союзниками.

Более существенными были англо-французские противоречия. Франция имела довольно подробно разработанный проект об участи Германии. Клемансо изложил эту программу в форме трех положений, касавшихся отношений Франции к Германии: по вопросам безопасности, вооружений, репараций. В интересах „безопасности" Франции необходимо максимально продвинуть свои границы на восток. Маршал Фош требовал лишения Германии навсегда левого берега Рейна и образования из немецких провинций, расположенных там, буферной Рейнской республики под протекторатом Франции. Кроме Эльзаса и Лотарингии, Франция должна была получить Саарский угольный басейн. В интересах той же „безопасности" Франция требовала создания на востоке Германии „сильной Польши", хорошо вооруженной (необходимость усиления вооружения Польши мотивировалась также необходимостью создания „санитарного кордона" для ограждения „западной цивилизации" от „большевистской заразы"). В интересах „безопасности" Франция требовала далее полного разоружения Германии на веки-вечные и постоянного контроля над ее вооружениями и армией. Но этого было мало с точки зрения французских империалистов. Рассуждая почти по-марксистски, защитники французского проекта устанавливали, что могущество народа покоится на его экономической мощи, а потому Германию необходимо превратить в „калеку в экономическом отношении", орудием для чего являются репарации. Возмещения убытков частным гражданам, предусмотренные прелиминарным миром, были по французским подсчетам настолько раздуты, что Германия никогда не могла бы от них освободиться и таким образом должна была вечно находиться под властью Антанты.

Таков был французский проект программы мира. Он шел вразрез не только с декларированными принципами, но находился в резком противоречии с интересами Англии.

Англия, так же как и Франция, стремилась уничтожить военную и экономическую мощь Германии. Лишение Германии ее колоний, захват ее военного и торгового флота были с точки зрения английских интересов достаточными гарантиями от германского империализма. Но Англии вовсе не улыбалась перспектива создания вместо Германии рядом с собою мощной Франции. Вот почему Ллойд-Джордж энергично выступил против отторжения от Германии Рейнской провинции или Саарской области. Он грозил Франции призраком большевизма, который неизбежно победит в Германии, если условия мира будут слишком жестоки. „Вся Европа насыщена духом революции" — писал он в своем контрпроекте. Поэтому он предлагал, „как предпосылку мира, предоставление Германии мировых рынков, поскольку она примет наши репарационные условия, на равных с нами основаниях". Ллойд-Джордж был также против одностороннего разоружения Германии. Наконец, он предлагал включить Германию в Лигу наций. „Разве это не послужило бы для нее стимулом для подписания условий и для противодействия большевизму?" Репарации же Ллойд-Джордж предлагал брать с Германии в соответствии с „исчислением ее платежеспособности". Другими словами, английский проект расправы с Германией стремился покончить с великодержавностью последней, сохранив ее однако в качестве платежеспособного партнера.

Английский контрпроект вызвал со стороны французов бурю негодования. „Средства для умиротворения Германии нужно искать вне ее, — гласил французский ответ. — Если однако так необходимо делать Германии некоторые уступки, — следовало бы ей предложить колониальные морские компенсации, расширение сферы ее торгового влияния. Однако почему-то англичане предусматривают исключительно территориальные компенсации в Европе".

Большие трудности возникли на конференции при дележе германских колоний. Вильсон, по указанным выше мотивам, был противником непосредственного раздела колоний, выдвигая проект управления колониями Лигой наций, посредством распределения мандатов между отдельными великими державами. В противоположность этой замаскированной системе грабежа колониальных народов, которая однако не гарантировала империалистическим державам устойчивого владения колониями, французы выступили за „простую и чистую аннексию". Симон, французский министр колоний, требовал, чтобы Франции было предоставлено „право продолжать начатую ею в Центральной Африке цивилизаторскую деятельность".

Такие же претензии были выставлены и со стороны Италии и бывших владений Англии, превратившихся в самостоятельные государства, входящие в состав Великобританской империи. Последние, вместе со своей метрополией, согласились в принципе с проектом мандатов, но... „эта система пригодна в каких-нибудь других колониях, но ни в коем случае не в Новой Гвинее" — заметил делегат соседней с Новой Гвинеей Австралии.

Когда вильсоновский проект был обойден и обезврежен, началась крупная грызня между союзниками по вопросу о раздаче колоний и мандатов. Пользуясь временным уходом итальянской делегации, союзники передали Греции Смирну, на которую претендовали итальянские империалисты.

Крупные разногласия происходили между Англией и Францией также по поводу распределения мандатов в Малой Азии, Сирии и Палестине.

Даже вопрос, который объединял всех империалистических хищников, вопрос борьбы с большевизмом, и тот был предметом раздоров между „союзниками".

Французский империализм, в лице маршала Фоша, внес в первый же день конференции четкий план уничтожения большевизма. Он предложил организовать поход на Москву через Германию, для чего он требовал переброски союзных армий в Польшу и максимального укрепления последней. Не только Вильсон, но и Ллойд-Джордж был противником этого плана. Последний видел в этом походе новое средство усиления французского влияния в Европе. Кроме этого у англичан было не все благополучно дома. Не только в рабочей среде, но и в армии начались волнения. И в тот самый момент, когда Фош излагал план новой войны, английский генералиссимус маршал Дуглас Хег прибыл в Париж с целью добиться скорейшей демобилизации армии.

Из приведенного обзора споров на конференции ясно, насколько глубоки были противоречия в лагере империалистов-победителей. С каждым заседанием разногласия углублялись, вырывались из узкого круга вершителей судеб мира, становились известными широким кругам. Дело доходило до прямых угроз ухода с конференции поочередно: Вильсона, Ллойд-Джорджа и Клемансо. Конференция затягивалась.

Между тем, пока мирная конференция была занята внутренними разногласиями, в Европе продолжала нарастать революционная волна. В *Венгрии* возникла советская власть, грозившая свести на-нет все „права победителей", *Германия* была охвачена огнем гражданской войны, в *Западной Галиции* происходили восстания, *Советская Россия* успешно распространялась на запад, сметая все контрреволюционные и белогвардейские образования. Существовала реальная опасность соединения Красной армии РСФСР с Красной армией Советской Венгрии; в *Англии* бушевало стачечное движение, в самой *Франции* пролетарские массы быстро революционизировались. В Москве был образован *Коммунистический Интернационал*. Мелкобуржуазные массы, уставшие от войны, напуганные революцией, жаждали мира. Оттягивать дальше заключение мира было невозможно. При таких условиях преимущество на конференции было на стороне Франции. Вместе со своими вассалами: Польшей, Югославией, Чехо-Словакией и Румынией, она была самой грозной военной силой в Европе. Под давлением этой силы и перед лицом опасности революции, грозившей смести все планы грабежа, были на время устранены все противоречия и выработаны положения мирного договора с Германией, получившего печальную известность под названием Версальского договора.

7 мая была приглашена германская делегация для „сообщения мирных прелиминариев". Ей заранее было объявлено, что „никакие устные обсуждения (договора) не могут быть допущены и что замечания германской делегации должны быть изложены в письменной форме". Верховный совет предоставлял немцам срок в 14 дней, в течение которого они могли просить о *разъяснениях*. Никакие дискуссии по существу договора не допускались. Немцам предоставлялось „право" принять или отклонить мирные условия.

Официальная встреча победителей с германской делегацией происходила в сознательно оскорбительной для Германии обстановке. Французский импе-

риализм стремился не только уничтожить мощь Германии, но и унизить побежденного врага. В своей вступительной речи Клемансо хотел нанести пощечину Германии:

„Господа делегаты германского государства. — заявил он, — здесь не время и не место для лишних слов... Вы навязали нам войну. Будут приняты меры, чтобы не могла возникнуть вторая война такого рода... *Час расплаты настал.* Вы просили о мире. Мы согласны предоставить его вам... Этот второй Версальский мир (под первым Клемансо имел в виду мир, заключенный после франко-прусской войны 1870—1871 гг.)... куплен слишком дорогой ценой... что и заставило всех нас принять единодушное решение применить все имеющиеся в нашем распоряжении средства, чтобы полностью добиться следуемого нам законного удовлетворения".

Ответная речь главы немецкой делегации Брокдорф-Ранцау была корректна по форме, но очень резка по существу. Не отрицая вины Германии за начало войны, Брокдорф-Ранцау протестовал однако против стремления Антанты всю вину за войну переложить исключительно на Германию. Признавая несправедливости, допущенные Германией в способах ведения войны, в частности по отношению к Бельгии, он разоблачил фарисейство Антанты, которая требует от немцев раскаяния:

„Преступления в пылу войны непростительны...", но „сотни тысяч людей, не принимавших непосредственного участия в войне, но погибших начиная с 11 ноября вследствие блокады, были умерщвлены с холодным расчетом уже после того, как противник имел твердые гарантии своей победы. Подумайте же и об этом, если вы говорите о вине и об искуплении".

Немцы не ждали уже никакой пощады. Они были подготовлены к тяжелым условиям, которые победители им продиктуют. Но то, что они прочли в пухлом томе мирного договора, объемом свыше трехсот страниц, превосходило самые худшие ожидания.

„В этой толстой книге не было никакой надобности, — заметил после ее прочтения Брокдорф-Ранцау, — было бы проще заявить: „L'Allemagne renonce à son existence" („Германия отказывается от своего существования)".

После неудачных попыток смягчить мирные условия германская делегация вернулась в Берлин. Германское правительство, во главе с социал-демократом президентом Эбертом и премьером Шейдеманом, тоже лицемерно протестовало против этих кабальных условий. Шейдеман заявил патетически на митинге: „Пусть отсохнет рука у того, кто подпишет такой мир". Однако социал-демократы предпочли лучше подписать эти рабские условия, чем вести революционную войну вместе с СССР. Больше того, они предлагали свои услуги Антанте для интервенции против СССР ценой уступок по мирному договору. Антанта была однако непреклонна. Она послала Германии ультиматум со строжайшим выговором за ее попытки возражать победителям. 22 июня Веймарское национальное собрание большинством 237 голосов против 138 при 5 воздержавшихся согласилось на подписание мирного договора с оговоркой об отказе признать германский народ виновным за возникновение войны. Антанта однако отказалась принять такое условие. Верховный совет отказался также дать отсрочку в 48 часов, которую просило Национальное собрание. После этого германское правительство известило о готовности подписания договора, „не отказываясь однако от своего мнения о неслыханной несправедливости мирных условий". Брокдорф-Ранцау отказался подписать мирный договор и подал в отставку. Его заменил социал-демократ Герман Мюллер (впоследствии социал-демократический

рейхсканцлер, расчистивший дорогу диктатуре Брюнинга). Так германская социал-демократия, которая помогала германскому империализму навязать советскому правительству грабительский Брест-литовский мир, — в целях спасения капитализма, собственными руками наложила версальские цепи на германских трудящихся.

28 июня 1919 г. в зале Версальского дворца был подписан мирный договор союзными и присоединившимися державами и представителями германского правительства.

II. ВЕРСАЛЬСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР

Лига наций

По образу и подобию Версальского договора были состряпаны акты закабаления и остальных бывших союзников Германии. 10 сентября 1919 г. в Сен-Жермене был подписан договор с Австрией, 27 ноября 1919 г. в Нейи — договор с Болгарией, 4 июня 1920 г. в Трианоне — договор с Венгрией и наконец 10 августа в Севре — договор с Турцией.

Первым разделом Версальского мирного договора, вошедшего как составная часть и в остальные мирные трактаты, является устав Лиги наций. Последняя должна была служить идейной ширмой, моральным прикрытием всей системы грабежа, которую организовали версальские „миротворцы".

Мысль о ней зародилась тогда, когда империалистическая война 1914—1918 гг. угрожала перерасти в мировую социалистическую революцию. Это был момент, когда весь мир был потрясен идеями великой Октябрьской революции в России. Истощенные кровавой бойней народные массы всего мира настойчиво требовали прекращения войны. В противоположность большевистским лозунгам покончить навсегда с войнами путем превращения империалистической войны в гражданскую войну, буржуазия Антанты утверждала, что покончить с войной можно лишь „путем окончательного разгрома германского империализма и создания международного объединения наций".

Как мы уже отмечали, идейным отцом этой затеи был президент САСШ Вильсон. В своих пресловутых „четырнадцати пунктах мирных условий" он выдвинул идею создания Лиги наций, которая должна объединить все народы „на основе особых статутов, в целях взаимной гарантии независимости и территориальной целости как больших, так и малых наций" (п. 14). Но сама идея Лиги наций принадлежит не Вильсону: она возникла до войны и во время последней была широко распространена в пацифистских кругах империалистических стран.

Когда началась Парижская мирная конференция, страны Антанты хотели обойти молчанием это обстоятельство так же, как ими были обойдены все остальные принципы, провозглашенные вильсоновскими пунктами. Им однако не удалось это сделать. С одной стороны на них давил президент самой могучей державы, который видел в Лиге орудие установления гегемонии САСШ в мировом концерте держав; с другой стороны Европа гораздо острее и глубже, чем то было в начале 1918 г., была охвачена революционным движением. Коммунистический Интернационал стал мировым фактором, и империалисты рассчитывали ослабить его влияние созданием Лиги наций. Таким образом идее Лиги наций было суждено воплотиться в жизнь. Но если Лиге наций суждено было родиться, то зато страны Антанты напрягали все свои

силы, чтобы ее обезвредить. Надо сказать, что версальские миротворцы достигли в этом отношении значительного успеха. Больше того, им удалось превратить Лигу наций в охранителя и верного стража грабительских мирных договоров. Первая статья устава Лиги требует от вступающих в нее „действительных гарантий искреннего намерения соблюдать международные обязательства". Весь устав Лиги является ширмой, скрывающей захватнические стремления империалистических держав.

Вводная часть устава еще повторяет в декларационной форме избитые пацифистские положения:

„Высокие договаривающиеся стороны, принимая во внимание, что для развития сотрудничества между народами и для гарантии их мира и безопасности важно принять некоторые обязательства: не прибегать к войне, поддерживать в полной гласности международные отношения, основанные на справедливости и чести, строго соблюдать предписания международного права, признаваемые отныне действительным правилом поведения правительств, установить господство справедливости и добросовестно соблюдать все налагаемые договорами обязательства во взаимных отношениях организованных народов, — принимают настоящий статут, который учреждает Лигу наций".

Но все дальнейшие пункты являются отрицанием всех вышеприведенных принципов. Прежде всего не все народы допущены уставом в Лигу. Последняя делит все нации на три группы: к первой группе относятся нации учредители Лиги, все государства, которые вели войну против Германии и подписали со стороны союзных держав Версальский мирный договор (33 государства). Ко второй группе относятся те нейтральные государства, которых учредители *приглашают* вступить в Лигу (13 государств). И наконец третья группа держав, к которой относятся СССР и побежденные страны, которые *могут* быть допущены в Лигу при условии, если за них выскажется две трети собрания Лиги и „поскольку ими будут даны действительные гарантии их искреннего намерения соблюдать международные договоры и поскольку они примут положения, установленные Лигой касательно их военных, морских, воздушных сил и вооружений" (статья 1).

Таким образом последняя группа держав ставится в условия полной капитуляции перед господствующими государствами.

Устав полностью обеспечивает господство стран Антанты в Лиге. „Деятельность Лиги... осуществляется Собранием и Советом, при которых состоит постоянный Секретариат" (статья 2). Наиболее влиятельным органом Лиги, фактически направляющим всю его деятельность, является *Совет Лиги*. В этом Совете „главные союзные и объединившиеся державы", т. е. Англия, Франция, Италия, Япония и САСШ (САСШ потом выпали, так как отказались ратифицировать Версальский мир), получили постоянных представителей, а к ним присоединялись 4 временных представителя, ежегодно переизбираемые на общем собрании членов Лиги. Таким образом Антанте было обеспечено постоянное руководство Лигой.

Основным заданием Лиги, на словах, было создание условий, при которых война стала бы невозможной. Но устав Лиги и это положение использовал в империалистических целях. Статья 8 отнюдь не отменяет вооружений, она лишь признает необходимость „ограничения национальных вооружений до минимума". Границы этого „ограничения" настолько расплывчаты, что дают полную возможность дальнейшего *увеличения* вооружений. Этот минимум определяется интересами „национальной безопасности" и связан „с выполнением международных обязательств, налагаемых общим выступлением", и

наконец на него влияют „географическое положение и особые условия каждого государства"; кроме того Лига наций разрабатывает только *планы* сокращения вооружений, окончательные же пределы их устанавливают сами правительства. Таким образом все разглагольствования о сокращении вооружений сводятся фактически к пустой словесной декларации. Практика „разоружительной" политики после войны, в частности Женевской конференции по разоружению, полностью подтверждает этот обман.

Устав Лиги не пытается даже декларировать запрещение войны. Больше того, он предусматривает возможность войны и в будущем. Правда, статья 13 предлагает всякие споры между членами Лиги разрешать третейским судом и разбирать их в Совете Лиги.

Но „когда Совету не удастся достигнуть принятия его доклада всеми его членами, кроме представителей всякой стороны в споре, члены Лиги оставляют за собой право поступать, как они считают подходящим для сохранения права и правосудия" (статья 14).

Другими словами — тогда война легализуется с точки зрения Лиги наций. 16 и 17 статьи предусматривают даже обязательство для членов Лиги принимать участие в войне, если кто либо нарушил процедуру третейских разбирательств или же если война ведется между членами Лиги и государствами, не входящими в ее состав. Тогда члены Лиги

„обязуются немедленно порвать с ними все торговые и финансовые отношения, воспретить все сношения между своими гражданами и гражданами государства, нарушившего статут, и прекратить всякие финансовые, торговые и личные сношения между гражданами этого государства и гражданами всякого иного государства, является ли оно членом Лиги или нет" (ст. 16).

Острие этих пунктов направлено преимущественно против СССР, которому буржуазный мир может в удобный момент объявить „священную войну", в которой будут обязаны принять участие все члены Лиги.

Что война не запрещается Лигой наций, ярче всего видно не столько из устава ее, сколько из того, как его понимали на первом заседании Лиги в Женеве, где президент Швейцарской республики Мотта произнес целый панегирик войне.

„Война творила не только дело разрушения, но имела и положительную сторону... Никогда еще мужество, жажда жертвы, любовь к родине и гений не достигали такого расцвета. Героизм современного человечества превзошел грани, предвосхищаемые воображением, превзошел все былые славные деяния... Подчас в войне таится фермент возрождения".

Так обстояло дело с вопросами запрещения войны и сокращения вооружений. Творцы Лиги не постеснялись внести в устав пункты, которые противоречат самому уставу, если это соответствует желаниям той или иной „великой" державы. САСШ, которые были не прочь верховодить в мировой „политике" и в частности вмешиваться в европейские дела, не желали однако связать себе руки в вопросах, касающихся их собственной захватнической политики на американском материке. В этом вопросе они остались верными доктрине Монро: „Америка для американцев". Под давлением САСШ был введен специальный пункт, оговаривающий, что „доктрина Монро... не рассматривается как несовместимая с каким-либо постановлением настоящего „статута" (статья 21).

Таким же лицемерием проникнута статья 22, посвященная режиму в колониях, отнятых у Германии, и территориях, отторженных от Турции. Вначале декларируется, что „благосостояние и развитие этих народов составляет священную миссию цивилизации и подобает включать гарантии этой миссии в настоящий статут", но дальнейшая детализация этой „миссии" сводит ее к полному порабощению народов Африки и Азии державами-победительницами, путем „опеки передовых наций над этими народами". Такого издевательства над провозглашенными принципами не вытерпел даже „сподручный" Англии, декоративный делегат Геджаса, Рустем Гейдар. Он наивно требовал разъяснений по этому вопросу:

„В тексте, — вопрошал он, — есть выражение, которое кажется мне не совсем понятным. Я подразумеваю термин „мандат". Что понимают под этим? И как это можно согласовать с декларацией права малых народов самим определять свою судьбу?".

Речь Рустема Гейдара не была даже удостоена ответа. Ее просто обошли молчанием.

Таким образом Лига наций была создана как оружие господства Антанты, как идеологическое средство охраны награбленного и пацифистская ширма империалистического разбоя. В то же время, по мысли ее творцов, она является вторым изданием „Священного союза", — священным союзом империализма, международного капитала против пролетарской революции, и в первую очередь она направлена против страны, где у власти находится пролетариат, — против СССР.

Такова подлинная сущность, настоящий смысл Версальского мира. Еще прямолинейнее и до циничности откровеннее выступает грабительский характер мирных условий Версаля в части, непосредственно касающейся самой Германии.

Фраза Клемансо, сказанная в день передачи текста мирного договора германской делегации (7 мая 1919г.): „Час расплаты настал", не была пустым звуком. Мирный договор, навязанный германскому народу, стремился навсегда вычеркнуть Германию из списка великих держав, окончательно подорвать ее политическую и экономическую самостоятельность, превратить ее в вечного вассала Антанты, в первую очередь Франции.

Территориальные потери Германии

Версальский мирный договор лишил Германию в пользу Франции Эльзас-Лотарингии, богатой железной рудой, поташевыми солями, играющими огромную роль в химической промышленности и обладавшей сильно развитой металлургической промышленностью. Кроме того Германия была вынуждена передать Франции безвозмездно угольные копи Саарской области. Сама область была передана на 15 лет под управление Лиги наций, с тем чтобы по истечении этого срока был проведен референдум (всенародное голосование), который должен решить окончательно, кому будет принадлежать область: Германии или Франции. К Бельгии отошли нейтральная и, при условии последующего плебисцита, прусская часть Морене и немецкие округа Эйпен и Мальмеди. Люксембург перестал входить в Германский таможенный союз, и Германия потеряла выгоды всех своих договоров с этим герцогством.

Таковы потери Германии на западных границах. Не менее значительны были территориальные потери ее на восточных границах. Германия была лишена Познани, значительной части Западной и Восточной Пруссии и части Померании, отошедших к Польше, части Силезии, отошедшей к Польше и Чехо-

Словакии, и части Шлезвиг-Голштинии, отошедшей к Дании. Польские владения в Западной и Восточной Пруссии образовали так называемый „Польский коридор", который отделяет германскую Восточную Пруссию от остальной Германии. Версальский договор предусматривал референдум в Верхней Силезии по вопросу об ее принадлежности к Германии или Польше. Однако, несмотря на то что Германия получила по референдуму абсолютное большинство голосов (59,8% за Германию и 40,2% за Польшу), тем не менее богатейшие углем и цинком округа Верхней Силезии, в которых поляками были инсценированы народные волнения, были переданы Польше. Кроме того у Германии были отняты два крупных порта на Балтийском море: Мемель и Данциг. Первый, вместе с литовскими округами Восточной Пруссии, отошел впоследствии к Литве. Последний был превращен в „вольный город" под наблюдением комиссара Лиги наций, а фактически отдан под сюзеренитет Польши. В общей сложности Германия лишилась одной восьмой части своей территории и около одной десятой своего населения. Гораздо ощутительнее было экономическое значение этих потерь: Германия потеряла 25,9% своего угля, 74,5% железной руды, 68,3% цинка, 15,7% посевов пшеницы и ржи, 18% картофеля и т. п. На ряду с потерями территории в Европе у Германии были отняты все ее колониальные владения, а также право на приобретение таковых в будущем.

Политические условия Версальского договора

Новые границы, установленные для Германии, ослабили ее не только в экономическом отношении. Установленная фактически граница на Рейне,[1] передача Франции и Польше первоклассных крепостей, срытие всех остальных укреплений, запрещение укреплять границы,—все это делало Германию доступной и открытой для вторжения в ее владения. Польский коридор не давал возможности соединения германской Восточной Пруссии с Германией на случай войны. Кроме того все германские военные гавани, судоходные реки и каналы были открыты и свободны для военного флота Антанты.

Этим однако не ограничилось стремление Антанты к уничтожению германской политической самостоятельности. Под предлогом „сделать возможной подготовку общего ограничения вооружений всех наций" (часть 5 Версальского мирного договора) Германия была почти полностью разоружена. Германии было разрешено - для борьбы с революционным движением—сохранить небольшую стотысячную вольнонаемную армию (рейхсвер), включая сюда и офицерский корпус, который не должен превышать 4000 человек. Кроме того Германии запрещалось вести военное обучение молодежи в школах, спортивных или иных организациях. Германии запрещалось изготовление военного оружия и всякого рода военного материала сверх того количества вооружения, которое будет ей разрешено „союзниками". Весь остальной военный материал должен был быть сдан Антанте, а военные заводы должны были быть разрушены. Германии запрещался также всякий ввоз оружия, снаряжения и химических веществ военного значения. Морской военный флот Германия должна была выдать Антанте или потопить; она выбрала последнее. Ей было оставлено несколько судов для береговой службы. Военная авиация была полностью исключена из состава вооруженных сил Германии; в дальнейшем ей было запрещено „изготовление и ввоз воздушных судов, частей воздушных судов, а также двигателей для воздушных судов".

[1] В результате оккупации левобережной области по Рейну.

В целях контроля над выполнением этих условий были созданы особые контрольные комиссии с широкими полномочиями. Расходы по содержанию этих комиссий должна была нести Германия.

Репарации

Однако все приведенные драконовские меры разорения Германии казались союзникам, и в первую очередь Франции, еще недостаточными. Последняя считала, что договор не дает ей достаточных гарантий ее „безопасности". Французский министр Лушер, представлявший наиболее агрессивные элементы французского империализма, вдохновителем которых был „Комитет горнозаводчиков", прямо заявил, что „война с Германией еще не кончена, но будет вестись теперь другими средствами — на хозяйственном фронте". Таким средством были так называемые репарации. Согласно пресловутым 14 пунктам Вильсона мир должен был быть заключен без аннексий и контрибуций. Аннексия была заменена мандатной системой. Страны Антанты получили „мандаты" на управление колониями, остальные аннексии были подведены под принцип „национального самоопределения". Что касается контрибуций, то они были заменены более благозвучным названием репараций (возмещения). 231 статья Версальского мирного договора „признала", что

„Германия и ее союзники ответственны за причинение всех потерь и всех убытков, понесенных союзниками и их объединившимися правительствами и гражданами, вследствие войны, которая им была навязана нападением Германии и ее союзников".

Следовательно, Германия должна сейчас расплачиваться за все. По французскому проекту, Германия должна была не только восстановить разрушенные войною области, но также возместить все расходы по пенсиям инвалидам, раненым и семьям жертв войны. По первоначальному проекту французов, Германия была должна уплатить *200 млрд. долларов*, тогда как все национальное богатство Германии в 1913 г. определялось в 80 млрд. долларов, а Франции — в 51 млрд. долларов; таким образом претензии Франции превышали почти в $2^1/_2$ раза национальное богатство довоенной Германии и Франции, вместе взятых. По этому вопросу возникли крупные разногласия между Францией и Англией. Профессор Кейнс, экономический эксперт Англии, исчислил сумму репараций, которую Германия была бы в состоянии уплатить, в размере 10—15 млрд. долларов, которые она должна была бы платить в течение 25—30 лет.

Разногласия не были разрешены, сумма репараций так и не была фиксирована, и вопрос был передан на усмотрение специально созданной репарационной комиссии, которая стала фактически вершительницей хозяйственных судеб Германии. Однако Версальский договор установил определенную сумму в 20 млрд. золотых марок, которую Германия должна внести „впредь до окончательного установления размера претензий". Эти платежи должны быть учинены в золоте, товарами и флотом. На основании этого положения Германия должна была сдать почти весь свой торговый флот (87%) и сверх того построить на своих верфях ряд новых торговых судов для союзников. В счет материальных поставок Германия должна была в течение 10 лет поставить союзникам 366 млн. *т* каменного угля (одной Франции 210 млн. *т*). Сверх того, Германия должна была поставить Франции и Бельгии свыше 40 тыс. лошадей, 140 тыс. дойных коров, 4 тыс. быков, 120 тыс. овец и т. п. живой инвентарь. В счет репараций Германия обязалась поставлять значительное количество химических фабрикатов. Все эти поставки засчитывались

Германии в счет репараций, по ценам, установленным репарационной комиссией; однако эти цены не должны были превышать наиболее дешевого вида транспорта.

Для обеспечения выполнения этих драконовских мер было решено в виде гарантии оккупировать на 15 лет германские территории, расположенные на запад от Рейна.

Расходы по оккупации тоже полностью были возложены на Германию. Эти расходы по оккупации обошлись Германии до конца 1922 г. в $4^1/_2$ млрд. марок. Характерно отметить, что в счет оккупационных расходов Германия должна была поставлять предметы, далеко выходящие за рамки непосредственного содержания войск. Так например Германия передала оккупационным войскам для их надобности с 1920 г. до лета 1922 г. следующие предметы: 1400 салонов, 2600 курительных салонов, 5 тыс. столовых, 10 300 спален, 4600 кухонь со всеми необходимыми принадлежностями, 3500 детских кроватей и т. д.; кроме того: 800 дамских письменных столов, 500 туалетных столов с зеркалами, 18 тыс. ковров, 59 тыс. скатертей, 175 тыс. столовых салфеток, 69 тыс. столовых сервизов, 89 тыс. кофейных сервизов, 36 тыс. кофейных чашек, 4300 чайных сервизов, 25 тыс. фарфоровых блюд, 72 тыс. стаканов для белого вина, 51 тыс. стаканов для красного вина, 15 тыс. рюмок для портвейна, 45 тыс. бокалов для шампанского, 58 тыс. ликерных рюмок, 26 тыс. пивных стаканов, 9 тыс. графинов для вина и т. д. и т. п.

Таковы основные пункты Версальского договора, касающиеся Германии. Как видим, установка на превращение Германии в „экономического и политического калеку" была победителями полностью выдержана.

Если одним из виновников империалистической войны, на ряду с французским, английским, американским и др. империализмом, был германский, и перед трудящимися массами Германии и всего мира капиталистически-юнкерское правительство полностью несет вину перед историей, — то германская социал-демократия является главной виновницей того, почему объединенный победоносный антантовский империализм смог навязать Германии чудовищный Версальский мир. Изменив пролетариату, германская социал-демократия предпочла союзу с Советской Россией, предпочла революционной войне, которая могла бы поднять массы против антантовского империализма и тем самым стимулировать еще большее развертывание революционных сил в странах-победительницах—предпочла этой революционной войне соглашение с собственной буржуазией, подхалимское, рабское смирение перед Антантой. Германская социал-демократия предлагала свои услуги империализму в деле уничтожения революции. Это предательство обезоружило немецкие трудящиеся массы, в первую очередь немецкий пролетариат. Проклятые цепи Версаля являются позорным клеймом на лбу немецкой контрреволюции, во главе которой шла германская социал-демократия.

По образу и подобию Версальского мирного договора были построены акты закабаления и других стран, участвовавших в войне на стороне Германии.

Сен-Жерменский договор

Сен-Жерменский договор закрепил юридически распад „лоскутной" Габсбургской империи.

Фактически распад Австро-венгерской империи начался и закончился еще в октябре — ноябре 1918 г., под влиянием поражения австро-германской коалиции и последовавшей за ним революции. 5 октября собрался съезд уполномоченных всех партий юго-славянских областей импе-

рии, провозгласивший создание независимого государства словенов, хорватов и сербов. 7 октября регентский совет в Варшаве провозгласил образование независимого Польского государства в составе всех трех частей Польши— австрийской, прусской и русской. 14 октября произошла революция в Чехии, и 28 октября была провозглашена Чешская республика. 31 октября отделилась Венгрия, а 21 октября немецкие депутаты австрийского рейхсрата конституировали „Национальное собрание немецко-австрийского государства". В тот же день Национальное собрание Австрии постановило начать с Америкой самостоятельные мирные переговоры. 3 ноября было заключено перемирие на основе полной капитуляции, и только 2 мая 1919 г. австрийское правительство получило приглашение от Верховного совета союзников прислать свою делегацию в Сен-Жермен. 14 мая австрийская делегация во главе с социал-демократом рейхсканцлером К. Реннером прибыла в Сен-Жермен. Австрийской делегации пришлось ждать до 2 июня. Только после того, когда была в основном закончена расправа с Германией, делегация была приглашена для вручения текста мирного договора.

Напрасно социал-демократ Реннер пытался доказать, что новообразованная Австрийская республика должна нести бремя ответственности совместно с другими выделившимися частями бывшей Габсбургской империи; напрасно он пытался взывать к чувству справедливости „прославленного трибунала, являющегося авторитетом для всего мира" (это говорил Реннер по адресу Версальской конференции). Мирные условия для Австрии были не менее жестоки, чем для Германии. Вся территория немецкой Австрии была сильно искромсана, не считаясь ни с экономическими ни с национальными соображениями. Более 4 млн. австрийских немцев (из 9 млн.) были включены в иностранные государства. Так например от Австрии были отняты города Марбург с 86% немецкого населения, Петтау—90% немцев; немецкая часть Тироля (так называемый Южный Тироль), отошедшая к Италии, насчитывала 510 тыс. немцев и лишь 8.5 тыс. итальянцев. Экономически Австрия была совершенно искалечена Сен-Жерменским договором. Сохранив значительную часть промышленности, она была лишена каменного угля и других видов сырья; кроме того три четверти жизненных припасов она должна была ввозить извне. Между тем столица Австрии — Вена включает в себя одну треть всего населения, которую должна прокормить нищая страна. Кроме того на нее ложилось значительное бремя репараций. „Австрия похожа на человека, которому отрубили руки и ноги, но от которого требуют, чтобы он ходил и работал", — метко охарактеризовал создавшееся по Сен-Жерменскому договору положение бывший министр иностранных дел Австрии Грюнбергер.

Среди империалистических кругов Австрии становится популярной идея присоединения ее к Германии (так называемый „Аншлюсс"). Еще 12 ноября 1918 г. временное национальное собрание приняло закон, согласно которому немецкая Австрия является составной частью Германской республики. Однако Версальский и Сен-Жерменский договоры, из боязни усиления Германии, запретили присоединение Австрии к Германии (статьи 80 и 78). Таким образом Сен-Жерменский мирный договор, нарушая элементарные принципы самоопределения наций, так широковещательно им прокламированные, „превратил большую страну в маленького уродца с непомерно большой головой", абсолютно нежизнеспособного, полностью зависящего от милости победителей.

Трианонский мирный договор

Из стран, входивших в состав двуединой Габсбургской монархии, вслед за Австрией поплатилась за войну Венгрия. Образовавшаяся после Венгерской революции 30 октября 1918 г. самостоятельная Венгерская республика заключила перемирие с союзниками 13 ноября 1918 г. Однако углубление революции в Венгрии, образование в ней советской власти оттянуло мирные переговоры. Антанта немедленно установила строжайшую экономическую блокаду советской Венгрии, увеличила военные силы на южной границе Венгрии и фактически возобновила войну, на этот раз уже против пролетарского государства. И лишь после разгрома советской Венгрии, после торжества реакции во главе с фашистским диктатором Хорти, возобновились мирные переговоры. 4 июня 1920 г. был подписан договор Антанты с Венгрией в Трианонском замке.

Трианонский мирный договор сократил территорию Венгрии почти в три раза, а население — более чем в два с половиной раза. В отношении национальной политики Трианонский мир — „лишний гвоздь в гроб пресловутой политики самоопределения", как выразился капитан Эллиот в английской палате общин. К Румынии перешло 1700 тыс. венгров, к Чехо-Словакии — 1 млн., к Югославии — полмиллиона, итого 3200 тыс. из общего числа всех венгров в 9 млн. Границы Венгрии были установлены настолько произвольно, что даже Бриан был вынужден признать „несовершенство" этого мира. Так например Шалгаторианские угольные копи отданы Чехо-Словакии, между тем входы в копи и самые колодцы были оставлены Венгрии. Город Эстергом оставлен за Венгрией, а вокзал перешел к Чехо-Словакии. Из 21 тыс. *км* железных дорог Венгрии было оставлено только 8 тыс. *км*. Венгрия лишилась почти всей своей целлюлоидной и бумажной промышленности (98,8%), 65% химической промышленности, 72% текстильной, 80% металлургической промышленности. Оставшись на положении чисто сельскохозяйственной страны, она вместе с тем потеряла все заводы, изготовлявшие искусственное удобрение. Экономический разгром усугублялся финансовыми тяготами, наложенными на нее Трианонским договором. В результате Венгрия, как и Австрия, была поставлена в положение полной зависимости от финансового капитала победивших держав.

Мирный договор в Нейи

Мирный договор, подписанный Болгарией в Нейи (27 сентября 1919 г.), оказался не менее грабительским. Территориальные владения Болгарии были значительно сокращены. За Румынией договор закрепил болгарскую житницу Добруджу с чисто болгарским населением в 273 тыс. человек. Югославии была отдана Македония с 700 тыс. болгар. От Болгарии была отторгнута Фракия с ее богатыми табачными плантациями, с болгарским населением в 227 тыс. человек. К Югославии кроме того отошли еще другие незначительные куски болгарской территории. Особенно ощутительным было для Болгарии то, что она оказалась отрезанной от Эгейского моря.

На ряду с территориальными потерями мирный договоров возложил на Болгарию тяжелые финансовые обязательства. Она должна была уплатить репарации в размере 2,5 млрд. золотых франков, содержать разного рода межсоюзные комиссии и сверх того производить товарные поставки. С момента перемирия до ноября 1922 г. Болгария доставила Югославии, Румынии и Греции 118 локомотивов, 2049 вагонов, 2300 *т* железнодорожного материала. Кроме того, согласно 127 статье мирного договора, Болгария обязалась поставить перечисленным странам 70 825 голов скота; 128 статья

обязывала Болгарию в течение 5 лет доставлять Югославии ежегодно по 50 тыс. *т* каменного угля. Так же как и Германия, она была лишена права содержать армию, основанную на принципах всеобщей воинской повинности. Наемная армия была сведена к 20 тыс. человек, включая командный состав и нестроевые части.

Таким образом Версальская система мирных договоров обрекла и Болгарию на жалкое экономическое и политическое существование. Произвольно установленные границы углубили национальные противоречия на Балканском полуострове, превратив его в арену постоянной национальной резни и восстаний.

Севрский мирный договор

С Турцией союзники стремились расправиться еще более радикальным образом, так как ее владения были объектом давнишних вожделений империалистических союзных держав.

Судьба Турции была предрешена во время войны рядом тайных договоров между странами Антанты. Царская Россия, Франция и Англия должны были разделить между собой почти всю Турцию. Когда Италия вступила в войну, ей также был обещан лакомый кусок турецкого наследства.

Однако именно турецкий вопрос оказался наиболее трудным для Версальской конференции. Вопрос о дележе турецкого наследства вызвал наиболее жестокую борьбу между союзниками и в первую очередь англо-французское соперничество. В конце концов Франция была вынуждена уступить английским притязаниям (передача Англии Мосула с его нефтяными источниками, вручение последней мандата на управление Палестиной и т. д.) взамен уступок, сделанных Франции Англией в германском вопросе (в частности Моссул был куплен ценой согласия Англии на захват Францией Саарского угольного бассейна).

10 августа 1920 г. был наконец подписан мирный договор с Турцией в Севре. Согласно Севрскому договору Турция потеряла около двух третей своей территории: Сирию, Месопотамию, Палестину, Аравию, Турецкую Армению, в значительной мере и Курдистан. Все эти владения переходили в руки Лиги наций, которая „препоручила" опеку над этими областями держателям так называемых „мандатов" (о чем речь будет ниже).

Кроме того Смирна, Восточная Фракия и ряд островов передавались Греции; значительные территории получила также и Италия. Дарданеллы, Мраморное море и Босфор интернационализировались, и судоходство в них должно было быть „открыто в мирное и военное время для всех торговых и военных судов и для военных и торговых воздушных судов, без различия флага". Контроль над этой областью вверялся комиссии из представителей государств—членов Лиги наций. Константинополь, правда, оставлялся в распоряжении Турции, но „союзные державы „оставляли за собой право вносить изменения в условия, указанные в договоре"; а Турция обязана была „признать всякие постановления, которые были бы приняты в этом отношении" (статья 36). На ряду с огромными территориальными потерями Севрский договор наложил на Турцию тягчайшее финансовое бремя. Кроме уплаты всех ее прежних государственных долгов, она должна была платить также репарации. Ее экономическая жизнь была всецело подчинена контролю Антанты; „финансовая комиссия" в составе представителей Англии, Франции и Италии обладала диктаторскими полномочиями. Она утверждала бюджет, имела надзор за его выполнением, имела право издания новых финансовых

законов, установления новых налогов, заключения внутренних и внешних займов, предоставления концессий, распоряжения золотым фондом и т. д.,— другими словами, Турция превращалась в подлинную колонию. Это обстоятельство особенно подчеркивалось еще сохранением режима капитуляций (предоставление особых льгот иностранцам), отмененных Турцией во время войны, а ныне восстановленных и распространенных на ряд новых государств. Кроме того Севрский договор уничтожал турецкую армию: он разрешал Турции только содержать вольнонаемные вооруженные силы (жандармерию и специальные части) в размере 50 тыс. человек.

Севрский договор однако мало удовлетворял Францию и в особенности Италию, которая была сильно задета передачей Смирны Греции. Итальянский премьер Нитти заявил, что он не пошлет ни одного солдата для поддержания этого договора. Американцы вовсе отказались его подписать. Французы тоже выражали свое недовольство тем, что, по словам Мильерана, „французские интересы всецело отданы в жертву англичанам".

Однако этому договору не было суждено осуществиться. Его даже не успели ратифицировать. Причиной тому была победа турецкой национально-освободительной революции, поддержанной СССР. В 1923 г. Севрский договор, взорванный революцией, был в корне изменен в Лозанне.

Образование новых государств

Перекройка карты мира, которой были заняты версальские миротворцы на ряду с аннексиями территорий Германии и Австро-Венгрии, ознаменовалась также созданием новых государственных образований; была восстановлена *Польша*, образована *Чехо-словацкая республика*, было создано *Югославское королевство*. Как известно, лозунгом якобы освобождения угнетенных национальностей от ига центральных держав империалисты Антанты старались прикрыть истинные, грабительские, цели войны. Поскольку военные действия происходили на территории инонациональных по отношению к государственному центру окраин, империалистические державы старались использовать национальные движения в собственных интересах, чтобы ослабить силы противника, и в первую очередь лоскутную многонациональную Габсбургскую империю. Именно этими соображениями прежде всего были обусловлены обещания создать „независимое польское государство, которое должно включить в себя все территории с неоспоримо польским населением" (13-й пункт тезисов Вильсона), а также обеспечить „широчайшую возможность автономного развития" других народов Австро-Венгрии.

Эти вильсоновские обещания были бы забыты, как были преданы забвению все остальные его пацифистские лозунги, если бы не влияние идей Октябрьской революции. Последовательная политика самоопределения наций, осуществленная советским правительством с первых же дней его существования, дала мощный толчок расширению и углублению национального движения во всем мире. Игнорировать это движение было невозможно и для версальских вершителей судеб мира. Однако практика мирных договоров и в этом отношении превратилась в прямое издевательство над принципом самоопределения наций. При определении границ новых государств версальские миротворцы меньше всего руководствовались национальным составом населения, проживающего на данной территории, меньше всего заботились о жизнеспособности новых государств, подчас не имели о них почти никакого представления. Рассказывают, что в момент, когда мирная конференция приблизилась к оформлению границ Чехо-Словакии,

один из главных режиссеров этой конференции, Ллойд-Джордж, срочно запросил своих экспертов: „Чехо-словаки — что это такое? где находятся? сколько их?".

Вполне понятно, что новые государственные образования стали злой карикатурой на принцип самоопределения наций. Решающим и определяющим принципом „национальной" политики Антанты и в частности Франции было стремление, с одной стороны, окружить Германию враждебными ей государствами, которые вечно должны ей угрожать, а с другой стороны — создать „санитарный кордон" против большевизма, против единственной страны пролетарской диктатуры — Советской России. Вновь созданные государства должны были превратиться в сторожевых псов антантовского, в первую очередь французского, империализма.

Восстановление Польши

Польский вопрос играл большую роль с первых дней войны. Польша, как известно, подвергалась разделу между Россией, Пруссией и Австрией в 1772—1795 гг. Царская Польша („крулевство") была наиболее угнетенной политически и экономически. Германия впрочем не отставала от царской России в деле угнетения поляков. Германское правительство насильно онемечивало польские окраины, принудительно отчуждало польские земли, передавая их немецким колонистам, и самым энергичным образом искореняло польскую культуру. Несколько лучше было положение поляков в Австрии. Габсбурги поддерживали единство своей лоскутной империи, играя на национальных противоречиях, натравливая одну нацию на другую. По этим причинам поляки получили еще в 1861 г. местное самоуправление и свободу развития польского языка и культуры. Польские земельные магнаты были поэтому верны Габсбургам почти до последних дней монархии и являлись в ее руках надежным орудием в деле подавления других наций (украинцев, евреев и т. п.). Галиция еще до войны стала опорным пунктом польского национализма: там формировались Пилсудским польские легионы для борьбы с царской властью.

Естественно, что царское правительство имело основания опасаться враждебных действий со стороны поляков, на территории которых происходили военные действия. Вот почему оно с самого начала войны искало пути примирения с поляками. 1(14) августа 1914 г. главнокомандующий царскими армиями великий князь Николай Николаевич обратился к полякам с воззванием, в котором он обещал, правда, в туманных, ни к чему не обязывавших фразах, объединить все части Польши и дать ей автономию под скипетром царя. Аналогичную политику заигрывания с Польшей вели Германия и Австрия. Тогда же (16 августа 1914 г.) в Кракове был образован „Польский национальный комитет", выступивший с декларацией в пользу образования из русской Польши и Галиции отдельного королевства в составе Габсбургской империи. В 1916 г., когда вся царская Польша была оккупирована германо-австрийскими войсками, два императора — Франц-Иосиф и Вильгельм II — выпустили воззвание к польскому народу, которое обещало,

„руководствуясь желанием повести польские области, вырванные из-под русского владычества... навстречу счастливому будущему... образовать из этих областей самостоятельное государство с наследственной монархией и конституционным устройством".

В начале декабря 1916 г. в Варшаве был создан „Временный польский совет".

Все эти обещания остались бы на бумаге, если бы не Октябрьская пролетарская революция.

Советская власть проводила последовательно политику освобождения угнетенных наций. Одним из первых декретов советского правительства был декрет о самоопределении наций бывшей Российской империи вплоть до их отделения, в том числе и Польши. Стремления народов к самоопределению игнорировать было уже невозможно. Антанта постаралась использовать эти стремления в собственных интересах, т. е. прикрыть лозунгами самоопределения свои империалистические планы перекройки послевоенной Европы. Ей это было легче всего сделать, так как обещанное самоопределение должно было совершиться за счет многонациональной Австро-Венгрии, а отчасти и Германии.

Разгром стран среднеевропейской коалиции, и в первую очередь разгром и распад Австро-Венгрии, ускорил процесс воссоздания польского государства. 6 октября 1918 г. Регентский совет в Варшаве, номинальное правительство оккупированного австро-германцами Царства польского, провозгласил независимость и объединение всех частей Польши, а 14 ноября Регентский совет, этот ставленник австро-германского командования, был вынужден уйти в отставку, и вся власть была передана в руки „временного главы польского государства" — Пилсудского.

Новое польское государство, сложившееся в огне революции и разгрома империалистических стран, было немедленно признано Антантой и допущено на правах государства, „присоединившегося" к союзникам, на Парижскую мирную конференцию. Парижская конференция отнеслась к Польше с исключительной предупредительностью. Главным адвокатом идеи „великой" Польши выступал французский империализм. Он отстаивал максимальное расширение ее границ и максимальное усиление вооружений Польши. Франция стремилась создать из Польши верного вассала, который должен охранять незыблемость версальских устоев. Вильсон и Ллойд-Джордж, с опаской и нескрываемой неприязнью относившиеся к факту усиления французского влияния в Европе, тем не менее отнеслись тоже довольно доброжелательно к польским притязаниям. Сильная, вооруженная Польша должна была служить барьером против проникновения большевизма в Западную Европу. Этот решающий аргумент в устах польских и французских империалистов уничтожил все колебания и возражения, которые были у Вильсона и Ллойд-Джорджа по польскому вопросу.

Воссозданная Польша была образована из территорий бывшей русской Польши, австрийской Галиции, Познани и отторгнутых от Германии частей Восточной и Западной Пруссии и Силезии, имевших в своем составе округа с бесспорно-немецким населением. С целью предоставления Польше выхода к морю был объявлен „вольным городом" немецкий по своему национальному составу город Данциг. В 1921 г., несмотря на результаты плебисцита в Силезии, благоприятного для Германии, „Совет послов" все же отдал Польше значительную и притом наиболее богатую часть ее. Кроме того, согласно Рижскому мирному договору между Польшей и СССР, к первой были присоединены части Белоруссии и Украины. В 1922 г. польский генерал Желиховский захватил Виленщину. Этот захват был также санкционирован Антантой.

В результате всех этих захватов новое польское государство оказалось прямым издевательством над идеей самоопределения наций. Согласно пере-

писи 1921 г., на 18 814 тыс. польского населения числилось в Польше: около 5 млн. украинцев, около 3 млн. литовцев и русских, около 3 млн. евреев и 1,25 млн. др. нац., что составляет 44 с лишним процента всего населения Польши.

Данные о национальном составе населения Польши по отдельным районам еще более разительны. В семи окраинных воеводствах на востоке (Виленское, Станиславское, Тираспольское и др.), занимающих 48% всей территории Польши, польское население составляет лишь 40% населения, а в Волынском воеводстве — всего 14,5%. Так был извращен принцип национального самоопределения в применении к Польше. В таком же примерно духе был осуществлен этот принцип при образовании Чехо-словацкой республики.

Образование Чехо-словацкой республики

В результате длительной обостренной национальной борьбы в довоенной Австро-Венгрии чехи, как и поляки, добились широкой свободы для развития своей национальной культуры. Местная власть в Чехии и Моравии находилась в руках чешской буржуазии. Последняя, поддерживавшая в общем Габсбургов, стремилась однако к образованию самостоятельного королевства в Габсбургской империи. Во время войны эти стремления значительно усилились. Антанта играла на этих национальных противоречиях. С ее помощью был организован во Франции, России и САСШ Чешский национальный комитет из чешских эмигрантов, во главе с будущим президентом Чехо-словацкой республики Массариком. В 1916 г. от имени этого комитета Массарик подал английскому министру иностранных дел Эдуарду Грею докладную записку, в которой было выдвинуто требование образования самостоятельного чешского государства в форме конституционной монархии. В январе 1918 г. состоялся в Праге съезд чешских депутатов рейхсрата совместно с депутатами ландтагов Чехии, Моравии и Силезии, который поставил вопрос о практическом осуществлении идеи создания „самостоятельного чешского государства в пределах исторических границ чешского народа совместно с Словакией. Накануне своего крушения австрийское правительство хотело спасти империю путем превращения ее в федеративное государство; в этом же духе правительство писало Вильсону в своей просьбе о перемирии и мире. Но этот акт уже запоздал. Вильсон выдвинул в качестве предварительного условия перемирия предоставление самим чехо-словакам права решать свою судьбу. 28 ноября 1918 г. в Праге был совершен переворот, было объявлено о свержении габсбургской монархии, о превращении Чехо-Словакии в самостоятельную республику.

Как и Польша, Чехо-Словакия пользовалась исключительным вниманием со стороны Антанты. И нужно отметить, что это внимание было вполне заслуженным. Еще до оформления Чехо-Словакии в самостоятельное государство чехо-словацкие легионы, вооруженные Антантой, служили в России делу контрреволюции, организовали контрреволюционное восстание на Волге, участвовали в гражданской войне против советской власти на Волге и в Сибири. Вот почему при дележе добычи Чехо-Словакия получила в качестве мзды изрядную долю (почти одну пятую часть) территорий бывшей Габсбургской империи и около одной четверти ее населения. К тому же это были наиболее богатые промышленные области бывшей Австро-Венгрии.

Чехо-Словакия „унаследовала“ от бывшей Габсбургской империи 52% ее химической промышленности, 75% бумажной промышленности, 76% уголь-

ной, 93% стекольной и 100% фарфоровой. В общем к Чехо-Словакии отошло не менее 75% всей промышленности Австро-Венгрии, тогда как территориально и по количеству населения она составляла лишь около пятой части.

По своему национальному составу Чехо-Словакия далеко не является однородным государством. Согласно официальным данным, национальные меньшинства составляли в 1921 г. 35,6% населения. Между тем словаки, которых официальная статистика причисляет к господствующей нации, представляют собою на деле угнетенную народность. Если причислить и их к нацменьшинствам, то последние таким образом составят не менее 50% всего населения Чехо-Словакии. По отдельным областям чехи находятся в меньшинстве. Так например австрийская часть Словакии населена преимущественно немцами и поляками, а присоединенная к Чехо-Словакии Прикарпатская Русь почти сплошь населена украинцами.

Югославия

Не менее сложным по национальному составу является и третье детище версальских миротворцев—Югославия, или, как она официально именуется,—„Сербо-словено-хорватское государство". Югославия, как и Чехо-Словакия, возникла на развалинах Габсбургской империи.

В ее состав вошли южнославянские области, находившиеся раньше под владычеством Австро-Венгрии (Хорватия, Славония, Южная Венгрия, Крайна, Далмация, Босния и Герцеговина) с сербско-хорватским населением свыше 7 млн. человек и Сербское королевство вместе с Черногорией с 3 млн. населения. Все эти славянские народы значительно отличаются друг от друга как по социально-экономическим, так и по бытовым, культурным и религиозным признакам. Каждый из этих народов проделал различный исторический путь. Словенцы находились под господством австрийских немцев в течение шестисот лет. Усиленная эксплоатация словенского крестьянства вызвала довольно мощное национально-освободительное движение. В то же время словенская буржуазия и интеллигенция сильно онемечились. В Славонии при преобладающем сельском хозяйстве довольно развита также и промышленность. По грамотности словенское население значительно выше других южнославянских областей. Отличались словенцы от сербов и по религиозному признаку (словенцы — католики, сербы — православные). Хорваты тоже не испытывали тяготения к Сербии. Будучи подчинены Венгрии, они пользовались широким самоуправлением; дворянство сохранило в Венгрии свои владения и привилегии; кроме того, как и словенцы, хорваты принадлежали к католической церкви. Отличались они от сербов также по письменности (у первых — латинская письменность, у сербов — сходная с русской). В Боснии значительная часть славян исповедуют магометанство. Во время мировой войны буржуазные партии хорват и словенцев мечтали лишь о широкой автономии в рамках двуединой монархии. Буржуазия Сербского королевства, сыгравшего большую роль в развязке мировой войны, тоже не была особо горячей сторонницей идеи национальной консолидации южнославянских народов. Больше того, сербская буржуазия опасалась конкуренции более сильной и культурной словенско-хорватской буржуазии. Не без основания она опасалась, что последняя займет руководящую роль в объединенном государстве. То, к чему стремилась Сербия, заключалось в плане „Великосербии", т. е. сводилось к расширению своей территории за счет соседних славянских земель, а главное к получению

выхода к морю, чего ей не удалось осуществить во время балканских войн 1912—1913 гг.

Разгром Австро-Венгрии привел к осуществлению независимости австро-венгерских славян. Хорвато-словенская буржуазия мечтала о создании Сербо-словено-хорватского государства на федеративных началах. В этом духе разрабатывался проект новой конституции. Однако этим идеям воспротивилась Италия, которой Антанта по тайному лондонскому соглашению в 1918 г. обещала Далмацию. Италия немедленно оккупировала Далмацию и западные славянские земли. В то же время внутри страны начались крестьянские волнения, принявшие характер аграрной революции. Югославянское правительство было не в состоянии своими силами бороться против Италии и против крестьянского движения. Оно было вынуждено просить помощи у Франции и Сербии. Последняя поспешила послать войска и, усмирив крестьянское движение, оккупировала эти области. Хорватская и словенская буржуазия с благодарностью приняла власть сербского короля. Так осуществилось образование Сербо-хорвато-словенского государства. Это было осуществление не идеи равноправного союза югославян, а торжество великосербской идеи. Сербия, занимающая только одну пятую территории нового государства с 22% всего ее населения, культурно более отсталая по сравнению с другими частями государства, стала господствующей и угнетающей нацией. Она смотрела на вновь присоединенные к ней территории как на военную добычу. Она проводила неприкрытую колонизацию новых областей, в частности Македонии, отнятой у Болгарии. При проведении земельной „реформы“ и конфискации несербских земель преимущества отдавались колонизаторам из Сербского королевства.

В налоговой политике новое государство тоже проводило резкую грань между Сербией и присоединенными областями Австро-Венгрии. Последние платят гораздо больше налогов, чем сербское население. Кроме того вся армия, полиция и гражданская администрация вербовались преимущественно из сербов. Таким образом новое Югославское государство не уничтожило национальной розни, а наоборот ее обострило. Острота национальных и классовых противоречий еще усугублена тем, что в Югославии господствующая нация экономически и культурно значительно ниже угнетаемых ею „национальных меньшинств“, представляющих на деле подавляющее большинство населения нового государства. В выигрыше от этой политики оказался один лишь французский империализм, который путем ограничения в Версале итальянских аппетитов создал из Югославии верного вассала, беспрекословно проводящего политику французского империализма на Балканах и в Центральной Европе.

III. ИТОГИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ И МИРНЫХ ДОГОВОРОВ.—ФРАНЦИЯ

Как война, так и Версальская система мирных договоров, которой война закончилась, были развитием и продолжением политики буржуазии, политики, характерной для эпохи загнивания капитализма, эпохи империализма.

„Война есть продолжение средствами насилия той политики, которую вели господствующие классы воюющих держав задолго до войны. Мир

есть продолжение *той же* политики, *записью* тех изменений в отношении между силами противников, которые созданы военными действиями" *(Ленин)*.

Версальская система мирных договоров перекроила всю карту мира и создала новое соотношение сил в борьбе за мировую гегемонию.

Германия и ее союзники были окончательно разгромлены, значительная часть их территорий была захвачена, они были лишены всякой военной базы; они лишились политической и в значительной степени и экономической самостоятельности. Система репараций была тем дамокловым мечом, который должен был на них обрушиться при малейшей попытке проявить самостоятельность. Первый тур борьбы империалистических хищников был закончен. Победители торжествовали...

В наиболее выигрышном положении из европейских держав-победительниц оказалась *Франция*. Несмотря на то что война повлекла за собой разрушение ее наиболее промышленных северных областей, что она стоила ей огромного числа человеческих жертв и привела к расстройству ее денежной системы,—она значительно способствовала усилению экономической и политической мощи Франции. Огромные нужды милитаризма во время войны дали сильный толчок развитию военной промышленности, в частности металлургии и машиностроению. Баснословные военные прибыли, правительственные субсидии благоприятствовали быстрой индустриализации Франции. За время войны начинается превращение Франции в крупную промышленную страну. Однако решающее значение в деле индустриализации Франции имела победа Антанты. В результате победы и Версальского мира Франция получила Эльзас Лотарингию с ее богатейшими запасами железной руды, поташных солей, с ее высокоразвитой металлургической и химической промышленностью. Запасы железной руды во Франции в результате захвата Эльзас-Лотарингии удвоились, и она сделалась обладательницей почти всех запасов железной руды на западноевропейском континенте. Кроме того захват Саарского угольного бассейна увеличил ее угольные запасы на 40%. К этому следует прибавить, что ее разросшаяся промышленность была обеспечена топливом в течение десяти лет еще и благодаря дополнительным угольным поставкам из Рурской области. Репарационная дань со стороны Германии золотом и натуральными поставками способствовала быстрому восстановлению разрушенных областей, реконструкции всей промышленности на новой технической базе; падение франка и связанное с этим разорение мелких вкладчиков привело к мобилизации капиталов и их вложению в промышленность. Все это обеспечило благоприятные условия для превращения Франции после войны из страны рантьерского капитала в первоклассную индустриальную капиталистическую страну.

Версальская система договоров обеспечила вместе с тем и в первые годы после войны политическое господство Франции в Европе. Германия, этот сильный и опасный противник Франции, была окончательно обезоружена и охвачена тисками верных Франции вассалов. Польша, Чехо-Словакия, Румыния и Югославия, возникшие на развалинах центрально-европейской коалиции, политически и экономически были неустойчивы и нуждались в поддержке со стороны более сильных европейских держав. В марте 1919 г. Клемансо выражал серьезное опасение, что не будь за спиною Польши и Чехо-Словакии поддержки империалистов, эти страны могут легко стать „добычей большевизма". Французский империа-

лизм, выступивший их адвокатом на самой конференции, своей дальнейшей поддержкой, своими финансовыми силами превратил их в своих верных вассалов, назначение которых — охранять незыблемость версальских границ на востоке, служить барьером против большевизма. Союзники — вассалы Франции — давали ей значительный перевес голосов в Лиге наций. Франции достался также и жирный кусок колониального пирога: она получила мандат на Сирию, укрепила свое влияние в Северной Африке, добившись окончательного признания своего протектората над Марокко. Кроме того она получила ряд других колоний (часть Экваториальной Африки, Камерун и Того). Таким образом французский империализм, казалось, торжествовал свою победу. Наиболее агрессивные круги французской буржуазии считали необходимым укрепить и навсегда удержать гегемонию в Европе. Именно эти круги стали застрельщиками интервенции, низких замыслов против Советской России. Но внутри самой Франции было неспокойно: пролетариат явно выражал свое недовольство „плодами" войны, революционное настроение в стране росло. Англия, Италия, САСШ без особого удовольствия смотрели на усиление агрессивных настроений Франции. Перед французским империализмом, таким образом, и после войны стали задачи одна неразрешимее другой. Победа и для французской буржуазии, больше буржуазии других европейских стран приобревшей в результате войны, несет не успокоение, а новые заботы и тревоги.

Англия

Иной была судьба сильнейшей европейской державы — Англии. Внешне английский империализм мог торжествовать победу. Главный его конкурент на материке — Германия — был повергнут в прах. Экономическая сила этого конкурента разрушена, торговый флот у него отнят, а главное разгром Германии уничтожил все опасения, что последняя сможет угрожать вековому господству Великобритании на морях. Германия лишилась своего военного флота, доставившего столько горьких минут английскому империализму. Кроме того Версальская система обеспечила за Великобританией господство на Ближнем Востоке и в Африке. Англия добилась мандатов на Палестину, Месопотамию, Аравию, где создала „независимое" государство Геджаса, король которого находился на содержании у Англии; она окончательно закрепила за собой Египет, округлила свои владения в Восточной и Южной Африке, урезала в свою пользу французский мандат в Сирии, добившись преобладающего участия в эксплоатации Моссульского нефтяного района и некоторых других территорий.

Таким образом внешне Англия достигла почти всех тех целей, которые она ставила во время войны.

Однако война внесла существенные изменения в жизнь самой империи, в ее экономическое развитие и структуру и в конечном итоге привела к углублению кризиса английского капитализма, начавшегося еще до мировой войны, превратив победу Великобритании в ее поражение.

Прежде всего война усилила центробежные тенденции внутри самой империи. В виде компенсации за помощь во время войны Англия была вынуждена сделать своим самоуправляющимся колониям известные политические уступки. Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южноафриканский союз, а также Ирландия завоевали значительно больше самостоятельности, чем до войны. Это новое положение английских доминионов явилось следствием значительных изменений, происшедших за время войны в экономических

отношениях между метрополией и колониями. Если и до войны на имперских конференциях намечались известные противоречия между метрополией и колониями в вопросах протекционизма и внешней торговли, то во время войны эти противоречия значительно углубились. За время войны, благодаря тому что метрополия не была в состоянии удовлетворить потребности колоний в промышленных товарах, начинает развиваться в колониях собственная промышленность. Английский капитализм, вопреки своей традиционной политике, направленной к тому, чтобы не допускать резвития промышленности в колониях, *вынужден* был сам оказать содействие развитию промышленности в колониях для удовлетворения собственных возросших потребностей. Так например в *Канаде* в 1880 г. 95% населенной площади было занято сельским хозяйством; в 1920 г. 33% населенной площади было занято промышленностью. Капитал, вложенный в канадские железные и стальные предприятия, составлял 650 млн. долларов. Из общей суммы капиталов в 1675 млн. долларов, вложенных к 1921 г. в канадскую промышленность, 57% были канадского происхождения. Такое же положение было и в *Австралии*, промышленная продукция которой выросла с 161,5 млн. фунтов стерлингов в 1913 г. до 322 млн. фунтов стерлингов к 1920 г. Значительно увеличивается промышленная продукция в *Южноафриканском союзе* и в *Индии*. Таким образом на ряду с давнишними противоречиями между аграрными интересами колоний и промышленной метрополией возникли в результате войны противоречия между промышленным капиталом колоний и метрополий. Кроме того ряд английских доминионов (Канада), а также экономически зависимых стран (Бразилия и другие) за время войны хозяйственно сомкнулись с капиталом САСШ. Из общей суммы капиталов, инвестированных в канадской промышленности, САСШ принадлежало 34%, а Англии — только 9%. Ввоз Австралии из Англии и САСШ в процентах к общему ввозу составлял в 1913 г. 51,82% из Англии, 13,68% — из Соединенных штатов Америки; в 1921—1922 гг. отношение было 51,4 и 18,2. Значительно усилилась конкуренция Англии и САСШ в Аргентине и других странах Латинской Америки. Тем самым война привела к ослаблению экономических позиций Англии в своей собственной империи.

Кризис английского капитализма был углублен последствиями победы французской политики в Версале. Германия, еще более разоренная системой репараций, теряла свою покупательную способность, что лишало Англию одного из ее главных рынков в Европе (до войны Германия импортировала из Англии значительную часть своего сырья).

Таким образом война и последовавшие за ней изменения положения как в колониях Англии, так и в других странах значительно ослабили позицию Великобритании в мировом хозяйстве и следовательно в мировой политике.

Италия

Италия значительно расширила свои территориальные владения в Европе за счет Австрии. Она получила южную часть Тироля, Горицу, Градиску, Истрию и т. д. Но итальянскому империализму этого казалось мало. Итальянская промышленность значительно выросла за время войны, особенно ее металлургическая, машиностроительная, судостроительная и электрическая отрасли. Между тем Италия является страной, бедной сырьем. Итальянские промышленники переплачивали значительные суммы на сырье; так например в то время как стоимость угля для Италии равнялась в 1920 г. 100 франкам, в Германии она составляла 12, в Америке 18, в Бельгии 25, в Англии 26 и во Фран-

ции 38 франков. Итальянский империализм считал себя поэтому обойденным другими мировыми хищниками. Он проявлял усиленное стремление к расширению своих владений. Однако все притязания Италии встретили резкий отпор на Парижской конференции. По вопросу о Фиуме, о Далмации Вильсон, Клемансо и Ллойд-Джордж поддерживали Югославию. Так же неудачно кончились попытки Италии овладеть Смирной, которая была отдана грекам (турецкое национальное правительство вернуло себе Смирну после победоносной революционной войны).

Италия почти ничего не получила из германских колониальных владений. Версальский мир был для Италии „испорченным миром". В то же время Италия, сильно пострадавшая от войны, опутанная тяжелыми долговыми обязательствами, не была в состоянии удержать Албанию, которую она была вынуждена эвакуировать так же, как она эвакуировала и Валлону.

Источник своих неудач в области колониальной захватнической политики итальянский империализм видел в политике Франции. На этом поприще враждебно столкнулись интересы итальянского и французского империализма.

Румыния

Прежде чем перейти к итогам войны и мирных договоров для неевропейских стран, остановимся вкратце на характеристике результатов войны для Румынии.

Боярская Румыния во время мировой войны долго колебалась в вопросе об ориентации; она долго не могла решить, к какой коалиции пристать. Каждая из коалиций ей сулила много. В конце концов верх взяла Антанта. Согласно союзному договору с Россией, Францией, Великобританией и Италией от 17 августа 1916 г., Румыния получила право на аннексию венгерских территорий в границах, образуемых рекой Прутом, составлявшей как бы пограничную линию между Галицией и Буковиной и Галицией и Венгрией — всего около трети венгерских территорий. После заключения Брестского мира Румыния почти вся была оккупирована немцами, капитулировала перед Германией и 7 мая 1918 г. заключила мир с центрально-европейской коалицией. Однако к моменту разгрома Австро-Германии она вновь переметнулась на сторону Антанты, после чего она получила заверения от Вильсона, что

„идея национального объединения румын, живущих в разных землях, ему симпатична и что правительство САСШ не упустит случая оказать в нужное время свое влияние в том смысле, чтобы румынский народ получил все принадлежащие ему национальные и территориальные права и чтобы эти права были застрахованы против всяких иностранных покушений".

На основе этого обещания румыны произвели мобилизацию и 23 ноября 1918 г. напали на Венгрию. Затем румыны, по приказу Антанты, участвовали в разгроме советской Венгрии. В награду за это они захватили не только обещанную раньше венгерскую часть Румынии, но и значительную часть исконных венгерских земель с 1,25 млн. мадьяр и 750 тыс. евреев. „Великая Румыния" кроме того насильно захватила Бессарабию, несмотря на явную волю населения остаться в рамках СССР. Таким образом боярская Румыния была куплена Антантой в качестве верного стража против Венгрии и против СССР.

Япония

За время мировой войны японский империализм вырос в могущественную силу. Все, кто ему мешал в его дальневосточной экспансии: Англия, Франция, Россия и Германия, были заняты во взаимноистребительной войне. С самого начала войны Япония

объявила войну Германии и захватила концессии последней в Китае (Цзяо-Чжоу с портом Циндао). На этом закончилось по существу участие Японии в войне. Все попытки Антанты перетянуть военные силы японцев на европейский театр военных действий окончились неудачей. Нисколько не разоружившись, больше того, значительно увеличив свои вооружения, Япония все свои силы направила на укрепление своих позиций на Дальнем Востоке и в Тихом океане. За время войны Франция и Англия были вынуждены увести свой флот из Тихого океана в европейские воды, и Япосия стала почти *безраздельным монополистом* в Тихом океане.

Она не ограничилась захватом немецких концессий в Китае и распространила свое экономическое и политическое влияние на Шаньдуньскую провинцию, богатую минеральными ископаемыми, в которых столь нуждалась японская промышленность. Наконец она значительно укрепилась в Северном Китае и особенно в Манчжурии: кроме торговли и железных дорог, она захватила в свои руки все банковое дело, всю печать и имела своих советников у китайских генералов — властителей.

Не один только Китай стал предметом наживы японского империализма. Под предлогом помощи союзникам Япония, как и Америка, стала поставлять союзным державам вооружение и промышленные товары. За время войны японская промышленность гигантски выросла. Беспрерывно расширялись старые предприятия, новые росли как грибы:

в	1914	г.	было	вложено	в	новые предприятия	190 670 000
„	1915	„	„	„	„	„	177 447 000
„	1916	„	„	„	„	„	611 860 000
„	1917	„	„	„	„	„	1 222 164 000
„	1918	„	„	„	„	„	2 004 825 000

За четыре года войны капитал, вложенный в японскую промышленность, достиг 5 млрд. иен. Вклады в банках увеличились до 6 млрд., а в сберегательных кассах—до 550 млн. Резервный фонд японского банка, составлявший до войны 350 млн. иен, поднялся после войны до 1580 млн. иен. Промышленность шагала вперед семимильными шагами. Мощность машин увеличилась с 140 тыс. лошадиных сил в 1906 г. до 1125 тыс. лошадиных сил в 1916 г., т. е. выросла почти в 10 раз. Производство хлопчатобумажной промышленности за первые два года войны увеличилось больше чем в три раза (с 164 544 мотка в 1913 г. до 500 тыс. мотков в 1915 г.). Экспорт увеличился с 1913 г. по 1918 г. больше чем в 19 раз, а импорт — больше чем в 13 раз. Приведенные цифры показывают, что Япония за время мировой войны стала одной из крупнейших промышленных и военных держав.

Когда кончилась мировая война, представители японского империализма явились на Парижскую мирную конференцию, чтобы потребовать своей доли в „добыче". Японские империалисты мало интересовались европейскими и другими проблемами, не касавшимися непосредственно их империалистических целей. По всем этим вопросам глава японской делегации Макино воздерживался от всякого вмешательства, несмотря на то, что он принадлежал к руководящей пятерке „миротворцев". Зато, когда дело дошло до колониального вопроса и проблемы вооружения, он изложил и отстаивал свою не менее грабительскую программу.

К моменту Парижской конференции Япония захватила также значительную часть русского Дальнего Востока. Ее программа мира заключалась

в том, чтобы ей были переданы германские колонии в Тихом океане, были признаны ее особые торговые „права" в Сибири, Китае и других странах Дальнего Востока. Другими словами, японский империализм, опираясь на лозунг „Азия для азиатов", добивался монопольного господства на Дальнем Востоке. Но интересы Японии столкнулись в этом вопросе с интересами САСШ, которые также претендовали на господство в Азии и в частности в Китае. Несмотря на поддержку со стороны Великобритании, Японии пришлось несколько ограничить свои аппетиты. Был достигнут компромисс, который однако значительно расширил колониальные владения Японии. Япония получила германские владения в Шаньдуни со всеми железными дорогами, копями, подводными кабелями и часть германских океанских островов. Кроме того Японии временно удалось оккупировать русский Дальний Восток.

Однако этот компромисс отнюдь не ослабил противоречия между японским и американским империализмом. Японо-американские противоречия были одним из мотивов неутверждения САСШ Версальского мирного договора.

САСШ

Из всех воевавших государств наиболее выигравшей страной были САСШ.

Версальский мир внешне не принес САСШ никаких — ни территориальных ни финансовых — приращений. Больше того, несмотря на то что президент САСШ был одним из главнейших официальных руководителей Версальской конференции, несмотря на то что именно к нему были обращены взоры всего мира,—американский империализм остался недовольным Версальской системой мирных договоров. Недовольство это однако было вызвано не условиями ограбления Германии и ее союзников. Наоборот, эта часть договора встретила полное одобрение со стороны американского конгресса. Основным пунктом недовольства был самый главный конек президента, так сказать, его детище — Лига наций. Статут Лиги наций в том виде, как он был принят, не сулил САСШ викаких существенных выгод, которые позволили бы им быть господствующими в мировой политике, но в то же время он накладывал обязательства и на САСШ. Больше того, Лига наций превратилась в орудие англо-французского империализма. Сильное недовольство вызвало также данное Вильсоном Франции обязательство защищать ее в случае нападения на нее со стороны Германии. Версальский договор таким образом только связывал руки САСШ, в то же время не давая им никаких преимуществ. Вопрос о свободе морей, который выдвинули американские империалисты, не был урегулирован Версалем. Система мандатов фактически создавала экономические и политические преграды экспансии американского капитала в Азии и Африке. Особенное недовольство вызвала передача Японии китайской провинции Шаньдунь. Еще большую неприязнь и протесты вызвала передача Японии мандата на бывшие германские колонии, расположенные к северу от экватора — близ Филиппин, Марианских, Каролинских и Маршальских островов. Недовольство вызвал также раздел германских кабелей между союзниками. Все это привело к тому, что конгресс САСШ в 1920 г. отказался ратифицировать Версальский мир.

САСШ стали за время войны фактическим гегемоном в мировом хозяйстве и, не рискуя еще предъявлять свои счета, предпочли иметь свободные руки для победоносного шествия доллара по всему миру; они предпочли

давить на мировую политику силой своей экономической мощи. Война превратила САСШ *в самую сильную державу*. Война была главным источником наживы для американского капитализма. Став мощнейшей капиталистической страной еще накануне войны, используя все благоприятные природные и технические условия своей территории, САСШ за время войны превратились в главного „интенданта" союзников. Они поставляли сельскохозяйственные продукты в изголодавшуюся, разоренную войной Европу. Когда были исчерпаны военные запасы воюющих стран, а ненасытная пасть Молоха войны требовала все больше и больше снарядов и пушек, снаряжения, обмундирования и продовольствия, Америка начала их поставлять в громадном количестве. Моторизация воюющих армий предъявила колоссальный спрос на жидкое горючее — САСШ развили до небывалых размеров нефтяную промышленность. Недаром лорд Керзон как-то отметил, что в мировой войне победила американская нефть. В итоге войны САСШ из страны, импортирующей и экспортирующей сырье и полуфабрикаты, превратилась в страну, экспортирующую капитал и промышленные товары в Европу и колонии. Война послужила благоприятным моментом для усиления экспансии САСШ в страны американского материка, а также в Китай. Вывоз САСШ составлял (в млн. долларов):

	1917—1918	1918—1919
В Европу	3732,2	4634,8
„ Сев. Америку	1236,4	1291,9
„ Южн. Америку	314,6	400,9
„ Азию	447,4	603,9
„ Австралию	134,9	208,3
„ Африку	54,2	85,2
Итого	5919,7	7825,0

Американский торговый флот сравнялся с английским, но превосходил его по качеству; он был новее и технически совершеннее.

Война дала САСШ перевес над воюющими странами еще и в другом отношении. В то время как Европа растрачивала свои силы на войне, расстраивала свою финансовую систему, прибегая все больше и больше к займам внутренним и внешним, финансовое могущество САСШ все укреплялось.

Военные долги союзников выражались в следующих цифрах:

Великобритания	5818	млн. зол. руб.
Франция	3852	„ „ „
Италия	2556	„ „ „
Россия	4578	„ „ „
Бельгия	1324	„ „ „
Сербия	454	„ „ „

Одни Соединенные штаты почти не прибегали к внешним займам: наоборот, они стали банкирами союзников. Америка кредитовала союзников на сумму около 10 млрд. долларов золотом, которые в значительной мере остались в стране в виде оплаты заказов. Кроме того, около половины мирового золотого запаса перекочевало в подвалы американских банков. Но САСШ поспешили во время войны избыток своих капиталов инвестировать в иностранную промышленность, преимущественно в американских государствах: в Канаде, Мексике, Кубе и пр., и в своих колониях — в Порто-Рико,

на Филиппинских островах и т. п. В то же время значительно уменьшился капитал, инвестированный в САСШ иностранными державами. Рост промышленности, усиление экспорта капиталов превратили САСШ в крупнейшую империалистическую державу. САСШ стремились использовать благоприятную обстановку в связи с тем, что европейские державы были всецело заняты войной, и начали захват и подчинение остальных американских государств.

Эта империалистическая экспансия привела к значительному усилению в САСШ милитаризма, особенно усилившемуся в связи с ее вступлением в войну.

Основные итоги войны и Версальской системы

Война и Версальская система не устранили противоречий капитализма, а наоборот значительно их углубили. Война привела к полному перевороту в соотношении сил в мировой политике. Место англо-германской борьбы за гегемонию после войны занимает борьба за первенство в первую очередь между Соединенными штатами и Англией.

Англия и Франция победили, но они в долгу как в шелку перед Америкой, которая решила, что сколько бы французы и англичане ни считали себя победителями, она будет снимать сливки и получит проценты с лихвой за свою помощь во время войны, а обеспечением этого должен служить американский флот, который сейчас строится и обгоняет своими размерами французский... Польша скупается агентами Америки. Нет ни одной фабрики, ни одной отрасли промышленности, которые не были бы в кармане американцев. Америка обнаглела так, что начинает порабощать „великую", свободную победительницу — Францию... „Чем ближе к победе, тем больше выясняется окончательный крах Франции, Англии и других могущественных стран". *(Ленин).*

Версальский мир еще больше усугубил эти противоречия. Будучи

„в сто раз больше грабительским, чем Брестский... этот мир является величайшим ударом, который могли только нанести сами себе капиталисты и империалисты злополучных победивших стран... он означает только внешнюю победу торжествующих империалистов, а на деле является крахом всего империалистического мира" *(Ленин).*

Следствием Версальского мира является рост экономического хаоса. Одно из самых мощных капиталистических государств — Германия — было превращено в „экономического калеку". У Австрии были отняты предпосылки самостоятельного государственного и хозяйственного бытия. Средняя и восточная Европа (исключая СССР) была разбита на большое число мелких и средних государств, экономически и политически совершенно нежизнеспособных. Границы, проведенные из стратегических соображений, идущие вразрез с принципами самоопределения национальностей, привели к росту национальных противоречий. „Вместо успокоения были посеяны семена вечного беспокойства" *(Шульце).* Один французский политический деятель недаром заметил, что в Версальском договоре заложены все предпосылки длительной войны.

Недовольство победителей дележом добычи создало ряд новых противоречий между Италией и Францией, между Англией и Францией, между Америкой и Японией и т. д. и т. п. Бывший итальянский премьер Нитти посвятил ряд книг выяснению опасности, грозящей Европе (т. е. капитализму) от Версальской системы мирных договоров. О несостоятельности Версальской

системы писал один из ее главных творцов — Ллойд-Джордж. Бывший английский эксперт на мирной конференции профессор Кейнс так резюмирует свою критику Версальского договора:

„Версальский договор неразумен, отчасти невыполним, наконец опасен для жизни Европы".

Лучшим подтверждением этого положения является то обстоятельство, что рост вооружений и военных бюджетов, несмотря на официальное заключение мира и окончательное порабощение побежденных врагов, нисколько не сократился, а наоборот значительно увеличился по сравнению с довоенным периодом. По исчислениям английского генерала Ф. Моргана, в 1922 г. в Европе находилось под ружьем 4 354 965 человек против 3 747 179 чел. в 1913 г. Если же принять во внимание, что численность армий Германии, Австро-Венгрии и Болгарии уменьшилась на 696 135 чел., то получается, что прочие державы Европы увеличили свои армии на 1 303 921 чел. Самой большой армией, численность которой превышала 800 тыс. чел., располагала Франция. Но рост вооружений выражается не столько даже в численном увеличении армий, сколько в небывалом усилении военной техники и в разбухании военных расходов. После войны страны-победительницы произвели небывалое по своему масштабу переоборудование и увеличение морского и воздушного военных флотов. Военный бюджет, значительно отягчавший налоговое бремя, падавшее на разоренное и без того население, вырос до грандиозных размеров.

По существу состояние войны в Европе не прекратилось на протяжении первых четырех лет после заключения мирных договоров. В течение 1919 — 1920 гг. страны Антанты принимали активное участие в интервенции против СССР. В 1920 г. Польша, поддержанная теми же империалистскими государствами, пыталась сделать то, чего последние не достигли с помощью русских белогвардейцев. В течение 1921—1923 гг. происходит борьба турецкого народа против его поработителей; наконец в 1923 г. происходит захват франко-бельгийскими войсками Рурской области. Все это служило лишним доказательством, что мир в Европе еще далеко не наступил. На протяжении первого пятилетия после мировой войны (1919—1924 гг.), в условиях острейшего кризиса капитализма и нарастания революционной волны, вся внешняя политика мирового империализма преследовала задачи укрепления шатавшихся устоев Версальского мира, отстаивания капитализма против нараставшей пролетарской революции и против СССР, где пролетариат прочно захватил власть в свои руки, и улаживания все более и более обострявшихся противоречий между отдельными империалистическими государствами. Основными стержнями этих противоречий явились: англо-французское соперничество за гегемонию в Европе и на Ближнем Востоке, борьба за Тихий океан между Англией, Америкой и Японией и наконец последнее по счету, но не по важности — борьба мирового империализма против страны диктатуры пролетариата, борьба капиталистической системы против социалистической — против СССР.

Версальский мир на всем протяжении послевоенной истории углубляет противоречия внутри капиталистических стран и между империалистическими странами. В период „относительной стабилизации" капитализма господствующим державам созданной версальскими миротворцами Лиги наций удавалось в известной степени удерживать относительное равновесие и в международных отношениях. Главным столпом политики Лиги наций

стал II Интернационал, поддерживавший все грабительские тенденции международного империализма и рисовавший перед массами Версальский мир как оплот мира между народами. СССР изображался ими как носитель „красного империализма". Лозунг „разоружения" служил завесой, под которой совершались самые хищнические действия по отношению к побежденным странам и колониальным народам.

Германская буржуазия и ее активный помощник и лакей — германский социал-фашизм — проводили так называемую политику „выполнения" и пытались тоже спекулировать на лозунге „разоружения", чтобы облегчить себе задачу восстановления мощи немецкого империализма. Но эта политика кончилась крахом. Разразившийся с 1929 г. небывалый экономический кризис, означавший конец капиталистической стабилизации принес с собой конец и относительному равновесию в международных отношениях. Здание Лиги наций начало трещать по всем швам: Япония в рамках Лиги наций и при ее благосклонном содействии захватила Манчжурию, а затем вышла из Лиги. Разоружительная и экономическая конференции привели к еще большему обострению противоречий. А с момента прихода к власти немецкого фашизма — национал-социалистического правительства Гитлера — международные отношения еще более обострились. Воинствующий гитлеризм, представляющий собой далеко идущие агрессивные планы возрожденного германского империализма, выступил с требованием равноправия в вооружениях. Война за новый передел мира стала вплотную в порядок дня международного империализма.

Только СССР своей мирной политикой противостоит всему капиталистическому миру. СССР был единственной страной, которая разблачала грабительский характер Версальского мира и противопоставлял лицемерным разговорам о „разоружении" программу полного разоружения государств и действительную мирную политику. И в нынешних условиях СССР борется против всяких поползновений, откуда бы они ни исходили, развязать новую войну во имя нового империалистического передела мира. Только международная пролетарская революция может действительно уничтожить Версальскую систему, направленную против интересов трудящихся всего мира, создающую новые очаги войны, чреватую величайшими потрясениями для человечества.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

1914

Июль	
23	Ультиматум Австро-Венгрии Сербии.
28	Объявление Австро-Венгрией войны Сербии.
31	Общая мобилизация в России.
Август	
1	Нота Германии об объявлении войны России.
2	Секретное соглашение о союзе, заключенное Германией и Турцией в Константинополе.
2	Заявление Италии о нейтралитете.
3	Объявление Германией войны Франции.
4	Английский ультиматум Германии.
6	Австро-венгерская нота с объявлением войны России
15	Японский ультиматум Германии.
18	Объявление нейтралитета САСШ-ми.
Сентябрь	
5	Первое соглашение между Россией, Францией и Великобританией о незаключении сепаратного мира, подписанное в Лондоне.
Октябрь	
30	Разрыв Россией дипломатических сношений с Турцией.
Ноябрь	
1	Секретное соглашение между Россией и Румынией (обещание территориальных приобретений Румынии за счет Австро-Венгрии).
5	Аннексия Англией Кипра.
12	Вступление Турции в войну на стороне центральных держав.

1915

Февраль	
4	Объявление Германией подводной войны.
Март 4— апрель 10	Секретное соглашение между Россией, Великобританией и Францией о проливах.
Апрель	
26	Соглашение Антанты с Италией, заключенное в Лондоне (обещание Далмации, Истрии и островов Додекенеза).
26	Новое соглашение Антанты о незаключении сепаратного мира, в котором приняла участие и Италия.
Май	
4	Декларация Италии о выходе из Тройственного союза.
13	Первый протест САСШ против потопления Германией английского парохода „Лузитания“ (7 мая).
23	Объявление Италией войны Австро-Венгрии.
25	Договор Японии с Китаем о Шаньдуне, Южной Манчжурии и Восточной Монголии.
Август	
20	Объявление Италией войны Турции.
Сентябрь	
6	Союзный договор Германии и Австро-Венгрии с Болгарией.
29	Опубликование в Нью-Йорке условий американского займа в 500 млн. долларов для Франции и Англии.
Октябрь	
20	Разрыв дипломатических сношений России с Болгарией.

1916

Апрель
18—19 САСШ грозят Германии разрывом дипломатических сношений, если будут продолжаться подводные нападения на торговые суда с американскими пассажирами.

Апрель 26 и сент. 1 Соглашения Франции, Англии и России относительно Азиатской Турции.

Июнь
14—17 Экономическая конференция Антанты в Париже.

Август
27 Объявление Румынией войны Австро-Венгрии.

Декабрь
12 Мирное предложение центральных держав, переданное через нейтральные государства.

21 Предложение САСШ посредничества в заключении мира.

26 Ответ Германии и Австро-Венгрии.

30 Категорическое отклонение Антантой мирных предложений Германии.

1917

Январь
31 Объявление Германией беспощадной подводной войны.

Февраль 14—март 11 Секретное соглашение между Россией и Францией о целях войны.

Февраль
16—21 Соглашение по дальневосточным вопросам между Англией и Японией, заключенное в Токио

Март
14 Разрыв дипломатических сношений между Китаем и Германией.

Апрель
6 Резолюция конгресса САСШ об объявлении войны Германии.

Май
16 Нота мин. ин. дел России с указанием целей внешней политики и с предложением пересмотра договоров и созыва конференции союзников.

24 Ответ на русскую ноту Англии.

Май
26 Ответ на русскую ноту Франции.

Июль
19 Мирная резолюция, принятая Германским рейхстагом.

Октябрь
17 Предоставление САСШ Антанте кредитов на ведение войны (до 9,5 млрд долларов).

Ноябрь
2 Соглашение по китайскому вопросу, заключенное между САСШ и Японией в Вашингтоне.

8 Декрет о мире. Предложение советского правительства всем воюющим странам приступить к переговорам о заключении демократического мира без аннексий и контрибуций.

Декабрь
3 Начало мирных переговоров в Брест-Литовске.

7 Объявление САСШ войны Австро-Венгрии.

1918

Январь
8 „14 пунктов“ Вильсона об условиях мира.

Март
3 Подписание Брестского мира между Советской Россией и Четверным союзом.

Май
7 Заключение Румынией с центрально-европейской коалицией Бухарестского мира.

Август
3 Опубликование деклараций английского, американского и японского правительств по поводу интервенции в России.

27 Экономический договор Германии с Советской Россией („Экономический Брест“).

Сентябрь
14 Нота Австро-Венгрии ко всем воюющим державам с предложением приступить к непосредственным мирным переговорам.

Сентябрь 29	Перемирие между Антантой и Болгарией, заключенное в Салониках.
Октябрь 5	Нота Германии с предложением начать мирные переговоры.
5	Мирное предложение Австро-Венгрии.
30	Перемирие Антанты с Турцией, заключенное в Мудрасе.
Ноябрь 2	Нападение Румынии на Венгрию.
3	Перемирие с Австро-Венгрией, заключенное в вилле Джюсти близ Серравалле.
11	Перемирие Антанты с Германией, заключенное в Компьенском лесу близ Ретонд.
13	Аннулирование Советской Россией Брестского договора.

ХОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ.
ЗАПАДНЫЙ И ЮЖНЫЙ ТЕАТРЫ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

1914

Август 7	Занятие немцами г. Льежа.
16	Занятие немцами бельгийской крепости Льежа (последнего форта).
20—25	Пограничное сражение по всему западному фронту, успешное для Германии.
23	Поражение английских войск ген. Френча у Монса.
24	Переход немецкими войсками франко-бельгийской границы.
Сентябрь	Германские войска достигают р. Марны, проникнув выше 400 *км* вглубь Франции.
6	Контрнаступление англо-французских войск на линии Париж—Верден.
6—9	Битва на р. Марне, окончившаяся победой англо-французских войск.
10—11	Отход немцев на линию р. Эн.
Сентябрь 21—октябрь 15	„Бег к морю".
Октябрь	Падение Антверпена.
20—21	Фландрское сражение в районе Ипра между германцами и англичанами.
28	Начало позиционной войны (активные операции возобновляются на большой части Западного фронта только через 15 месяцев).
Ноябрь	Блокада Англией Северного моря.

1915

	Продолжение позиционной войны на Западном фронте.
Февраль 21—март 20	Зимнее сражение в Шампани.
Февраль 18	Начало войны подводными лодками против английского торгового флота.
19	Операции англо-французского флота против Дарданелл.
Май 9—31	Начало отступления русской армии из Галиции.
Июнь 28	Сражение при Лоретто.
Июнь 23—июль 7	Первое сражение между итальянцами и австрийцами на р. Изонцо.
Июль 7	Межсоюзный военный совет. Решение начать наступление в виду тяжелого положения русских войск.
Сентябрь — ноябрь	Наступление австрийцев на сербском фронте.
Сентябрь 22—27	Большое наступление Жоффра (осеннее сражение в Шампани и др.).
Октябрь 14	Наступление Болгарии в тыл сербской армии.
Ноябрь и декабрь 16	Четвертое сражение на Изонцо.

Октябрь—ноябрь Разгром Сербии.

1916

Январь 9 Окончание дарданелльских операций.

Февраль 21—22 Германская атака на Верден.

25—29 Взятие северного форта Вердена—Дуамон.

Март—август „Топтание" под Верденом.

Май 15 Наступление австрийцев по р. Изонцо (оттеснили итальянцев на 60—100 *км*).

31 Великий „ютландский бой".

Июнь 24—июль 2 Подготовка наступления англо-французских войск на Сомме.

Июль 1—10 Битва на Сомме (продвинулись на 3—8 *км*).

Август 4—16 Шестое сражение на р. Изонцо.

27 Прекращение немецкого наступления на Верден.

Сентябрь Наступление австро-германцев (Макензен) на Румынию и занятие ими Добруджи.

Октябрь 10 Разгром Румынии.

Ноябрь Конференция союзников в Шантильи. Решение начать наступление.

1917

Апрель 2—май 20 Наступление войск в районе Арраса.

Апрель 16 Атака французскими войсками германской позиции в районе р. Эн.

Апрель 16—май 20 Неудачное наступление Франции в Шампани.

Май 21 Начало первого Фландрского сражения.

Май 19—29 Десятое сражение на р. Изонцо.

Июль 31—ноябрь 10 Второе фландрское сражение (наступление английских войск в районе Ипра).

Август 18 Одиннадцатое сражение на р. Изонцо.

Август 20—27 Атаки французов под Верденом.

Октябрь 22—ноябрь 2 Атака французских войск и взятие Шмен-де-Дам.

Октябрь 24 Сражение при Капоретто и отступление итальянской армии на р. Плаве.

Декабрь 3 Окончание третьего фландрского сражения.

1918

Март 21—апрель 4 Первое германское наступление на фронте Аррас-Ла-Фер.

Март 25—27 Прорыв англо-французского фронта и отступление.

28 Заполнение прорыва; образование сплошного англо-французского фронта.

Апрель 9—25 Атаки германскими войсками английской армии у Кемеля (второе германское наступление).

14 Назначение Фоша верховным главнокомандующим англо-французских армий.

Май 27 Атака германцами союзников в районе Шмен-де-Дам. Прорыв французских позиций (третье германское наступление, длившееся два дня — Людендорф).

28 Первое наступление американцев (взятие Cantigny).

Июнь 9 Четвертое германское наступление под Нойоном.

15—24 Неудачное наступление австро-венгерских войск на итальянском фронте.

Июль 15—18 Последнее (пятое) германское наступление в районе Суассон, Шато-Тьери, Реймса. В отражении наступления на Париж принимают участие и американские войска

18 Контрнаступление союзников, битва-наступление на Марне (ген. Фош).

Август 8 Начало генерального наступления союзников. Пора-

	жение второй германской армии.
Сентябрь нач.	Отход германских войск на позиции, занимаемые ими в начале года.
Сентябрь 1—2	Американские войска сломили фронт у С.-Миэля (под Верденом).
Сентябрь 15	Прорыв фронта болгарских войск.
кон.	Общее наступление войск Антанты на Западном фронте.
Октябрь кон.	Наступление итальянцев на южном фронте.
Ноябрь 3	Перемирие с Австро-Венгрией.
11	Перемирие с Германией.

ВОСТОЧНЫЙ ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

1914

Август	Наступление русских войск в Восточной Пруссии. Поражение ген. Самсонова в Восточной Пруссии.
Сентябрь 5—15	Сражение у Мазурских озер.
Октябрь	Наступление немцев на Варшаву (закончилось отходом немцев).
Ноябрь—декабрь	Отход русских войск на линию Бзура-Равка.

1915

Февраль 4—22	Зимнее сражение в Мазурии.
15	Оставление русскими войсками Восточной Пруссии.
Март 22	Занятие русскими Перемышля.
Май 1—3	Наступление Макензена в Галиции и прорыв русского фронта на Карпатах.
8	Взятие немцами Либавы.
Май—июнь	Очищение русскими войсками Галиции.
Июнь 2	Занятие австрийцами Перемышля.
22	Занятие австрийскими войсками Львова.
Июль—август	Оставление русскими войсками царства Польского: оставление Люблина (20 июля), Варшавы (4 августа)
Август 14—сентябрь 8	Битва на Немане. Падение линии крепостей: Ковно (18 августа), Брест-Литовска (25—26 августа), Гродно (1 сентября).
Сентябрь 18	Занятие немцами Вильны.

1916

Июнь 4—сентябрь	Первое русское наступление на фронте Барановичи — Ковель — Лемберг и в Буковине под начальством ген. Брусилова.
Июнь 27	Луцкий прорыв ген. Брусилова.
Сентябрь 16—октябрь	Второе русское наступление ген. Брусилова.
Сентябрь 26	Наступление австрийских и германских войск на румынском фронте (Макензен). Занятие Добруджи.
Октябрь 10	Разгром Румынии.
Октябрь 29—декабрь 7	Третье наступление Брусилова.
Декабрь 6	Занятие Бухареста.

1917

Апрель 3	Занятие немцами плацдарма на левом бер. р. Стохода.
Июнь 30—июль 17	Четвертое большое наступление Брусилова, сперва в Галиции, а затем и на других фронтах.
Июль 19—28	Немецкое контрнаступление (разгром 7—8 русской армии).
Август	Очищение Буковины.
Сентябрь 3	Занятие немцами Риги.
Октябрь 14	Занятие немцами о. Эзель.

1914

Июнь

14—16 Резолюция конгресса Французской социалистической партии о всеобщей стачке в целях предотвращения войны.

29 Последнее заседание Международного социалистического бюро в Брюсселе. Решение обратиться к рабочим с призывом усилить демонстрации в пользу мира.

29 Интернациональный митинг против войны в Брюсселе с участием лидеров социалистических партий.

Июль

25—30 Опубликование манифестов социалистических партий и крупных профорганизаций Германии (25 июля), Франции (28 июля), Англии, Италии (29 июля) и др. стран с призывами к пролетариату демонстрировать свою волю к миру.

28 Объявление Австрией войны Сербии.

30—31 Митинги и демонстрации пролетариата против войны в крупных промышленных центрах Европы.

31 Убийство Жореса в Париже.

Август

1 Переговоры в Париже социал-демократа Т. Мюллера с руководителями Французской социалистической партии о совместном выступлении против войны.

1 Объявление Германией войны России.

2 Ультиматум Германии Бельгии.

2 Решение Генерального совета рабочей партии Бельгии вотировать военные кредиты.

2 Воззвание польских социалистических партий против войны.

4 Голосование фракции германской социал-демократии в рейхстаге за военные кредиты.

4 Принятие Французской палатой депутатов военных законопроектов и кредитов единогласно.

Август

5 Призыв к рабочим ЦК итальянской социалистической партии и профорганизации манифестировать свою волю к миру и за сохранение нейтралитета.

5 Решение парламентской фракции рабочей партии Англии не выступать против военных кредитов.

13 Опубликование шовинистического манифеста ИК британской социалистической партии.

Опубликование манифеста против войны Нац. советом независимой рабочей партии.

14 Вхождение французских социалистов Гэда и Самба в министерство „национальной обороны“ (это вхождение одобрено манифестом французской социалистической партии, напечатанным 28 августа).

Сентябрь

1 Переговоры социал-демократа Зюдекума с итальянской социалистической партией с целью вовлечения Италии в войну на стороне Германии.

21 Постановление ЦК социалистической партии Италии о сохранении нейтралитета.

27 Конференция представителей итальянской социалистической партии и швейцарской в Лугано (резолюция о созыве МСБ).

Октябрь Обращение американской социалистической партии к социалистам всех стран о созыве интернациональной конференции мира.

Ноябрь

1 Манифест о войне ЦК русских социал-демократов (большевиков) в № 33 „Социал-демократа“.

16—17 Конференция русских большевиков в Озерках. Арест большевистской фракции Государственной думы.

Декабрь
2 Выступление К. Либкнехта против кредитов на империалистическую войну, вопреки постановлению социал - демократической фракции, решившей вторично голосовать за новые военные кредиты.

1915

Январь
17—18 Социалистическая конференция нейтральных стран в Копенгагене.

Февраль
14 Конференция в Лондоне социалистов стран Антанты, организованная секцией II Интернационала по инициативе Вандервельде. Выступление Литвинова по поручению ЦК.

27 февраля—
4 марта. Конференция заграничных секций большевиков в Берне.

26—27 Международная интернациональная женская конференция в Берне.

Апрель
13 Венская конференция социалистов Германии и Австрии.

17 Международная интернациональная конференция социалистической молодежи в Берне

19 ЦК французской социалистической партии отвергает предложение итальянской партии о созыве МСБ.

Июнь Программа мира германских центристов—„Веление минуты" (Каутский, Гаазе, Бернштейн).

Июль
11 Предварительная конференция в Берне социалистов — противников лозунга гражданского мира и защиты буржуазного отечества.

Сентябрь
5—8 Международная социалистическая конференция в Циммервальде (Швейцария).

1916

Февраль
5—9 Расширенный пленум интернациональной социалистической комиссии, избранной в Циммервальде, по поводу созыва второй Циммервальдской конференции.

Февраль
8 Интернациональный социалистический митинг в Берне с участием Модильяни (Италия), Ленина (Россия), Раковского (Румыния) и Гримма (Швейцария).

Апрель
24—30 Вторая Циммервальдская международная социалистическая конференция в Кинтале.

Циркуляр интернациональной социалистической комиссии об устройстве демонстрации против войны в день 1 мая.

Май
1 Демонстрация в Берлине во главе с К. Либкнехтом, призывавшим обратить оружие против своих классовых врагов внутри страны. Манифест Интернационального социалистического бюро. Воззвание второй Международной социалистической циммервальдской конференции к рабочим всех стран.

Август
1 Конференция в Гааге социалистов нейтральных стран, организованная МСБ.

Декабрь
30 Воззвание Интернациональной социалистической комиссии к рабочему классу.

1917

Март—
июнь Переговоры между социалистическими партиями воюющих стран о восстановлении международных связей (кончились ничем).

Апрель
16 „Апрельские тезисы" Ленина (призыв к организации III Интернационала).

19 Приветствие ЦК германской социалистической партией русской революции и заявление своего согласия

на мирные условия Совета рабочих и солдатских депутатов.

Август — Совещание циммервальдских партий.

Сентябрь — Третья Циммервальдская конференция в Стокгольме.

Ноябрь
8 — Декрет о мире. Предложение русского советского правительства всем воюющим странам приступить к переговорам о демократическом мире без аннексий и контрибуций.

ГЕРМАНИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

1914

Переговоры между Кюльманом и Греем о концессиях в Месопотамии и об африканских делах.

Июль — Воззвание против войны.
Демонстрация против войны.

Август
1 — Вступление Германии в мировую империалистическую войну.
2 — Закон, уполномачивающий Союзный совет принимать меры для предотвращения хозяйственных затруднений.
4 — Голосование социал-демократической фракции рейхстага за военные кредиты. Начало „гражданского мира".
4 — Оформление группы, образовавшей впоследствии Союз Спартака.
4 — Закон о предельных ценах на предметы широкого потребления.
8 — Образование военно-промышленного комитета (В. Ратенау).

Октябрь
28 — Акты: о выпечке военного хлеба, об обязательном помоле зерна, о нормах потребления пшеницы и ржи на корм скоту.
28 — Указ о твердых ценах на хлеб
30 — Коллективный протест К. Либкнехта, Р. Люксембург, К. Цеткин в газете „Берлинер Тагвахт" против социал-шовинистических выступлений Зюдекума и Р. Фишер в с.-д. печати Швеции, Италии, Швейцарии.
31 — Коллективное заявление К. Либкнехта, К. Меринга, Р. Люксембург и К. Цеткин в швейцарской газете „Фольксрехт" о несогласии с официальной позицией ЦК германской социал-демократии.

Ноябрь
29 — Второе голосование в социал-демократической фракции рейхстага за военные кредиты.

Декабрь
2 — К. Либкнехт голосует в рейхстаге против кредитов.
2 — Отпуск рейхстагом новых 5 млрд. марок на войну.
Постановление конференции правлений профсоюзов о прекращении стачек на время войны.

1915

Изгнание Германии с мирового рынка.

Январь
25 — Введение хлебной монополии.

Февраль
7 — Мобилизация К. Либкнехта.
18 — Арест Р. Люксембург.

Март
8 — Обсуждение социал-демократической фракцией рейхстага вопроса о военном бюджете (77 голосов за, 23—против).

1918

Март — Третья конференция социалистических партий стран Антанты в Лондоне.

Август — Брошюра Каутского „Диктатура пролетариата".

Сентябрь — Четвертая конференция социалистических партий стран Антанты.

Ноябрь
23 — Окончание составления Лениным брошюры „Пролетарская революция и ренегат Каутский".

Март
8 Исключение К. Либкнехта и О. Рюле из социал-демократической фракции.

15 Первый номер „Интернационала".

Июнь
20 Манифест „Веления минуты" за подписью Каутского, Гаазе и Бернштейна (программа мира германских социал-демократов центристов).

Октябрь
28 Введение мясопустных дней.

Ноябрь
14 Учреждение рейнско-вестфальской промышленностью „переходного синдиката".

28 Взятие на учет и секвестр текстильного сырья военным ведомством.

Первая демонстрация группы „Интернационал" в пользу мира.

1916

Январь
1 Общегерманская конференция группы „Интернационал" в Берлине.

Февраль
1 Секвестр тканей, белья и платья, годных для обмундирования.

Март
24 Раскол социал-демократической фракции рейхстага, после того как часть социал-демократов голосует против сметы расходов.

27 Первое „письмо Спартака".

Апрель
7 Образование оппозиционной частью социал-демократов рейхстага самостоятельной „трудовой группы" во главе с Гаазе и Ледебуром.

Май
1 Демонстрация против войны в Берлине.

Июнь
7 Забастовка протеста и уличные демонстрации рабочих государственных верфей в Киле по поводу суда над Либкнехтом.

28 Забастовка 55 тыс. металлистов под руководством „революционных старост".

Июль Продовольственные беспорядки в Штутгарте, перешедшие в уличные бои.

Август
20 Введение мясных карточек.

Сентябрь
20 Выпуск первого номера журнала „Спартак".

21—23 9-я всегерманская конференция социал-демократической партии. Выступление сторонников группы „Интернационал" с пропагандой своих взглядов.

Ноябрь
1 Учреждение ведомства военного снабжения.

Декабрь
2 Принятие рейхстагом закона о вспомогательной службе для отечества (трудовой повинности).

1917

Усиление стачечного движения (за год число стачечников достигает 700 тыс.)

Январь
7 Конференция социал-демократической оппозиции в Берлине (в том числе и группы „Интернационал").

Апрель
6—8 Учредительный съезд, созванный социал-демократами трудовой группы, в Готе. Основание независимой социал-демократической партии Германии.

Общегерманская конференция Союза Спартака.

16 Сокращение пайка.

с 21 Апрельские стачки.

Июль
14 Отставка Бетман-Гольвега.

14 Канцлерство Михаэлиса.

19 „Мирная резолюция" рейхстага, проведенная социал-демократией и партией центра.

Октябрь Вюрцбургский партейтаг (борьба за мир, демократию и парламентаризм). Первые крупные беспорядки во флоте.

Ноябрь
1 Канцлерство Гертлинга. Введение парламентаризма

(парламентаризм — прикрытие диктатуры Людендорфа).

1918

Январь 27 — февраль 3 Массовые забастовки против войны в целях поддержки советской делегации в Брест-Литовске.

Январь
28 Создание нелегального берлинского Совета рабочих депутатов, образованного революционными старостами.

Октябрь 3 — ноябрь 9 „Демократическая эра" — канцлерство Макса Баденского.

Октябрь
3—4 Нота Макса Баденского президенту Вильгельму с мирным предложением.

Ноябрь
3—4 Восстание матросов в Киле. Образование солдатского совета.
5—6 Захват власти рабочими и матросами Любека, Гамбурга и Бремена.
7 Начало переговоров с Антантой.
7 Революция в Мюнхене.
9 Революция в Берлине. Образование Совета рабочих и солдатских депутатов.
9 Бегство Вильгельма II в Голландию. Правительство народных уполномоченных из депутатов социал-демократической и независимой партий. Провозглашение Германской республики.
9 Начало издания „Die rote Fahne".
Ноябрь
11 Подписание перемирия в Компьене Фошем и Эрцбергером.
11 Образование ЦК спартаковцев.
12 Отмена закона о трудовой повинности для нужд войны и чрезвычайного закона о сельскохозяйственных рабочих.
12 Окончание забастовки.
23 Установление 8-часового рабочего дня.

Декабрь
6 Обстрел спартаковской демонстрации. Провозглашение Эберта президентом республики. Арест Исполкома, освобожденного по требованию рабочих.
16—20 Всегерманский съезд советов рабочих и солдатских депутатов.
2[illegible]—21 Расформирование революционной морской дивизии в Берлине.
24 Победа германских рабочих и морской дивизии над контрреволюционными войсками ген. Леки.
29 Выход из правительства народных уполномоченных. независимых социал-демократов Гаазе, Дитмана и Барта. Правительство Шейдеман—Носке.

Декабрь 29 — январь 1 Конференция спартаковцев и левых радикалов.
30 Образование коммунистической партии Германии (Союз Спартака). Опубликование программы.
30 Заговор в Рейнско-вестфальской области против единства Германского государства.

АВСТРИЯ

1914

Июнь
28 Убийство боснийским гимназистом Г. Принципом австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараеве.
Июль
Правительственные репрессии в юго-славянских землях. Ультиматум Сербии.

1916

Март
Забастовка рудокопов в Бронен-Галле.

Март — Вторая имперская конференция немецкой социал-демократической партии (отклонение пацифистской резолюции).

Октябрь 21 — Убийство австрийского министра гр. Штюргка Фр. Адлером.

1917

Созыв, после 3-летнего перерыва, рейхсрата. Требования польских, чешских и юго-славянских депутатов создания самостоятельных государственных единиц.

1918

Октябрь 5 — Мирные предложения Антанте.

17 — Манифест императора Карла о преобразовании Австрийской монархии.

18 — Создание автономной Украинской области от имени Национальной рады в Львове.

Октябрь 23 — Восстание кроатских войск в Фиуме.

26 — Распоряжение имперского правительства о передаче власти национальным правительствам.

28 — Переворот в Фиуме. Объявление хорватско-словенским собором разрыва с Австро-Венгрией.

29 — Объявление независимости Кроации.

30 — Массовые демонстрации в Вене.

31 — Образование „Временного немецкого национального собрания“ в Вене из депутатов рейхсрата. Оформление немецко-австрийского государства (Немецкая Австрия).

31 — Постановление Национального собрания о соединении с Германией.

Ноябрь 3 — Подписание перемирия с Антантой.

3 — Основание компартии.

11 — Отречение Карла Габсбургского.

12 — Провозглашение республики.

Декабрь 19 — Введение 8-часового рабочего дня.

ИТАЛИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

1914

Образование отколовшимися от ВКТ анархистами-синдикалистами Синдикалистского союза

Март 21 — Сформирование первого кабинета Саландры.

Апрель — XIV конгресс (съезд) социалистической партии в Анконе.

Август 2 — Заявление Италии о нейтралитете.

27 — Пацифистская резолюция парламентской фракции социалистической партии.

Август—октябрь — Организация „фашиореволюционного действия“ ячеек сторонников войны—„интервенционистов“ (Муссолини).

Сентябрь 21 — Пацифистский манифест ЦК социалистической партии.

Ноябрь 5 — Образование второго кабинета Саландры. Исключение из социалистической партии Б. Муссолини.

15 — Основание газеты „Popolo d'Italia“ с целью пропаганды войны на стороне Антанты.

1915

Апрель 26 — Секретное соглашение Италии с Антантой, заключенное в Лондоне.

Май 4 — Декларация о выходе Италии из Тройственного союза.

19 — Съезд социалистической партии в Болонье.

Май
23 Объявление Италией войны Австро-Венгрии.

Август
26 Объявление войны Германии.

Сентябрь
27 Конференция представителей итальянской социалистической партии и швейцарской в Лугано.

1916

Июнь
19 Министерство Бозелли.

1917

Февраль
Съезд социалистической партии в Риме.

Август
Всеобщая забастовка рабочих Турина и вооруженная борьба их с полицией и войсками (на почве продовольственных затруднений).

Октябрь
24 Поражение итальянской армии при Капорретто.

29 Министерство Орландо.

Ноябрь
Конференция левого крыла социалистической партии во Флоренции (кинтальские тезисы Ленина не были приняты).

1918

Май
Организация первых фашистских синдикатов.

Ноябрь
3 Захват Триеста и Триента.

ФРАНЦИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

1914

Май
10 Выборы в палату депутатов. Блок радикалов и социалистов получил неустойчивое большинство.

Июнь
1 Отставка министерства Думерга.

9 Попытка образования кабинета Рибо.

13 Сформирование кабинета Вивиани.

Июль
14—16 Заседание XI конгресса французской социалистической партии в Париже. Резолюция о всеобщей стачке в целях предупреждения войны.

14—18 Посещение России президентом Пуанкаре, премьером и мин. внутр. дел Вивиани.

29—30 Грандиозные манифестации против войны в Париже, Лионе, Марселе и других городах.

31 Убийство Жореса в Париже.

Август
1 Приезд в Париж германского социал-демократа, члена рейхстага Мюллера. Переговоры с парламентской группой социалистов. Общая мобилизация.

3 Объявление Германией войны Франции.

4 Принятие французской палатой депутатов военных законопроектов и кредитов единогласно.

4 „L'Humanité", ЦО французской социалистической партии и „La Bataille syndicaliste", орган синдикалистов, принимают шовинистический характер.

13 Отмена ввозных пошлин на хлеб.

14 Вхождение в состав министерства „Национальной обороны" социалиста Ж. Геда и М. Самба.

15 Принятие французской палатой депутатов закона о милитаризации труда.

Сентябрь
2 Отъезд правительства в Бордо в виду наступления немцев на Париж.

5—9 Сражение на Марне — приостановка наступления на Париж.

Ноябрь
Первые признаки недовольства среди рабочих в пригородах Парижа.

Декабрь
22 Возвращение правительства в Париж.

1915

Январь
Волнение среди парижских швейников (затем недовольство распространилось среди железнодорожников и горнорабочих).

Апрель
25 Декрет о регулировании оборота с зерном, мукой и о реквизиции для нужд населения (дополн. 29 июля и 3 августа 1916 г.).

Май
Критика политики классового сотрудничества, проводимой ВКТ со стороны федерации металлистов.

Июнь
15 Декрет о возвращении мобилизованных специалистов рабочих в предприятия, работающие на оборону.

Август
15 Принятие палатой депутатов закона о милитаризации труда.
Конференция ВКТ (порицание завоевательной политики вообще).

Октябрь
16 Введение твердых цен на муку, зерно и хлеб.
29 Министерство Бриана

Декабрь
25 Конгресс французской социалистической партии в Париже (наличие значительной, но неорганизованной оппозиции против войны).

Декабрь
Образование Комитета синдикального действия (Мергейм и Бурдерон), вскоре преобразованного в Комитет по восстановлению международных связей.

1916

Нач. года
Забастовка швейников в Париже. К ней присоединяются служащие государственных железных дорог.

Апрель
8 Сессия Национального совета французской социалистической партии (меньшинство располагает $^1/_3$ голосов).
26 Тайное соглашение с Россией о разделе азиатской Турции.

Май
18 Введение новых налогов.

Лето
Забастовка работниц на автозаводе Пюто.

Июль—август
Усиление антимилитаристических настроений.

Август
Сессия Национального совета социалистической партии высказывается против „Циммервальдского и Кинтальского раскола".

Нач. сентября
Опубликование протеста „Комитета синдикальной защиты" против политики большинства ВКТ.

Октябрь
5 Выпуск внутреннего займа.

Ноябрь
Рост забастовочного движения.

Декабрь
12 Пятое министерство Бриана (до 17 марта 1917 г.).
13 Отставка Жоффра и назначение главнокомандующим Нивелля
24—26 Конференция профсоюзных федераций и объединений (требование опубликования условий мира).
25—30 Парижский конгресс социалистической партии (успехи лонгетистов — меньшинства).

1917

Январь
3 Учреждение управления по вопросам сельского хозяйства и рабочей силы при министерстве земледелия.
16—17 Декреты о регламентации зарплаты в предприятиях, работающих на оборону, и об обязательном арбитраже.

Март
19 Образование кабинета Рибо (до 8 сентября 1917 г.).
22 Полное запрещение ввоза и установление разрешительной системы его.

Апрель
7 Закон об использовании пустующих земель.
14 Установление мясопустных дней.

Апрель
Выступление служащих государственных учреждений, недовольных зарплатой.

Май—июнь
Забастовки в Париже, втянувшие до 180 тыс. рабочих разных профессий.

Май
27 Национальный совет социалистической партии. Постановление об участии в Стокгольмской конференции.
Революционное движение в войсках. Бунт в 118 батальоне.

Июль
31 Введение хлебных карточек.
Учреждение центрального хлебного бюро и центрального комитета по мукомолию и хлебопечению.

Сентябрь
12 Образование кабинета Пенлеве без участия социалистов (до 13 ноября 1917 г.).
15 Учреждение министерства продовольствия.

Сентябрь—ноябрь
Введение учета жиров и монополия покупки их в Африке.

Октябрь
6—8 Конгресс французской социалистической партии в Бордо. Успех реформистов.

Ноябрь
7 Учреждение фуражного бюро.
16 Сформирование министерства Клемансо (до 18 января 1920 г.).
30 Закон о хлебной монополии.

Декабрь
Конференция ВКГ в Клермон-Ферране (энергичные выступления оппозиции).

1918

Январь
Борьба правительства с пацифистской пропагандой. Арест Кайо.
Многочисленные процессы с вынесением смертных приговоров по обвинению в шпионаже и сношениях с Германией.

Февраль
10 Закон о предоставлении правительству права регламентации, производства, продажи и т. д. предметов первой необходимости.

Март
Рабочее движение, начавшееся в Париже, а затем распространившееся на всю область Центра. В движении приняло участие около 330 тыс. рабочих. Требование точных сведений о целях войны

Апрель
9 Предоставление кредита участникам войны для приобретения мелких земельных участков.
14 Назначение Фоша верховным главнокомандующим англо-французских войск.

Май
4 Закон о ссудах для восстановления хозяйства в районе военных действий.
1—20 Конгресс синдикального меньшинства в Сент-Этьене.

Июль
16 Конгресс ВКТ в Париже. Критика деятельности центрального бюро и протест против интервенции в России.
28—29 Победа пацифистского меньшинства (Лонге) на заседании Совета французской социалистической партии.

Август
6 Окончание процесса Мальви.

Октябрь
6—8 Собрание Национального совета французской социалистической партии („меньшинство“ укрепляет свое влияние в партии).

Ноябрь
11 Перемирие с Германией. Выступление ВКТ с приветствием германской революции и требованием от правительства реформ.

Декабрь
Бурные прения в палате депутатов по вопросу о мире. Победа Клемансо.

АНГЛИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

1914

Восстание в Ольстере, организованное сторонниками унии с Англией. Подготовка к гражданской войне со стороны ирландских националистов

Август
Митинги против империалистической войны, устроенные социалистической партией.

4 Вступление Великобритании в империалистическую войну.

13 Шовинистический манифест ИК социалистической партии.

13 Манифест против войны Национального совета независимой социалистической партии.

29 ИК рабочей партии решает принять участие в кампании по набору волонтеров.
Рост безработицы.
Ассигнование правительством 15 млн. фунтов стерлингов на „общественные работы".

Октябрь
Изменение закона о страховании рабочих (расширение системы страхования и увеличение правительственных субсидий профсоюзам).
ИК рабочей партии высказался в пользу „гражданского мира".

Декабрь
Переговоры общества механиков с правительством об условиях отказа на время войны от стачек и политической борьбы.

3 Восстание в Южной Африке.
18 Объявление протектората над Египтом.

1915

Февраль
Стачка механиков на Клайде.
Забастовка рабочих на верфях в Соутгэмптоне.
Забастовка углекопов в Южном Уэльсе.
Начало движения „шоп-стюардов" (фабрично-заводских старост).

Февраль 23— и май 13
Учреждение угольного комитета, запрещение угольного экспорта.

Март
5—6 Конференция независимой рабочей партии в Норвиче (порицание участия партии в пользу рекрутской кампании)

19 Договор между правительством и рабочими организациями о добровольной милитаризации труда („акт отречения").

Май
4 Проведение второго военного бюджета.
Учреждение министерства военного снабжения.

19 Коалиционное либеральное правительство Асквита (участие консерваторов и лейбористов).

Июль
2 Закон о военном снабжении (прикрепление рабочих к предприятиям).
29 Акт об ограничении цен на уголь.

Сентябрь
6—11 Конгресс трэд-юнионов в Бристоле. Выступление Ллойд-Джорджа. Решение о помощи правительству для успешного продолжения войны. Требование рабочего контроля над промышленностью.

Октябрь — Образование на конференции „трэд-юнионов, кооперативных организаций и членов парламентской фракции рабочей партии" „рабочего комитета по рекрутскому набору".

Переезд премьер-министров доминионов в Лондон.

Закон о защите державы (чрезвычайные полномочия исполнительной власти, ограничение гражданских и личных свобод). Пропаганда „гильдейского социализма". Основание „национальной гильдейской лиги".

1916

Обязательная военная служба Министерство труда.

Монополизация льняного, шерстяного и хлебного экспорта.

Образование федерации британской промышленности.

Январь
26—28 — Бристольская конференция рабочей партии

Февраль
23 — Речь Асквита в палате депутатов об английской программе мира.

Март — Забастовка 10 тыс. докеров в Ливерпуле.

Апрель
23—25 — Конференция независимой рабочей партии в Ньюкестле.

23—24 — Конференция социалистической партии в Манчестере (правая часть откололась и составила самостоятельную „национал-социалистическую партию").

24—29 — Восстание в Ирландии.

Июль
5 — Конгресс трэд-юнионов в Лидсе (о рабочем праве в мирных международных договорах).

6 — Назначение военным министром Ллойд-Джорджа.

Декабрь
8 — Коалиционное министерство Ллойд-Джорджа (важные посты достались консерваторам).

Вхождение в кабинет Ллойд-Джорджа группы членов рабочей партии (Гендерсон, Клайнс, Робертс).

Учреждение министерства продовольствия и министерства мореплавания.

1917

Рабочие волнения. Угроза всеобщей железнодорожной забастовки. Забастовка машиностроителей.

Январь
9 — Установление твердых цен на хлебопродукты (доп. 16 апреля и 9 мая).

10 — Правила о порядке обработки земли.

Имперская конференция (вопрос о новой имперской конституции на основе содружества Англии и доминионов).

Отправка рабочей делегации во главе с Гендерсоном в Россию

Правительственная комиссия по исследованию „промышленных волнений" (признание одной из причин—деятельность фабрично-заводских старост).

Апрель
25 — Билль о производстве хлебов.

Июнь
9 — Конференция в Лидсе, созванная ИК рабочей партии и центральными органами трэд-юнионов. Резолюция о создании рабоче-крестьянских советов и о мире без аннексий и контрибуций.

20 — Учреждение хлопкового контрольного бюро.

Июль — Введение сахарных карточек.

Август — Первая конференция рабочих комитетов в Манчестере (борьба за социальную революцию, за овладение средствами производства, контроль над производством).

Август — Агитация за „рабочую партию", начатая по инициа-

тиве органа „Дейли Геральд".

Союз железнодорожников выдвигает требование национализации железных дорог и установления рабочего контроля.

Закон о минимуме зарплаты для сельскохозяйственных рабочих.

Оживление деятельности социалистических партий.

Пацифистское движение в независимой рабочей партии. Переход на циммервальдскую позицию британской социалистической партии. Принятие предложения участвовать в Стокгольмской международной конференции лидерами рабочей партии.

1918

Январь
23 Конференция рабочей партии в Ноттингеме. Выступление т. Литвинова (вопрос об участии в военном кабинете: меньшинство — 772 тыс. голосов против участия; большинство—1,1 млн. голосов за). Принятие нового устава. Партия объявила себя социалистической.

Школьный закон.

Изменение избирательного закона (расширение избирательных прав).

Июнь
26 Постановление конференции рабочей партии о прекращении „партийного перемирия". В дополнение к уставу принята программа „Труд и вовый общественный порядок".

Август
3 Регулирование хлопчатобумажного производства.

Ноябрь
9 Перемирие с Германией и конец мировой войны.

14 Постановление конференции рабочей партии об отозвании из коалиционного правительства своих представителей.

21 Закон о временном нормировании зарплаты.

Декабрь
18 Общие выборы в парламент (победа консерваторов).

Требование конференции горнорабочих о национализации копей и рудников.

СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКИЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ (САСШ) ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

1914

Январь
27 Восстание на Гаити. Высадка американского дессанта в Порт-о-Прэнсе.

Март
12 Закон о сооружении правительственной железной дороги на Аляске.

Апрель
8 Договор с Колумбией, обеспечивавший права САСШ в зоне Панамского канала.

Апрель
10—22 Конфликт с Мексикой. Захват американцами таможни в Вера-Круц. Ультиматум САСШ Мексике и разрыв дипломатических сношений (САСШ добиваются устранения от власти президента Хуэрты, сторонника английских нефтяных интересов).

Май
Смерть Даниэля Де-Леона.

Законы, направленные к ограничению деятельности трестов

Июнь
15 1. Выпуск железнодорожных акций ставится в зависимость от международной торговой комиссии 1908 г.

Август
15 Торжественное открытие Панамского канала (к работам приступлено в 1907 г.).

Сентябрь
2 Договор с Панамской республикой. Согласно ему САСШ получают в управление гавани Апсоп и Colon.

26 3. Акт о „федеральной торговой комиссии" (взамен „Бюро корпораций" 1903) для борьбы с недобросо-

вестными способами конкуренции.

Октябрь
15 — 2. Закон Клейтона, углубляющий закон Шермана 1890 г.

19 — Новая высадка американских моряков на Гаити „для поддержания порядка".

Ноябрь
23 — Отозвание американских войск из Вера-Круц (после прихода к власти Карранца, сторонника САСШ).

1915

Конфликт конгресса с президентом по вопросу об иммиграционном законе (Burnett Immigration Act). Требование иммиграционной комиссии палаты провести билль вопреки veto президента (29 января), но палата поддерживает президента (4 февраля).

Февраль
20 — Открытие панамо-тихоокеанской международной выставки в Сан-Франциско.

Май
24 — Панамериканский финансовый конгресс в Вашингтоне.

Июнь
6 — Компания Форда, основанная в 1903 г., увеличивает основной капитал с 2 до 100 млн. долларов

Июль
27—29 — Революция в Гаити. Американские военные силы берут на себя управление Порт-о-Прэнсом, а затем — всеми делами Гаити.

Лето
Возникновение лиги социальной пропаганды (органы лиги „Интернационалист", затем и „Новый Интернационал").

Сентябрь
16 — Договор с Гаити (Гаити на 10 лет поступает под финансовый контроль САСШ).

Октябрь
19 — Признание САСШ правительства Карранцы в Мексике и воспрещение (20 октября) вывоза оружия в Мексику, кроме территории, где господствует Карранца.

Ноябрь
Образование в С.-Дакоте фермерской политической организации „Non Partisan League".
Опубликование ИК социалистической партии „Программы мира".

1916

Февраль
Учреждение управления водного транспорта для финансирования и эксплоатации торгового флота при участии правительства.

Март
15 — Карательная экспедиция САСШ в Мексику для преследования ген. Вилла.
30 — Принятие палатой эмиграционного билля (воспрещение въезда неграмотным эмигрантам). Протест Японии против этого билля (21 апреля).

Апрель
Оккупация САСШ республики Сан-Доминго (продолжавшаяся до 1922 г.).

Май
Забастовка рабочих Нью-Иорка. Стачка рабочих больших металлических заводов Питсбурга.

Июнь
10 — Съезд республиканской партии в Чикаго выдвигает кандидатов в президенты Юза. Прогрессивно-республиканская партия намечает кандидатуру Рузвельта.
15 — Демократическая партия в Сан-Луи избирает кандидатом в президенты снова Вильсона
20 — Отказ САСШ Мексике увести свои войска из страны.
21 — Столкновение мексиканцев с войсками САСШ.
26 — Рузвельт отклоняет кандидатуру и возвращается в республиканскую партию и прогрессисты снова сливаются с республиканцами.

Июль
4—7 Забастовка протеста по поводу суда над Муни и Биллингом.

17 Закон о кредитах сельскому хозяйству (Rural Kredits Act), учреждение Farm Loan Board и 12 сельскохозяйственных банков на местах.

Август

Сверхтрест (Super - Trust) American International Corporation с номинальным капиталом в 50 млн. долларов — финансовое наступление САСШ в форме инвестирования капиталов и учреждения промышленных предприятий за границей.

4 Подписание датско-амер. договора об уступке САСШ датских Вестиндских островов за 25 млн. долларов.

29 Принятие САСШ билля об автономии Филиппин.

Требование железнодорожников повышения зарплаты. Объявление забастовки.

Сентябрь
1 Закон в защиту детского труда.

3 Adamson Act о 8-часовом рабочем дне железнодорожников и о повышении оплаты в сверхурочное время.

Ноябрь
7 Переизбрание Вильсона рекордным числом голосов (8 563 750).

Сентябрь 26—ноябрь 24

Работа комиссии по улажению спора между Мексикой и САСШ. Составление согласительного протокола. Ген. Карранца отказался подписать это соглашение (18 декабря).

Поражение партийных вождей социалистической партии (на партийном референдуме принимается пункт о всеобщей забастовке в случае войны).

1917

Превышение вывоза над ввозом достигает 3,6 млрд. долларов. Этим повышением вывоза, достигшим в период 1915—1921 гг. суммы в 18 млрд. долларов, определяется размер задолженности САСШ всех стран мира.

Февраль
5 Воспрещение иммиграции в САСШ неграмотных в возрасте свыше 16 лет, а также рабочих индусов и малайцев (Burnett Immigration Bill).

22 Учреждение особого ведомства по профессиональному образованию (Smith Hughes Act).

Март
2 Предоставление Порто-Рико прав американского гражданства (Jones Act).

Апрель
2 Конференция представителей рабочих и предпринимателей в Вашингтоне по инициативе Гомперса.

Учреждение комитета труда при Совете национальной обороны. Участие Гомперса в комитете.

7—14 Экстренный съезд американской социалистической партии в Сан-Луи. Принятие резолюции против войны вопреки партийным вождям.

18 Образование чрезвычайной комиссии для содействия торговому флоту при управлении водного транспорта.

Июнь
15 Закон о шпионаже. В силу его президент для контроля над экспортом учреждает Bureau of Export Licenses and Trade Board.

Июль
9 Введение контроля над продовольствием и топливом (Food Control Act).

Во главе дела поставлен Гувер. Фермерам во время войны обеспечена цена 2,20 долларов за бушель пшеницы.

Август
21 Введение контроля над внешней торговлей.

Сентябрь
7 Учреждение кораблестроительного департамента.

Октябрь
6 Закон против торговли с неприятелем.
12 Введение военной цензуры.
17 Увеличение налогов, расширение налоговой базы, налог на сверхприбыль (War Revenue Act).

Ноябрь
2 Соглашение Лансинга-Ишин. Признание САСШ за Японией „специальных интересов" в Китае; подтверждение „открытых дверей" для иностранной торговли в Китае.
Съезд американской федерации труда: принятие резолюции о поддержке войны.

Декабрь
28 Введенне госконтроля над железными дорогами (во главе контроля — министр финансов Мак-Аду).

1918

Февраль
15 Установление системы лицензий во внешней торговле.

Апрель
5 Комитет по предпочтительному использованию свободных ресурсов исключительно для финансирования войны.
9 Образование военного совета труда.
10 Смягчение закона о трестах: разрешение комбинатов для внешней торговли.

Май
14 Предоставление президенту полномочий по реорганизации работы правительственных учреждений сообразно с военными потребностями.
22 Утверждение президентом закона о мятеже (Sedition Bill).
29 Учреждение ведомства военной промышленности.

Июнь
10 Установление госконтроля над телеграфом, телефоном, морскими кабелями и радио.
30 Арест лидера социалистов Ю. Дебса за пропаганду против войны.

Август
Исключение ИК социалистической партии ряда секций (русской, украинской, польской, венгерской и др.), составлявших оппозицию ИК.

ЛИТЕРАТУРА

I. МИРОВАЯ ВОЙНА

ЛЕНИН[1]. Соч., тт. XVIII, XIX, XX, XXI, XXII, XXIII, XXX (статьи, относящиеся к 1914—1918 гг.).

СТАЛИН. Вопросы ленинизма, изд. 9-е, 1932 г.

М. ПОКРОВСКИЙ. Империалистическая война. Гиз, 1931 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА. Документы из архивов царского и временного правительств. (Комиссия по изданию документов эпохи империализма.) Серия III, 1914—1917 гг.

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ. Сборник дипломат. документов. Пбг., 1914 г.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ДЕРЖАВЫ И ТУРЦИЯ ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ И ПРОЛИВЫ, т. I—II. Литиздат НКД. 1925 г.

МИРОВАЯ ВОЙНА 1914—18 гг И ГРЯДУЩИЕ ВОЙНЫ 1925 г.

ПАВЛОВИЧ. Милитаризм, маринизм и война 1914—18 гг. „Жизнь и знание", 1918 г.

ЦАРСКАЯ РОССИЯ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ, т. I. Центрархив. Гиз, 1925 г.

ПОЛЕТИКА. Сараевское убийство. „Красная газета". 1930 г.

КАУТСКИЙ. Как возникла мировая война. „Красная новь", 1924 г.

ГЕЛЬФЕРИХ. Накануне мировой войны. „Красная новь", 1924 г.

САЗОНОВ. Воспоминания. Париж, 1927 г.

НАБОКОВ. Испытания дипломата. Стокгольм, 1921 г.

ШУБИН. Как фабрикуются поводы к войне. (Дипломатия, пацифизм, социал-демократия и война 1914—18 гг.). „Моск. рабочий", 1927 г.

БЕРТИ. За кулисами Антанты. (Дневник британского посла в Париже.) Гиз, 1927 г.

БУКШПАН. Военно-хозяйственная политика. М.-Л. Ранион. Ин-т экономики. Гиз, 1929 г.

ИОФФЕ. Блокада и народное хозяйство в мировую войну. Гиз, 1929 г.

ШАРОВ. Влияние экономики на исход мировой войны 1914—18 гг. Гиз, 1928 г.

МОНЭ. Торжество национализации. Гиз, 1923 г.

СПЕКТАТОР. Мировое хозяйство во время войны. М., 1923 г.

ЛАРИН. Государственный капитализм военного времени в Германии (1914—1918 гг.). 1928 г.

ГРИНЕВИЧ. Народное хозяйство Германии. Берлин, 1924 г.

ХМЕЛЬНИЦКАЯ. Военная экономика Германии 1914—18 гг. Гиз, 1929 г.

ГЕНШЕР. Экономика мировой войны. Пбг., 1917 г.

СМИТ. Очерки переходного периода. 1920 г.

ВОДОВОЗОВ. Западная Европа и Америка после войны. Факты и цифры. 1922 г.

КЕЙНС. Экономические последствия Версальского мирного договора. Гиз. 1924 г.

ЗАЙОНЧКОВСКИЙ. Мировая война 1914—18 гг. Изд. 2-е (переизд.). Огиз, 1931 г.

НОВИЦКИЙ. Мировая война 1914—18 гг., т. I. Гвиз, 1926 г.

СВЕЧИН. Стратегия. „Военный вестник", 1927 г.

ВОЛЬПЕ. Фронтальный удар. Гвиз, 1931 г.

БЕЛИЦКИЙ. Стратегические резервы. Гвиз, 1930 г.

ШВАРТЕ. Исторические примеры из мировой войны. Гиз, 1928 г.

---

[1] Сочинения Ленина везде даны по 2-му изд.

ШАПОШНИКОВ. Мозг армии, тт. 1, 2, 3. Гиз, 1929 г.
МИХЕЛЬ. Стратегические и тактические уроки войны 1914—1918 г. Гиз, 1928 г.
МЕЛИКОВ. Марна, Висла, Смирна. Гиз 1928 г.
ИССЕРСОН. Канна мировой войны. Гвиз, 1926 г.
ИССЕРСОН. „Мартовское наступление германцев в Пикардии в 1918 г. Гвиз, 1926 г.
МОЗЕР. Краткий стратегический обзор мировой войны 1914--18 гг. Высший военный редсовет, 1923 г.
РИТТЕР. Критика мировой войны. 1923 г.
БАЛК. Развитие тактики в мировую войну. 1921 г.
ГАСКУЭН. Эволюция артиллерии во время мировой войны. Гиз, 1921 г.
ФУЛЛЕР. Танки в великой войне 1914—18 гг. 1923 г.
САДЖЕНТ. Стратегия на Западном фронте. 1923 г.
ЛЮДЕНДОРФ. Мои воспоминания о войне 1914—18 гг., т. I и II, 1923 г., 1924 г.
ГИНДЕНБУРГ. Из моей жизни.
ПЬЕРФЭ. Плутарх солгал. „Военный вестник", 1926 г.
ФАЛЬКЕНГАЙН. Верховное командование 1914—16 гг. в его важнейших решениях. „Высший военный редсовет", 1923 г.
АРНДТ. Воздушная война 1925 г.
АШМОР. Воздушная оборона страны Англии в настоящее время и в мировую войну. Гвиз, 1932 г.
ВИЛЕНЧУК. Международная задолженность после войны. Моск. рабочий, 1923 г.
ДИКЕ. Война и народное хозяйство по опыту Германии в мировую войну 1914—18 гг. Гиз, 1926 г.
British documents on the origins of the war edited by Gooch and Temperley. London, 1927.
AUSWÄRTIGE AMT. Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914. Berlin, 1927.
MINISTÈRE DES AFFAIRES ÉTRANGÈRES. Documents diplomatiques 1914. (La guerre européenne. Paris, 1914.)
DÉPARTEMENT BELGE DES AFFAIRES ÉTRANGÈRES. Sur les origines de la guerre.
DIPLOMATISCHE AKTENSTÜCKE ZUR VORGESCHICHTE DES KRIEGES 1914. 3 V. Wien, 1919.
DEPARTMENT OF STATE PAPERS RELATING TO THE FOREIGN RELATIONS OF THE U. S. Waschington, 1925—28.
BARNES. The genesis of the World War. New York, 1927.
BEER, MAX. Les influences françaises à Petrograd; études d'histoire diplomatique. Berne, 1917.
FAY. The origins of the World War. New-York, 1932 (two volumes in one).
BRAILSFORD. The origins of the Great War. London, 1914.
BÜLOW. Die Krisis. Berlin, 1922.
CONRAD, Feldmarschal. Aus meiner Dienstzeit 1906—1918. Wien, 1922.
DELBRÜCK. Der Stand der Kriegsschuldfrage. Berlin, 1925.
HELFFERICH. Die Entstehung des Weltkrieges. Berlin, 1915.
JAGOW. Ursachen und Ausbruch des Weltkrieges. Berlin, 1919.
LICHNOWSKY. Auf dem Wege zum Abgrund. B-de 1,2. Dresden, 1927.
REVENTLOW. Kriegsschuldlüge und Kriegsschuldlügner. München, 1929.
TISZA. Lettres de guerre 1914—16. Paris, 1931.
MOREL. The secret history of a great betrayal. Waschington, 1924.
POINCARÉ, RAYMOND. Les origines de la guerre. Paris, 1921.
AUSQUITH. The genesis of the war. London, 1925.
" Au Service de la patrie.
SETON WATSON. Sarajevo. London, 1928.
LLOYD GEORGE. The truth about reparations and war debts. London, 1932.
" " British war aims. New-York, 1918.
MOULTON. War debts and world prosperity. New York, 1932.
BÜLOW. Denkwürdigkeiten. Berlin, 1930.
GREY, Wicount of Fallodor. Twenty-five years (1892—1916). 1925—1926.
HOUSE. The intimate papers of Colonel House. 2 v. Boston, 1926.

JOFFRE, maréchal. 1914—15. La préparation de la guerre et la conduite des opérations. Paris, 1920.
NORTHCLIFFE. At the war, 1916.
PALÉOLOGUE. MAURICE. La Russie des tsars pendant la grande guerre, 1—3. 1921 (есть русский перевод).
FOX. The britisch army and war. London, 1917.
SIDDEL, HART. The real war 1914—18. London, 1930.
MÜLLER. Von Schlieffen bis Luddendorff. Leipzig, 1925.
FOERSTER. La strategie allemande pendant la guerre de 1914—18. Paris, 1929.
GROENER. Das Testament des Grafen Schlieffen. Operative Studien über den Weltkrieg. Berlin, 1927.
HOENIGER. Russlands Vorbereitung zum Weltkrieg. Berlin, 1919.
JOFFRE, maréchal. Mémoires (1910—1914), v. 1—2. Paris, Plon, 1932.
KLOSTER. Der deutshe Generalstab und der Präventivkriegsgedanke. Stuttgart, 1932.
KUHL. Der Deutsche Generalstab in Vorbereitung und Durchführung des Weltkrieges. Berlin, 1920.
LANREKAC. Le plan de campagne française et les premiers mois de la guerre. Paris, 1929.
PALÉOLOGUE MAURICE. Un prélude à l'invasion de la Belge. Le plan Schlieffen, 1904.
ROUSSEL. L'abrogation de la neutralité de la Belge et ses effets. Paris, 1923.
LUDENDORF. Kriegsführung und Politik.
DELBRÜCK. Krieg und Politik.
KÜLMAN. Strategie.
DID. Wirtschaftskrieg und Kriegswirtschaft. Berlin, 1920.
LLOYD. Experiments in state control. Oxford, 1924.
OLPHE GAILLARD. Histoire économique et financière de la guerre 1914 — 1918. Paris, Rivière, 1923.
WATKINS. Labor problems and labor administration in the United States during the World War. Urbana, 1920.
DUB. Oesterreichische-Ungar.-Volkswirtschaft im Weltkrieg. Stuttgart, 1917.
BAKER. Government Control and operation of industry on Great Britain and the United States during the World War. New York, 1921.
COLE. Labour in war time. London, 1915.
GRAY, HOWARD. War time control of industry. The experience of England. New York, 1919.
PIGGOTT. The neutral merchant and contraband of war and blockade. London, 1915.

II. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

ЛЕНИН, В. И. Соч., т. XV. Сила рабочих партий в европейских парламентах (1912 г.).
ЛЕНИН, В. И., т. XVI. Обнищание в капиталистическом обществе (1912 г.). Идеи передового капитала (1913 г.).
ЛЕНИН, В. И. т. XVII. Еще раз о международном социалистическом бюро и о ликвидаторах (1913 г.). О недопустимой ошибке Каутского.
ЛЕНИН, В. И., т. XVIII. Задачи революционной социал-демократии в европейской войне. Речь на реферате Г. В. Плеханова. „Об отношении социалистов к войне" (11 окт. 1914 г.). Реферат на тему: „Пролетариат и война" (14 окт. 1914 г.). Письмо к Шляпникову (17 окт. 1914 г.). Положение и задачи социалистического интернационала Один немецкий голос о войне. Мертвый шовинизм и живой социализм (как восстановлять интернационал). Что же дальше (о задачах рабочих партий по отношению к оппортунизму и социал-шовинизму). О лондонской конференции. Декларация ЦК РСДРП, оглашенная на Лондонской конференции. Конференция заграничных секций РСДРП. По поводу Лондонской конференции. К иллюстрации лозунга гражданской войны. Софизмы социал-шовинистов. Главный труд немецкого оппортунизма о войне О борьбе с социал-шовинизмом. О поражении своего правительства в империалистической войне. Два письма к Коллонтай. Воззвание о войне. Социализм и война. К оценке лозунга „Мир". Вопрос о мире. О лозунге

соединенных штатов Европы. Крах II Интернационала. Первый шаг. Революционные марксисты на международной социалистической конференции 5–8 сент. 1915 г. Истинные интернационалисты: Каутский, Аксельрод, Мартов. У последней черты. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение. Оппортунизм и крах II Интернационала. Предисловие к брошюре Бухарина: „Мировое хозяйство и империализм".

ЛЕНИН, В. И. Соч., т. XIX. Оппортунизм и крах II интернационала. Речь на интернациональном митинге в Берне 8 февр. 1916 г. Вильгельм Кольб и Георгий Плеханов. Социалистическая революция и право наций на самоопределение. О „программе мира". Предложение Центрального комитета РСДРП 2-й социалистической конференции. Империализм как высшая стадия капитализма. Итоги дискуссии о самоопределении. Речь на съезде швейцарской социал-демократической партии (4 ноября 1916 г.). Интернационал молодежи. Империализм и раскол социализма. О лозунге разоружения. Военная программа пролетарской революции Задачи левых циммервальдистов в швейцарской социал-демократической партии. Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический. Поворот в мировой политике. К рабочим, поддерживающим борьбу против войны и против социалистов, перешедших на сторону своих правительств. Открытое письмо к Шарлю Нэну, члену международной социалистической комиссии в Берне. Письмо к А. М. Коллонтай (5 марта 1917 г.).

ЛЕНИН, В. И. Соч., т. XX. Задачи пролетариата в нашей революции. (Положение дел в социалистическом интернационале. Крах Циммервальдского интернационала — необходимо основать III Интернационал.) Всероссийская апрельская конференция (гл. 4 и 11). О созыве международной якобы социалистической конференции с участием социал-шовинистов. Первый Всероссийский съезд Советов р. и с. д. 16 июня – 16 июля 1917 года. (Речь о войне 22 июня.)

ЛЕНИН, В. И. Соч., т. XXI. О выступлении Каменева в ЦИК по поводу Стокгольмской конференции. О Стокгольмской конференции. По вопросу о Циммервальде. Государство и революция, гл. VI— Опошление марксизма оппортунистами.

ЛЕНИН, В. И. Соч., т XXII. Второй Всероссийский съезд Советов р. и с. д. 7—8 ноября 1917 г. (Доклад о мире 8 ноября, заключительное слово по докладу о мире—8 ноября.)

ЛЕНИН, В. И. Соч., т. XXIII. Пролетарская революция и ренегат Каутский. Приложение 2-е. Новая книга Вандервальде о государстве.

ЛЕНИН, В. И. Соч., т. XXIX Письма: к *Коллонтай* (весна 1915 г. Берн, 9 ноября 1915 г., Берн, 25 июля 1916 г.), к *Шляпникову А.* (31 окт. 1914 г., нач. сентября 1915 г.. Зоренберг, март — апрель 1916 г., Цюрих, 23 мая 1916 г., Цюрих, май 1916 г., Цюрих, 17 июня 1916 г., Цюрих); к *В. А.* и *С. Н. Карпинским* в Женеву (3 янв. 1917 г., Цюрих); *Неизвестному* (11 или 12 янв. 1917 г.. Цюрих); *Равич.* С. Н. в Женеву (после 12 февр. 1917 г., Цюрих); *Карлу Радеку* в Берн (конец июня 1915 г.); *Артуру Шмидту* (1 дек. 1916 г.) редакции „Нашего слова" в Париж (9 февр. 1915 г., Берн); *Заграничному бюро* ЦК в Стокгольм (30, 31 августа, 2, 7 сент. 1917 г., Гельсингфорс.)

ЛЕНИН, В. И. Соч., т. XXX. Европейская война и международный социализм. Проект резолюции Циммервальдской левой. О лозунге соединенных штатов Европы. Поражение России и революционный кризис. Раскол или гниение. Предложение Центрального комитета РСДРП второй социалистической конференции, созываемой ISK (Бернской). Тезисы об отношении Швейцарской социал-демократической партии к вопросу о войне. Открытое письмо Борису Суварину. Черновой проект тезисов обращения к интернациональной социалистической комиссии и ко всем социалистическим партиям. Двенадцать кратких тезисов о защите Грейлихом отечества. Мнимое или действительное болото. Защита нейтралитета. Социал-шовинисты и интернационалисты. Война и революция. Задачи нашей партии в Интернационале (по поводу III Циммервальдской конференции).

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК II. Революция в России и задачи рабочих всех стран. Пацифизм буржуазный и пицифизм социалистический.

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК XI. План тезисов по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира. Заметки на VII съезде партии по вопросу о войне и мире.

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК XII. Тезисы о войне. Европейская война и европейский социализм.

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК XIII. Письмо заграничному бюро ЦК 30—31 авг., 2—7 сент. 1917 г.

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК XVII. Рефераты Ленина по национальному вопросу, июль 1913 г., февраль 1916 г. (Об условиях мира в связи с национальным вопросом.) Большевики и Циммервальд. Задачи революционной социал-демократии Швейцарии в эпоху империалистической войны.

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК XXI. Два письма к Радеку о Циммервальде.

ПЕРВАЯ ЦИММЕРВАЛЬДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ. (Арх. документы.) „Книга", 1924 г.

ВТОРАЯ ЦИММЕРВАЛЬДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ. „Книга", 1924 г.

А. БАЛАБАНОВА. Из личных воспоминаний циммервальдиста. „Книга", 1925 г.

И ЛЕНЦ. История II Интернационала. Изд-во „Огонек".

ГРЮНБЕРГ. Интернационал и мировая война, 1919 г.

МЮНЦЕНБЕРГ. С Либкнехтом и Лениным. „Молодая гвардия", 1930 г.

ЗИНОВЬЕВ. Война и кризис социализма, 1926 г. Война, революция и меньшевик, 1931 г.

ТРОЦКИЙ. Война и революция, ч. I и II. Гиз, 1922 г.

ВАКС. Каутскианство в годы мировой войны. „Пролетарская революция" 1928 г., 11—12.

БАЕВСКИЙ Большевики в борьбе за III Интернационал. Историк марксист, 1929 г., т. II.

ШКЛОВСКИЙ. Циммервальд. „Пролетарская революция", 1925 г., № 9.

ФРИДЛЯНД. Февральская революция, 1917 г. и европейская социал-демократия. „Пролетарская революция", 1927 г., № 2—3.

РАВИЧ, ОЛЬГА. Международная социалистическая конференция. „Пролетарская революция", 1925 г., № 10.

МАНФРЕД. Циммервальдское движение в швейцарской социал-демократии. „Пролетарская революция", 1929 г., № 7.

ЛИБКНЕХТ. Письмо Карла Либкнехта к Циммервальдской конференции. „Пролетарская революция", 1929 г., № 7.

БРОНСКИЙ. Участие Ленина в швейцарском рабочем движении. „Пролетарская революция" 1924 г. № 4.

ПАНКРАТОВА. Октябрьская революция и международный пролетариат. „Борьба классов", 1932 г., № 11—12.

АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО. В 1917 г. Гихл, 1933 г.

КЕТЕ, ПОЛЬ. Большевики и довоенный II Интернационал. „Пролетарская революция", № 2—3. 1931 г., № 4—5.

БЕРНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1915 г. „Пролетарская революция", 1925 г., № 5.

СЕРВЕ. Предательство социалистов. Гиз, 1931 г.

BALABANOFF. Die Zimmerwalder Bewegung. Leipzig, 1927.

AKSELROD. Die Krise und die Aufgabe der Internationalen S.-D. Zürich, 1915.

BERNSTEIN, EDUARD. Die Internationale der Arbeiterklasse und der europäische Krieg. Tübingen, 1915.

BORCHARDT. Vor und nach dem 4 August 1914. Berlin, 1915.

COMITÉ DE PROPAGANDE SOCIALISTE POUR LA DÉFENSE NATIONALE. Les socialistes dans la nation et pour la nation. Paris, 1917.

LENSCH Die S.-D., ihr Ende und ihr Glück, 1916.

DAVID. Die S.-D. im Weltkrieg. Berlin, 1915.

ECHSTEIN. Die deutsche S.-D. während des Weltkrieges, 1917.

III. ГЕРМАНИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

ЛЕНИН, В. И. Соч., т. XVI. Новейшие данные о партиях в Германии.

ЛЕНИН, В. И. Соч., т. XVII. Чему не следует подражать в немецком рабочем движении.

ЛЕНИН, В. И Соч., т. XVIII. Как полиция и реакционеры охраняют единство германской социал-демократии.

ЛЕНИН, В. И. Соч., т. XIX. О германском и не-германском шовинизме. О брошюре Юниуса.

ЛЕНИН, В И. Соч., т. XXIX. Письмо Я. А. Берзину 20 сент. 1918 г.

ЛЕНИН, В. И. Письмо членам группы Спартак (в Берлине) 18 окт. 1918 г.

СТАЛИН, И. В. Письмо в редакцию „Пролетарской революции"-

ХМЕЛЬНИЦКАЯ. Военная экономика Германии 1914 — 1918 гг. М — Л., 1929 г
БУКШПАН, Я. Военно-хозяйственная политика. М, 1929 г.
ДИКС, А. Война и народное хозяйство. М., 1926 г.
ЛАРИН, Ю. Государственный капитализм в военной Германии. М., 1928 г.
УФЕРМАН, П. и ХЮГЛИН, К Стиннес и его концерны (гл. I — V). М., 1925 г.
МАУЛЬТОН, Г. Г. и МАК-ГАЙР, Н. Е. Платежеспособность Германии. Гиз, 1925 г.
МЕНДЕЛЬСОН, Л. К вопросу о динамике мощности производственного аппарата германской промышленности в 1913 — 1926 гг. „Плановое хозяйство", 1927 г.
РАДЕК, К. Германская революция. Москва, 1925 г., т. I.
ПИК ВИЛЬГЕЛЬМ. Образование германской компартии (воспоминания). „Борьба классов" № 1 за 1932 г.
К истории зарождения германской коммунистической партии (материалы и документы). „Пролетарская революция" 1929 г., № 7 (90).
СЛУЦКИЙ, А. Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса. „Пролетарская революция" 1930 г., № 6 (10)
МЮНЦЕНБЕРГ, В С Либкхнехтом и Лениным. Пятнадцать лет в пролетарском юношеском движении (перев. и нем.). „Пролетарская революция", 1930 г., № 10 (105).
Дискуссия о германской социал-демократии. „Историк марксист". № 18 — 19.
ФРЕЙЛИХ П. Русская революция в Германии. „Историк марксист", 1924 г., № 5—6.
ФРЕЙЛИХ, П. Германская революция.
ГЕЛЬФЕРИХ. Развитие народного хозяйства Германии 1888 — 1913 гг. М., 1920.
Armee und Revolution. Berlin, 1919.
KUTTNER, ERICH. Der Sieg war zum Greifen nahe. Berlin, 1921.
CUNOW, HEINRICH. Parteizusammenbruch? Berlin, 1915.
DAVID, EDUARD. Die Sozialdemokratie im Weltkrieg. Berlin, 1915.
DAVID, EDUARD. Wer trägt die Schuld am Kriege? Berlin, 1917.
HAENISCH, KONRAD. Zur Lage der Partei. Hamburg, 1916.
HAENISCH, KONRAD. Die Deutsche Sozialdemokratie nach dem Weltkriege. Berlin. 1916
LEGIEN, C. Warum müssen die Gewerkschaftsfunktionäre sich mehr am inneren Parteileben beteiligen? Berlin, 1915.
WINNIG, AUGUST. Der Burgfrieden und die Arbeitschaft. Berlin, 1915.
WINNIG, AUGUST. Die deutschen Gewerkschaften im Kriege. Stuttgart. 1917.
UMBREIT, PAUL. Die deutschen Gewerkschaften im Kriege. Berlin, 1917.
KEIL, WILHELM. Das deutsche Volk im Kriege. Ulm, 1915.
LENSCH, PAUL. Die Sozialdemokratie, ihr Ende und ihr Glück. Leipzig, 1916.
KAUTSKY, KARL. Sozialdemokratische Bemerkungen zur Übergangswirtschaft. Leipzig, 1916.
OTTO VON MOSER. Kurzer strategischer Überblick über den Weltkrieg 1914 — 1918. Berlin, 1923.
BADEN, PRINZ MAX, von. Errinnerungen und Dokumente. Berlin und Leipzig, 1927.
KAISER WILHELM II. Erreignisse und Gestalten. Leipzig und Berlin, 1922.
LUDENDORFF, ERICH. Urkunden der obersten Heersleitung über ihre Tätigkeit 1916—1918. Berlin, 1920.
ERZBERGER, M. Erlebnisse im Weltkriege. Stuttgart und Berlin, 1920.
PAYER. Von Bethmann bis Ebert. Frankfurt a. M., 1923.
WRISBERG, ERNST, von. Der Weg zur Revolution 1914—1918. Leipzig, 1921.
VOLKMANN, ERICH-OTTO. Der grosse Krieg 1914—1918. Berlin, 1922.
VOLKMANN, ERICH-OTTO. Der Marxismus und das deutsche Heer im Weltkriege. Berlin, 1925.
POPP und ARTELT. Ursprung und Entwicklung der Novemberrevolution. Kiel, 1919.
NIEMANN, ALFRED. Revolution von oben—Umsturz von unten. Berlin, 1928.
FRIEDRICH, EBERT. Schriften, Aufzeichnungen, Reden. Dresden, 1926, 2 Bände.
SCHEIDEMANN, PHILIPP. Der Zusammenbruch. Berlin, 1921.
ROSENBERG, ARTHUR. Die Entstehung der deutschen Republik. Berlin, 1930.
RUNKEL, FERDINAND. Die deutsche Revolution. Leipzig, 1919.
MÜLLER, HERMANN. Die Novemberrevolution. Berlin, 1928.
MÜLLER, RICHARD. Vom Kaiserreich zur Republik. Wien, 1924.
FRÖLICH, PAUL. 10 Jahre Krieg und Bürgerkrieg. Band I, Berlin, 1924.
Illustrierte Geschichte der deutschen Revolution Y. A. V. Berlin.

Protokoll der Reichskonferenz der Sozialdemokratie Deutschlands. Berlin, 1916.
PRAGER, EUGEN. Geschichte der U. S. P. Berlin, 1921.
BORHARDT, JULIAN. Vor und nach dem 4. 8. 1914. Berlin, Lichterfelde, 1915.
DRAHN, ERNST u. LEONHARD. S. Unterwirt. Literatur im revolutionären Deutschand während des Weltkrieges. Berlin—Fichtenau, 1920.
„Spartakusbriefe", 2 Bände, Berlin, 1920—1921.
SPARTAKUS IM KRIEGE.
LIEBKNECHT, KARL. Reden und Aufsätze. Hamburg, 1921.
LUXEMBURG, ROSA. Die Krise der Sozialdemokratie. Viva (Junius).
LUXEMBURG, ROSA. Die russische Revolution. Berlin—Fichtenau, 1922.
DIE INTERNATIONALE. Heft 1, 1915 (есть русск. перевод).
PROTOKOLL ÜBER DIE VERHANDLUNGEN DES GRÜNDUNGSPARTEITAGS DER U. S. P. D. 6—8 April 1917 in Gotha, Berlin, 1921.
PROTOKOLL ÜBER DIE VERHANDLUNGEN DER SOZIALDEMOKRATISCHEN PARTEI DEUTSCHLANDS. Würzburg, 1917, Berlin, 1917.
STATISTISCHES JAHRBUCH für das deutsche Reich 1913, 1914, 1921/22.

IV. АВСТРО-ВЕНГРИЯ

ЛЕНИН, В. И. Соч., т. XXIV. Из речи на II конгрессе Коминтерна. Из речи на VIII партийном съезде 23 марта 1919 г. Из речи на заседании Моссовета 4 апреля 1919 г. Привет венгерским рабочим.
ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК VII. Замечания Ленина на книгу Варги — Проблемы экономической политики при пролетарской литературе.
ЛЕНИН, В. И. Соч., т. XVI. Сепаратисты в Росии и сепаратисты в Австрии. К истории национальной программы в Австрии и в России. Заметки публициста.
ЛЕНИН, В. И. Соч. т. XXIX. Францу Коричонеру 25 окт. 1916 г.
СТАЛИН, И. В. Письмо в редакцию „Пролетарской революции".
БСЭ, т. I. Австрия и Австро-Венгрия; т. X. Венгрия (экономический очерки исторический очерк, рабочий класс и крестьянское движение).
ВЕНГРИЯ. Справочник профессионального движения, т. II.
АВСТРИЯ. Рабочее движение и профсоюзы. Мировое профдвижение. Справочник профработника, т. I.
ВЕНГРИЯ. Еженедельник Коминтерна за 1923 г.
БЕЛА КУН. К годовщине пролетарской революции Венгрии „Ком. Интернационал", 1929 г., № 12.
МАДЬЯР. Аграрная политика пролетарской Венгрии. „Ком. Инт.", 1929 г., № 12.
БАУЕР, ОТТО. Национальный вопрос и социал-демократия. Изд. „Серп". 1929 г.
ШПРИНГЕР, РУДОЛЬФ (Реннер). Политическая эволюция национальностей в Австро-Венгрии. Сборник „Формы национального движения в современных государствах". Изд. „Общественная польза", 1910.
СТАТЬИ АЛЬФРЕДА ФИШЕЛЯ, КИРИЛЛА ГОРАЧ, Л. ВАСИЛЕВСКОГО и др. в упомянутом сборнике, раздел „Австро-Венгрия".
ПЕРНЕРСТОРФЕР, ЭНГЕЛЬБЕРТ. Национальный вопрос и социал-демократия в Австрии. Сборник „Формы национального движения".
ОТЧЕТ О КОММУНИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ И ОБ ОБЩЕМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ В АВСТРИИ. „Ком Интернационал", 1919 г., № 7 — 8.
О ПОЛОЖЕНИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ АВСТРИИ. Ком. Инт., 1920 г., № 11.
ПИСЬМО ШТЕЙНГАРДТА, РЕЙСНЕРА, ТОМАНА. Ком. Инт., 1920 г., № 13.
КОРИЧОНЕР, ФРАНЦ. Русская революция и Австрия. „Звезда", 1932 г., № 8.
ФЮРСТЕНБЕРГ. Коммунистическая партия Австрии. Изд. „Московск. рабочий".
ПРОТОКОЛЫ I конгресса Коминтерна. Доклад Грубера.
ПРОТОКОЛЫ II конгресса Коминтерна.
СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ III КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА (стр. 269, 279).
ПРОТОКОЛЫ партейтагов австрийской социал-демократии.
КОРИЧОНЕР, Ф. К истории интернационального движения в Австрии. (пер. с нем.). „Пролетарская революция", 1930 г. № 2 — 3 (97 — 98).
БАУЕР, ОТТО. Австрийская революция 1918 г.
ЗИНОВЬЕВ. Австрия и война.
Письмо Исполкома Коминтерна съезду венгерских коммунистов. „Ком. Интернационал", 1919 г., № 1.

Что говорит III Интернационал о венгерской пролетарской революции. С введением и предисловием Бела Кун.
ХЕВЕШИ, ЮЛИУС. Венгерское крестьянство и его борьба. Госиздат, 1927 г.
НЕМЕНИ, М. Современная Венгрия.
БИРО, КАРЛ. Социал-демократическая партия и контрреволюция в Венгрии М., 1925 г.
МИРОШЕВСКИЙ. К характеристике социальной природы Венгерской советской республики. „Пролетарская революция, 1930 г., № 4.
МИРОШЕВСКИЙ. Венгерская советская республика. „Пролетарская революция", 1929 г., № 11.
ВАРГА, Е. Социал-демократические партии. М., 1927 г. (раздел: „Венгрия").
ВАРГА, Е. Коммунистическая Венгрия. „Ком. Интернационал", 1919 г., № 2.
АНДИЧ, Ед. Венгерская советская республика. „Историк-марксист", № 4 — 5.
ОСИНСКИЙ. Смысл будапештских событий. „Правда", 27 марта 1919 г.
ПОГАНИ. Белый террор в Венгрии
ХЕВЕШИ, ЮЛИУС. Экономическая революция в Венгрии. „Ком. Интернационал", 1919 г., № 3.
АЛЬПАРИ, Юлиус. Ход революции в Венгрии. „Ком. Интернационал", 1919 г. № 2.
РУДАШ, Л. Пролетарская революция в Венгрии. „Ком. Интернационал", 1919 г. № 1.
Письмо БЕЛА КУН Игнатию Вогар от 11 марта 1919 г. „Ком. Интернационал", 1919 г., № 2.

Österr-Ungarns letzter Krieg 1914 — 1918. Hrsg. Österr. Bundesmin. f. Hanswesen und vom Kriegsarchiv. 6 B-de. Wien, Verlag d. Militärwissenschaft, 1929—1930.
UHLIRZ, KARL. Handbuch d. Geschichte Österreichs u. s. Nachbarländer—Böhmen, und Ungarn.
GRÄTZ, G. u. SCHULLER, R. Der wirtschaftliche Zusammenbruch Österreich-Ungarns. W Hölder—Pichler. Tehepsky, 1930. Wirtschafts-und Sozialgeschichte des Krieges. Oesterreich und Ungarn Serie.
IZENDE, ZOLTAU. Die Ungarn in Zusammenbruch 1918. Ein Beitrag zu Österreich-Ungarns letzter Geshichtsepoche. Oldenb. 1931.
Protokoll des ersten Deutsch-Österreichischen (achten Österreichischen Kongresses der Gewerkschaftskommission Deutsch-Österreich). Wien, 1919.
Bericht der Gewerkschaftskomission Deutsch-Österreich, 1913—1919. Wien, 1919.
BELSKY. Le socialisme autrichien et la guerre; les socialistes Tchecho-Slovaques et le démembrement de l'Autriche-Hongrie. P, 1917.
GREAT BRITAIN. Labour ministry. Labour and socialist parties Austria, London, v. 1.
WALLING, W. E. Socialism of today (Austria and Hungary), 1916.
BUCHARIN, N. Tibor Szamuely „Kommunistische Internationale", 1919, № 5.
LANDLER, N. W. Socialism in thought and action (Austrian and Hungarian revolutions). 1920.
GLAISE, v HORSTENAN, E. Collapse of the Austro-Hungarian Empire, 1931.
BUDNIANSZKY, A. Die Gewerkschaften und die Gegenrevolution in Ungarn. Kommunistische Internationale, 1919, № 5
SZANTO, BELA. Klassenkämpfe und Diktatur des Proletariats in Ungarn. Verlag der Kommunistischen Internationale. Petrograd, 1923.

V. ИТАЛИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

В. И. ЛЕНИН. Соч., т. XVIII. Империализм и социализм в Италии. Задачи революционной социал-демократии в империалистической войне. Социализм и война.
В. И. ЛЕНИН. Соч., т. XIX. Оппортунизм и крах II Интернационала. Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический.
В. И. ЛЕНИН. Соч., т. XX. О созыве международной якобы социалистической конференции с участием социал-шовинистов.
В. И. ЛЕНИН. Соч., т. XXX. Приветствие итальянской социалистической партии.
ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК XI. Из переписки эпохи империалистической войны.
ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК XIV. Циммервальд.
ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК XVII. Большевики и Циммервальд.
ВИЛЛАРИ. Италия. М., 1915 г.
ПЕТР РЫСС. Италия. М., 1916 г.

М. ОСОРГИН. Современная Италия. История нашего времени, под ред. М. М. Ковалевского и К. А. Тимирязева, т. I. Современная Европа. Изд. Граната.
АНДЖИОЛИНИ, А. проф. История социализма в Италии, 2 ч. Спб., 1907 г.
ЮРЬЕВ, В. и РАБИНОВИЧ, И. Италия. М., 1925 г.
КЛИМОВ, М. Буржуазное государство эпохи империализма. М., 1931 г.
Д'АРРАГОНА, БИАНКИ, ДУГОНИ, КОЛОМБИНО, СЕРРАТИ. Профессиональные союзы в Италии (сборник статей). М., Изд. ВЦСПС, 1920 г.
СЕРРАТИ. Современная Италия. „Прибой", 1926 г.
А. БАЛАБАНОВА. Из личных воспоминаний циммервальдиста. Л.-М., 1925 г.
LABRIOLA, ARTURO. La guerra di Tripoli et l'opinione socialiste. Napoli, 1912.
MICHELS, ROBERTO. L'imperialismo italiano. Milano, 1914.
BARBONI, T. Internationalismo o Nationalismo di classe? (Il proletariato d' Italia et la guerra europea), 1915.
IVANOE BONOMI. Du socialisme au fascisme. Paris, 1928.
IVANOE BONOMI. Leonida Bissolati et il movimento socialist in Italia. Milano.
Le parti socialiste italien et la guerre. Изд. „Комитета по восстановлению международных связей". Париж.
MUSSOLINI, BENITO. Reden. Eine Auswahl aus den Jahren 1914 bis Ende Aug. 1924. Leipzig, 1925.
„AVANTI" (газета итальянской социалистич. партии), 1914—1917.

VI. ФРАНЦИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

В. И. ЛЕНИН. Соч., т. XVI. Значение избрания Пуанкаре. Кабинет Бриана.
В. И. ЛЕНИН. Соч, т. XVIII. Честный голос французского социалиста.
В. И. ЛЕНИН. Соч, т. XIX. О задачах оппозиции во Франции. Письмо к товарищу Сафарову.
В. И. ЛЕНИН. Соч. т. XXIV. Предисловие к брошюре Анри Гильбо: Социализм и синдикализм во Франции во время войны.
В. И. ЛЕНИН. Соч. т. XXX. Из Франции. Открытое письмо Борису Суварину.
ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК XI. Из переписки эпохи империалистической войны.
ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК, XIV. Циммервальд.
ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК, XVII. Большевики и Циммервальд.
ПОКРОВСКИЙ, М. Франция до и во время войны.
Г. ЗАЙДЕЛЬ. Жюль Гед. Синдикализм во Франции (статьи в „Книге для чтения по истории нового и новейшего времени", т. III).
Н. ЛУКИН. Гед и геднзм (БСЭ, т. XIV).
БРОУН В. Франция последнего десятилетия. Харьков, 1925 г.
АЛЕКСАНДРОВ, А. — Французские колонии в Африке. М., 1930 г.
ВАРГА, Е. Франция, М.-Л., 1927 г.
ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, Е. Экономика и финансысов ременной Франции. М., 1926 г.
РОМАНСКИЙ, А. Экономика современной Франции. М., 1931 г.
ЗЕВАЭС, А. История третьей республики. Гиз 1930 г.
МИРОВОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ, т. III.
МАРТИ, АНДРЕ. В тюрьмах Французской республики. М., 1924 г.
ЕГО ЖЕ. Красный флаг над французским флотом. М., 1926 г.
ГИЛЬБО, АНРИ. Социализм и синдикализм во Франции во время войны. Изд-во Ком. Интернационала, 1920 г.
ФЕРРА. Образование французской компартии. „Борьба классов", № 7-8 за 1932 г.
ГИЛЬБО, А. Влияние Октябрьской революции на французский пролетариат. „Ком. Интернационал" № 6 за 1919 г.
БАНТКЕ, С. Зарницы Октября во Франции (о восстаниях во французской армии в 1917 г.) „Борьба классов", № 7 за 1933 г.
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ И ЦЕЛИ ВОЙНЫ. Ответ на вопросные пункты. Тип. И. Рироховского. Париж.
GAILLARD, G. OLPHE. Histoire économique et financière de la guerre 1914—1918. Paris, 1925.
HERRIOT, EDUARD. Lyon pendant la guerre.
COURTEAULT, PAUL. La vie économique à Bordeaux pendant la guerre.
FONTAINE, ARTHUR. L'industrie française pendant la guerre.
MONTARNAL, H. Les salaires, l' inflation et les changes. Paris, 1925.
MARCH, LUCIEN. Mouvement des prix et des salaires pendant la guerre.

GERMAIN, MARTIN. Les finances publiques de la France et la fortune privée (1914—1925). Paris, 1925.
BINZIN, M. JACKES. L'Internationale financière d'Europe. Paris, 1922.
MAURICIUS. Les Profiteurs de la guerre. (Publication mensuelle du journal „Ce qu'il faut dire". Nov.-Dec. 1917.)
BAUDRY, PIERRE. Guide de l'ouvrier militaire affecté dans une usine privée travaillant pour la défense nationale.
ROGER, PICARD. Les grèves et la guerre. (Enquêtes soumises au Comité National d'études sociales et politiques.)
ROGER, PICARD. La conciliation, l'arbitrage et la prévention des conflits ouvriers.
STATISTIQUE DES GRÈVES survenues pendant les années 1915—1916, 1917—1918. Paris. MCMXXI.
GENOLD. L'Eglise et la guerre. Paris, 1917.
DELORY, G. Aperçu historique sur la Féderation du Nord (1876—1920). Lille, 1921.
LOUIS, PAUL. Le syndicalisme français d'Amiens à Saint-Etienne (1906—1922). Paris, 1922.
FERRAT, A. Histoire du parti communiste français. Paris, 1931.
ZÉVAÉS, A. Le parti socialiste de 1904 à 1923.
PARAF, PIERRE. Le syndicalisme pendant et après la guerre. Paris, 1923.
MOREAU, S. Le syndicalisme, les mouvements politiques et l'évolution économique. Paris, 1925.
CASALIS, B. Syndicalisme ouvrier et l'évolution sociale. Paris, 1925
MONATTE, PIERRE. Lettre de démission au Comité conféderale (Décembre 1914). „Les Cahiers du Travail".
ROSMER, ALFRED. Première lettre aux abonnés de la „Vie ouvrière" (Nov. 1917, там же).
CAPY, MARCELLE et DESBOIS, A. Pourquoi nous avons quitté la „Bataille syndicaliste" (листовка).
La majorité confédérale et la guerre. Paris. 1916.
DAUDÉ, A., BANCEL. Le mouvement ouvrier français et la guerre. Paris, 1915.
DUMOULIN, GEORGES. Les syndicalistes français et la guerre. Préface de Girard. Juin 1918. Paris.
Compte rendu officiel de travaux du 2-e congrès extraordinaire et 27-e congrès national corporatif, 7-e de la Fédération nationale des travailleurs du sous-sol et similaires (mineurs, miniers et ardoisiers) tenue les 10, 11 et 12 janvier 1916. Carmaux, 1916.
Compte rendu de la Conférence extraordinaire des Fédérations Nationales, Bourses du Travail et Unions de syndicat tenue à Clermont-Ferrand les 23, 24, 25 décembre 1917.
Compte rendu sténographique de la Première Réunion du Comité Confédéral National tenu à Paris les 15 et 16 décembre 1918. Villeneuve Saint-Georges, 1919.
Le memorandum des socialistes des Pays alliés adopté a la Conférence de Londres le 21, 22 et 23 février 1918.
RAPPOPORT, CHARLES. La crise socialiste et sa solution. Octobre 1918.
SAUMONEAU LOUISE. Les Femmes socialistes contre la guerre. Appel de Clara Zetkin. Son introduction en France.
DUMAS, CH. La Paix que nous voulons. Paris, 1915.
DUMAS, CH. RAKOWSKY, P. Les socialistes et la guerre (Discussion entre socialistes français et socialistes roumains). Bucaresti, 1915.
ROUGER, HUBERT. L'Action socialiste au Parlement (1914—1919). Paris, 1919.
MAXE, JEAN. De Zimmerwald au Bolchevisme ou le triomphe du marxisme pangérmaniste. Essai sur les menées internationalistes pendant la guerre 1914—1920. Paris, 1920.
DUAREZ, GEORGES. La vie orgueilleuse de Clémenceau. Paris, 1928.
ALLARD, PAUL. Les dessous de la guerre révelés par les comités secrets. Paris, 1933.
POINCARÉ, R. L'année trouble 1917. Paris. Librairie Plan. 1933.

БРОШЮРЫ И ЛИСТОВКИ ФРАНЦУЗСКОЙ ОППОЗИЦИИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

I. Лонгетисты: Motion de la Fédération de la Haute Marne soumise au Conseil National du 6. Août 1915. Conseil National du 9 Avril 1916. Demande du contrôle conte le citoyen Hervé. Lettre de la 9-me section à ses adhérents. Mai 1916. Circulaire de la minorité du Parti socialiste (S. F. I. O.). Aux Féderations. Nov. 1916 (брошюра) Deuxième circulaire de la minorité du parti socialiste (S. F. I. O.).—Aux Fédérations. 6 Mai 1917 (брошюра).—Parti socialiste (S. F. I. O.) Commission du Questionnaire de Stockholm.

II. Комитет по восстановлению международных связей: Aux organisations socialistes et syndicales.—A l'Internationale.—Pour la Révolution russe. Pour la Paix. Pour la révolution sociale.—Notre but et moyens d'action.

RAPPOPORT, CH. Le socialisme et la guerre (брошюра).—Le parti socialiste italien et la guerre européenne (брошюра).—Les socialistes de Zimmerwald et la guerre (брошюра).—Feuilles volantes internationales, № 1. Nov. 1915. „La gauche de Zimmerwald sur la tâche actuelle de la classe ouvrière (изд. в Швейцарии. Указан адрес Ф. Платтена).

III. Комитет синдикальной защиты. Aux organisations syndicales (извещение об организации Комитета и текст декларации).—Le meeting du 1-er Mai à Paris. — Aux organisations syndicales françaises. A leurs militants. — Compte rendu financier 1 Septembre — 31 Décembre 1917.—Pour notre congrès minoritaire. Aux organisations ouvrières. Bulletin d'adhésion du Congrès de Saint-Etienne les 19 et 20 Mai. 1918— Résolutions voteés au congrès minoritaires de St-Etienne les 19 et 20 Mai 1918.

IV. Разные листовки. Chambre des Députés (séance du 24 juin 1916). Déclaration du citoyen Brison.— Au Peuple de Paris. La Paix! Sans annexions, sans conquêtes et sans indemnités. — Réponse du Quotidien Internationaliste Russe de Paris „Natchalo" au groupe socialiste parlementaire. 19 Mai 1917.—Comité d'Action Féminine socialiste pour la Paix contre le chauvinisme. Aux Femmes du Proletariat! (подп. Луиза Сомоно).— Réponse d'un groupe d'ouvriers socialistes et syndicalistes au Pontifes socialistes du Parlement. Déc. 1917.—Fédération Nationale des Travailleurs sur métaux. Syndicats adhérents à la Bourse du Travail de Firminy. A Messieurs les Députés du Parlement français (подп. Andrieux и G. Emille). Réunion de représentements des Délégués d'Ateliers du Département de la Seine. L'ordre du jour.

Пресса. *L'Union des Métaux.* Organe de la Fédération des ouvriers des Métaux et similaires de France.—*Humanité* 1914—1918.—*La Bataille syndicaliste* 1914—1915.—*Le Populaire* 19 6—1918.—*Bulletin des usines de guerre* 1916—1917.—*Demain.* Pages et documents paraissants le 15 de chaque mois. Directeur Henri Guilbeaux. 1916—1918.—*La Couture.* Organe des sections de syndicat général des travailleurs de l'Habillement de la Seine 1917—1918—*Bulletin du syndicat des Métallurgistes de Bourges.* Organe mensuelle 1917—1918.—*Rapport* du comité de défense syndicaliste. Première année № 1. Nov. 1917. *L'Information sociale et ouvrière* 1918.—*Le Journal du Peuple* 1917—1918.—*Le libertaire.* Edit. spéciale. Juin 1918.—*La vie ouvrière* 1919—1920.

VII. АНГЛИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

ЛЕНИН, В. И. Соч., т. XV. Конгресс английской социал-демократической партии, апрель 1911 г. Гайндман о К. Марксе, ноябрь 1911 г. Сила рабочих партий в европейских парламентах, июнь 1912 г.

ЛЕНИН, В. И. Соч. т. XVI. В Англии, август 1912 г. Английские споры о либеральной рабочей политике, октябрь 1912 г. Английское рабочее движение в 1912 г., январь 1913 г. Съезд английской рабочей партии, февраль 1913 г. В Англии, апрель 1913 г., (Печальные результаты оппортунизма). Съезд британской социалистической партии, май 1913 г. Разоблачение английских оппортунистов, июль 1913 г. Гарри Квелч, сентябрь 1913 г. Неделю спустя после побоища в Дублине, октябрь 1913 г. Классовая война в Дублине, сентябрь 1913 г.

ЛЕНИН, В. И. Соч., т. XVII. Либералы и земельный вопрос в Англии, октябрь 1913 г. Английские либералы и Ирландия, март 1914 г.

ЛЕНИН, В. И. Соч., т XVIII. Буржуазные филантропы и революционная социал-демократия, май 1915 г. (О пацифизме из английского „Экономиста"). Английский пацифизм и английская нелюбовь к теории, июль 1915 г.

ЛЕНИН, В. И. Соч., т. XIX. Империализм, как высшая стадия капитализма.

СТАЛИН, И. В. Письмо в редакцию „Пролетарской революции".

ПОКРОВСКИЙ, М. Сб. ст. Империалистическая война.

ПОКРОВСКИЙ, М. Сб ст Октябрьская революция.

БЕР, М. История социализма в Англии, т. I—II.

РОТШТЕЙН, Ф. Очерки рабочего движения в Англии.

ВЕББ, СИДНЕЙ. Социализм в Англии, сб. ст.

КРЭК, У. Краткая история современного рабочего движения в Англии. 1924 г.

ЭНЗОР, Р. Современный социализм.

ХЕРАСКОВ, И. Англия до и после войны. 1923 г.
СПЕКТАТОР. Мировая война и положение рабочего класса на Западе.
МАНН, ТОМ. Мои воспоминания.
3-я КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ по новой и новейшей истории, т. III. Ст. Арк. Ана, Спектатора, Попова-Ленского.
ФРИДЛЯНД, В. История Зап. Европы, т. II.
А-Н, АРК. История рабочего движения в Англии, Франции и Германии Изд. 8-е, 1930 г.
ЛЕВИ, А. Основы английского народного хозяйства.
КАПИТАЛ ПРОТИВ ТРУДА. Федерация британской промышленности.
УГОЛЬНЫЙ КРИЗИС В АНГЛИИ. Доклад Комиссии Ллойд-Джорджа. 1926 г.
ТАЙГИН, И. Чем болен английский капитализм. 1928 г.
ГРЮНБЕРГ, КАРЛ. Интернационал и война. Сб. документов 1919 г.
БЫКОВ, Г. Что такое фабианство (ст. в журнале „В помощь партучебе"). 1928 г., № 8.
ОСТРОГОРСКИЙ, М. Демократия и политические партии. Англия, ч. I, 1927 г.
КОЛЛ, Г.-ДЖ. История раб. движения в Англии, ч. I-II-III 1927 г.
ОБСТ, ЭРИХ. Англия, Европа и мир. 1923 г.
САМУЭЛЬ, Г. Либерализм.
АНДРЕ, ЗИГФРИД. Англия наших дней.
МСТИСЛАВСКИЙ, С. Д. Рабочая Англия.
ДЖЕФСОН. Платеризмы. т. I-II.
ГРАНАТ. Классы и массы в их отношении к внешней торговле. М. 1927 г.
ЛЕБУШЕР. Гильдейский социализм.
ЧЕРЧИЛЛЬ, В. Мировой кризис.
КЕРЖЕНЦЕВ, В. Новая Англия.
КЕРЖЕНЦЕВ, В. Ирландия в борьбе за независимость.
РУБИНШНЕЙН, М. Социально-экономические корни реформизма.
РУБИНШТЕЙН, М. Концентрация капитала и задачи рабочего движения.
ГУКОВСКИЙ, А. И. Антанта и Октябрьская революция.
Сб. ст. ВАРГА и др. Социал-фашизм — организатор интервенции, 1932 г.
БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, тт. 3, 4, 9, 14, 15, 17, 19. Статьи Ф. Ротштейна, С. Мстиславского, Завича и др. „Великобритания", „Асквит", „Болдуин", „Бальфур", „Бонар Лоу", „Гладстон", „Грей", „Гайндман", „Гендерсон".
ВИНОГРАДОВ, Б. Десять лет капиталистического окружения СССР., кн. 5. Мировой пролетариат и СССР. 1923 г.
АЛЛИСОН, ДЖ. Профессиональное движение в Англии.
ПОЛЛИТ, ГАРРИ. Очерки английского профессионального движения, 1925 г.
ЛАРКИН, ДЖ. и МЭРРЕЙ, С. Жизнь и борьба рабочего класса и крестьянства Ирландии.
ВЕББ, СИДНЕЙ и Б. История трэд-юнионизма
Журнал „Коминтерн" за 1919—1923 гг. Статьи Даррага, Маклайна, Маклина Бородина и др.
РОТШТЕЙН, Ф. Англия и Октябрьская революция. Историк-марксист, 1927 г., № 5.
LORD, H. CECIL. Conservatism. L., 1912.
SAMUEL, H. Liberalism. L., 1906.
COLE, G. D. Labor in war time. L., 1915. Labour and Capital in Parliament. L. 1923.
MACROSTY, H. W. The Trust Movement in British Industry. L., 1927.
SEHNSON. The Platform. Genesis and its Progress, vol. I—II.
FITZGERALD, P. Industrial Combination in England.
PAGE, W. Commerce and Industry. London, 1919.
TREVELYAN, G. History of England. L., 1926.
MACDONALD, R. Labor and the Empire. L., 1907.
MACDONALD, R. The Foreign Policy of the Labour Party.
DAVIS, JEROME. Contemporary social movement, № 4.
AYLOTT ORTON, WILLIAM. Labor in transition. London.
TINGFU I. IZIANG. Labor and Empire, № 4, 1923.
SIXTY YEARS OF THE TRADEUNIONISM. 1928.
THE BOOKS OF THE LABOR PARTY. L., vol. I, II, III.
ARNOT, R. The Politics of Oil. L., 1923. — Labor Research Department Shipping. L., 1923.

LABOUR AND CAPITAL ON THF RAILWAY. L., 1923.
The Daily News 1914—1919.
The Daily Mail 1914—1919.
The Daily Herald 1914—1919.

VIII. САСШ

ЛЕНИН. Соч., т. XVII. Новые данные о развитии капитализма в земледелии. Капитализм и земледелие в Соединенных штатах.
ЛЕНИН. Соч., т. XVI. Итоги и значение президентских выборов в Америке.
ЛЕНИН. Соч., т. XVI. Капитализм и налоги.
ЛЕНИН. Соч., т. XVII. 4000 рублей и 6-часовой рабочий день.
ЛЕНИН. Соч., т. XVIII. Письмо к американским рабочим.
ЛЕНИН. Соч., т. VIII. Маркс об американском „Черном переделе".
ЛЕНИН. Соч., т. XVI. Как увеличить размеры душевого потребления в России.
ЛЕНИН. Соч., т. XVI. Капиталистический строй современного земледелия („Большевик" № 9, май 1932 г.).
ЛЕНИН Соч., т. XI. Предисловие к Письмам Беккера, Дицгена, Энгельса, Маркса и др. к Зорге и др.
ЛЕНИН. Соч., т. XVI. Успехи американских рабочих.
ЛЕНИН. Соч., т. XVII. Система Тэйлора — порабощение человека машиной.
ЛЕНИН. Соч., т. XVIII. Письмо Лиге социалистической пропаганды в Америке.
ЛЕНИН. Соч., т. XIX. Речь на интернациональном митинге в Берне 8 февраля 1916 г.
ЛЕНИН. Соч., т. XIX. О задачах оппозиции во Франции. Предложения Центрального комитета РСДРП 2-й социалистической конференции. Письмо А. М. Коллонтай.
ЛЕНИН. Соч., т. XXIII. Письма американским рабочим (§§ 67 и 68).
ЛЕНИН. Соч., т. XXIII. Письма к Коллонтай, Бухарину. Ленинский сборник II.
ЛЕНИН. Соч., т. XXIII. Письмо Бухарину от 14 октября 1916 г. „Большевик", 1932, № 22.
СТАЛИН. Беседа с первой американской рабочей делегацией.
ПОКРОВСКИЙ, М. Н. Америка и война 1914 г. „Историк-марксист", № 13—15.
РАЙСКИЙ, Л. Новейшая история САСШ (в приложении приводится библиография по довоенной истории САСШ).
РАЙСКИЙ, Л. САСШ в период мировой войны. „Проблемы марксизма", № 4, 1933 г.
ДЕ-ЛЕОН, ДАНИЭЛЬ. Избранные произведения. Под редакцией, с вводной статьей и примечаниями Л. Г. Райского.
АМТЕР, И. Революционное движение в САСШ. М., 1924.
РИД, ДЖОН. Революционное движение в Америке. „Ком. Интернационал", 1919 г., №№ 7—8, 9 и 10.
ФИШЕР, Л. Вильсон. БСЭ, т. XI.
Ежегодник Коминтерна. 1923 г.
ДЭНН ВИЛЬЯМ. Как повлияла война на Америку. „Ком. Интернационал", № 5—6, 1924 г.
ПОПОВ. Вступление Америки в войну. „Историк-марксист". 1928 г., № 7.
ПЕТТИГРУ, Р. Ф. Торжествующая плутократия.
УВТРА, РУДОЛЬФ. Забастовочное движение американских рабочих в 1887—1921 г. „Красный Интернационал профсоюзов", 1924, № 6
ВУДРО ВИЛЬСОН, МИРОВАЯ ВОЙНА И ВЕРСАЛЬСКИЙ МИР. По документам и записям председателя американского комитета печати на Версальской конференции Стэннарта Беккера. Гиз, 1923 г.
ТАРЛЕ, Е. В. Европа в эпоху империализма, гл. XV и XVI.
ПЕРЕЛЬМАН. История трэд-юнионистского движения в Соединенных штатах. Гиз, 1927 г.
ГАЛКОВИЧ, М. Г. Соединенные штаты и дальневосточная политика. Гиз, 1928 г.
СИМОНОВ, П. Ф. Борьба труда и капитала в САСШ.
INTERNATIONALIST. Weekly of the left wing Socialists, 1918.

THE CLASS STRUGGLE. Devoted to International ‘ocialism. Published by the Socialist Publication Society. New York, 1918.
STATISTICAL ABSTRACT OF THE UNITED STATES. Washington. Government printing office.
DEBS, EUGENE V. Speeches of. New York International Publishers, 1928.
RUTHENBERG, CHARLES E. Speeches and writings of. New York International Publishers. 1928.
THE AMERICAN LABOR YEAR BOOK. Rand School of Social Science. New York. Vol. I (1916). Vol. II (1917—18).
WILSON, WOODROW. In our first year of war. Messages and addresses to the Congress and the people. New York and London.
GOMPERS, SAMUEL. American Labor and the War New York, George H. Doran C⁰, 1919.
ЕГО ЖЕ. Seventy Years of life and labor. An Autobiography.
ЕГО ЖЕ Labor and the Employer. New York. E. P. Dutton and C⁰, 1920.
BILL HAYDWOOD'S BOOK. New York International Publishers, 1929.
SPARGO, JOHN. Americanism and social democracy. New York and London, 1918.
THE AMERICAN SOCIALISTS AND THE WAR. A documentary history of the attitude of the socialist party toward war and militarism. With an introduction by Morris Hillquit. New York, 1917.
SOCIALIST PARTY BULLETIN. 1917, July.
AMERICAN FEDERATION OF LABOR. History Encyclopedia. Reference Book Vol I. Washington, 1919. Vol II. Washington, 1924.
MUST WE ARM? Hillquit Gardner debate. New York, 1916.
THE CASE OF CHICAGO SOCIALISTS. 1918.
„100 YEARS — FOR WHAT?“ (речи Бергера, Энгдола и др. на суде).
ONEAL, JAMES. American Communism. A critical analysis of its origins, developments and programs. New York, 1927.
BIMBA, ANTONY. The History of the American working class. New York, 1927. (Есть русский перевод, *Бимба.* История американского рабочего класса).
BENSON ALLAN, L. Inviting war to America. Girard. Kansas. Appeal to Reason. 1916.
KELLEN JOHN, J. Forming a war psychosis (The Class struggle, vol. II, № 2, March—April 191⁸, New York).
BEARD, MARY, K. A short history of American labour movement. New-York, 1927.
B TTELMAN, ALEX. The party anniversary in the light of our present tasks (The Communist. vol. X, № 11, New York).
DUNN, ROBERT W. Will imperialist war bring back prosperity? The Communist, July, 1932.
FINE, NATHAN. Labor and farmer parties in the United States 1918—1928. Rand School of Social Science. New York.
HUNTER, ROBERT. Labor in politics. Published by the socialist party. Chicago, 1915.
THE INTIMATE PAPERS OF COLONEL HOUSE. Arranged as a narrative by Ch. Seymour. Vol. I IV. London, 1926—1928.
HENDRICK, BURTON J. The life and letters of Walter H. Page. Vol. I—III. London.
WAR LOANS AND WAR FINANCE. Prepared and issued by the Mechanics and Metals National Bank of the city of New York.
SURVEY OF AMERICAN FOREIGN RELATION. Publications of the Council of foreign relations. New-Haven Jale University press, 1930.
NEARING, SCOTT and FREEMAN, JOSEPH. Dollar diplomacy. New York, 1926. (Есть русский перевод. *Ниринг и Фримен:* Дипломатия доллара).
ONEAL, JAMES. The socialists in the war (American Mercury, X, April, 1927).
EASTMAN, MAX. Summation for the defence. 1918.
ROOSVELT, TH. America and the war. 1915.
SELDES, G. V. The United States in the war. 1917.
ROGERS, L. America's case against Germany. 1917.
BASSET, J. S. Our war with Germany. 1919.
EVART, JOHN S. The roots and causes of the war (1914—1918). New York, 1925.
BITTELMAN, ALEX. From left socialism to communism. (The Communist, September 1933).
FROTHINGHAN, TH G. The American reinforcement in the World war. New York, 1927.

IX. ВЕРСАЛЬ

ЛЕНИН. Соч., т. XXII, Статьи и речи 1918 г.

Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира. Речи о войне и мире на заседании ЦК РСДРП (б) 29 (11) янв. 1918 г. Первоначальный проект радиограммы правительству Германской империи о революционной фразе. Мир или война. О чистке. Выступления на заседании ЦК РСДРП (б) 23 февраля 1918 г. Тяжелый, но необходимый урок. Позиция ЦК РСДРП (б) в вопросе о сепаратном и аннексионистском мире. Странное и чудовищное. Серьезный урок и серьезная ответственность. Седьмой съезд РКП (б) 6—8 марта 1918 г. Главная задача наших дней. IV чрезвычайный всероссийский съезд Советов 14—16 марта 1916 г.

ЛЕНИН. Соч., т. XXIII. Статьи и речи 1918 г. Доклад о внешней политике. Письмо к американским рабочим. Доклад Совета народных комиссаров 5 июля 1918 г. Заявление на заседании ВЦИК 15 июля 1918 г. Речь на митинге в Политехническом музее 23 августа 1918 г. Речь о международном положении 8 ноября 1918 г. (VI всероссийский чрезвычайный съезд Советов).

ЛЕНИН. Соч., т. XXIII. 1919 г. Проект договора с Буллитом.

ЛЕНИН. Соч., т. XXIV. 1919 г. О современном положении и ближайших задачах советской власти. Доклад на II всероссийском съезде коммунистических организаций.

ЛЕНИН. Соч., т. XXV. 1920 г. 2-й конгресс Коммунистического Интернационала. Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала 19 июля. Речь на съезде рабочих и служащих кожевенного производства 2 октября 1920 г. Речь на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московск. губ. 15 сентября 1920 г. Речь на собрании секретарей ячеек Московской организации РКП (б) 26 ноября 1920 г.

ЛЕНИН. Об интервенции. Сб. изд. „Моск. рабочий", 1931 г.

ПОКРОВСКИЙ, М. Н. Империалистическая война (сб. ст.).

ИТОГИ ИМПЕРИАЛИСТСКОЙ ВОЙНЫ. Серия мирных договоров под ред. Ключникова и Сабанина.

1. Версаль, Литиздат НКИД — 1925 г.
2. Сен-Жермен „ „ — 1925 г.
3. Нейи „ „ — 1926 г.
4. Трианон „ „ — 1926 г.
5. Севр и Лозанна Литизд. „ — 1927 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА в договорах, нотах и декларациях, сост. Ключников и Сабанин; ч. II, 1926 г.

НОВАК. Версаль. Гиз, 1930 г.

БЕКЕР, С. Вудро Вильсон, мировая война и Версальский мир. Гиз, 1923 г.

ШЕТЦЕЛЬ. Политические итоги мирных договоров. Гиз, 1926 г.

НИТТИ, Ф. Вырождение Европы, 1923 г., изд. Френкель.

НИТТИ, Ф. Европа без мира, 1923 г., изд. „Петроград".

НИТТИ, Ф. Трагедия Европы, ч. I и II, изд. „Межрабпом".

КЕЙНС, Д. Экономические последствия Версальского мирного договора. Гиз, 1924 г.

КЕЙНС, Д. Пересмотр мирного договора. Гиз, 1924 г.

ПАВЛОВИЧ. Итоги мировой войны. „Моск. рабочий", 1924 г.

ЭРЦБЕРГЕР. Германия и Антанта. Гиз, 1923 г.

DEWALL. Der Kampf um den Frieden. 1929, Frankfurt a/M.

ЕРУСАЛИМСКИЙ. Германия, Антанта и СССР, 1928 г.

LANSING, ROBERT. Die Versailer Friedenverhandlungen. Brl., 1921.

ROCKDORF-RAUTZAU, Graf. Dokumente. 1920.

HAHLFELD. Deutsche Reichsgeschichte in Dokumenten — 2. Halbsband. 1927.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ, под ред. Виноградского. Изд. Совета съездов промышленности, торговли и транспорта. М., 1924 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие к первому тому 3

Введение 5

Бочаров К. и Фендель И. **МИРОВАЯ ВОЙНА 1914—1918 гг.**

МИРОВАЯ ВОЙНА И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ . . . . . 20—74

I. Возникновение империалистической войны

Общие причины и характер войны 1914—1918 гг. (17). Франко-германские противоречия (20). Русско-германские противоречия (20). Образование Антанты (20). Образование тройственного союза (20). Войны эпохи империализма (21). Начало войны (21) „Виновники войны" (23). „Бельгийский нейтралитет" и его нарушение (25). Мнимые и действительные цели войны (28).

II. Ход военных действий

Западный театр военных действий (32). Сражение на реке Марне (34). Восточный театр военных действий (36). Боевые действия 1915 г. (38). Боевые действия 1916 г. (41). Боевые действия 1917 г. (44). Русская революция и ее влияние на ход войны (45). Боевые действия на Западном фронте в 1917 г. (46). Ход боевых действий в 1918 г. (47). Техника и организация вооруженных сил в войне 1914—1918 г. (49).

III. Капиталистическое государство во время войны

Война и народное хозяйство (55). Госкапитализм в период мировой войны (57). Военные прибыли и „патриотизм" капиталистов (62). „Прибыль не знает отечества" (65). „Питание" войны и народные массы (67). Война и положение рабочего класса (69). Правительственный террор во время войны (71). Буржуазная политобработка во время войны (71).

Фендель И. **МЕЖДУНАРОДНОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ** . . . . . 75—129

Война и международное социалистическое движение (75). Крах II Интернационала (78). Причины краха II Интернационала (81). Аргументация социал-шовинистов (82). Центристское течение. Его аргументация (83). Защита отечества (85). Шарлатанские ссылки на Маркса и Энгельса (85). Теория „ультра-империализма" (86). Пацифизм (86). Ленин о Каутском периода войны (89). Программа и тактика революционной социал-демократии во время войны. Позиция большевиков (90). Конференция в Лугано (94). Копенгагенская конференция социалистов (95). Лондонская конференция социалистов Антанты. Позиция Троцкого (95). Венская конференция социалистов Германии и Австрии (98). Бернская конференция заграничных секций большевиков (98). Борьба за ленинскую теорию пролетарской революции. Ленинское учение о возможности победы социализма в одной стране (100). Международная женская социалистическая конференция в Берне (101). Международная юношеская конференция в Берне (102). Подготовка Циммервальдской конференции (103). Циммервальдская конференция

(106). Циммервальдская левая (109). Кинтальская конференция. Усиление Циммервальдской левой (111). „Шатания мысли" в некоторых заграничных кружках большевиков и борьба Ленина с ними (114). Борьба Ленина с „люксембургианством" (119). Циммервальдское движение в Швейцарии и в других странах (120). Циммервальд в тупике (123) Русская революция и вопрос о Циммервальде (124). Колебания Зиновьева. Вопрос о Стокгольмской конференции. Оппортунистическая позиция Каменева (126). III Циммервальдская конференция. Ликвидация циммервальдского объединения (128).

Шелавин К. **ГЕРМАНИЯ В ГОДЫ ВОЙНЫ** . . . . . 130—165

I. Империалистическая война и классы Германии

Госкапитализм в Германии на службе у юнкерско-буржуазного государства (130). Госкапитализм и трудящиеся массы (132). Германская социал-демократия накануне войны (135).

II. Борьба внутри германской социал-демократии в начале войны

Социал-шовинизм, партийное правление и каутскианство (138). Революционная оппозиция и начало размежевания с каутскианством (139). Германская с.-д. на Циммервальдской конференции (141). Декабрьское меньшинство (142). От группы Интернационала к союзу „Спартак" (143). Образование социал-демократической трудовой группы и конференция „Спартака" (144).

III. Германия на пути к революции и раскол социал-демократии:

Углубление противоречий в социал-демократии. „Спартак" и стачка 1916 г. (145). Сентябрьская конференция (1916 г.) социал-демократии и борьба с оппозицией (145). „Почти безвыходное" положение германского империализма в конце 1916 г. и социал-демократия (146). Раскол германской социал-демократии (147). Под влиянием февральско-мартовской революции в России (148). Образование независимой социал-демократии (148).

IV. От апрельской стачки 1917 г. к январской стачке 1918 г.

Апрельская стачка 1917 г. (150). Стокгольмская конференция, германские социал-демократы и НСП (151). Большинство рейхстага, победа ставки, „Спартак" и НСП (151). Первые крупные волнения в германском флоте (153). Канцлерско-министерская чехарда (154). Вюрцбургский социал-демократический партейтаг (155).

V. От Бреста к революции:

Октябрьская революция, Брест и январская стачка 1918 г. (157). Военный разгром Германии (158). Ставка и партия перед „революцией сверху" (160). Как и почему пришла „революция сверху" (161). Правительство „народной обороны" за работой. Социал-демократия и народ (162). Капитуляция правительства, „парламентаризация". Начало революции (163).

Райский Л. и Шелавин К. **АВСТРО-ВЕНГРИЯ** . . . . . 166—212

I. Австрия перед империалистической войной 1914—1918 гг.

Экономическое положение (166). Особое значение национального вопроса в Австрии (167).

II. Венгрия накануне войны

Венгрия как часть двуединой монархии (170). Государственный строй (170). Характер экономики (171). Распределение земельной собственности (172). Остатки феодализма в сельском хозяйстве (173). Крестьянский вопрос (173). Эмиграция (174). Развитие промышленности (174). Положение рабочего класса (175).

III. Развитие австрийской социал-демократии в сторону великодержавной социал-шовинистической партии

Рост австрийской социал-демократии. Единый фронт буржуазных партий против рабочего класса (176). Разжигание национальной розни буржуазией и австрийская социал-демократия (177). Австрийская социал-демократия на страже единства Австро-Венгрии (178). Националистическая политика австрийской социал-демократии и ослабление рабочего движения. Тов. Сталин об австрийской социал-демократии (179). Корни оппортунизма в австрийской социал-демократии. Австро-марксизм до войны (180). Руководство социал-демократии поддерживает империалистические заговоры Австро-Венгрии (182).

IV. Венгерская социал-демократия и рабочее движение

Организационные особенности венгерского рабочего движения (183). Венгерская социал-демократическая партия (ВСДП) (184). Борьба течений в ВСДП (185).

V. Война и нача о распада Австро-Венгрии

Ход военных действий. Неудачи Австро-Венгрии (186). Австро-Венгрия и Германия (186). Противоречия между австрийской и венгерской буржуазией. „Госкапитализм". Тяжелое положение рабочего класса (187). Измена вождей социал-демократии (188). Центристская оппозиция Ф. Адлера (189). Покушение Фр. Адлера на Штюрка (190). Влияние Февральской революции в России (191). Слабость левых социал-демократов в Австрии (192). Усиливающиеся затруднения правительства. „Левые" жесты центристов (192).

VI. Венгрия во время войны. Революция в Венгрии и образование компартии

Позиция социал-демократии (196). Влияние русской революции (197). Крестьянское движение (197). Буржуазно-демократическая революция Каролыи (198). Возникновение венгерской коммунистической партии (199).

VII. Распад Австро-Венгрии и провозглашение Австрийской республики

Влияние Октябрьской революции на события в Австрии. Всеобщая стачка января 1918 г. (200). „Левые радикалы" и всеобщая стачка. „Центристы спасают монархию Габсбургов" (201). Оппортунистические ошибки „левых радикалов" (202). „Левые" маневры Бауэра и К° (203). Распад Дунайской монархии (204). Угроза революции (205). Образование компартии в Австрии. Течения и группы (205). Распад Австро-Венгрии (207). Революция в Австрии. Провозглашение республики. Предательские маневры австро-марксистов (209).

Зайдель, Г. **ИТАЛИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ** . . . . . 213—232

I. Италия накануне войны

Экономическое положение Италии (213). Политический строй Италии (216). Партии в Италии (217). Социалистическое движение накануне войны (218). Рабочее и профессиональное движение накануне войны (219). Организация сельскохозяйственных рабочих. Кооперативное движение (220). Итальянский империализм (221.

II. Италия во время войны

Вступление Италии в войну (222). Итальянская социалистическая партия в начале войны (224). Позиция итальянских реформистов. Измена Муссолини. Раскол итальянского синдикалистского

Стр.

союза (227). Итальянская социалистическая партия и циммервальдское движение (228). Дифференциация внутри итальянской социалистической партии (230). Внутреннее и внешнее положение Италии во время войны. Неопределенность позиции итальянских левых социалистов (231).

Зайдель, Г. **ФРАНЦИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ** . . . . . 233—270

I. Франция накануне объявления войны

„Миротворческие" маневры французского правительства (233). Измена социал-оппортунистов и синдикалистов. „Священное единение" (234). Как произошла измена социал-оппортунистов и синдикалистов (236).

II. Первый период войны (1914—1916 гг.)

Экономическое положение Франции в первые годы войны. Промышленность (238). Сельское хозяйство (239). Буржуазия и война (240). Рабочее движение в первые годы войны (241) Социалистическая партия проводит в жизнь „священное единение" (241). Синдикалистские вожди в союзе с империалистами (242).

III. Второй период войны (1916—1918 гг.)

Неудача наступления генерала Нивеля. Революционные волнения на фронте (243). Приход Клемансо к власти (246). Французская буржуазия наживается на войне (248).

IV. Рабочее движение во время войны

Возрождение рабочего движения. Массовые стачки весной 1917 г. (249). Социал-империалист Тома помогает буржуазии сокрушить рабочее движение (251). Массовое рабочее движение в 1918 г. Лозунги движения 1917—1918 гг. (251).

V. Социалистическое движение во время войны

Рост оппозиции против социал-империализма в рабочем классе (252). Мергейм и Бурдерон на Циммервальдской конференции (253). Комитет по восстановлению международных связей" (254). „Лонгетисты" (миноритарии") на конгрессе социалистической партии в декабре 1916 г. (255). Позиция „комитета по восстановлению международных связей". Ленин о французской оппозиции (256). Позиция французских „левых циммервальдистов" и их критика Лениным (257). Дальнейшая дифференциация внутри синдикалистского движения (258). „Комитет синдикальной защиты". Его позиция (259). Февральская революция. Отклики во Франции. Впечатления Марселя Кашена (260). Октябрьская революция и ее влияние во Франции (262) Синдикальная конференция в Клермон Ферране (263). Конгресс синдикального меньшинства в Сент-Этьене (265). Резолюция Сент-Этьенского конгресса (266). Победа „лонгетистов". Уточнение позиции „Комитета по восстановлению международных связей" (267). Почему был спасен французский капитализм во время войны. Предпосылки для создания французской компартии к концу войны (269).

Быков, Г. **АНГЛИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ** . . . . . 571—308

I. Англия накануне войны

Конец торгово-промышленной монополии Англии (271). Угольный кризис (272). Кризис металлургии (273). Нефть (273). Предвоенный кризис текстильной промышленности (274). Буржуазные партии. Эволюция консервативной и либеральной партии (275). Социальный смысл господства либералов накануне войны (277).

Стр.

II. Рабочее движение в Англии накануне войны 1911—1914 гг.

Характерные черты рабочего движения (278). Стачки 1911—913 гг. (280). Социал-демократия (281) Независимая рабочая партия (282). Рабочая партия (284). Фабианцы (285). Индустриализм-синдикализм (287). Гильдейский социализм (287). Общие выводы (288).

III. Война. „Гражданский мир"

Вступление в войну. „Гражданский мир" (289). Коалиционное правительство Асквита. „Переворот Ллойд-Джорджа" (290). Федерация британской промышленности (291).

IV. Рабочее и революционное движение в Англии во время войны

Рабочее движение во время войны (293). Комитеты фабрично-заводских старост (295). Стачка на Клайде (29). Уитлизм (297). Ирландское восстание. Ленин о восстании (298).

V. Англия и революция в России

Февральская революция и английский капитализм (301). Вожди „Рабочей партии" едут в Россию уговаривать рабочих воевать до „победного конца" (303). Английский империализм берет курс на интервенцию (304). Рабочее движение в эпоху Февральской и Октябрьской революции (304). Рабочая партия (305). Движение за советы (307). Выводы (307).

Райский, Л СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКИЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ . . . . . 309—341

I. Итоги развития ко времени мировой войны

Удельный вес САСШ в капиталистическом мире (309). Условия развития американского капитализма (309). Лицо американского капитализма (311). Американский империализм (312). Классовое строение американского общества (313). Государство (314). Политические партии (315). Условия рабочего движения (316). Массовые организации (318). Социалистическое движение (320). Социалистическая партия (320). Социалистическая рабочая партия (320). Выводы (321)

II. Период мировой войны:

Период нейтралитета (322). Корни американо-германского антагонизма (322). Предпосылки англо-американского сотрудничества (324). Нарастание военного конфликта (324). Причины первоначального невмешательства САСШ в войну (325). Экспансия САСШ в Америке в годы войны (326). Восточная политика САСШ в годы войны (328). Объявление войны Германии (329). Вильсон, как представитель американского империализма (330). Практика мелких уступок и бешеного террора (331). Роль профсоюзных бюрократов — Гомперс (332). Революционное рабочее движение (334). Социалистическое движение во время войны (335). Социалистическая рабочая партия (336). Социалистическая партия (336). Предательство реформистских вождей (337). Левое крыло социалистической партии (338). Лига социалистической пропаганды (340).

Горловский, С. ВЕРСАЛЬСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР . . . . . 342—377

I. Версальская конференция

Заключение перемирия (342). Парижская „мирная" конференция. Версаль (343).

II. Версальский мирный договор Стр

Лига наций (350). Территориальные потери Германии (355). Политические условия Версальского договора (356). Репарации (357). Сен-Жерменский договор (358). Трианонский мирный договор (360). Мирный договор в Нейи (360). Севрский мирный договор (361). Образование новых государств (362). Восстановление Польши (363). Образование Чехо-Словацкой республики (365). Югославия (366).

III. Итоги и последствия войны и мирных договоров

Франция (367). Англия (369). Италия (370). Румыния (371). Япония (371). САСШ (373). Основные итоги войны и Версальской системы (375)

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ 378

ЛИТЕРАТУРА 398

Отв. ред. *Я. Богомольный* и *А. Рубинштейн.* Техн. ред. *С. Эйтингон.*
Сдано в набор 9/IX 1933 г. Подписано к печати 22/XII 1933 г.
Бумага печ. 62×88. 1/16 Типогр. зн. в 1 печ. л. 52000.
Ленгорлит № 32241. Тираж 25 000 + 390.
Партиздат № 1548/л. Заказ № 6891

П65
У

СССР
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. [illegible]
Ц. Н.

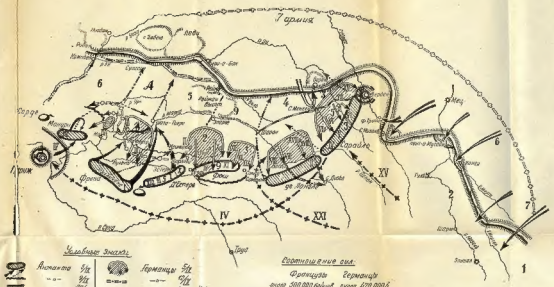
№00189

СХЕМА № 1

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ ГЕРМАНЦЕВ ПО ПЛАНУ ШЛИФЕНА

СХЕМА № 2

КАМПАНИЯ 1914 г.
МАРНСКОЕ СРАЖЕНИЕ (5—12 СЕНТ.)
И ОТХОД ГЕРМАНЦЕВ ПО р. АН (13—17 СЕНТ.)

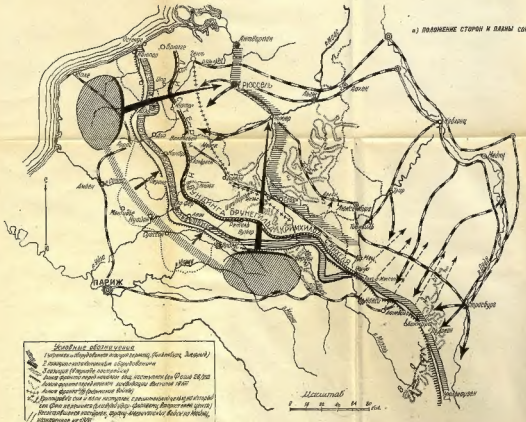


Условные знаки:
Англичане — Германцы
Установл. район — Перебросили корпусов армий
Неприят. наступл. — Фактическое продвижение французов

Сосредоточение сил:
Французов около 700 000 бойцов
Германцев около 470 000 б.

КАМПАНИЯ 1918 г.
ВЕРДЕНСКИЙ ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
ОБЩЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ СОЮЗНИКОВ

а) ПОЛОЖЕНИЕ СТОРОН И ПЛАНЫ СОЮЗНИКОВ ПЕРЕД НАЧАЛОМ НАСТУПЛЕНИЯ



Условные обозначения:
1 участок Марнского наступления (Галлиени, Манжен)
2 танковое наступление союзников
3 позиции (Линия) германцев
Линия фронта перед наступл. под. составлен 26 Июля 18 г.
Линия фронта 1 сентября 1918 г.
Линия фронта 11 ноября 1918 г.
2, 3 Противодействие сил и план наступл. германцев (2 — на второй зон. фронт, 3 — на первый зон. фронт). Фактический состав германских корпусов, группу американских войск на Марне, назначения их ОКВ

СХЕМА № 3

б) ХОД ОПЕРАЦИИ ПО ПЛАНУ ГЕН. ФОША С 26 СЕНТ. ПО 11 НОЯБРЯ

Условные обозначения:
Линия фронта перед началом общего наступления союзников
Позиции, занятые американскими войсками
Пункты расположения штабов:
1 — Главнокомандующего американскими войсками Першинга
2 — Командующего 1 американской армией Либерта
3 — Командующего 2 американской армией Бюллара
Направление ударов американских войск
Направление ударов английских войск
Направление ударов французских войск